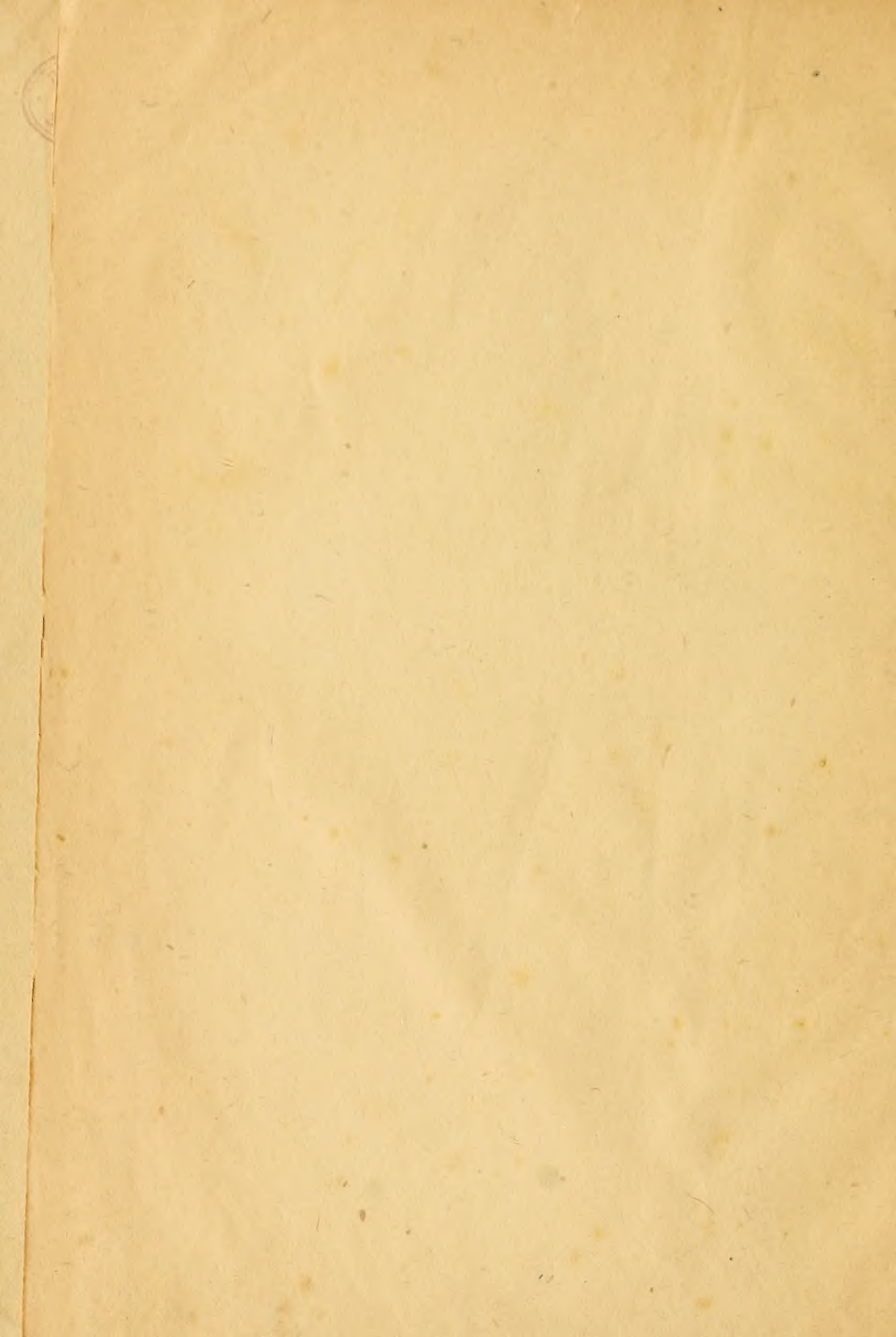

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Н. М.

[illegible]

Д. И. БАГАЛѢЙ,
заслуженный профессоръ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

СЪ КАРТАМИ, ПЛАНАМИ И СНИМКАМИ СЪ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНОСТИ И ИСКУССТВА.

Пособіе къ лекціямъ для высшей школы и руководство для учителей и самообразованія.

ТОМЪ I-й.

КНЯЖЕСКАЯ РУСЬ (до Іоанна III).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ русскую исторію.

Исторія Руси въ кіевскій періодъ (съ IX до пол. XI в.).

Исторія Руси въ областной періодъ (съ пол. XI до пол. XIII в.).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*напечатано*	*должно быть.*
1	19 сн.	Н. Н.	Н. И.
8	19 св.	не во всемъ справедливо	далеко не во всемъ справедливо, пристрастно
30	13 св.	археологи	археологи (гр. А. С. Уваровъ)
31	11 „	переходной	неолитической
41	30 „	инстументы	инструменты
43	19 „	по хахарактеру	по характеру
45	27 „	II. IV (латинскіе писатели), 2 вып. 1904 и 1906 гг.	II, IV.
46	11 „	пекста	текста
46	18 „	искусства	искусства, т. 1-й
47	3 сн.	А. А. Латышева	В. В. Латышева
70	17 св.	нѣскольхо	нѣсколько
74	17 сн.	среди нихъ	въ немъ
100	6 св.	возвышеніе изъ земли	холмикъ
100	16 „	страшно	сильно
100	25 „	сидятъ	мы видимъ
101	1 „	Ксебантурула сдѣлалъ (ξηβαντουρούλας ἐποίησεν)	Ксебанокутарулясъ дѣлалъ (ξηβανοκουταρούλας ἐποίει).
101	17 „	віляніемъ	вліяніемъ
110	11 сн.	въ VII в.	въ VI в.
113	17 „	находится	находился
134	24 „	О Руси	о Руси
134	18 „	К. 1847 Спб., 1903	К. 1847
135	3 св.	быта	быта въ др. Руси (В. Евр. 1870, № 8)
136	10 „	повѣтствованіе	повѣствованіе
136	19 „	курье	куры
147	6 „	у въ	у
177	4 „	„Эта	это
178	1 „	8054	14000
179	20 сн.	Европеусъ. О народахъ, обитавшихъ въ Россіи до славянъ, 1868	Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ (Ж. М. Н. Пр. 1868, іюль).
184	3 сн.	началвной	начальной
193	15 „	Глебѣ	Глѣбѣ
194	20 св.	политической	политической
206	7 „	княжескую семью	Ярослава и его княжескую семью
209	7 „	Сохранилась	Сохранилось
210	27 „	ихъ	христіанъ
217	32 сн.	князьяим	князьями

Стр.	*строка*	*напечатано*	*должно быть.*
255	32 св.	Долгорукова	Долгорукаго
256	12 „	утвердится	утвердиться
256	11 сн.	выдѣляющихся	выдающихся
259	6 св.	расцвѣтая	расцвѣтши
259	21 „	Сѣверщину	Сѣверщину
260	11 сн.	сѣверныхъ	и сѣверныхъ
260	9 „	ихъ	къ
262	13 св.	призвалъ	призывалъ
269	2 „	дружины	дружинный
270	12 „	Новгородскіе	Новгородскія
272	4 „	княжеской	княжеской
280	26 „	оно	дѣйствіе князей
283	10 сн.	обращенномъ	обращенномъ
289	10 „	было	было извѣстно
296	6 „	Зак. и	Зап.
296	5 „	труды	Труды
296	4 „	м.	М.
297	3 „	распаханная	распаханныя
297	2 „	памятникѣ	памятника
306	10 „	зернь	зернь и
308	4 св.	въ коемъ	въ коемъ имѣется
308	7 „	миньятюры	работы
308	16 сн.	и и	и
309	15 „	металловъ:	металловъ,
310	4 св.	Однимъ	однимъ
313	21 сн.	нечистыя животныя	нечистыхъ животныхъ
318	10 св.	изъ ржаной муки приготовлялся кислый	онъ приготовлялся изъ ржаной и пшеничной муки
326	3 сн.	поддерживали	поддерживала
336	15 св.	преводится	проводится
358	22 „	Кирилловъ,	Кирилловъ—
365	2 сн.	сначала война	война сначала
369	18 „	Тизенгаузенъ	русскія лѣтописи; Тизенгаузенъ.
369	7 „	Чингисовъ	Чингисова
396	7 св.	это ясно	это и
415	16 сн.	ввести	ввезти
419	18 „	начало	сначала
420	16 св.	теченіе	теченіи
428	17 „	олицетворяющія	олицетворявшія
431	1 сн.	дебри путешествія,	дебри, путешествія
432	2 св.	представляло	представляли
433	15 сн.	железъ	желѣзъ
433	8 „	железъ	желѣзъ
433	1 „	железы	желѣзы
444	16 „	зеленаго вина	медовъ.
447	8 св.	из	изу
447	9 „	учаемаго	чаемаго
448	11 сн.	намяти	памяти

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

1-я глава. Общія историческія понятія.

Различіе между элементарнымъ и научнымъ курсомъ исторіи. Исторія, какъ наука. Историческая критика. Относительное значеніе историческихъ свидѣтельствъ. Необходимость свободы научнаго изслѣдованія. Вспомогательныя знанія. Воспроизведеніе фактовъ. Философія исторіи. Искусство въ исторіи. Психологія въ исторіи. Историческіе законы. Субъективизмъ и объективизмъ. Значеніе исторіи. Задачи русской исторіи.

Литература вопроса. Литература по методологіи исторіи, особенно иностранная, огромная. На русскомъ языкѣ спеціальнымъ систематическимъ пособіемъ является книга акад. А. С. Лаппо Данилевскаго „Методологія исторіи" (курсъ лекцій, читанный студентамъ Петерб. университета) вып. 1-й, СПБ. 1910 г. 291 стр. и вып. 2-й, СПБ. 1913 г., отъ 292 до 799 стр. Предполагается и 3-й выпускъ. Въ 1-й части говорится о главнѣйшихъ направленіяхъ въ теоріи знанія, а во 2-й—о методахъ историческаго изученія (о методологіи источниковѣдѣнія—это очень интересный отдѣлъ). Другимъ прекраснымъ систематическимъ и очень доступнымъ по своему изложенію пособіемъ является курсъ проф. Н. И. Карѣева „Теорія историческаго знанія". СПБ, 1913, 320 стр.; тому же проф. Н. И. Карѣеву принадлежитъ книга „Основные вопросы философіи исторіи", 2-е изд. 1887 г., 3-е сокращенное, 1897 г.; ему же принадлежитъ ст. „Объ общемъ значеніи историческаго образованія" (въ „Историческомъ Обозрѣніи" VII, переп. въ „Истор. филос. и соціол. этюдахъ") и „Сущность истор. процесса и роль личности въ исторіи", вып. I, II, 1890 г. „Собраніе сочиненій", т. I (исторія съ философской точки зрѣнія) 1911 г., т. II (Философія исторіи въ русской литературѣ) 1912 г., т. III (критика истор. матеріализма) 1913 г. Въ книгѣ проф. Д. Петрушевскаго „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства", М. 1907 г., введеніе посвящено выясненію задачъ и методовъ науки всеобщей исторіи. Изъ переводныхъ работъ отмѣтимъ соч. проф. Бернгейма „Введеніе въ историческую науку". Оно представляетъ сокращеніе изъ обширнаго труда того же автора „Lehrbuch der historischen Methode". Заслуживаетъ вниманія и работа проф. Е. Щепкина „Вопросы методологіи исторіи", Од. 1905 г. Очень полезною сводкою данныхъ по этому вопросу были для меня страницы, посвященныя этому вопросу въ капитальномъ трудѣ проф. В. С. Иконникова, „Опытъ русской исторіографіи", ч. 1-я. Затронуты нѣкоторые изъ теоретическихъ вопросовъ (теорія культурно-историческихъ типовъ) и въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго, „Рос-

сія и Европа". Касается этихъ вопросовъ въ своемъ курсѣ русской исторіи и проф. В. О. Ключевскій (1-я и 2-я лекціи); небольшая статейка „Объ элементарной методикѣ исторіи" напечатана и мною (въ Сбор. Харьк. Ист.-Фил. Общ., VI)

Различіе между элементарнымъ и научнымъ курсомъ исторіи. Элементарныя историческія свѣдѣнія даетъ гимназія. Въ высшей школѣ излагается исторія, какъ наука. Но въ чемъ же заключается разница между исторіей, какъ предметомъ, преподаваемымъ въ средней школѣ, и исторіей, какъ научной дисциплиной? Этотъ вопросъ я считаю полезнымъ выяснить, прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ исторіи, какъ науки. Нужно знать, что можетъ дать историческая наука въ ея полномъ объемѣ и современномъ развитіи. Провести демаркаціонную линію между элементарнымъ и научнымъ курсомъ исторіи необходимо еще и потому, что и въ практикѣ и въ теоріи и тотъ и другой способъ преподаванія иногда не различаются: съ одной стороны въ средней школѣ попадаются такіе учителя (и часто лучшіе), которые ведутъ свое преподаваніе по образцу университетскаго, а съ другой—и въ педагогической литературѣ слышатся голоса, защищающіе такую систему. И даже въ сравнительно недавнее время среди русскихъ историковъ и педагоговъ высказаны были на эти вопросы два взгляда, взаимно другъ друга исключающіе. Защитникомъ одного явился извѣстный педагогъ Я. Г. Гуревичъ, другого—проф. И. М. Гревсъ.

По мнѣнію Я. Г. Гуревича, исторія, какъ наука, представляетъ существенныя отличія отъ исторіи, какъ учебнаго предмета, и по цѣли своей, и по объему, и по критической оцѣнкѣ матеріала. Первая ставитъ своей цѣлью изслѣдовать законы, по которымъ совершаются явленія политической и культурной жизни народовъ, вторая же даетъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ прошлаго, чтобы объяснить настоящее и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать умственному и нравственному развитію учащихся. Первая имѣетъ всегда одну, неизмѣнную цѣль, коренящуюся въ самой сущности предмета; вторая же, преслѣдуя главнымъ образомъ, педагогическіе интересы, видоизмѣняетъ подъ вліяніемъ ихъ и свои частныя задачи, тѣмъ болѣе, что должна считаться съ такими важными факторами, какъ возрастъ и степень развитія учениковъ. Первая представляетъ критическое изслѣдованіе матеріала, почерпаемаго изъ первоисточниковъ; вторая, въ лучшемъ случаѣ, можетъ дать только понятіе о критикѣ источниковъ, не входя при этомъ въ сущность критической работы. Первая, ставя своею цѣлью раскрытіе народнаго самосознанія, слѣдитъ за историческимъ про-

цессомъ жизни всего человѣчества; вторая же, указывая на общій ходъ въ развитіи человѣчества и на взаимную связь народовъ, останавливается только на главнѣйшихъ моментахъ, и то въ исторіи болѣе важныхъ національностей. Первая изслѣдуетъ всѣ стороны исторической жизни народовъ, въ томъ числѣ и высшія проявленія человѣческаго духа—науку, философію, литературу, искусство; вторая должна по необходимости ограничиваться только тѣми явленіями, которыя доступны пониманію учащихся, должна дѣлать изъ безграничнаго запаса фактовъ очень ограниченный выборъ и лишь постепенно вводить въ преподаваніе болѣе сложный и трудный матеріалъ.

Проф. И. М. Гревсъ, возражая Я. Г. Гуревичу, заявлялъ, что между исторіей, какъ наукой, и исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, нѣтъ принципіальной разницы. Исторія, гдѣ бы она ни преподавалась, для кого бы она ни писалась, имѣетъ одну цѣль—изученіе всемірно-историческаго процесса; различіе между той и другой не принципіальное, а количественное, и должно выражаться въ выборѣ подходящаго матеріала и въ спеціальныхъ пріемахъ его изложенія, сообразно съ развитіемъ учащихся. Только научное изложеніе въ школѣ можетъ имѣть и педагогическое значеніе; только оно даетъ матеріалъ для развитія міровоззрѣнія и формальныхъ способностей—памяти, воображенія и мышленія. Такая постановка дѣла, конечно, потребуетъ отъ преподавателя основательныхъ научныхъ познаній, которыя при этомъ должны постоянно освѣжаться. Такимъ образомъ, необходимо болѣе близкое общеніе между наукой и преподавателями исторіи: при коллективныхъ усиліяхъ ученыхъ историковъ и педагоговъ возможно будетъ усовершенствовать элементарные способы преподаванія.

Спрашивается, какъ же примирить эти, повидимому, непримиримые взгляды? Намъ кажется, однако, что въ пропасти, которая отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, есть нѣкоторый мостикъ. Въ самомъ дѣлѣ Я. Г. Гуревичъ, настойчиво подчеркивающій разницу между научнымъ и элементарнымъ методами преподаванія исторіи, въ то же самое время говоритъ, что всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ исторической наукой, а, напротивъ, должны совпадать съ ними. И. М. Гревсъ, высказывая мысль, что между исторіей, какъ наукой, и исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, нѣтъ принципіальной разницы, въ то же самое время хочетъ, чтобы для средней школы выбирался матеріалъ, доступный возрасту и развитію учащихся, чтобы онъ излагался сооб-

разно педагогическимъ требованіямъ, т.-е. другими словами, онъ соглашается съ основнымъ положеніемъ Я. Г. Гуревича. Но разъ мы допустимъ (а не допустить невозможно) необходимость примѣняться къ возрасту и развитію учащихся, мы тѣмъ самымъ создадимъ и особое содержаніе, и особое изложеніе исторіи, какъ учебнаго предмета. Она не должна стоять въ противорѣчіи съ данными и выводами исторіи, какъ науки (въ этомъ совершенно правъ И. М. Гревсъ), но между той и другой будетъ огромная, существенная, принципіальная, а далеко не одна только количественная разница и въ матеріалѣ, и въ способѣ его обработки, и въ способѣ его изложенія. Глубокая разница между той и другой зависитъ отъ того, что для научнаго пониманія исторіи необходимо такое высокое развитіе формальныхъ способностей, какого нѣтъ и не можетъ быть въ общей массѣ учащихся; но этого мало: сверхъ того, требуется еще и значительный уровень матеріальнаго развитія этихъ способностей, т.-е., запасъ идей и понятій о жизни вообще и о жизни человѣка въ частности; а сколь несовершенны понятія о сложныхъ явленіяхъ современной жизни въ юношескомъ возрастѣ! Установивъ принципіальную разницу между научной и элементарной исторіей, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ исторіи, какъ науки.

Эволюція исторіи, какъ науки. Понятіе объ исторіи не оставалось неизмѣннымъ: наоборотъ, оно постепенно расширялось въ связи съ развитіемъ самой науки. Между стариннымъ взглядомъ на исторію, какъ на повѣствованіе о достопримѣчательныхъ событіяхъ, и современнымъ ея опредѣленіемъ (раскрытіе всемірно-историческаго процесса) цѣлая пропасть: въ первомъ случаѣ исторія могла превратиться (и, дѣйствительно, превратилась) въ какую-то кунсткамеру рѣдкостей; во второмъ—она обнимаетъ всю совокупность историческихъ явленій жизни—политической и культурной, даетъ понятіе о переходѣ отъ болѣе простыхъ формъ жизни къ болѣе сложнымъ, о движеніи всемірно-историческаго процесса. Для народовъ древняго классическаго міра, для великихъ историковъ, создавшихъ исторію (Ѳукидида, Полибія, Геродота) она не была наукой, а искусствомъ, и служила, главнымъ образомъ, для возбужденія патріотическаго, нравственнаго или эстетическаго чувства. Въ средніе вѣка исторія, можно сказать, превратилась въ лѣтопись, въ которой видное мѣсто занимали баснословные, чудесные разсказы. Эпоха реформаціи снова выдвинула на первый планъ древніе историческіе образцы, а XVIII-й вѣкъ привнесъ въ историческую науку чрезвычайно важный философскій элементъ, создалъ философію

исторіи, которая ставитъ своею цѣлью философское, т.-е., проникнутое объединяющей и руководящей идеей разсмотрѣніе сложныхъ и разнообразныхъ явленій всемірной исторіи; своимъ абстрактнымъ характеромъ она отличается отъ исторіи, которая даетъ ей только матеріалъ въ видѣ своихъ обобщеній. Теперь предметомъ особеннаго вниманія стало объясненіе историческихъ явленій, общаго хода историческаго процесса.

Въ эволюціонномъ движеніи своемъ исторія прошла три фазы своего развитія: 1) *повѣствовательная* исторія, излагавшая интересовавшій ее матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ; 2) *прагматическая*, пытающая устанавливать причину событій, психологическіе мотивы дѣяній и ихъ послѣдствія; но историкъ здѣсь не преслѣдуетъ исключительной цѣли—открытія истины: онъ пользуется историческимъ матеріаломъ, какъ средствомъ для эстетическаго или моральнаго воздѣйствія или для возбужденія патріотическихъ чувствъ; такова греко-римская исторіографія; но особенно расцвѣлъ этотъ видъ исторіи тогда, когда у европейскихъ народовъ, въ связи съ ростомъ самосознанія, начала развиваться идея національности; 3) *эволюціонная* (генетическая) *исторія*; только теперь историческое знаніе стало наукой, ибо только теперь его единственной задачей сдѣлалось открытіе исторической истины; установленіе связи между историческими явленіями привело къ идеѣ органическаго развитія въ исторической жизни; въ наше время идея органическаго развитія человѣчества представляется очень ясной и простой, но для воспріятія ея былъ необходимъ цѣлый рядъ условій, отсутствовавшихъ въ прежніе вѣка; необходима была мысль о единствѣ, происхожденія и солидарности человѣческаго рода, принесенная христіанствомъ, о непрерывномъ измѣненіи культуръ, о взаимодѣйствіи различныхъ сферъ человѣческой жизни (политическихъ, экономическихъ, естественно-историческихъ, соціальныхъ и т. п.).

Историческая критика. Въ концѣ XVIII вѣка является историческая критика, которая составила драгоцѣннѣйшее достояніе исторіографіи XIX—XX столѣтія и превратила исторію въ науку. И мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить тотъ фактъ, что родоначальникомъ исторической критики, этого краеугольнаго камня въ новѣйшихъ успѣхахъ исторической науки, былъ изслѣдователь главнаго источника древне-русской исторіи—лѣтописи, приписываемой Нестору, русскій академикъ и нѣмецкій ученый историкъ Августъ Людвигъ Шлецеръ. Даже нѣмцы начинаютъ новый періодъ своей исторіографіи со Шлецера; для

русской же исторической науки его «Несторъ» былъ образцомъ, которому подражало все послѣдующее поколѣніе до Карамзина и Погодина включительно. Въ своихъ работахъ Шлецеръ стоялъ на раціональной, строго научной точкѣ зрѣнія: онъ возставалъ противъ теократическаго пониманія историческаго процесса, ничего не принималъ на вѣру, не довѣрялъ никакимъ авторитетамъ, стремясь къ одной только истинѣ. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести его слова, выясняющія высокое назначеніе историка: «Prima lex historiae», писалъ онъ, «ne quid falsi dicat». «Писатель, по его словамъ, это непризнанный, неоплачиваемый слуга гражданскаго общества, добровольный совѣтникъ народа. Если всегда чиновники сохраняютъ свою власть, хотя бы и потеряли разумъ, то писатель силенъ лишь тогда, когда разсудокъ при немъ; страшны не писатели, не журналисты, которые вносятъ свѣтъ въ мрачныя области ханжества, нетерпимости, тайнаго порабощенія, но страшна публичность, которую они вызываютъ». Дѣло Шлецера продолжали великіе германскіе историки Нибуръ и Ранке, родоначальники исторической школы на основахъ скептицизма и исторической критики. Историческая критика направлена на изслѣдованіе источниковъ, на опредѣленіе ихъ достовѣрности и дѣлится на низшую критику и на высшую. 1-я опредѣляетъ подлинность источника, время, мѣсто его написанія и личность автора, 2-я касается достовѣрности разсказа—могъ ли знать авторъ то, что описывалъ, искрененъ ли онъ въ своихъ показаніяхъ. Но кромѣ этой формальной критики, есть еще реальная, направленная на разборъ достовѣрности самихъ событій и опирающаяся уже, главнымъ образомъ, на условія исторической возможности того или другого факта. Пріемы исторической критики, вообще говоря, просты и элементарны: въ основѣ ихъ лежитъ здравый смыслъ; но, кромѣ того, новѣйшая исторіографія выработала еще цѣлый рядъ спеціальныхъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться всякій современный изслѣдователь (избѣгать апріорныхъ заключеній, основывать свой выводъ на источникахъ первой руки, изучать труды предшественниковъ, но не принимать на вѣру ихъ заключеній, сопоставлять разныя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи, но отдавать предпочтеніе не количеству, а качеству источниковъ.

Относительное значеніе историческихъ свидѣтельствъ. Необходимость строгой исторической критики вызывается еще самимъ характеромъ историческихъ свидѣтельствъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ значительная разница между естествоиспытателемъ и

историкомъ: первый пользуется опытомъ, т.-е., матеріаломъ, доступнымъ его непосредственному наблюденію, второй долженъ основываться на показаніяхъ другихъ лицъ, которыя, въ свою очередь, нерѣдко заимствуютъ свои разсказы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Но и очевидцу не легко бываетъ въ точности представить извѣстное событіе. Ничто такъ не рѣдко, какъ буквально точный разсказъ. Извѣстно, что никогда нѣсколько очевидцевъ не сообщаютъ объ одномъ и томъ же фактѣ совершенно одинаковыхъ извѣстій, и притомъ даже тогда, когда каждый изъ нихъ будетъ вполнѣ добросовѣстенъ и правдивъ; и это потому, что такая разница лежитъ въ самой психологіи разсказчика: у каждаго свой уголъ зрѣнія, своя сфера наблюденій и, наконецъ, свой стиль, языкъ для передачи впечатлѣній; даже самое наивное простодушіе не можетъ намъ гарантировать однообразіе въ повѣствованіи. Извѣстенъ анекдотъ о Вальтерѣ Раллеѣ, который былъ заключенъ въ Тоуэрскую тюрьму и отъ скуки вздумалъ писать всеобщую исторію. Между тѣмъ въ тюрьмѣ произошло одно событіе, привлекшее всеобщее вниманіе; Раллей, пожелавъ его изслѣдовать, сталъ разспрашивать очевидцевъ и былъ пораженъ противорѣчивостью ихъ показаній. Тогда онъ отказался отъ намѣренія писать исторію. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и многочисленные факты, касающіеся разнаго рода источниковъ—лѣтописей, мемуаровъ, даже актовъ и грамотъ, не говоря уже о генеалогическихъ таблицахъ, выводящихъ, напримѣръ, фамилію простыхъ казаковъ Разумовскихъ отъ дворянъ Рожинскихъ. Вообще миѳическій элементъ играетъ видную роль въ исторической наукѣ: только мало-по-малу удается вытѣснять его оттуда или отводить ему настоящее мѣсто среди памятниковъ народнаго поэтическаго творчества. Только теперь, на основаніи изслѣдованій Зибеля, мы убѣдились, что главными дѣятелями перваго крестоваго похода были папа Урбанъ II и Боэмундъ Тарентскій, а между тѣмъ и до сихъ поръ въ учебникахъ царятъ Петръ пустынникъ и Готфридъ Бульонскій. Извѣстно также, что сага о Вильгельмѣ Теллѣ была занесена въ Швейцарію изъ сѣверной Германіи послѣ самаго событія, а между тѣмъ она превратилась въ одинъ изъ догматовъ историческихъ вѣрованій швейцарскаго народа. Поэзія, нужно сказать, несмотря на свое коренное отличіе отъ исторіи, нерѣдко вторгается въ область этой послѣдней.

На ряду съ заблужденіями, основанными на принятыхъ на вѣру, безъ критики, извѣстіяхъ, авторы которыхъ сами добросовѣстно заблуждались, нужно имѣть въ виду и ошибки, вытекающія изъ фальсифицированныхъ извѣстій, поддѣльныхъ до-

кументовъ. Такихъ подделокъ встрѣчается много въ дѣловыхъ актахъ. Примѣрами поддѣльныхъ документовъ могутъ служить: даръ имп. Константина Великаго, Лже-Исидоровы декреталіи, великія австрійскія привиллегіи свободы. Очень часты поддѣльныя генеалогіи.

Необходимость свободы научнаго изслѣдованія. Историку въ своей дѣятельности приходится считаться и съ чисто внѣшними препятствіями, стѣсняющими его въ работѣ и нарушающими, поэтому, основное право его—свободу научнаго изслѣдованія. Соображенія и мотивы, ничего общаго съ наукой неимѣющіе, вторгаются въ чуждую имъ область, въ область научнаго изслѣдованія, гдѣ не должно быть мѣста принужденію и насилію. Петръ Великій въ этомъ вопросѣ стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, какъ это видно изъ слѣдующаго факта: Бужинскій оставилъ безъ перевода одно мѣсто, показавшееся ему неудобнымъ, въ книгѣ Пуффендорфа о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ, но получилъ за это умолчаніе строгій выговоръ отъ государя. А это мѣсто было, дѣйствительно, очень рѣзко, не во всемъ справедливо и непріятно для національнаго самолюбія: «Зазорны же русскіе и невоздержательны суть, свирѣпы и кровожаждущи человѣци, въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостью возносятся, въ противныхъ же вещахъ—низложеннаго ума и сокрушеннаго; ко прибыли и лихвѣ, хитростію собираемой, никакой же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздержатися въ повиновеніи любятъ и яко же всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, такожъ и бичей и плетей у нихъ частое есть употребленіе». Иначе дѣйствовали ближайшіе преемники Петра Великаго. Въ 1733 году послѣдовалъ указъ Анны Іоанновны о сожженіи книги о жизни Остермана, Миниха и Бирона, вышедшей за границей. Елизавета Петровна издала указъ о присылкѣ книгъ «съ извѣстными именами», чтобы замести всякіе слѣды царствованія Іоанна VI-го Антоновича. Заслуживаетъ вниманія прямо невѣроятный, а между тѣмъ имѣвшій мѣсто въ дѣйствительности фактъ—именно запрещеніе Синодомъ Миллеру печатать Сибирскія лѣтописи, «ибо въ нихъ—по мнѣнію Синода—находится не малое число лжей, басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не токмо недостойны, но и противны регламенту Академіи, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ никоимъ образомъ не мѣшаться въ дѣла, касающіяся до закона». Запрещеніе самой Академіи печатать лѣтописи было вызвано такими же мотивами. «Разсуждаемо было въ Синодѣ, что въ Академіи затѣваютъ

исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ книгахъ писано лжи явственныя, отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна». Къ царствованію просвѣщенной Екатерины II-й относится гоненіе за литературную дѣятельность на Радищева и Новикова. Подвигаясь далѣе къ нашему времени, мы не встрѣчаемъ недостатка въ фактахъ подобнаго рода. Въ XIX вѣкѣ достаточно указать на разгромъ Петербургскаго и Казанскаго университетовъ въ царствованіе Александра I-го (Руничъ, Магницкій), на затрудненія, испытанныя Пушкинымъ при изученіи Пугачевщины и т. д. Дессертація Н. И. Костомарова, посвященная вопросу о церковной уніи Юго-западной Руси, подверглась сожженію. Въ Казани подъ редакціей одного профессора была переведена на русскій языкъ восточная рукопись о Магометѣ, при чемъ цензура потребовала, чтобы слово «пророкъ» въ ней было замѣнено «лжепророкомъ», какъ будто такъ могъ назвать его авторъ-магометанинъ. Трудъ Бильбасова объ Екатеринѣ II-й долженъ былъ по цензурнымъ условіямъ выйти за границей. Благодаря тѣмъ же условіямъ русское общество ничего не знало о насильственной смерти Павла I-го, такъ какъ объ этомъ событіи должна была молчать наша наука, и мемуары объ этой эпохѣ появились у насъ только въ недавнее время. Только лишь въ наше время былъ открытъ для научной разработки и то небезусловно, архивъ Департамента Полиціи, на основаніи документовъ котораго написалъ нѣсколько любопытныхъ монографій М. К. Лемке.

Вспомогательныя знанія. Понятное дѣло, что историки должны употребить массу усилій для полученія достовѣрныхъ фактовъ, должны пользоваться въ широкихъ размѣрахъ такъ называемыми вспомогательными знаніями, куда входятъ: археологія съ ея отдѣлами — палеографіей, дипломатикой, сфрагистикой, геральдикой и нумизматикой, генеалогія, хронологія, этнографія, библіографія, сравнительное языкознаніе и, наконецъ, даже естественныя науки (геологія, химія и т. д.). Всѣ эти вспомогательныя знанія служатъ косвеннымъ пособіемъ для установленія точныхъ историческихъ фактовъ.

Воспроизведеніе фактовъ. Но сами по себѣ факты не составляютъ еще исторіи: это только матеріалъ для нея; это — члены, кости, мускулы, органы исторіи; а если исторія есть общественный организмъ, то еще нужно знать жизнь этого организма, т.-е., сцѣпленіе фактовъ, причинную связь между ними. И лѣтопись можетъ давать точные факты, но она еще не исторія, потому что лишена прагматизма. Въ умѣніи отыскивать причинную

связь событій и явленій культурно-экономической жизни заключается главное достоинство современнаго изслѣдователя историка, которому при этомъ приходится имѣть дѣло не съ чистымъ матеріаломъ, а съ отраженіемъ его въ чувствахъ наблюдателя; такимъ образомъ, онъ видитъ не самый фактъ, а только преломленный и отраженный лучъ отъ него. Къ счастью, сущность человѣческой природы одна и та же, и на этомъ основана возможность корректива. На помощь изслѣдователямъ приходитъ такъ называемый сравнительный методъ, при которомъ сопоставляются разныя формы человѣческаго общежитія, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ ихъ существованія; такимъ образомъ, иной разъ на основаніи аналогій можно восполнить то, о чемъ молчатъ прямыя свидѣтельства, въ особенности, если къ этому сравнительному методу мы присоединимъ еще чисто историческій, т.-е. опредѣлимъ различныя общественныя формы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи у одного и того же народа. Въ изслѣдованіи отдѣльныхъ явленій и въ обобщеніи фактовъ важную роль играютъ гипотезы, въ особенности, если ими пользуются съ должной осторожностью.

Культурный элементъ въ исторіи. Между тѣмъ содержаніе исторіи все болѣе и болѣе расширялось: къ обозрѣнію политическихъ событій присоединялось все больше и больше культурнаго элемента; въ концѣ концовъ, изъ этого выросла отдѣльная отрасль человѣческаго знанія—исторія культуры, претендующая на полную независимость отъ исторіи, явился даже антагонизмъ между защитниками чисто историческаго и культурнаго направленія въ исторіи. Мы лично стоимъ за привнесеніе въ исторію культурнаго элемента въ возможно широкихъ размѣрахъ; мы полагаемъ, что въ ней имѣютъ полное право гражданства явленія и экономической, и соціальной жизни, и умственнаго и нравственнаго прогресса общества. Но едва ли только тутъ есть какая-нибудь почва для антагонизма. Пусть изслѣдуются не только высшія проявленія человѣческаго духа: литература, наука, философія, искусство, но и факты, касающіеся домашней жизни, обстановки; съ тѣхъ поръ, какъ наша наука рѣшилась давать исторію не однихъ государствъ, а и народовъ, все это въ нашихъ глазахъ пріобрѣло большую цѣну — лишь бы только, въ концѣ концовъ, изъ всего этого матеріала можно было сдѣлать грандіозную историческую картину, на которой ярко и выпукло, но *непремѣнно съ должной перспективой* было бы изображено все прошлое извѣстнаго народа: и его политическая исторія, и его соціально-экономическая жизнь, и наука, и искусство, и литература, и религія, и нравственность. Но

именно, во имя исторической перспективы, мы возстаемъ противъ исключительнаго господства той или иной стороны жизни въ общемъ историческомъ изложеніи; съ этой точки зрѣнія намъ представляются односторонними и требованія теоретиковъ экономическаго матеріализма въ философіи исторіи.

Философія исторіи. Терминъ «философія исторіи» употребилъ впервые Вольтеръ въ 1765 году въ смыслѣ универсальнаго историко-философскаго обозрѣнія человѣческой культуры. Болѣе близкимъ къ современному значенію является этотъ терминъ у Гердера въ его трудѣ «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit». Важнѣйшими системами философіи исторіи являются слѣдующія: 1) *Дуалистическо-теократическая*, формулированная въ средніе вѣка блаж. Августиномъ въ его сочиненіи о Царствѣ Божіемъ (по его мнѣнію было и на небѣ и на землѣ два царства— Божье и діаволово) и имѣющая многихъ представителей въ настоящее время среди правовѣрныхъ историковъ католиковъ; исторія человѣчества оцѣнивается ими съ точки зрѣнія успѣховъ Царства Божія на землѣ. 2) *Гегеліанская*, выдвинувшая вопросы о значеніи идей государства, индивидуумовъ, націй, въ процессѣ развитія, объ отношеніи свободы къ необходимости; Гегель въ исторіи видѣлъ раскрытіе идеи (божественнаго духа), движеніе отъ первобытнаго естественнаго состоянія къ духовной свободѣ въ государствѣ. Три этапа прошло здѣсь человѣчество: а) плѣнъ духа (на Востокѣ), б) проявленіе духа въ сознаніи своей свободы (Греція и Римъ), в) возвышеніе своей частной свободы до идеи всеобщей свободы (христіанско-германскій міръ). У каждаго историческаго народа идея проявляется особеннымъ, каждой націи свойственнымъ образомъ; отчасти на этой философской почвѣ выросло и наше славянофильство. 3) *Позитивная*, въ основѣ которой положено воззрѣніе О. Конта; на первой ступени стоялъ теологическій способъ человѣческаго мышленія, на второй метафизическій или абстрактный, на третьей позитивный, познающій при помощи точныхъ научныхъ методовъ явленія и законы, которыми они управляются; историко-культурное развитіе опредѣляется законами не индивидуальной, а соціальной психологіи; даже дѣянія геніевъ опредѣляются вліяніемъ окружающей ихъ среды; такимъ путемъ Контъ стремился поднять исторію, отдѣлъ соціологіи, на степень позитивной науки. 4) *Гуманитарная* система, родоначальникомъ которой является Гердеръ. Каждый народъ, сообразно своимъ способностямъ и внѣшнимъ условіямъ, стремится къ достиженію своихъ цѣлей развитія; но, при всемъ разнообразіи культуръ и различіи формъ человѣческой природы, господствуютъ общія всѣмъ черты чело-

вѣчности-гуманности, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенствуются. Эту мысль о возрастаніи проявленій человѣчности еще шире, на основаніи изслѣдованій разнообразныхъ явленій народной жизни, раскрылъ Лотце въ своей книгѣ «Микрокосмъ, идеи естественной исторіи и исторіи человѣчества». 5) Исключительное увлеченіе соціально-экономической стороной историческаго процесса нашло себѣ яркое выраженіе въ особомъ философскомъ построеніи исторіи — глубоко монистическомъ по существу — такъ называемомъ *экономическомъ* или діалектическомъ *матеріализмѣ*. Направленіе это было обосновано и формулировано творцами научнаго соціализма—Карломъ-Марксомъ, Фридрихомъ Энгельсомъ, Ляфаргомъ, Бебелемъ, Каутскимъ. Послѣдователи этой школы все многообразіе явленій историческаго процесса объясняютъ, исходя изъ анализа экономическихъ отношеній и принципа діалектическаго развитія, развитія, установленнаго Гегелемъ. Въ общественномъ производствѣ своей жизни, говоритъ Марксъ, люди наталкиваются на необходимыя, отъ ихъ воли независящія отношенія —отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка. Такимъ образомъ, право, религія и философія,—словомъ, вся идеологическая надстройка—по терминологіи марксизма—базируется на экономической основѣ. Отношенія производства не только служатъ основою экономической жизни, не только вліяютъ на всѣ остальныя стороны ея, но прямо создаютъ эти послѣднія — создаютъ соотвѣтствующія имъ формы мышленія, вѣрованія, права, политики и всей культуры и разрушаютъ всѣ эти формы, когда онѣ имъ не соотвѣтствуютъ. Подъ отношеніями производства понимается способъ и предѣлъ удовлетворенія жизненныхъ потребностей людей посредствомъ находящихся въ ихъ распоряженіи естественныхъ продуктовъ и техническихъ средствъ ихъ обработки, способъ ихъ присвоенія, распредѣленія и потребленія. Задача исторіи, какъ науки, заключается въ изысканіи и опредѣленіи во всякомъ явленіи, хотя бы чисто идейнаго характера, этого основного экономическаго фактора.

Для всякаго непредубѣжденнаго читателя ясно, что въ основѣ теоріи экономическаго матеріализма лежитъ гипотеза, которая, однако, представляется послѣдователямъ ея, какъ будто уже доказанной, представляется теоріей, имѣющей силу общаго положенія, установленнаго на незыблемыхъ основаніяхъ; она является

для нихъ отправнымъ пунктомъ, первоначальною предпосылкою, которая должна быть оправдана на всякомъ частномъ примѣрѣ. Нисколько не возражая противъ цѣлесообразности усвоенія того или другого философско-историческаго воззрѣнія, въ качествѣ общей руководящей идеи, при выборѣ того или иного историческаго матеріала, мы только должны быть готовы къ тому выводу, который вытекаетъ изъ объективнаго изслѣдованія матеріала, даже и въ томъ случаѣ, если бы этотъ частный выводъ не соотвѣтствовалъ общему положенію, памятуя, что гипотезами можно и нужно пользоваться, но только до тѣхъ поръ, пока мы не установимъ при помощи ихъ твердаго теоретическаго положенія. Сама по себѣ идея объ огромномъ значеніи экономическаго фактора (но не единственнаго основного) въ жизни человѣчества въ высшей степени плодотворна. Мало того, заслуживаютъ полнаго вниманія и сочувствія попытки прослѣдить вліяніе этого фактора и на всѣ остальныя сопредѣльныя области человѣческой жизни, въ томъ числѣ и на область идей, ибо только на основаніи такихъ частичныхъ изслѣдованій опредѣлится и степень вліянія этого фактора на ряду съ другими; но нельзя выступать съ предвзятою мыслью о томъ, что основнымъ факторомъ является экономика, а вліяніе идей будетъ уже факторомъ производнымъ; это будетъ апріорная доктрина. Для того, чтобы получить такой выводъ, необходимо было бы продѣлать колоссальный трудъ—изслѣдовать съ точки зрѣнія происхожденія, всѣ главнѣйшія явленія всемірно-исторической жизни. А между тѣмъ такой работы не произведено не только въ отношеніи русской исторіи (здѣсь можно отмѣтить только единичныя и довольно неудачныя попытки), но даже и всеобщей. Во всякомъ случаѣ, пока это не доказано, мы должны держаться взгляда, что идеи съ такимъ же основаніемъ могутъ быть признаны основой историческаго процесса, какъ и хозяйственныя отношенія. Но мы далеки отъ того, чтобы признать за ними одними творческую роль въ историческомъ процессѣ. По справедливому выраженію профессора Петрушевскаго «грѣхъ экономическаго матеріализма» заключается въ метафизическомъ стремленіи свести къ одному началу все разнообразіе общественныхъ явленій въ ихъ историческомъ развитіи. Съ этой стороны онъ представляетъ собою новѣйшій типъ запоздалой метафизической по существу «философіи исторіи», и хотя экономика данной эпохи скромно зовется реальнымъ «базисомъ», но въ сущности она для приверженца этой доктрины такое же творящее исторію начало, какъ и идея для послѣдователя историческаго идеализма».

Искусство въ исторіи. Искусство играетъ важную роль въ исторіи, потому что эта послѣдняя сама является въ одномъ отношеніи искусствомъ (въ дѣлѣ изложенія). Тэнъ говоритъ: въ историкѣ есть критикъ, который провѣряетъ факты, ученый, который собираетъ ихъ, философъ, который ихъ поясняетъ, но всѣ они должны быть скрыты за художникомъ, который повѣствуетъ. Искусство завершаетъ науку, какъ цвѣтъ растеніе. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣньѣ представить живо и образно эпоху, что обусловливается глубокимъ изученіемъ матеріала и природнымъ дарованіемъ историка. Къ сожалѣнію, очень немногіе изъ историковъ обладали художественнымъ талантомъ, и такія лица, какъ Гиббонъ, Маколей, Тьери, Тэнъ, Костомаровъ, все-таки представляютъ исключеніе, а не общее правило. Тѣмъ не менѣе для всякаго историка обязательна перспектива въ исторической картинѣ, т.-е. опредѣленіе болѣе существеннаго и менѣе важнаго.

Психологія въ исторіи. Исторія имѣетъ дѣло съ психологіей индивидуальной и съ психологіей народной. Первая даетъ ключъ къ разгадкѣ характеровъ отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, вторая пытается достигнуть той же цѣли по отношенію къ націямъ. Какъ біографія отдѣльной личности основывается на законахъ индивидуальной психологіи, такъ исторія—эта біографія человѣчества — должна получать свое объясненіе въ народной психологіи. Характеръ играетъ такую же важную роль въ объясненіи всякаго историческаго событія, какъ и внѣшнія условія дѣятельности личности.

Историческіе законы. Реакція противъ поклоненія героямъ въ исторіи привела къ обезличенію историческихъ факторовъ, къ попыткѣ указать общіе законы историческаго развитія. Но возможны ли историческіе законы въ точномъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ! Законъ есть выраженіе постояннаго отношенія между двумя одновременными или послѣдовательными явленіями; для того, чтобы открыть его, необходимо имѣть рядъ повторяющихся въ неизмѣнной связи однородныхъ явленій. А между тѣмъ исторія есть процессъ, состоящій изъ послѣдовательной смѣны явленій, которыя даются намъ въ данной совокупности только одинъ разъ; историческіе факты не повторяются: они вполнѣ индивидуальны. Слѣдовательно, историческіе законы — это химера. Закономѣрными элементами оказываются въ исторіи соціологическій и психологическій; поэтому можно и нужно говорить о законахъ соціологіи, но не исторіи. Всѣ науки, какъ системы понятія, говорятъ о родахъ, одна исторія — объ индивидуумахъ; первыя имѣютъ въ виду, что есть всегда, одна исто-

рія—то, что было разъ и чего ужъ нѣтъ. Никогда путемъ эмпирическаго обобщенія мы не создадимъ историческаго закона: это будетъ только обобщеніе, касающееся извѣстнаго народа, а чтобы вывести общій законъ, необходимо, именно, устранить мысленно все, что дѣлаетъ несходною исторію націй, т.-е., національную исторію. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ходъ исторіи не былъ подчиненъ закону причинности; законъ причинности въ такомъ смыслѣ дѣйствуетъ въ исторіи, но онъ не фataленъ для каждой отдѣльной личности; эта послѣдняя можетъ итти и противъ установившагося теченія, ибо въ мірѣ человѣческомъ, въ противоположность природѣ, дѣйствуетъ свобода воли. Къ числу такихъ главнѣйшихъ историческихъ законовъ въ относительномъ значеніи этого слова нужно отнести: 1) причинность историческихъ явленій, 2) ихъ неповторяемость, 3) прогрессъ и 4) единство исторіи. Мысль о прогрессивномъ развитіи человѣческихъ обществъ, основанная на лучшихъ чувствахъ человѣка, находитъ себѣ оправданіе въ общемъ ходѣ историческаго процесса. Исторія, разсматриваемая въ небольшихъ пространствахъ времени, представляется однообразной; обнимаемая въ большихъ періодахъ, она представляетъ картину колебаній—акцій и реакцій; созерцаемая въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ и народовъ, она заключаетъ въ себѣ основную идею прогресса. Въ такомъ же видѣ исторія является предъ нами съ характеромъ единства, универсальности, который совмѣщается съ принципомъ національныхъ особенностей.

Субъективизмъ и объективизмъ въ исторіи. Но, спрашивается, возможно ли вполнѣ объективное изображеніе историческаго прошлаго? Извѣстно, что и въ Европѣ, и у насъ существуютъ двѣ историческія школы — субъективныхъ и объективныхъ историковъ. Устранить совершенно субъективный элементъ изъ исторіи невозможно; образъ прошедшаго дважды преломляется: во-1-хъ, въ самихъ свидѣтельствахъ, а во-2-хъ, въ личности историка. Но необходимо стремиться къ объективности; оцѣнка историка должна быть всестороннимъ изслѣдованіемъ явленія. Оцѣнку эту мы должны дѣлать на основаніи мѣрки прошлаго времени, а не современныхъ воззрѣній. Но нельзя отрицать вліянія на историковъ такихъ факторовъ, какъ національность, характеръ эпохи, религіозныя и политическія воззрѣнія и т. п.

Значеніе исторіи. Такимъ образомъ, историческая истина всегда имѣетъ не абсолютный, а относительный характеръ; но это нисколько не мѣшаетъ исторіи: съ одной стороны мы удовлетворяемся и этимъ относительнымъ знаніемъ (и не въ одной исторіи, а и въ другихъ наукахъ), а съ другой—въ немъ лежитъ залогъ

его постояннаго прогресса; мы, по выраженію украинскаго философа Г. С. Сковороды, только ловимъ птицу — истину, которая отъ насъ постоянно удаляется и въ этомъ величайшая привлекательность изслѣдованія истины; если бы она дана была намъ въ готовомъ окончательномъ видѣ, мы бы почувствовали апатію и скуку. На этомъ основано то высокое наслажденіе, которое даетъ историку-спеціалисту самостоятельный творческій процессъ; оно близко подходитъ къ радости, доставляемой поэтическимъ творчествомъ. И подобное состояніе доступно всякому, вступившему на путь самостоятельныхъ историческихъ разысканій, какъ бы сухи и скучны они не казались постороннимъ. Такова субъективная психологическая сторона въ занятіяхъ исторіей; объективную же необходимость подобныхъ работъ едва ли нужно доказывать: успѣхи исторіи, какъ науки, прямо зависятъ отъ разработки ея частей. Но нужно изучать исторію не съ однѣми спеціальными, а и съ общеобразовательными цѣлями; первое можетъ привлечь немногихъ, второе доступно всѣмъ. Исторія, изучаемая съ этой точки зрѣнія, развиваетъ прежде всего наши формальныя способности. Она даетъ намъ научное мышленіе, которое необходимо не только ученому, но и всякому образованному человѣку; человѣкъ, привыкшій пользоваться пріемами историческаго мышленія, будетъ правильнѣе судить и о современности, чѣмъ тотъ, кто не получилъ дисциплины ума, сообщаемой историческимъ образованіемъ. Во-вторыхъ, исторія даетъ и реальную пищу нашему уму; она расширяетъ нашъ кругозоръ, міросозерцаніе, даетъ ключъ къ пониманію современности, къ сознательному, а не безучастному отношенію къ ней. Она обогащаетъ нашъ умъ культурными и общественными идеями, заключающими въ себѣ принципы, которыми жили и продолжаютъ жить историческіе народы. XIX вѣкъ можно характеризовать, именно, господствомъ исторіи и исторической точки зрѣнія. Не говоря уже о самомъ содержаніи исторіи, которое чрезвычайно расширилось, историческое изученіе было примѣнено и къ языку, и къ народному хозяйству, и къ другимъ сферамъ культурной и соціальной жизни и имѣло важныя послѣдствія. Въ результатѣ его явилась очень цѣнная философская идея, которою можетъ гордиться XIX вѣкъ — идея органическаго развитія, прогресса человѣческихъ обществъ. Идейное богатство исторіи имѣетъ наибольшее значеніе въ общеобразовательномъ отношеніи и съ этой точки зрѣнія культурно-соціальная исторія важнѣе внѣшней, политической. Но общество состоитъ изъ индивидуумовъ, которые одни только думаютъ, чувствуютъ, желаютъ, дѣйствуютъ — слѣдовательно, за формами жизни мы не должны

забывать человѣка: отсюда — гуманитарная точка зрѣнія, которая можетъ имѣть огромное, воспитательное значеніе. Она въ соединеніи съ идеей прогресса можетъ спасти насъ отъ страшной язвы — разъѣдающаго пессимизма.

Какъ общая исторія, такъ и мѣстная занята изученіемъ историческаго процесса человѣческаго общежитія. Но между ними есть и различіе. Всеобщая исторія, прагматически, въ послѣдовательной смѣнѣ историческихъ явленій изображаетъ жизнь народовъ, наибольшіе успѣхи, достигнутые ими въ развитіи общежитія, и исторіи каждаго народа отводитъ мѣсто постольку, поскольку онъ принималъ участіе въ этой послѣдовательной и совокупной работѣ человѣчества надъ устройствомъ и улучшеніемъ своей жизни. Мѣстная исторія стѣсняетъ свой кругозоръ самимъ предметомъ изученія: она изучаетъ процессъ развитія одного народа, какъ отдѣльной этнографической особи, и имѣетъ поэтому возможность остановиться на немъ подробнѣе, выяснить всѣ стороны жизни даннаго народа. Изученіе мѣстной исторіи имѣетъ и практическое значеніе. Историческія параллели, примѣры и справки изъ прошлаго часто помогаютъ намъ разобраться въ запутанныхъ ситуаціяхъ современности и избѣжать непростительныхъ ошибокъ. Исторія нашего народа, научно воспроизведенная — по мѣткому выраженію проф. В. О. Ключевскаго — становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты его прошлаго.

Задачи русской исторіи. Теперь нѣтъ надобности доказывать, что русская исторія является важною составною частью политической всеобщей исторіи. Но если исторія ставитъ своей задачей воспроизведеніе всемірно-историческаго процесса, то въ этомъ послѣднемъ нельзя игнорировать тѣхъ *формъ* его, какія выработала русская историческая жизнь. Русь вмѣстѣ со всѣми славянами принадлежитъ къ арійской, западно-европейской группѣ народовъ; она близка къ народамъ запада и по языку, и по религіи, и по формамъ государственной и соціальной жизни, и даже по культурѣ. Правда, Россія въ силу своего географическаго положенія и историческихъ обстоятельствъ, подверглась сильному напору и воздѣйствію Азіи и ея народовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она выдерживала ихъ натискъ и заслоняла собой Европу отъ азіатской опасности, хотя это требовало отъ нея затраты огромныхъ силъ и неблагопріятно отражалось на развитіи ея собственной культуры. Правда, охраняя внѣшними мѣрами свою религію и самобытность въ московскій періодъ, она какъ бы отгораживалась отъ европейской цивилизаціи, но даже и тогда

иностранцы имѣли доступъ въ Московское государство и западная культура дѣлала все большія и большія мирныя завоеванія въ Россіи. Въ древне-княжескій періодъ такой замкнутости не существовало, а въ императорскій періодъ (съ Петра Вел.) западно-европейская культура стала систематически переноситься въ Россію. Въ послѣднее время Россія принимаетъ довольно видное участіе не только въ распространеніи, но и въ творчествѣ культуры, хотя все же стоитъ позади многихъ въ отношеніи уровня развитія своего народа. Теперь, впрочемъ, дѣло идетъ уже не о механическомъ перенесеніи чужихъ формъ съ запада, а о выработкѣ своихъ формъ на обще-европейской основѣ. Такъ, своею органическою связью съ западомъ и его культурой, русская исторія входитъ въ составъ западно-европейской. Не менѣе интересна для людей запада и особенно для насъ самихъ другая сторона русскаго историческаго процесса—своеобразныя особенности его, характерныя черты русской жизни и культуры въ ихъ эволюціонномъ развитіи, не сходство, а отличіе ихъ отъ западныхъ, ихъ мѣстные оттѣнки, не уничтожающіе основного родства. Это придаетъ русской исторіи, разсматриваемой съ точки зрѣнія своеобразныхъ формъ жизни, ею созданныхъ, и своеобразныхъ чертъ ея культуры, гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣла тогда, когда изучалась исключительно съ политической точки зрѣнія. Вотъ почему и выдвигается мною на первый планъ ея государственный, соціальный и экономическій строй и культура, матеріальная, нравственная и умственная. Я буду разсматривать эту культуру въ ея эволюціонномъ развитіи съ ея важнѣйшими оттѣнками и посторонними на нее вліяніями, при чемъ считаю невозможнымъ игнорировать въ общемъ ходѣ ея развитія древній періодъ русской исторіи, какъ это сдѣлалъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ П. Н. Милюковъ, ибо это былъ моментъ ея начала и пышнаго расцвѣта. Для характеристики ея я буду привлекать постоянно матеріалъ русскихъ историческихъ древностей, а для опредѣленія культурнаго состоянія населенія на нынѣшней Русской территоріи въ до-историческія времена, въ эпоху предшествующую славяно-русской, воспользуюсь данными и выводами доисторической археологіи. Я думаю, что пора уже ввести въ научный обиходъ русской исторіи, для ея, такъ сказать, вступительныхъ главъ, археологію. Такимъ путемъ я надѣюсь облегчить читателю разрѣшеніе кардинальнаго вопроса не только о смѣнѣ народностей, обитавшихъ въ предѣлахъ, занятыхъ потомъ русскими славянами, но и о смѣнѣ ихъ культуръ, изъ которыхъ каждая не погибла безслѣдно, а оставляла кое-что и для послѣдующей эпохи. Мы увидимъ, какъ устана-

вливается связь между доисторической эпохой и греческой культурой, которая такъ пышно расцвѣла на сѣверномъ побережьѣ Черного моря. Греческая культура оказала сильное вліяніе на скиѳо-сарматскую, а эта послѣдняя не прошла безслѣдно для славянской и даже славяно-русской. Знаменитый греческій Херсонесъ въ византійскую эпоху своего существованія оказывалъ несомнѣнное и сильное культурное вліяніе на Русь. Все это побудило меня внимательно остановиться на исторіи и культурѣ греческихъ колоній на черноморскомъ побережьѣ — этихъ свѣточей и очаговъ античной цивилизаціи, распространявшихъ вліяніе ея далеко въ южнорусскія степи. Изученіе національной культуры немыслимо безъ изложенія исторіи искусства. Вотъ почему я ввожу въ обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ эпохъ русской исторической жизни очерки русскаго искусства въ его важнѣйшихъ памятникахъ. Широкое привлеченіе матеріала, относящагося къ области археологіи и искусства, составляетъ главное отличіе моего труда отъ другихъ аналогичныхъ. Затѣмъ я придаю большое значеніе географическимъ и этнографическимъ элементамъ, обусловившимъ происхожденіе и развитіе русской національности. Необходимо установить границы распространенія и измѣненія русской территоріи, во всѣ эпохи существованія русскаго государства. Не только въ связи съ внѣшними завоеваніями, но и съ успѣхами мирной колонизаціи. Огромное значеніе имѣетъ также вопросъ о происхожденіи и этнографическихъ особенностяхъ русскаго народа. Нельзя ограничиваться въ русской исторіи, какъ это сдѣлано въ блестящемъ талантливомъ курсѣ проф. В. О. Ключевскаго, изложеніемъ судебъ одной великорусской народности. Для возсозданія русскаго историческаго процесса въ полномъ его объемѣ, необходимо прослѣдить и судьбу малорусской и бѣлорусской народностей, ибо они составляютъ органическую часть цѣлаго и великоруссы только въ совокупности своей съ ними представляютъ русскій народъ. Препятствіемъ отнюдь не можетъ служить то обстоятельство, что эти двѣ народности на нѣсколько вѣковъ были оторваны отъ народности великорусской: напротивъ, это должно побудить насъ къ особенно внимательному изученію ихъ жизни за это время, ибо и подъ властію чужихъ государствъ (Литвы и Польши) они боролись за основы своей русской народности и, выработавъ многія своеобразныя особенности своего быта и культуры, тѣмъ самымъ явились участниками общаго совокупнаго культурнаго творчества русскаго племени, а затѣмъ, послѣ возсоединенія, продолжали уже совмѣстно ту же культурную работу.

Съ этой точки зрѣнія для русскаго историка не можетъ быть безразлична и судьба населенія Галицкой и Угорской Руси, хотя оно живетъ въ предѣлахъ другого государства, разъ оно этнографически относится къ русскому народу и составляетъ одну изъ его исконныхъ вѣтвей. Въ то время какъ Московское государство собирало подъ своею властью всѣ великорусскія области, великое княжество Литовское объединяло подъ своею властью малую и бѣлую Русь; оба объединительные процесса происходили одновременно. Первый томъ моего труда захватитъ общую жизнь Руси подъ властью князей до ея раздѣленія; второй томъ будетъ заключать въ себѣ исторію Московскаго государства; третій—исторію Малой и Бѣлой Руси подъ властью Литвы и Польши; четвертый—исторію Имперіи (XVIII—XIX вв.). Ставя вопросъ объ изученіи нашего прошлаго такимъ образомъ, я не суживаю искусственно ни территоріи, къ которой былъ пріуроченъ русскій историческій процессъ, ни понятія русской національности, служащей объектомъ изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, конечно, остановлюсь и на роли въ нашей исторіи тѣхъ нерусскихъ народностей, которыя вошли въ разное время въ составъ Русскаго государства, памятуя, что онѣ такъ или иначе участвовали въ его жизни, ростѣ и развитіи и внесли въ нихъ свою лепту. Но къ особенной полнотѣ я буду стремиться въ выборѣ матеріала для изображенія исторіи *русской жизни*. Я постараюсь изобразить *всѣ* стороны ея, не исключая и внѣшней политической, но только въ извѣстной перспективѣ, согласно взгляду, выраженному мною въ отдѣлѣ, гдѣ говорилось о культурномъ элементѣ въ исторіи вообще. Если мы желаемъ составить надлежащее и достаточно полное понятіе о русскомъ историческомъ процессѣ, то не можемъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ вопросахъ игнорировать ни религіозно-нравственнаго, ни умственнаго состоянія общества; препятствіемъ къ характеристикѣ памятниковъ литературы и искусства не можетъ служить то обстоятельство, что они являются предметомъ спеціальнаго изслѣдованія особыхъ дисциплинъ — это даетъ только возможность русскому историку говорить о нихъ сравнительно кратко, безъ деталей, и основывать свои сужденія на важнѣйшихъ пособіяхъ, выбирая изъ этихъ послѣднихъ то, что является болѣе существеннымъ и болѣе или менѣе прочно установленнымъ. Да и всему своему труду, въ виду его учебныхъ цѣлей, я старался придать фактическій характеръ: избѣгая личныхъ субъективныхъ воззрѣній и замѣняя ихъ указаніемъ на существующія въ наукѣ воззрѣнія, я пытался создать руководство по русской исторіи для высшей

школы по образцу незамѣнимой «Русской исторіи» покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина. Конечно, я стремился при этомъ къ тому, чтобы мое изложеніе стояло на уровнѣ современной науки. Желая дать ясное представленіе о нашей національной цивилизаціи, я рѣшилъ присоединить къ тексту своего сочиненія, въ видѣ особаго альбома, снимки съ важнѣйшихъ памятниковъ русскихъ древностей и искусства. Я увѣренъ, что они значительно помогутъ уясненію нашей родной старины, подымутъ къ ней интересъ, а, слѣдовательно, и любовь. Я живо помню, какъ уяснился предо мной древній періодъ русской исторіи, когда я 33 года тому назадъ ознакомился съ альбомомъ М. П. Погодина.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о дѣленіи русской исторіи на *эпохи*. Основныхъ эпохъ въ русской жизни я признаю *три*: *первая* обнимаетъ общую жизнь Руси подъ властью князей съ IX до пол. XV в.,—это время *княжеской* Руси до Іоанна III; *вторая* — съ пол. XV до конца XVII в.—время ея раздѣленія между Московскимъ государствомъ, объединившимъ подъ своею властью первоначально только однѣ великорусскія области, и Литовско-Польскимъ, въ составъ котораго вошли малорусскія и бѣлорусскія области,—оба объединительные процесса протекали одновременно; *третья*, — наконецъ, обнимающая XVIII и XIX вѣка, когда Московское государство превратилось въ Россійскую имперію. Но первая княжеская эпоха въ свою очередь подраздѣляется мною на три періода — *кіевскій* (до пол. XI в.), когда Кіевъ былъ центромъ всей Руси, *областной* (съ пол. XI до пол. XIII в.), когда онъ остался только центральнымъ городомъ Кіевской земли, а вся Русь раздѣлилась на рядъ областей, жившихъ болѣе или менѣе самостоятельною областною жизнью, и *удѣльный*, когда области приняли характеръ *удѣловъ* съ присущими имъ чертами сильнаго раздробленія и рѣшительнаго преобладанія частноправныхъ вотчинныхъ интересовъ; правда, въ это время выросло великое княжество Московское, начавшее создавать новыя формы жизни, неизвѣстныя княжеской Руси, но оно все же жило и на многихъ старыхъ основахъ, стоитъ на рубежѣ 1 и 2 періода и, какъ кажется, съ большимъ основаніемъ можетъ быть отнесено къ концу перваго, нежели къ началу второго періода, который характеризуется установленіемъ единой сильной царской власти вмѣсто прежней *раздробленной* княжеской.

Съ точки зрѣнія смѣны и преемственности культуръ на русской территоріи для насъ будетъ имѣть большое значеніе и первобытная археологія Россіи, къ которой мы теперь и обращаемся.

2-я глава. Доисторическій бытъ населенія Русской территоріи.

Значеніе археологіи. Появленіе человѣка на землѣ и дѣленіе доисторической эпохи на три періода. Палеолитическая эпоха каменнаго вѣка въ Россіи. Бытъ въ ней человѣка палеолитической эпохи. Переходная эпоха. Неолитическая эпоха: Трипольская неолитическая культура. Остатки мегалитическихъ сооруженій. Слѣды мѣдно-бронзовой культуры въ Россіи. Желѣзный вѣкъ въ Россіи.

Литература вопроса. Первоисточниками для доисторической археологіи Русской территоріи являются весьма многочисленные въ настоящее время вещественные памятники древности, собранные въ столичныхъ и провинціальныхъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ: въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ, въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, куда пожертвована богатая коллекція проф. *Д. Я. Самоквасова*, въ музеѣ Имп. Моск. Археологическаго общества, въ музеѣ древностей и искусствъ и въ университетскомъ музеѣ древностей въ Кіевѣ (имѣется каталогъ), въ музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета (имѣется каталогъ, составленный къ Археологическому съѣзду), въ музеѣ г. Екатеринослава (гл. обр., коллекція *А. Н. Поля*, каталогъ которой составленъ *Е. Н. Мельникъ*), въ музеѣ губернскаго земства въ Черниговѣ (основаніемъ послужила коллекція *В. В. Тарновскаго*, описаніе которой составлено *Б. Гринченко*), въ Тверскомъ и цѣломъ рядѣ музеевъ губернскихъ городовъ, въ Сибири, въ замѣчательномъ, пользующемся европейскою извѣстностью, Минусинскомъ музеѣ, въ Тифлисскомъ музеѣ, имѣющемъ центральное значеніе для Кавказа, въ музеѣ сел. Порѣчья, гр. *А. С. Уварова* (имѣется печатный каталогъ) и т. п. Многіе изъ хранящихся здѣсь памятниковъ описаны въ археологической литературѣ и со многихъ изъ нихъ имѣются снимки. Надъ изслѣдованіемъ ихъ работаютъ археологическія общества и съѣзды: Императорская Археологическая Коммиссія, куда поступаютъ по закону случайныя находки, которой принадлежитъ право разрѣшенія раскопокъ, и которая сама ихъ организуетъ; Русское Археологическое общество въ Петербургѣ, выпустившее рядъ изданій, Имп. Московское Археологическое общество, организовавшее рядъ археологическихъ экскурсій и всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ (XV), труды которыхъ составляютъ драгоцѣнное пособіе по археологіи различныхъ областей Россіи, имъ же изданъ рядъ археологическихъ картъ разныхъ губерній съ текстомъ (*В. Б. Антоновича*, *моя* и др.); археологическіе Институты въ Петербургѣ и Москвѣ, рядъ провинціальныхъ археологическихъ и историческихъ обществъ, занимающихся разработкою мѣстныхъ древностей (въ Кіевѣ, Казани, Харьковѣ, Одессѣ), областные археологическіе съѣзды. Обращаясь къ пособіямъ по археологіи Россіи, отмѣтимъ преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя положены въ основаніе данной главы: гр. *А. С. Уваровъ*. Каменный вѣкъ въ Россіи; проф. *А. А. Иностранцевъ*. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера; СПБ. 1882. *В. В. Хвойко*. Каменный вѣкъ средняго Поднѣпровья (Труды XI Археол. Съѣзда. т. I, стр. 736—812); *Его же*. Кіевокирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадленъ (Археол. лѣтопись южной Россіи, 1903 г. № 1); *Его же*. Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры (Зап. Отдѣл. Рус. и Слав. археологіи Имп. Археол. Общ., V, вып. 2); *Спицынъ*. Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ сел. Колодистаго, Кіевской губ. (Изв. Имп. Археол. Ком., вып. 12); проф. *фонъ-Штернъ*. Доисторическая греческая культура

на югѣ Россіи (Тр. XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 9—52; *Б. И. Ханенко.* Древности Поднѣпровья, вып. I; *В. Б. Антоновичъ.* Каменный вѣкъ на Волыни (Тр. XI Археол. Съѣзда, I; проф. *Д. Я. Самоквасовъ.* Могилы Русской земли; *Его же.* Основанія хронологической классификаціи: описаніе и каталогъ древностей, В. 1892. Палеолитическіе кухонные остатки въ сел. Костенькахъ Ворон. губ. (Древности, IX); *Ѳ. К. Волковъ.* Искусство Мадленской эпохи въ Украйнѣ (Археол. лѣт. южной Россіи, 1903 г., № 1); *Его же.* Палеолитическая стоянка въ сел. Мезинѣ, Черн. губ. (Тр. XIV Археол. Съѣзда, III); *Его же.* Палеолітічні знахідки въ с. Мезині на Черниговщині (Зап. укр. наукового товар. въ Киеві, кн. IV, 1909 г.); *П. Ефименко.* Камен. орудія палеол. стоянки въ сел. Мезинѣ, Черн. губ.; *Н. Ѳ. Бѣляшевскій.* Слѣды пребыванія первобытнаго человѣка на берегахъ Днѣпра вблизи Кіева (Тр. VIII Археол. Съѣзда). *В. А. Городцовъ.* Жилища неолитической эпохи въ бассейнѣ Оки (Тр. VIII Археол. Съѣзда, III); *Штукенбергъ.* Матеріалы для изученія мѣднаго и бронзоваго вѣка восточной половины Россіи (Изв. Общ. Арх. Исторіи и Этногр. при Каз. у-тѣ, т. XVII, вып. 4); *В. В. Хвойко.* Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ (Тр. XIII Археол. Съѣзда); *Его же.* Поля погребеній въ среднемъ Поднѣпровьѣ (Зап. Рус. Археол. Общ., т. XII, вып. 1); *А. Спицынъ.* Памятники латэнской культуры въ Россіи (Изв. Имп. Археол. Общ., вып. 12). Общія руководства по первобытной археологіи вообще и Россіи въ частности: проф. *Н. И. Веселовскій.* Первобытный человѣкъ. 1902; пр.-доц. *В. Е. Данилевичъ.* Курсъ русскихъ древностей, читанный на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ, 1908; *В. А. Городцовъ.* Первобытная археологія (курсъ лекцій читанныхъ въ Моск. археол. инст.) 1908; по европейской археологіи — прекрасный трудъ *Нидерле.* Человѣчество въ доисторическія времена 1908; полезная справочная книжка о производствѣ раскопокъ — *А. Спицына.* Археологическія раскопки. 1910.

Значеніе археологіи. Прежде исторію народа начинали обыкновенно излагать съ того момента, когда о немъ появились письменныя извѣстія, когда онъ выступалъ на историческую арену въ качествѣ этнографической единицы, стоящей на извѣстной ступени гражданственности. Пользуясь одними письменными источниками, историческая наука должна была поневолѣ суживать кругъ своихъ задачъ, исключая изъ области своего изученія весь тотъ огромный періодъ доисторической жизни человѣчества, единственными свидѣтелями котораго остались вещественные памятники. При такомъ пробѣлѣ въ историческомъ знаніи, игнорируя вещественные памятники, мы не были бы въ состояніи прослѣдить развитіе человѣческой культуры отъ первобытныхъ стадій ея до того момента, когда къ нашимъ услугамъ являются письменные источники, отъ эпохи дикости до эпохи цивилизаціи. Но роль археологіи не прекращается и съ появленіемъ письменныхъ источниковъ; и тогда приходится обращаться къ изученію вещественныхъ памятниковъ, такъ какъ письменныя свѣдѣнія часто малочисленны, неопредѣленны и бѣдны по содержанію. Сами по себѣ вещественные памятники мертвы и представляютъ только основу для научнаго изученія;

археологія, съ помощью извѣстныхъ методовъ, выполняетъ эту задачу и тогда памятники прошлаго даютъ намъ цѣнный матеріалъ для познанія человѣческой культуры въ различныя стадіи ея эволюціоннаго развитія. На помощь археологіи въ выполненіи этой задачи приходятъ науки: сравнительная этнографія, лингвистическая палеонтологія, антропологія и другія. Значеніе доисторической археологіи громадно: благодаря только ей одной мы можемъ представить себѣ матеріальный бытъ и даже духовное развитіе человѣчества на первобытныхъ стадіяхъ культуры. При помощи однихъ письменныхъ источниковъ мы можемъ начать исторію Россіи не ранѣе какъ съ IV в. по Р. Х. Между тѣмъ на нашей территоріи съ незапамятныхъ временъ жили различные народы, культура которыхъ не могла пройти безслѣдно для ихъ преемниковъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ вещественныхъ памятниковъ, и здѣсь, слѣдовательно, благодарная почва для археологическаго изученія. Поэтому и мы, интересуясь смѣною культуръ разныхъ народовъ на русской территоріи, должны предварительно остановиться на культурѣ древнѣйшихъ ея насельниковъ и прослѣдить ея развитіе вплоть до эпохи славяно-русской.

Появленіе человѣка на землѣ и дѣленіе доисторической эпохи на три періода. Время появленія человѣка на землѣ опредѣляется при помощи геологіи и палеонтологіи. Слѣды существованія человѣка, несомнѣнно, встрѣчаются въ такъ называемую диллювіальную (ледниковую) эпоху четвертичнаго періода. Высказывалось мнѣніе, что человѣкъ существовалъ и въ пліоценовую формацію третичнаго періода, такъ какъ тогда уже климатическія условія благопріятствовали его появленію, и въ то время жили допотопныя животныя. А́ priori появленіе человѣка въ эту эпоху является вполнѣ допустимымъ; мы не можемъ принять этого мнѣнія лишь потому, что доказательства, приводимыя его защитниками, нельзя признать совершенно убѣдительными [1]). Попытки опредѣлить хронологически древность человѣка не привели къ надежнымъ результатамъ.

---

[1]) Четвертичную формацію образуютъ аллювій и диллювій; аллювіальные слои — это верхнія отложенія земли, возникшія отъ водныхъ наносовъ; подъ аллювіальными отложеніями находятся болѣе древнія диллювіальныя, происшедшія также отъ водныхъ наносовъ, но уже отъ древнихъ ледниковъ; подъ четвертичной формаціей находятся слои третичной формаціи, изъ коихъ верхній — пліоценъ — соприкасается и имѣетъ много общаго съ диллювіемъ четвертичной формаціи. Къ серединѣ диллювіальной эпохи относится ледниковый періодъ.

Доисторическій быть человѣчества по характеру вещественныхъ памятниковъ принято дѣлить на три періода: каменный, бронзовый и желѣзный. Относительно этихъ періодовъ необходимо замѣтить слѣдующее: они наступали не одновременно у всѣхъ народовъ, а сообразно ходу ихъ культурнаго развитія, и продолжались поэтому не одинаковое количество времени. Переходъ изъ одного періода въ другой происходилъ, конечно, не скачками, не внезапно, а постепенно. Установленные въ доисторической археологіи періоды различаются преобладаніемъ извѣстнаго рода вещественныхъ памятниковъ, а не исключительной принадлежностью ихъ къ одному роду.

Палеолитическая эпоха каменнаго вѣка. Итакъ, мы, несомнѣнно, уже застаемъ человѣка въ четвертичный періодъ. Изъ окружающей его фауны отмѣтимъ болѣе крупные и характерные ея виды, таковы: мамонтъ, пещерный медвѣдь, пещерная гіэна, пещерный левъ, носорогъ, гигантскій олень и четвертичная лошадь; послѣдняя, конечно, въ дикомъ состояніи. По способу обработки матеріала каменный вѣкъ принято дѣлить на двѣ эпохи: палеолитическую и неолитическую. Изъ находокъ костей человѣка первой эпохи въ Зап. Европѣ нужно отмѣтить знаменитые остатки «неандертальскаго» человѣка, названные такъ по пещерѣ, гдѣ они были найдены. Черепъ отличается рѣзкими аномальными признаками— сильно покатымъ лбомъ и выдающимися надбровными дугами, что указываетъ на низкое физическое развитіе племени, къ которому онъ принадлежалъ. Древность этихъ остатковъ, несмотря на отсутствіе при нихъ человѣческихъ издѣлій, съ большимъ вѣроятіемъ относятъ къ четвертичному періоду.

Нѣкоторые западно-европейскіе ученые (Ворсо) высказывали мысль, что въ Россіи, вслѣдствіе болѣе суроваго климата, человѣкъ появился гораздо позже, чѣмъ въ Зап. Европѣ и потому одновременное существованіе его съ мамонтомъ и носорогомъ не

Въ началѣ третичной эпохи былъ тропическій климатъ и ему соотвѣтствовали тропическая флора и фауна. Въ серединѣ третичной формаціи климатъ началъ охлаждаться, флора и фауна сдѣлались бѣднѣе, но все же даже въ началѣ дилювія климатъ былъ мягче нынѣшняго, флора и фауна разнообразнѣе нынѣшней, но затѣмъ температура рѣзко понизилась и наступилъ въ серединѣ дилювіальной эпохи ледниковый періодъ: сѣверный скандинавскій ледникъ проникъ на югъ, дошелъ до Поднѣпровья, оставляя здѣсь сѣверныя породы; тогда во время таянія его, когда были бурные потоки, образовались слои дилювіальнаго лёса, толщиною въ нѣсколько саженъ, озера и болота, произошло рѣзкое измѣненіе флоры и фауны: арктическая вытѣснила менѣе приспособленную къ новымъ условіямъ тропическую и создавалась современная (исчезли мамонты).

можетъ быть доказано. Но вскорѣ послѣдовавшія находки показали ошибочность этого утвержденія.

Въ настоящее время палеолитическихъ стоянокъ въ Россіи извѣстно и научно обслѣдовано не особенно много и большинство находится въ южной Россіи; но въ противоположность Западной Европѣ, гдѣ остатки первобытнаго диллювіальнаго человѣка находимы были по большей части въ пещерахъ, у насъ слѣды его открыты на побережьяхъ. Самою древнею нужно признать Кіевскую Кирилловскую стоянку, которая открыта была В. В. Хвойко и которую Ѳ. К. Волковъ относитъ къ Мадленской эпохѣ (позднему западно-европейскому палеолиту), а самъ В. В. Хвойко считаетъ ее болѣе древней. И дѣйствительно, она открыта въ толщѣ сѣро-зеленоватыхъ четвертичныхъ песковъ, а, гдѣ они смыты, въ слоѣ синей глины третичнаго образованія (что свидѣтельствуетъ о ея древности), на глубинѣ 20 метровъ и занимаетъ болѣе 1000 кв. мет. Здѣсь найдено было цѣлое кладбище мамонтовъ (70 экземпляровъ однихъ нижнихъ челюстей). Человѣкъ здѣсь жилъ во всякомъ случаѣ въ эпоху мамонта.

Другая стоянка въ Черниговской губерніи у сел. Мезини, изслѣдованная Ѳ. К. Волковымъ; она, повидимому, нѣсколько моложе предыдущей; расположена въ четвертичномъ лёсовомъ образованіи, но не столь глубоко, какъ Кіевская, и имѣетъ кромѣ мамонтовой и болѣе позднюю фауну. Слой этотъ залегаетъ на третичныхъ образованіяхъ и относится, повидимому, къ послѣледниковой эпохѣ и находится in situ, а не занесенъ водою изъ другого болѣе поздняго наслоенія. Въ культурномъ археологическомъ слоѣ находились обломки костей, кремневыя орудія и осколки, костяныя издѣлія, кусочки угля. Здѣсь, очевидно, была мастерская орудій, о чемъ свидѣтельствуетъ много осколковъ, нуклеусовъ и присутствіе на мѣстѣ кремня. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наилучшія орудія лежали подлѣ костей, а осколки вдали отъ нихъ. Третичныя раковины имѣли отверстія для подвѣски и служили, вѣроятно, въ качествѣ ожерелья. Найденныя кости, послѣ научнаго опредѣленія ихъ, оказались принадлежащими слѣдующимъ первобытнымъ животнымъ. Elephas primigenius (мамонтъ), Rinoceros (носорогъ), Equus (лошадь), Bos priscus (быкъ), Ursus (медвѣдь), Cervus Tarandus (олень), Canis-lupus (волкъ-собака). Интересенъ сѣверный олень, обычный въ палеолитическихъ стоянкахъ запада, но у насъ до сихъ поръ не встрѣченный; интересенъ и волкъ—дикая собака. Каменныхъ орудій, не считая нуклеусовъ и пластинокъ, было найдено болѣе тысячи. Это были отбойники,

скребки, проколки-провертки, пластинки со стесаннымъ краемъ, рѣзцы. Предметы эти очень похожи на издѣлія французскихъ верхнихъ палеолитическихъ стоянокъ Мадленской эпохи. Особенно интересны среди находокъ Мезинской стоянки орнаментированные предметы изъ мамонтовой кости, требовавшія для своего приготовленія большого искусства. Для ихъ производства употреблялись особенныя кремневыя рѣжущія орудія, преобладающія среди всѣхъ вообще орудій Мезинской стоянки. Третья палеолитическая стоянка была открыта у Кривого Рога въ Екатеринославской губ. Здѣсь, кремневыя орудія и кости мамонта лежали въ пластахъ красноватой глины диллювіальной формаціи.

Четвертая стоянка у сел. Гонцовъ, Лубенскаго у., Полтавской губ., открытая Каминскимъ ранѣе остальныхъ, еще моложе предыдущихъ, ибо находилась выше слоя лёса и относится къ позднему послѣледниковому періоду [1]). Пятая безспорно палеолитическая стоянка была открыта и изслѣдована въ Воронежской губ. у села Костенокъ Поляковымъ и Кельсіевымъ. Здѣсь были найдены мамонтовы кости въ большомъ количествѣ (Поляковъ нашелъ 10 мамонтовъ) и кухонные остатки (330 кремневыхъ орудій): ножи, скребки, много осколковъ; предметы эти имѣютъ аналогію съ Гонцовскими и Карачаровскими. Шестая стоянка Муромскаго у., Владимірской губ., у села Карачарова, открытая гр. А. С. Уваровымъ; тамъ тоже были найдены мамонтовы кости вмѣстѣ съ кремневыми орудіями (болѣе пятисотъ). Всѣ эти стоянки свидѣтельствуютъ о существованіи у насъ палеолита во вторую половину диллювіальной эпохи; орнаментированныя орудія соотвѣтствуютъ болѣе позднему палеолиту Западной Европы — эпохѣ Мадленской и переходной къ неолиту; съ Мадленской эпохой сближаютъ Кіевскую и Мезинскую стоянки присутствіе мамонтовыхъ костей съ орнаментомъ въ видѣ нарѣзовъ. Культура эта характеризуется присутствіемъ палеолитическихъ кремневыхъ орудій-копій, скребковъ и рѣзцовъ, ножей и пилъ; есть орудія и изъ кости; фауна здѣсь также мамонтовая, при чемъ, кромѣ мамонта, открыты кости носорога, льва, пещернаго медвѣдя, гіэны, сѣвернаго оленя, волка-собаки. На Западѣ ранѣе появились рѣзныя фигурки, а потомъ рѣзьба на кости, у насъ рѣзьба на мамонтовой кости появилась еще въ эпоху

---

1) Самъ Каминскій относилъ свои находки къ типу мустье эпохи мамонта (по западно-европейской археологической классификаціи), но проф. Ѳеофилактовъ по слою ихъ нахожденія (лёсовидный илъ) отнесъ ихъ къ аллювіальной, а не диллювіальной эпохѣ, къ поздней послѣледниковой эпохѣ (Тр. 3 Арх. Съѣзда, I стр. 156—157).

мамонта. Среди находокъ каменнаго вѣка изслѣдователи различаютъ *мастерскія* и *стоянки*; какъ тѣ, такъ и другія характеризуются находимыми въ нихъ каменными орудіями. Для стоянокъ требовалась мѣстность, удовлетворяющая условіямъ жизни; для мастерскихъ нужна была мѣстность, обильная кремнемъ, какъ матеріаломъ для приготовленія орудій. Большею частью стоянки и мастерскія встрѣчаются вмѣстѣ и лишь изрѣдка отдѣльно. Примѣромъ стоянки можетъ служить Карачаровская, а какъ на мастерскую можно указать на открытую Штукенбергомъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., гдѣ въ изобиліи найдены разсѣянные обломки и осколки неудавшихся орудій, а также и готовыя орудія.

Бытъ человѣка палеолитической эпохи. Теперь на основаніи находокъ попытаемся изобразить бытъ человѣка палеолитической эпохи. Орудія въ эту эпоху дѣлались изъ разныхъ каменныхъ породъ, но наиболѣе изъ кремня, вслѣдствіе его повсемѣстной распространенности и сравнительно легкой обработки. Первоначальная обработка получалась путемъ отбиванія; при находкахъ часто попадаются такъ называемыя ядрища, имѣющія форму конуса съ замѣтными гранями. Осколки насаживались на древко и такимъ образомъ получался прототипъ наконечниковъ для стрѣлъ и копій. Другимъ матеріаломъ для приготовленія орудій служили кости животныхъ. Орудія палеолитической эпохи, по ихъ характернымъ признакамъ, можно свести къ 5 главнымъ группамъ. Это будутъ: ножи, скребки для оскребанія мяса животныхъ отъ костей, наконечники, молотъ и клинъ, употреблявшійся для рубки мяса и раскалыванія костей. Кости и бивни мамонта употреблялись вмѣсто теперешнихъ обуховъ и палицъ, просверленные звѣриные зубы — для ловли рыбы. Главнымъ занятіемъ и средствомъ для существованія первобытнаго человѣка были охота и рыбная ловля. Окруженный сильными животными мамонтовой фауны человѣкъ постоянно долженъ былъ вести съ ними борьбу за существованіе. Небольшихъ животныхъ онъ поражалъ кремневымъ копьемъ, стрѣлой или молотомъ; чтобы одолѣть крупныхъ животныхъ, нужны были соединенныя усилія первобытныхъ людей, которые прибѣгали здѣсь къ хитрости: выслѣдивъ животное, они загоняли его въ яму, озеро или трясину, гдѣ и убивали. Разведеніе домашнихъ животныхъ было тогда совершенно неизвѣстно. Пищей служили — мясо и рыба; особеннымъ лакомствомъ считался костный мозгъ. Вѣроятно, пищей служили и растительные продукты, въ дикомъ состояніи. Мясо употреблялось въ пищу большею частію въ сыромъ видѣ, хотя встрѣчающіяся обожженныя кости свидѣтель-

ствуютъ, что первобытный человѣкъ умѣлъ и поджаривать его. Жилищами для человѣка въ ту эпоху служили естественныя пещеры; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили очагъ и культурные слои, гдѣ попадаются отбивныя орудія, расколотыя кости, просверленные зубы и др. предметы. Человѣкъ палеолитической эпохи сдѣлалъ уже важныя завоеванія въ культурномъ отношеніи: открылъ способъ добыванія огня и научился дѣлать каменныя орудія. О способѣ открытія огня можно высказывать лишь предположенія: человѣкъ могъ получить его, при обработкѣ каменныхъ орудій и черезъ треніе. У первобытнаго человѣка палеолитической эпохи, несмотря на суровый образъ жизни, было стремленіе къ украшенію и чувство изящнаго, что свидѣтельствуетъ объ его духовномъ развитіи. Занятый борьбой за существованіе, человѣкъ находилъ все-таки время для изготовленія предметовъ украшенія. Предметами украшеній служили: привѣски изъ просверленныхъ зубовъ пещернаго медвѣдя, костяныя бусы въ видѣ столбиковъ и др. Кромѣ того палеолитическій человѣкъ достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ рѣзьбѣ на кости и камнѣ. Такимъ образомъ, еще въ этотъ періодъ было положено начало орнаментальному искусству. Нѣкоторыя костяныя издѣлія украшены полосками, расположенными симметрическими и параллельными группами. Входя съ окружающей природой въ соприкосновеніе, человѣкъ старался запечатлѣть нѣкоторыя картины ея въ изображеніяхъ; конечно, попытки эти были несовершенны, но онѣ для насъ цѣнны тѣмъ, что свидѣтельствуютъ о первоначальной стадіи въ развитіи искусства. На одной кости изображено дерево, а за нимъ какія-то перпендикулярныя полосы—нѣкоторые видятъ въ этомъ попытку начертить хижину. Звѣрей, съ которыми человѣку постоянно приходилось сталкиваться, онъ научился изображать довольно реально: В. В. Хвойкомъ въ Кіевѣ на Кирилловской улицѣ открыта бивня мамонта съ изображеніями какого-то щитоноснаго животнаго въ видѣ черепахи, птичьей головы и ладьи. Чрезвычайно интересенъ орнаментъ на мамонтовой кости въ Мезинской стоянкѣ Ѳ. К Волкова; не менѣе характерна здѣсь и самая форма, напоминающая предметы фаллическаго культа. Такимъ образомъ, у первобытнаго человѣка мы замѣчаемъ сознательное отношеніе къ окружающему и извѣстное эстетическое чувство.

Переходная эпоха каменнаго вѣка. Нѣкоторые изслѣдователи (Мортилье и др.) проводятъ рѣзкое различіе между эпохой палеолитической и неолитической. По ихъ мнѣнію, неолитическая эпоха, по высотѣ культурнаго развитія настолько стоитъ выше палеолитической, что не могла развиться изъ нея эволюціоннымъ

путемъ: она была принесена къ Европу новымъ населеніемъ, при чемъ оно не застало уже на мѣстѣ прежняго, которое исчезло до появленія неолитическаго человѣка, —вѣроятнѣе всего, ушло за мамонтомъ, оленемъ, носорогомъ и др. животными вслѣдствіе перемѣны климата куда-то на сѣверъ. Такимъ образомъ, между палеолитической и неолитической эпохами нѣтъ никакой связи, а замѣчается перерывъ (hiatus). Но болѣе глубокое изученіе первобытной культуры показываетъ, что такое предположеніе не является логически необходимымъ, и мы имѣемъ полную возможность объяснить развитіе неолитической культуры изъ палеолитической. Конечно, перемѣна наступила не сразу, а путемъ продолжительной эволюціи; поэтому нѣкоторые археологи между палеолитической и неолитической эпохами вставляютъ еще *переходную*, къ разсмотрѣнію которой мы сейчасъ и обращаемся.

Она характеризуется открытіемъ гончарнаго ремесла. Первоначально для хозяйственныхъ надобностей вмѣсто глиняной посуды человѣкъ пользовался готовымъ матеріаломъ, какъ-то: раковинами, черепами животныхъ, орѣховыми скорлупами и т. п. Но глина, благодаря своей пластичности, оказалась очень удобнымъ матеріаломъ для изготовленія сосудовъ. Сосуды доисторическій человѣкъ дѣлалъ прямо отъ руки безъ помощи гончарнаго круга. Сначала для этой цѣли употребляли натуральную глину, далѣе съ примѣсями различныхъ веществъ: песку, раковинъ и каменныхъ породъ, чтобы придать керамическимъ издѣліямъ извѣстную прочность. Затѣмъ стали для приготовленія орудій употреблять болѣе мягкія породы камня сравнительно съ кремнемъ; острые края шлифуются, сверленіе слабо развито; оно производилось посредствомъ долбленія кремневымъ остріемъ. Среди шлифованныхъ орудій особенно любопытны здѣсь ясные слѣды пиленья камней; изъ костяныхъ издѣлій нужно отмѣтить шлифованныя различнымъ образомъ орудія, употреблявшіяся, вѣроятно, для проведенія узоровъ на глиняныхъ сосудахъ, и крючки для уженья рыбы. Въ качествѣ предметовъ украшенія служили привѣски изъ шиферныхъ плитокъ и тонкія костяныя пластинки. Глиняные сосуды отличаются разнообразіемъ своихъ формъ; обычная—чаша съ кругловатымъ дномъ и широкимъ отверстіемъ; ушки и ручки замѣняются у нихъ дырками. Узоръ изъ ямочекъ является у нихъ основнымъ мотивомъ орнамента; подражаній растеніямъ и животнымъ не встрѣчается.

Отличительнымъ признакомъ переходной эпохи служатъ также искусственныя пещеры; такія пещеры въ 1876 году были

открыты нынѣ покойнымъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ лёсѣ у Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ вдоль по теченію Днѣпра (въ пространствѣ между Вышгородомъ и Терехтемировымъ ихъ насчитано болѣе 50). Пещеры представляютъ собою длинные сводообразные коридоры до 2½ арш. высотою и 1½ арш. шириною; на полу нѣкоторыхъ пещеръ были найдены кухонные остатки, состоящіе изъ раковинъ, костей млекопитающихъ и рыбъ; встрѣчаются кости быковъ, свиней и лошадей. По осколкамъ глиняныхъ сосудовъ и орудіямъ, изготовленнымъ изъ мягкой каменной породы, эти пещеры слѣдуетъ относить къ переходной эпохѣ. Въ 1878—82 гг. при устройствѣ Сясьскаго канала на побережьи Ладожскаго озера пр. Иностранцевымъ обнаружены были ясные и подробные слѣды каменнаго вѣка переходной эпохи. Въ торфяномъ слоѣ были найдены кости человѣка, животныхъ и издѣлія изъ камня и кости. Судя по костямъ животныхъ — тюленя, сѣвернаго оленя, лося, кабана, зубра, бураго медвѣдя, домашней собаки и др., мы видимъ, что современная доисторическому человѣку на побережьѣ Ладожскаго озера фауна была болѣе близка къ настоящей, чѣмъ въ эпоху палеолита. Домашнихъ животныхъ въ прирученномъ состояніи не было, кромѣ собаки 2 породъ, одна изъ которыхъ въ честь изслѣдователя получила въ наукѣ названіе «canis Inostranzewi»; собака и тогда являлась дѣятельнымъ помощникомъ человѣка въ его жизни. Каменныя орудія были найдены 2 родовъ: отбивныя и шлифованныя; это будутъ: скребки, наконечники стрѣлъ, долота, топоры, рубила, долбни, точила; изъ предметовъ для украшенія встрѣчаются тоненькія пластинки и кольца. Найдено также громадное количество костяныхъ и роговыхъ издѣлій—кости съ различными заостреніями съ одной или обѣихъ сторонъ, ножи-скребки, иглы, шила, дротики, гарпуны и лопаты, а также особыя издѣлія, въ которыхъ нѣкоторые склонны видѣть амулеты. Цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ не найдено; сосуды были большихъ размѣровъ, плохо обожжены, украшены орнаментомъ. У первобытнаго человѣка на берегу Ладожскаго озера мы замѣчаемъ стремленіе къ силуэтному изображенію окружающихъ животныхъ: на нѣкоторыхъ костяныхъ предметахъ мы находимъ изображеніе тюленя и собаки. Для каменныхъ орудій нашъ первобытный человѣкъ любилъ употреблять сланцевыя породы, которыя благодаря своей мягкости наиболѣе пригодны для шлифовки и сверленія.

Неолитическая эпоха. На смѣну диллювіальной эпохѣ пришла аллювіальная, на смѣну палеолиту пришелъ неолитъ. Сверленіе и шлифовка служатъ главными отличительными признаками

наступленія новой эпохи каменнаго вѣка—*неолитической*; съ зачатками этихъ искусствъ мы познакомились еще при разсмотрѣніи переходной эпохи, но расцвѣтъ ихъ относится къ неолитической. Первоначально шлифовка была частичной и распространялась только на остріе орудія, а затѣмъ уже стала захватывать все орудіе. Полировка производилась посредствомъ точильныхъ камней, большею частію песчаника. Вначалѣ человѣкъ сверлилъ лишь костяныя издѣлія, какъ наиболѣе податливыя. На каменныхъ орудіяхъ сверленіе замѣнялось долбленіемъ кремневымъ осколкомъ съ двухъ сторонъ, отчего на предметѣ получались двѣ воронки. Сверленіе производилось посредствомъ влажнаго песка и вращенія дерева или рога. Одно время полагали, что это искусство относится къ бронзовому вѣку, такъ какъ требуетъ употребленія бронзоваго цилиндра, но впослѣдствіи на опытѣ было доказано, что оно доступно было и для неолитическаго человѣка при его орудіяхъ. Со сверленіемъ связано и умѣніе украшать каменныя орудія особыми изваяніями, что также характеризуетъ эпоху неолита; такіе памятники найдены были лишь на сѣверѣ Россіи, напримѣръ, архангельскій топоръ, заканчивающійся съ одной стороны звѣриною головою. Матеріалъ для изготовленія орудій въ неолитическую эпоху значительно расширяется вслѣдствіе употребленія новыхъ, болѣе мягкихъ породъ. Отдѣльную группу составляютъ каменныя орудія изъ нефрита. Подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ потребностей появляются неизвѣстныя прежде орудія: сѣкиры, мотыки, желобчатыя долота, зернотерки (находка г. В. В. Хвойка при раскопкахъ землянокъ въ Приднѣпровьѣ), кинжалы и длинныя копья. Гончарное ремесло въ неолитическую эпоху достигаетъ значительнаго совершенства какъ въ отношеніи улучшенія матеріала, такъ и орнаментики на сосудахъ. Сосуды вырабатывались или отъ руки или на устойчивыхъ основахъ, но все еще безъ гончарнаго круга, который появляется лишь съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка въ скиѳо-сарматскій періодъ нашей исторіи. Характерные сосуды неолитической керамики слѣдующіе: корчаги, горшки, чаши, тарелки, кружки, сосуды загадочнаго характера: бездонные, двойные и одиночные, служившіе, вѣроятно, для цѣлей культа, а не хозяйственныхъ надобностей; изъ сосудовъ техническаго назначенія можно указать—прясла и ткацкіе грузики, а музыкальнаго—свистки. Для нанесенія орнамента неолитическій человѣкъ пользовался нитью, веревочкой, тесьмой, рогожей, сѣткой, заостренной костью и др. Въ русской доисторической керамикѣ устанавливаютъ 8 семействъ орнамента эпохи неолита, какъ-то: чеканный, точечный и др.

Неолитическая эпоха характеризуется въ отношеніи фауны исчезновеніемъ большихъ животныхъ эпохи палеолита, изъ которыхъ удержались только сѣверный олень, зубръ и туръ. Человѣкъ принужденъ былъ обезпечивать себѣ пропитаніе тѣмъ, что ловилъ животныхъ и заботился о размноженіи ихъ въ цѣлыя стада. Раньше всего была приручена собака, затѣмъ уже быки, овцы и свиньи; лошадь въ то время была сравнительно рѣдка. Такимъ образомъ, въ неолитическую эпоху появляются домашнія животныя и скотоводство. Охота и рыбная ловля продолжали оставаться главнымъ занятіемъ человѣка, хотя уже и не исключительнымъ. Ручныя мельницы и плоскіе камни для раздавливанія зеренъ (зернотерки) въ стоянкахъ и поселеніяхъ неолитической эпохи свидѣтельствуютъ о существованіи въ эту эпоху земледѣлія. Другое важное явленіе неолитической эпохи составляетъ открытіе обработки волокнистыхъ веществъ: ткани приготовлялись или посредствомъ простого плетенія руками, или съ помощью примитивнаго ткацкаго станка; о существованіи этого ремесла въ эпоху неолита свидѣтельствуютъ находки глиняныхъ пряслицъ.

Памятниками неолитической эпохи являются стоянки и мастерскія, курганы и могильники. Раіонъ распространенія первыхъ очень великъ: онѣ встрѣчаются на всемъ протяженіи Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго—до Уральскихъ горъ. Имѣется цѣлый рядъ стоянокъ на песчаныхъ буграхъ-дюнахъ побережья Днѣпра, которыя Н. Ѳ. Бѣляшевскій прослѣдилъ на протяженіи 50 верстъ отъ Кіева; здѣсь особенно замѣчательна стоянка у села Вишенокъ (Черн. губ.). Предметы этой стоянки отличаются разнообразіемъ, красотой и соразмѣрностью формъ, миніатюрностью, тонкостью, изяществомъ отдѣлки и удачнымъ подборомъ матеріала: кремень плотный мелкозернистый, дававшій тонкіе, ровные осколки почти прозрачные, очень красивые; другая стоянка у Никольской слободки подъ Кіевомъ, гдѣ найдены были кремневыя орудія (ножи, стрѣлы), гончарныя издѣлія, кости мелкихъ млекопитающихъ; третья у сел. Вигуровщины у Триполья (шлифованныя діоритовыя орудія); обширная мастерская полированныхъ орудій найдена въ южной Волыни; Юрьева гора у мѣст. Смѣлы дала ок. 1500 орудій; около с. Хухры (Ахтыр. уѣзда); стоянка у с. Кочетка, тянущаяся на разстояніи 10—15 вер. по берегу Сѣверскаго Донца; въ Изюмскомъ уѣздѣ у того же Донца и др. Стоянки въ то же время являются въ большинствѣ случаевъ и мастерскими, какъ мы уже имѣли случай указывать.

Жилищами человѣка въ неолитическую эпоху, кромѣ искусственныхъ пещеръ, служили землянки, такъ называемыя культурныя ямы, надъ которыми на поверхности были хижины. Въ настоящее время онѣ засыпаны землею, пепломъ, кухонными отбросами; иногда въ нихъ попадаются человѣческія кости и даже цѣлые скелеты. Вопросъ о жилищахъ человѣка въ неолитическую эпоху на территоріи Россіи обстоитъ такъ: одни признавали жилищами первобытнаго человѣка пещеры, другіе полагали, что человѣкъ могъ постоянно обитать на дюнахъ, гдѣ были его стоянки, третьи поддерживали мысль, что въ холодной сѣверной полосѣ служили жилищами ямы-землянки; наконецъ, высказано было мнѣніе, что зимою человѣкъ эпохи неолита обиталъ въ пещерахъ, а лѣтомъ на дюнахъ, во временныхъ шалашахъ и при дюнныхъ очагахъ. Къ поселеніямъ неолитической эпохи относятся города, остатками коихъ являются городища—доисторическія укрѣпленія, защищенныя валомъ и сдѣланныя изъ земли или камня вокругъ мѣста, которое нуждалось въ защитѣ. Въ виду того, что городища сохранились и отъ временъ историческихъ, не легко отличить неолитическія городища отъ остальныхъ видовъ ихъ. Нерѣдко въ пластахъ земли городища мы находимъ остатки какъ неолитическихъ, такъ и позднѣйшихъ эпохъ, что свидѣтельствуетъ объ обитаемости городища въ разныя культурныя эпохи, начиная съ эпохи неолита. У насъ, въ Россіи, ямы имѣются возлѣ Кіева и въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Изъ городищъ упомянемъ о Дьяковскомъ возлѣ Москвы, въ нижнихъ слояхъ котораго найдены каменные и костяные предметы; наиболѣе часто встрѣчаются неолитическія городища въ западной Волыни. И въ неолитическую эпоху человѣкъ не забывалъ, конечно, удовлетворять своей врожденной наклонности къ изящному; объ этомъ свидѣтельствуетъ развитіе орнаментики, достигавшей иногда высокой степени совершенства; изъ предметовъ украшенія впервые появляются подвѣски изъ янтаря, доставлявшагося путемъ торговли изъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей; глиняныя статуэтки, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, указываютъ на существованіе искусства ваянія.

Въ области духовной культуры въ неолитическую эпоху мы замѣчаемъ не менѣе важную перемѣну въ сравненіи съ палеолитомъ—мы здѣсь имѣемъ въ виду факты погребальнаго обряда; а это обстоятельство указываетъ на цѣлую эволюцію въ области идей, связанныхъ со смертью, матеріальнымъ и духовнымъ существомъ человѣка. Обрядъ погребенія нужно признать за отличительный признакъ неолитической эпохи; онъ предпо-

лагаетъ также существованіе религіозныхъ представленій, хотя бы въ зачаточной формѣ. Гр. Уваровъ считалъ отсутствіе насыпей характернымъ признакомъ неолитическихъ гробницъ, судя по открытымъ имъ пяти могиламъ въ Волосовской стоянкѣ, недалеко отъ г. Мурома. Костяки лежали тутъ на боку, по направленію отъ сѣвера къ югу, съ одной рукой, подложенной подъ голову; надъ головой, въ слоѣ угля, находился сосудъ съ пепломъ, звѣриными костями и кремневымъ наконечникомъ изящной отдѣлки. Раскопки гр. А. А. Бобринскаго возлѣ м. Смѣлы (Кіевской губ.) показываютъ, что къ неолитической эпохѣ относятся и курганныя погребенія. Могилы каменнаго вѣка неолитической эпохи, Кіевской губ., пр. В. Б. Антоновичъ раздѣляетъ на 3 вида: 1) курганы со скелетами въ вытянутомъ положеніи, иногда обернутыми въ древесную кору; 2) плоскія могилы съ погребеніемъ въ каменныхъ ящикахъ (кистахъ), довольно рѣдкія; 3) большіе курганы, содержащіе по нѣскольку скелетовъ въ скорченномъ положеніи; къ этому виду относятся и курганы возлѣ м. Смѣлы. Характерной чертой этого вида погребенія является окрашиваніе костяковъ краснымъ веществомъ минеральнаго происхожденія. Трупъ, или часть его, посыпалась или обмазывалась красною краской; съ разложеніемъ тѣла окраска осѣдала на костяхъ: по химическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что кости красились не въ свѣжемъ своемъ состояніи, а много времени спустя послѣ погребенія, когда онѣ уже высохли. Красный цвѣтъ имѣлъ, вѣроятно, ритуальный погребальный характеръ. Вырѣзанное изъ земли скорченное, одиночное и безъ всякихъ предметовъ погребеніе окрашеннаго костяка имѣется въ музеѣ Харьк. у-та. Къ неолитической эпохѣ относится также любопытный обычай трепанаціи череповъ, имѣвшій, вѣроятно, религіозное значеніе; встрѣчается онъ въ курганахъ возлѣ м. Смѣлы, въ городищѣ на Княжей горѣ и въ другихъ мѣстахъ. Обрядъ трупосожиганія неолитической эпохи встрѣчается въ Кіевской губ., Бессарабіи, Подоліи, Екатеринославской губ., Харьковской губ. (около с. Будъ и х. Березовки Ахтырскаго уѣзда) и въ др. мѣстахъ.

Трипольская неолитическая культура. Начало эпохи неолита приблизительно опредѣляютъ за 5000 — 7000 лѣтъ до нашей эры, ея конецъ — за 1000 лѣтъ. Къ концу неолита въ южной Россіи относится особая, своеобразная неолитическая, такъ называемая, *Трипольская* культура, представляющая сходство съ Микенской; она имѣла обширное распространеніе: слѣды ея встрѣчаются, начиная отъ Черниговской губ. въ области Десны, далѣе въ Кіевской губ. въ бассейнѣ Днѣпра, въ смежныхъ ча-

стяхъ Херсонской губ., проходятъ черезъ Подольскую губ., отсюда идутъ на западъ въ Галицію, а на югъ—въ Бессарабію и далѣе въ славянскія земли Балканскаго полуострова и въ Румынію. Раскопки В. В. Хвойка въ самомъ Кіевѣ по Кирилловской ул. и среднемъ Приднѣпровьѣ (въ м. Стайкахъ, Жуковцахъ, Трипольѣ, Веремьѣ и др.) познакомили ученый міръ съ характерными чертами этой своеобразной неолитической культуры. Всѣ находки относятся къ двумъ видамъ сооруженій — землянкамъ и глинянымъ площадкамъ. Землянки представляютъ собою подземное сооруженіе, служившее жилищемъ для неолитическаго человѣка; ихъ можно сравнить съ культурными ямами, о которыхъ мы уже говорили. Находимые въ нихъ предметы и кухонные остатки позволяютъ нарисовать картину матеріальной, отчасти и духовной жизни ихъ обитателей. Вещи хозяйственнаго характера, находимыя въ землянкахъ, какъ-то: пряслицы, зернотерки и ткацкіе челноки, свидѣтельствуютъ о занятіяхъ жителей. Населеніе землянокъ, судя по этимъ находкамъ, было знакомо съ земледѣліемъ и ткацкимъ ремесломъ. На занятіе земледѣліемъ указываютъ также зерна обуглившейся пшеницы, проса, ячменя и конопли и примѣсь мякины къ обмазкѣ стѣнъ. На днѣ землянки находится очагъ, наполненный золою, смѣшанною съ пищевыми остатками. Содержаніе этихъ остатковъ знакомитъ насъ съ питаніемъ жителей землянокъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимали растворчатыя раковины, затѣмъ мясо четвероногихъ животныхъ—оленя, дикой козы, дикаго кабана и бобра, а также и домашнихъ—лошади и коровы, сравнительно рѣже встрѣчаются кости рыбы и птицъ. Въ нѣкоторыхъ землянкахъ были найдены конгломераты въ видѣ лепешекъ, представлявшіе остатки пищи первобытнаго человѣка, превратившіеся благодаря химическому процессу изъ органическихъ веществъ въ минеральныя. Изъ издѣлій костяныхъ и каменныхъ первое мѣсто по количеству и качеству занимаютъ костяныя; каменныя неискусно отбиты и отшлифованы. Гончарная техника, вначалѣ стоявшая на низкой ступени развитія, впослѣдствіи достигаетъ значительнаго совершенства. По черепкамъ, находимымъ въ землянкахъ, можно прослѣдить это развитіе; отъ черепковъ изъ плохого матеріала и съ слабымъ обжигомъ является переходъ къ черепкамъ, значительно превосходящимъ ихъ въ указанныхъ отношеніяхъ и украшеннымъ орнаментомъ. Найденные гончарные горны и обломки неудавшейся посуды со слѣдами обжига свидѣтельствуюъ о мѣстномъ производствѣ.

Глиняныя площадки относятся къ совершенно другому виду сооруженій. Судя по замѣтно обдуманному выбору мѣстности

для ихъ постройки, системѣ ихъ расположенія, разнообразію ихъ инвентаря, мы заключаемъ, что назначеніе ихъ должно быть совершенно другое. Здѣсь нѣтъ очаговъ и пищевыхъ остатковъ. Въ нихъ сохранились глинобитные обожженные остатки стѣнъ съ отпечатками на нихъ прутьевъ, кольевъ и бревенъ, бока ихъ сглажены, а иногда и окрашены въ красный и сѣровато бѣлый цвѣтъ. Въ площадкахъ иногда пирамидально сложены камни; встрѣчаются и глиняные столбы въ видѣ усѣченнаго конуса, чашеобразныя каменныя плиты; обыкновенно огромное количество сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые были наполнены пережженными костями; попадаются и черепа и скелеты на самой поверхности. Площадки располагались обыкновенно на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ. Расположеніе и содержаніе площадокъ показываетъ, что онѣ не были жилыми помѣщеніями, а погребальными сооруженіями и мѣстами для совершенія различныхъ религіозныхъ обрядовъ. Эти могильные памятники, повидимому, часто реставрировались путемъ обмазки и окраски, а также періодически посѣщались родственниками, приносившими сюда съ собою сосуды ритуальнаго характера и пищевыя вещества. Погребеніе совершалось посредствомъ сожженія, происходившаго или на мѣстѣ или въ спеціальномъ помѣщеніи. Кости клали въ сосудъ или оставлялись на полу площадокъ. По инвентарю площадокъ, ихъ изслѣдователь В. В. Хвойко различаетъ 2 типа культуры, изъ коихъ каждый характеризуется различными керамическими издѣліями и другими признаками [1]).

Изъ разнообразныхъ сосудовъ, встрѣчающихся въ площадкахъ, упомянемъ о слѣдующихъ: двойные биноклеобразные сосуды, украшенные бороздчатымъ орнаментомъ, шарообразные и плошкообразные сосуды, поверхность которыхъ покрыта коричневой краской и грушевидные сосуды съ небольшимъ отверстіемъ въ верхней части, украшенные спиральнымъ орнаментомъ. Характерною особенностью ихъ являетсн декоративная роспись.

---

[1]) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ реконструкціи землянокъ и площадокъ не всѣ изслѣдователи сходятся другъ съ другомъ. Очень интересный опытъ реставраціи площадокъ, раскопанныхъ у сел. Колодистаго Доманицкимъ, принадлежитъ Спицыну, который указываетъ въ нихъ, между прочимъ, очаги. Проф. Штернъ, по своимъ Петренскимъ раскопкамъ реконструируетъ площадки такъ: выкапывалась яма 4-хъ угольной формы глубиною до 2-хъ метровъ, дно ея утрамбовывалось глиной, образующей подпочву, иногда окрашивалось красною охрой, образовывались и боковыя стѣны слегка обожженной глиняной обмазкой; стѣны возвышались надъ землей и покрывались кровлей, состоявшей изъ бревенъ, съ толстой глиняной обмазкой. Туда, въ этотъ домъ мертвыхъ, ставились урны съ прахомъ.

Оригинальною особенностью Трипольской культуры являются глиняныя статуэтки, свидѣтельствующія о развитіи искусства и вкуса къ художественнымъ произведеніямъ. Изъ находокъ этого рода упомянемъ о статуэткѣ изъ темнокрасной глины, представляющей собою женскую фигуру, трехугольное лицо которой, крючковатый носъ и близко поставленные глаза придаютъ всей физіономіи сходство съ совой; о фигурѣ изъ черной глины, изображающей человѣческую голову съ обозначеніемъ глазъ и носа, о глиняной женской статуэткѣ, покрытой коричневой краской въ сидячемъ положеніи, со сложенными на груди руками и горизонтально вытянутыми ногами и др.

Аналогичныя находки были сдѣланы пр. фонъ-Штерномъ въ м. Петренахъ Бессарабск. губ.; имъ были изслѣдованы лишь однѣ площадки, такъ какъ землянокъ не было обнаружено, хотя пр. Штернъ не сомнѣвается въ ихъ существованіи. Эти площадки должны быть разсматриваемы не какъ остатки поселенія, но какъ мѣста для трупосожженія и жертвоприношенія. Сожженіе труповъ, вѣроятно, происходило не въ самомъ погребальномъ сооруженіи: остатки пепла и костей тщательно собирались въ урну, которая ставилась въ усыпальницѣ. Въ площадкахъ, кромѣ урнъ, находились другіе сосуды; урну окружали маленькіе сосуды, наполненные золой, остатками костей животныхъ или просомъ. Кромѣ того на землѣ встрѣчаются каменные молотки и топоры, ножи, пилы изъ кремня и др. предметы. Петренская культура не знаетъ еще гончарнаго круга, но сосуды обожжены хорошо. По характеру исполненія можно различать три группы сосудовъ: 1) сосуды безъ всякаго украшенія; 2) сосуды со вдавленной орнаментикой, которые—въ противоположность сосудамъ Трипольской культуры—встрѣчаются очень рѣдко; 3) сосуды, украшенные декоративной росписью; послѣдній видъ сосудовъ въ Петренскихъ раскопкахъ является преобладающимъ и представляетъ характерную особенность этой культуры. Живопись выполняется большею частію одной краской: черной или фіолето-коричневой, рѣже двумя красками: красной и черной. По разнообразію формъ сосуды Петренской культуры уступаютъ Трипольскимъ. Декоративная роспись Петренскихъ сосудовъ заставляетъ исправить господствующее въ наукѣ мнѣніе, что отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ въ противоположность росписнымъ сосудамъ въ культурныхъ странахъ Евфрата и Тигра, гдѣ мотивы декораціи были заимствованы изъ органическаго міра. На Петренскихъ сосудахъ мы впервые въ неолитической культурѣ Европы замѣчаемъ попытку укра-

исть оставшіеся свободными послѣ геометрической орнаментировки мѣста образами органическаго міра. Мы встрѣчаемъ изображенія человѣческихъ лицъ—послѣднія не вполнѣ удачны. На болѣе высокой ступени стоитъ изображеніе животныхъ: лошади или осла, козы и собаки; послѣдняя изображена во время бѣга. Въ тѣсной связи съ керамикой стоитъ и глиняная пластика; укажемъ на два фрагмента глиняныхъ идоловъ: одинъ представляетъ нижнюю часть какой-то фигуры, другой—верхнюю часть тѣла съ грудными сосцами и двумя отверстіями въ плечахъ. Часто попадаются также изображенія быковъ съ большими, далеко расходящимися рогами.

По находкамъ хлѣбныхъ породъ, костямъ домашнихъ животныхъ нужно допустить, что жители, соорудившіе площадки, перешли къ осѣдлой жизни и занимались земледѣліемъ, конечно, примитивнымъ. Важнѣйшими домашними животными были: овца, коза, свинья, крупный рогатый скотъ, и, можетъ быть, лошадь.

Населеніе первоначально знало обрядъ трупоположенія, а потомъ уже перешло къ трупосожженію; пережитки первобытнаго погребальнаго обряда можно видѣть въ обычаѣ класть вмѣстѣ съ урнами и пепломъ въ усыпальницу оружіе и предметы домашняго обихода.

Петренская и Трипольская культура, очевидно, одного происхожденія, но въ хронологическомъ отношеніи Трипольскую можно относить къ немного болѣе раннему періоду, чѣмъ Петренскую. По поводу происхожденія Трипольской культуры высказывалось мнѣніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть отраженіе Микенской культуры. Однако, то обстоятельство, что неолитическое населеніе, строившее площадки, не знало еще бронзы, а все оружіе и орудія приготовляло изъ камня и кости, дѣлаетъ эту гипотезу, по мнѣнію пр. Штерна, болѣе чѣмъ сомнительной. Внимательное изученіе образцовъ Петренской и Трипольской керамики показываетъ всю несостоятельность теоріи заимствованія: наоборотъ, въ мотивахъ Петренской росписи пр. Штернъ видитъ какъ бы преддверіе, *прототипъ* Микенской вазовой живописи; ее можно датировать 3-мъ тысячелѣтіемъ до Р. Х. Въ Петренской и Трипольской культурахъ мы должны видѣть, по его мнѣнію, созданіе индо-европейскаго населенія, достигшаго въ Дунайско-Днѣпровской области осѣдлой жизни и положившаго здѣсь начало той культурѣ и художественной керамикѣ, которая такъ пышно потомъ расцвѣла на греческой почвѣ. Такимъ образомъ, мы должны искать разгадки Микенской культуры, по мнѣнію пр. Штерна, въ Петренско-Трипольской, а ненаоборотъ. Добровольно, или подъ напоромъ другой народной волны, въ

концѣ неолитической эпохи, племена, создавшія Трипольско-Петренскую культуру, покинули свое мѣстожительство и въ своемъ стремленіи съ сѣвера на югъ заселили берега Малой Азіи, острова Эгейскаго моря и собственно Грецію [1]. Въ концѣ неолита прекращается, поэтому, расписная керамика на югѣ Россіи и не существуетъ уже въ бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ, а начинается на греческой почвѣ, куда она перешла вмѣстѣ съ населеніемъ, ее создавшимъ. Таково мнѣніе проф. Штерна о Трипольско-Петренской культурѣ въ области Дуная и Днѣпра; оно затрогиваетъ чрезвычайно важные вопросы и даетъ имъ извѣстное рѣшеніе, правильность котораго должна будетъ подтвердить или отвергнуть археологическая наука *въ будущемъ*.

Мегалитическія сооруженія. Къ неолитической эпохѣ еще относятся такъ называемыя мегалитическія сооруженія, хорошо извѣстныя въ Зап. Европѣ подъ именемъ долменовъ, менгировъ и кромлеховъ.

Менгиры, или стоячіе камни, представляютъ собой простѣйшій видъ мегалитовъ — большія глыбы камней, водруженныя въ видѣ обелисковъ въ вертикальномъ положеніи. Сооруженія изъ камней, расположенныхъ въ видѣ круга, называются *кромлехами*. *Долмены* представляютъ собою искусственныя камеры изъ грубо обтесанныхъ каменныхъ плитъ, находящіяся или просто подъ открытымъ небомъ или подъ земляною насыпью. Форма долменовъ различна. Въ археологической наукѣ принято теперь мнѣніе, что долмены представляютъ собою гробницы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ ничего не найдено, такъ какъ они часто подвергались разграбленіямъ. Менгиры у насъ встрѣчаются въ Вол., Под. и Херсон. губ. Долмены на Кавказѣ, въ Крыму и кое-гдѣ въ Польшѣ.

Слѣды мѣдно-бронзовой культуры въ Россіи. Еще римскій поэтъ Лукрецій въ своей поэмѣ «De rerum natura» высказалъ мнѣніе, раздѣляемое теперь наукой археологіи, что человѣчество до желѣзнаго вѣка прошло двѣ другихъ культурныхъ эпохи развитія; въ первой изъ нихъ оружіемъ служили дубины и камни, а во второй — мѣдь.

---

[1]) Изученіе критской керамики еще болѣе утвердило проф. Штерна въ его мысли. „Изъ изученія критскихъ древностей и спеціально древнекритской керамики, — говоритъ онъ, — я вынесъ подтвержденіе убѣжденій, сложившихся у меня при изученіи нашей южно-русской неолитической культуры, что въ началѣ греческаго міра культурное движеніе идетъ съ сѣвера на югъ и что здѣсь на Критѣ, при особенно благопріятныхъ условіяхъ, эта доисторическая культура достигаетъ высшаго апогея своего развитія».

„Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
Et lapides et item siluarum fragmina rami...
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
Sed prior aeris erat, quam ferri cognitus usus,
Quo facilis magis est natura et copia maior“

За каменнымъ вѣкомъ наступаетъ металлическій, который въ свою очередь дѣлится на два періода: бронзовый и желѣзный. Каменныя орудія не сразу вышли изъ употребленія, и намъ нерѣдко приходится встрѣчать металлическія орудія на ряду съ каменными; то же нужно сказать и относительно наступленія желѣзнаго вѣка. Мы должны снова повторить, что эпохи культуръ—мѣдной, бронзовой и желѣзной, опредѣляются не исключительнымъ господствомъ этихъ металловъ, а *преобладаніемъ* ихъ въ употребленіи.

Въ восточной Европѣ была эпоха мѣди, со слѣдами которой мы встрѣчаемся какъ въ Европейской Россіи, такъ и за Ураломъ во всей Сибири. Мѣдныя вещи древнѣе бронзовыхъ, ибо для послѣднихъ нужно было знакомство съ двумя металлами: мѣдью и оловомъ. Такъ называемые «чудскіе курганы», встрѣчающіеся въ большомъ числѣ отъ Самарской и Оренбургской губ. по всей Западно-Сибирской равнинѣ, содержатъ множество мѣдныхъ издѣлій. Матеріалъ для этихъ издѣлій доставляли «чудскія копи» въ южномъ Уралѣ и Алтаѣ. Мѣдь добывалась въ нихъ при помощи каменныхъ орудій или мѣдныхъ кирокъ и мотыкъ изъ оленьяго рога.

Эти мѣдныя издѣлія имѣютъ только отдаленное сходство съ западно-европейскими. Они обрабатывались на мѣстахъ изъ мѣстныхъ рудъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нахожденіе формъ для отливки плавильныхъ горшковъ. Мѣдныя руды были въ Вят., Каз., Перм. и Оренбургской губ.; тамъ находили мѣдные инстументы для выработки руды въ мѣдныхъ рудникахъ. Оттуда вещи во многихъ собраніяхъ—общественныхъ и частныхъ,—(серпы, боевые топоры, кельты, рабочіе топоры, кирки, мотыки, долота, наконечники копій, стрѣлъ). Слѣды древней разработки мѣдныхъ рудниковъ попадаются также въ Бахмутскомъ и Славяно-сербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ. Въ среднемъ Приднѣпровьѣ матеріаломъ для самыхъ раннихъ металлическихъ издѣлій является не бронза, а чистая мѣдь, какъ показываютъ раскопки площадокъ. Мѣдные предметы попадаются также въ курганахъ Харьковской губ. съ окрашенными костяками въ раскопкахъ В. А. Городцова; и то, и другое свидѣтельствуетъ о постепенномъ незамѣтномъ переходѣ неолита въ мѣдный вѣкъ; формы этихъ металлическихъ предметовъ напоминаютъ камен-

ныя. Изъ мѣдныхъ орудій чаще всего встрѣчаются топорики, небольшіе серпы, долота, гораздо рѣже — мѣдные наконечники копій; мѣдныя орудія распространялись очень медленно, сами постепенно совершенствуясь въ своей выдѣлкѣ. Такимъ образомъ, мы не видимъ въ культурѣ никакого рѣзкаго переворота, связаннаго съ появленіемъ мѣди

Находимъ мы слѣды и *бронзовой культуры въ Россіи.* Для бронзовой культуры открывался удобный доступъ на югѣ: она могла проникать съ востока черезъ Средиземное море, изъ малой Азіи черезъ Черное море или мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря черезъ Уралъ. Между тѣмъ находокъ бронзоваго вѣка въ европейской Россіи можно указать очень немного. По мнѣнію В. Б. Антоновича, въ большей части Россіи, желѣзная культура непосредственно слѣдовала за неолитической. Въ южной Россіи, благодаря ея оживленнымъ сношеніямъ съ южной Европой и азіатскимъ востокомъ, эпоха бронзы, если и утвердилась, какъ показываютъ нѣкоторыя находки, то на короткое время, чтобы уступить мѣсто желѣзной.

В. В. Хвойко доказываетъ существованіе мѣдно-бронзовой культуры въ Приднѣпровьѣ. Вначалѣ являются мѣдныя вещи (топорики, выливавшіеся въ глиняныхъ формахъ); въ болѣе позднихъ площадкахъ попадаются мѣдные серпы, долота; бронзовыя же орудія имѣютъ болѣе совершенныя изящныя формы, таковы — кельты, наконечники копій, серпы, ножи, кинжалы, очень рѣдко мечи, оружіе (въ видѣ клада); находимы были и формы для отливки бронзовыхъ орудій (каменныя); между мѣдными и бронзовыми издѣліями въ техникѣ цѣлая пропасть. Очевидно, отрицать совершенно существованіе бронзоваго вѣка въ Россіи нѣтъ основаній, но его нельзя также распространять на все обширное пространство нашей родины. Существованіе его, несомнѣнно, можно констатировать въ Новороссійскомъ краѣ, Сибири, и Средней Азіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Россіи и, въ особенности, на Кавказѣ. Въ Новороссіи къ бронзовому вѣку можно относить, напримѣръ, три кургана: Безщасну могилу возлѣ дер. Ново-Григорьевки, Довгу могилу возлѣ Александрополя и курганъ «Гермесову Близницу»; въ послѣднемъ было найдено большое количество скорченныхъ костяковъ въ разныхъ положеніяхъ съ предметами изъ камня, кости и бронзы. Извѣстно также нахожденіе бронзовыхъ орудій—топоровъ, серповъ и др. возлѣ г. Херсона и въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, въ Приднѣпровьѣ, въ Изюм. уѣздѣ Харьковской губ. (раскопки В. А. Городцова давшія типическія мѣдныя издѣлія), въ Воронежской губ. (цѣлое гнѣздо мѣдной культуры).

Въ восточной Россіи (Приуральскомъ краѣ), Сибири и средней Азіи мы скорѣе имѣемъ дѣло съ *мѣдной культурой*, а не бронзовой. Къ бронзовому вѣку относятся нѣкоторые Приуральскіе могильники: этимъ путемъ черезъ Уралъ шелъ янтарь изъ Балтійскаго побережья къ Каспійскому морю и далѣе на югъ, а взамѣнъ проникала бронза. По богатству и разнообразію бронзовыхъ издѣлій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Ананьинскій могильникъ близъ г. Елабуги, Вятской губ. и Кобанскій могильникъ въ сѣверномъ Кавказѣ. Въ Ананьинскомъ могильникѣ найдено значительное количество погребеній то въ скорченномъ, то въ вытянутомъ положеніи; вещи же, находимыя при нихъ, однородны: изъ предметовъ вооруженія укажемъ на кельты, кинжалы и кирки, изъ предметовъ украшенія слѣдуетъ упомянуть о бронзовыхъ шейныхъ гривнахъ, браслетахъ, цѣпочкахъ, перстняхъ и бляхахъ. Желѣзные кинжалы съ бронзовой рукояткой показываютъ, что могильникъ относится къ концу бронзоваго вѣка.

Въ Кобанскомъ могильникѣ на Кавказѣ также найдено было значительное количество погребеній. Могильникъ этотъ по хахарактеру бронзовыхъ издѣлій, по замѣтному греко-римскому вліянію относится къ позднѣйшей эпохѣ—къ концу бронзоваго вѣка. Предметы вооруженія сводятся къ двумъ типамъ: топорамъ и короткимъ мечамъ; вещи эти отличаются изящной отдѣлкой. Топоры украшены варварской рѣзьбой или въ видѣ геометрическаго орнамента, или животнаго—изображеніями оленей, барсовъ, лошадей, рыбъ и т. п. Рукоятки мечей орнаментируются лишь въ томъ случаѣ, когда они сдѣланы изъ массивной бронзы. Фибулы составляютъ непремѣнную принадлежность мужского и женскаго убора. Число фибулъ въ могилахъ доходитъ отъ 1 до 6-ти; преобладающей является форма лука, тетиву котораго образуетъ игла. Онѣ употреблялись для всякаго рода застежекъ на одеждахъ; украшеніемъ на нихъ является геометрическій орнаментъ. Оригинальными предметами Кобанскаго некрополя нужно признать большія бронзовыя пластинки, съ крючками для укрѣпленія, которые служили украшеніемъ пояса. Орнаментика на нихъ тождественна съ украшеніями топоровъ. Выдаются по своимъ крупнымъ размѣрамъ головныя булавки, употреблявшіяся для погребальнаго варварскаго убора.

Желѣзный вѣкъ. За бронзовымъ вѣкомъ (а во многихъ мѣстахъ за каменнымъ) наступилъ *желѣзный*, который составляетъ послѣднюю стадію доисторической культуры Русской территоріи. Къ бронзовымъ издѣліямъ стали присоединяться желѣзныя; это мы наблюдаемъ, напримѣръ, при нѣкоторыхъ позднихъ скорчен-

ныхъ погребеніяхъ [1]). Желѣзный вѣкъ начинается съ того времени, когда люди научились добывать желѣзо изъ руды и приготовлять изъ него предметы посредствомъ ковки. Западно-европейскій желѣзный вѣкъ дѣлится на эпоху *гальштатской*, *лятенской и римской* культуры.

Ранняя желѣзная западно-европейская культура, гальштатская и лятенская, имѣетъ у насъ незначительныя непосредственныя отраженія. Впрочемъ, А. А. Спицынъ отмѣчаетъ лятенскую культуру въ Кіев., Под. и Вол. губ. Болѣе широкое разспространеніе имѣютъ поля погребальныхъ урнъ; древнѣйшія изъ нихъ содержатъ предметы скиѳо-сарматской и лятенской культуры.

Поля погребеній были открыты въ нѣсколькихъ уѣздахъ Кіевской и Остерскомъ уѣздѣ Черниговской. Это — обширныя могильники безъ насыпей, расположенные на площадяхъ возвышенностей и склонахъ. Въ нихъ 2 типа погребеній: сожженіе и трупоположеніе; сожженіе на глубинѣ до 1 метра; пережженныя кости находились въ урнахъ. Иногда въ урнахъ были только кости, а предметы находились возлѣ нихъ; иногда сожженныя кости и предметы лежали на глиняной площадкѣ, обставленной сосудами. Трупоположеніе — глубже (отъ 1 до $3^1/_2$ метровъ). При скелетахъ помѣщались сосуды, иногда съ костями барана и ножикомъ. Предметы погребальнаго ритуала — бусы, подвѣски изъ морскихъ раковинъ съ продѣтыми бронзовыми кольцами, фибулы (серебряныя, желѣзныя и бронзовыя), пряжки, пластинки и бронзовыя иглы, шила, бронзовыя кольца, желѣзные ножи и серпы, гребни, сосуды (отъ 3—12), глиняные, но изрѣдка и стеклянные.

Русскія древности желѣзнаго вѣка нельзя классифицировать примѣнительно къ западно-европейскимъ памятникамъ. Для желѣзнаго вѣка въ Россіи необходима своя классификація. Проф. Д. Я. Самоквасовъ дѣлилъ древности Россіи по ихъ характернымъ признакамъ на 5 эпохъ: 1) киммерійскую, 2) скиѳскую отъ VI в. до Р. Х. по I в. нашей эры, 3) сарматскую отъ I до V в., 4) славянскую отъ VI до XI в. и 5) половецко-татарскую. Классификація эта вызвала сильныя возраженія: нѣкоторые, напримѣръ, находили невозможнымъ давать чисто историческія названія археологическимъ періодамъ и предлагали замѣнить ихъ археологическими. Мы считаемъ болѣе удачной классификацію русскихъ древностей, предложенную ак. Н. П. Кондаковымъ и

---

1) Такъ, напримѣръ, въ курганахъ селъ Гатнаго и Янковичъ около Кіева вмѣстѣ съ каменными орудіями при покойникахъ оказались желѣзныя и грубая посуда.

гр. И. И. Толстымъ. По этой классификаціи въ Россіи различаются: 1) древности классическія, 2) скиѳо-сарматскія, 3) эпохи великаго переселенія народовъ, 4) домонгольскаго періода. По общепринятому мнѣнію, обитателей южной Россіи,—скиѳовъ—познакомили съ желѣзомъ греки. Ранній періодъ желѣзной культуры у насъ носитъ названіе скиѳской, или скиѳо-сарматской культуры.

3-я глава. Эллинскій міръ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

Черное море. Колонизація сѣвернаго побережья Чернаго моря. Культурныя связи греческихъ колоній съ метрополіей. Ольвія — ея политическая судьба; государственный строй; культура; топографія города; слои стараго города по раскопкамъ Б. В. Фармаковскаго и находки въ нихъ. Пантикапея — столица Босфорскаго царства, его топографія; политическая судьба; культура. Херсонесъ— его мѣстоположеніе; государственный строй; культура; политическая судьба; христіанство въ византійскомъ Херсонесѣ; укрѣпленія Херсонеса, по его раскопкамъ, христіанскіе храмы его, открытые при раскопкахъ. Изслѣдованіе руинъ греческихъ городовъ и ихъ некрополей. Инвентарь греческихъ могилъ. Керамическія издѣлія.

Литература вопроса. Источники для исторіи греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря могутъ быть подведены подъ четыре категоріи: а) письменныя извѣстія, б) надписи, в) монеты и г) вещественные археологическіе памятники. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ собраны акад. *В. В. Латышевымъ*.—Изв. древн. пис. греч. и лат. о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. 1, 3 выпуска. (1893, 1896 и 1900 гг.); содержатъ извѣстія греч. писат. т. II (латинскіе писатели), 2 вып. 1904 и 1906 г. Географія Страбона, пер. *Мищенка*. М. 1879. *В. В. Латышеву* же принадлежитъ и классическое по своему выполненію изданіе надписей—„Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini“, I, II, IV (латинскіе писатели), 2 вып., 1904 и 1906 гг. Petr., 1885, 1890, 1901 и „Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ“ (1896); дальнѣйшее печатаніе и объясненіе надписей имѣло мѣсто въ „Извѣстіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи“ и принадлежало какъ *В. В. Латышеву*, такъ и другимъ ученымъ (въ послѣднее время проф. *М. И. Ростовцеву*); издавались надписи и въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“. Нумизматическій матеріалъ (весьма важный и обширный) собранъ и обработанъ въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ трудовъ. — *Кене*. „Опис. муз. кн. Кочубея“, 1855; *Бурачкова*. Общій каталогъ монетъ принадл. Элл. кол. 1884 г.; труды *Оръшникова, Подшивалова*. Свѣдѣнія по керамикѣ собраны въ описаніи сосудовъ Одес. музея (Зап. Од. Общ., т. XV). Богатѣйшій матеріалъ о раскопкахъ древней Ольвіи, Пантикапеи, Херсонеса и нѣк. др. греческихъ колоній за нѣсколько десятилѣтій помѣщенъ въ изданіяхъ Имп. Археологической Коммиссіи – въ ея «Древностяхъ южной Россіи» (№№ 6, 7, 8, 9, 12, 17, 19, 23, 24), въ ея «Отчетахъ» (въ отчетѣ за 1872 годъ изслѣд. *В. В. Стасова* о катакомбѣ, открытой въ Керчи, за 1873 годъ—о керч. терракотахъ; за 1904, 1905, 1906, 1907 и 1908 г.г. свѣдѣнія о раскопкахъ на островѣ Березани проф. *Штерна* въ отчетахъ за девятисотые годы—данныя о раскопкахъ Б. В. Фармаковскаго, особенно подробныя за 1908 г.); въ ея „Извѣстіяхъ“, гдѣ печатались отчеты проф. Б. В. Фармаковскаго о раскопкахъ въ Ольвіи (вып. 8-й, 13-й, отчеты о раскопкахъ въ Пантикапеѣ *В. В. Шкорпила* (особенно подробный въ 9 вып.); въ Херсонесѣ—*Косцюшки* (подробный за 1905 г. въ 20 вып.), *Бертье-Делягарда*. Проф. *Б. В. Фармаковскій* печатаетъ ежегодныя обозрѣнія раскопокъ въ Ольвіи, Пантикапеѣ, Херсо-

несѣ и другихъ мѣстностяхъ южной Россіи въ „Archäologischen Anzeiger“ (Jarbuch des Kaiserlich deutschen Archeologischen Instituts); они сопровождаются снимками съ памятниковъ и указаніемъ литературы; археологическія новости касательно древнихъ греческихъ колоній на югѣ Россіи появляются здѣсь ранѣе, чѣмъ въ русскихъ изданіяхъ.

Что касается пособій, то изъ старыхъ слѣдуетъ отмѣтить: *Кеппенъ.* Крымскій сборн., Спб. 1837 г.; *Кене.* Изсл. объ исторіи и древностяхъ г. Херсонеса Таврическаго. Спб. 1848 г.; гр. *А. С. Уварова* „Изслѣд. о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. СПБ., I—II, 1851—1853 г.; *Ашика.* Воспорское царство, I - III, 1848--1849; *„Древности Босфора Киммерійскаго, хранящіяся въ Имп. музеѣ Эрмитажа,* 1854 (два фоліанта—текста и замѣчательнаго атласа къ нему); *Герца* Археол. топографія Таманскаго полуострова. М. 1870; *Беккера.* Гражданскій бытъ Тиритовъ 1849. Изъ новыхъ трудовъ отмѣтимъ очень цѣнные — Antiquités du Bosphore Cimmerien. *Sal. Reinach'a* Paris, 1892 (снимки съ памятниковъ и текстъ); *Bonnel.* Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, II, St.-Pet., 1897; *В. В. Латышева.* Изсл. объ исторіи и госуд. строѣ древней Ольвіи, 1887; *И. И. Кондакова* и *И. И. Толстого.* Русскія древности въ памятникахъ искусства (классическія древности южной Руси); Памятники христіанскаго Херсонеса, изд. гр. *П. С. Уваровой* выпускъ 1-й подъ редакціей проф. *Д. В. Айналова* содержитъ обзоръ Херсонескихъ храмовъ, выпускъ 3-й подъ редакціей *г. Шестакова* „Очерки по исторіи Херсонеса въ VI X но Р. Х.“; *В. В. Латышева.* Ποντικά (Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиѳіи, Кавказа и греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря), СПБ., 1909 г. (здѣсь болѣе важныя статьи: Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства, Гражданская присяга херсонесцевъ, Раскопки въ Херсонесѣ Таврическомъ, о мѣстоположеніи г. Горгиппіи. Замѣтки по др. геогр. сѣв. и вост. побережья Чернаго моря); *его же.* Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсонеса Таврическаго („Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1884 іюнь) и введенія къ надписямъ; *Stern.* Die Griechiche Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen (Klio, 1909, 139—152); *его же.* Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи Черноморской колонизаціи (Зап. Одес. общ., т. XXII); *Pharmakorsky.* Olbia 1901 — 1908. Fouilles et travailles (съ 66 рис.) (Докладъ на франц. яз. на международ. съѣздѣ классич. археологіи въ Каирѣ 1909 г.) (Изв. Имп. Арх. Ком. вып. 33-й, стр. 103—136); *его же.* Склепъ Еврисивія и Ареты въ Ольвіи (въ 3-мъ вып. Изв. И. Арх. Ком.); проф. *М. И. Ростовцевъ.* Воспорское царство и южно-русскіе курганы, С.-ПБ., 1912; *его же.* Римскіе гарнизоны на Таврич. пол. („Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1900, III); *его же.* Керченская декоративная живопись... (Ж. М. Н. П., 1906, V); *его же.* Митридатъ Понтійскій и Ольвія (Изв. Имп. Археол. Ком., 23); проф. фонъ-*Штернъ.* Экскурсія на островъ Критъ (Зап. Одес. общ., т. XXVII); *Бертье - Делягардъ.* Раскопки Херсонеса (Матер. по археол. Россіи, 1893 г., № 12); *его же.* О Херсонесѣ (Изв. Импер. Археол. Ком., вып. 21-й, 1907); гр. *А. А. Бобринскій.* Херсонесъ Таврическій. 1905 г.; *Ивановъ.* Херсонесъ Таврическій; *Орѣшниковъ.* Восфоръ Киммер. въ эпоху спартакидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. М., 1884; *И. В. Помяловскій.* О Танаитскихъ коллегіяхъ (Тр. VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. 2-й); проф. *Ю. А. Кулаковскій.* 2 керченскія катакомбы (Древн. юж. Рос.); *его же.* Керченская христіанская катакомба 491 года (Матер. по археол. Россіи, изд. Имп. Археол. Ком., № 6); *Печенкинъ.* Археологическія развѣдки въ мѣстности Страбоновскаго стараго Херсонеса (Изв. Имп. Археол. Ком., вып. 42-й, стр. 108—126); *А. А. Миллеръ.* Раскопки въ районѣ древняго Танаиса (Изв. Имп. Археол. Ком., вып. 35, стр. 86—130).

Черное море. Черное море, говоритъ В. В. Латышевъ, послѣ восхитительныхъ видовъ Ѳракійскаго Босфора, Эгейскаго моря и Геллеспонта производило тяжелое, гнетущее впечатлѣніе на обитателей греческаго міра. Частыя и сильныя бури, дѣлавшія плаваніе по немъ не безопаснымъ, густые туманы, сѣверные вѣтры, отсутствіе хорошихъ гаваней и острововъ — все это говорило не въ пользу его и давало грекамъ полное право называть его ἄξενος—негостепріимнымъ. Несмотря на эти отрицательныя качества Понта, на слагавшуюся о немъ дурную славу — избѣгнуть страшной опасности, говорили греки, все одно, что выйти живымъ изъ середины Понта — уже съ очень отдаленныхъ временъ эллины стремятся въ это море, плаваютъ по немъ и даже поселяются на непривѣтливыхъ берегахъ его. И, странное дѣло, всѣ отрицательныя качества Понта какъ бы стушевались, и отошли на второй планъ передъ положительными, и въ умѣ грека представленіе о Понтѣ стало связываться съ представленіемъ о привѣтливомъ, гостепріимномъ (εὔξενος) морѣ и Понтъ Эвксинскій становится обычнымъ названіемъ Чернаго моря. Понтъ Эвксинскій впервые былъ, такъ сказать, открытъ малоазійскими греками и побережье его сдѣлалось у нихъ излюбленной территоріей для насажденія культуры. Малоазійскіе греки до персидскихъ войнъ въ культурно-политическомъ отношеніи стояли во главѣ всего эллинскаго міра: они быстрѣе своихъ соплеменниковъ въ метрополіи перешли отъ монархіи черезъ тиранію къ демократіи, они же положили начало наукѣ, философіи и поэзіи. Узкіе предѣлы Эгейскаго моря не могли ихъ удовлетворять; бодрый духъ предпріимчивости и пытливости увлекалъ ихъ на сѣверъ и западъ, а по ихъ стопамъ, по проторенным ими дорогамъ, шли ихъ европейскіе собратья. Если не принимать во вниманіе миѳа объ Аргонавтахъ, то все-таки уже въ Гомеровскихъ поэмахъ и у Гезіода мы найдемъ слѣды знакомства эллиновъ съ сѣверными берегами и странами Чернаго моря; въ упоминаемыхъ въ Иліадѣ «доителяхъ кобылицъ, млекоѣдахъ» нельзя не признать скиѳовъ. Существуетъ мнѣніе, что до грековъ были хороши знакомы съ водами Понта и его берегами карійцы и финикіяне, которые завязали здѣсь торговыя сношенія; но нужно сказать, что слѣды этихъ сношеній ничтожны, и они лежатъ за предѣлами исторіи, въ историческое же время мы застаемъ черноморскую торговлю въ рукахъ грековъ. Приманкой, которая влекла эллиновъ изъ ихъ прекрасной родины на суровые берега Понта, была торговля— сила, «сослужившая человѣчеству—по словамъ акад. А. А. Латышева — великія службы, послужившая причиной множества великихъ изобрѣтеній и открытій». Привлекаемые матеріальными

выгодами на берега Понта, греки брали на себя и культурную миссію, распространяя сѣмена греческой цивилизаціи на непочатой почвѣ. Древніе писатели ясно указываютъ на чрезвычайно важное значеніе Понта и прилегающихъ къ нему странъ. Отсюда предметами вывоза служили скотъ — главнымъ образомъ изъ сѣвернаго побережья Понта, — рабы изъ Θракіи, строевой лѣсъ, мѣха, шкуры, шерсть, льняныя и пеньковыя ткани, медъ и воскъ — преимущественно изъ верхней Θракіи и Скиθіи, рыба и хлѣбъ. Ловля рыбы и заготовленіе ея въ прокъ разными способами составляли одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ жителей припонтійскихъ городовъ. Относительно широкаго развитія хлѣбопашества достаточно указать, что въ IV вѣкѣ Босфорскій хлѣбъ составлялъ половину хлѣбнаго привоза въ Аттику. По извѣстію Полибія, хлѣбъ иногда служилъ и предметомъ ввоза въ припонтійскія страны; вѣроятно, онъ здѣсь имѣлъ въ виду восточное и южное побережья. Не нужно забывать, что тяжелыя политическія условія сильно отзывались и на земледѣліи. Изъ Греціи доставлялись сюда: вино, главнымъ образомъ, изъ острововъ—Хіоса, Θасоса и Родоса, оливковое масло, расписная глиняная посуда изъ Аθинъ, Коринθа и Эгины, матеріи и, наконецъ, произведенія искусства и предметы роскоши.

Колонизація Черноморскаго побережья. Колонизаціонная дѣятельность на берегахъ Эвксинскаго Понта относится къ двумъ греческимъ государствамъ: Мегарамъ въ Европѣ и Милету въ Малой Азіи. Мегарамъ въ 1-й половинѣ VII вѣка до Р. X. принадлежали на берегахъ Понта города—Халкедонъ и Византія. Однако, Милетскія колоніи превосходили Мегарскія и своимъ числомъ, и значеніемъ. Въ древности Милету приписывали основаніе 80 колоній. Первыя попытки основанія колоній относятся къ началу VIII вѣка до Р. X., а особенной интенсивности достигаетъ милетская колонизація въ VII—VI вѣкахъ, благодаря серьезнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ неурядицамъ, переживавшимся республикой. Колоніи основывались или въ такихъ пунктахъ, которые были уже заселены туземцами, миролюбиво встрѣтившими грековъ, или образовались изъ факторій, торговыхъ станцій, которыя первоначально были занимаемы лишь во время навигаціи, а затѣмъ, благодаря постепенному наплыву новыхъ поселенцевъ, обратились въ цѣлые города. Въ большинствѣ случаевъ основаніе греческихъ колоній на чужой территоріи на Понтійскомъ побережьѣ происходило мирнымъ путемъ, безъ насильственнаго образа дѣйствій. Высокое превосходство греческой культуры и умѣнье грековъ сдѣлаться для варваровъ необходимыми способствовали этому. При вы-

сылкѣ колоніи метрополія — въ данномъ случаѣ Милетъ — давала лишь ограниченное количество гражданъ, которые составляли ядро предпріятія, остальные участники набирались изъ другихъ городовъ и состояли, главнымъ образомъ, изъ бѣдняковъ и вообще лицъ недовольныхъ соціальнымъ строемъ на родинѣ. Хронологическія даты ни въ коемъ случаѣ не могутъ точно опредѣлить время первоначальнаго основанія колоній: они указываютъ уже на ихъ окончательное образованіе.

Говоря о греческой колонизаціи сѣвернаго побережья Черного моря, нельзя миновать вопроса и о тѣхъ культурныхъ связяхъ, которыя установились у колонистовъ въ различныя эпохи ихъ исторической жизни съ разными странами; ибо этими связями и воздѣйствіями опредѣляется въ значительной мѣрѣ самый характеръ мѣстной культуры. Наиболѣе древнимъ греческимъ вліяніемъ является іонійское, выразителемъ котораго былъ Милетъ; расцвѣтъ его относится къ VII в. до Р. Х. Но профессоръ Штернъ, который привлекъ для рѣшенія этого вопроса керамическій матеріалъ, отмѣчаетъ тотъ характерный фактъ, что Милетскихъ вазъ мы имѣемъ очень небольшое число. Конкурентомъ Милету въ торговлѣ выступили уже въ шестомъ вѣкѣ Аѳины: мы имѣемъ много аттическихъ вазъ съ черными фигурами на красномъ полѣ отъ 2-й половины VI ст. Вліяніе это съ нѣкоторыми перерывами держится въ теченіе V вѣка и возобновляется въ IV, когда Аѳинская краснофигурная посуда получила широкое распространеніе даже на сѣверъ отъ колоній. Вліяніе Аѳинъ отразилось и на языкѣ надписей (исключая Херсонесъ, гдѣ господствовало дорическое нарѣчіе).

Получивъ преобладающее значеніе въ торговой дѣятельности, Аѳиняне вмѣстѣ съ тѣмъ предприняли въ V вѣкѣ нѣсколько морскихъ походовъ въ Черное море, а въ колоніи Нимфей въ Керченскомъ проливѣ оставили даже свой гарнизонъ, продержавшійся, впрочемъ, тамъ недолго. Въ 1-й четверти V вѣка сдѣлалось замѣтнымъ вліяніе острова Тазоса: мы находимъ много амфоръ—ручекъ съ его клеймомъ. Но Аѳинское вліяніе продержалось все же до начала III вѣка. Съ паденіемъ Аѳинъ, въ III вѣкѣ, начинается мода на керамическія издѣлія изъ Малой Азіи. Тогда же развивается и мѣстное производство въ Пантикапеѣ въ подражаніе расписнымъ Аѳинскимъ сосудамъ для цѣлей стараго культа. Со II вѣка до Р. Х. устанавливаются сношенія съ Римомъ и начинается римское вліяніе, хотя главнымъ поставщикомъ керамическихъ издѣлій въ Ольвію и Пантикапею является островъ Родосъ. Есть связи и съ Александріей. Съ I вѣка до Р. Х. усиливаются непосредственныя сношенія

греческихъ колоній съ Римомъ. Римское вліяніе держится до распаденія Римской имперіи, а послѣ этого начинается эпоха византійскаго владычества и культурное вліяніе, которыя держатся до XI—XII вѣковъ по Р. Х.

Наиболѣе важными изъ колоній сѣвернаго побережья Эвксинскаго Понта являются—Ольвія, Пантикапея и Херсонесъ.

Изъ другихъ колоній слѣдуетъ отмѣтить: Тиру на Днѣстровскомъ лиманѣ, гдѣ нынѣ Аккерманъ; она подобно Ольвіи представляла республику, съ народнымъ собраніемъ, совѣтомъ, (Βουλή), архонтами; была основана, по извѣстію Безъимяннаго (Скимна), Милетомъ; Танаисъ, остатки котораго правдоподобно открыты у станицы Елизаветинской А. А. Миллеромъ, дѣлающимъ здѣсь интересныя находки; [1]); Горпиппію, нынѣшнюю Анапу; неизвѣстное греческое поселеніе на островѣ Березани, раскопки котораго обѣщаютъ быть особенно важными и интересными.

Мѣста для колоній избирались очень удачно. Географическое положеніе Ольвіи было чрезвычайно благопріятно: она была рынкомъ для хлѣбной торговли со Скиѳскими племенами—Алазоновъ, Каллипидовъ и Скиѳовъ—земледѣльцевъ. Близость Днѣпра имѣла также важное значеніе для сношеній ея съ сѣверомъ. Еще болѣе удобно было мѣстоположеніе Пантикапеи: она находилась у пролива (Босфоръ Киммерійскій), который соединялъ Понтъ (Черное море) съ его матерью Меотидой,—такъ называлъ ее Геродотъ—(нынѣ Азовское море)—и сосредоточила у себя торговлю хлѣбомъ и рыбой съ восточной Скиѳіей. Важное значеніе для нея имѣла также близость Дона и Волги для сношенія съ сѣверомъ и востокомъ.

Ольвія, ея политическая судьба. Ольвія была основана Милетомъ около 645 года до Рожд. Христова на правомъ берегу рѣки Буга, недалеко отъ ея устья; развалины ея въ видѣ городища находятся въ одной верстѣ къ югу отъ села Ильинскаго, или Порутино, въ мѣстности «Ста могилъ». Ольвія во времена Геродота представляла изъ себя большой цвѣтущій городъ, окруженный стѣною съ башнями, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ со Скиѳами и заключавшій даже въ себѣ дворецъ Скиѳскаго царя Скилла. Въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Ольвія пришла въ состояніе политическаго упадка вслѣдствіе частыхъ на-

---

[1]) Онъ вскрылъ значительную группу кургановъ, гдѣ нашелъ типическую греческую керамику V—IV вв. до Р. Х. Такіе же предметы найдены были и при пробныхъ развѣдкахъ городища. Ни городище, ни курганы не дали культуры болѣе поздней. «Обширность площади этихъ находокъ и время, къ которому онѣ относятся, могутъ,—говоритъ А. А. Миллеръ,—вполнѣ соотвѣтствовать древнему Танаису».

паденій окружавшихъ ее варваровъ, смѣнившихъ Скиѳовъ и отличавшихся особенною воинственностью; ихъ Ольвіополитяне вынуждены были задабривать подарками—данью. Въ это время выдвинулся своею благотворительною дѣятельностью на пользу городу, гражданинъ его Протогенъ. Надпись Протогена даетъ понятіе о тяжеломъ положеніи, въ какомъ находился тогда городъ, вынужденный безпрестанно защищаться противъ нападавшихъ на него варваровъ; вслѣдствіе постояннаго страха варварскихъ нашествій земледѣліе пришло въ упадокъ и городъ вынужденъ былъ прибѣгать къ займамъ, новымъ обременительнымъ налогамъ и даже къ закладамъ священныхъ сосудовъ; чтобы спасти свою независимость, Ольвія вынуждена была искать протектората царя Митридата, какъ это видно изъ недавно открытой надписи. Затѣмъ Ольвія одно время признала протекторатъ Скиѳскихъ царей, освободилась было отъ него, но въ 50 гг. перваго вѣка до Р. Х. взята была и разрушена Гетами. Правда городъ, послѣ этого, ради торговыхъ цѣлей, былъ снова возстановленъ, но въ малыхъ размѣрахъ, при чемъ населеніе его сильно смѣшалось съ варварами, оно занимало тогда только южную часть своей городской черты. Характерное описаніе города даетъ лично посѣтившій его въ 100 году по Р. Х. риторъ Діонъ Хризостомъ.

«Городъ Борисѳенитовъ,—говоритъ онъ,—по величинѣ не соотвѣтствуетъ своей прежней славѣ вслѣдствіе неоднократныхъ разореній и войнъ: находясь уже такъ давно среди варваровъ и притомъ почти самыхъ воинственныхъ, онъ постоянно подвергается нападеніямъ и нѣсколько разъ уже былъ взятъ врагами; послѣднее и самое сильное разореніе его было не болѣе какъ за 150 лѣтъ; Геты взяли его и остальные города по лѣвому берегу Понта вплоть до Аполлоніи. Вслѣдствіе-то этого дѣла тамошнихъ Еллиновъ пришли въ крайній упадокъ: одни города совсѣмъ не были возстановлены, другіе въ плохомъ видѣ и при этомъ нахлынула въ нихъ масса варваровъ. Много сдѣлано было захватовъ во многихъ частяхъ Еллинскаго міра, разсѣяннаго по разнымъ мѣстамъ. Послѣ разгрома Борисѳениты снова заселили городъ, какъ мнѣ кажется, по желанію Скиѳовъ, нуждавшихся въ торговлѣ и посѣщеніяхъ Еллиновъ, которые по разрушеніи города перестали пріѣзжать туда, такъ какъ не находили соплеменниковъ, которые могли бы ихъ принять, а сами скиѳы не желали и не умѣли имъ устроить торговое мѣсто по Еллинскому образцу. О бывшемъ разореніи свидѣтельствуютъ плохой видъ построекъ и тѣсное расположеніе города на не большомъ пространствѣ: онъ пристроенъ лишь къ небольшой части

городской черты, гдѣ остается еще нѣсколько башенъ, не соотвѣтствующихъ ни величинѣ, ни силѣ нынѣшняго города; находящееся между ними пространство тѣсно застроено домишками почти безъ промежутковъ и обнесено очень низенькою и непрочною стѣнкою, нѣкоторыя башни стоятъ такъ далеко отъ заселенной нынѣ мѣстности, что нельзя даже представить себѣ, чтобы онѣ принадлежали одному городу. Все это служитъ явными признаками его разоренія и затѣмъ еще то, что въ храмахъ не осталось ни одной цѣлой статуи, но всѣ онѣ изуродованы, равно какъ и бывшія на надгробныхъ памятникахъ».

Далѣе, онъ же рисуетъ намъ слѣдующую живую сцену изъ жизни Ольвіи въ это время. Діонъ однажды прогуливался передъ городомъ. Нѣкоторые изъ жителей по обыкновенію выходили къ нему изъ города; подошелъ къ нему и полководецъ Каллистратъ, возвращавшійся верхомъ въ городъ изъ военной развѣдки. «Онъ былъ опоясанъ, — разсказываетъ Хризостомъ,— большимъ всадническимъ мечомъ; одежду его составляли шаровары и прочее *Скиѳское* убранство; на плечахъ былъ небольшой тонкій Скиѳскій плащъ, какой обыкновенно носятъ Борисѳениты. И другая одежда у нихъ по большей части чернаго цвѣта по примѣру одного Скиѳскаго племени, которое, какъ мнѣ кажется, отъ этого получило названіе Меланхлэновъ (Черноризцевъ). Каллистрату было лѣтъ 18, онъ былъ очень красивъ и высокъ и въ наружности имѣлъ много іоническаго. Про него говорили, что онъ храбръ на войнѣ и многихъ савроматовъ или убилъ, или взялъ въ плѣнъ; кромѣ того, онъ прилежно занимался краснорѣчіемъ и философіей, такъ что даже выразилъ желаніе уѣхать вмѣстѣ со мною. Зная, что Каллистратъ почитатель Гомера, я тотчасъ заговорилъ о немъ. Почти всѣ Борисѳениты усердно читаютъ этого поэта, вѣроятно, потому что и теперь еще они воинственны, а можетъ-быть, вслѣдствіе любви къ Ахиллу, они чрезвычайно чтутъ его, построили ему одинъ храмъ на такъ называемомъ Ахилловомъ островѣ, а другой въ самомъ городѣ и, кромѣ Гомера, ни о комъ другомъ не хотятъ и слушать. Хотя они по-гречески говорятъ не совсѣмъ уже чисто, благодаря тому что живутъ среди варваровъ, но все-таки Іліаду почти всю знаютъ наизусть. Я, шутя, сказалъ Каллистрату: «Какъ ты думаешь, Каллистратъ, который поэтъ лучше—Гомеръ или Фокилидъ (Фокилидъ былъ мало извѣстный поэтъ)». Вслѣдъ за тѣмъ Діонъ привелъ изреченіе Фокилида: «хорошо управляемый маленькій городокъ на утесѣ лучше необузданной Ниневіи», и развилъ эту мысль, сказавъ, что маленькій городокъ, лежащій на утесистой скалѣ, если обладаетъ правильнымъ устройствомъ,

лучше и счастливѣе, чѣмъ большой городъ на гладкой и широкой равнинѣ, если онъ населенъ безумными людьми, не знающими порядка и закона». Каллистрату, —говоритъ Діонъ,—слова мои пришлись не особенно по сердцу: «гость, — сказалъ онъ,— дѣло въ томъ, что мы тебя любимъ и уважаемъ, иначе не одинъ борисѳенитъ не вынесъ бы подобныхъ нападокъ на Гомера и Ахилла; послѣдній, какъ ты видишь, нашъ богъ, а первый почитается почти наравнѣ съ богами». Діонъ предложилъ побесѣдовать по поводу вышеприведеннаго изреченія Фокилида. «Изволь,—отвѣтилъ Каллистратъ Діону,—ты видишь, что и всѣ эти люди желаютъ слушать тебя и для этого собрались сюда къ рѣкѣ, хотя на душѣ у нихъ не очень спокойно: ты знаешь, конечно, что вчера въ полдень скиѳы сдѣлали набѣгъ и нѣкоторыхъ зазѣвавшихся часовыхъ убили, другихъ, можетъ-быть, увели въ плѣнъ: мы еще не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній вслѣдствіе того, что бѣжавшіе забрались слишкомъ далеко, бросившись бѣжать не по направленію къ городу. Дѣйствительно,—говоритъ Діонъ,—это такъ и было: ворота были на запорѣ и на стѣнѣ водружено было военное знамя. Однако они такъ были любознательны и такіе еллины по характеру, что почти всѣ собрались въ вооруженіи, желая слушать. Съ удовольствіемъ замѣтивъ ихъ готовность, я сказалъ: не хотите ли пойти куда-нибудь въ городъ и сѣсть? Теперь при ходьбѣ, можетъ-быть, не всѣмъ одинаково хорошо слушать: стоящіе дальше чувствуютъ неудобство и безпокоятъ стоящихъ передъ ними, стараясь пробраться поближе». Лишь только я сказалъ это, всѣ тотчасъ бросились къ храму Зевса, гдѣ они обыкновенно совѣщаются, старѣйшіе и почетнѣйшіе граждане и должностныя лица усѣлись кругомъ на ступеняхъ, а остальная толпа осталась на ногахъ, такъ какъ передъ храмомъ былъ большой просторъ». Затѣмъ Діонъ произнесъ свою рѣчь, по поводу которой одинъ изъ присутствующихъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Гость, пожалуйста не сочти за невѣжество или варварство, что я помѣшалъ тебѣ среди рѣчи... у насъ твое прибытіе къ намъ является какъ бы чудомъ: обыкновенно сюда пріѣзжаютъ Еллины только по имени, а на дѣлѣ варвары хуже насъ, купцы и торгаши, привозящіе дрянное тряпье и скверное вино и вывозящіе товары ни чуть не лучше этихъ. Тебя же, кажется, самъ Ахиллъ прислалъ сюда съ своего острова и мы съ большимъ удовольствіемъ видимъ тебя и съ неменьшимъ слушаемъ все, что ты говоришь... Все сказанное тобою показалось намъ превосходнымъ и достойнымъ предмета рѣчи... Мы неопытны въ этой точной философіи, но любимъ, какъ ты знаешь, Гомера, а не многіе

изъ насъ и Платона; къ числу ихъ, какъ видишь, принадлежу и я, постоянно изучая его произведенія, какъ могу, хотя быть-можетъ, и странно, чтобы наиболѣе похожій на варвара гражданинъ восхищался и занимался лучшимъ представителемъ еллинизма и мудрости, все равно, какъ если бы какой-нибудь полуслѣпой смотрѣлъ только на солнце, отворачиваясь отъ другого свѣта. Таково наше положеніе. Ты же, если хочешь всѣмъ намъ угодить, отложи рѣчь о человѣческомъ государствѣ, если только сосѣди на завтра оставятъ насъ въ покоѣ и не нужно будетъ возиться съ ними, какъ это обыкновенно случается, а теперь скажи намъ о божественномъ (*міро*) правленіи или (*міро*) устройствѣ»...

Какъ ярко рисуетъ этотъ превосходный разсказъ очевидца исполненную тревогъ и опасностей жизнь Ольвіополитянъ, ихъ стойкость въ борьбѣ съ окружающими варварами, благодаря могущественной силѣ еллинизма.

Послѣ этого Ольвія поднялась снова въ Римскую эпоху: наступилъ новый расцвѣтъ ея славы. Во II вѣкѣ по Р. Х. мы видимъ въ ней римскій легіонъ. Въ эпоху римскаго императора Септимія Севера Ольвія сдѣлалась провинціей Римской имперіи. Продолжала существовать и въ III вѣкѣ по Р. Х.

По находкамъ въ развалинахъ Ольвіи гр. А. С. Уваровымъ византійскихъ монетъ можно догадываться, что городъ не былъ разрушенъ еще и въ V в. по Р. Х. Такимъ образомъ, Ольвія просуществовала болѣе тысячи лѣтъ. Такова была политическая судьба Ольвіи.

Государственный строй. На примѣрѣ Ольвіи мы, благодаря обильному эпиграфическому матеріалу, можемъ ознакомиться съ государственнымъ строемъ колоніи. Греческіе поселенцы, несмотря на свое пребываніе въ странѣ варваровъ вдали отъ метрополіи, постоянно сохраняли отпечатокъ культуры, принесенной изъ родины; свѣтъ эллинизма продолжалъ горѣть у нихъ почти такъ же ровно, какъ и въ Элладѣ—это прежде всего сказалось въ ихъ государственномъ строѣ.

Населеніе Ольвіи состояло изъ рабовъ, иностранцевъ и гражданъ. Контингентъ рабовъ, главнымъ образомъ, составляли Скиѳы и др. сосѣдніе варвары, пріобрѣтенные покупкою или взятые въ плѣнъ. Граждане другихъ городовъ, жившіе въ Ольвіи ради торговыхъ или другихъ какихъ-либо цѣлей, составляли разрядъ иностранцевъ, которые пользовались льготами, какія признавало возможнымъ предоставить имъ греческое международное право. Относительно Ольвійскаго гражданства мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, всѣ ли граждане были равноправны

или знатные имѣли какое-либо преимущество, имѣлъ ли значеніе имущественный цензъ и т. п. Вопросъ объ Ольвійской конституціи не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: уже самые ранніе эпиграфическіе памятники свидѣтельствуютъ о существованіи въ ней демократической формы правленія, которая господствовала до самаго конца существованія Ольвіи, несмотря на всѣ невзгоды. Замѣтный аристократическій элементъ появляется, вѣроятно, послѣ возстановленія города, сильно пострадавшаго отъ гетскаго погрома, и, въ особенности, выступаетъ въ римскую эпоху. Верховная власть народа осуществлялась въ Ольвіи посредствомъ народнаго собранія и совѣта. Совѣтъ имѣлъ исключительно пробулевтическое значеніе, т.-е, занимался предварительнымъ обсужденіемъ предложеній, шедшихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе народа. О количествѣ членовъ совѣта, о способѣ ихъ избранія и т. п. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Не знаемъ мы также, занимался ли совѣтъ текущими дѣлами въ полномъ составѣ или для этой цѣли избиралась особая комиссія. Главнымъ органомъ демократическаго правленія было, какъ мы уже сказали, народное собраніе. Повидимому, въ немъ участвовали всѣ граждане, безъ различія степени ихъ родовитости. Оно вѣдало всѣми отраслями государственнаго управленія. Оно сосредоточивало въ своихъ рукахъ руководство внѣшней и внутренней политикой и заботилось также объ общественной безопасности; оно старалось урегулировать отношенія къ сосѣднимъ варварамъ, всячески избѣгая осложненій, а въ случаѣ опасности принимало всѣ мѣры къ оборонѣ города. Въ спеціальныхъ собраніяхъ избирались должностныя лица посредствомъ подыманія рукъ. Народное собраніе имѣло верховный надзоръ надъ государственнымъ хозяйствомъ: издавало обязательныя постановленія относительно продажи и купли золота и серебра, уничтожало въ крайнихъ случаяхъ долговыя обязательства, вводило новые налоги, сдавало на откупъ взиманіе государственныхъ доходовъ и расходовъ и т. п. Оно же награждало отдѣльныхъ гражданъ, оказавшихъ важныя услуги родному городу. Награды, назначаемыя собраніемъ, были очень разнообразны. Самою общею, хотя и недостаточною наградою считалось выраженіе похвалы отъ имени совѣта и народа. Обычною наградою былъ золотой вѣнокъ: въ древнія времена его давали за всякую выдающуюся заслугу, въ позднѣйшіе времена вѣнокъ сдѣлался выраженіемъ признательности города къ государственному дѣятелю послѣ его смерти. Далѣе по степени важности слѣдовала постановка портрета дѣятеля въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ; высшей наградой

считалась постановка статуи дѣятеля на государственный счетъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о погребеніи на общественный счетъ и о титулѣ «отца города», подносимомъ въ знакъ благодарности гражданами. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся гражданъ Ольвіи является Протогенъ, заслуги котораго подробно описаны въ декретѣ города. Главныя заслуги его заключались въ щедрой матеріальной поддержкѣ городу во время бѣдствій III вѣка.

Верховными магистратами въ Ольвіи, какъ и вообще въ греческомъ государствѣ—городѣ, были архонты. Они составляли ежегодно смѣнявшуюся коллегію изъ 5 лицъ. Кругъ обязанностей ихъ былъ очень широкъ и касался почти всѣхъ сторонъ государственнаго быта Ольвіи. Они созывали народное собраніе, завѣдывали дипломатическими сношеніями и нѣкоторыми отраслями финансоваго управленія, монетнымъ дѣломъ и принимали участіе въ государственномъ культѣ. Стратеги составляли коллегію изъ 6 лицъ, ежегодно избиравшихся посредствомъ хиротоніи; въ ихъ рукахъ находилось высшее военное управленіе. Финансами завѣдывали: верховный распорядитель—въ родѣ теперешняго министра финансовъ и 2 коллегіи—коллегія—9 и коллегія—7. Это была, безъ сомнѣнія, важная, почетная, но въ то же время и отвѣтственная должность: избирался онъ на годъ, но съ правомъ неоднократнаго избранія. Коллегія изъ 9-ти завѣдывала, повидимому, государственной казной, а коллегія—7—священной казной. Кромѣ того, какъ видно изъ декрета въ честь Протогена, существовала особая должность—ὁ ἐπιμήνιος—лицо, на обязанности котораго лежало быть посредникомъ между заимодавцами и должниками; нельзя только рѣшить, была ли эта должность постоянной или экстраординарной. Городскую полицію составляли—агораномы и астиномы. Агораномы представляли собою коллегію изъ 5 членовъ, изъ коихъ одинъ стоялъ во главѣ ея; избирались они на одинъ годъ. Они наблюдали за устройствомъ рынка и порядкомъ на немъ. Функціи астиномовъ не вполнѣ ясны: средн другихъ обязанностей они имѣли надзоръ надъ горшечнымъ промысломъ и гарантировали своими подписями доброкачественность товаровъ; число астиномовъ намъ неизвѣстно.

Культура. Въ раскопкахъ Ольвіи попадалось значительное количество золотыхъ издѣлій преимущественно кованыхъ и чеканныхъ (литыхъ мало), масокъ, листьевъ для вѣнковъ, предметовъ ювелирнаго искусства, напр., золотой проволоки въ видѣ серегъ привѣсокъ, серебряныхъ издѣлій, бронзовыхъ (статуэтокъ), желѣзныхъ (оружіе и стрѣлы). Процвѣтало искусство ваянія (изъ

мрамора); были въ распространеніи стеклянныя, костяныя, глиняныя издѣлія: выдѣлывался кирпичъ съ клеймами на мѣстныхъ заводахъ, амфоры (были и привозныя, но были и мѣстныхъ заводовъ). Встрѣчаются глиняныя статуэтки (со слѣдами окраски), разнообразные сосуды для благоуханій, чаши для питья, для сбереженія масла, узорчатые сосуды, тарелки, лампады и т. п.

Въ городѣ были храмы Аполлона и Ахилла. Поклонялись Астартѣ, Деметрѣ, Геѣ, Афродитѣ, Артемидѣ, Аѳинѣ, Герѣ, Зевсу, Гермесу, Асклепію, Геркулесу. Въ 1 вѣкѣ до Р. Х. устроены были при храмѣ Ахилла по совѣту Дельфійскаго оракула, конскія и гимнастическія состязанія, призы съ которыхъ жертвовались въ пользу храма. Былъ театръ, гимназія, устроенная на общественный счетъ. Были празднества въ честь Діониса. Былъ дворецъ скиѳскаго царя Скилла, женившагося на Ольвіополитянкѣ. Предметами вывоза были сырые продукты—хлѣбъ, скотъ, рыба, медъ, воскъ, соль, мѣха, строевой лѣсъ—и рабы. Предметами ввоза—масло, вино, шерстяныя ткани, керамическія издѣлія, надгробные памятники. Въ IV вѣкѣ ольвіополиты пріобрѣли даже одно произведеніе Праксителя, отъ котораго уцѣлѣли, впрочемъ, только обломки пьедестала. Торговлю вели, судя по монетнымъ находкамъ, Ольвіополиты съ Аѳинами, Тазосомъ, Родосомъ, Милетомъ и др. У нихъ была развита соляная промышленность, горшечное ремесло; предметы эти они вывозили къ варварамъ. Далеко по Днѣпру на сѣверъ шли ихъ факторіи.

Была въ городѣ пристань и подлѣ нея, вѣроятно, мѣсто для выставки товаровъ, какъ видно изъ псефизмы статуи Протогена. Былъ хлѣбный амбаръ, водопроводъ, цѣлый рядъ памятниковъ. Въ гимназіи—статуя Ѳеокла и статуи римскихъ императоровъ.

Топографія города. Въ эпоху своего процвѣтанія Ольвія занимала треугольникъ, ограниченный съ одной стороны рѣкой Бугомъ; со всѣхъ сторонъ его окружали обширные некрополи, гдѣ имѣется множество могилъ и нѣсколько кургановъ. Вездѣ находятъ здѣсь обломки вазъ разныхъ стилей. Первоначально городъ, повидимому, не былъ окруженъ каменными стѣнами—постройка ихъ требовала естественно много времени и средствъ,—а только защищенъ рвами. Знаменитая надпись Протогена свидѣтельствуетъ о томъ, что въ III вѣкѣ до Р. Х. значительная часть города не имѣла каменныхъ стѣнъ, но уже въ архаическую эпоху начата была ихъ постройка.

Геродотъ уже зналъ стѣны и башни Ольвіи. При раскопкахъ въ сѣверной стѣнѣ найдены были остатки фундаментовъ стѣнъ и двухъ башенъ греческой эпохи—постройка ихъ должна

была быть закончена ранѣе IV вѣка до Р. Х., такъ какъ въ склепѣ, устроенномъ нѣсколько позже, открыты были типическіе предметы IV вѣка. Городъ греческой эпохи былъ окруженъ стѣнами съ трехъ сторонъ. Въ римскую эпоху вся сѣверная часть городской территоріи была оставлена, и тамъ находятъ между развалинами греческихъ домовъ могилы римской эпохи (II—III вѣка по Р. Х.), а въ почвѣ, исключая могилъ, находятъ только предметы греческой эпохи. Во II—III в. по Р. Х. была устроена очень сильная цитадель въ южномъ углу треугольника, и Ольвія превратилась въ первоклассную крѣпость. Крѣпостныя стѣны ея римской эпохи были не менѣе грандіозны, чѣмъ въ греческую эпоху: онѣ имѣли отъ 3,75 до 4,70 метровъ толщины и 4,5 метра высоты и были снабжены огромными башнями.

Слои стараго города по раскопкамъ Б. В. Фармаковскаго и находки въ нихъ. Систематическими раскопками Ольвіи послѣдніе годы занятъ по порученію Имп. Арх. Ком. профессоръ Б. В. Фармаковскій. Въ 1902 году Археол, Ком. получила формальное разрѣшеніе на производство раскопокъ отъ владѣльца мѣстности—графа А. А. Мусина-Пушкина. Задача состояла въ опредѣленіи территоріи древней Ольвіи и ея некрополя и въ установленіи границы между ними. О нынѣшней топографіи Ольвійскаго городища и некрополя даетъ понятіе общій планъ ихъ, позаимствованный нами изъ отчета проф. Фармаковскаго.

Древняя Ольвія находилась въ треугольникѣ АВС, а къ западу и сѣверу тянулся некрополь. Раскопки 1902-3 года и послѣдующихъ лѣтъ обнаружили часть городскихъ стѣнъ древней Ольвіи. Далѣе большое количество древностей, въ томъ числѣ и архаической эпохи, установили положеніе, что древнѣйшая архаическая Ольвія стояла на томъ же мѣстѣ, что и позднѣйшая, дали возможность по открытой надписи продлить существованіе Ольвіи до начала IV вѣка по Р. Х., выяснили, что некрополь простирается далеко въ степь, что древнѣйшія могилы относятся къ половинѣ VI вѣка до Р. Х. (съ черно-фигурными вазами), а послѣдующія къ V вѣку до Р. Х. (съ краснофигурными вазами), началу IV вѣка до Р. Х. (позднія краснофигурныя вазы съ полихроміей и позолотой), затѣмъ идутъ эллинистическія (чернолаковая керамика, рельефныя вазы) и римскія (краснолаковая посуда, стекло). Раскопавъ погребальный курганъ со склепомъ римской эпохи II—III вѣка по Р. Х., пр. Фармаковскій натолкнулся на развалины старой Ольвіи разныхъ эпохъ въ видѣ различныхъ ея слоевъ, какъ это видно на составленномъ имъ планѣ. Городъ существовалъ на одномъ мѣстѣ все время, при

чемъ на постройки въ новую эпоху употреблялись остатки болѣе древней. 4-й слой, обозначенный на планѣ — это слой послѣдняго доримскаго періода Ольвіи, когда она погибла отъ пожара. Въ 4-мъ слоѣ открыта была интересная вымостка съ изображеніемъ львовъ, пальметокъ, т.-е., цементный полъ, выложенный камешками эллинистической эпохи (III—I вѣка до Р. Х.). Подлѣ вымостки найдены развалины греческаго дома, остроумный опытъ реконструкціи котораго дѣлаетъ проф. Фармаковскій. Въ слояхъ 5-мъ и 6-мъ также открыты были остатки стѣнъ изъ прямоугольныхъ плитъ, относимыхъ къ III—II вв. до Р. Х. Здѣсь въ ямѣ найдена была коллекція остродонныхъ амфоръ, въ которыхъ хранилось, вѣроятно, вино. Въ 7-мъ слоѣ открыта была самая древняя стѣна архаическаго періода. Такъ какъ на постройки Ольвіи въ болѣе новыя эпохи употреблялись матеріалы отъ болѣе древнихъ временъ, то естественно, что среди находокъ предметовъ въ однихъ слояхъ попадаются предметы, относящіеся къ другимъ слоямъ; тѣмъ не менѣе въ общемъ найденные въ различныхъ слояхъ древняго города предметы соотвѣтствуютъ ихъ хронологической послѣдовательности.

Во 2-3-мъ курганныхъ слояхъ преобладаютъ предметы второго и третьяго вв. по Р. Х.—это римская эпоха. Грандіозность кургана и его склепа свидѣтельствуетъ, что значеніе Ольвіи сильно поднялось въ это время по сравненію съ эпохою Діона Хризостома. Въ болѣе древнихъ слояхъ оказались характерные для нихъ предметы. Многочисленные находки предметовъ въ Ольвійскомъ городищѣ и его некрополяхъ (хотя и недостаточно хорошей сохранности) въ совокупности своей даютъ ясную картину эволюціи мѣстной культуры. Въ архаическую эпоху цивилизація Ольвіи является богатой и блестящей, и это доказывается находками памятниковъ іоническаго искусства—таковы архитектурные фрагменты іоническаго стиля, терракотовыя женскія фигуры, маски, фрагментъ головы мраморной статуи, вазы и другія керамическія издѣлія іоническаго стиля изъ Милета, Родоса, Навкратиса и др. Іонійское искусство затѣмъ съ конца VI вѣка до Р. Х. смѣняется въ Ольвіи аттическимъ: теперь появляется въ Ольвіи аттическая керамика съ черными и красными фигурами; строгій стиль V вѣка представленъ также нѣсколькими хорошими фрагментами терракоты; аттическое искусство V вѣка представлено прекрасною мраморною головкою женщины; къ IV вѣку, вѣроятно, можно отнести фрагменты статуэтки Аѳины типа Аѳины Партенонъ Фидія.

Скульптура эллинистической эпохи нашла себѣ выраженіе въ изящныхъ памятникахъ Александрійской школы; таковы три

головы, изъ коихъ одна изображаетъ Асклепія, многочисленныя терракоты; уникомъ является здѣсь чудная амфора съ орнаментомъ Александрійскаго типа. Александрія въ эллинистическую эпоху при посредствѣ Родоса оказывала сильное вліяніе на Ольвію въ области искусства—вазы въ формѣ статуэтокъ. Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ памятниковъ (II—III вв. по Р. Х.) слѣдуетъ отмѣтить мраморную фигуру мальчика, служившую украшеніемъ фонтана; къ самой поздней эпохѣ (IV—V вв. по Р. Х.), относятся рельефы на кости, украшавшіе, вѣроятно, ритонъ и изображающіе персовъ или парфянъ.

Пантикапея—столица Босфорскаго царства; его топографія. Пантикапея находилась на мѣстѣ нынѣшней Керчи. Названіе ея скиѳское: оно тождественно съ названіемъ скиѳской рѣки, упоминаемой Геродотомъ (Пантикапа). Основаніе ея относятъ къ VI в. до Р. Х. По своему политическому могуществу она заняла впослѣдствіи первое мѣсто между всѣми греческими Понтійскими колоніями: изъ старшаго члена союза греческихъ городовъ, въ числѣ коихъ были и ея собственныя колоніи, она превратилась въ столицу огромнаго Босфорскаго царства, простиравшагося отъ Таврическихъ горъ до Танаиса и Кавказскаго хребта. Въ составъ его входили — Ѳеодосія, на мѣстѣ которой послѣ ея разрушенія въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. возникаетъ крѣпость Каѳа, Киммерія, Нимфея, Мирмикій, Парѳеній и Гераклея. Восточная часть Босфорскаго царства находилась на Таманскомъ полуостровѣ и островахъ; здѣсь были города: Фанагорія, на берегу Таманскаго залива, недалеко отъ нын. станціи Сѣнной, Корокондама (Тамань), Горгиппія (на мѣстѣ нын. Анапы). Для защиты отъ скиѳскихъ набѣговъ полуостровъ былъ укрѣпленъ валами: дѣти рабовъ, говоритъ Геродотъ, вырыли ровъ отъ горъ до Меотиды; онъ же сообщаетъ о Киммерійскихъ стѣнахъ: первоначальными обитателями Босфора были Киммерійцы, вытѣсненные скиѳами; но Таврическимъ горамъ дало свое имя не скиѳское племя тавровъ.

Политическая судьба. Уже въ началѣ V-го вѣка Пантикапея стояла въ главѣ союза Босфорскихъ городовъ. Начало Босфорскому царству положилъ въ 437 г. Спартакъ [1]), ставшій во главѣ обоихъ береговъ Босфора; впрочемъ, въ греческихъ городахъ владыки эти назывались не царями, а архонтами. Ак. В. В. Латышевъ говоритъ, что Спартакиды, захвативъ въ свои руки власть въ греческихъ общинахъ Босфора, уничтожили, конеч-

1) Есть, впрочемъ, извѣстія о существованіи болѣе ранней династіи Археанактидовъ.

но, ихъ прежнюю вольность (у нихъ было ранѣе народное собраніе), но сохраняли призракъ этой свободы и не принимали по этому царскаго титула, а называли себя архонтами греческихъ городовъ, покоривъ же варварскіе народы, приняли титулъ ихъ царей; а впослѣдствіи различіе между титулами архонтъ и царь исчезло, преобладающее значеніе получилъ второй титулъ.

Двойственность титуловъ династовъ Босфора зависѣла, по мнѣнію г. Орѣшникова, отъ дуализма народовъ той мѣстности—грековъ и варваровъ. «Разсматривая надписи», говоритъ онъ, «видимъ, что Спартакиды только для двухъ городовъ Босфора, т.-е. Пантикапеи и Ѳеодосіи были архонтами; царями же они себя величали только по отношенію къ варварскимъ народамъ. Несомнѣнно, что въ самомъ дѣленіи титуловъ заключались и права власти: въ титулѣ «архонтъ» является понятіе о правленіи демократическомъ; конечно, оно и было въ упомянутыхъ городахъ и подтверждается еще автономными монетами. Несомнѣнно также и то, что изъ упоминаемыхъ въ надписяхъ національностей, жители городовъ, т.-е. греки, имѣли первенствующее значеніе, потому что они не могли имѣть во главѣ «базилевса», титула, носимаго надъ азіатскими варварами (титулъ архонта всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ). При династіи Спартакидовъ, Босфорское царство находилось въ тѣсныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ Аѳинами, для которыхъ имѣлъ огромное значеніе ввозъ Босфорскаго хлѣба. Знаменитые аѳинскіе ораторы Демосѳенъ и Исократъ произносили похвальныя рѣчи Босфорскимъ царямъ. Всѣ эти правители, по словамъ Страбона, назывались тиранами, но большинство изъ нихъ были достойными людьми. Въ концѣ II-го вѣка до Р. Х. Босфорское царство пришло въ упадокъ, и власть перешла въ руки новой Понтійской династіи въ лицѣ Митридата, сумѣвшаго защитить свою область отъ варваровъ, но павшаго въ Пантикапеѣ въ непосильной борьбѣ съ римлянами (при Помпеѣ и Цезарѣ). При этой династіи усилилось вліяніе Рима. Около Рождества Христова власть надъ Босфоромъ перешла къ третьей династіи—Савроматской, которая стояла во главѣ его до 2-ой четверти IV вѣка по Р. Х. Въ первые вѣка по Р. Х. въ связи съ развитіемъ царской власти мы видимъ рядъ придворныхъ чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ (управляющій царскимъ дворомъ, главный спальникъ, главный секретарь). Въ V-мъ вѣкѣ мы видимъ Босфоръ подъ властію гунновъ въ VI-мъ—Византіи. Изслѣдованія проф. Ю. А. Кулаковскаго, описавшаго знаменитую, христіанскую Керченскую катакомбу 491 года по Р. Х., привели его къ мысли, что и послѣ прекращенія Босфор-

скаго царства въ пол. IV в. по Р. X. тамъ продолжало жить мѣстное, но уже христіанское населеніе; культурная жизнь тамъ продолжалась до конца V в.: анализъ именъ погребенныхъ въ катакомбѣ 2-хъ христіанскихъ покойниковъ—Σαγάγας и Φαιοπαρταβ — свидѣтельствуетъ объ ихъ иранскомъ — сарматскомъ корнѣ. Одна надпись (VI в.) даетъ возможность предполагать, что нашествіе гунновъ не уничтожило древняго города и что въ немъ, быть можетъ, была даже возстановлена старая династія. Въ X-мъ в. Хозарія овладѣла Фанагоріей подъ именемъ Таматархи. Босфоръ давно былъ центромъ іудейства, а отсюда оно проникло и въ Хозарію, сдѣлавшись даже государственной религіей. Въ XI в. на мѣстѣ Пантикапеи мы видимъ русскій городокъ Кърчевъ, лежавшій противъ Тмутаракани, другого русскаго городка, образовавшагося на мѣстѣ Фанагоріи-Таматархи.

Культура. Мѣстоположеніе Пантикапеи Страбонъ описываетъ такъ: «Пантикапея не что иное, какъ холмъ, со всѣхъ сторонъ заселенный; онъ имѣетъ въ окружности 20 стадій (около трехъ верстъ). На восточной сторонѣ его лежитъ гавань и пристань почти для 30 кораблей; онъ имѣетъ акрополь; основанъ Милетійцами». Теперь этотъ холмъ извѣстенъ подъ именемъ Митридатовой горы, на которой и въ окрестностяхъ которой произведены археологическія изысканія и раскопки, давшія богатѣйшій матеріалъ для характеристики древней жизни босфоритянъ. Акрополь былъ укрѣпленъ рвами и стѣной изъ плитъ известняка. Въ акрополѣ находились, вѣроятно, и храмы. Въ Босфорѣ почитались богини—Гера, Артемида, Афродита, Кибела и Деметра, боги — Зевсъ, Аполлонъ, цѣлитель Асклепій, Панъ, Діонисъ, Гераклъ, Ахиллесъ, которому былъ посвященъ особый храмъ. О культѣ этихъ божествъ свидѣтельствуютъ статуи (Артемиды, Кибелы), надписи, изображенія на монетахъ (особенно часто покровителя Пантикапеи Пана), обломки богатыхъ, роскошныхъ храмовъ; въ Пантикапеѣ былъ храмъ Асклепія, въ Фанагоріи храмъ Афродиты. Страбонъ со словъ Эратосѳена сообщаетъ, что въ Пантикапейскомъ храмѣ Асклепія былъ лопнувшій на морозѣ мѣдный водоносъ, на которомъ была такая надпись: «если кто изъ людей не вѣритъ, что у насъ дѣлается (какіе бываютъ морозы), пускай убѣдится, взглянувши на этотъ кувшинъ, который поставилъ здѣсь жрецъ Стратій не въ качествѣ прекраснаго посвященія богу, а въ доказательство суровости зимы».

Жители Босфора отличались своимъ богатствомъ, источникомъ котораго была обширная торговля, а доказательствомъ его служатъ многочисленныя находки разныхъ драгоцѣнныхъ издѣлій и монетъ. Въ Босфорѣ была своя монета—городская и царская.

Главнѣйшими предметами торговли были хлѣбъ и рыба. Босфоръ былъ житницей Аѳинъ. Изъ Босфорскихъ гаваней вывозилось ежегодно 400.000 медимновъ хлѣба. Хлѣбъ этотъ добывался частію въ самомъ Босфорскомъ царствѣ, частію пріобрѣтался у сосѣдей скиѳовъ. По словамъ Страбона, за исключеніемъ горъ, тянувшихся вдоль моря, весь полуостровъ представлялъ плодоносную равнину, почва которой особенно хороша для произрастанія хлѣба: поле здѣсь, вспаханное любымъ землекопомъ, давало урожай самъ 30. Тотъ же писатель сообщаетъ любопытное извѣстіе, что область между Ѳеодосіей и Пантикапеей имѣла кромѣ города и *деревни*, которыя, очевидно, и были центромъ хлѣбнаго производства. Символомъ хлѣбныхъ богатствъ было изображеніе на монетахъ хлѣбнаго колоса, который иногда замѣняется рыбой — другимъ предметомъ богатствъ и торговли Босфора. По извѣстію того же Страбона, на восточномъ побережьѣ Азовскаго моря были мѣстности—Большой и Малый Ромбитъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточивался рыбный промыселъ; рыбу солили; зимою ловили рыбу (преимущественно осетровъ) подо льдомъ ганганами (неводами). Степи изобиловали пастбищами, и уже теперь скиѳы, какъ впослѣдствіи половцы, зимою спускались къ морскому побережью, а лѣтомъ подымались къ сѣверу въ лѣтовища. Торговля съ варварами-скиѳами велась главнымъ образомъ въ Танаидѣ и Фанагоріи.

«Первый городъ, по словамъ Страбона, служилъ общимъ мѣстомъ торговли для кочевниковъ съ одной стороны и для народовъ, прибывающихъ на судахъ въ озеро изъ Боспора съ другой. Первые доставляютъ рабовъ, кожи и другіе предметы для кочевниковъ; вторые привозятъ для обмѣна платье, вино и прочіе предметы, свойственные нашему образу жизни». Остатки Танаиса теперь ищутъ въ устьѣ Дона у станицы Елисаветской, гдѣ дѣйствительно скрываются остатки города III вѣка и греческой культуры. Фанагорія служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шедшихъ изъ Меотиды и Скиѳіи.

Пантикапея являлась складочнымъ пунктомъ для греческихъ товаровъ — оливковаго масла, вина, разныхъ предметовъ художественной промышленности (это было ткани, золотыя и серебряныя украшенія, глиняная росписная посуда, терракотовыя статуэтки). Виноградъ, правда, разводился на Босфорѣ, но ягоды его были мелки, и кусты его приходилось на зиму укрывать землей; маслина же почти совсѣмъ здѣсь не разводилась. Нѣкоторые предметы художественной промышленности, конечно, низшаго сорта, производились и на

мѣстѣ (вазы, терракоты, статуэтки). О сильномъ развитіи торговой дѣятельности свидѣтельствуетъ высоко поставленное монетное дѣло. Босфорская монета отличалась большимъ разнообразіемъ и дѣлилась на двѣ группы — городскую и царскую.

Обширность территоріи Босфорскаго царства, изолированность и безопасность его отъ степей благопріятствовали развитію въ немъ крупнаго хлѣбнаго экспорта въ Грецію, гдѣ появился въ IV-мъ вѣкѣ особый спросъ на продукты Черноморья; онѣ же должны были вызвать, по мнѣнію проф. М. И. Ростовцева, созданіе крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ съ зависимымъ крѣпостнымъ населеніемъ; помѣщичья же аристократія создала въ своихъ интересахъ монархическій строй, столь отличный отъ гражданскаго устройства Ольвіи. Торговля обогатила не только босфоритянъ, но и сосѣдившія съ ними племена тавровъ, скиѳовъ и сарматовъ. Опираясь на наемное войско, Босфорское царство могло расширять территорію, подчинять себѣ сосѣднія варварскія племена, увеличивать число своихъ городовъ. Тогда то и появились тѣ огромные курганы въ окрестностяхъ Керчи и на Тамани, которые заключаютъ въ себѣ необычайно богатыя погребенія. Но съ упадкомъ Греціи и ея промышленности, слабѣетъ и Босфорское царство: погибъ Танаисъ, склонилась къ упадку Горгиппія. Новый экономическій расцвѣтъ Пантикапеи относится уже къ Римской эпохѣ I—II в. по Р. Х., но Римское вліяніе не внесло въ культурную жизнь черноморскихъ колоній новыхъ элементовъ развитія. Римъ взялъ на себя задачу охраны прежней греческой культуры. И вотъ снова хлѣбная торговля дѣлается источникомъ богатства, а въ связи съ нею снова возрождается мѣстная земледѣльческая промышленность, создающая классъ богачей. Въ раскопкахъ гробницъ этой Римской эпохи мы находимъ изображеніе степныхъ земледѣльцевъ и коневодовъ, отстаивающихъ свое достояніе со своими войсками, дружинами, отрядами, но это уже не чистые греки: они подверглись сарматскому вліянію; по государственному строю Босфоръ напоминаетъ Иранское царство, да и въ другихъ отношеніяхъ (въ религіи, культурѣ) сказывается усилившееся вліяніе ираносарматской стихіи.

Херсонесъ, его мѣстоположеніе. Херсонесъ былъ основанъ въ V в. до Р. Х. выходцами изъ Черноморской же колоніи—Понтійской Гераклеи. Это подтвердила одна надпись, въ которой Херсониты называютъ Гераклеянъ своими отцами. Остатки его находятся нынѣ въ ближайшихъ окрестностяхъ Севастополя. Въ честь своей метрополіи Херсониты называли весь свой полуостровъ Иракленскимъ.

Этотъ послѣдній съ трехъ сторонъ былъ окруженъ моремъ, а съ четвертой (восточной) доступенъ нападеніямъ; поэтому Херсониты здѣсь выкопали ровъ, насыпали валъ и устроили вдоль его стѣну со многими башнями, въ которыхъ размѣстилась стража. Подъ защитою ея «Ираклейскій полуостровъ покрылся загородными дачами, садами и виноградниками, такъ что имѣлъ цвѣтущій видъ». Херсонесъ достигъ цвѣтущаго состоянія благодаря торговлѣ съ городами Понта, Пропонтиды и Эгейскаго моря, а также виноградарству.

Государственный строй. Въ III в. до Р. Х. Херсонесъ, по словамъ акад. В. В. Латышева, представлялъ собою свободную и вполнѣ благоустроенную политію, съ опредѣленной демократической формой правленія, съ правильно устроенными органами совѣщательной, судебной и исполнительной власти». Конституція Херсонеса напоминала Гераклейскую: въ немъ были Совѣтъ и Народное Собраніе; исполнительная власть принадлежала магистратамъ, имѣвшимъ коллегіальное устройство, была должность царя и жреца, совмѣщавшаяся въ одномъ лицѣ, были архонты, стратеги, охранители закона, казначеи. Политія установилась тамъ, — говоритъ В. В. Латышевъ, — повидимому, съ самаго начала. Владѣнія не ограничивались однимъ городомъ и ближайшими его окрестностями, но простирались на цѣлую окружность. Находка новой, чрезвычайно важной надписи гражданской присяги херсонесцевъ, относящейся приблизительно къ 1-й пол. III в. до Р. Х. пополнила эти данныя. Въ члены Совѣта, оказывается, могъ быть избранъ всякій полноправный гражданинъ. Деміурги «были верховными магистратами, обязанными пещись о демократіи и преслѣдовать лицъ, стремящихся къ ея ниспроверженію, и вообще государственныхъ измѣнниковъ—заговорщиковъ. Должность эта была коллегіальная. Въ Херсонесѣ существовалъ *народный судъ*, въ которомъ голоса подавались «камешками по законамъ», и въ члены котораго также могъ быть избранъ всякій гражданинъ» [1]).

[1]) Содержаніе клятвы, которую, очевидно, приносили всѣ граждане, а не одни магистраты, таково: „клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ, и землею, и укрѣпленіями Херсонеситовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочихъ укрѣпленій, ни изъ прочей земли, коею Херсониты владѣютъ или владѣли ничего никому, ни Еллину, ни варвару, но сохраню народу Херсонеситовъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю, и не утаю вмѣстѣ съ нимъ, но заявлю городскимъ деміургамъ; и врагомъ буду злоумышляющему, предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонесъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и

Культура. Въ городѣ попрежнему процвѣтала широкая торговля чуть ли не со всѣмъ тогдашнимъ міромъ, процвѣталъ рыбный промыселъ. Херсонесъ, подобно Ольвіи, ассимилировалъ окружающее туземное варварское населеніе. Въ одной надписи о распродажѣ городскихъ участковъ упоминается о двухъ скиѳахъ. Херсонесъ въ I—II вѣкахъ по Р. Х. представлялъ обыкновенную картину греческой колоніи, съ храмами, алтарями, пританеемъ, въ которомъ постоянно горѣлъ огонь, привезенный изъ Гераклеи Понтійской, метрополіи Херсонеса. На видномъ мѣстѣ стояли конныя и портретныя статуи знаменитыхъ херсонесскихъ мужей, выставлены были псефизмы или правительственные декреты. На перекресткахъ также выставлялись правительственные декреты и статуи. По примѣру другихъ греческихъ приморскихъ колоній, въ городѣ было нѣсколько торговыхъ площадей и базаровъ. Въ немъ были театральныя представленія, процвѣтали гимнастическія игры, столь излюбленныя дорійцами и религіозные культы Діониса, Афродиты—этимъ божествамъ воздвигнуты были храмы,—также точно, какъ и главнымъ представителямъ греческаго Олимпа. Широко развитую торговлю охранялъ военный флотъ. Съ IV вѣка въ Херсонесѣ чеканилась своя монета (мѣдная, серебряная, золотая). Въ отношеніи искусствъ Херсонесъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Аѳинъ, затѣмъ малоазіатскихъ городовъ и Родоса; но были въ немъ и мѣстныя производства, что доказывается находкою при раскопкахъ мастерской гончарныхъ и художественныхъ издѣлій: тамъ была печь для обжига и складъ терракотовыхъ моделей для оттискиванія статуэтокъ. Въ числѣ привозныхъ художественныхъ издѣлій слѣдуетъ въ качествѣ уника отмѣтить «призъ съ

область Херсонеситовъ, и буду служить деміургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для гражданъ; и... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни Еллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслю никакого неправеднаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ не отпавшихъ и замышляющему (не дозволю и не утаю ничего ни съ кѣмъ), но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ, и въ заговоръ не вступлю ни противъ общины Херсонеситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ, и если связанъ какою-либо клятвою или обѣтомъ, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребывающему обратное; и если я узнаю какой-либо заговоръ, существующій или составляющійся, то заявлю деміургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но только въ Херсонесъ. Зевсъ и Земля, и Солнце, и Дѣва, и боги Олимпійскіе! пребывающему мнѣ въ этомъ да будетъ благо—и самому, и роду, и моимъ, а непребывающему—зло и самому, и роду, и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море ни женщины да не („благорождаютъ“).

праздника Анакій» въ Аѳинахъ. Этотъ призъ на общихъ греческихъ упражненіяхъ достался побѣдителю-гражданину изъ Херсонеса: онъ состоялъ изъ золотыхъ ожерельевъ, золотыхъ ушныхъ подвѣсокъ, превосходящихъ по красотѣ знаменитые Кульобскія, и ювелирныхъ изящныхъ предметовъ. Сохранились спуски къ морю и къ пристанямъ.

Политическая судьба. Но внѣшняя опасность опредѣлила судьбу Херсонеса. Херсониты нашли себѣ помощь противъ тавро-скиѳовъ въ лицѣ Митридата Понтійскаго, который прислалъ имъ военоначальника Діафанта, въ честь котораго херсонесцы издали декретъ — это самая знаменитая изъ Херсонесскихъ надписей — и поставили его бронзовую статую,—но должны были признать его власть, содержать у себя его гарнизонъ и платить ему дань. При императорахъ Херсонесъ подчинился непосредственно Римской имперіи. При Адріанѣ, отозвавшемъ гарнизонъ изъ Херсонеса, Херсонесъ вернулъ было часть своей автономіи, но все же уплачивалъ Риму дань. Наслаждаясь подъ эгидою Римской имперіи благами мира, Херсонесъ окрѣпъ, усилился и сталъ даже одерживать верхъ надъ Босфорскимъ царствомъ. Въ IV в. по Р. Х. онъ сталъ испытывать внѣшнія опасности отъ варваровъ эпохи великаго переселенія народовъ, что, конечно, отразилось и на его внутреннемъ благосостояніи. Съ V до конца X в. по Р. Х. онъ является центромъ Византійскихъ владѣній на Черноморскомъ побережьѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ византійской культуры, такъ называемаго «корсунскаго дѣла», т.-е. корсунскихъ издѣлій

Христіанство въ Византійскомъ Херсонесѣ. Христіанство рано распространилось въ Херсонесѣ благодаря тому, что онъ сдѣлался мѣстомъ ссылки для христіанъ. Во II вѣкѣ по Р. Х. сюда, въ каменоломни Инкермана былъ сосланъ римскій епископъ Климентъ, который обратилъ многихъ въ христіанство и за это былъ сброшенъ въ море. Пещерные храмы окрестностей Херсонеса служили, по всей вѣроятности, мѣстомъ убѣжища и богослуженія для тайныхъ христіанъ временъ гоненій. Съ имп. Константина для христіанъ здѣсь наступили лучшія времена: епископъ Еѳерій построилъ въ Херсонесѣ первую церковь, куда вѣрующіе стали собираться открыто, но рядомъ съ христіанствомъ здѣсь продолжало крѣпко держаться и язычество; въ одной и той же семьѣ были христіане и язычники, и въ фамильныхъ склепахъ херсонитовъ мы находимъ и христіанскія, и языческія погребенія. При отдѣленіи Восточной Византійской имперіи отъ Западной Херсонесъ былъ причисленъ къ первой и находился въ зависимости отъ нея и въ тотъ моментъ, когда на историческую сцену выступила Русь. Русь отъ

Византійскаго Херсонеса, именуемаго въ русской лѣтописи *Корсунемъ*, приняла христіанство, первые зачатки искусства, но внѣ сомнѣній стоитъ также фактъ сильнаго вліянія Византійскаго Херсонеса и на культуру руссовъ еще языческаго періода ихъ исторіи: многіе предметы славянорусскихъ кургановъ совершенно тождественны съ Херсонесскими, и это вліяніе, конечно, объяснется тѣсными торговыми и культурными связями Руси и Византійскихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Въ IX в. Корсунь посѣтилъ первоучитель славянскій Кириллъ, нашедшій на одномъ островѣ мощи папы Климента. Въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла сказано, что въ Корсунѣ онъ нашелъ евангеліе и псалтырь, писанные русскими письменами; отыскавъ переводчика, говорившаго по русски, онъ выучился у него русскимъ звукамъ и произношенію и, примѣняя къ этому языку различныя письмена и буквы гласныя и согласныя, самъ сталъ говорить и писать на немъ. Въ XII вѣкѣ торговое значеніе Корсуня падаетъ и переходитъ къ г. Сурожу. Тогда же въ Корсунѣ евреи вели торговлю русскими рабами, приводимыми половцами. Корсунь въ это время подпалъ подъ власть Трапезунта. Владычество его продолжалось, впрочемъ, недолго; на короткое время Корсунь получилъ въ XIII в. при помощи аланъ, занявшихъ Крымъ, независимость; но положеніе города было чрезвычайно печальное. Затѣмъ онъ опустѣлъ и былъ разрушенъ въ XIV вѣкѣ.

Укрѣпленія Херсонеса, по его раскопкамъ. Теперь сохранились развалины его и раскопка его руинъ—этой русской Помпеи—дала богатѣйшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи его въ древнегреческую и особенно византійскую эпоху. Въ Херсонесскомъ городищѣ съ южной и юго-западной стороны сохранились остатки знаменитой стѣны Херсонеса, съ западной и восточной стороны остались кое-гдѣ только фундаменты ея: часть городскихъ строеній здѣсь рухнула въ море. Доселѣ сохранились въ полуразрушенномъ видѣ на высокихъ фундаментахъ двѣ башни. Сохранились остатки водопроводныхъ трубъ. Открыты древнія улицы: одна—шириною въ 3 сажени, шла по всему городу съ юга на сѣверо-востокъ къ морю; ее пересѣкали еще 2 улицы уходившія къ морю. При раскопкахъ попадаются нерѣдко глубокія цистерны изъ оштукатуреннаго плитняка—одна изъ нихъ служила для сохраненія дождевой воды, другія, болѣе глубокія—для отвода нечистотъ (канализація). Вино и хлѣбное зерно хранились въ огромныхъ сосудахъ, вкопанныхъ въ землю; ссыпался хлѣбъ и въ особыя ямы. Интересныя и остроумныя техническія соображенія о крѣпостной оградѣ Херсонеса,

по раскопкамъ ихъ, приводитъ глубокій знатокъ этого дѣла г. Бертье-Делягардъ, хотя необходимо прибавить, что они идутъ въ разрѣзъ съ уставившимися на сей счетъ мнѣніями. Самою древнею частію, по его мнѣнію, является нижній ярусъ (7 нижнихъ рядовъ), гдѣ мы видимъ правильную, сухую, безъ раствора кладку штучными камнями, со старательной притеской швовъ, при чемъ камни положены то логомъ, то тычкомъ; на камняхъ встрѣчаются нигдѣ болѣе не найденныя рабочія мѣтки. Облицовка 2-го яруса (4 слѣдующіе ряда) похожа на предыдущую, но не столь правильна и качество камня худшее. Облицовка 3-го яруса (слѣдующіе ряды вверхъ) непохожа по существу на предыдущія: здѣсь была уже кладка на извести. 1-й ярусъ—самый древній —представляетъ первую попытку устройства городской ограды на очень незначительномъ пространствѣ. Позже сдѣлана была попытка продолжить крѣпостное строительство путемъ наращиванія новыхъ стѣнъ на прежнихъ, но эта попытка не была далеко доведена до конца, вѣроятно, по недостатку средствъ—такъ образовался нынѣшній 2-й ярусъ стѣны; 3-й ярусъ представляетъ изъ себя наиболѣе позднее и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обширное крѣпостное укрѣпленіе Херсонеса. Устройство первоначальной ограды (1-го яруса) Бертье-Делягардъ относитъ къ IV в. до Р. Х., 2-го яруса къ III в. до Р. Х., 3-го яруса, а вмѣстѣ съ нимъ всей сохранившейся донынѣ стѣны съ башнями — къ концу 1-го вѣка до Р. Х. и пол. II в. послѣ Р. Х.

Сравнительно позднее огражденіе Херсонеса г. Бертье-Делягардъ объясняетъ тѣмъ, что старый Херсонесъ съ его древнѣйшими укрѣпленіями находился въ другомъ мѣстѣ: не въ промежуткѣ между Херсонесской и Карантинной бухтами, а у Казачьей бухты, гдѣ обнаружена была крѣпостная ограда древней кладки и развалины стараго города. Толкуя свидѣтельство Страбона [1]) о старомъ Херсонесѣ, лежавшемъ въ развалинахъ, г. Бертье-Делягардъ полагаетъ, что старый Херсонесъ съ укрѣпленіями былъ основанъ у нынѣшней Казачьей бухты въ концѣ V или началѣ IV в. Вскорѣ часть его населенія перешла отсюда и основала новый Херсонесъ. Этимъ Бертье-Делягардъ объясняетъ сравнительную бѣдность находокъ греческаго періода въ Херсонесѣ—все значеніе его лежитъ въ христіанскихъ византійскихъ временахъ.

---

[1]) Вотъ это свидѣтельство: „въ этомъ городѣ (Херсонесѣ) находится храмъ какой-то богини, Пароены (дѣвственницы), имя которой носитъ и находящійся передъ городомъ на разстояніи 100 стадій мысъ, наз. Пароеніемъ; на немъ находится храмъ и статуя богини. Между городомъ и мысомъ есть 3 гавани; затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонесъ, лежащій въ развалинахъ...“

Но эта, повидимому, стройная гипотеза встрѣчаетъ цѣлый рядъ затрудненій: нельзя говорить о чрезвычайной бѣдности остатковъ архаическаго Херсонеса въ нынѣшней стадіи его раскопокъ, когда естественно приходится имѣть дѣло почти исключительно съ верхнимъ слоемъ развалинъ позднѣйшей византійской эпохи; но и теперь уже имѣется все же немалое количество предметовъ античнаго характера и въ томъ числѣ богатая коллекція золотыхъ вещей, къ сожалѣнію, доселѣ неизданная и научно не обслѣдованная. Но самымъ важнымъ сомнѣніемъ является то, что настоящихъ раскопокъ стараго Херсонеса еще не было, а новѣйшія археологическія развѣдки г. Печенкина указали, что на всемъ пространствѣ отъ оборонительныхъ стѣнъ до маяка имѣются остатки значительнаго древнегреческаго поселенія, 2) что поселеніе это существовало въ IV, III и II вв. до Р. Х. 3) что ко времени Страбона оно было оставлено жителями и лежало въ развалинахъ. Г. Печенкинъ открылъ нѣсколько частныхъ домовъ и—что очень интересно—остатки, какъ онъ полагаетъ, виноградниковъ или огородовъ, въ которыхъ (вѣроятно для посадокъ) были перекопаны полосы шириною около 5 шаговъ, а образовавшійся при перекопкѣ камень былъ сложенъ на участкахъ и теперь производитъ впечатлѣніе стѣнокъ. Впрочемъ, и раскопки г. Печенкина носятъ характеръ предварительныхъ развѣдокъ и не устраняютъ еще возможности открытія болѣе древняго слоя и находокъ V вѣка. И, такимъ образомъ, вопросъ о старомъ и новомъ Херсонесѣ въ такой постановкѣ, какую ему даетъ г. Бертье-Делягардъ, представляется намъ требующимъ новыхъ изслѣдованій на территоріи обоихъ Херсонесовъ. Крайне желательно также подтвержденіе гипотезы г. Печенкина о виноградникахъ, которые покрывали всю изслѣдованную имъ обширную территорію. Вопросъ этотъ привлекъ уже къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Проф. М. И. Ростовцевъ говоритъ: «Херсонеситы сосредоточились на виноградной культурѣ и ближайшую свою территорію превратили въ рядъ мелкихъ прочно защищенныхъ крѣпкими стѣнами отъ варварскихъ набѣговъ виноградниковъ. Раскопки полк. Печенкина въ окрестностяхъ Херсонеса выяснили систему земельнаго уклада и аграрнаго быта херсонеситовъ. Одинъ по другому въ окрестностяхъ Херсонеса, верстъ на 15 вглубь страны, тѣснятся огороженные участки; ихъ перерѣзываютъ укрѣпленныя, перерѣзанныя двумя стѣнами дороги; въ центрѣ каждаго участка—простой мужицкій домъ. Гдѣ только можно, группами въ нѣсколько сотъ участковъ, эти херсонесскія аграрно-военныя поселенія отгораживаются отъ степи, отъ моря и до моря стѣнами;

большая стѣна того же типа отгораживала и всю территорію. Характеренъ этотъ мужицкій виноградарскій укладъ жизни греческой πόλις въ сравненіи съ іонійско-персидскимъ укладомъ Босфора. Поучительно и то, что ничего подобнаго описаннымъ дѣлянкамъ Херсонеса ни въ окрестностяхъ Босфорскихъ городовъ, ни въ окрестностяхъ Ольвіи не имѣется. Интересно, что время апогея Херсонеса все тотъ же IV вѣкъ до Р. Х., и длится этотъ апогей лишь до II—I в. до Р. Х.» Мнѣ кажется, что раскопки г. Печенкина сами по себѣ еще не даютъ основанія для категорическаго заключенія о мужицкихъ домахъ и виноградарствѣ, но о развитіи виноградарства говоритъ и одна изъ надписей Агасикла: въ пользу этого говорятъ и естественныя условія этой мѣстности, пригодныя только для развитія виноградарства, но отнюдь не для хлѣбопашества, которое было развито въ Босфорскомъ царствѣ.

Христіанскіе храмы, открытые при раскопкахъ. Особенно цѣнными памятниками Византійскаго Корсуня являются открытыя при его раскопкахъ многочисленныя христіанскія базилики. Ихъ значеніе для русскихъ христіанскихъ древностей усугубляется тѣмъ, что онѣ относятся къ городу, изъ котораго пошло на Русь христіанство. Херсонесскія базилики относятся къ различнымъ эпохамъ—съ IV по XIV ст., а лучше сохранившіяся изъ нихъ—къ VII—IX в. Хорошо сохранилась базилика, ранѣе другихъ открытая гр. А. С. Уваровымъ. Въ атріумѣ—дворикѣ древнихъ херсонесскихъ базиликъ—находились баптистеріи, фонтаны для омовенія и могилы для погребенія. Впослѣдствіи атріумы исчезли и замѣнились внѣшнимъ притворомъ или папертью. Базилики имѣли видъ продолговатыхъ четырехугольниковъ со стѣнами, сложенными изъ битаго камня и рѣдко плитъ, но все это было связано превосходною крѣпкою известью. Никакихъ наружныхъ украшеній базилики не имѣли. Главное украшеніе ихъ составляли мраморныя колонны съ капителями; нерѣдко шли въ дѣло старые античные образцы. Другимъ замѣчательнымъ украшеніемъ базиликъ являются *мозаичные полы*. Такой полъ былъ и въ базиликѣ, открытой гр. А. С. Уваровымъ; нынѣ онъ находится въ импер. Эрмитажѣ въ Петербургѣ. На колоннахъ одной изъ базиликъ открыты были надписи, заключающія перечень фамилій гражданъ, внесшихъ суммы на ихъ изготовленіе. Встрѣчались и незначительные остатки фресковой живописи. Въ недавно вышедшей книгѣ проф. Д. В. Айналова «Памятники христіанскаго Херсонеса» (вып. 1) сдѣлано подробное и тщательное научное описаніе всѣхъ открытыхъ до настоящаго времени херсонесскихъ храмовъ; описаны между про-

чимъ и церкви, открытыя на площади вокругъ новаго храма кн. Владимира. Описанъ и загородный крестообразный храмъ, открытый въ последнее время (въ 1902 г.). Здѣсь возвышался курганъ, послѣ раскопокъ котораго оказалось, что онъ «представлялъ возвышенную скалу, занятую въ большей своей части некрополемъ, судя по находкамъ предметовъ и монетъ, служившимъ мѣстомъ погребенія какъ въ языческую, такъ и въ христіанскую эпоху. Основанія 8-ми угольнаго зданія, видѣнныя здѣсь путешественниками, оказались сохранившимися на значительную высоту стѣнами большого крестообразнаго храма съ 8 углами. Съ сѣверовостока къ нему примыкали фундаменты жилыхъ зданій и небольшой базилическаго типа усыпальницы». Кладка стѣнъ обычная. «Большіе притесанные камни кладутся въ углахъ и устояхъ, стѣны выкладываются изъ болѣе мелкихъ, по преимуществу, кубическихъ камней и даже крупнаго бута на извести съ подкладкой щебня, безъ прослоекъ, въ одинъ кирпичъ. Иногда среди бута встрѣчаются куски мрамора». Въ боковомъ помѣщеніи находилась крещальня; дно бассейна выложено мраморомъ, въ фундаментѣ его найдены монеты VI в. по Р. Х. Въ землѣ подлѣ алтаря найдено много мозаичныхъ кубиковъ — очевидно алтарь украшенъ былъ мозаикой; на стѣнахъ храмовъ отысканы и остатки фресокъ, но, повидимому, болѣе позднихъ. Храмъ былъ расположенъ надъ подземными усыпальницами, которыя были древнѣе его: въ нихъ найдены монеты съ IV по VIII ст. по Р. Х. Въ обширномъ некрополѣ, прилегающемъ къ храму, оказались и языческія, и христіанскія погребенія.

Изслѣдованіе руинъ греческихъ городовъ и ихъ некрополей и кургановъ. Отъ этихъ богатыхъ греческихъ городовъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря остались свидѣтелями ихъ минувшей жизни съ одной стороны ихъ развалины — городища, а съ другой — некрополи и курганы. Послѣ паденія этихъ городовъ, матеріалы изъ ихъ руинъ стали извлекать для своихъ построекъ и византійцы, и итальянцы, и татары, и турки, и русскіе и, наконецъ, даже европейцы. Отношеніе къ памятникамъ было варварское, хищническое, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, находки цѣлой массы разбитой посуды въ Митридатовой горѣ, хищническія раскопки древнихъ кладоискателей, варварское расхищеніе русскими замаскированными грабителями драгоцѣнностей, открытыхъ въ Кульобской гробницѣ близъ Керчи,—древней Пантикапеѣ въ 1831 г. и разгромъ Керченскаго музея въ Крымскую кампанію союзною арміею, когда все безцѣльно предано было огню и молотку,—посуда сброшена съ полокъ и разбита, при чемъ стекло истолкли, статуи разбили молотами.

Начало изслѣдованію черноморскихъ греческихъ древностей положилъ любитель французъ Дюбрюксъ. Съ 1832 г. послѣ открытія Кульобской гробницы правительство поручило производство раскопокъ въ Керчи и ея окрестностяхъ директору Керченскаго музея (учрежденнаго въ 1826 г.) Ашику. Въ 1853 г. произведены разслѣдованія древней Танаиды, изслѣдована была и мѣстность Феодосіи, и мѣстность Херсонеса (послѣдняя гр. А. С. Уваровымъ), приступлено было и къ изслѣдованію Ольвійскаго городища. Всѣ памятники, открытые при раскопкахъ на средства правительства, стали поступать въ Императорскій Эрмитажъ. Благодаря дѣятельности Археологической Комиссіи, открытой въ 1859 г., число однихъ золотыхъ предметовъ въ Эрмитажѣ по отдѣлу древностей Босфора Киммерійскаго возрасло до 10 тыс., не считая скиѳскихъ, которыхъ набралось до 8 тыс. По историческому и художественному значенію, это единственное собраніе въ мірѣ. Былъ систематически изслѣдованъ весь Керченскій некрополь; курганы доставили массу предметовъ.

Въ 1833 г. началось разслѣдованіе Золотого кургана, окончившееся только въ 1853 г.—такъ много времени требовали раскопки большихъ греческихъ кургановъ — и хотя найдены были два квадратные склепа, но оказалось, что они были разграблены еще въ древности кладоискателями. Ограбленнымъ оказался и «Царскій Курганъ». Но другіе курганы Керченскаго некрополя, раскопанные въ 1853 г., дали драгоцѣнныя находки. Въ 1854 г. вышло (всего въ 200 экземпл.), замѣчательное изданіе *«Древности Босфора Киммерійскаго, хранящіяся въ Императорскомъ музеѣ Эрмитажа»* (каталогъ, составленный акад. Стефани, съ историческимъ введеніемъ Жиля и съ атласомъ и 94 таблицъ гравюръ). Съ учрежденіемъ Археологической комиссіи, подверглись систематическому изслѣдованію кладбища по сосѣдству съ Керчью. На Митридатовой горѣ были открыты катакомбы съ большимъ числомъ вещей и съ фресковою росписью; а также греческія и дѣтскія гробницы съ массою украшеній и терракотъ. Много цѣнныхъ предметовъ чисто греческой художественной работы дали курганы по хребту Юзъ-Оба (въ нихъ оказались нетронутыми боковыя камеры). На Таманскомъ полуостровѣ систематическія раскопки произведены были проф. Герцомъ. И. Е. Забѣлинъ и Люценко раскопали курганъ «Большую Близницу», въ которой нашли массу драгоцѣнныхъ предметовъ III вѣка до Рожд. Христ., въ томъ числѣ саркофагъ, въ каменномъ склепѣ. Бар. Тизенгаузенъ сдѣлалъ блестящія открытія въ Артюховскомъ курганѣ и въ группѣ кургановъ «Семи Братьевъ» Кубанской области. Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ раскопкахъ и наход-

кахъ сосредоточены въ «Отчетахъ Имп. Археолог. Ком. съ атласами. Въ «Извѣстіяхъ Имп. Арх. Ком.» также напечатано огромное количество матеріаловъ о раскопкахъ и находкахъ послѣднихъ годовъ. Систематическія раскопки ведутся въ настоящее время отъ Имп. Арх. Ком. въ Ольвіи проф. Б. В. Фармаковскимъ, въ Пантикапеѣ (нынѣшней Керчи) Шкорпиломъ, въ Херсонесѣ Косцюшко, Валюжиницкимъ (недавно скончался) и Леперомъ. Но, несмотря на многолѣтніе труды, и здѣсь изслѣдованія не только не закончены, но нельзя сказать, чтобы были доведены до средины: такое впечатлѣніе выносится на основаніи изученія отчетовъ о раскопкахъ. А между тѣмъ предстоитъ еще разслѣдовать новыя мѣстности, представляющія также остатки древне-греческихъ поселеній. Къ числу ихъ принадлежитъ греческій городокъ на островѣ Березани. Въ отчетѣ о раскопкахъ его въ 1905 г. профессоръ фонъ-Штернъ писалъ: «единственный случай у насъ въ Россіи, что мы можемъ раскопать древне-греческій городокъ VI и начала V вѣка до Р. Х., который сохранился въ первобытной своей формѣ и надъ которымъ нѣтъ надстройки и поселеній изъ болѣе позднихъ періодовъ». Здѣсь, при его раскопкахъ, оказались курганы VI в. до Р. Х. и были обнаружены остатки домовъ стараго античнаго города эпохи не ранѣе VI в. Въ 17 верстахъ отъ нынѣшней Керчи (Пантикапеи) открытъ акрополь гор. Нимфеи, впервые упоминаемой во второй половинѣ V в. до Р. Х. Раскопки Н. П. Кондакова указали здѣсь на греческое поселеніе. Въ 1896 г. былъ найденъ списокъ (неполный) Нимфейскихъ гражданъ конца IV в. до Р. Х. Все это были греческіе поселенцы, но среди нихъ оказалось и небольшое число варварскихъ именъ. Курганы греческіе имѣютъ для насъ большое значеніе, потому что помогаютъ намъ возстановить бытъ греческихъ колонистовъ. Важное значеніе этихъ памятниковъ еще болѣе станетъ для насъ яснымъ, если мы вспомнимъ, какъ смотрѣли греки на почесть погребальную. По ихъ представленію, тѣни умершихъ обрѣтали покой въ томъ случаѣ, если останки покойника предавались должному погребенію. Не было для эллина болѣе ужасной мысли — какъ остаться безъ погребенія. «Нельзя себѣ представить,—говоритъ Ашикъ,—съ какимъ религіознымъ усердіемъ древніе отдавали послѣднюю дань усопшимъ: въ гробницы ставили вазы съ очистительною водою, съ виномъ, съ молокомъ, масломъ, медомъ, душистыми мазями; кромѣ того, при погребеніи дѣлали погребальную вечерю, полагая, что усопшій присутствовалъ при ней; такимъ образомъ, ставили въ гробницы и вазы, бывшія въ употребленіи при трапезѣ, для того, чтобы онѣ служили и усоп-

шимъ... Ставили также въ гробницы и разныя кушанья и напитки для усопшихъ... Въ гробницахъ Пантикапейскихъ собраны яйца, каштаны, орѣхи, миндаль, кости бараньи, птичьи и другихъ животныхъ, принесенныхъ богамъ въ жертву при погребеніи покойника». Погребенія скрыты подъ могильными курганами, которые во множествѣ находятся возлѣ Керчи, по обоимъ берегамъ Босфора на Таманскомъ полуостровѣ и тянутся до Темрюка и Кубани. Раскопками ихъ въ послѣднее время занимался Н. И. Веселовскій. Большая часть греческихъ и грекоримскихъ кургановъ относится къ періоду времени отъ V вѣка до Р. Х. до II вѣка послѣ Р. Х. Греческія гробницы на Понтійскомъ побережьѣ бываютъ двухъ типовъ: курганы со склепами и катакомбы. Греческіе курганы насыпаны изъ земли надъ склепомъ, состоящимъ изъ одной или нѣсколькихъ камеръ: для женщинъ, рабовъ; нѣкоторые курганы имѣютъ плитняковый фундаментъ. Катакомбы вырубливались въ скалистыхъ склонахъ горъ или въ позднѣйшую эпоху выкапывались подъ землею; входы въ погребальныя камеры катакомбъ устраивались въ видѣ галлерей. Катакомбы во множествѣ встрѣчаются въ Керчи по склонамъ Митридатовой горы, Херсонесѣ и въ окрестностяхъ древней Фанагоріи. Большинство катакомбъ относится ко II—III вѣкамъ послѣ Р. Х. и даетъ предметы грубаго ремесленнаго производства; въ этомъ отношеніи онѣ уступаютъ склепнымъ погребеніямъ. Историческій интересъ въ нихъ представляетъ фресковая живопись по стѣнамъ камеръ. Фрески эти разнообразнаго содержанія: однѣ представляютъ сцены изъ военнаго быта, другія изъ семейной жизни и миѳологіи. Многія изъ керченскихъ катакомбъ представляютъ не только художественный, но и историческій интересъ, по сценамъ, рисующимъ тогдашнюю жизнь. Катакомба, открытая въ 1841 г. Ашикомъ и въ настоящее время затерянная, имѣла богатую фресковую роспись: здѣсь былъ изображенъ семейный пиръ богатаго пантикапейца передъ отъѣздомъ его на войну, битва пантикапейской конницы съ варварами, гдѣ онъ палъ, его похороны: балдахинъ съ его тѣломъ, завернутымъ въ саванъ, несутъ рабы, въ изголовьѣ стоитъ его жена, у ногъ рабъ; провожаютъ сограждане; впереди идутъ музыканты флейтисты, послѣ похоронъ происходятъ въ честь его цирковыя ристалища акробатовъ и гладіаторовъ изъ варваровъ. Сцены воинскаго быта какого-то Пантикапейскаго полководца изображены и въ катакомбѣ, открытой въ 1872 году. Битву двухъ всадниковъ изображаетъ и катакомба, открытая въ 1873 году. Въ катакомбѣ, открытой въ 1875 году, изображена мирная домашняя бытовая сцена въ саду—хозяинъ семьи, возлежащій на

ложѣ, къ которому придвинутъ столикъ съ посудой, хозяйка, сидящая на высокомъ креслѣ, прислуга. Въ катакомбѣ Анеестерія изображается жизнь въ степи: здѣсь войлочный шатеръ, подлѣ него сидитъ хозяйка съ дѣтьми, сбоку пасутся лошади, хозяинъ съ лукомъ возвращается изъ степи домой. Всѣ эти катакомбы относятся ко II—III в. по Р. Х. Но есть и гораздо болѣе древнія декоративныя росписи частію въ катакомбахъ, частію въ курганныхъ склепахъ, идущія отъ IV в. до Р. Х., характеристику и эпоху коихъ опредѣляетъ проф. М. И. Ростовцевъ, съ ихъ мифологическими и реалистическими сюжетами. М. И. Ростовцевъ указываетъ ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи и самъ заканчиваетъ новое изданіе памятниковъ ея древностей и искусства. И я, послѣ личнаго осмотра керченскихъ катакомбъ и кургановъ, могу только горячо поддержать его пожеланія объ охранѣ и научномъ изслѣдованіи этихъ замѣчательныхъ памятниковъ. Лучше всего было бы сдѣлать отчужденіе ихъ въ собственность государства, какъ это сдѣлано со склепомъ въ усадьбѣ Зайцевой и царскимъ курганомъ, въ серединѣ котораго образованъ маленькій музей. Въ Босфорскихъ могилахъ ясно и опредѣленно устанавливается погребальный обрядъ трупоположенія; можно дѣлать предположеніе и о существованіи трупосожженія, но встрѣчаемыя пепловыя урны могутъ представлять и остатки тризнищъ, въ которыхъ иногда попадаются кости жертвенныхъ животныхъ. Содержаніе гробницъ заключается въ предметахъ погребальнаго ритуала и житейской обстановки умершаго. Предметы перваго рода состоятъ или изъ одной мѣдной монетки въ зубахъ покойника—такъ называемой монеты Харона—или изъ множества разнообразныхъ вещей. Необходимо при этомъ замѣтить, что весьма многія гробницы были еще въ древности расхищены грабителями и много цѣнныхъ вещей безслѣдно погибло для науки.

Инвентарь греческихъ могилъ. Въ нѣкоторыхъ гробницахъ деревянные саркофаги украшены барельефами или гипсовыми масками вакхическаго характера, или золотыми фигурками, имѣвшими, вѣроятно, назначеніе сохранять покойника отъ злыхъ духовъ. Оригиналенъ саркофагъ въ видѣ храмика изъ Митридатовой горы. Обиліе драгоцѣнныхъ предметовъ изъ золота вообще составляетъ характерную особенность греческихъ могилъ въ южной Россіи, гдѣ пристрастіемъ къ золотымъ украшеніямъ отличались не одни греки, но и варварскія племена. Обычнымъ убранствомъ головы покойника были золотые вѣнки; нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы въ подражаніе вѣтвямъ, гирляндамъ и листьямъ деревьевъ лавровыхъ и масличныхъ. Они отличаются иногда

высоко-художественной работой. Въ курганѣ близъ Павловской батареи въ Керчи головнымъ уборомъ служила золотая ажурная шапка варварскаго типа. О женскихъ головныхъ уборахъ мы можемъ судить по раскопкамъ въ «Большой Близницѣ»; здѣсь найдено пышное головное украшеніе, представляющее золотую корону-кокошникъ; на пластинкахъ ея изображены сцены изъ борьбы грифовъ съ варварами изъ-за золота; кромѣ того, найдено золотое украшеніе, сдѣланное въ подражаніе завитой прическѣ. Эти украшенія относятся къ IV вѣку до Р. Х. и принадлежатъ, вѣроятно, царицѣ. Самымъ роскошнымъ головнымъ уборомъ была діадема. Въ Артюховскомъ курганѣ близъ древней Фанагоріи найдена была золотая діадема вѣсомъ въ 36 золотниковъ, состоящая изъ трехъ кусковъ, соединенныхъ шарнирами; внутренность діадемы заполнена черной смолой; обручъ украшенъ сирійскими гранатами, изъ которыхъ въ серединѣ діадемы устроенъ большой символическій узелъ. По времени изготовленія ее относятъ къ III вѣку до Р. Х. Серьги въ древности носили и мужчины; но, конечно, наиболѣе изящныя и дорогія находятся въ женскихъ могилахъ. Босфорскія серьги бываютъ самыхъ разнообразныхъ типовъ: начиная отъ простого кольца и кончая изображеніями растеній и животныхъ. Матеріломъ для изготовленія серегъ служатъ — золото, серебро и драгоцѣнные камни. Иныя серьги по своему вѣсу не могли уже носиться въ ушахъ, а прикрѣплялись къ головному убору. Простѣйшимъ видомъ этихъ ушныхъ подвѣсокъ были кольца съ розетками, болѣе сложнымъ — серьги, къ которымъ подвѣшивались различныя фигурки. Ожерелье носилось только восточными эллинами, но не западными. Въ простѣйшемъ видѣ оно представляетъ собою шейное кольцо, которое въ позднѣйшее время на Руси называлось гривной. Ожерелье жрицы Деметры изъ «Большой Близницы» сдѣлано изъ золота, по краямъ украшено львиными головами; на фризѣ его изображена сцена изъ сельской жизни. Браслеты въ греческихъ колоніяхъ Понта носили мужчины и женщины. Золотой браслетъ изъ «Большой Близницы» состоитъ изъ двойного витаго кольца, кончающагося изображеніемъ львицъ. Важное значеніе для исторіи греческаго искусства имѣютъ рѣзные камни и перстни, относящіеся къ III—IV вѣку до Р. Х. — самому цвѣтущему періоду его. Особенно любопытно изображеніе на нихъ мѣстной природы и человѣка. На одномъ перстнѣ изображенъ летящій журавль, на другомъ мы находимъ изображеніе скиѳа, разсматривающаго стрѣлу. Другой типъ рѣзныхъ камней такой художественной отдѣлки представляютъ цилиндры. Родина ихъ на востокѣ, гдѣ они слу-

жили печатями. Цилиндры, находимые въ Босфорскихъ могилахъ, частью восточной работы, частью мѣстной.

Драгоцѣнными образцами древне-греческихъ вышивокъ являются для насъ куски женской одежды IV—II вѣка до Р. Х. изъ Павловскаго кургана. Матеріи большею частью раскрашивались, другія же еще украшались вышивкою. На матеріи изъ Павловскаго кургана разноцвѣтными нитками вышиты изображеніе амазонки и растительный орнаментъ. Одежды и погребальные пелены часто украшались нашитыми на нихъ золотыми бляшками съ разнообразными изображеніями.

Керамическія издѣлія. Керамическія издѣлія въ Босфорѣ относятся къ особому стилю, извѣстному подъ названіемъ «коринѳскаго» или «финикійскаго», появившемуся въ VII и VI вѣкахъ до Р. Х. Керамика этого типа состоитъ изъ росписныхъ сосудовъ, украшенныхъ орнаментомъ и изображеніями органическаго міра. На красномъ фонѣ силуэты фигуръ рисовали черной краской, затѣмъ сосудъ покрывали лакомъ, и тогда уже на фигуры накладывались другія краски: бѣлая, коричневая и фіолетовая; сюжеты брались изъ частной жизни и миѳологіи. Росписные сосуды частью привозились изъ Аѳинъ, частью приготовлялись на мѣстѣ. Съ начала IV вѣка наблюдается измѣненіе стиля живописи: черною краскою покрываютъ фонъ, а фигуры рисуютъ красной краской. Типы сосудовъ разнообразны: для черпанья и разливанья вина служили фіалы. Художественнымъ исполненіемъ отличаются ритоны, имѣющіе обычную форму турьихъ роговъ; въ женскомъ туалетѣ употреблятюся, въ качествѣ тазовъ, лутеріоны, для храненія мазей и маслъ — леканы, алевастры и др. Живопись на нѣкоторыхъ сосудахъ отличается высокой степенью совершенства. Въ IV вѣкѣ мастера, не довольствуясь одною живописью, присоединяютъ къ ней пластическій рельефъ; рельефно изображаютъ, обыкновенно, главныя фигуры. Примѣромъ сосудовъ съ рельефными фигурами можетъ служить извѣстный Ксенофонтовъ сосудъ, найденный близъ Керчи; на немъ изображена охота 12 варваровъ (персовъ) на кабановъ, лосей и грифовъ. Со II столѣтія до Р. Х. появляется посуда, отдѣлываемая рельефомъ и покрытая черной или красной глазурью. Металическое производство перешло и въ греческія колоніи на Понтійскомъ побережьѣ. Изъ предметовъ этого рода слѣдуетъ упомянуть о серебряномъ ритонѣ большихъ размѣровъ изъ «Семибратняго» кургана на Кубани, украшенномъ восточнымъ орнаментомъ. Стеклянные сосуды начинаютъ попадаться въ греческихъ гробницахъ въ значительномъ количествѣ во II вѣкѣ до Р. Х., но все таки тогда они являются предме-

томъ роскоши; въ римскій же періодъ въ I и II вѣкѣ по Р. Х. стеклянная посуда заступаетъ мѣсто глиняной во всеобщемъ употребленіи. Украшенія стеклянной посуды состоятъ изъ припаянныхъ къ поверхности узоровъ матоваго или цвѣтного стекла.

Специальной принадлежностью погребальной обстановки на всемъ пространствѣ греческаго міра были терракотовыя статуэтки изъ жженой глины. Статуэтки Босфора уступаютъ въ художественномъ отношеніи статуэткамъ другихъ греческихъ земель, но все же онѣ имѣютъ для археолога и историка большое значеніе. Терракоты находятъ въ различныхъ древнихъ храмахъ и гробницахъ. Въ могилахъ IV и III вѣковъ до Р. Х. терракотовыя статуэтки клались по одной или по двѣ, со II вѣка онѣ встрѣчаются уже рѣдко, а въ I и II вѣкѣ по Р. Х. появляется особый типъ ихъ — статуэтки уродцевъ и гротесковъ. Сообразно представленіямъ грековъ о загробномъ мірѣ терракоты имѣли своею задачею дать наглядное изображеніе жизненной обстановки и были, такимъ образомъ, пластическимъ воплощеніемъ сокровенныхъ надеждъ человѣка, которыя онъ уносилъ съ собой въ загробный міръ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе неясностей представленій грековъ о загробной жизни, статуэтки религіознаго характера уступаютъ мѣсто образамъ реальнымъ, которыми полна человѣческая жизнь. Изъ области религіозныхъ представленій, которыя нашли себѣ выраженіе въ изображеніяхъ божествъ — Астарты, Гермеса, Афродиты, Діониса и Эротовъ, въ реальную обстановку повседневной жизни переносятъ насъ многочисленныя терракоты, изображающія комическихъ актеровъ; онѣ отличаются высокимъ юморомъ, а иногда скабрезнымъ характеромъ. Къ этимъ балаганнымъ типамъ относятся многочисленныя статуэтки карликовъ безобразнаго вида, шутовъ и уродовъ. Одна статуэтка, изображаетъ, напримѣръ, раба-педагога, по виду варвара, съ ребенкомъ въ рукахъ, приведеннаго въ отчаяніе дѣтскимъ крикомъ. Цѣлая коллекція такихъ комическихъ статуэтокъ была найдена въ «Большой Близницѣ»; эти статуэтки въ могилахъ, по вѣрованіямъ древнихъ, служили охранительными амулетами, противъ подземныхъ демоновъ. Многочисленную группу представляютъ также терракоты, изображающія сцены изъ женской и дѣтской жизни. Женщина въ нихъ изображена въ своей домашней обстановкѣ за обычными занятіями: она то приводитъ въ порядокъ свой туалетъ, то играетъ въ мячъ или на музыкальныхъ инструментахъ, то гуляетъ, наконецъ, въ городѣ съ покупками; нѣкоторыя статуэтки носятъ романическій характеръ: напримѣръ, эроты нашептываютъ на ухо дѣвушкѣ любовныя мечты. Дѣти представлены

играющими въ мячъ, въ кости, съ собаками, зайцами, козами и птичками, изображены борющимися другъ съ другомъ, катающимися въ тележке, верхомъ на гусѣ или козлѣ и т. п. Въ могилахъ первыхъ вѣковъ по Р. Х. попадаются во множествѣ фигурки грубой работы уродовъ и каррикатурныхъ типовъ; лица напоминаютъ хари ряженыхъ съ безобразными членами тѣла и уродливыми головными уборами. Большая часть этихъ фигуръ представляетъ собою маріонетки, которыя приводились въ движеніе посредствомъ нитокъ. Такъ высоко стояла эллинская культура въ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Говоря о скиѳо-сарматскомъ періодѣ, мы въ сущности опять будемъ имѣть дѣло съ произведеніями греческаго искусства и промышленности, только расчитанными на вкусъ и потребности варваровъ.

4-я глава. Скиѳо-сарматскіе народы и ихъ преемники въ южнорусскихъ степяхъ.

Скиѳскій вопросъ. Территорія и населеніе. Религія. Обычаи. Погребальные обряды. Греческое вліяніе. Происхожденіе. Скиѳо-сарматскіе курганы. Бытъ скиѳо-сарматовъ. Греческія и туземныя издѣлія. Извѣстія греко-римскихъ писателей о населеніи Сарматіи. Карта европейской Сарматіи Птоломея и ея географическія данныя. Аланы, готы, гунны, болгаре, авары. Извѣстія о славянахъ и ихъ переселеніяхъ; ихъ культура. Вещественные памятники эпохи великаго переселенія народовъ, найденные въ Россіи: ихъ общій характеръ и типы.

Литература вопроса. Основнымъ источникомъ для топографіи и этнографіи Скиѳіи является отецъ исторіи Геродотъ въ 4-й книгѣ своего труда. Неутомимый изслѣдователь Скиѳіи акад. В. В. Латышевъ издалъ текстъ Геродота и другихъ греческихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ въ своемъ сборникѣ „Извѣстія классическихъ писателей о Кавказѣ и Скиѳіи“, а проф. Ѳ. Г. Мищенко напечаталъ всего Геродота въ переводѣ на русскій языкъ. Для послѣдующей эпохи имѣютъ значеніе извѣстія Страбона (русскій переводъ Ѳ. Г. Мищенко), Птоломея и другихъ греко-римскихъ писателей. Важныя данныя для характеристики славянъ съ VI вѣка по Р. Х. заключаются въ извѣстіяхъ византійскаго писателя Прокопія, готскаго историка Іорнанда, имп. Маврикія. Эти письменныя свидѣтельства дополняются археологическими данными о раскопкахъ скиѳо-сарматскихъ кургановъ, а многочисленные предметы, открытые въ этихъ курганахъ, сосредоточены, гл. обр., въ Императорскомъ Эрмитажѣ и составляютъ его красу и гордость, но имѣются и въ другихъ русскихъ музеяхъ (московскомъ историческомъ, харьковскомъ, кіевскихъ), а изъ кургана Рыжановскаго, къ сожалѣнію, попали даже за границу. То же самое нужно сказать и относительно вещественныхъ памятниковъ эпохи великаго переселенія народовъ — они также сосредоточиваются, гл. обр., въ Эрмитажѣ, но имѣются и въ другихъ русскихъ музеяхъ. Они служатъ яркой иллюстраціей своей эпохи. Среди нихъ въ наши дни пріобрѣлъ громкую извѣстность замѣчательный кладъ, открытый пастушкомъ у сел. Перещепина, Полтавской губ. Вещи Салтовскаго могильника находятся въ музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета.

Изъ пособій отмѣтимъ важнѣйшія: *Древности Геродотовой Скиѳіи*, I—II (Изданіе Имп. Археологической Коммиссіи съ Атласомъ); *Надеждинъ*. Геродотова Скиѳія (въ „Зап. Одес. Общ.“, I); *И. Е. Забѣлинъ*. Исторія русской жизни, I; *Брунъ*. „Черноморье“ I, II; *Bonnel*. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands.“ I — II; 1-й томъ посвященъ, гл. обр., разбору извѣстій Геродота о Скиѳіи; *В. В. Латышевъ*. Понтика. Изд. Имп. Арх. Ком., СПБ. (содержитъ разборъ книги Боннеля о Скиѳіи) *А. С. Лаппо-Данилевскій*. „Скиѳскія древности;“ *А. А. Бобринскій*. „Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы“, т. I—III; *Н. П. Кондаковъ и И. И. Толстой*. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, II—III; *Б. И. Ханенко*. „Древности Приднѣпровья“, II—IV; *Д. И. Багалѣй*. „Раскопки кургановъ (скиѳскихъ) въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣзд. Харьк. губ“. (Тр. XIII Археол. съѣзда, М., 1908 г.); „Древности южной Россіи.“ Курганъ Карагодеуашхъ. Изсл. *Лаппо-Данилевскаго и Мальмберга* (Мат. по археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Ком., № 13); *Ѳ. Г. Мищенко*. „Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ“ (Кіев. стар. 1884, № 5); *его же*. „Къ вопросу о Геродотовыхъ скиѳахъ“ „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1884, № 7); *В. Ѳ. Миллеръ*. „Осетинскіе этюды“ т. III, 1887; *Ю. А. Кулаковскій*. Карта Европейской Сарматіи по Птоломею К. 1894 г.; *его же*. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. К. 1899; *В. Г. Васильевскій*. О мнимомъ славянствѣ гунновъ, болгаръ и роксоланъ (Ж. М. Нар. Пр. 1882, іюль); *Н. И. Веселовскій*. Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи гунновъ (Ж. М. Нар. Пр. 1882, сент.); проф. *Браунъ*. Разысканія въ области готославянскихъ отношеній, СПБ., 1899 г.; *М. С. Грушевскій*. „Кіевская Русь,“ т. 1-й, СПБ., 1911; *Филевичъ*. „Исторія древней Руси“; т. 1-й. В. 1896 г., 383 стр.; *Д. И. Иловайскій*. Разысканія о началѣ Руси. М. 1882, и 2 дополнительныя полемики по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1886 и 1902 гг.; *А. Веселовскій*. „Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій“ („Изв. отд. рус.“ V (1900), кн. 1-я 22); *А. А. Шахматовъ*. „Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ“, I—II. (Отд. изъ изв. Имп. Ак. Наукъ за 1911 годъ); *И. П. Дашкевичъ*. „Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкот. памятникамъ древне-сѣв. литературы“ (оттискъ изъ Кіев. унив. изв. 1886 г.); *Макушевъ*. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ СПБ., 1861; проф. *П. М. Собѣстьянскій*. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Х. 1892, 333, XII; *Д. И. Багалѣй*. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ. К. 1892; *А. Л. Погодинъ*. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. СПБ., 1902 г. (Здѣсь статьи—о сношеніяхъ Боспорскаго царства съ варварскими народами“ и „Эпигр. слѣды славянства“); *его же*. „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“. Изд. СПБ. Археол. Инст., СПБ. 1901 г., IV, 167 стр. (Цѣнный трудъ. Рец. на него проф. *Ю. А. Кулаковскаго, И. А. Лаврова и Д. И. Иловайскаго*). Систематическое изложеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся древнихъ славянъ, въ трудѣ *Нидерле*. Slovanske starožitnosti (на чешскомъ языкѣ); есть и польскій переводъ K. S. Chamiec'а, есть, къ сожалѣнію, только начатый, но неоконченный русскій переводъ г-жи Скриленко, просмотрѣнный и дополненный авторомъ.—Проф. Люборъ Нидерле. „Славянскія древности“. Пер. съ чешскаго Антонины Скриленко. Томъ I-й, часть 1-я, вып. 1-й. Изд. ред. жур. „Археол. лѣт. Южной Россіи“. К. 1905 г. XX, 120 стр.; *И. А. Зарѣцкій*. Кладъ, найденный при с. Малая Перещепина Конст. уѣзд. Полтавской губ. (от. изъ 9-го вып. Тр. Полт. Арх. Ком.); о Салтовскомъ могильникѣ рефератъ *А. М. Покровскаго* въ Тр. XIII Археол. съѣзда въ Харьковѣ; объ этомъ же могильникѣ сообщенія *В. А. Бабенка* въ трудахъ XIV (Екатерин.) и XV (Черниг.) Археол. съѣзда.

Скиѳскій вопросъ. Въ предыдущемъ изложеніи, говоря о греческой колонизаціи на берегахъ Эвксинскаго Понта, мы упоминали о той культурной роли, которую она играла среди туземнаго скиѳскаго населенія. Теперь намъ предстоитъ поближе ознакомиться съ бытомъ обитателей нашихъ южно-русскихъ степей, насколько позволяютъ это сдѣлать историческія и археологическія данныя. Скиѳскій вопросъ, т.-е. вопросъ о племенномъ происхожденіи скиѳовъ, ихъ появленіи въ Европѣ и ихъ культурѣ имѣетъ въ настоящее время обширную литературу. Такъ какъ главнымъ письменнымъ источникомъ о скиѳахъ является безсмертный трудъ отца исторіи Геродота, то главною задачею изслѣдователей явилась провѣрка сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, то или иное ихъ освѣщеніе. Однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ изслѣдованія о скиѳахъ является вопросъ объ ихъ племенномъ происхожденіи. Необходимо здѣсь замѣтить, что до появленія скиѳовъ въ черноморскихъ степяхъ жили еще киммерійцы. Вѣроятно, что греческіе колонисты не застали уже этой народности, вытѣсненной изъ своихъ мѣстъ скиѳами. Опредѣлить въ точности національность скиѳовъ довольно трудно; съ наибольшимъ вѣроятіемъ ихъ можно причислить на основаніи дошедшихъ до насъ скиѳскихъ словъ къ иранцамъ. Какъ на разновидность арійской теоріи, слѣдуетъ указать на попытку рѣшенія этого вопроса нѣкоторыми русскими учеными, которые отождествляютъ скиѳовъ со славянами, съ чѣмъ, однако, согласиться невозможно. Къ письменнымъ свѣдѣніямъ о скиѳахъ, находимымъ у древнихъ писателей, присоединился сравнительно въ недавнее время археологическій матеріалъ, бросающій свѣтъ на многія стороны ихъ жизни. При этомъ необходимо замѣтить, что въ виду сходства типа и образа жизни скиѳовъ и сарматовъ (послѣдніе перешли въ Европу изъ Азіи и уже во время Геродота жили между Дономъ и Кавказомъ, а въ IV—III вѣкахъ до Р. Х. появились въ черноморскихъ степяхъ, во II вѣкѣ оттѣсняютъ уже скиѳовъ) мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для разграниченія ихъ вещественныхъ памятниковъ и похоронныхъ обрядовъ, а потому даемъ этимъ древностямъ общее наименованіе скиѳо-сарматскихъ. Археологическія изслѣдованія доказали важное значеніе скиѳосарматскихъ древностей для изученія послѣдовательнаго хода развитія искусства. Находки въ Средней Азіи и Сибири установили несомнѣнную связь и сходство между тамошними скиѳосарматскими древностями: вещи погребальнаго человѣческаго и конскаго убора и также характерный животный орнаментъ доказываютъ связь скиѳосарматскаго стиля съ варварскимъ стилемъ эпохи великаго переселенія народовъ. Оригинальныя самобытныя черты скиѳскаго

стиля не остались безъ вліянія и на славянское искусство; въ убранствѣ славянъ мы находимъ типы скиѳскихъ предметовъ, равно какъ и въ формахъ керамическихъ издѣлій. Такимъ образомъ, сравнительное изученіе скиѳо-сарматскихъ памятниковъ устанавливаетъ ихъ несомнѣнную связь со стилемъ эпохи великаго переселенія народовъ и славянщины.

Территорія и населеніе. Скиѳія, по словамъ Геродота, представляла изъ себя равносторонній четыреугольникъ, двѣ стороны котораго примыкаютъ къ морю; южная отъ Истра (Дуная) до Меотійскаго озера (Азовскаго моря) тянулась на 20 дней пути (4000 стадій) и на столько же простирались на сѣверъ другія его двѣ стороны. Климатъ Скиѳіи отличался суровостью: 8 мѣсяцевъ продолжалась зима. Очевидно, Геродотъ составилъ себѣ преувеличенное понятіе о суровости климата Скиѳіи, объ ея снѣгѣ и замерзаніи воды въ Азовскомъ морѣ, что давало возможность окрестному населенію переходить его по льду; его поражало, что зимою нельзя было сдѣлать грязи, проливъ на землю воду; ее можно было только образовать, разведя на ней огонь; вода отъ холода превращалась въ ледъ, а огонь создавалъ воду. Особенно подробно описываетъ Геродотъ рѣки Скиѳіи. Земля скиѳовъ, говоритъ Геродотъ, представляя собою равнину, изобилуетъ травою и хорошо орошена; по ней протекаютъ рѣки — пятиустный Истръ (Дунай), за нимъ Тирасъ (Днѣстръ), Гипанидъ (Бугъ), Борисѳенъ (Днѣпръ), Пантикапъ, Ипакирь, Герръ и Танаисъ (предпослѣднія три неизвѣстны, а Танаисъ—Донъ). Не останавливаясь на описаніи всѣхъ рѣкъ, мы приведемъ только описаніе Днѣпра, какъ наиболѣе яркое. «Четвертая рѣка Борисѳенъ, говоритъ онъ, величайшая послѣ Истра изъ этихъ рѣкъ и по нашему мнѣнію, самая полезная не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми другими, исключая Нила. Она самая прибыльная: доставляетъ стадамъ прекраснѣйшія и очень питательныя пастбища, превосходнѣйшую рыбу въ огромномъ количествѣ; вода ея очень пріятна на вкусъ и отличается чистотою среди мутныхъ рѣкъ Скиѳіи; вдоль ея тянется превосходная пахотная земля или растетъ очень высокая трава тамъ, гдѣ почва не засѣвается; въ устьѣ его сама собою въ изобиліи осѣдаетъ соль; въ немъ ловятся для соленія большія рыбы безъ позвоночника, называемыя осетрами и, кромѣ того, есть многое другое, достойное удивленія». Числа жителей Скиѳіи Геродоту точно не удалось узнать: одни говорили, что *собственно* скиѳовъ (любопытное выраженіе, указывающее на политическое значеніе термина Скиѳіи) было немного, другіе, что, наоборотъ, очень много. Самъ Геродотъ склонялся въ пользу второго мнѣ-

нія. Самымъ южнымъ скиѳскимъ племенемъ, сосѣдившимъ непосредственно съ Ольвіей, были *каллипиды*, являющіеся скиѳами-эллинами, а выше ихъ жили *алазоны*. Выше ихъ обитали *скиѳы-пахари*, выше ихъ *невры*: эти племена жили по р. Бугу на западъ отъ Днѣпра. А если переправиться черезъ Днѣпръ со стороны моря, то ближайшая область будетъ Гилея, а вверхъ отъ Днѣпра жили *скиѳы-земледѣльцы*, занимавшіе къ востоку пространство на 3 дня пути до р. Пантикапы, а къ сѣверу—на 11 дней плаванія по Днѣпру. Къ востоку отъ скиѳовъ-земледѣльцевъ за р. Пантикапой обитали скиѳы—кочевники, къ востоку занимавшіе область на 14 дней пути до р. Герра. Вся эта страна исключая Гилеи лишена деревьевъ. По ту сторону Герра находятся владѣнія *царскихъ* скиѳовъ, самыхъ лучшихъ и многочисленныхъ, считавшихъ прочихъ скиѳовъ своими рабами. Занимаемая ими мѣстность простиралась къ югу до Таврическаго полуострова, а къ востоку до торжища при Меотійскомъ озерѣ, (Азовскомъ морѣ), называвшагося Кримнами и частью до р. Танаиса. За рѣкою Танаисомъ уже не скиѳская земля: первый изъ тамошнихъ участковъ земли принадлежитъ *савроматамъ*, которые начиная съ угла Меотійскаго озера, занимаютъ пространство на 15 дней пути къ сѣверу; во всей этой землѣ нѣтъ ни дикихъ, ни садовыхъ деревьевъ. Выше савроматовъ на второмъ участкѣ живутъ *будины*, занимающіе мѣстность, сплошь покрытую разнороднымъ лѣсомъ.

Мы предпочли привести почти цѣликомъ извѣстіе Геродота о народахъ Скиѳіи, потому что оно является основою мнѣній разныхъ ученыхъ о мѣстѣ жительства скиѳскихъ племенъ. Оно ясно въ тѣхъ пунктахъ, которые обозначаются извѣстными и нынѣ рѣками южнорусскихъ степей (Бугомъ, Днѣпромъ, Дономъ) или г. Ольвіей, которая является исходнымъ пунктомъ географическаго перечня Геродота. Но оно неопредѣленно, когда топографія племенъ обозначается неизвѣстными нами рѣками: Пантикапомъ, Герромъ. О Геррѣ Геродотъ сообщаетъ свѣдѣніе, что онъ *отдѣляется* отъ Днѣпра (т.-е. впадаетъ въ него) въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ извѣстенъ, и впадаетъ въ Ипакиръ. Опредѣленіе мѣстоположенія загадочнаго Герра было бы для насъ особенно важно, потому что въ его области были могилы скиѳскихъ царей. Какъ бы то ни было, перечисленныя выше скиѳскіе племена обитали въ нынѣшнихъ Новороссійскихъ степяхъ, въ бассейнѣ нижняго и отчасти средняго Буга, Днѣпра и Дона на сѣверъ отъ Азовскаго побережья.

Весьма вѣроятно, что Геродотъ употребляетъ терминъ «скиѳскій» въ политическомъ смыслѣ, и скиѳы не были этнографически цѣльнымъ народомъ. Скиѳы дѣлились на группу запад-

ныхъ и восточныхъ племенъ, изъ коихъ первые стояли на болѣе высокой ступени культурнаго развитія; восточныя племена не были этнографически чистыми: среди нихъ были финскіе или монгольскіе элементы.

Религія скиѳовъ. О религіи скиѳовъ мы имѣемъ самыя скудныя данныя, которыя представляютъ ее намъ уже въ сложившемся видѣ, не указывая процесса ея развитія. Очевидно, она прошла такой же путь развитія, какой проходили и другія религіозныя представленія древнихъ народовъ—отъ первоначальнаго поклоненія небу и землѣ къ олицетворенію силъ и явленій природы въ отдѣльныхъ божествахъ. Изъ божествъ скиѳскихъ намъ, по описанію Геродота, извѣстны слѣдующія: Тавити—богиня очага и семейнаго благополучія—соотвѣтствуетъ греческой *Гистіи*; Паппай—божество неба—соотвѣтствуетъ греческому Зевесу; Апія, какъ у грековъ Гея, была богиней плодородія и земледѣлія. Кромѣ того, скиѳы чтили Ойтосура, бога солнца, свѣта (греческій Аполлонъ), богиню Артимпазу (греческая Афродита) и Ѳамимазада (греческій Посейдонъ); опредѣлить ближе значеніе послѣднихъ божествъ нѣтъ возможности. По словамъ Геродота, скиѳы поклонялись еще Гераклу и Арею — скиѳскихъ названій этихъ божествъ онъ не сообщаетъ. Религія скиѳовъ стоитъ ближе всего къ иранской, хотя нѣкоторыми чертами напоминаетъ и древнегерманскую. Въ связи съ религіозными представленіями стояли идольчики, въ небольшомъ количествѣ найденные въ скиѳскихъ могилахъ, и символы на знаменахъ (левъ и свинья). Отдѣльнаго класса жрецовъ для исполненія религіозныхъ обрядовъ у скиѳовъ не существовало: скиѳы сами удовлетворяли свои религіозныя потребности; преимущественно этимъ занимались старшіе въ родѣ. Жертвоприношенія совершались слѣдующимъ образомъ: ноги жертвеннаго животнаго связывали веревкой и дергали за нее такъ, что животное падало, въ это время громко произносили имя божества, которому приносили жертву, затѣмъ животное удавливали петлей, сдирали съ него кожу, жарили, а лучшую часть мяса и внутренностей бросали въ даръ божеству. Въ жертву чаще всего приносили коней. Совершенно иной характеръ носятъ обряды, совершаемые въ честь Арея. Въ честь этого бога было воздвигнуто сооруженіе изъ хвороста съ четырехугольной площадкой наверху: на самой вершинѣ насыпи былъ воткнутъ желѣзный мечъ, служившій прообразомъ Арея. Этому богу приносились въ жертву не только домашнія животныя и лошади въ большомъ количествѣ, но даже и люди изъ числа плѣнныхъ по одному отъ каждой сотни. Ихъ убивали надъ сосудомъ, куда стекала кровь, кровь эту выливали на мечъ,

затѣмъ отъ труповъ отрѣзывали правую руку и правое плечо и бросали ихъ высоко въ воздухъ: части эти оставались лежать тамъ, гдѣ упали. При отсутствіи жрецовъ у скиѳовъ существовали предсказатели, которые занимались гаданіемъ по прутикамъ лозы. Когда заболѣвалъ царь, они обязаны были указать на того или другого скиѳа, виновника болѣзни царя, вслѣдствіе нарушенія клятвы царскимъ очагомъ. Они указывали на виновника; его приводили къ царю для допроса: обвиняемый, конечно, оправдывался въ возводимомъ на него преступленіи. Призывали другихъ предсказателей; если новые предсказатели подтверждали обвиненіе, то обвиняемому рубили голову, если же оправдывали, то смерти подвергались первые предсказатели особымъ способомъ: ихъ связанныхъ клали на кучу хвороста въ телѣгу, запряженную быками, затѣмъ хворостъ зажигали и они погибали въ пламени.

Обычаи. Обычаи скиѳовъ, какъ народа, стоявшаго еще на той ступени культурнаго развитія, когда общество обходится безъ писанныхъ законовъ, представляютъ высокій научный интересъ не только мѣстный, но и обще-европейскій. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ о нихъ крайне недостаточными свѣдѣніями, которыя принадлежатъ большею частью Геродоту. Необходимо имѣть при этомъ въ виду, что, говоря объ обычаяхъ скиѳовъ, Геродотъ разумѣетъ, повидимому, восточныя племена ихъ—скиѳовъ-кочевниковъ. Скиѳы были воинственнымъ народомъ, и война составляла ихъ любимое занятіе. На войнѣ они отличались большою жестокостью: по словамъ Геродота, они пили даже кровь перваго убитаго врага. Головы убитыхъ враговъ скиѳъ или приносилъ царю для доказательства своей доблести, что давало ему право на часть добычи, или скальпировалъ ихъ, какъ это дѣлали еще недавно сѣверо-американскіе индѣйцы. Снятая съ головы врага кожа привѣшивалась въ видѣ украшенія къ уздѣ коня. Нѣкоторые скиѳы выдѣлывали изъ человѣческой кожи плащи и чехлы для колчановъ, а изъ череповъ приготовляли чаши. Среди скиѳовъ былъ распространенъ обычай побратимства, сопровождаемый клятвеннымъ договоромъ. Обрядъ совершался такимъ образомъ: въ глиняный сосудъ, наполненный виномъ, лица, вступающія въ побратимство, примѣшивали свою кровь, сдѣлавъ уколъ на своемъ тѣлѣ, затѣмъ въ смѣсь погружали мечъ, стрѣлы, сѣкиру и дротикъ, произносили заклинанія и пили смѣсь, какъ сами, такъ и присутствующіе при церемоніи свидѣтели. На одной пластинѣ изъ Куль-обской могилы изображены два скиѳа, которые обнявшись одной рукой, въ другой держатъ ритонъ, какъ бы готовясь изъ него выпить.

Погребальные обряды. Погребальные обряды скиѳовъ имѣютъ сходство съ погребальными обрядами другихъ древнихъ народовъ; нѣкоторыя первобытныя черты, замѣчаемыя въ нихъ, объясняются тѣмъ консерватизмомъ, какимъ вообще отличаются древніе народы въ воззрѣніяхъ на загробную жизнь. Геродотъ такъ описываетъ похороны царей и простыхъ скиѳовъ. По смерти простого скиѳа, родственники его, говоритъ онъ, кладутъ въ телѣгу трупъ покойника и возятъ ко всѣмъ друзьямъ въ теченіе 40 дней; друзья устраиваютъ погребальный пиръ, во время котораго не забываютъ и умершаго, кладя передъ нимъ пищу, а затѣмъ предаютъ тѣло погребенію. Несравненно большимъ великолѣпіемъ обставлены были похороны царя. Тотчасъ послѣ смерти царя въ странѣ Герросъ начинали рыть могилу. Эта мѣстность служила царскимъ кладбищемъ; предполагаютъ, что она находилась въ Екатеринославской губерніи около пороговъ, нѣсколько сѣвернѣе рѣки Конки. Тѣло царя бальзамировали: обмазывали воскомъ, вынимали внутренности и наполняли разными благовонными травами. Затѣмъ его возили отъ одного племени къ другому. Подданные при встрѣчѣ съ процессіей такъ же, какъ и царскіе скиѳы, въ знакъ печали обрѣзывали себѣ кончики ушей, царапали лицо и руки, брили волосы и присоединялись къ шествію. Наконецъ, шествіе вступало въ страну Герросъ, гдѣ въ приготовленной могилѣ и происходило погребеніе. Подлѣ царя хоронили одну изъ его наложницъ, умерщвленную посредствомъ удушенія, а также его виночерпія, конюха, повара, служителя и глашатая, лошадей, по отборной штукѣ всякаго скота, кромѣ того, въ могилу клали лучшую часть имущества и золотые сосуды; надъ погребальной ямой насыпали курганъ, который старались воздвигнуть какъ можно выше. По истеченіи года на царской могилѣ умерщвляли 50 лучшихъ слугъ и столько же лошадей; вынувъ внутренности, набивали трупы соломой и зашивали, затѣмъ устраивали на могилѣ нужное количество деревянныхъ станковъ, укрѣпленныхъ на столбахъ, на нихъ надѣвали лошадей, на которыхъ сажали мертвыхъ всадниковъ, и укрѣпляли острыми кольями, чтобы тѣла держались въ вертикальномъ положеніи. Какъ для очищенія послѣ погребенія, такъ вообще для омовенія тѣла скиѳы употребляли бани: входили въ войлочную палатку и бросали льняныя сѣмена на раскаленные камни; сильные пары, выдѣляющіеся изъ нихъ, доставляли имъ большое удовольствіе и замѣняли омовеніе, такъ какъ они не обмывали себѣ тѣло водою.

Греческое вліяніе. Скиѳы, жившіе по сосѣдству съ греческими колонистами, не могли, конечно, остаться внѣ культурнаго

вліянія послѣднихъ. Період времени съ V по III вѣкъ до Р. X. отличается развитіемъ мирныхъ торговыхъ сношеній между скиѳами и греками, что не замедлило принести свои плоды. Уже Геродотъ упоминаетъ о скиѳскомъ племени Каллипидахъ, которыхъ онъ называетъ эллинами—скиѳами; здѣсь сказалось культурное вліяніе Ольвіи: торговыя сношенія приводили къ родственнымъ связямъ, а благодаря имъ распространялось дѣйствіе высшей культуры. Этому какъ будто противорѣчитъ утвержденіе Геродота, что скиѳы избѣгаютъ заимствованія чужеземныхъ обычаевъ, но здѣсь онъ, повидимому, имѣетъ въ виду, какъ и всегда, царскихъ скиѳовъ. Національная исключительность, конечно, была сильна, и иногда поклонники греческой культуры принуждены были платиться жизнью. Борьбу старыхъ началъ съ новыми Геродотъ изображаетъ въ исторіи Анахарсиса и Скила. Анахарсисъ, возвратившись изъ путешествія на родину, отправился въ Гилею (лѣсистая мѣстность на лѣвой сторонѣ Днѣпровскаго лимана) и совершилъ, исполняя обѣщаніе, въ честь матери боговъ полное празднество. Царь Савлій, извѣщенный объ этомъ, убилъ Анахарсиса стрѣлою изъ лука. Такая же трагическая судьба постигла и Скила. Онъ былъ сыномъ царя отъ гречанки, которая научила его греческому языку и письму. Сдѣлавшись послѣ смерти отца царемъ, онъ явно сталъ показывать расположеніе къ эллинскому образу жизни. Нерѣдко, явившись со свитою въ Ольвію, онъ оставлялъ спутниковъ въ предмѣстьи, а самъ отправлялся въ городъ, надѣвалъ греческую одежду и велъ жизнь настоящаго эллина; наконецъ, онъ сталъ даже принимать участіе въ культѣ вакхическихъ мистерій. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстно скиѳамъ, они взбунтовались противъ него и поставили царемъ его брата. Скилъ бѣжалъ, но былъ выданъ брату, который велѣлъ его казнить.

Происхожденіе. О происхожденіи скиѳовъ Геродотъ сообщаетъ три легенды. По одной изъ нихъ, въ землѣ скиѳовъ, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человѣкъ Таргитай отъ Зевса и дочери рѣки Борисѳена. У него было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. Послѣдній сумѣлъ овладѣть золотымъ плугомъ, ярмомъ, сѣкирой и чашей, упавшими съ неба, а потому и сталъ царемъ. Скиѳы называли себя сколотами, а греки прозвали ихъ скиѳами. По другой легендѣ изъ греческаго источника скиѳы произошли отъ младшаго сына Геракла и Ехидны, по имени Скиѳа, который, какъ сумѣвшій натянуть лукъ, оставленный Геракломъ, остался жить въ странѣ, а два другіе брата были изгнаны матерью, какъ неспособные обращаться съ этимъ оружіемъ. По третьей легендѣ, которой на-

иболѣе довѣряетъ самъ Геродотъ, кочевые скиѳы, жившіе въ Азіи, тѣснимые Массагетами, перешли Араксъ (Сыръ-Дарья) и вторглись въ Киммерійскую землю, жители которой бѣжали въ Малую Азію. Это объясненіе переселенія скиѳовъ въ Европу имѣетъ извѣстную степень вѣроятности, и его можно относить ко 2-й половинѣ VII вѣка до Р. X. Въ IV вѣкѣ появляются въ черноморскихъ степяхъ сарматы (сарматы также арійскаго происхожденія, и этнографическая близость ихъ со скиѳами подтверждается Геродотомъ и археологическими данными), вытѣсняютъ царскихъ скиѳовъ изъ области и во II вѣкѣ скиѳы уже окончательно подчиняются сарматамъ. Въ I вѣкѣ по Р. X. прежнія границы Скиѳіи и прежняя группировка племенъ совершенно измѣнились, и мы находимъ цѣлый рядъ новыхъ, прежде неизвѣстныхъ, народовъ. Подъ вліяніемъ непрерывнаго народнаго потока, изливающагося въ предѣлы древней Скиѳіи, западно-скиѳскія племена, вѣроятно, были отодвинуты на сѣверъ и сѣверо-западъ, а восточно-скиѳскія частью перебиты, частью распались на мелкія группы и вошли въ составъ новыхъ народностей. Въ это время названіе Скиѳіи имѣетъ у греческихъ писателей вполнѣ географическое, собирательное значеніе, равно какъ и названіе Сарматіи у римскихъ авторовъ.

Ак. Вс. Ѳед. Миллеръ довольно твердо обосновалъ вопросъ объ арійскомъ, собственно, иранскомъ происхожденіи западныхъ скиѳовъ. Иранской гипотезы придерживаются Цейсъ, Мюлленгофъ, Шпигель, Эд. Мейеръ. Ѳ. Г. Мищенко въ своей ст. «Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ», пришелъ къ выводу, что среди скиѳовъ (у Геродота это терминъ политическій) были различные по расѣ племена — арійскія и урало-алтайскія; къ арійцамъ принадлежали каллипиды, алазоны, скиѳы — земледѣльцы и пахари; къ *урало-алтайцамъ* — царскіе скиѳы и вообще скиѳы кочевники; доказательства этого послѣдняго положенія взяты у Нибура, Неймана: грубость и жестокость, свидѣтельство Гиппократа о типѣ скиѳовъ (кожа желтая, нѣтъ бороды, какъ и у женщинъ, тучность); Нейманъ старался обосновать монголизмъ скиѳовъ путемъ анализа скиѳскихъ словъ, производимыхъ имъ изъ урало-алтайскихъ языковъ, но неудачно. Скиѳы повидимому не представляли однородной племенной массы [1]). И Геродотъ различаетъ царскихъ скиѳовъ владыкъ отъ подчиненныхъ имъ скиѳовъ пахарей, населявшихъ *древнюю* западную Скиѳію, гдѣ были и *священные пути* — (эксампай), и ступня бога Геракла и Герросъ — мѣсто погребенія. Легенды о

---

[1]) На единствѣ скиѳовъ настаиваетъ проф. А. Л. Погодинъ въ своей статьѣ «о сношеніяхъ Босфорскаго царства съ варварскими народами».

происхожденіи скиѳовъ также подтверждаютъ гипотезу о неоднородномъ племенномъ составѣ скиѳовъ. Въ именахъ сыновей Таргитая — Липоксая, Арпоксая и Колаксая (испорченныхъ) слышатся иранскіе корни (во второй части древнеиранское слово хьауа—властитель); въ имени Таргитай вторая часть слова—=иранскому tara—могучій; самая легенда имѣетъ нѣкоторую аналогію въ Зендъ-Авестѣ. И второе преданіе В. Ѳ. Миллеръ относитъ къ скиѳамъ осѣдлымъ. А третье (о вторженіи скиѳовъ въ землю Киммерійскую)—къ царскимъ скиѳамъ и кочевникамъ, ибо они пришли изъ Азіи и побѣдили обитавшихъ здѣсь народовъ.

Разборъ именъ царей и божествъ также приводитъ В. Ѳ. Миллера къ иранству ихъ. Ὀκταμασάδης—значитъ славномудрый, Τάξακις — строитель, Ἐνάρεες — (импотенты у скиѳовъ) — санскр. nara — мужчина, a=не — не мужчины; Ταβιτί отъ tap — горѣть, Θαμιμασάδας, гдѣ ир. корень μασάδας, Οἰτόσυρος (sura сильный). Черезъ нѣсколько столѣтій въ Ольвійскихъ надписяхъ изъ 100 гарварскихъ именъ около половины объясняются изъ иранскаго языка (Κάσαγος, Χάμγηνος, Σάναγος, Σπαδάκης и др.); то же самое относится и къ танаидскимъ и, прибавимъ отъ себя, къ нимфейскимъ надписямъ; несомнѣнно иранскимъ является и имя скиѳскаго царя Сайтафарна (farna—миръ, Sa—радоваться). Другія—не иранскія; то же нужно сказать и о болѣе древнихъ временахъ и такихъ именахъ, какъ Савлій—необъясняемое изъ иранскихъ нарѣчій.

Многія сарматскія имена также объясняютъ изъ иранскихъ нарѣчій: роксалане=свѣтлые алане; языги—большіе, высокіе; царь языговъ Ванадаспосъ (ир. aspa—конь, van—поражать). Геродотъ сообщаетъ, что сарматы произошли отъ скиѳовъ и говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ—значитъ оба народа говорили на близкихъ другъ къ другу діалектахъ.

Относительно количества населенія въ древней Скиѳіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; Геродотъ говоритъ, что на этотъ счетъ существуютъ два мнѣнія: одно объ его многочисленности, другое—объ его малочисленности. Племя царскихъ скиѳовъ было, по словамъ Геродота, самымъ могущественнымъ и многочисленнымъ и считало остальныхъ скиѳовъ своими рабами. Государственный строй у скиѳовъ носилъ характеръ деспотической монархіи: цари рѣшали всѣ дѣла по своей волѣ. Одновременно было нѣсколько царей.

Скиѳо-сарматскіе курганы. Скиѳо-сарматскія древности заключаются въ погребальныхъ памятникахъ—курганахъ, и территорія ихъ распространенія весьма обширна: они разсѣяны отъ устьевъ Дуная и Днѣпра, вверхъ по Бугу, по Днѣпру и его притокамъ до Смѣлы и Роменъ (Полтавской губ.), до Харьковской

губ., по Таврическому полуострову, по Дону и берегамъ Азовскаго моря, по Кубани и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Нужно замѣтить, что въ означеніи времени возведенія могилъ ученые, основываясь на стилѣ и техникѣ издѣлій, нерѣдко расходятся между собою на нѣсколько столѣтій. Разграбленіе многихъ могилъ какъ въ древности, такъ и въ наше время тяжело отозвалось на плодотворности научныхъ изслѣдованій и лишило насъ возможности прійти къ болѣе надежнымъ результатамъ. Главнѣйшіе скиѳо-сарматскіе курганы слѣдующіе: Кульобская могила въ 6 верстахъ отъ Керчи, открытая въ 1831 году, Чертомлыцкая могила въ 20 верстахъ отъ м. Никополя (Екатеринослав. губ.), раскопанная И. Е. Забѣлинымъ въ 1862 году— сооруженіе ея относится къ I—II вѣку до Р. Х.,—Цимбалова могила въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (Таврической губ.), изслѣдованная И. Е. Забѣлинымъ въ 1876—8 г., Луговая, близъ с. Александрополя Екатеринославскаго уѣзда, изслѣдованная Терещенкомъ и Люценкомъ въ 1851—5 г.г. и относимая ко II вѣку до Р. Х., Каменная—по дорогѣ изъ Никополя въ Екатеринославъ, раскопанная въ 1861 году, курганы у х. Гермесова въ 50 верстахъ къ юго-востоку отъ Луговой могилы, раскопанные И. Е. Забѣлинымъ въ 1859 году, и курганы «Семь братьевъ» въ Темрюкскомъ уѣздѣ (Кубанской обл.), изслѣдованные въ 1875 г баронамъ Тизенгаузеномъ. Кромѣ того скиѳскіе курганы открыты были въ Роменскомъ уѣздѣ (Полтавской губ.) г.г. Мазараки и Самоквасовымъ, близъ м. Смѣлы Кіевской губ. гр. А. А. Бобринскимъ, въ м. Рыжановкѣ Звенигородскаго уѣзда той же губ., а также въ Васильковскомъ уѣздѣ—курганъ «Перепятиха», раскопанный Иванишевымъ въ 1845 г. Въ Харьковской губерніи скиѳо-сарматскія древности были открыты И. А. Зарѣцкимъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ 1888—9 г.г., мною и В. Е. Данилевичемъ въ Валковскомъ уѣздѣ; они представляютъ интересъ для опредѣленія сѣверо-восточнаго пограничья скиѳскаго четыреугольника.

Скиѳо-сарматскія могилы по характеру погребеній можно раздѣлить на нѣсколько категорій: во 1-хъ бѣднаго класса, или отдѣльныя небольшія родовыя; въ этихъ могилахъ находятъ лишь мѣдныя копья и грубые глиняные горшки. Ко 2-му разряду относятся могилы знатныхъ богатыхъ воиновъ. Утварь и оружіе богаты и разнообразны: здѣсь мы встрѣчаемъ изъ оружія—брони, копья, а изъ утвари—греческія амфоры, алевастры и кувшинчики; рѣзкимъ отличіемъ отъ могилъ бѣднаго класса служитъ здѣсь погребеніе коня съ уборомъ. Въ могилу вмѣстѣ съ господиномъ клались его любимые кони, можетъ быть, также колесница со значками, оружіе и многочисленная утварь.

Самой пышной и богатой была 3-я категорія, заключавшая царскія гробницы. Погребальную яму для царя рыли глубже всѣхъ остальныхъ, стѣны ея обмазывали глиной, а надъ гробницей насыпали огромный курганъ, высокій и крутой, который по высотѣ значительно превосходилъ могилы другихъ разрядовъ. Такъ, напримѣръ, Чертомлыцкій курганъ имѣетъ въ діаметрѣ 54 саж. и 9 саж. высоты, Александропольскій въ діаметрѣ—150 саж., высоты—10 саж. Царскіе курганы обыкновенно оканчиваются площадкой; насыпи ихъ укрѣплены особыми каменными сооруженіями—цоколями. Форма гробницъ этихъ кургановъ всегда бываетъ четыреугольной. Катакомбъ въ нихъ бываетъ нѣсколько—отъ 1 до 5; онѣ или непосредственно соединяются съ гробницей, или сообщаются съ нею посредствомъ галлереи. Вмѣстѣ съ царемъ погребали слугъ въ пышныхъ одеждахъ и лучшую часть его утвари и имущества; этимъ обычаемъ объясняется обиліе золота въ царскихъ могилахъ: въ одной катакомбѣ Александропольской могилы найдено, напримѣръ, до 700 золотыхъ бляшекъ. Предметы украшенія и утвари располагались по катакомбамъ: мечи втыкались въ полъ или въ стѣну, ткани развѣшивались, сосуды ставились на землю; иногда нѣкоторые предметы прятались въ сундуки. Колесницу, на которой везли царскій трупъ, или спускали въ гробницу и помѣщали въ одной изъ катакомбъ, или закапывали въ самой насыпи. Вмѣстѣ съ царемъ въ катакомбѣ помѣщали его задушенную наложницу, остальные спутники въ другой міръ помѣщались въ другихъ катакомбахъ. Костяки лежали прямо на землѣ, или на подстилкѣ. На нѣкоторыхъ царскихъ могилахъ, напримѣръ на Чертомлыцкой и Александропольской, были каменныя бабы. Находятся ли онѣ въ какой-либо связи съ самими скиѳскими могилами при современномъ состояніи нашихъ знаній мы не можемъ рѣшить. Скорѣе можно высказаться за отсутствіе такой связи, тѣмъ болѣе, что Геродотъ ничего не сообщаетъ намъ объ этомъ обычаѣ.

Теперь познакомимся съ устройствомъ и содержаніемъ трехъ выдающихся скиѳо-сарматскихъ могилъ: Куль-обской, Чертомлыцкой и Карагодеуашх'ской. Гробница первой могилы имѣла квадратную форму съ крышей и состояла изъ каменныхъ плитъ. Она раздѣлялась собственно на 2 части. Въ одной части помѣщался саркофагъ скиѳо - сарматскаго царя, рядомъ съ нимъ, очевидно, саркофагъ его жены. Во время раскопокъ былъ открытъ только первый саркофагъ, второй же не сохранился въ цѣломъ видѣ: отъ него мы имѣемъ лишь остатки—ручки, ножки и т. д. Саркофаги изъ кипарисоваго дерева. Саркофагъ царя

раздѣлялся на двѣ части: первая часть заключала въ себѣ остовъ царя, а другая служила складомъ его оружія. Скиѳскій царь былъ погребенъ здѣсь съ различнаго рода драгоцѣнностями. Стѣнки гробницы были всѣ увѣшаны дорогими платьями, которыя, конечно, всѣ истлѣли и отъ которыхъ остались только металлическія части. На головѣ царя уцѣлѣла, однако, войлочная шапка въ видѣ башлыка, унизанная различнаго рода драгоцѣнностями. Здѣсь былъ найденъ типичный скиѳскій мечъ съ рукояткой, обложенной золотомъ, съ надписью. Особенно много было найдено въ гробницѣ золотыхъ и электровыхъ бляшекъ различной формы. Среди другихъ предметовъ здѣсь оказалось 4 амфоры греческаго типа и знаменитая электроновая (смѣсь золота и серебра) Куль-обская ваза. Въ юго-западномъ углу гробницы былъ погребенъ конь—ясное подтвержденіе свидѣтельства Геродота о конскомъ погребеніи. На полу вдоль южной стѣны головою къ конскому погребенію лежалъ скелетъ, вѣроятно, раба—конюха. По срединѣ гробницы на землѣ лежалъ скелетъ царицы, головою на югъ; на головѣ ея была электровая діадема, на шеѣ золотое сканное монисто съ привѣсками и золотая гривна, на рукахъ золотые браслеты съ изображеніемъ охоты грифовъ на оленей.

Что касается Чертомлыцкой могилы, то ея планъ представляется гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ, главнымъ образомъ потому, что эта могила подверглась опустошеніямъ грабителей. Въ одной изъ камеръ былъ найденъ трупъ грабителя, павшаго жертвою обвала. Ограбленіе Чертомлыцкой могилы относится еще ко времени, очень близкому къ эпохѣ скиѳскихъ царствъ. Я не буду останавливаться на деталяхъ устройства могилы. Въ чертѣ разграбленія находится центральная камера, въ которой погребена жена Чертомлыцкаго владыки. Къ центральной камерѣ по угламъ примыкали 4 другія; кромѣ того въ отдѣленіи находились еще 3 конскія и 2 человѣческія могилы. Въ корридорѣ этой могилы, между прочимъ, была найдена знаменитая Чертомлыцкая серебряная ваза, находящаяся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Курганъ Карагодеуашхъ въ 2-хъ верстахъ отъ станицы Крымской, у лѣваго притока р. Кубани, раскопанъ былъ Фелицынымъ, а его богатое содержаніе подверглось всестороннему научному изслѣдованію акад. А. С. Лапо-Данилевскаго и проф. Мальберга. Въ одной камерѣ была погребена царица съ украшеніями, въ другой царь. При нихъ найдено было 413 экз. предметовъ, въ томъ числѣ золотыхъ 125, мѣдныхъ и бронзовыхъ 210, серебряныхъ 17, желѣзныхъ 32, глиня-

ныхъ 15. Относятъ его къ концу IV или началу III в. до Р. X. По остаткамъ предметовъ и по изображеніямъ изслѣдователи возстанавливаютъ уборъ царя, одежду варвара—длинный кафтанъ съ узкими рукавами, въ которомъ поля короче на бокахъ и длиннѣе спереди; головной уборъ царицы—высокій клобукъ, украшенный золотыми бляхами. Платье ея состояло изъ длинной и широкой одежды, похожей на накидку, съ бляхами на ремняхъ, на шеѣ у нея былъ золотой обручъ; кромѣ того при ней находились серьги, золотое ожерелье, кольцо, браслеты. Найдены были серебряные сосуды, глиняная посуда, принадлежности конской сбруи и колесницы (обоймище колеса и изображеніе колесницы на бляшкѣ), оружіе. Все это побуждаетъ признать эту культуру сарматской съ греческимъ и кавказскимъ вліяніями.

Бытъ. Переходя къ описанію быта скиѳовъ по курганнымъ раскопкамъ, мы должны сказать, что скиѳы по своему культурному развитію стояли на рубежѣ варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ. Говоря о бытѣ скиѳскихъ племенъ, нужно различать племена западныя и восточныя. Первыя вели осѣдлый образъ жизни, вторыя—кочевой; скиѳовъ-кочевниковъ Геродотъ прямо называетъ несѣющими и непашущими. Гиппократъ (кон. V—IV в. до Р. X.) даетъ такое характерное описаніе быта скиѳовъ-кочевниковъ: «называются они кочевниками, потому что у нихъ нѣтъ домовъ, а живутъ они въ кибиткахъ, изъ которыхъ наименьшія бываютъ 4-хъ колесныя, а другія—6-ти колесныя; онѣ кругомъ закрыты войлоками и устроены подобно домамъ, однѣ съ 2-мя, другія съ 3-мя отдѣленіями; онѣ непроницаемы ни для воды, ни для снѣга, ни для вѣтровъ. Въ эти повозки запрягаютъ по 2 и по 3 пары безрогихъ воловъ. Въ такихъ кибиткахъ помѣщаются женщины, а мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ; за ними слѣдуютъ ихъ стада овецъ и коровъ и табуны лошадей. На одномъ мѣстѣ они остаются столько времени, пока хватаетъ травы для стадъ, а когда ея не хватитъ, переходятъ въ другую мѣстность. Сами они ѣдятъ вареное мясо, пьютъ кобылье молоко и ѣдятъ иппаку» (сыръ изъ кобыльяго молока). Эта яркая характеристика кочевого быта подошла бы и къ половцамъ, и къ татарамъ. Различіе въ бытѣ кочевниковъ и осѣдлыхъ существеннымъ образомъ отразилось на ихъ культурномъ состояніи. Почти всѣ рельефы, найденные въ могилахъ восточной Скиѳіи, рисуютъ намъ кочевой бытъ въ его различныхъ проявленіяхъ: на Чертомлыцкой вазѣ изображены сцены прирученія коней. Другіе памятники рисуютъ намъ военную жизнь скиѳовъ: таковы Куль-обская ваза и

ножны Чертомлыцкаго меча. Занятія скиѳовъ соотвѣтствовали ихъ образу жизни; восточные скиѳы занимались скотоводствомъ и охотой. Стада у скиѳовъ состояли изъ лошадей, овецъ, воловъ. Конь былъ лучшимъ товарищемъ и другомъ скиѳа въ его кочевой жизни. О значеніи коня для древняго скиѳа лучше всего свидѣтельствуютъ раскопки: кони погребены или въ самой гробницѣ съ хозяиномъ, или отдѣльно, при чемъ ихъ остовы украшены богатыми золотыми или серебряными уборами. О существованіи овцеводства у восточныхъ скиѳовъ мы можемъ судить лишь по раскопкамъ: овечьи кости были найдены въ бронзовыхъ котлахъ Куль-обской и Цимбаловой могилъ. Другимъ важнымъ занятіемъ восточныхъ скиѳовъ была охота. На бляшкахъ мы находимъ изображеніе скиѳа верхомъ съ дротикомъ въ рукахъ, охотящагося за зайцемъ. Кромѣ того, скиѳы охотились на кабановъ и оленей, о чемъ свидѣтельствуютъ находки кабаньихъ клыковъ. На вазѣ, найденной между Дономъ и Кубанью, изображены сцены охоты на кабановъ и оленей: скиѳъ съ копьемъ въ рукахъ ожидаетъ бросающагося на него кабана, въ другомъ мѣстѣ 3 всадника преслѣдуютъ убѣгающихъ оленей. Для охоты, кромѣ оружія, скиѳы пользовались и собаками.

Западные скиѳы, въ качествѣ осѣдлаго народа, занимались земледѣліемъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и лишь отчасти скотоводствомъ. Геродотъ говоритъ, что алазоны и каллипиды живутъ по скиѳски, но сѣютъ и употребляютъ въ пищу хлѣбъ, а также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо; скиѳы-пахари, по его словамъ, сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія въ пищу, а на продажу; земледѣліемъ занимались и скиѳы-земледѣльцы.

Верхнею одеждою скиѳовъ былъ кафтанъ, безрукавка и рубашка. Кафтанъ по покрою напоминалъ русскій армякъ. Онъ былъ, какъ показываетъ изображеніе скиѳовъ на Куль-обскихъ золотыхъ пластинкахъ, коротокъ, съ узкими рукавами, косыми полами, болѣе длинными спереди, чѣмъ сзади. Нѣкоторые кафтаны по краямъ были опушены мѣхомъ, какъ это мы видимъ у скиѳа, изображеннаго на Чертомлыцкой вазѣ. Рубахи выдѣлывались, повидимому, изъ шерсти; онѣ не доходили до колѣнъ и были снабжены узкими рукавами. Существенной частью скиѳской одежды былъ поясъ. Онъ большею частію выдѣлывался изъ кожи, снабжался прорѣзями и пряжкой. На поясѣ скиѳы носили мѣшокъ со стрѣлами, лукъ и мечъ. Извѣстіе Геродота о чашахъ, которыя скиѳы будто бы носили у пояса, пока не подтверждается рельефными изображеніями. Штаны

были двоякаго рода: узкіе изъ кожи и широкіе изъ матеріи; изображенія ихъ мы находимъ на Куль-обскихъ бляшкахъ и Чертомлыцкой вазѣ. Обувью у скиѳовъ служили кожаные полусапожки, перевязанные 2-мя ремнями. Низшіе классы ходили или вовсе безъ головного убора, или носили башлыкъ, царь же носилъ уборъ въ родѣ повязки или мѣховую шапку. Башлыки выдѣлывались изъ кожи и верблюжьей шерсти. Какъ видно изъ древнихъ рельефовъ на Куль-обской вазѣ или на пластинкѣ Чертомлыцкаго меча, башлыкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сшитыхъ вмѣстѣ косыхъ кусковъ, при чемъ одинъ изъ нихъ закрывалъ затылокъ и спускался на спину. Цари носили повязку, какъ знакъ высшаго достоинства, иногда даже поверхъ шапки. Шапки дѣлались изъ матеріи, кожи и металла, а внизу опушивались мѣхомъ, какъ, напримѣръ, золотая діадема въ видѣ митры, найденная на остовѣ Куль-обскаго царя. Женщины носили головной уборъ въ родѣ кокошника. Женская одежда состояла изъ длиннаго покрывала, длинной одежды до самыхъ ногъ съ длинными узкими рукавами, сверхъ него въ накидку носилась другая довольно толстая одежда, похожая на халатъ. Какъ мужская, такъ и женская одежда украшалась нашитыми на нее бляшками, количество которыхъ, а равно и матеріалъ зависѣли отъ знатности погребеннаго лица. На одеждѣ Куль-обскаго царя было навѣшено до 266 золотыхъ бляшекъ, содержащихъ въ себѣ 2 фунта 32 золотника золота, на платьѣ Куль-обской царицы было 474 бляшки вѣсомъ въ $3^1/_2$ фунта, а на платьѣ Чертомлыцкой царицы 106 бляшекъ. Бляшки имѣютъ очень разнообразную форму: круглую, четыреугольную, овальную и т. д. Кромѣ бляшекъ, украшеніемъ одежды служили металлическія или стеклянныя бусы, трубочки съ каемками, пуговки— цѣльныя и половинчатыя, привѣски и бубенчики. Количество этихъ украшеній на одеждѣ неопредѣленно; пуговокъ, трубочекъ и пластинокъ вообще употреблялось немного. Скиѳы носили также украшенія въ ушахъ, на шеѣ и рукахъ въ видѣ серегъ, шейныхъ обручей, браслетовъ и колецъ. Серьги носили мужчины и женщины съ тою только разницею, что мужчины носили одну серьгу въ правомъ ухѣ. Мужскія серьги были простого устройства. Болѣе сложнаго устройства были женскія серьги: серьги Чертомлыцкой царицы представляли собою золотое кольцо, къ которому было привѣшено 7 золотыхъ пуговицъ. Шейные обручи носили мужчины и женщины, принадлежащіе къ богатому классу. Они состояли изъ круглой металлической проволоки, оканчивающейся по краямъ какими-либо украшеніями. Матеріалъ ихъ былъ разнообразенъ. Золотой обручъ

Куль-обскаго царя вѣсилъ 1 фунтъ 12 золотниковъ. На концахъ Куль-обскаго обруча находились литыя изображенія скиѳовъ, сидящихъ на коняхъ, а на концахъ женскихъ обручей Куль-обской и Чертомлыцкой царицъ были изображенія львовъ. На пальцахъ и рукахъ скиѳы-мужчины и женщины—носили кольца и браслеты. Чаще всего кольца приготовлялись изъ золота, хотя очень рѣдко встрѣчаются кольца изъ серебра, желѣза, кости и мѣди.

Вооруженіе скиѳовъ, какъ народа воинственнаго, состояло изъ копья, ножа или кинжала, меча, топора, дротика, лука со стрѣлами, щита и латъ, о которыхъ мы получаемъ больше всего свѣдѣній, благодаря археологическимъ даннымъ. Копье состояло изъ 2 частей: древка и наконечника. Чаще всего наконечникъ дѣлался изъ желѣза, рѣже изъ мѣди или бронзы; по формѣ своей онъ напоминалъ длинный и узкій листъ съ ребрами по срединѣ. Лезвее меча всегда дѣлалось изъ желѣза, ручки и ножны—изъ золота, желѣза, кости и другого матеріала, даже дерева. Мечъ носили знатные скиѳы, а не простые воины, такъ какъ они находятся въ богатыхъ могилахъ, а не бѣдныхъ. Топоры служили оружіемъ наступательнымъ, а не метательнымъ. Очень распространеннымъ оружіемъ былъ лукъ со стрѣлами. Лукъ дѣлался изъ дерева. Стрѣлы приготовлялись изъ разнообразнаго матеріала: мѣди, желѣза, бронзы, кости; древнѣйшими надо считать мѣдныя стрѣлы. Также разнообразна и форма ихъ: трехгранная, зубчатая, круглая и т. д. Древко бывало деревянное и тростниковое. Колчанъ выдѣлывался изъ кожи или дерева, иногда желѣза. Оборонительнымъ оружіемъ у скиѳовъ служили щитъ и латы. Остатки щита найдены въ Куль-обской могилѣ. Латы и панцыри выдѣлывались, главнымъ образомъ, изъ желѣза, иногда изъ бронзы; составляющіе ихъ металлическія пластинки прикрѣплялись къ кожѣ или къ холсту. По формѣ пластинки обыкновенно походили на чешуи.

Бытовые предметы и предметы украшеній отличались очень большимъ разнообразіемъ и иногда изяществомъ отдѣлки, но среди этихъ предметовъ, носившихъ на себѣ слѣды вліянія греческаго искусства, мы можемъ отмѣтить и предметы, которые составляли, несомнѣнно, принадлежность своеобразной, оригинальной скиѳской культуры. Среди этихъ предметовъ мы должны отмѣтить бронзовые или мѣдные скиѳскіе сосуды на довольно высокихъ ножкахъ, иногда украшенные сверху рельефными фигурами: барана, овцы, а иногда просто орнаментомъ. Это, очевидно, и есть тѣ самые котлы, въ которыхъ, какъ говоритъ Геродотъ, скиѳы варили мясо жертвенныхъ животныхъ. Въ

настоящее время въ разныхъ музеяхъ Россіи имѣется значительное количество такихъ скиѳскихъ котловъ.

Но, конечно, болѣе важными являются тѣ предметы, которые носятъ на себѣ печать греческаго вліянія. Эти предметы относятся съ одной стороны къ утвари, съ другой къ украшеніямъ. Среди утвари нужно различать разнообразныя формы и виды глиняныхъ сосудовъ. И среди этихъ глиняныхъ сосудовъ мы замѣчаемъ разницу между сосудами греческаго и скиѳскаго типа. Къ числу греческихъ сосудовъ относятся, между прочимъ, разныя вазы амфоры (особая ваза, которая привозилась для вина обыкновенно изъ различныхъ греческихъ острововъ) и часть этихъ сосудовъ между прочимъ носитъ на себѣ греческое клеймо. Греческое вліяніе проникло далеко въ глубь Скиѳіи, гдѣ и распространялись греческія издѣлія; мною въ одномъ скиѳскомъ курганѣ въ Валковскомъ уѣздѣ у с. Алексѣевки была найдена амфора съ греческимъ клеймомъ. Среди предметовъ украшенія особую группу составляютъ бронзовыя иногда позолоченныя зеркала. Въ Приднѣпровьѣ зеркала бываютъ 3 типовъ: 1) съ ручками, прикрѣпленными къ диску, 2)—къ центру диска и 3) съ ушками вмѣсто ручекъ. Изъ предметовъ утвари необходимо еще упомянуть о ритонѣ, сосудѣ изъ оленьяго рога, употреблявшемся для черпанія жидкости. Въ качествѣ предметовъ конскаго убора употреблялись сѣдла и уздечки, которыя украшались пластинками и бляхами. Для похоронъ употреблялись колесницы или телѣги.

Греческія и туземныя издѣлія. Къ числу памятниковъ, носящихъ яркую печать греческаго вліянія, нужно отнести нѣсколько костяныхъ пластинокъ, гдѣ изображаются сцены изъ эллинской жизни и миѳологіи. На одной пластинкѣ изображенъ судъ Париса, на другой — бѣгъ греческой колесницы. Обѣ пластинки изъ Куль-обскаго кургана. На одной бляхѣ Александропольскаго кургана мы видимъ чудное изображеніе греческой богини Аѳины. Мы имѣемъ еще цѣлый рядъ другихъ изображеній, но среди нихъ, несомнѣнно, на 1-мъ планѣ нужно поставить золотую пластинку изъ Чертомлыцкаго кургана. Она покрыта рельефнымъ изображеніемъ, рисующимъ въ яркихъ чертахъ національную греческую жизнь. По обычнымъ пріемамъ греческаго искусства, эта пластинка изображаетъ какъ будто 2 этажа. Въ нижнемъ этажѣ происходитъ слѣдующее: съ одной стороны, налѣво, мы видимъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя сидятъ внутри дома и прислушиваются къ тому, что происходитъ въ сосѣднемъ помѣщеніи. Особенно ярко изображена одна изъ женскихъ фигуръ—средняя, на лицѣ которой замѣтно необыкновенное вол-

ненiе, а въ сосѣднемъ помѣщенiи, которое представляетъ уже открытый греческiй дворикъ, мы находимъ группу изъ трехъ лицъ, которыя мирно бесѣдуютъ другъ съ другомъ; на краю мужчина равнодушно выслушиваетъ, что говорятъ остальные. Впереди идетъ женщина съ ребенкомъ и съ очень печальнымъ видомъ. Наверху мы видимъ слѣдующую сцену: среднее центральное мѣсто занято фигурами, изъ которыхъ одна изображаетъ юношу-грека въ греческомъ одѣянiи, который съ кинжаломъ въ рукѣ бросается на дѣвушку или женщину, отъ него убѣгающую. Двѣ другiя фигуры удерживаютъ этого юношу отъ его покушенiя. На лѣвой, мы видимъ сцены совершенно мирнаго характера: фигура мужчины, который обучаетъ натягивать лукъ маленькаго мальчика, передъ нимъ стоящаго.

Инымъ характеромъ отличаются изображенiя, которыми украшены Чертомлыцкая и Куль-обская вазы. Чертомлыцкая ваза (IV—III в. до Р. X.) имѣетъ форму амфоры и была предназначена, вѣроятно, для храненiя вина; внутри ея шейки вдѣлано мелкое ситечко, а въ нижней части придѣлано три носика: два въ видѣ львиныхъ головокъ, а одинъ—лошадиной. Вся эта ваза по фризу украшена изображенiями, которыя въ своей совокупности представляютъ нѣчто цѣльное и единое. На Чертомлыцкой вазѣ мы видимъ высоко - художественное изображенiе сценъ изъ скиѳской жизни, хотя и исполненное грекомъ. На нижней части этого фриза изображены: на первомъ планѣ двѣ лошади — кобылицы, которыя мирно пасутся на травѣ. Съ правой стороны изображенъ скиѳъ, который желаетъ, очевидно, удержать за узду быстро убѣгающую отъ него степную лошадь, онъ припалъ на одно колѣно къ землѣ, руки его растянуты и, очевидно, въ этихъ вытянутыхъ рукахъ онъ держитъ узду, которой старается удержать лошадь. Точно такого же характера и другая фигура на лѣвой сторонѣ этого фриза, гдѣ другой скиѳъ также, присѣвши на корточки, старается удержать быстро бѣгущаго коня. На противоположной сторонѣ, наоборотъ, очевидно, прирученный скиѳскiй конь. Таковъ цѣлый рядъ изображенiй, находящихся на Чертомлыцкой вазѣ, и представляющихъ историческiй и художественный интересъ. Здѣсь мы видимъ изображенiя скиѳовъ въ ихъ одѣянiи. Изображенiя сдѣланы художественно, ярко вычерчены всѣ детали. Скиѳы всѣ изображены съ длинными волосами, при чемъ волосы впереди подстрижены въ скобку; они одѣты въ панталоны и полусапожки. Несомнѣнно, что эти скиѳы по характеру изображенiя не напоминаютъ тѣхъ каменныхъ бабъ монгольскаго типа, которыя разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ южной Россiи — въ нихъ ярко выраженъ арiйскiй типъ.

Огромный интересъ въ художественномъ отношеніи представляетъ также такъ называемая Куль-обская электроновая ваза (II—I в. до Р. Х.). Здѣсь мы видимъ греческое искусство въ лучшемъ расцвѣтѣ его. Съ лѣвой стороны на ней изображена такая сцена: пейзажемъ является степь, эта степь покрыта травой; затѣмъ мы видимъ возвышеніе изъ земли, на которомъ усѣлся скиѳскій царь; особенностью его костюма является золотая повязка или діадема, которой стянуты его волосы; его страшнымъ образомъ интересуетъ то, что сообщаетъ ему другой скиѳъ, сидящій передъ нимъ на корточкахъ; онъ приложилъ ко лбу копье; очевидно, передъ царемъ лазутчикъ, который дѣлаетъ докладъ своему повелителю о томъ, что онъ видѣлъ въ степи. Но еще болѣе интересны двѣ другія группы, которыя идутъ налѣво. Одна изъ нихъ представляетъ собою сцену, такъ сказать, врачебнаго быта древнихъ скиѳовъ. Изображенъ больной скиѳъ; можно ясно даже видѣть характеръ его болѣзни: у него страшно болитъ зубъ. И вотъ, его больной зубъ выдергиваетъ скиѳъ-врачъ. Сцена полна необыкновенной жизненности. Вы видите, какъ этотъ врачъ вдвинулъ въ ротъ своего паціента правую руку для того, чтобы ощупать прежде всего больной зубъ. Паціенту чрезвычайно больно, и онъ, конечно, совершенно безсознательно схватился отъ боли за правую руку своего врача и сильно ее сжалъ. Лицо врача изображаетъ полнѣйшее вниманіе. Наконецъ, послѣдняя группа представляетъ также сцену врачебнаго быта: сидятъ двѣ фигуры скиѳовъ, одинъ, очевидно, имѣетъ больную ногу, а другой—скиѳскій врачъ—перевязываетъ эту ногу. И мы ясно видимъ здѣсь, какимъ способомъ происходила эта перевязка: больная нога заматывается узкою тесьмою. Скиѳы, живя по сосѣдству съ греками, для удовлетворенія своихъ потребностей, постепенно возраставшихъ по мѣрѣ ознакомленія съ высшей культурой, пользовались предметами греческой работы. Греческое искусство, приходя имъ на помощь, сумѣло приспособиться къ художественному вкусу варваровъ и создать произведенія, въ высокой степени цѣнныя для насъ въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, фактъ существованія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря не прошелъ безслѣдно для туземнаго населенія и проявился въ цѣлой массѣ памятниковъ греческаго дѣла.

Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ два памятника національной скиѳо-сарматской культуры. Предметы эти замѣчательны тѣмъ, что на нихъ мы находимъ имена мастеровъ, ихъ изготовившихъ, написанныя по гречески, хотя сами имена варварскія, скиѳскія. На пластинкѣ стоитъ надпись—Порнахо (Πορνάχο), а на сосудѣ—

Ксебантурула сдѣлалъ (Ξηβαντουρούλας ἐποίησεν). На концѣ пластинки находится изображеніе львиной головы, а на фризѣ 5 животныхъ, однообразная композиція которыхъ для приданія рисунку особой выразительности и страстности характеризуетъ варварское искусство. За скиѳскія издѣлія мы должны признать и серебряныя вазы Куль-обской могилы, а также цѣлый рядъ пластинокъ и бляшекъ. Специфическимъ признакомъ скиѳскаго стиля является пестрая орнаментація золотыхъ и бронзовыхъ издѣлій драгоцѣнными камнями и цвѣтными стеклами: въ орнаментикѣ преобладаетъ звѣриный стиль, въ техникѣ рисунка замѣчается пристрастіе къ рѣзко обозначеннымъ сухимъ контурамъ и энергичный пошибъ, въ противоположность выдержанному, изящному греческому стилю. По этимъ признакамъ скиѳо - сарматскій стиль долженъ быть отнесенъ къ такъ называемому варварскому искусству, которое шло изъ средней Азіи и Сибири и въ свою очередь въ эпоху великаго переселенія народовъ достигло значительнаго развитія подъ віяніемъ персидскаго искусства, въ особенности въ Сассанидскую эпоху.

Извѣстія грекоримскихъ писателей о населеніи Сарматіи. Послѣ Геродота наши свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ Россію, дѣлаются менѣе опредѣленными, болѣе отрывочными, темными и сбивчивыми. Позднѣйшіе греческіе и римскіе писатели сообщаютъ намъ множество этнографическихъ названій, но прибавляютъ очень мало бытовыхъ подробностей къ извѣстіямъ Геродота. Часто, вѣроятно, подъ этими новыми именами скрываются прежніе народы; новое наименованіе является иногда искаженіемъ прежняго. Одна и та же мѣстность у одного писателя называется однимъ, у другого другимъ именемъ. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ, протекшихъ отъ V вѣка до Р. Х. до IX в. по Р. Х., къ которому относится формальное начало Русскаго государства, накопилась груда географическаго и этнографическаго матеріала, разобраться въ которомъ очень трудно, хотя разбору и пріуроченію его къ тѣмъ или инымъ мѣстностямъ и народамъ посвящена огромная литература — не только русская, но и западно-европейская. И мы нисколько не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ, съ какими трудностями было сопряжено для греко-римскихъ географовъ-историковъ собираніе матеріаловъ о территоріи Россіи. Основнымъ матеріаломъ, которымъ пользовались писатели, были дорожники, путеуказатели, которые составлялись купцами съ практическими торговыми цѣлями. Но эти первоисточники дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а только уже въ обработкѣ, переработкѣ, а иногда и искаженіяхъ такихъ географовъ и исто-

риковъ, какъ Страбонъ, Плиній младшій, Тацитъ, Птоломей. Страбоновы извѣстія имѣютъ общепризнанную важность, а между тѣмъ самъ писатель говоритъ, что о Танаисѣ выше устьевъ его мало что можно узнать по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ. Тацитъ самъ признаетъ извѣстія о сѣверныхъ странахъ недостовѣрными. Уже при Геродотѣ кромѣ скиѳовъ въ южной Россіи обиталъ цѣлый рядъ народовъ. Таврическій полуостровъ получилъ названіе отъ тавровъ, которые во времена Геродота не причислялись къ скиѳамъ, а Страбонъ называетъ уже тавровъ скиѳскимъ народомъ. При Геродотѣ на Таманскомъ полуостровѣ и окружающей его мѣстности обитали *синды*; страна ихъ извѣстна и во времена Страбона; съ ними сосѣдили и сливались *меоты*.

Карта Европейской Сарматіи Птоломея и ея географическія данныя. Въ сарматскую эпоху число племенныхъ названій сильно возрасло, но географическая и этнографическая точность извѣстій понизилась. Возьмемъ, напримѣръ, такого авторитетнаго географа, какъ Птоломей (2 вѣкъ по Р. Х.). Если мы обратимся къ его картѣ Европейской Сарматіи, приложенной къ его труду и воспроизведенной недавно проф. Ю. А. Кулаковскимъ, то найдемъ на ней болѣе 50 племенныхъ названій, среди коихъ онъ различаетъ большія и малыя народности. Не останавливаясь на перечнѣ ихъ, мы только замѣтимъ, что среди большихъ онъ указываетъ *венедовъ* (т.-е. славянъ), *язиговъ*, *роксоланъ* и *аланъ*. Среди болѣе мелкихъ народностей онъ называетъ *гитоновъ* (готовъ), *финновъ*, *галиндовъ* и *судиновъ* (литовская голядь и sudavia), *хуновъ* (тюрковъ). Называетъ онъ также тавроскиѳовъ и сарматовъ. Здѣсь для насъ чрезвычайную важность имѣетъ указаніе на существованіе въ это время уже на русской территоріи и *финской*, и *литовской* и *тюркской* народностей; что касается славянъ (венедовъ), то они помѣщены по Балтійскому побережью на востокъ отъ р. Вислы. Такимъ образомъ, уже во 2 вѣкѣ по Р. Х. существуютъ тѣ народы, которымъ впослѣдствіи принадлежали главныя поселенія на русской территоріи. Но географическіе предѣлы, указываемые для этихъ народностей, и сама вообще «карта Европейской Сарматіи» преизобилуетъ ошибками и географическими несообразностями, часть коихъ отмѣчена и проф. Ю. А. Кулаковскимъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще *гетовъ* или *даковъ*, которые двигались съ запада, гдѣ обитали въ *Дакіи* (Румынія), и нападали на греческія

колоніи, въ томъ числѣ и Ольвію. Изъ приведенныхъ данныхъ ясно видно также, что названіе Сарматія еще въ большей степени, чѣмъ прежде Скиѳія, носило не этнографическій, а географическій характеръ: мѣсто скиѳовъ по значенію своему заняли теперь сарматы; они, по преимуществу, были кочевниками; изображены они въ качествѣ всадниковъ на керченскихъ фрескахъ; языкъ ихъ былъ близокъ къ скиѳскому, но кромѣ ихъ обитало множество другихъ народовъ; къ сарматамъ относятъ *язиговъ и роксоланъ*, жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ. Имя роксоланъ выводится изъ иранскихъ нарѣчій и обозначаетъ бѣлыхъ аланъ.

Аланы, Готы, Гунны, Авары, Болгаре. Такими же иранцами были и аланы вообще, двигавшіеся въ I—II вв. по Р. Х. отъ Дона и Каспійскаго моря къ Днѣпру и далѣе къ Дунаю. Аланы смѣнили по значенію своему въ южнорусскихъ степяхъ сарматовъ, заселили сарматскія пустыни и дали свое имя и сосѣднимъ народамъ. Амміанъ Марцеллинъ рисуетъ ихъ кочевниками, номадами, но болѣе культурными, напоминающими скорѣе скиѳовъ — сарматовъ, нежели гунновъ. Но ихъ господство продолжалось недолго: скоро ихъ стали тѣснить народы германскаго корня, а затѣмъ гунны: одна часть ихъ была увлечена вандалами-свевами въ сѣверную Африку, другая поселилась въ Византійской имперіи, третья сохранилась до нашихъ дней подъ именемъ осетинъ, на Кавказѣ, а также долго держалась и въ Крыму (въ Судакѣ, древней Сугдеѣ, бывшей ихъ колоніей). Какъ во времена Геродота, такъ и при Страбонѣ населеніе южнорусскихъ степей дѣлилось на номадовъ и земледѣльцевъ. Страбонъ говоритъ, что часть скиѳовъ и сарматовъ была номадами, другая жила въ шалашахъ и занималась земледѣліемъ. Онъ же прибавляетъ: «легкая пѣхота у Роксоланъ облекается въ шлемы изъ сырой бычачьей кожи и въ панцыри; для наступленія они пользуются копьемъ, мечемъ и лукомъ. На Роксоланъ похожа въ этомъ отношеніи и большая часть прочихъ народовъ. Кибитки номадовъ, дѣланныя изъ войлока, прикрѣпляются къ повозкамъ, на которыхъ кочевники и проводятъ свою жизнь; кругомъ кибитокъ ходитъ скотъ, молокомъ, сыромъ и мясомъ котораго кочевники и питаются. Живутъ номады на различныхъ мѣстахъ, смотря по тому, какое изъ нихъ въ данное время, обладаетъ хорошими пастбищами—зимою на болотахъ около Меотиды, лѣтомъ и на равнинахъ.

Жители (Таврическаго) полуострова носили особенное имя Георговъ (земледѣльцевъ) въ отличіе отъ обитавшихъ надъ ними номадовъ, которые питались мясомъ разныхъ животныхъ и между прочимъ конной; употребляли въ пищу не только мясо

лошадиное, но также сыръ, молоко и сыворотку, которая, будучи извѣстнымъ образомъ приготовлена, составляла для нихъ лакомство... Номады занимаются больше войною, чѣмъ разбоями, но ведутъ войны только изъ-за податей, ибо, передавши землю во владѣніе тѣмъ, которые желаютъ ее обрабатывать, они предпочитаютъ получать за нее извѣстную умѣренную плату и то не для обогащенія, но чтобы удовлетворить только необходимыя ежедневныя потребности; если же арендаторы не выдаютъ имъ этой платы, они начинаютъ съ ними войну... Что же касается Георговъ, то хотя они и считаются болѣе номадовъ вышедшими изъ дикаго состоянія и болѣе ихъ цивилизованными, однако, будучи корыстолюбивы и живя вблизи моря, они не воздерживаются отъ разбоевъ и другихъ подобныхъ преступленій и несправедливыхъ попытокъ къ обогащенію».

Аланы уступили свое господство восточно-германскому племени—готамъ, обитавшимъ въ I—II вв. по Р. Х. въ бассейнѣ р. Вислы. Готы двинулись оттуда на югъ, въ Черноморскія степи благодаря своему естественному размноженію и тому, что ихъ стѣснили ихъ сосѣди — германцы и славяне. Готы двинулись изъ Балтійскаго побережья, прошли черезъ непроходимыя болота (вѣроятно, Пинскаго Полѣсья) и, наконецъ, очутились у Черноморскаго побережья. Конечно, движеніе это должно было продолжаться долго. Объ этомъ переселеніи сообщаетъ свѣдѣнія Іорданъ. Въ южнорусскихъ степяхъ готы оставались болѣе 2 вѣковъ (III—IV). Обитали они отъ Днѣпра до Дуная и Карпатскаго предгорья, образовали единое государство и вели борьбу съ Римомъ. По извѣстію Іордана и Амміана, расцвѣтъ готскаго могущества относится ко времени Германариха, который покорилъ будто бы и венедовъ, и финновъ, и эстіевъ (литовцевъ); извѣстіе это, однако, возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія, такъ же точно, какъ и легендарныя сообщенія скандинавскихъ сагъ о столицѣ Днѣпровскаго государства Германариха—Днѣпровомъ городѣ, въ которомъ хотятъ видѣть Кіевъ, но безъ всякихъ серьезныхъ основаній.

Иранское населеніе степей, однако, не исчезло. На смѣну германской, готской эмиграціи пришла въ IV в. гуннская; подъ напоромъ этой урало-алтайской волны старое иранское населеніе отступило къ югу — къ Крыму и Кавказу — и западу; остались только небольшіе остатки его въ предѣлахъ старой Скиѳіи. Хозяевами степей съ IV в., вмѣсто народовъ иранской вѣтви, дѣлаются отнынѣ кочевыя орды Азіи — тюркскія племена съ примѣсью монгольскихъ и финскихъ элементовъ. Движеніе идетъ съ Монголіи и Амура, но проходившія по этому

огромному пути тюрко-монгольскія орды должны были присоединять къ себѣ и другіе разнообразные этнографическіе элементы. Описаніе наружности гунновъ у современниковъ ихъ (Амміана Марцеллина, Іордана) не оставляетъ сомнѣній въ принадлежности ихъ къ тюркско-монгольской расѣ и мнѣнія о славянствѣ гунновъ (Д. И. Иловайскаго) мы принять не можемъ. приводимые же въ пользу его факты относятся, по всей вѣроятности, къ славянамъ, входившимъ въ составъ гуннской державы [1]). Гунны побѣдили Германариха и разрушили могущество готовъ, которые должны были уйти на западъ, и только остатки ихъ удержались въ новороссійскихъ степяхъ; одна колонія ихъ сохранилась и долго держалась въ Крыму, гдѣ и отатарилась; другая на Кавказѣ на Таманскомъ полуостровѣ; съ нею связываютъ гор. Таматарху — Тмутаракань; къ нимъ, быть-можетъ, относится и воспоминаніе «Слова о полку Игоревѣ» о «готскихъ красныхъ дѣвахъ». Но гуннское владычество было непрочно. По смерти Аттилы (въ 353 году), распалась и его держава. Между тѣмъ движеніе съ востока изъ Азіи въ Европу кочевыхъ тюркскихъ народовъ продолжалось: послѣ гунновъ выдвинулись *болгарская* и *тюркская* орды. Въ VI в. они жили на Азовскомъ побережьѣ по Дону и по Кубани; правдоподобно ихъ отождествляютъ съ кутургурами и утургурами, которыхъ Прокопій называетъ гуннами. Затѣмъ они переходятъ къ Дунаю и вмѣстѣ со славянами дѣлаютъ нападенія на Византію, которая въ пол. VI в. уплачиваетъ имъ постоянную дань. Затѣмъ и они ослабѣли и раздробились: часть впослѣдствіи образовала въ IX в. при впаденіи Камы въ Волгу Болгарское царство, другая часть ихъ осталась у Азовскаго моря на сѣверномъ Кавказѣ; третья двинулась на западъ и подъ предводительствомъ Аспаруха въ VII в. поселилась за Дунаемъ, гдѣ подчинила 7 славянскихъ племенъ и образовала славянское Болгарское царство, сама растворившись въ славянскомъ морѣ.

Новая кочевая тюркская орда вступила въ Европу подъ именемъ *аваровъ* (*обры* русской лѣтописи). Въ VI, VII и VIII вв. они были самыми опасными сосѣдями Византіи, послѣ того какъ завоевали себѣ средне-дунайскія равнины. Съ аварами пришлось уже имѣть дѣло и русскимъ славянамъ, о чемъ сохранила преданіе и русская лѣтопись.

До сихъ поръ мы говорили о народахъ *неславянскаго* корня, обитавшихъ на территоріи нын. Россіи. Теперь переходимъ къ

---

[1]). Таковы славянскія слова у гунновъ — Μέδος (медъ), Κάμος (кумысъ или квасъ), strava (тризна).

славянамъ. Отдѣльныя выселенія ихъ изъ прародины могли спорадически осуществляться довольно рано. Но общее массовое славянское движеніе было вызвано германскими переселеніями III в. (готовъ) и потому начало его относится также къ III в. по Р. Х. Оно направлено было на западъ и на югъ, на опустѣвшія земли германцевъ. Вообще же говоря, славяне спокойно жили на издревле занятой ими въ восточной Европѣ территоріи.

Извѣстія о славянахъ и ихъ переселеніяхъ: ихъ культура. *Славянскія* племена принадлежатъ къ группѣ индо-европейскихъ народовъ. Общей прародиной этихъ послѣднихъ считали Азію, но теперь склоняются въ пользу восточной Европы. Полагали, что они перешли уже къ употребленію металловъ: теперь склонны думать, что они жили еще въ неолитѣ, а изъ металловъ знали только мѣдь, настоящее же употребленіе металловъ развилось у нихъ въ эпоху разселенія, такъ какъ нѣтъ общихъ названій для предметовъ металлической культуры. Процессъ дифференціаціи единаго славянскаго народа на рядъ отдѣльныхъ племенъ аналогиченъ съ процессомъ распаденія на отдѣльныя вѣтви арійцевъ. Онъ сопровождался и подъемомъ ихъ культуры. И прародиною единаго славянскаго народа признаютъ теперь многіе ту же восточную Европу—Россію. Всего ближе—и географически и этнографически — стояли къ славянамъ литовцы: послѣдніе жили только сѣвернѣе славянъ. Въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. обособленіе славянъ и литовцевъ является совершившимся фактомъ. Въ III — IV в.в. по Р. Х. великая славянская миграція привела уже къ обособленію отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Славяне появились на исторической сценѣ подъ различными названіями: венедовъ (у греко-римскихъ писателей), споровъ (прежнее имя ихъ, по словамъ Прокопія). Проф. А. Л. Погодинъ отмѣтилъ въ одной керченской надписи, изданной В. В. Латышевымъ и относящейся къ III в. по Р. Х. имя Ἄντας — славянинъ. Въ VI в., по словамъ Прокопія, писателя VI в., въ окрестностяхъ Понта обитали безчисленные народы—племена антовъ. Славяне и анты въ древности имѣли одно и то же имя споровъ. Іорданъ, жившій въ VI в., говоритъ, что венеды (нѣмецкое названіе славянъ) раздѣлялись на славянъ и антовъ; первые жили отъ Дуная до Днѣстра и къ сѣверу до Вислы, анты же — отъ Днѣстра до Днѣпра. Въ VI в. славяне производятъ нападенія на Византію, вступаютъ въ ряды ея арміи и селятся даже на ея земляхъ, за Дунаемъ въ Греціи, а также на среднемъ Дунаѣ.

Итакъ, венеды, т.-е. славяне, дѣлились на двѣ группы: славянъ, обитавшихъ на западѣ, и антовъ, въ которыхъ можно видѣть восточныхъ славянъ, т.-е., вѣтвь славянства, изъ которой образовались русскіе славяне. Прокопій говоритъ, что у обоихъ народовъ одинъ языкъ и они имѣютъ одинаковую наружность. Къ VII—IX в.в. относится дальнѣйшее разселеніе восточнаго славянства въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, которому благопріятствовало отсутствіе новыхъ тюркскихъ передвиженій изъ Азіи. Къ сожалѣнію, въ это время обрывается византійская исторіографія; связи Византіи съ территоріей восточнаго славянства слабѣютъ, а важныя и цѣнныя этнографическія извѣстія древней русской лѣтописи о разселеніи русскихъ славянъ констатируютъ то, что было въ пол. IX в., но что началось значительно ранѣе — въ VII — VIII в.в.

Каково же было культурное состояніе славянства до раздѣленія его на отдѣльныя вѣтви — славянъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ. Необходимо коснуться этого вопроса, ибо онъ связанъ съ вопросомъ о культурѣ русскихъ восточныхъ славянъ въ эпоху образованія Русскаго государства. Сравнительное изученіе славянскихъ языковъ, опредѣленіе запаса словъ, общихъ всѣмъ этимъ языкамъ вскрываетъ передъ нами и запасъ ихъ понятій въ эпоху праславянскую, т.-е. рисуетъ ихъ культурный уровень. О развитіи уже въ праславянскую эпоху земледѣлія и огородничества свидѣтельствуютъ такія слова, какъ жито, рожь, пшеница. Очень же древними и общими оказываются слова—ленъ и конопля, орати, ратай, сѣяти, жати, рало, сѣно, лукъ, чеснокъ, садъ, овощи, ягода. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ относятъ еще къ болѣе древнему арійскому періоду. Однимъ словомъ, лингвистическія данныя указываютъ на развитіе земледѣльческаго быта у славянъ, но письменные источники (Прокопій, имп. Маврикій) рисуютъ ихъ жизнь суровой, воинственной, бѣдной и некультурной. Такое несоотвѣтствіе можно объяснить, главнымъ образомъ, тѣмъ, что византійскіе писатели изображаютъ военныя столкновенія Византіи съ славянами, суровую, исполненную лишеній жизнь ихъ порубежниковъ, вынужденныхъ жить внѣ культурныхъ условій остального населенія и перейти къ полукочевому быту. Скотоводство играло первостепенную роль; многіе термины для обозначенія различныхъ породъ скота общіе для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, такъ же какъ и слова - пасти, пастухъ; слово скотъ въ древнерусскомъ обозначаетъ понятіе богатства, ибо скотъ и составлялъ главное богатство. Лингвистика свидѣтельствуетъ и о развитіи у славянъ рыболовства и пче-

лодводства, гончарства, обработки кожи и шерсти, дерева, металловъ, приготовленія пищи и напитковъ (меда), одежды, украшеній (перстень— отъ перстъ=палецъ, гривна—отъ грива=шея), постройки жилища и его принадлежностей (окно—отъ слова око—глазъ, печь, лава, столъ), оружія. Объ оружіи у славянъ говорятъ и византійскіе писатели. Мы видимъ заимствованныя культурныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ изъ другихъ языковъ и отъ другихъ народовъ—кельтовъ, германцевъ, римлянъ. Очень краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ римскаго вліянія оказываются клады римскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры; они свидѣтельствуютъ о раннихъ торговыхъ отношеніяхъ и частію могутъ относиться и къ славянамъ: клады восточныхъ монетъ, датируемыхъ VII—IX в.в., указываютъ на восточную торговлю этого періода. Писатели рисуютъ намъ національныя особенности славянъ, отмѣчаютъ у нихъ гостепріимство, цѣломудріе женщинъ, воинственность, твердость, жестокость, свободолюбіе, выносливость, несогласія, нечистоплотность. Въ религіи славянъ выступаетъ при многобожіи, по извѣстію писателей, поклоненіе главному единому божеству неба и молніи; были и жертвоприношенія; «они (славяне и анты),—говоритъ Прокопій,—признаютъ единаго бога-громовержца единымъ владыкою вселенной и приносятъ ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ». Дитмаръ Мерзебургскій (X—XI в.в.) описываетъ языческій храмъ у Балтійскихъ славянъ, украшенный изображеніями божествъ и идолами, во главѣ которыхъ стоялъ Сварожичъ; Гельмольдъ же во главѣ славянскихъ божествъ ставитъ Святовита; ихъ функціи тождественны. У писателей современниковъ мы находимъ описаніе славянскихъ идоловъ человѣкообразнаго вида. У Балтійскихъ славянъ было множество храмовъ даже съ рѣзьбою и живописью. Имѣются подробныя свѣдѣнія и о жертвоприношеніяхъ, въ томъ числѣ человѣческихъ. Были въ ходу и гаданія. Были и жрецы.

Вещественные памятники эпохи великаго переселенія народовъ, найденные въ Россіи; ихъ общій характеръ и типы. Какъ же отразились жизнь и бытъ всѣхъ этихъ народовъ эпохи великаго переселенія въ ихъ памятникахъ, находимыхъ на территоріи нын. Россіи? Основныя черты памятниковъ этой эпохи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: вмѣсто красоты формъ, въ которой нашло яркое выраженіе греческое искусство, мы находимъ уже стремленіе къ подробностямъ изображенія, къ орнаментаціи. Здѣсь мы видимъ стилизацію животныхъ, изображеніе ихъ является въ видѣ деталей, въ видѣ украшеній. Далѣе мы встрѣча-

емся теперь съ украшеніями изъ эмали различнаго цвѣта и вида, а также съ инкрустаціями изъ камня или стекла, встрѣчается также геометрическій орнаментъ, состоящій изъ концентрическихъ круговъ, завитковъ и спиралей. Вотъ основныя черты варварскаго искусства, которыя отразились въ памятникахъ эпохи великаго переселенія народовъ. Родиною этого варварскаго стиля нужно признать среднюю Азію, гдѣ были на лицо всѣ благопріятныя условія для его возникновенія и процвѣтанія; тамъ было много золота и драгоцѣнныхъ камней, тамъ скоплялись несмѣтныя богатства и царствовала сказочная роскошь, о которой говорятъ намъ древніе и средневѣковые писатели. Этому благопріятствовали естественныя природныя богатства страны, обширная торговля и удачныя войны. Даже бытъ и искусство Византіи впитали въ себя многіе восточные элементы. На пирахъ Аттилы подавали кушанья на серебряныхъ блюдахъ, пили изъ золотыхъ и серебряныхъ чарокъ. Даже палатки свои номады украшали золотыми кубками, серебряными блюдами. Среднеазіатскій стиль Туркестана при посредствѣ Готовъ перешелъ въ Западную Европу и при посредствѣ развившихъ его арабовъ — въ мусульманскій міръ. Переселеніе народовъ было не однимъ только политическимъ внѣшнимъ событіемъ: народы эти принесли съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни». И въ ихъ искусствѣ, несмотря на различіе народностей, было извѣстное единство, начиная отъ древностей Сибири и оканчивая находками въ могильникахъ Сѣвернаго Кавказа, Донской области и въ области Дуная и Рейна на Западѣ. Однимъ изъ видныхъ гнѣздъ этого стиля являются древности, открытыя проф. Н. И. Веселовскимъ въ Туркестанскомъ краѣ, близъ Самарканда въ Афросіабовомъ городищѣ и носящія на себѣ печать греческаго и персидскаго (Сасанидскаго) вліянія; первое особенно замѣтно проявилось на терракотовыхъ фигуркахъ. Рѣзко очерченную группу составляютъ Сибирскія древности нашего Эрмитажа. Чрезвычайно типичными являются высокохудожественные серебряные сосуды и блюда изъ Пермской губ., также носящія на себѣ печать грекоримскаго или восточнаго вліянія; таково, напр., блюдо греческаго типа съ изображеніемъ Мелеагра и Аталанты въ Эрмитажѣ или блюда восточнаго типа съ изображеніемъ Сасанидскаго царя во время охоты. Въ Сѣверномъ Кавказѣ обращаютъ на себя вниманіе бронзы его могильниковъ (Кобанскаго, Чми, Кумбульты). Это стоитъ въ связи съ извѣстіемъ объ Аланахъ, изъ мѣди изготовлявшихъ оружіе, называемое Аланскимъ. Интересны здѣсь золотыя серьги

изъ кольца съ прутикомъ, напоминающія таковыя же Салтовскаго могильника Харьков. губ., и серьги калачикомъ—типъ, перешедшій въ древнюю Русь. Чрезвычайно близкими Сибирскимъ оказываются древности Новочеркасскаго клада Донской области, среди коихъ оказалась женская золотая корона-діадема съ изображеніями сибирскихъ оленей и козловъ и рѣзною изъ халцедона головкою, изображающей римскую императрицу (III—IV в. по Р. Хр.); далѣе въ немъ были золотое ожерелье, золотые сосуды и т. п.

Одною изъ новѣйшихъ и богатѣйшихъ находокъ эпохи великаго переселенія народовъ нужно признать, *Перещепинскій кладъ* Полтавской губ., открытый въ 1912 г. двумя мальчиками пастушками, при условіяхъ аналогичныхъ съ находкою Новочеркасскаго, т.-е., почти на самой поверхности земли. Объ огромной матеріальной цѣнности его свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что вѣсъ однихъ золотыхъ его предметовъ превышаетъ 42 ф., т.-е., пудъ, при чемъ въ этотъ подсчетъ вѣса не вошли еще предметы изъ этого же клада, пріобрѣтенные Б. И. Ханенкомъ. Всѣ вещи находятся теперь въ Имп. Археол. Комиссіи. Изъ золотыхъ предметовъ въ этомъ кладѣ отмѣтимъ—овальную чашку (вѣсомъ въ 4 ф. 41 зол.), чашечку, тарелку, высокую вазу на ножкѣ (вѣсомъ въ 3 ф. 20 зол.), высокій кувшинъ на ножкѣ (вѣсомъ въ 6 ф. 86 зол.), 11 чарокъ, массивную кованную ложку, рогъ съ филигранью, пряжки, браслеты, ножны мечей, 204 бляшки, 35 золотыхъ византійскихъ монетъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ орнаментированы. Но гораздо болѣе художественно украшены серебряныя издѣлія. Среди нихъ выдѣляются—большое круглое литое блюдо (вѣсомъ болѣе 15 ф.), въ орнаментѣ котораго фигуры византійскихъ крестовъ, монограммы Христа съ греч. буквами; на днѣ латинская надпись; текстъ ея гласитъ слѣдующее: «renovatum est per reverent. Paternum, episcop. nostrum», Патернъ былъ епископомъ города Томи (подлѣ Варны) въ VII в.; на немъ же—изображенія животныхъ и птицъ, клейма; другое блюдо, вѣнецъ котораго орнаментированъ фигурами. съ византійскимъ клеймомъ; вызолоченная внутри круглая литая чашка, на днѣ которой рельефная фигура, а на наружной сторонѣ рельефныя изображенія человѣческихъ фигуръ, животныхъ и растеній; вызолоченное блюдо превосходной восточной работы съ изображеніемъ Сасанидскаго царя на охотѣ, напоминающимъ аналогичныя изображенія пермскихъ блюдъ. Изъ этого перечня видно, что составъ клада пестрый—предметы частію византійскаго, частію персидскаго происхожденія. И это наводитъ на мысль, что они могли быть получены путемъ грабе-

жей, а, можетъ-быть, и дани и принадлежатъ одному изъ тѣхъ народовъ, который здѣсь обиталъ въ это время, это могли быть скорѣе всего авары, но не исключаются и анты, т. е. славяне. Византійскіе монеты относятся къ VII в. по Р. X. Варварское искусство распространилось по всей Сибири и проникло въ южную Россію нѣсколькими путями: черезъ Кавказъ и черезъ Черное и Каспійское море. Оно пришло въ южную Россію, какъ благодаря мирнымъ торговымъ сношеніямъ, такъ и благодаря тѣмъ народамъ, которые изъ равнинъ средней Азіи широкой волной вторгались въ припонтійскія степи и приносили съ собою искусство и привычки своей родины. Древности эпохи великаго переселенія народовъ не относятся, конечно, къ какой-нибудь единой этнографической группѣ, а, наоборотъ, принадлежатъ самымъ различнымъ народамъ въ этнографическомъ отношеніи. Варварское искусство, перейдя въ южную Россію, подверглось въ свою очередь другимъ культурнымъ вліяніямъ и въ результатѣ этихъ вліяній образовалось нѣсколько стилей, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе всей эпохи переселенія народовъ. На родинѣ варварскаго искусства, въ средней Азіи, происходили также перемѣны: вслѣдствіе благопріятныхъ условій искусство достигло вдругъ пышнаго расцвѣта, и этотъ подъемъ отражался и въ нашихъ древностяхъ этой эпохи. Археологическая наука, говоря объ отраженіи эпохи переселенія народовъ въ древностяхъ южной Россіи, различаетъ стили: римскій, готскій, иначе называемый германскимъ и др. Термины эти нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ основѣ этихъ стилей лежитъ все же варварское искусство, которое, однако, въ соединеніи съ римскимъ вліяніемъ даетъ римскій, а въ соединеніи съ готскимъ или германскимъ вообще—готскій стиль. Кромѣ памятниковъ римскаго и готскаго стиля, къ древностямъ переселенія народовъ относятся памятники персидскаго (сассанидскаго) искусства, достигшаго блестящаго развитія въ VII вѣкѣ по Р. X., до завоеванія ново-персидскаго царства мусульманами. *Сюда же относятся хронологически (но не этнографически)* самые древніе изъ памятниковъ славянскихъ, находимыхъ на той же русской территоріи. Сюда относятся и памятники кочевническіе, полукочевого и полуосѣдлаго быта.

Въ предѣлахъ Кіевской, Полтавской и Харьковской губерній мы находимъ слѣды кочевническихъ погребеній. Въ Кіевской губерніи были найдены погребенія, отличающіяся характерной особенностью: здѣсь погребался наѣздникъ съ конемъ въ одной и той же могилѣ. Картина погребенія такова: въ головахъ

кочевника лежитъ скелетъ его лошади съ желѣзными удилами въ зубахъ. Инвентарь погребальный состоитъ изъ предметовъ вооруженія, именно: кривой сабли, копья, лука и колчана; изъ предметовъ украшенія встрѣчаются серьги изъ золотой или бронзовой проволоки. Въ той же Кіевской губерніи было обнаружено кочевническое погребеніе, гдѣ покойникъ лежалъ въ деревянномъ гробу, сколоченномъ желѣзными гвоздями, головою на сѣверъ; онъ былъ въ желѣзной кольчугѣ, на головѣ имѣлъ желѣзный шлемъ, а на лицѣ—желѣзную маску. Возлѣ покойника находились желѣзная сабля и 5 такихъ же наконечниковъ. Голова лошади съ удилами въ зубахъ находилась на разстояніи 4 арш. отъ центра кургана.

Чрезвычайно характернымъ является полукочевническое, полуосѣдлое погребеніе въ предѣлахъ Харьковской губерніи, а именно, знаменитый Салтовскій могильникъ, открытый народнымъ учителемъ В. А. Бабенко и изслѣдованный потомъ А. М. Покровскимъ, мною и Е. П. Трифильевымъ. Салтовскій могильникъ заинтересовалъ весь археологическій русскій міръ. Дѣйствительно, результаты изслѣдованія этого могильника оказались въ высшей степени интересными, если вспомнить, что мы дотолѣ имѣли крайне скудный матеріалъ для характеристики типовъ кочевническаго погребенія. Этотъ могильникъ находится недалеко отъ Салтовскаго городища у села Верхняго-Салтова. Онъ былъ открытъ случайнымъ образомъ: весеннія воды, размывающія возвышенности, образуютъ овраги, въ стѣнахъ которыхъ были обнаружены засыпанные землею корридоры. Могильный корридоръ легко обнаруживался и расчищался. Полъ этихъ проходовъ спускался къ погребальнымъ камерамъ или наклонно, или круто. Вслѣдъ за корридорами открываются погребальныя камеры или катакомбы. Катакомбы значительно выше корридоровъ: въ послѣднихъ можно было пробираться только согнувшись или ползкомъ, а въ катакомбахъ можно уже сидѣть и даже немного привстать. Катакомбы не сообщаются другъ съ другомъ. Обрядъ погребенія въ нихъ состоитъ въ коллективномъ трупоположеніи. Въ каждой изъ катакомбъ встрѣчается погребеніе одного, двухъ, трехъ и даже четырехъ покойниковъ. Въ одной камерѣ погребались и мужчины, и женщины, и дѣти. Скелеты лежатъ въ вытянутомъ положеніи—ногами по направленію къ выходу или поперекъ катакомбы (послѣднюю форму нужно признать господствующей). Чрезвычайно оригинальную и даже трогательную картину представляютъ покойники, руки которыхъ соединены какъ бы въ дружескомъ пожатіи.

Очевидно, между этими людьми была какая-то нравственная связь, можетъ быть, семейная или родственная. При одной катакомбѣ было открыто торжественное погребеніе коня, котораго поставили, удушили и потомъ уже сложили всѣ уборы у его ногъ. Конскій уборъ отличался богатствомъ: здѣсь было найдено особое серебряное украшеніе въ формѣ чашечекъ тюльпана; затѣмъ было открыто много бляшекъ, составляющихъ принадлежность убора. Въ катакомбахъ обыкновенно находится довольно значительный похоронный инвентарь, состоящій изъ оружія, украшеній и сосудовъ. Оружіе представлено саблями, топорами, кинжалами и ножами. Сабли прямыя съ незначительнымъ изгибомъ на концѣ. Оконечность сабли и ручка иногда обложены серебромъ. Найдено было нѣсколько сабель, согнутыхъ въ 2 перегиба. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то ритуальнымъ обычаемъ. Короткіе кинжалы и ножи попадаются въ большомъ количествѣ. Салтовскіе глиняные сосуды по качеству своего производства стоятъ гораздо выше мѣстныхъ скиѳскихъ сосудовъ. На ихъ днищахъ находятся различныя клейма. Больше всего найдено разнообразныхъ украшеній преимущественно изъ бронзы, но также изъ серебра и, въ видѣ исключенія, изъ золота. Къ украшеніямъ относятся бусы, бляшки, бубенчики, браслеты, перстни, пуговки, подвѣски и зеркала. Бусы стеклянныя, изъ сердолика, смальты и янтаря. Костюмы украшались всевозможными бляшками. Очевидно, народъ, оставившій намъ могильникъ, любилъ металлическія нашивки на одеждахъ. Въ Харьковскомъ университетскомъ музеѣ въ числѣ предметовъ изъ Салтовскихъ раскопокъ находится полный наборъ изъ серебряныхъ бляшекъ отъ пояса. Нѣкоторыя бляшки орнаментированы различнаго рода изображеніями. Особенно много въ катакомбахъ бубенчиковъ 2 видовъ; одни изъ нихъ литые, другіе штампованные; одни издаютъ звонъ, другіе нѣтъ. Бубенчики служили украшеніемъ не только для лошадей, но и для людей. Серьги по своему характеру относятся къ варварскому половецкому типу. Это серебряныя или золотыя проволоки, къ которымъ прикрѣплена подвѣска въ видѣ пирамидки изъ шариковъ. Наконецъ, въ видѣ украшенія являются во всѣхъ погребеніяхъ монетки, но что это не были знаки мѣновой стоимости, видно изъ того, что онѣ имѣли дырочку для нанизыванія или привѣшиванія къ какому-нибудь костюму. Браслеты изъ бронзовой проволоки простой формы. Перстни встрѣчаются бронзовые, серебрянные или изъ бѣлаго сплава. Зеркала—бронзовыя, круглыя съ 1 или двумя ушками на обратной сторонѣ; они принадлежатъ къ такъ называемому Комунтскому типу. Упомянутыя

нами монетки, служившія въ качествѣ украшеній, чрезвычайно важны для опредѣленія времени этого могильника. Наибольшее количество ихъ относится къ VIII—IX вѣку по Р. Х. На основаніи этого мы можемъ предположить, что расцвѣтъ Верхняго Салтова относится къ VIII—IX вѣку; но еще интереснѣе, что инвентарь этого могильника и ритуальное погребеніе оказались совершенно аналогичными съ могильниками сѣвернаго Кавказа, какъ, напримѣръ, Чми, Кумбульта, и др. Предметы вооруженія и украшенія, какъ, напримѣръ, зеркала, монеты, бляшки, сосуды — совершенно идентичны. Аналогію погребенія и инвентаря первый отмѣтилъ А. М. Покровскій, а затѣмъ обстоятельно выяснилъ въ своемъ рефератѣ В. А. Бабенко на XIV Археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ тѣсной культурной связи между могильниками сѣвернаго Кавказа и Верхне-Салтовскимъ. Если пойти дальше въ область предположеній, если сдѣлать попытку установить, какому народу могъ принадлежать этотъ могильникъ, то является мысль о той Хозаріи, которой сѣверяне, поляне и древляне уплачивали дань, которая имѣла могущественный городъ Саркелъ. Населеніе ея было полуосѣдлое и полукочевое; у хозаръ были города, была уже городская жизнь; но съ другой стороны даже населеніе столицы уходило на кочевья. Кромѣ того подъ могущественной эгидою царства Хозарскаго могли существовать отдѣльныя гнѣзда славяно-русскихъ поселеній. Такимъ образомъ, можно предполагать, что и тотъ городъ, который былъ у Салтовскаго могильника и остаткомъ котораго является нынѣшнее Салтовское городище, представляетъ изъ себя одинъ изъ городовъ старой Хозаріи. А что здѣсь былъ городъ, мы имѣемъ документальное доказательство. Въ Московскомъ архивѣ министерства Юстиціи мнѣ удалось найти одинъ документъ XVII вѣка о поселеніи здѣсь черкасъ, т.-е. выходцевъ-малороссіянъ. Оказывается, что эти черкасы, по словамъ московскаго воеводы, поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, «гдѣ былъ прежъ сего каменный городъ». Существованіе этого каменнаго города только и можетъ быть отнесено къ домонгольскому періоду. То обстоятельство, что наша лѣтопись не сообщаетъ о немъ свѣдѣній, не должно приводить насъ въ смущеніе: вѣдь лѣтопись не представляетъ изъ себя географическаго источника. Не могъ этотъ городъ возникнуть въ періодъ татарскаго владычества на томъ основаніи, что татары не были строителями городовъ. Владиміръ Мономахъ встрѣчалъ, какъ извѣстно, города въ половецкихъ степяхъ, а эти-то степи и были территоріей Хозаріи. Онъ встрѣчалъ въ этихъ городахъ

полу-половецкое, полу-русское населеніе; можетъ быть, и городъ Салтовъ представлялъ одинъ изъ такихъ пограничныхъ хозарскихъ городовъ и въ немъ было значительное населеніе. При этой гипотезѣ понятно, почему, именно, культура этого населенія отличается гораздо болѣе высокимъ характеромъ, чѣмъ та бѣдная культура, которая характеризуетъ собой настоящихъ насельниковъ степей — печенѣговъ, торковъ, половцевъ. Если это населеніе имѣло большіе города, то оно должно было имѣть болѣе цѣнные предметы бытовой обстановки, больше богатствъ и т. п. Что касается характера этихъ предметовъ, то онъ въ большей степени склоняется къ характеру тюркскому, чѣмъ къ славяно-русскому. Господство предметовъ конскаго убора скорѣе указываетъ на тюрковъ, чѣмъ на славяно-руссовъ. Могильникъ, подобный Верхне-Салтовскому, былъ обнаруженъ В. А. Городцовымъ въ предѣлахъ той же Харьковской губерніи, въ Изюмскомъ уѣздѣ, около хутора Зливки на берегахъ двухъ озеръ. Погребеніе здѣсь совершалось въ грунтовыхъ ямахъ, гдѣ покойники лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами. Глиняные сосуды большею частію дѣлались на гончарномъ кругу и снабжены клеймами, одинаковыми съ Салтовскими. Сосуды, а равно и прочія вещи совершенно тождественны съ Верхне-Салтовскими, хотя бѣднѣе ихъ.

Къ эпохѣ великаго переселенія народовъ относится уже и начало древностей *славянскаго типа*. Таковы, напримѣръ, поля погребенія, открытыя В. В. Хвойко при селѣ Черняковѣ Кіевской губерніи и напоминающія столь распространенныя поля погребальныхъ урнъ въ Западной Европѣ.

ИСТОРІЯ РУСИ ВЪ КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ (СЪ IX ДО ПОЛ. XI ВѢКА).

5-я глава. Характеръ территоріи и географическое распредѣленіе славяно-русскихъ племенъ.

Особенности русской территоріи и ихъ вліяніе на исторію и разселеніе русскихъ славянъ. Вопросъ о переселеніи русскихъ славянъ съ Дуная и ихъ прародинѣ. Разселеніе русскихъ славянъ. Географическое распредѣленіе русскихъ славянъ на ихъ территоріи.

Литература вопроса. Важнѣйшимъ источникомъ для географіи древней Руси являются лѣтописи (Лѣт. по Лавр. или Ипат. списку). Пособія: *Надеждинъ*. Опытъ исторической географіи русскаго міра (въ Б-кѣ для чтенія 1837 г., т. XXII-й); *Филевичъ*. Исторія древней Руси. В. 1896; *И. Д. Бѣляевъ*. О географическихъ свѣд. въ др. Рос. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., VI); *Н. П. Барсовъ*.

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. В. 1885 г.; *Его же*. Географическій словарь Русской земли до XIV в. В. 1865 г.; *Л. Н. Майковъ*. Замѣтки по географіи древней Руси; *Е. Е. Замысловскій*. Учебный атласъ Русской исторіи и объясненія къ учебному атласу, СПБ., 1887; *А. А. Спицынъ*. Разселеніе русскихъ славянъ по археологическимъ даннымъ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1899, августъ); *В. З. Завитневичъ*. Существовало ли славянское племя Уличи? (Тр. 7-го Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ, т. I); *А. А. Шахматовъ*. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Жур. М. Н. Пр. 1899, апрѣль); *его же*. Южныя поселенія вятичей (от. изъ «Изв. Имп. Ак. Наукъ» за 1907 годъ); *его же*. Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древне-русскіе говоры (от. изъ «Рус. Фил. Вѣстника» 1912 г.). Богатый и критическій сводъ данныхъ и библіографія въ кн. *М. С. Грушевскаго*, Кіевская Русь (т. I, Спб., 1911 г.); цѣнныя указанія — въ монографіяхъ, посвященныхъ исторіи древне-русскихъ земель (перечень ихъ будетъ помѣщенъ въ 12-й гл.).

Особенности русской территоріи и ихъ вліяніе на исторію и разселеніе русскихъ славянъ. Природа всегда играла выдающуюся роль въ жизни человѣчества. Взаимоотношеніе природы и человѣка характеризуется тѣмъ, что или человѣкъ подчиняется въ той или иной мѣрѣ природѣ, или, наоборотъ, онъ подчиняетъ себѣ въ той или иной степени природу. Вся эволюція въ исторіи человѣчества въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слова заключается въ постоянномъ увеличеніи власти человѣка надъ природой. Конечно, эти общія соображенія примѣнимы и къ нашей русской исторіи. Какое же вліяніе оказала природа нашей страны на ея исторію? Сравнивая русскую природу съ природою Западно-Европейскихъ странъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что между ними существуетъ весьма существенная разница. Въ то время какъ государства, основанныя въ Западной Европѣ, заключены какъ бы въ особыя отдѣльныя своеобразныя территоріи, вся территорія Россіи, на которой образовалось Русское государство, съ перваго взгляда по сравненію съ Западной Европой представляется единой, цѣльной, однообразной. Итакъ, тамъ разнообразіе, у насъ единообразіе. Далѣе, стоитъ обратить вниманіе на береговую линію Западной Европы и Россіи для того, чтобы убѣдиться въ разницѣ и въ этомъ отношеніи. Въ то время какъ въ Западной Европѣ 1 миля берегового пространства приходится на 30 кв. миль общей территоріи, у насъ она приходится на 41 кв. милю, а въ Азіи даже на 100. Вся русская территорія представляетъ какъ бы одну огромную площадь, равняющуюся 90.000 кв. миль. Для того, чтобы понять значеніе этой цифры, достаточно вспомнить, что она заключаетъ въ себѣ девять территорій Франціи. Если мы обратимся къ климату и климатическимъ условіямъ, то должны будемъ отмѣтить у насъ также одну своеобразную черту различія. Правда, Россія занимаетъ огромное

пространство съ сѣвера на югъ—съ 44°—по 70° сѣверной широты, заключаетъ въ себѣ нѣсколько поясовъ, начиная отъ арктическаго и переходя къ холодному, умѣренному и теплому, но существуетъ одна особенность въ этихъ климатическихъ поясахъ. Особенность заключается въ томъ, что мѣстности, стоящія на одной и той же широтѣ, но на разной долготѣ имѣютъ неодинаковую среднюю годовую температуру; чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ зима становится холоднѣе и различіе въ зимнемъ холодѣ по долготѣ перевѣшиваетъ иногда разницу въ лѣтнемъ теплѣ по широтѣ. Годовая температура Оренбурга почти одинакова съ Петербургской, потому, что онъ на 25° восточнѣе Петербурга, хотя въ то же время южнѣе его на 8°; зимніе мѣсяцы въ Оренбургѣ холоднѣе, чѣмъ даже въ Архангельскѣ. Въ отношеніи почвенныхъ условій русская территорія представляла изъ себя дно моря, которое существовало въ ледниковый періодъ, затѣмъ ушло, и, такимъ образомъ, на почвѣ этого моря образовались эти наносные слои, которые составляютъ почву Россіи. Этимъ и объясняется, почему въ самой южной части этого моря мы видимъ солончаки и тонкій слой чернозема, въ южной Россіи—глубокій черноземъ, а въ средней Россіи—супесокъ и суглинокъ. Если мы обратимся къ рѣкамъ, то и здѣсь мы найдемъ нѣкоторыя особенности, какъ въ ихъ образованіи, такъ и въ ихъ теченіи и направленіи. Въ Россійской низменности мы найдемъ одинъ какъ бы общій гидрографическій узелъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ главнѣйшія ея рѣки—это Алаунская возвышенность и Валдайскія горы, откуда берутъ начало Волга, Западная Двина и Днѣпръ. Паденіе рѣчныхъ горизонтовъ оказывается незначительнымъ и этимъ объясняется огромная линія нашихъ рѣчныхъ бассейновъ и широта и разнообразіе ихъ, чего мы не встрѣчаемъ въ рѣкахъ Западной Европы. Медленно и плавно текутъ наши рѣки въ противоположность быстрымъ и бурнымъ рѣкамъ горныхъ областей Западной Европы. Рѣки—это земныя артеріи: куда онѣ текутъ, туда направляется и жизнь народнаго организма. Слѣдовательно, направленіе нашихъ рѣкъ создало и направленіе нашей исторической жизни. Древнее населеніе должно было селиться вдоль рѣкъ, этихъ единственныхъ и естественныхъ тогдашнихъ путей сообщенія.

Итакъ, изъ этой общей характеристики мы должны вывести заключеніе, что природа русской территоріи способствовала созданію здѣсь единаго государства. Но необходимо ввести существенный коррективъ въ только что сказанное. Несмотря на видимое единство природы и однообразіе поверхности, мы можемъ

подмѣтить въ русской территоріи какъ бы двѣ оригинальныя части, другъ на друга непохожія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что вся русская равнина дѣлится и въ настоящее время на двѣ полосы: на центральную полосу—лѣсовъ и на южную полосу—степей. Слѣдовательно, лѣсъ и степь это были два основанія нашей исторической жизни. Чрезвычайно важнымъ, такимъ образомъ, является вопросъ о томъ, насколько степь и русскій лѣсъ являются исконной особенностью нашей территоріи. Степь была всегда степью, и хотя имѣются многія историческія свидѣтельства о томъ, что эта степная полоса въ прежнее время имѣла все-таки кое-какіе лѣса, и лѣса въ ней было значительно больше, чѣмъ теперь, но это отнюдь не опровергаетъ общаго положенія, что въ степяхъ встрѣчался лѣсъ только въ видѣ оазисовъ, въ противуположность лѣсной полосѣ, гдѣ этотъ лѣсъ, въ настоящее время составляющій 40% территоріи, въ прежнее время, конечно, занималъ значительно большее пространство. Письменныя свидѣтельства, относящіяся къ историческому періоду, даже свидѣтельства Геродота относительно Гилеи, т.-е. лѣсной области у нынѣшняго г. Алешекъ, не опровергаютъ того вывода, что черноземъ, который, именно, характеризуетъ степную полосу, произошелъ отъ перегноя травъ, а не лѣса. Море, которое покрывало нѣкогда южную и юго-восточную Россію и берегами котораго служили Уральскія и Карпатскія горы, стало постепенно отливать, дно его обнажаться—остатками обширнаго морского бассейна признаются моря: Каспійское, Аральское, Черное и Азовское—и покрываться черноземомъ—такимъ образомъ образовалась степная полоса. Лѣсъ и степь должны были оказать и дѣйствительно оказывали совершенно различное дѣйствіе на первоначальное развитіе и складъ жизни древне-русскаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, для поселенія въ лѣсу, въ лѣсной полосѣ, необходимы были активныя усилія общинъ или обширныхъ родовъ. Первымъ поселенцамъ пришлось вести съ лѣсомъ чрезвычайно тяжелую борьбу. Имъ нужно было выкорчевывать лѣсъ, что требовало огромныхъ усилій; имъ нужно было потомъ выжигать пеньки, чтобы потомъ же эту почву разрыхлять для посѣва; для всего этого нужны были соединенныя усилія. Но зато послѣ побѣды, одержанной надъ лѣсомъ, положеніе лѣсного поселенца было прочно и твердо. Ему нечего было опасаться какихъ-нибудь нападеній, потому что лѣсъ служилъ превосходной защитой. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находился обитатель степной полосы: со всѣхъ сторонъ степь была открыта. На югъ постоянно двигалось кочевое населеніе изъ Средней Азіи, и, главное, явившись въ эту

степную полосу, оно не чувствовало почти никакой разницы по сравненію съ Азіей. Условія существованія и тамъ и здѣсь были почти совершенно одинаковы, и потому кочевники чувствовали себя и здѣсь такъ же хорошо, какъ на родинѣ. Такимъ образомъ, эта степная полоса явилась излюбленнымъ мѣстомъ для передвиженія цѣлаго ряда кочевыхъ народностей, и, конечно, осѣдлому славяно-русскому поселенцу необходимо было съ этимъ считаться. Мало того, нужно прямо сказать, что этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется характеръ первоначальной славяно-русской колонизаціи въ этихъ степныхъ полосахъ. Лѣсъ, встрѣчавшійся здѣсь изрѣдка, сослужилъ важную службу этимъ новымъ славяно-русскимъ поселенцамъ. Для перваго поселенія народовъ осѣдлыхъ, каковыми были славяне, нужно было выбирать естественно именно лѣсные оазисы; вотъ причина, почему первоначальныя славяно-русскія поселенія возникли, напримѣръ, въ Приднѣпровьѣ. Не даромъ говоритъ лѣтописецъ о Кіевѣ, что «окрестъ его—былъ боръ великій и лѣсъ». То же самое было и въ Чернигово-сѣверской землѣ.

Въ то время, какъ при колонизаціи лѣсной полосы славяно-русскимъ поселенцамъ пришлось имѣть дѣло съ финскимъ племенемъ, обыкновенно мирно уступавшимъ имъ свои поселенія и часто смѣшивавшимся съ ними, южно-русскимъ племенамъ, поселившимся въ степяхъ, пришлось считаться съ гораздо болѣе воинственными кочевниками. Поселенцы центральной и сѣверной Россіи, гдѣ жило мирное финское населеніе, безъ борьбы и усилія заняли свою территорію, а южно-русскій поселенецъ долженъ былъ вести упорную борьбу за свою землю съ кочевниками. Я сказалъ выше, что рѣки—это земныя артеріи; куда онѣ текутъ, туда направляется и жизнь. Такой артеріей для южанъ явился Днѣпръ, который связалъ ихъ съ Византіей. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличались движеніе и интересы населенія, жившаго въ Поволжьѣ, въ странѣ великихъ озеръ и въ особенности по Западной Двинѣ. Ихъ интересы тяготѣли къ морю Балтійскому при посредствѣ Западной Двины и къ морю Каспійскому при посредствѣ Волги. Условія лѣсной и степной жизни были неодинаковы. Въ то время какъ на сѣверѣ жизнь развивалась, главнымъ образомъ, въ періодъ зимній, когда открывался превосходнѣйшій «санный путь», въ противоположность этому, жизнь на югѣ, въ полосѣ степей, расцвѣтала не зимой, а весной, когда вскрывались рѣки, и когда по этимъ рѣкамъ можно было двигаться къ Черному морю. Мы имѣемъ свидѣтельство современника, императора Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что Днѣпровская Русь съ появленіемъ весны

начинала строить лодки, однодеревки, снаряжала ихъ и на нихъ отправляла по Днѣпру купеческіе караваны въ Византію. Итакъ, если мы примемъ въ соображеніе указанныя обстоятельства, то должны будемъ внести значительную поправку въ мысль объ однообразіи русской территоріи. Въ дѣйствительности уже издревле было довольно рѣзкое отличіе между южной и сѣверной Русью, между степью и лѣсомъ. Племенныя особенности двухъ главныхъ русскихъ народностей, великорусской и малорусской, нашли для себя первое основаніе въ особенностяхъ самой природы. Но этого мало. Кромѣ этого отличія сѣвера и юга, полосы лѣсовъ и степей, каждый уголокъ Россіи, каждая изъ ея областей имѣла своеобразныя особенности. Онѣ, конечно, были менѣе рѣзки, менѣе значительны, чѣмъ только что отмѣченныя, но и онѣ въ свою очередь вліяли на развитіе особенностей, свойственныхъ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ племенамъ. Что это такъ, это вполнѣ подтверждается нашей древней русской лѣтописью, которая говоритъ: «*Кождо племя имяше свой нравъ и обычай*». И, конечно, иного образа жизни требовали поля полянъ, чѣмъ болота дреговичей или озера ильменскихъ словѣнъ. Итакъ, слѣдовательно, здѣсь мы видимъ сочетаніе единства и разнообразія. Степень этого разнообразія, конечно, была неодинакова. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя другія свойства русской территоріи и ихъ вліяніе на разселеніе. Уральскій хребетъ отдѣлялъ древнюю Русь отъ Азіи, служилъ естественной границей одной отъ другой, но только въ сѣверной своей части; наоборотъ, на югѣ, тамъ, гдѣ онъ, постепенно понижаясь, переходитъ въ равнину, образуются какъ бы естественныя ворота изъ Азіи въ Европу, въ Россію и черезъ нихъ безпрепятственно проходили въ нее кочевники, находившіе здѣсь для себя удобныя мѣста жительства. Отсюда тѣсная связь Руси съ Азіей и ея народами. Русь являлась какъ бы щитомъ Европы противъ Азіи. Русская земля представляла изъ себя равнину, понижающуюся въ 4-хъ направленіяхъ къ 4-мъ русскимъ морямъ—Балтійскому, Черному (съ Азовскимъ), Каспійскому и Бѣлому. Одна только Великая Алаунская плоская возвышенность выдѣлялась на этой равнинѣ и ее отмѣтилъ уже древній лѣтописецъ подъ именемъ Оковскаго лѣса. Да въ юго-западной Руси мы видимъ отроги Урало-Карпатской холмистой гряды. Кромѣ того правые берега русскихъ рѣкъ обыкновенно возвышены по сравненію съ лѣвыми низменными. Иногда эти возвышенности переходили въ небольшія горы; таковы были Кіевскія горы на Днѣпрѣ у Кіева, Болдины на Деснѣ у Чернигова; это были очень удобныя мѣста для поселеній, потому что они имѣли естественную защиту отъ внѣш-

нихъ враговъ. Прирѣчья служили тогда главнымъ мѣстомъ первоначальныхъ поселеній нашихъ предковъ. Рѣки представляли главные пути для передвиженія населенія. Населенныя мѣстности группировались по ихъ побережьямъ. Обиліе лѣсовъ поддерживало ихъ полноводье. Онѣ были шире, глубже и удобнѣе для судоходства, чѣмъ нынѣ. Благодаря отсутствію плотинъ, гатей и мельницъ, даже маленькія рѣчки были судоходны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, совершенно нынѣ не судоходныхъ (напримѣръ, Острѣ, Трубежѣ, Снови, Оржицѣ) были найдены въ наши дни остатки большихъ якорей и судовъ, свидѣтельствующіе объ ихъ судоходствѣ въ древности. По рѣкамъ и рѣчкамъ шло и дальнѣйшее распространеніе населенія, вызываемое какъ его естественнымъ размноженіемъ, такъ и переселеніями на новыя мѣста. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ любопытнымъ обстоятельствомъ, что многія рѣки, сближающіяся между собою верховьями, носятъ одинаковыя названія, очевидно, перенесенныя переселенцами съ одной на другую: напримѣръ, Бугъ западный и восточный, двѣ Случи, двѣ Березины и т. п. Лѣсистые или болотистые волоки, т.-е. водораздѣлы—пространства между верховьями рѣкъ—оставались первоначально незанятыми и представляли изъ себя пограничье между землями, но въ то же время въ старину волоки замѣняли нынѣшніе каналы: черезъ нихъ перетаскивались легкія тогдашнія суда изъ одной рѣки въ другую. Пороги также не служили непреодолимымъ препятствіемъ для судоходства: суда спокойно переходили черезъ Днѣпровскіе пороги. Мало того, есть указанія на то, что иногда суда шли и вверхъ по Днѣпру, даже черезъ пороги; обыкновенно же ихъ перетаскивали тамъ на плечахъ. Особенно велико было значеніе Днѣпровскаго бассейна. Онъ отличался, во-1-хъ, своею обширностью—занималъ площадь въ 9.500 кв. миль и затѣмъ, во-2-хъ, связывалъ сѣверъ съ югомъ и юго-востокомъ. На побережьѣ Днѣпра находился цѣлый рядъ пристаней: Смядинъ у Смоленска, Любечъ, на устьѣ р. Почайны у Кіева, Вышгородъ, Триполье, Витичевъ, Каневъ, Хортица, Олешье и островъ св. Еѳерія (теперь Березань на Днѣпровскомъ лиманѣ). Изъ Днѣпровскихъ притоковъ особенно важное значеніе имѣли Десна съ Сеймомъ, которые связывали Днѣпръ съ притокомъ Волги—Окою и Дономъ; Припеть, связывавшая его съ Западнымъ Бугомъ; Сожь, сближавшая его съ Поволжьемъ. Волокомъ изъ верховьевъ Днѣпра можно было дойти до Ловати, по ней въ Ильменское озеро, изъ него по рѣкѣ Волхову въ Ладожское озеро, а оттуда рѣкою Невою въ Финскій заливъ и Балтійское море. Плывя же по Днѣпру внизъ, можно было рѣч-

нымъ путемъ доѣхать до Чернаго моря, а по немъ и до Царьграда. Это былъ знаменитый путь изъ «Варягъ въ Греки» [1] — изъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря въ Черное море и Византію. Варяжскій путь сближалъ славяно-русское населеніе страны Великихъ озеръ съ населеніемъ Поднѣпровья. Днѣстръ былъ судоходенъ и внизъ по теченію, и вверхъ противъ теченія. Меньшее значеніе имѣла на первыхъ порахъ Волга, ибо только верховье ея находилось въ славяно-русскихъ земляхъ; но все же Волга сближала Озерную область и Поднѣпровье съ сѣверовостокомъ, населеннымъ тогда финнами, и юго-востокомъ, населеннымъ тюркскими племенами. Изъ Руси можно было по ней пріѣхать въ землю камскихъ болгаръ (при впаденіи Камы въ Волгу) и хозаръ (на нижней Волгѣ) [2]. Важное значеніе имѣла Волга съ ея многочисленными притоками и для внутреннихъ сообщеній. Западная Двина сближала западныя славяно-русскія племена съ Балтійскимъ побережьемъ и жившими на немъ народами. По Западной Двинѣ можно было приплыть въ Варяжское (Балтійское) море. Бассейнъ Онеги, Сѣверной Двины, Мезени и Печоры носилъ названіе Заволочья, т.-е. мѣстности по ту сторону волока, которая была заселена финнами, а впослѣдствіи привлекла и русскихъ поселенцевъ. Такъ рѣки связывали тогда между собою самыя отдаленныя области и служили для передвиженія русскаго населенія, которое колонизовало ихъ бассейны.

Вопросъ о переселеніи русскихъ Славянъ съ Дуная и ихъ прародинѣ. Мы уже касались вопроса о прародинѣ славянскихъ племенъ и ихъ передвиженіяхъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ по поводу извѣстія нашей лѣтописи о переселеніи съ Дуная русскихъ славянъ. «*По мнозѣхъ же времянѣхъ* — читаемъ мы въ Лавр. Сп. Лѣт. — *сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ словѣнъ разидошася*

---

[1] Вотъ описаніе этого пути въ лѣтописи: «*Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти и по Ловоти внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево* (Ладожское; названіе его сохранилось въ имени вытекающей изъ него р. Невы) и *того озера внидеть устье въ море Варяжское* (Балтійское; здѣсь подъ устьемъ Ладожскаго озера разумѣется рѣка Нева), *а по тому можно ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море* (Черное), *въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковскаго лѣса и потечеть на полдне*»

[2] Лѣтопись говоритъ, что изъ Оковскаго же лѣса брала свое начало и Волга, текущая на (юго)востокъ и впадавшая 70 жерелъ (рукавовъ) въ море Хвалисское (Каспійское). „*Тѣмъ же*, прибавляетъ лѣтописецъ, и *изъ Руси* (желающій) *можетъ идти по Волзѣ въ Болгары и Хвалисы и на востокъ дойти въ жребій Симовъ*“.

по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Сказавъ о выселенiи съ Дуная подъ влiянiемъ насилiй волоховъ западныхъ и южныхъ славянъ, лѣтописецъ оттуда же выводитъ и русскихъ славянъ и даетъ намъ ихъ географическое распредѣленiе въ предѣлахъ Россiи. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ называетъ прародиною славянъ на Дунаѣ Иллюрикъ. Одни изслѣдователи усвояли этому извѣстiю характеръ исторической достовѣрности, опредѣляли хронологiю этого событiя и народность волоховъ и говорили о движенiи съ Дуная славянства на сѣверъ и востокъ; другiе признавали этотъ разсказъ за легенду; третьи считали его своеобразнымъ ученымъ домысломъ нашего лѣтописца. Это послѣднее мнѣнiе представляется заслуживающимъ наибольшаго вниманiя. Во всякомъ случаѣ извѣстiе лѣтописца, о которомъ онъ писалъ нѣсколько вѣковъ послѣ этого событiя, возбуждаетъ естественно у насъ полное сомнѣнiе.

Но въ русской исторической наукѣ авторитетными ея представителями поддерживается близкое къ этому извѣстiю мнѣнiе о томъ, что главнымъ гнѣздомъ славянщины была Прикарпатская область. Родоначальникомъ этого мнѣнiя является Надеждинъ, а высказалъ онъ его въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ «Опытъ исторической географiи русскаго мiра». При разрѣшенiи даннаго вопроса имъ въ основанiе была положена *географическая номенклатура*, умѣло и остроумно объясненная, главнымъ образомъ, въ видѣ хорографическихъ данныхъ. Въ бассейнѣ Волги, Сѣв. Двины и Озерной онъ не находитъ въ названiяхъ и тѣни русскихъ славянскихъ звуковъ, въ области Западной Двины они уже впервые встрѣчаются, а въ бассейнѣ Нѣмана гидрографическiя названiя звучатъ чисто по-славянски. Область Карпатскихъ горъ является центромъ этихъ славянскихъ наименованiй, а, слѣдовательно, и центромъ заселенiя, гнѣздомъ славянскаго племени. Такими же являются бассейны Днѣстра, верховьевъ южнаго Буга, праваго берега Припяти и праваго берега Днѣпра; на лѣвомъ же берегу его встрѣчаются названiя, напоминающiя сѣверо-восточныя, не славянскiя (а финско-тюркскiя). Такимъ образомъ, приливъ славянскихъ звуковъ идетъ съ запада, а къ востоку онъ постепенно рѣдѣетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ; центромъ ихъ оказывается нынѣшняя наша юго-западная окраина—Подольская и Волынская губернiи, Авратынскiй хребетъ. Этимъ какъ бы устанавливается движенiе славяно-русскаго разселенiя съ запада на востокъ и сѣверъ. Фактъ, подмѣченный Надеждинымъ, заслуживаетъ полнаго вниманiя и съ выставленной имъ гипотезой нужно считаться. Мнѣнiе Надеждина усвоено было и развито Барсовымъ, проф.

Филевичемъ, проф. Д. Я. Самоквасовымъ и проф. В. О. Ключевскимъ. М. С. Грушевскій опровергаетъ мысль о Карпатской прародинѣ славянства, хотя замѣчаетъ при этомъ, что нѣтъ основаній и къ исключенію Прикарпатья изъ состава славянской прародины, такъ же точно, какъ въ нее входитъ по этой теоріи и Поднѣпровье. Нидерле рѣшительно опровергаетъ нижне-дунайскую прародину славянства и признаетъ только закарпатскую. «Нужно видѣть доисторическую колыбель славянъ,—говоритъ онъ,—до ихъ раздѣленія въ краѣ отъ средней Вислы на востокъ къ Днѣпру и къ бассейну Десны и отъ цѣпи Карпатскихъ горъ на сѣверъ почти до Могилева; возможно однако же, что первоначальная область не заходила такъ далеко». «Итакъ, славяне,—продолжаетъ онъ далѣе,—первоначально жили въ предѣлахъ нынѣшнихъ Польши и Россіи приблизительно въ Царствѣ Польскомъ кромѣ его сѣверныхъ губерній, въ южной части Гродненской, Минской и, вѣроятно, Могилевской губ., въ Черниговской губ., въ Волынской, Кіевской и Подольской губ., а также въ австрійскихъ Галичинѣ и Буковинѣ». Совокупность данныхъ, а особенно географическая номенклатура привела проф. А. Л. Погодина къ убѣжденію въ необходимости видѣть славянскую прародину также не въ Венгріи и не около Дуная, а на сѣверѣ отъ Карпатъ, на востокъ къ Днѣпру, въ Кіевщинѣ, Подоліи, Волыни, Галиціи и Польшѣ; Карпаты представляли западную границу славянскаго міра. Мы не стоимъ за Дунайскую прародину славянъ и за Прикарпатье, какъ исключительную колыбель русскаго славянства: признаемъ его западнымъ пограничьемъ, а не центромъ. Полагаемъ также, что Надеждинъ правильно отмѣтилъ другія гнѣзда восточнаго славянства и что разселеніе его въ предѣлахъ сѣв. восточной Россіи все же шло съ запада на востокъ и сѣверъ и что Волынь, Подолія и Кіевщина были самыми пригодными для осѣдлаго поселенія мѣстностями. Только къ первоначальной прародинѣ славянства нужно еще присоединить и Привислинскій край—Польшу.

Разселеніе русскихъ славянъ. Лѣтопись говоритъ о поселеніяхъ славяно-русскихъ племенъ на ихъ мѣстахъ не одинъ, а нѣсколько разъ, пополняя всякій разъ свой первоначальный перечень. Спрашивается, можно ли, основываясь на этомъ, думать что, именно, въ такомъ порядкѣ происходило и самое разселеніе славяно-русскихъ племенъ по русской территоріи. Мы полагаемъ, что разселеніе русскихъ племенъ по русской территоріи находилось въ связи съ географическими и естественными условіями занятыхъ ими мѣстностей. Прежде всего естественно было занять западныя области, а потомъ уже и болѣе

отдаленныя сѣверо-восточныя, тѣмъ болѣе что тѣ области, которыя были ближе, отличались и лучшей почвой и болѣе мягкимъ климатомъ, а тѣ, которыя были дальше, отличались худшимъ климатомъ и худшей почвой. Первоначальное поселеніе славяно-русскихъ племенъ на русской территоріи относится не къ половинѣ IX столѣтія, а къ гораздо болѣе раннему времени; оно, безъ сомнѣнія, происходило на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, отъ 7-го до 9-го вѣка и стоитъ въ связи съ дифференцированіемъ единаго славянскаго племени. Это дифференцированіе заключалось въ томъ, что нѣкогда единое славянское племя распалось на славянъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, а затѣмъ вся послѣдующая исторія этихъ славянскихъ племенъ заключается въ томъ, что этотъ процессъ дифференціаціи продолжался и далѣе. Среди восточныхъ славянъ въ свою очередь происходитъ процессъ дифференціаціи и является цѣлый рядъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, и такимъ образомъ происходитъ заселеніе русской территоріи. Итакъ, разселеніе славянъ по русской территоріи произошло неодновременно; они разселялись въ различные моменты; и понятное дѣло, что этотъ процессъ потребовалъ значительнаго промежутка времени. Объ этой первой порѣ въ исторіи славяно-руссовъ, объ ихъ племенномъ бытѣ мы знаемъ очень мало, но несомнѣнно, что совершались какіе-то длительные процессы, прежде чѣмъ произошло объединеніе славяно-русскихъ племенъ въ одно Кіевское государство.

Географическое распредѣленіе русскихъ славянъ на ихъ территоріи. Русскіе славяне въ IX—XI в. заселили часть территоріи нынѣшней Европейской Россіи. Они дѣлились на 13 отдѣльныхъ племенъ, изъ коихъ каждое занимало опредѣленную область, имѣло свое названіе и представляло изъ себя географическую единицу. Опредѣлить въ точности мѣстожительство каждаго изъ нихъ невозможно, во 1-хъ, потому что лѣтопись (нашъ основной источникъ) не даетъ намъ точныхъ указаній въ этомъ отношеніи, а во 2-хъ и потому еще, что предѣлы областей не оставались неизмѣнными. Вотъ почему поневолѣ приходится пользоваться болѣе поздними данными и даже современною географической номенклатурой, а равно прибѣгать къ гипотезамъ — такъ именно поступаетъ авторъ превосходнаго спеціальнаго изслѣдованія о географіи начальной лѣтописи проф. Н. П. Барсовъ. Особенно трудно, даже прямо нужно сказать невозможно, опредѣлять границы племенъ. Вотъ почему нельзя составить такой карты разселенія русскихъ славянъ, въ которой были бы обозначены границы

занятыхъ ими территорій. Самъ лѣтописецъ придаетъ важное значеніе географическому моменту. *«Разъидошася по землѣ»*, говоритъ онъ, *«и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»*. И, дѣйствительно, имена четырехъ изъ этихъ племенъ онъ объясняетъ топически въ связи съ характеромъ занятой ими мѣстности: поляне—*«зане въ полѣ сѣдяху»*, древляне — *«зане сѣдоша въ лѣсѣхъ»*, бужане — *зане сѣдоша по Бугу»*, полочане — *«рѣчки ради Полоты»*. Но ни одинъ бассейнъ р. Полоты служилъ имъ мѣстомъ поселенія. Вообще разселеніе шло по важнѣйшимъ русскимъ рѣкамъ, въ бассейнахъ которыхъ, какъ увидимъ, и сосредоточивалось славянорусское населеніе.

Начнемъ свой обзоръ съ югозападныхъ славянорусскихъ племенъ, которыя представляли изъ себя одно изъ наиболѣе древнихъ гнѣздъ восточнаго славянства. На крайнемъ югозападномъ рубежѣ обитали *«улучи, тиверци, дулѣбы* и *хорваты»*. Дулѣбы, говоритъ лѣтописецъ, *«живяху по Бугу, гдѣ нынѣ волыняне, а улучи и тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху по Днѣстру, оли до моря и суть гради ихъ и до сего дне да то зваху отъ Грекъ Великая Скуфь»*. Итакъ, поселенія дулѣбовъ, получившихъ названіе волынянъ и положившихъ, какъ видимъ отсюда, основаніе Волынской землѣ, были расположены въ бассейнѣ Буга; но спрашивается — какого Буга: южнаго или западнаго? Барсовъ предполагаетъ, что ими были заняты верховья того и другого, ибо нижнее теченіе обоихъ было занято другими вѣтвями восточнаго славянства, но вѣрнѣе, что рѣчь идетъ о западномъ Бугѣ. Лѣтописецъ усвояетъ племени дулѣбовъ еще и третье названіе бужанъ; *«бужане— зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне»*. Наиболѣе древнимъ изъ этихъ названій слѣдуетъ признать дулѣбовъ, ибо къ нимъ лѣтописецъ пріурочиваетъ преданіе о насиліяхъ обровъ, т.-е. аваровъ, а эти послѣдніе обитали здѣсь при имп. Ираклiѣ, котораго они едва было не захватили въ плѣнъ. *«Сиже обри воеваху на словѣнѣхъ и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше обрину, не дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повезти обрѣна и тако мучаху дулѣбы. Быша бо обры тѣломъ велици и умомъ горди и Богъ потреби я и помроша вси и неостася единъ обринъ и есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки обрѣ; ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка»*. Еще въ эпоху Олега господствовало это старинное названіе: въ перечнѣ племенъ, ходившихъ съ Олегомъ подъ Царьградъ въ 907 г., фигурируютъ *дулѣбы*, а не бужане

и не волыняне. Новыя названія ставятъ въ связь съ тѣми внутренними измѣненіями въ жизни этого племени, которыя выразились въ усиленіи значенія городовъ — Бужска и Волыни. Имя г. Бужска мы встрѣчаемъ въ Волынской землѣ впервые подъ 1097 г., а г. Волыни на р. Бугѣ подъ 1018 годомъ. Вѣроятно, до усиленія Владиміра Волынскаго онъ игралъ роль городского центра у волынянъ; Владиміръ же намъ дѣлается извѣстенъ въ концѣ X вѣка. Арабскій писатель X вѣка Масуди упоминаетъ о племени Валинана, — но можетъ ли оно быть пріурочено къ нашимъ волынянамъ?

Большимъ географическимъ пертурбаціямъ подверглась территорія улучей и тиверцевъ, ближайшихъ сосѣдей дулѣбовъ. Ихъ поселенія занимали огромную территорію по Днѣстру, доходя съ одной стороны на югѣ до моря, а на юго-западѣ до нижняго Дуная. Поселенія ихъ были, какъ мы видимъ со словъ лѣтописца, очень многочисленны, а усвояемое имъ отъ грековъ общее названіе великая Скуфь, напоминающее старую Скиѳію, свидѣтельствуетъ объ особой ихъ древности. Въ пользу ея говоритъ и существованіе у нихъ до временъ лѣтописца многихъ городовъ. Процессъ развитія городской жизни наступилъ у нихъ ранѣе, чѣмъ у остальныхъ племенъ. Въ одной изъ позднѣйшихъ лѣтописей (Никоновской) имѣется, къ сожалѣнію, испорченный текстъ, гласящій: «*и бѣша сѣдяще угличи по Днѣпру внизъ и по семъ придоша межи воинъ дестръ и сѣдоша тамо*». Акад. А. Ѳ. Бычковъ указалъ на варіантъ въ Новгор. лѣт., поясняющій это испорченное мѣсто—«*межи Богъ и Днѣстръ*»; т.-е., что они ранѣе жили по нижнему Днѣпру, а потомъ подвинулись на западъ и поселились между Бугомъ и Днѣстромъ и по Днѣстру, приблизившись такимъ образомъ къ тиверцамъ. Многочисленные варіанты ихъ имени (улучи, уличи, улицы, угличи, улутичи, лютичи, лутичи, лучане) сводятся, повидимому, всѣ къ одному основному, но не къ угличи (отъ слова уголь), а уличи-ульцы. Географическое положеніе первоначально занятой ими степной мѣстности сдѣлалось съ появленіемъ кочевниковъ настолько неспокойно, что они вынуждены были искать болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія на сѣверѣ и западѣ. Уличи и тиверцы находились въ ближайшемъ родствѣ другъ съ другомъ и впослѣдствіи вмѣстѣ съ хорватами образовали Галицкую землю. Къ сожалѣнію лѣтопись не даетъ намъ свѣдѣній о территоріи, занятой хорватами и даже объ этомъ племени упоминаетъ настолько случайно, что является вопросъ о его принадлежности къ группѣ русско-славянскихъ племенъ. Они, однако упоминаются въ перечнѣ русскославянскихъ племенъ упомина-

ются и въ перечнѣ племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ 907 году подъ Царьградъ — что очень важно. Барсовъ, основываясь на географической номенклатурѣ, пріурочиваетъ ихъ поселенія къ склонамъ Карпатъ и къ верхнему Поднѣстровью, но М. С. Грушевскій опровергаетъ доводы Н. П. Барсова.

Юго-западное побережье Днѣпра занимали три племени: *поляне, древляне и дреговичи*. Поляне первыми поставлены въ перечняхъ славяно-русскихъ племенъ. Мѣстожительство ихъ показано: бассейнъ Днѣпра — «*Сѣдоша по Днѣпру и нарѣкошася поляне*». Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, что они занимали среднее Поднѣпровье и притомъ только правый берегъ Днѣпра, который отдѣлялъ ихъ отъ обитавшихъ на лѣвомъ берегу сѣверянъ. Южная боевая граница ихъ, первоначально, вѣроятно, простиралась до начала днѣпровскихъ пороговъ, ибо послѣдніе носили и славянскія названія, а центральный городъ ихъ Кіевъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ и держалъ въ своихъ рукахъ знаменитый путь изъ Варягъ въ Греки, въ составъ котораго входили и пороги. Изъ всѣхъ городовъ лѣтопись останавливается только на происхожденіи и первоначальной судьбѣ полянскаго центра—Кіева. Его возникновеніе и будущую славу, какъ колыбель христіанства, онъ ставитъ въ связь съ легендарнымъ путешествіемъ по Днѣпру апостола Андрея. Съ полянами онъ связываетъ свое описаніе пути изъ варягъ въ греки, которымъ шествовалъ и апостолъ. О началѣ и происхожденіи города онъ передаетъ два ходившихъ въ его время разсказа — отвергаетъ одинъ изъ нихъ — о Кіѣ — перевозчикѣ черезъ Днѣпръ — и доказываетъ достовѣрность другого — о князѣ Кіѣ и его братьяхъ Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, связывая съ именемъ этого князя городище (т.-е. оставленный городокъ) Кіевецъ на Дунаѣ. Имена этихъ трехъ братьевъ и сестры ихъ топическія, т.-е. они связаны съ кіевскими урочищами. Интересно въ этомъ преданіи первоначальное поселеніе братьевъ съ ихъ родами на 3 горахъ кіевскихъ. Интересно указаніе лѣтописи, что «*бяше* (тогда) *около града лѣсъ и боръ великъ* и *братья родами бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, отъ нихъ же суть поляне въ Кіевѣ и до сего дне*». Это свидѣтельство о лѣсѣ, среди котораго жили поляне, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ указаніе его на поля, отъ которыхъ будто бы получили свое названіе поляне. Подъ полемъ лѣтописецъ, какъ это видно изъ извѣстія его подъ 968 г. о побѣдѣ надъ печенѣгами, разумѣетъ степь, куда прогнаны были печенѣги. Впрочемъ такое противорѣчіе въ свидѣтельствѣ объясняется, быть-можетъ, тѣмъ, что поляне въ болѣе древнее время

жили южнѣе по Днѣпру, а затѣмъ подъ давленіемъ кочевниковъ должны были подвинуться къ сѣверу подъ защиту Кіева, окруженнаго лѣсами. Южная граница полянской территоріи подвинулась сначала къ Роси, а потомъ даже и къ Стугнѣ. На долю полянъ выпала роль объединителей Руси и создателей Кіевскаго государства.

Сосѣдями полянъ были древляне, названные такъ потому, что жили въ лѣсной сторонѣ и были обитателями Полѣсья; въ силу этого и земля ихъ называлась Деревскою отъ слова дерево, лѣсъ. И теперь Полѣсье занимаетъ сѣверную часть Кіевской губ. —тамъ и помѣщалось древлянское племя, имѣвшее своими городскими центрами *Искоростень* и *Овручъ*, въ бассейнѣ р. Припети (ея притока Уши). На югѣ оно соприкасалось съ полянами.

За ними идутъ дреговичи, которые сидѣли «межю Припетью и Двиною». Въ дѣйствительности, повидимому, ихъ поселенія не занимали всего пространства, обозначеннаго лѣтописью; имъ не принадлежали ни бассейнъ Нѣмана, ни бассейнъ Березины, ибо въ одномъ жила литва, а въ другомъ—кривичи.

На востокъ отъ Днѣпра обитали *сѣверяне, радимичи* и *вятичи*. О сѣверянахъ лѣтописецъ говоритъ: «*а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарѣкошася сѣверъ*». Слѣдовательно, они обитали въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской и сѣверной части Полтавской губ. Главными городами здѣсь были Черниговъ и Переяславъ, географическое положеніе которыхъ хотя и было менѣе удобно, чѣмъ Кіева, стоявшаго на самомъ Днѣпрѣ, но все же вводило и ихъ въ круговоротъ тогдашней жизни и торговаго обмѣна. Область сѣверянъ граничила непосредственно съ полянской территоріей: раздѣлялъ и въ то же время соединялъ ихъ Днѣпръ, на которомъ было нѣсколько переправъ. Можно считать вѣроятнымъ, что и сѣверянскія поселенія, подобно полянскимъ, первоначально далеко простирались къ югу, тяготѣя притомъ, въ силу географическихъ условій мѣстности, болѣе къ Азовскому, чѣмъ къ Черноморскому побережью. На Азовскомъ побережьѣ находился и знаменитый русскій городъ Тмутаракань, который топографически скорѣе всего могъ явиться колоніей сѣверянъ, и въ которомъ управляли представители княжеской — Чернигово-сѣверской вѣтви (Мстиславъ Черниговскій—братъ Ярослава Мудраго и Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго). Не даромъ и герой «Слова о полку Игоревѣ», сѣверскій князь Игорь, собирался «*поискати града Тмутараканя*». Не даромъ арабскіе писатели сообщаютъ намъ свѣдѣнія о славянскомъ населеніи Придонья и Хозаріи: очевидно, подъ защитою Хозаріи

сѣверянская колонизація распространилась далеко на югъ и юго-востокъ. А затѣмъ, съ появленіемъ въ степяхъ новыхъ кочевыхъ ордъ, и сѣверянское населеніе, подобно полянскому, должно было передъ ними отступать къ сѣверу.

Радимичей лѣтопись сближаетъ съ вятичами и приписываетъ и тѣмъ и другимъ происхожденіе отъ поляковъ: *Радими бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко и пришедша сѣдоста Радимъ на Сожю, (и) прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи*". Повидимому и на этотъ разсказъ нужно смотрѣть, какъ на своеобразный ученый домыселъ лѣтописца, связанный съ его дунайской теоріей происхожденія всѣхъ славянъ. Можно предполагать, что радимичи и вятичи заняли свои поселенія позже другихъ славяно-русскихъ племенъ: это доказывается тѣмъ, что во, 1-хъ, они заняли наиболѣе удаленныя отъ прародины восточныя мѣстности, а, во 2-хъ, и тѣмъ, что только о нихъ однихъ, какъ о болѣе позднихъ переселенцахъ, дошло до лѣтописца какое-то темное преданіе въ связи съ ихъ поселеніемъ на новыхъ мѣстахъ. Преданіе заключалось въ томъ, что они пришли не съ Дуная, какъ остальные, а изъ края, близкаго къ привислинскому; отсюда и возникла мысль о выходѣ ихъ изъ ляховъ. Здѣсь мы высказываемъ мысль, близкую къ мнѣнію А. А. Шахматова, который формулируетъ ее такъ: «правда этого лѣтописнаго преданія состояла не въ происхожденіи радимичей и вятичей отъ польскаго племени, а въ томъ, что нѣкогда они сидѣли западнѣе того, гдѣ застаетъ ихъ исторія и притомъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ ляхами (отсюда появленіе въ ихъ говорѣ общихъ, съ польскими говорами чертъ, — дзеканья и цеканья)». Извѣстно, что лѣтописецъ червенскіе города въ силу географической близости ихъ къ Польшѣ пріурочивалъ къ этой послѣдней, а между тѣмъ въ населеніи ихъ не было никакихъ польскихъ этнографическихъ элементовъ. Не замѣчамъ мы такихъ польскихъ элементовъ и у радимичей и вятичей. Мало того: между радимичами и вятичами въ этнографическомъ отношеніи была существенная разница: въ то время какъ первые послужили основою для образованія бѣлорусской народности, вторые вошли въ составъ великорусской народности, которая, какъ извѣстно, отстоитъ дальше отъ польскаго этнографическаго типа и языка, чѣмъ народность малорусская и бѣлорусская. Извѣстіе лѣтописца о родоначальникахъ радимичей и вятичей— Радимѣ и Вяткѣ такого же искуственнаго сочиненнаго характера, какъ и его разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Въ пользу болѣе поздняго поселенія радимичей и вятичей свидѣтельствуетъ и

фактъ сравнительно слабаго политическаго развитія ихъ и отсутствіе у нихъ въ первое время городовъ и долгое сохраненіе у вятичей туземныхъ князей. Впрочемъ, между радимичами и вятичами была разница въ томъ отношеніи, что первые, какъ увидимъ далѣе, совершенно не отстаивали своей земельной самобытности, а вторые, наоборотъ, стояли за нее сравнительно сильно. Какъ бы то ни было, идея политическаго объединенія зародилась не у этихъ племенъ, а у южнаго племени сѣверянъ, которые ввели въ составъ образованной ими Черниговo-сѣверской земли и территорію радимичей, и территорію вятичей, хотя эта послѣдняя имѣла предѣлы, превышавшіе размѣры чисто сѣверянской области. Вятичи, живя по р. Окѣ, занимали не все теченіе этой рѣки, а главнымъ образомъ ея верховья, но они постоянно расширяли свою территорію путемъ колонизаціи и даже, повидимому, многія первоначальныя ихъ поселенія осѣли на инородческой финской почвѣ. Они приняли нѣкоторое участіе и въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли, но, главнымъ образомъ, имъ нужно приписать колонизацію Муромо-Рязанскаго княжества, ибо и оно, подобно землѣ вятичей, въ первое время входило въ составъ Черниговo-сѣверскихъ земель.

Сѣверо-западную часть русской территоріи занимали *кривичи* со своею отраслью *полочанъ* и *новгородскіе славяне*. Мѣстожительство этихъ племенъ лѣтописецъ опредѣляетъ такъ: «*кривичи иже сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихъ же градъ есть Смоленьскъ; тудѣ бо сѣдятъ кривичи*», «*инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане*». Ихъ поселенія занимали очень большое пространство, ибо на югъ и востокъ должны были доходить до дреговическихъ, древлянскихъ, радимическихъ и сѣверянскихъ рубежей, на сѣверъ до новгородскихъ, а на сѣверо-востокъ теряться въ Поволжьѣ. Они приняли самое живое участіе въ древне-русской колонизаціи и явились главною основою въ образованіи Ростово-суздальской земли и созданіи великорусской народности; имъ, слѣдовательно, какъ въ началѣ заселенія, такъ и въ первые вѣка русской исторіи (IX—XI) приходилось имѣть дѣло съ инородческимъ населеніемъ сѣверо-восточной Руси — чудскими и литовскими племенами. — Центромъ собственно кривичей былъ г. Смоленскъ, а полочанъ — Полоцкъ. Эти города сдѣлались центрами рано образовавшихся здѣсь княжествъ — Смоленскаго и Полоцкаго. Наконецъ, послѣднимъ племенемъ были новгородскіе—ильменскіе славяне, удержавшіе въ качествѣ племеннаго родовое названіе Словѣни. «*Словѣни же*, —говоритъ лѣтописецъ,—*сѣдоша около езера*

Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ». Географическая номенклатура озерной области свидѣтельствуетъ о томъ, что автохтонами этого края были чудскія племена, а вѣтвь восточнаго славянства водворилась здѣсь путемъ колонизаціи, которую настойчиво и безустанно развивала и послѣ поселенія, широко раздвигая такимъ образомъ границы области, въ особенности въ сѣверо-восточномъ направленіи. Можно предполагать, впрочемъ, что ильменскіе славяне принимали участіе и въ колонизаціи Поволжья — въ образованіи здѣсь г. Ростова. Въ области Веси былъ г. Бѣлоозеро, представлявшій, повидимому, новгородскую колонію. Центромъ всей земли былъ Новгородъ, которому лѣтопись приписываетъ рѣшающую роль въ образованіи русскаго государства, въ призваніи варяговъ, совмѣстно съ сосѣдними кривичами и чудскими племенами. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ спискамъ Рюрикъ поселился не въ Новгородѣ, а Ладогѣ, которая, быть-можетъ, имѣла центральное значеніе до постройки Новгорода (теперь производятся раскопки на мѣстѣ старой Ладоги). Н. И. Костомаровъ видѣлъ въ ильменскихъ славянахъ колонію изъ южной Руси, основываясь между прочимъ и на лингвистическихъ данныхъ. Но эта мысль нынѣ опровергнута и, наоборотъ, устанавливается близость по языку новгородцевъ къ кривичамъ. Лѣтописецъ готовъ считать кривичей за отрасль полочанъ, но въ дѣйствительности было, повидимому, наоборотъ.

Въ высшей степени важна и интересна попытка акад. А. А. Шахматова связать вопросъ о племенномъ дѣленіи восточнаго славянства съ вопросомъ о происхожденіи трехъ русскихъ народностей, изъ нихъ образовавшихся (великорусской, малорусской и бѣлорусской) и современныхъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка. Крайне полезно и даже необходимо координировать выводы въ этихъ вопросахъ историковъ русскаго языка — лингвистовъ и русскихъ историковъ. Я въ общемъ согласенъ со схемою трехъ группъ древне-русскихъ племенъ, предложенной А. А. Шахматовымъ, — сѣвернорусской, среднерусской и южнорусской, но меня не убѣждаютъ доказательства его въ пользу отнесенія сѣверянъ къ среднерусской группѣ—мнѣ кажется, что что ихъ нужно отнести къ южнорусской группѣ; не склонны мы также отдѣлять волынянъ отъ дулѣбовъ, какъ дѣлаетъ это уважаемый академикъ. Такимъ образомъ, мы въ группу южнорусскую зачисляемъ — полянъ, сѣверянъ, дулѣбовъ (они же бужане и волыняне), древлянъ, уличей, тиверцевъ и хорватовъ, въ средне-русскую — дреговичей, радимичей и вятичей; сѣвернорусскую—кривичей съ полочанами и новгородцевъ.

Таково было географическое распредѣленіе русскаго славянства на зарѣ нашей исторіи. При взглядѣ на географическую карту легко замѣтить, что въ составъ древней Руси входила только часть Европейской Россіи — ея нынѣшнія центральныя великорусскія губерніи въ бассейнѣ р. Оки, а, главнымъ образомъ, область верхняго и средняго Днѣпра съ его притоками, части бассейна Днѣстра и Буга, часть бассейна западной Двины и Озерная область. Это были гнѣзда русскихъ славянъ. Въ совокупности своей они занимали, вѣроятно, не болѣе $1/3$ нынѣшней Европейской Россіи. Но при этомъ въ составъ Руси входила небольшая область, нынѣ ей непринадлежащая (Австрійская Галиція). Не принадлежало намъ ни Каспійское, ни Балтійское, ни Бѣлое море и только на Черномъ морѣ, называвшемся Русскимъ, и на Азовскомъ были кое-какіе *русскіе* города, скоро, впрочемъ, утраченные. Нижнее и среднее теченіе Волги также находились внѣ предѣловъ Русской земли. Но русскія поселенія умножались постоянно путемъ колонизаціи.

Колонизація русско-славянскихъ племенъ — явленіе старое и исконное. Она представляетъ одну изъ типичнѣйшихъ особенностей нашей исторіи. Характеръ ея опредѣлялся, главнымъ образомъ, мѣстными условіями, а въ числѣ ихъ едва ли не главную роль играла природа страны. Кромѣ того, важное значеніе имѣли также тѣ народы, на территорію которыхъ переселялись русскіе славяне. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ существовала извѣстная разница между сѣверомъ и югомъ Россіи. Сѣверно-русскому населенію приходилось имѣть дѣло съ лѣсомъ и финнами, южно-русскому—со степью и кочевниками. Сѣверно-русское блистательно выполнило свою задачу; его поступательное колонизаціонное движеніе на востокъ имѣетъ всеміpно-историческое значеніе. Безъ особенной борьбы и жестокости, характеризующихъ собою колонизацію нѣмецкихъ племенъ въ славянскихъ областяхъ, кривичи и новгородцы претворили мало-по-малу финское населеніе въ русское и образовали здѣсь нѣсколько русскихъ княжествъ. Но и побѣжденные финны оставили послѣ себя нѣкоторое наслѣдство и оно живетъ до сихъ поръ въ типѣ русскаго населенія Поволжья и другихъ мѣстахъ. Южно-русскія племена (поляне, сѣверяне и т. д.) очутились въ иномъ положеніи. Они дальше держались отъ своихъ сосѣдей—степняковъ, чѣмъ кривичи отъ финновъ. Кривичи селились среди финновъ, а поляне, сѣверяне и друг. только граничили съ печенѣгами, черными клобуками и половцами. Финны безъ борьбы уступили кривичамъ свои владѣнія, а южно-русскіе кочевники находились въ постоянной враждѣ

съ Кіевскимъ и Черниговскимъ княжествами. Но было бы ошибочно думать, что южно-русскія племена не подвергались вліянію тюркскаго элемента. Такое вліяніе несомнѣнно было, потому что кромѣ воинственныхъ черныхъ клобуковъ мы встрѣчаемъ и мирныхъ представителей этого племени, охранявшихъ даже предѣлы южной Руси отъ своихъ болѣе дикихъ сородичей и входившихъ въ мирныя связи съ южно-русскимъ населеніемъ. Да и вообще трудно допустить существованіе какой бы то ни было народности въ ея чистомъ видѣ безъ посторонней примѣси. Такимъ образомъ на долю сѣверо-восточной Руси выпала нетрудная побѣда надъ финнами, а на долю южной—упорная борьба съ тюрками, въ которой они должны были играть роль задерживающей напоръ воды плотины.

6-я глава. Бытъ русскихъ языческихъ славянъ.

Религія. Погребальные обряды. Культурное состояніе славяно-русскихъ племенъ по курганнымъ раскопкамъ. Семейный ихъ бытъ. Вопросъ объ общественномъ бытѣ.

Литература вопроса. Источниками для характеристики быта русскихъ славянъ являются —древняя русская лѣтопись, сказанія арабскихъ писателей (напр., Ибнъ-Фацлана и др.), въ изданіи *Гаркави* (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПБ. 1870), *Хвольсона.* Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ Даста, СПБ., 1869. *Куника и бар. Розена.* Изв. Ал. Бекри и другихъ авторовъ. О Руси и славянахъ, вып. I-й, Петерб.: 1878, часть 2-я, СПБ., 1903 г.; археологическія данныя въ видѣ вещественныхъ памятниковъ и дневниковъ раскопокъ на территоріи отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ. Пособія: *С. М. Соловьевъ.* Бытъ древней Руси (Арх.-ист.-юрид. свѣд. Калачова и въ 1-мъ томѣ его «Исторіи Россіи»); *И. И. Срезневскій.* О святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ славянъ; *Н. И. Костомаровъ.* Славянская миѳологія; К. 1847, СПБ., 1903; *Аѳанасьевъ.* Поэт. воззрѣнія славянъ на природу; *Фаминцынъ.* Божества древнихъ славянъ. Вып. I-й, СПБ., 1874. *А. А. Котляревскій.* О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868; *Д. Я. Самоквасовъ.* Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи (Труды 3-го Археологич. съѣзда въ Кіевѣ); *Его же.* Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М. 1908; *А. А. Спицынъ.* Разселеніе русскихъ славянъ по археологическимъ даннымъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899, августъ, стр. 301—340), *его же.* Владимірскіе курганы (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 15-й, стр. 84—172); *Д. Н. Анучинъ.* Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда (Древности, т. XIV); *В. Б. Антоновичъ.* Древности Юго-Зап. края. Раскопки въ странѣ древлянъ (Изд. Имп. Арх. Ком.). *Его же;* Погреб. типъ могилъ радимичей (Труды IX Арх. съѣзда); *Его же.* О погребальныхъ обычаяхъ древлянъ и тиверцевъ (Труды X Археол. съѣзда). *Б. И. Ханенко.* Древности Приднѣпровья, V; *В. Б. Антоновичъ.* Черты быта славянъ по курганнымъ раскопкамъ (Предисловіе къ 5-му вып. „Древностей Приднѣпровья"); *Эверсъ.* Древнее русское право въ историческомъ его раскрытіи (переводъ Платонова); *К. Д. Кавелинъ.* Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси. (Сочиненія, т. 1-й); *О. И. Леонтовичъ.* Задружно-общ. характеръ политическаго

быта древней Россіи (Ж. Мин. Нар. Пр. 1874, іюнь, іюль, августъ); *К. Аксаковъ.* О древнемъ бытѣ славянъ (Собраніе сочиненій, т. 1-й); *Никитскій.* Теорія родового быта; *И. Е. Забѣлинъ.* Исторія русской жизни, т. 1-й; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, т. 1-й; *Д. Я. Самоквасовъ.* Исторія русскаго права; *В. О. Ключевскій.* Русская исторія, т. 1-й; *Е. Н. Мельникъ.* Раскопки въ землѣ лучанъ (Тр. XI Археол. съѣзда); Древности сѣверо-зап. края. Люцинскій могильникъ. (Мат. по археол. Россіи, изд. И. Арх. Ком. № 14); *Бранденбургъ.* О признакахъ курганныхъ могилъ языч. слав. въ сѣв. полосѣ Россіи (Труды 7-го Археол. съѣзда); *его же.* Курганы южнаго Приладожья (Изд. Археол. Ком. 1895); *Сизовъ.* Курганы Смоленской губ. (Изд. Имп. Археол. Ком.); *Ястребовъ.* Лядинскій и Темниковскій могильникъ Тамб. губ. (Изд. Имп. Археол. Ком.); *В. З. Завитневичъ.* Изъ археол. экскурсіи въ Припетское Полѣсье. (Чтенія въ общ. Нестора лѣт., кн. 4-я). *Его же;* Вторая археол. экск. въ Припетское Полѣсье (Ibidem, кн. VI).

Религія. Переходимъ теперь къ характеристикѣ языческаго быта славяно-русскихъ племенъ и начнемъ свой обзоръ съ ихъ религіозныхъ воззрѣній. Русскіе славяне должны были пережить такія же стадіи религіознаго міросозерцанія, какъ и другіе родственные имъ народы, но славяно-русское язычество не получило выдающагося развитія; оно было прервано принятіемъ христіанства; и все-таки въ немъ было нѣсколько наслоеній. Въ первое время природа представлялась русскому славянину единой и нераздѣльной, онъ еще не могъ выдѣлить изъ нея отдѣльныхъ силъ и явленій. Въ дальнѣйшемъ развитіи славяно-русское язычество не дошло даже до ярко выраженнаго антропоморфизма. Нашъ Олимпъ бѣденъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Сохранился, правда, цѣлый рядъ названій для славяно-русскихъ божествъ (Перунъ, Дажбогъ, Велесъ, Мокошь, Стрибогъ, и т. д.). Но эти божества не выступаютъ передъ нами съ ярко-опредѣленными своими функціями. Также неопредѣленны и ихъ семейныя отношенія. Несомнѣнно, что языческая религія славяно-руссовъ должна была находиться въ соотвѣтствіи съ ихъ общественной организаціей. Такимъ образомъ, если славяно-руссы жили когда-либо въ родовомъ быту, то они должны были имѣть и родовую демонологію. И, дѣйствительно, мы находимъ указанія на два божества славяно-русской миѳологіи, которыя должны были бы имѣть, казалось, прямое отношеніе къ ихъ родовому быту—это, именно, Родъ и Рожаница. Вотъ свидѣтельства о нихъ памятниковъ. Въ паисіевскомъ сборникѣ сказано: «*извыкоша елени класти требы артемиду и артемидѣ, рекше Роду и Рожаницѣ*». Въ азбуковникахъ говорится: «*рожаницами еллинстіи звѣздословцы нарѣчутъ седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и кто въ кую планиту родится, и по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца или къ коемъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ*». Оказывается, такимъ образомъ, что божества Рода и Рожаницы стоятъ въ

связи не столько съ родовымъ бытомъ, сколько съ идеей судьбы, рока. Это тождественно съ русской поговоркой; «что на роду написано». Но нужно предполагать, что все-таки культъ родовыхъ божествъ у русскихъ славянъ существовалъ. Слѣды этого культа сохранились въ современныхъ народныхъ воззрѣніяхъ на домового, который является душой умершаго прародителя или предка. Въ источникахъ мы находимъ указанія на капища и требища, т. е. жертвоприношенія, на изображенія божествъ—идоловъ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтописецъ въ повѣтствованіи о Владимирѣ, поставившемъ внѣ двора теремного изображеніе Перуна съ серебряною головою и золотыми усами. Владимиръ *«постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебряну, и усъ златъ, и Хорсъ, Дажьбога, и Стрибога, и Симоргла и Мокошь»*. Въ одномъ поученіи сказано: *«и приступиша къ идоламъ и начаша жрѣти—молніи и грому, и солнцу и лунѣ, а друзіи—Перуну, Хорсу, Виламъ, Мокошь, Упыремъ и Берегынямъ, ихъ же нарицаютъ тридевять сестриницъ, а иніи въ Сварожича вѣруютъ и въ Артемиду, имъ же невѣгласи человѣці молятся и курье имъ рѣжутъ, а друзіи къ кладеземъ приходяще молятся, а друзіи огньви, и каменію, и рѣкамъ, и источникамъ берегынямъ»*. Этимъ идоламъ приносились жертвы, въ томъ числѣ и человѣческія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же лѣтописецъ. Онъ говоритъ о принесеніи въ жертву сына одного варяга христіанина. Будущая жизнь представлялась славяно-русскому язычнику въ видѣ продолженія земной жизни, въ видѣ ея повторенія, съ тою только разницей, что она должна была продолжаться много вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ дѣлается понятнымъ культъ, который былъ связанъ съ погребеніемъ усопшихъ. Обезображенная смертію, распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго своего исключенія изъ живыхъ существъ, но человѣчество отказалось бы отъ своего самаго священнаго долга, если бы это право живыхъ не смягчалось послѣднимъ правомъ мертвыхъ на погребальную почесть (ius manium).

Погребальные обряды. Русскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ краткія свѣдѣнія относительно похоронныхъ обрядовъ руссовъ: съ одной стороны это было трупоположеніе, т.-е. похороны въ нашемъ смыслѣ этого слова, а съ другой трупосожиганіе. О сожиганіи у нѣкоторыхъ русскихъ славянъ (сѣверянъ, радимичей, вятичей, кривичей), лѣтописецъ оставилъ намъ слѣдующее свидѣтельство: *«аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ»*. Первый актъ погребенія—это было совершеніе тризны, т.-е. поминки надъ покойникомъ. *«И посемъ творяху кладу велику»*, т.-е.

дѣлали большой костеръ изъ дровъ «*и възложахуть и на кладу, мертвеца сожжаху и по семъ събравше кости, вложаху въ ссудину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ*». Но это извѣстіе возбуждаетъ у насъ нѣкоторыя сомнѣнія. Прахъ должны были сохранять изъ уваженія къ памяти покойника, а между тѣмъ, если принять это лѣтописное извѣстіе, пришлось бы допустить, что цѣль сохраненія его не достигалась, ибо сосудъ съ пепломъ, поставленный не въ курганѣ, а на столбѣ при перепутьяхъ, не могъ долго сохраниться. Можно думать поэтому, что здѣсь дѣло идетъ не о деревянномъ столбѣ, а о земляной курганной насыпи (tumulus). Это объясненіе подтверждается археологическими данными. Постановка сосудовъ съ пепломъ въ курганахъ является обычной въ славяно-русскихъ языческихъ погребеніяхъ. Извѣстіе лѣтописи о трупосожженіи подтверждается и дополняется свидѣтельствомъ арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фацлана. Этотъ арабскій писатель—географъ и путешественникъ, былъ между прочимъ въ городѣ Булгарѣ—столицѣ царства камскихъ болгаръ, находившейся при впаденіи рѣки Камы въ рѣку Волгу, и оказался свидѣтелемъ похоронъ одного изъ русскихъ купцовъ[1]). Онъ описываетъ, что самъ видѣлъ и что самъ слышалъ въ видѣ объясненія отъ русскихъ, и потому свидѣтельство его является драгоцѣннымъ. Умеръ русскій купецъ, который пріѣхалъ со своими товарами въ столицу Камской Болгаріи и привезъ съ собой, кромѣ товаровъ, значительное количество рабынь и рабовъ, которые также служили предметомъ купли и продажи на тогдашнихъ рынкахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ купецъ былъ холостъ—это важная подробность, потому что въ погребальномъ ритуалѣ мы увидимъ оригинальное сочетаніе похороннаго и свадебнаго обычаевъ: его женили послѣ смерти. Когда онъ умеръ, то трупъ его положили во временную могилу. Вмѣстѣ съ трупомъ покойника въ эту временную могилу положили также нѣкоторые необходимые ему въ будущей жизни предметы, между прочимъ, музыкальный инструментъ—лютню—и онъ оставался въ этой могилѣ 10 дней. Имущество его было раздѣлено на три части. Первая часть пошла на приготовленіе ему одежды, другая на пріобрѣтеніе горячихъ напитковъ и третья

---

[1]) Высказывались мнѣнія въ пользу того, что это не были русскіе славяне (Кругъ, Стасовъ), но славянство этихъ руссовъ твердо обосновано А. А. Котляревскимъ, Гедеоновымъ и Н. В. Голубовскимъ, написавшимъ по этому поводу спеціальное изслѣдованіе. Относительно мѣста наблюденій Ибнъ-Фацлана (г. Булгаръ или Итиля) мы придерживаемся мнѣнія Гаркави, высказавшагося въ пользу г. Булгаръ.

была оставлена для его родственниковъ. Стали кроить и шить ему пышныя торжественныя одежды, въ которыхъ онъ долженъ былъ отправиться на небо. И такъ какъ онъ былъ холостъ, то его рѣшили женить хотя послѣ смерти. Съ этой цѣлью обратились къ его рабынямъ съ предложеніемъ, кто изъ нихъ пожелаетъ отправиться за нимъ въ рай и умереть вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь, какъ видимъ, не было принужденія, такъ какъ дѣвушка должна была по своей собственной охотѣ согласиться на это. Но надъ всѣми дѣвушками тяготѣла сила обычая и одна изъ нихъ во всякомъ случаѣ должна была изъявить желаніе послѣдовать за своимъ господиномъ и мужемъ на тотъ свѣтъ. И когда одна изъ дѣвушекъ согласилась, то не могла уже потомъ отказаться. Она поступила подъ надзоръ другихъ дѣвушекъ, которыя не отступали отъ нея ни на шагъ, исполняли всѣ ея желанія, а она все время пила, была весела и это веселье выражала въ веселыхъ пѣсняхъ. (Это первое свидѣтельство о древне-русскихъ пѣсняхъ). Но тѣмъ не менѣе она была уже обречена, или точнѣе говоря, она себя обрекла на смерть. Затѣмъ, когда всѣ приготовленія были окончены, трупъ русича вынули изъ его временной могилы, и я видѣлъ его, говоритъ Фацланъ, почернѣвшимъ отъ холода этой страны (но, конечно, онъ почернѣлъ потому, что сталъ разлагаться). Въ это время вытащили на берегъ лодку, на которой купецъ привезъ свои товары. Эту лодку поставили на четырехъ столбахъ, вкопанныхъ въ землю. Въ ней положили коверъ изъ румскаго (т. е. византійскаго) дибаджа, т.-е. изъ византійской дорогой парчи, подушки, сдѣланныя изъ того же матеріала, устроили сидѣнье, перенесли покойника въ лодку, посадили на этомъ сидѣньѣ, окружили его со всѣхъ сторонъ подушками. Его самого одѣли въ сапоги, носки, въ лучшія одежды, кафтанъ, шаровары, на голову надѣли ему шапку калансуву. Изъ временной его могилы вынули и положили въ лодку музыкальный инструментъ — лютню, его оружіе. Далѣе, загнали нѣсколько коней въ честь его, разрубили ихъ на части и бросили къ покойнику, затѣмъ также разрубили быковъ, бросивъ ихъ туда же. Дѣвушка отрубила голову курицѣ, которую ей поднесли — и ее также бросили въ лодку. Наконецъ, принесена была и послѣдняя, самая цѣнная жертва — дѣвушка, обрекшая себя на смерть. Она перешла теперь во власть старухи, именуемой ангеломъ смерти. Эта старуха была толста и свирѣпаго вида. Старуха взяла въ свое полное распоряженіе эту дѣвушку. По тогдашнимъ воззрѣніямъ, женщина не могла самостоятельно пройти въ рай, она могла туда попасть только при посредствѣ своего мужа и это объ-

ясняетъ намъ тѣ символическіе обряды, о которыхъ повѣствуетъ Ибнъ-Фацланъ. Окружавшіе мужчины подвели ее къ деревянному возвышенію на подобіе сруба — колодца и подняли надъ землей. Она заглянула въ этотъ срубъ и что-то сказала. Потомъ подняли второй и третій разъ ее. Любознательный арабъ обратился къ русскимъ, которые участвовали въ похоронахъ за объясненіемъ этого обычая и получилъ такой отвѣтъ: она смотрѣла въ колодезь, въ которомъ отражался рай, и видѣла въ раю своего отца, мать, родственниковъ и, наконецъ, своего господина. «Рай прекрасенъ, зеленъ, ведите меня поскорѣе туда», сказала она окружающимъ. Послѣ этого, дѣвушка должна была умереть. Но предварительно друзья покойнаго совершили надъ ней символическій обрядъ, который не могъ выполнить самъ покойный ея владыка, т.-е. сочетались съ ней бракомъ. Брачный обрядъ символизируетъ и курица, которую бросала въ лодку дѣвушка. Похоронный и брачный обряды, столь далекіе другъ отъ друга, и доселѣ въ народной фантазіи сближаются одинъ съ другимъ. Въ Подольской губерніи у тамошнихъ малороссіянъ существовалъ такой обычай: если умирала какая-нибудь дѣвушка, то за гробомъ ея шелъ одинъ изъ парубковъ въ качествѣ жениха—мужа и нѣкоторое время послѣ этого онъ считался какъ бы вдовцомъ. Далѣе старуха — ангелъ смерти — взяла толстую веревку, дала концы этой веревки въ руки окружающихъ мужчинъ. Они перехватили этой веревкой шею дѣвушки и при звукахъ трубъ, заглушавшихъ ея крики, стали тянуть въ разныя стороны и задушили ее. Одновременно съ тѣмъ старуха вонзила между реберъ ея кинжалъ. Ея трупъ посадили рядомъ съ трупомъ покойника, и потомъ зажгли лодку. Пламя высоко взвилось въ гору, все покрылось густымъ дымомъ и костеръ сгорѣлъ. Тогда надъ костромъ насыпали высокій курганъ, поставили деревянный столбъ, на которомъ написали имя рускаго князя и покойника, и удалились. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ характерный обычай сожженія покойника въ лодкѣ. Спрашивается, какую роль здѣсь играла лодка. Объясняется ли важная роль въ данномъ погребальномъ ритуалѣ лодки тѣмъ, что она была любимымъ предметомъ покойника, или же обычай погребенія въ лодкѣ имѣлъ за собой какія-нибудь болѣе общія основанія? Если мы обратимъ вниманіе на представленія древнихъ народовъ вообще относительно загробнаго міра, то увидимъ, что лодка играла важную роль, какъ средство переправы въ царство тѣней по водѣ. У грековъ, какъ извѣстно, былъ перевозчикъ Харонъ, который перевозилъ души покойниковъ черезъ Стиксъ.

Въ археологической литературѣ мы находимъ данныя, вполнѣ подтверждающія похороны въ ладьѣ. Уже норманскія саги свидѣтельствуютъ, что болѣе знатныя лица, викинги, погребались въ лодкахъ, которыя потомъ зажигались, отталкивались отъ берега и пускались въ открытое море. Но этого мало. Въ послѣднее время удалось въ южной Норвегіи открыть погребеніе въ суднѣ на сушѣ. Въ 1879 году тамъ былъ раскопанъ такъ называемый королевскій курганъ и оказалось, что въ этомъ курганѣ превосходно сохранилось деревянное погребальное судно. Явилась возможность даже опредѣлить его конструкцію. Это было длинное судно (75 метровъ длины), сравнительно узкое, высотою въ 5—6 метровъ. Остовъ его былъ обшитъ дубовыми досками, прикрѣпленными къ внутреннимъ деревяннымъ ребрамъ. Съ каждой стороны въ немъ оказалось по 16-ти отверстій для веселъ, которыхъ, такимъ образомъ, было 32. Если при каждомъ сидѣло по 2 гребца, то всѣхъ ихъ было 64 человѣка. Эти весла были прикрѣплены не къ уключинамъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а вставлены прямо въ отверстія, которыя закрывались особымъ деревяннымъ кружкомъ, когда судно должно было идти на парусахъ. Осталась мачта этого судна, остался его руль. Въ превосходной монографіи профессора Московскаго университета Д. Н. Анучина, о значеніи ладьи, коней и саней въ погребальномъ ритуалѣ можно найти изображенія этой древне-скандинавской шкуны. Но что особенно интересно, въ центральной ея части сохранилась деревянная погребальная камера. Въ этой погребальной камерѣ оказались кости и нѣкоторые предметы; между прочимъ, найдены были остатки шелковой, золотомъ прошитой матеріи. Такимъ образомъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ погребеніе въ ладьѣ, но трупъ покойника не сожигался, какъ это было по разсказу Ибнъ-Фоцлана, а его хоронили. О погребеніи въ ладьѣ есть указанія и въ русскихъ источникахъ. Разсказывая о житіи извѣстныхъ Бориса и Глѣба, лѣтописецъ сообщаетъ, что убитый Глѣбъ былъ похороненъ между двумя колодами, а въ миніатюрѣ, изображающей его погребеніе, мы видимъ дѣйствительно его тѣло между двумя колодами и нѣсколько лицъ, накрывающихъ прахъ сверху опрокинутой лодкою. Такимъ образомъ, здѣсь ладья играетъ какую то не совсѣмъ ясную для насъ роль и въ погребеніи христіанскаго князя. Очевидно, это—пережитокъ языческой старины. Археологическія данныя въ настоящее время доставляютъ намъ матеріалъ, вполнѣ подтверждающій погребеніе въ ладьѣ на Руси въ языческій періодъ. Въ музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета

имѣется такая ладья съ покойникомъ. Она была цѣликомъ вырѣзана открывшимъ ее В. А. Городцовымъ и представлена Харьковскому Археологическому съѣзду. При трупѣ покойника сохранилась его кольчуга, сабля и огниво въ кожаномъ мѣшочкѣ. Впослѣдствіи лодка стала замѣняться ладьеобразной могилой—каменной или земляной. О такихъ пережиткахъ старины, повидимому, свидѣтельствуютъ и разсказы лѣтописи о томъ, какъ княгиня Ольга отомстила древлянскимъ посламъ: одни изъ нихъ были сожжены, по ея приказанію, въ жарко натопленной банѣ, а другіе, пожелавшіе, чтобы ихъ несли въ лодкахъ, были брошены въ яму.

Въ миніатюрахъ Сильвестровой лѣтописи имѣются рисунки, изображающіе перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Нѣсколько человѣкъ несутъ на плечахъ сани и на этихъ саняхъ положено тѣло Бориса; на другомъ рисункѣ везутъ за ужилища, т.-е. за веревку, сани, на которыхъ стоитъ гробъ Глѣба, гробъ напоминающій гробницу Ярослава Мудраго въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Но особенно любопытно и цѣнно для насъ время перенесенія мощей; дѣло происходило 2 мая, слѣдовательно, весною, въ Южной Руси, гдѣ въ это время стоитъ очень теплая погода. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ фактъ погребенія въ саняхъ въ лѣтнее время. Слѣдовательно, сани играли здѣсь символическую роль.

Обращаясь далѣе къ многочисленнымъ археологическимъ даннымъ, доставляемымъ намъ раскопками въ различныхъ славяно-русскихъ земляхъ, мы тамъ находимъ полное подтвержденіе извѣстія древняго лѣтописца о 2 погребальныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ—трупосожженіи и трупоположеніи. Великая княгиня Ольга, по словамъ лѣтописца, велѣла кургана надъ собой не насыпать. Слѣдовательно, курганъ является типической принадлежностью языческаго погребенія. Но археологическія данныя приводятъ насъ къ убѣжденію, что была еще другая, болѣе древняя форма славяно-русскаго языческаго погребенія. Это—погребенія безъ кургановъ, памятниками коихъ являются такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ. Эти поля погребальныхъ урнъ были открыты въ значительномъ количествѣ въ предѣлахъ Западной Европы; но они были найдены и у насъ въ Россіи. Въ нихъ на небольшой глубинѣ оказываются или костяки, или пережженыя кости въ глиняныхъ сосудахъ. Что касается кургановъ, раскопанныхъ теперь въ большомъ количествѣ и пріуроченныхъ уже къ отдѣльнымъ славяно-русскимъ племенамъ, то въ нихъ также было или трупоположеніе, или трупосожженіе. Я только остановлюсь на нѣсколькихъ примѣ-

рахъ для того, чтобы охарактеризовать погребальные обычаи у различныхъ славяно-русскихъ племенъ. Обращаясь къ ильменскимъ славянамъ, мы находимъ тамъ курганы огромной величины въ видѣ сопокъ; въ этихъ курганахъ открываются слѣды сожженія покойниковъ, но это сожженіе производилось не въ самой могильной ямѣ, а на сторонѣ. Въ могильную же яму клались пережженыя кости покойника. У кривичей мы находимъ длинныя или долгія могилы, въ которыхъ оказываются глиняныя урны съ пережженными костями покойниковъ. Этимъ вполнѣ подтверждается извѣстіе лѣтописи о сожиганіи у нихъ покойниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ недалеко отъ кургановъ были найдены пережженныя кости и остатки костра, гдѣ происходило сожженіе покойниковъ. Въ той же области кривичей былъ открытъ Гнѣздовскій могильникъ, въ которомъ опять мы находимъ урны, а иногда остатки сожженія въ самой могильной насыпи. У кривичей мы находимъ и курганы обычнаго типа—куполообразные. Но кромѣ трупосожженія было и трупоположеніе. У сѣверянъ и радимичей мы также находимъ эти 2 вида сожиганія—кострища и погребальныя урны, — а также трупоположеніе. Въ Черной могилѣ и Гульбищѣ найдено было въ полусожженномъ состояніи множество предметовъ, характеризующихъ культуру сѣверянскаго племени въ языческій періодъ его исторіи. Другой типъ погребенія у сѣверянъ и радимичей представляли изъ себя курганы небольшой величины, съ урнами въ насыпяхъ, при чемъ въ этихъ урнахъ помѣщался пепелъ покойника. У дреговичей слѣдовъ трупосожженій встрѣчается много, а у полянъ сравнительно мало (иногда сожигали у нихъ на особыхъ точкахъ, внѣ кургана). Но одинъ разъ открытъ былъ курганъ, въ которомъ найдено было до 50 сосудовъ съ пережжеными костями, т.-е. съ пепломъ; въ другой разъ найдено было также нѣсколько сосудовъ, которые имѣли много пережженыхъ костей покойника.

Трупоположеніе существовало одновременно съ трупосожженіемъ и притомъ, повидимому, также у всѣхъ славяно-русскихъ племенъ. Покойники клались въ могилу, изрѣдка въ сидячемъ положеніи, но большей частью въ лежачемъ, обыкновенно на спинѣ, съ вытянутыми руками и ногами, протянутыми вдоль туловища (но бываютъ и другія положенія), головой, главнымъ образомъ, на западъ (типичная особенность славяно-русскихъ погребеній). Иногда костяки помѣщались въ деревянныхъ срубахъ, колодахъ, гробахъ. Изрѣдка покойникъ помѣщался въ насыпи кургана, но чаще всего на материкѣ, или въ грунтовыхъ ямахъ, выкопанныхъ въ материкѣ. Обыкновенно съ по-

койниками клали значительное количество вещей. Нерѣдко попадаются монеты, которыя датирують самыя погребенія. Итакъ, слѣдовательно, археологическія данныя подтверждаютъ, дополняютъ и частью исправляютъ лѣтописныя извѣстія относительно погребальнаго ритуала у различныхъ славяно-русскихъ племенъ. Трудно въ настоящее время рѣшить вопросъ о томъ, какой изъ двухъ видовъ погребенія: трупосожженіе или трупоположеніе—былъ древнѣе и распространеннѣе. Повидимому, болѣе распространено было трупоположеніе у волынянъ, древлянъ, дреговичей, радимичей полянъ, сожженіе—у сѣверянъ и кривичей.

Культурное состояніе славяно-русскихъ племенъ по курганнымъ раскопкамъ. Но археологическія данныя раскрываютъ передъ нами не только одну сторону духовной жизни славяно-русскаго племени—погребальный ритуалъ: они позволяютъ намъ опредѣленно рѣшить и другой, еще болѣе важный вопросъ—о культурномъ состояніи ихъ въ первоначальный языческій періодъ ихъ исторіи. Лѣтопись намъ сообщаетъ по этому поводу такія данныя: сѣверяне, радимичи, вятичи и кривичи жили въ лѣсу, какъ звѣри, и ѣли все нечистое; древляне также жили звѣринскимъ образомъ. Спрашивается, можемъ ли мы относиться съ довѣріемъ къ этому свидѣтельству нашей лѣтописи о слишкомъ низкомъ культурномъ развитіи сѣверянъ и другихъ славяно-русскихъ племенъ до образованія Русскаго государства? Родоначальникъ исторической критики Шлецеръ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ этому извѣстію и выступилъ даже съ теоріей о низкомъ культурномъ состояніи русскаго народа до призванія Рюрика. Только съ призваніемъ варяговъ, говоритъ онъ, на Руси появилась гражданственность. До образованія русскаго государства Русь представляла въ культурномъ отношеніи tabula rasa, чистое поле, на которомъ впервые посѣяли зачатки культуры пришлые нѣмцы. Но этотъ взглядъ совершенно опровергается археологическими данными. На основаніи данныхъ, собранныхъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ, В. Б. Антоновичемъ и др., можно возсоздать довольно полную и яркую картину сравнительно высокой матеріальной культуры у славяно-русскихъ племенъ до призванія варяговъ. Русскіе славяне выступаютъ передъ нами съ особыми признаками культурности и извѣстной матеріальной обезпеченности, которыя, конечно, совершенно не соотвѣтствуютъ словамъ лѣтописца объ ихъ звѣриномъ образѣ жизни. Одежда ихъ состояла изъ тканей полотняныхъ, шерстяныхъ изрѣдка даже шелковыхъ (послѣднія иногда были перетканы золотыми нитками). Шапки были мѣховыя и войлочныя; въ древлянскихъ курганахъ преобладаютъ шапочки, сдѣланныя

изъ береста, обтянутыя шерстяною тканью и украшенныя нашитыми кольцами и бусами; у полянъ—женскія діадемы, состоявшія изъ ряда металлическихъ полуколецъ. На одежду нашивались металлическія украшенія крайне рѣдко изъ золота, обычно изъ серебра (низкопробнаго), рѣже изъ бронзы: это были пластинки, проволоки, безъ спайки, такъ что концы или оставались свободными, или завязывались узлами; пластинки скрѣплялись гвоздиками; волосы украшались височными или волосяными кольцами разнообразной формы (у радимичей это 7 лопастныя кольца). Въ древлянскихъ и волынскихъ курганахъ волосы покойниковъ украшались рядами небольшихъ колецъ изъ проволоки, скрученной спиралью (ихъ бывало до 20). Серьги были спирально-проволочныя или простыя, съ кольцомъ, загнутымъ въ видѣ S; рѣже попадаются серьги изъ проволоки, на которую надѣты 2 конуса, соединенные основаніями; позже появляются серьги изъ проволоки, на которыя надѣты и неподвижно укрѣплены 3 металлическія бусы (кіевскій типъ). Шея изрѣдка украшена шейными гривнами серебряными, или бронзовыми, или изъ плетеной проволоки, или изъ толстой, гладкой, свернутой въ видѣ винта. Несравненно чаще шея украшена была ожерельемъ изъ бусъ или металлическихъ пластинокъ; бусы были сердоликовыя, изъ горнаго хрусталя, — круглыя, граненыя; стеклянныя—простыя, цвѣтныя, обтянутыя золотою пластинкою; изъ пасты всевозможныхъ композицій и цвѣтовъ, часто съ цвѣтными инкрустаціями, серебряныя — изъ бисерной ткани или въ видѣ узорочныхъ полуцилиндриковъ съ отверстіями по бокамъ для нанизыванія; рѣже шиферныя и еще рѣже янтарныя. Ожерелья изъ пластинокъ очень часты у радимичей; на одномъ костякѣ найдено было 7 такихъ ожерельевъ, при чемъ каждый состоялъ изъ пластинокъ другой формы (лунницъ, ромбиковъ, бубенчиковъ, розетокъ). Одежда на шеѣ укрѣплялась застежками изъ кольца, въ которое вдѣвали ремешокъ, или изъ розетки изъ стекольныхъ бусъ; фибулы отсутствуютъ. Пояса дѣлались изъ ремня и застегивались желѣзною или бронзовою пряжкою. У пояса часто попадаются желѣзные ножики, иногда кремень, огниво или желѣзные ключи. Браслеты на рукахъ встрѣчаются не часто; они дѣлались или изъ металлической пластинки, постепенно суживавшейся къ концамъ, завязаннымъ узломъ, или изъ металлическихъ проволокъ, скрученныхъ джгутомъ, или вылиты изъ серебра, или бронзы въ видѣ скрученнаго джгута. Обувь состояла изъ сапоговъ съ остроконечными носками, сшитыхъ изъ двойной полосы тонкой кожи безъ подошвъ, но имѣвшихъ швовъ вдоль нижней ихъ части, замѣнявшей по-

дошву; она напоминала скиѳскую. Вооруженіе попадается въ славяно-русскихъ курганахъ нечасто; исключеніе составляютъ нѣкоторыя могилы въ полянской, сѣверской и кривичской земляхъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что племена отличались мирнымъ характеромъ; въ дѣйствительности они были очень воинственны; скудость оружія при находкахъ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что его клали только въ могилы воиновъ, которыхъ было сравнительно мало. Оружіе состояло изъ шлема конической формы съ шипомъ посрединѣ, съ переносицею для носа. На нижней оконечности его были расположены ушки для прикрѣпленія кольчуги, защищавшей шею, изрѣдка были шлемы безъ переносицы—съ желѣзною маскою покрывавшею все лицо. На туловищѣ была кольчуга, состоявшая изъ колецъ, а не панцырь, столь распространенный у скиѳовъ и позднѣйшихъ кочевниковъ, состоявшій изъ желѣзныхъ чешуйчатыхъ пластинокъ, нашитыхъ на кожу; далѣе слѣдуетъ мечъ обыкновенно длинный, обоюдоострый, прямой, съ тяжелою рукояткою. Сабли—очень длинныя, кривыя, заостренныя только съ одной стороны, съ легкою рукоятью. Въ Черной могилѣ найдены были и мечи, и сабли. Кинжалы попадаются рѣдко; гораздо чаще встрѣчаются боевые топоры—небольшіе, съ лезвеемъ, вытянутымъ въ видѣ бородки внизъ и какъ бы съ усѣченнымъ ножнымъ кольцомъ. Копья—ромбовидной формы со втулкой для насаживанія на древко; иногда они были довольно значительныхъ размѣровъ. Были луки и стрѣлы; наконечники стрѣлъ исключительно желѣзные—ромбовидной формы или 3 — 4 - гранные, съ бородками, опущенными внизъ. Всадники имѣли стремена и шпоры; интересно, что попадается и по одной шпорѣ, и то на лѣвой ногѣ. Изрѣдка встрѣчаются перначи (masse d'armes).

Сосуды глиняные встрѣчаются всюду, но особенно часто у полянъ и сѣверянъ; рѣже у дреговичей и радимичей и почти отсутствуютъ у древлянъ и волынянъ. Типы ихъ: 1) широкіе, въ видѣ современнаго горшка съ ушкомъ или безъ него 2) узкогорлый кувшинъ съ однимъ ушкомъ или же съ 2 ушками, вылѣпленными изъ боковъ самого сосуда; 3) видоизмѣненіе древней амфоры, съ остроконечнымъ или круглымъ дномъ; эволюція формъ амфоры выражается постепеннымъ расширеніемъ боковъ, шейки и ушей; послѣднія, наконецъ, переходятъ на бока сосуда. Типическимъ славяно-русскимъ орнаментомъ является—волнистый на бокахъ сосуда. Деревянныя ведра чаще всего попадаются въ древлянскихъ, волынскихъ курганахъ; деревянныя части (до насъ не дошедшія) оковывались нѣсколькими рядами желѣзныхъ обручей и имѣли небольшія желѣзныя дужки, ука-

зывающія на небольшіе размѣры самихъ ведеръ. Попадаются изъ предметовъ бытовой обстановки также костяныя гребенки и желѣзные замки.

О занятіи земледѣліемъ свидѣтельствуютъ обугленная зерна хлѣбныхъ растеній (въ Черной могилѣ), серпы (въ древлянскихъ курганахъ), о занятіи скотоводствомъ—остатки кожи, шерсти, мѣховъ въ одеждѣ, присутствіе въ курганахъ ножницъ для стрижки овецъ, скелетовъ лошадей (особенно часто у полянъ), шпоръ; о рыболовствѣ—грузила (при неводахъ) и желѣзныя остроги для оглушенія рыбы, о ткацкомъ ремеслѣ, — остатки тканей, пряслицы изъ краснаго шифера, которыя употреблялись при тканьѣ и для выдѣлки коихъ существовали цѣлыя мастерскія, открытыя въ древлянской землѣ; о кузнечномъ ремеслѣ—гвозди и другія желѣзныя издѣлія, массы желѣзнаго шлака, найденнаго въ курганахъ древлянской земли; о плотничествѣ—могильные срубы, надмогильныя постройки въ видѣ крышъ (одно или двускатныхъ), часто встрѣчающіяся у дреговичей, накаты изъ бревенъ и досокъ у волынянъ и древлянъ; о гончарствѣ—весьма многочисленные остатки керамическихъ издѣлій; о торговлѣ — монеты въ видѣ кладовъ и отдѣльныхъ экземпляровъ восточныхъ диргемовъ, византійскихъ солидовъ, серебряныхъ гривенъ. При раскопкѣ одного волынскаго кургана при покойникѣ найденъ былъ окованный желѣзомъ ящикъ, а въ немъ вѣсы и разновѣски въ видѣ желѣзныхъ и бронзовыхъ гирекъ; здѣсь былъ, очевидно, похороненъ купецъ. О сравнительно высокомъ уровнѣ экономическаго быта свидѣтельствуетъ также развитіе городской жизни въ то время на Руси. Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ фактъ существованія въ то время очень многихъ городовъ на русской территоріи. Такимъ образомъ, русскіе славяне до такъ называемаго призванія варяговъ несомнѣнно стояли па значительной степени культурнаго развитія. Бросая общій взглядъ на эти предметы, мы замѣчаемъ, что имѣемъ дѣло съ молодымъ въ области культуры народомъ, который еще не пріобрѣлъ себѣ ни большихъ богатствъ, ни значительнаго количества привозныхъ предметовъ, но среди этихъ предметовъ, особенно среди украшеній, встрѣчаемъ и привозныя вещи арабско-персидскаго или византійскаго стиля. Такимъ образомъ, русскіе славяне до такъ называемаго призванія варяговъ, несомнѣнно, стояли на значительной степени культурнаго развитія.

Семейный бытъ. Теперь мы должны освѣтить семейный, общественный и политическій бытъ нашихъ предковъ. Вотъ классическое извѣстіе древне-русской лѣтописи о семейномъ бытѣ различныхъ славяно-русскихъ племенъ: „*Поляне бо своихъ отецъ*

имуть обычай кротокъ и тихъ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и родителемъ своимъ, къ свекровемъ своимъ и къ деверемъ велико стыденье имѣху; брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но привожаху (приводяху) вечеръ, а заутра приношаху по ней что дадуче. А Древляне... убиваху другъ друга, и брака у въ нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. Радимичи и Вятичи, и Сѣверо одинъ обычай имяху: срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены». Лѣтописецъ умыканіе женщинъ, т.-е. похищеніе ихъ на игрищахъ съ ихъ собственнаго согласія, не признаетъ бракомъ. Къ языческимъ игрищамъ въ качествѣ христіанина онъ относится отрицательно. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго очень картинно изображаетъ пляски и нескромныя тѣлодвиженія на игрищахъ. Во время ихъ стала примѣняться женщинами, желавшими понравиться мужчинамъ, и косметика—румяна и бѣлила [1].

Въ противоположность нашему древнему лѣтописцу мы должны будемъ высказать положеніе, что умыканіе являлось у сѣверянъ такимъ же способомъ заключенія брака, какъ и приводъ невѣсты у полянъ. Прежде русскіе славяне жили въ родовомъ быту; каждый родъ представлялъ изъ себя врага по отношенію къ другому, когда шелъ вопросъ о полученіи себѣ женъ изъ чужого рода, ибо женщины при многоженствѣ были нужны для мужчинъ своего рода и, съ выходомъ ихъ, родъ терялъ рабочую силу. Тогда то приходилось «ходить за невѣстой», т.-е. добывать ее силой, какъ это было прежде у полянъ, или похищать ее на игрищахъ безъ ея согласія, какъ это было ранѣе у сѣверянъ. Но въ изучаемую нами эпоху родовой бытъ сталъ разлагаться, и умыканіе женщинъ происходитъ теперь по обоюдному согласію жениховъ и невѣстъ. Очевидно, здѣсь уже произошла очень большая эволюція. Причина ея кроется въ основаніяхъ экономическаго характера: нужно было покупать себѣ жену у родителей ея, но купля жены сопровождалась очень

---

[1]) *«И ту (на игрищахъ) слѣгахуся рищюще на плясанія и отъ плясанія познаваху которая жена или дѣвица до младыхъ похотеніе имать и отъ очнаго взозрѣнія и отъ обнаженія мышца и отъ прстъ ручныхъ показанія и отъ перстей даралаганія на прѣсты чюжая тажъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ ражегшися слагахуся, иныхъ поимающе, а другыхъ поругавше метааху на насмѣяніе до смерти. Имягуть же по 2 и по 3 жены: зане слабѣгуще женскый обычай и начаша друга прѣдъ другою червити* (краситн) *лице и белимъ трѣти* (бѣлилами натирать), *абы уноша въ желелъ ея на похоть».*

большими расходами, что очень вредно должно было отозваться на новомъ хозяйствѣ новобрачныхъ. И вотъ юноши стали устраивать фиктивныя умыканія невѣстъ на игрищахъ (т.-е. съ ихъ согласія). Такъ было у сѣверянъ, радимичей, вятичей и древлянъ. У полянъ была иная форма брачныхъ отношеній. У нихъ теперь «не хожаше женихъ по невѣсту», но приводили самую невѣсту къ жениху вечеромъ. Отсюда и выраженіе — «жены водимыя». Далѣе въ разсказѣ лѣтописи дѣло идетъ или о такъ называемомъ выкупѣ, который въ настоящее время, напримѣръ, въ Архангельской губерніи извѣстенъ подъ именемъ кладки или же о приданомъ (что на ней или по ней давали). Эта эволюція семейнаго быта потребовала очень большого времени. Она должна была привести къ ослабленію родовой розни и къ сближенію отдѣльныхъ родовъ. Указаніе на отожествленіе рода и семьи мы находимъ въ лѣтописи, которая подъ родомъ ясно разумѣетъ семью.

Вопросъ объ общественномъ бытѣ. Вопросъ объ общественномъ бытѣ русскихъ славянъ едва ли можетъ быть рѣшенъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Этому мѣшаетъ скудость положительныхъ фактическихъ данныхъ. Вслѣдствіе скудости этихъ данныхъ (какъ это всегда бываетъ) явилась масса разнорѣчивыхъ и противоположныхъ мнѣній. Не входя въ подробности, я укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Родовая школа, обоснованная впервые Эверсомъ, не потеряла своего значенія и до настоящаго времени. Въ числѣ ея представителей фигурируютъ имена Соловьева, Кавелина, Калачева, Чичерина, Забѣлина, Никитскаго и др. Соловьевъ развилъ мысль Эверса о господствѣ у насъ въ народѣ родоваго патріархальнаго быта, который впослѣдствіи смѣнился бытомъ государственнымъ. Всѣ отношенія въ родѣ опредѣлялись кровною связью родичей. По смерти отца-родоначальника, власть переходила къ слѣдующему за нимъ по старшинству родичу, т.-е. къ старшему сыну, отъ него къ слѣдующему за нимъ младшему брату и т. д. Родовой быть народа съ появленіемъ на сцену князей-рюриковичей перешелъ къ нимъ, и отношенія между князьями были родовыя. Всѣ названные мною изслѣдователи сходятся между собою въ одномъ: въ признаніи родоваго быта основнымъ началомъ древнерусской жизни, но кореннымъ образомъ расходятся въ вопросѣ о постепенномъ его развитіи и паденіи и его характеристическихъ чертахъ. Одни выдвигаютъ начало кровное, патріархальное, другіе—родовое, братское.

Общинная школа занялась, собственно, критикой основныхъ положеній родовой, но не создала такой цѣльной и опредѣленной

системы, какъ первая. Главными представителями этой школы были: Бѣляевъ, Лешковъ и К. Аксаковъ. Они пользуются для своихъ выводовъ тѣми же источниками, какими пользовались представители родовой школы, но только толкуютъ ихъ совсѣмъ иначе. Извѣстное мѣсто лѣтописи объ основаніи Кіева тремя братьями, гдѣ упоминается слово «родъ», они толкуютъ въ свою пользу, видя здѣсь не родъ, а семью [1]). Въ Русской Правдѣ они находятъ указаніе на отсутствіе родоваго начала (въ главѣ о наслѣдствѣ). Главнымъ памятникомъ, на который ссылаются представители общинной школы, является «Судъ Любуши», гдѣ также рѣшался вопросъ о раздѣлѣ наслѣдства. Интересно одно филологическое доказательство этой школы — значеніе слова двоюродный братъ. Двоюродный братъ—значитъ братъ двою роду, т.-е. двухъ родовъ, но эти роды не будутъ роды въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только семьи. Слѣдовательно, здѣсь слово родъ употреблено въ значеніи семьи.

Профессора Леонтовичъ и Бестужевъ-Рюминъ выдвинули вопросъ о такъ наз. «семейной задругѣ». Задруга — это союзъ лицъ и семействъ, живущихъ на одномъ участкѣ земли, который находится въ общемъ распоряженіи всего союза. Управленіе принадлежитъ общему совѣту съ отцемъ или выборнымъ владыкою во главѣ. Совокупность задругъ повела къ образованію селъ, погостовъ, земель и жупъ. Такія задруги несомнѣнно существовали у южныхъ славянъ, но были ли они у насъ—неизвѣстно.

Объединяющія связи. Но если въ семейномъ бытѣ русскихъ славянъ родовое начало являлось уже вымирающимъ, то были ли все-таки связи, ихъ объединяющія? Таковыми объединяющими началами были три элемента—географическій, этнографическій и политическій. Географическая связь, несомнѣнно, существовала среди отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ и выражалась въ томъ, что ближайшіе сосѣди имѣли больше общенія другъ съ другомъ, чѣмъ съ болѣе отдаленными племенами. Несомнѣнно, существовала и связь этнографическая, т.-е. было сознаніе общности происхожденія, языка, религіи и быта. Наконецъ, еще до такъ называемаго призванія варяговъ на Руси существовалъ уже политическій бытъ. Лѣтопись, разсказавши

---

1) „*Полемъ же*“ (т.-е. полянамъ), говоритъ лѣтопись, „*живщимъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ* (т.-е. Кія, Щека и Хорива) *бяху поляне и живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ* (т.-е. ихъ дѣти, внуки и т. д. — потомки) *княженье въ Поляхъ*“. Въ значеніи семьи разумѣется родъ и въ извѣстіи лѣтописи о Виткѣ «*Вячко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ*».

объ основаніи Кіева тремя братьями, прибавляетъ: *«и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ а другое на Полотѣ, иже Полочане»*. У каждаго, слѣдовательно, славяно-русскаго племени до образованія Русскаго государства была уже княжеская власть. Это были излюбленные князья отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ. Древляне ни за что не желали войти въ составъ Кіевскаго княжества, а о своихъ туземныхъ князьяхъ выражаются такъ: *«наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревскую землю»*. Свидѣтельство капитальной важности. Въ XII вѣкѣ мы открываемъ въ землѣ вятичей одного изъ такихъ туземныхъ князей Ходоту. Въ XIII вѣкѣ мы открываемъ Болоховскую землю, гдѣ вдругъ оказывается цѣлая линія князей, не принадлежащихъ къ дому Владиміра Святого. Они какимъ-то чудомъ успѣли задержаться до этого времени.

Здѣсь, такимъ образомъ, ключъ къ дальнѣйшей нашей исторіи. Очевидно, что дальнѣйшая эволюція должна была пойти въ томъ направленіи, чтобы эти отдѣльныя политическія единицы объединились въ одно цѣлое и изъ нихъ образовалось уже единое государство. Таковымъ государствомъ и оказалась Кіевская держава, благодаря тому, что роль политическаго объединителя въ древней Руси приняли на себя именно поляне, какъ самое древнее, культурное, развитое въ политическомъ отношеніи племя, находившееся притомъ въ особенно благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, благодаря поселенію въ среднемъ Приднѣпровьѣ, на великомъ пути изъ Варягъ въ Греки.

7-я глава. Вопросъ о началѣ Русскаго государства.

Исторія вопроса. Извѣстіе Повѣсти временныхъ лѣтъ о призваніи варяговъ. Недостовѣрность разсказа о призваніи. Норманское вліяніе на русскую жизнь. Свидѣтельство Бертинской лѣтописи. Свидѣтельство Ліутпранда. Извѣстія патріарха Фотія. Арабскіе писатели. Имя Руси въ лѣтописи: Русь—туземное племя полянъ. Черноморско-Азовская Русь.

Литература вопроса. Основнымъ и прямымъ источникомъ по вопросу о началѣ Русскаго государства является лѣтопись. Въ ней имѣетъ значеніе не только извѣстіе ея о призваніи Варяговъ, но и послѣдующія сообщенія, въ которыхъ опредѣляется этнографическое и территоріальное значеніе имени Русь. Гавнымъ образомъ въ лѣтописи заключается и лингвистическій матеріалъ—собственныя имена князей, дружинниковъ — участниковъ договоровъ Олега и Игоря съ греками и имена нарицательныя. Далѣе, вслѣдъ за русскою лѣтописью идутъ извѣстія византійскихъ, арабскихъ и западныхъ писателей. Изъ византійцевъ — Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ соч. De adminis-

trando imperio даетъ русскія и славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, патріархъ Фотій дѣлаетъ характеристику руссовъ, нападавшихъ въ 860 году на Царьградъ; арабскіе писатели сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о славянахъ и Руси; западно-европейскія хроники (Бертинская лѣтопись, Ліутпрандъ) содержатъ въ себѣ наиболѣе древнія указанія о Руси это твердыня и основа норманской теоріи.

Источники: Лѣтопись по Лавр. и Ипат. сп., Новгор., 1-я по Синод. харат. списку изд. 1888 г. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. Боннское изданіе, или въ изд. Бѣлевскаго. Monumenta Poloniae historica (Lwow, 1864), русскій переводъ Гавр. Ласкина въ Чтеніяхъ Моск. общ." 1899 года; 4 бесѣды патр. Фотія, изданныя въ русскомъ переводѣ Порфиріемъ Успенскимъ, 1864; другой переводъ 2-хъ бесѣдъ Ловягина въ Христ. Чтеніи, 1882, сент., октябрь.—Гаркави. Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ Спб. 1870; Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста. Спб. 1869. Monumenta Hermaniae historica - Scriptores. I. (Берт. хроника), III (Ліутпрандъ). Житіе св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго (греч. тексты и русскій переводъ) въ кн. ак. В. Г. Васильевскаго. „Русско-Визант. изсл.", вып. 2-й.

Пособія: *М. П. Погодинъ.* Изсл., замѣч. и лекціи, особенно II часть о варягахъ, отчасти также I-я часть (о Несторѣ) и III-я (Норманскій періодъ); А. А. Kunik. Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch Finnen und Slaven I-II. 1844—1845 XXVI, 182, XVI, 496; *В. И. Ламанскій.* О славянахъ въ Малой Азіи 1859 г.; *Дорнъ.* Каспій; *Н. И. Костомаровъ.* Начало Руси (Совр. 1860 г.) и Диспутъ съ Погодинымъ; *Гедеоновъ.* Отр. изъ изсл. о Варяжскомъ вопросѣ. Спб. 1862, 2 вып. *М. П. Погодинъ.* Гедеоновъ и его система; *Ламбинъ.* Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси (Ж. М. Н. Пр. 1874, іюнь, іюль). Труды *В. Г. Васильевскаго*, изд. Имп. Ак. Наукъ Т. 1-й СПБ. 1908 г.; Т. 2-й вып. 1-й СПБ. 1909 г.; *Гедеоновъ.* Варяги и Русь. Спб. 1876, 2 тома; Начало русскаго государства. Три чтенія *Томсена* (въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1876 г.), русскій переводъ въ „Чтеніяхъ Моск. общ." 1891 года, книга 1-я, 136 стр.; *И. Е. Забѣлинъ.* Исторія русской жизни, т. I-й; *Д. И. Иловайскій*, Разысканія о началѣ Руси и дополнительная полемика; *В. Г. Васильевскій.* Русско - Византійскія изслѣдованія, вып. 2-й. Спб. 1893. (Изсл. о житіяхъ св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго); *Ѳ. Браунъ.* Руническая надпись съ остр. Березани (Изв. И. Арх. Ком., вып. 23); *А. А. Шахматовъ.* Сказаніе о призваніи варяговъ (Изв. Отд. Рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, 1904, т. IX-й, кн. 4-я, стр. 284—365); въ переработанномъ видѣ оно вошло въ изсл. его „Разысканіе о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ", гдѣ и составило 13-ю главу (стр. 289—340); *В. О. Ключевскій.* Курсъ рус. исторіи' ч. 1-я, М. 1911.

Исторія вопроса. Мы подошли теперь къ самому трудному, сложному и спорному вопросу древней русской исторіи—къ вопросу о началѣ Русскаго государства въ связи съ призваніемъ варяговъ. Почти два столѣтія русская историческая наука занимается изслѣдованіемъ этого темнаго вопроса. Высказано было огромное количество разнообразныхъ, другъ друга исключающихъ мнѣній. Подчасъ казалось, какъ будто кромѣ этого вопроса нѣтъ другихъ существенныхъ въ русской исторіи.

Въ этомъ была значительная доля преувеличенія и увлеченія. Конечно, этотъ вопросъ очень важный, но къ чему сводится его сущность? Къ опредѣленію размѣровъ варяжскаго, то есть какъ предполагаютъ, скандинавскаго вліянія на древній укладъ нашей жизни. Но древняя Русь соприкасалась не съ одними норманнами—она имѣла разнообразныя отношенія и съ другими народами; рядомъ съ скандинавскимъ вліяніемъ было весьма сильно и вліяніе, оказанное финнами, хозарами, камскими болгарами и литовцами.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія разработки этого вопроса. Впервые, еще въ XVIII вѣкѣ, выступилъ со спеціальными статьями о варягахъ академикъ Байеръ, затѣмъ Кругъ, Погодинъ и академикъ Куникъ. Всѣ эти авторы отстаивали скандинавское или шведское, вообще германское происхожденіе варяго-руссовъ. Изъ трудовъ этихъ авторовъ наиболѣе капитальными нужно признать изслѣдованіе Погодина «О происхожденіи Руси» (1825 г.) и книгу академика Куника о призваніи шведской Руси: «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch Finnen und Slaven» (1844—45 г.). Послѣдняя составила эпоху въ норманской теоріи [1].

---

[1]) Это главный трудъ по норманской теоріи, хотя во многомъ авторъ его могъ воспользоваться и работами своихъ предшественниковъ—и нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ. Но его трудъ отвѣчаетъ требованіямъ научной исторической методологіи; авторъ его отличается огромной эрудиціей въ историческихъ первоисточникахъ и стоитъ на научной основѣ въ своихъ лингвистическихъ объясненіяхъ и сближеніяхъ—въ область языкознанія и переносится имъ гл. обр. сущность доказательствъ въ пользу норманской теоріи. Заявляя, что въ полемикѣ нужно стоять на почвѣ точныхъ знаній, авторъ вооружается противъ такихъ ученыхъ, какъ Венелинъ, которые ополчались противъ скандинавомановъ подъ вліяніемъ своего національнаго славянскаго чувства. Вопросу о началѣ Русскаго гос. А. А. Куникъ придаетъ всемірно-историческое значеніе, ибо только послѣ надлежащаго освѣщенія этого начала станетъ понятна и послѣдующая его исторія. Послѣ введенія, въ 1-мъ томѣ своего труда А. А. Куникъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: доказываетъ неславянскую форму имени варягъ, подъ которой вездѣ понимаются норманны; останавливается на происхожденіи и значеніи этого имени въ формѣ византійскихъ βάραγγοι, представлявшихъ изъ себя иноземную, норманскую стражу императоровъ; имя этихъ дружинниковъ было перенесено на всѣхъ норманновъ; неславянскую форму и неславянское употребленіе представляетъ, по мнѣнію автора, и имя Русь, стоящее въ тѣсной связи съ варягами; финны называли шведовъ Ruotsi; въ пользу тождества Руси и норманновъ авторъ приводитъ рядъ доказательствъ; существованіе Галицкой и Венгерской Руси, по его мнѣнію, не противорѣчитъ норманской теоріи, такъ какъ туда вліяніе ихъ проникло позже. Въ 2-мъ томѣ авторъ возражаетъ противъ случайныхъ филологическихъ сопоставленій и сближеній имени Руси съ Роксаланами, библейскими росами и ругами острова Рюгена, кавказскими русами VII в. у араба Табари и т. п. Въ противоположность этому случайному сходству, авторъ подвергаетъ научному анализу имена первыхъ русскихъ князей и пол-

М. П. Погодинъ всю жизнь оставался горячимъ защитникомъ норманской теоріи, непоколебимо увѣреннымъ въ ея правильности, не смотря на сильныя возраженія противниковъ. Онъ ополчался противъ всякаго историческаго новшества, направленнаго противъ защищаемой имъ теоріи, считая всякое сомнѣніе въ ея истинности ересью. Послѣ изданія диссертаціи Погодина и изслѣдованія Куника поле побѣды оставалось за норманистами. Въ 1846 году, въ новомъ изданіи своей работы, Погодинъ писалъ, что рѣшеніе вопроса о началѣ Руси менѣе всего можетъ измѣниться вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ открытій. Къ норманистамъ примкнули Н. М. Карамзинъ и С. М. Соловьевъ. Не прошло однако и двадцати лѣтъ какъ нападки на норманскую теорію возобновились съ большею силою. Въ 1859 году появилась работа проф. В. И. Ламанскаго: «О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи», гдѣ авторъ выступилъ съ разносторонней критикой изслѣдованія Куника; въ 1860 году появилась статья Н. И. Костомарова: «Начало Руси», въ которой онъ выводилъ Русь изъ Литвы. Погодинъ въ 1860 году выступилъ на поединокъ въ защиту скандинавской Руси,—это знаменитый диспутъ его съ Костомаровымъ. Мы имѣемъ въ настоящее время описаніе этого диспута, который происходилъ въ присутствіи огромнаго количества студентовъ и публики. Вопросъ окончательно рѣшенъ не былъ. Всѣ симпатіи, въ особенности молодежи, были на сторонѣ Николая Ивановича Костомарова. Но нужно сказать, что Костомаровъ самъ впослѣдствіи публично отказался отъ своей собственной теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси (на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, что самый разсказъ лѣтописи представляетъ изъ себя не историческое повѣствованіе, а легенду). Разновидностью норманской теоріи слѣдуетъ признать готскую теорію. Чтобы выйти изъ затрудненій по поводу многочисленныхъ свидѣтельствъ о Черноморско-Азовской Руси, въ частности о существованіи здѣсь русскихъ письменъ, по

ководцевъ и выводитъ ихъ изъ германскихъ нарѣчій—Рюрика, Синеуса, Трувора, Аскольда и Дира, Олега и Ольги, Тура и Рогволода, Игоря, Мальфреди, Глѣба, Якуна; далѣе авторъ останавливается на извѣстіяхъ о норманскихъ россахъ до образованія Русскаго Государства въ Бертинской хроникѣ въ 839 г. и въ извѣстіи арабскаго географа Элькатиба (о нападеніи ихъ на Севилью въ Испаніи въ 844 г.). Къ норманнамъ онъ относитъ и Русь, нападавшую въ 860 году, по извѣстію византійскихъ писателей, на Константинополь, наконецъ, онъ останавливается и на извѣстіяхъ Константина Багр., Льва Діакона, Ибнъ Фоцлана—и видитъ въ нихъ также указанія на норманскія черты Руси, отличной отъ славянъ.

свидѣтельству Паннонскаго житія св. Кирилла, В. Г. Васильевскій выдвинулъ эту готскую теорію, считая ее болѣе пригодною, чѣмъ нормано-скандинавскую. Всѣ свидѣтельства о тавроскиѳахъ, а затѣмъ о Черноморско-Азовской Руси онъ относитъ къ таврическимъ готамъ. А. С. Будиловичъ производилъ слово Русь изъ готскаго языка, доказывая свою мысль этимологическими, лингвистическими и этнографическими соображеніями (отмѣтилъ готскія надписи у насъ на нѣкоторыхъ древнихъ предметахъ). Слово Рос. онъ производитъ изъ готскаго ропис. Но проф. Кнауэръ въ своей статьѣ. «О происхожденіи имени народа Русь» доказываетъ на основаніи строгихъ лингвистическихъ данныхъ, что форма Русь славяно-русскаго происхожденія и происходитъ отъ названія рѣки Волги. Въ послѣднее время была выдвинута очень энергично особая теорія происхожденія Руси отъ балтійскихъ славянъ. Представителями этого направленія являются Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ (въ своей «Исторіи русской жизни») и авторъ капитальнаго, самаго крупнаго изслѣдованія по варяго-русскому вопросу Гедеоновъ, напечатавшій первоначально «Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ», а потомъ 2-хъ томный трудъ «Варяги и Русь»; въ этой работѣ онъ выступилъ во всеоружіи знанія, одинаково глубокаго изслѣдованія какъ въ области исторической, такъ и чисто филологической. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что его изслѣдованіе гораздо убѣдительнѣе въ своей критической части, посвященной опроверженію норманизма, чѣмъ въ положительной, гдѣ онъ доказываетъ славянство варяговъ. Убѣдительными являются доводы, приводимые Гедеоновымъ въ пользу туземнаго происхожденія Руси [1]).

[1]) Въ предисловіи С. Гедеоновъ такъ формулируетъ свое отношеніе къ скандинавской теоріи: „изъ явленій, относимыхъ къ скандинавскому началу въ русской исторіи, нѣтъ ни одного, которое не нашло бы себѣ естественнаго и непринужденнаго объясненія въ частыхъ и многообразныхъ сношеніяхъ норманновъ съ Русью IX—XI столѣтій; есть такія, которымъ при схоластическомъ еще вѣрованіи въ скандинавское происхожденіе варяжскихъ князей, рѣшительно нельзя указать причины, ни отыскать загадки". Подъ вліяніемъ этого убѣжденія и составилась книга, представляющая прежде всего протестъ противъ мнимо-норманскаго происхожденія Руси. „Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло въ основаніе этому протесту; онъ вызванъ и полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ самого дѣла... Полуторастолѣтній опытъ доказалъ, что при догматѣ скандинавскаго начала Русскаго государства, научная разработка древностей исторіи Руси немыслима... неумолимое норманское veto тяготѣетъ надъ разъясненіемъ какого бы то ни было остатка нашей родной старины. И сама норманская школа не пополняетъ произведенную ею въ русской исторіи пустоту Въ объясненіяхъ письменныхъ документовъ русской исторіи съ

На поддержку А. А. Кунику выступилъ недавно проф. Том-

точки зрѣнія норманской теоріи выступаетъ все ея безсиліе, ибо она основывается не на фактахъ, а на созвучіяхъ. Изъ этого тупика не выведутъ на открытый путь и умѣренные норманисты — эклектики, ибо ихъ умѣренность есть не что иное, какъ ихъ безсиліе, невозможность согласовать воззрѣнія съ положительными историческими фактами. Они говорятъ —отдайте намъ первыхъ князей и имя Руси, берите оба языка, законы, вѣрованія, письменность народа, все то, съ чѣмъ эта теорія совпадать не можетъ. Но русская исторія, одинаково невозможна и при умѣренной, и при неумѣренной системѣ норманскаго происхожденія Руси! Но выступая столь рѣшительно противъ норманизма, Гедеоновъ все же стоитъ за достовѣрность лѣтописнаго разсказа о призваніи и только видитъ въ варягахъ не норманновъ, а балтійскихъ славянъ. Призваніе, по его мнѣнію, чисто династическое явленіе.

Въ I томѣ своего труда Гедеоновъ говоритъ о варягахъ, при чемъ I главу посвящаетъ выясненію роли норманскаго начала въ русской исторіи, останавливаясь, главнымъ образомъ, на разборѣ соображеній Круга, Куника и Погодина о норманскомъ вліяніи, отразившемся въ языкѣ, брачныхъ связяхъ, военной помощи, правовыхъ воззрѣніяхъ, славяно-русскомъ язычествѣ. Выводъ, на основаніи множества фактическихъ данныхъ, таковъ: „какъ русскій языкъ, русское право и религія, такъ и народные обычаи, дѣйствія первыхъ князей, военное дѣло, торговля и пр. совершенно свободны отъ вліянія норманскаго“. Противъ норманскаго вліянія говоритъ любовь славянъ къ свободѣ, которая не могла допустить ни завоеванія, ни мирнаго призванія; чтобы выйти изъ затрудненія заговорили о немедленномъ сліяніи норманскаго и славяно-русскаго элемента; но и это мало помогаетъ дѣлу; ибо тогда пришлось бы отказаться отъ всего того, что составляло кажущуюся силу норманской теоріи — норманскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ, свидѣтельства Ліутпранда и т. п. Противъ говоритъ и незначительное число англо-саксонскихъ монетъ въ въ Россіи, въ противоположность остзейскимъ губерніямъ. Очевидно, норманны не основной, а случайный элементъ въ нашей исторіи. Въ дальнѣйшихъ главахъ Гедеоновъ останавливается на призваніи варяжской *славянской* династіи единокровною ей Русью—шестью восточными славянскими племенами (полянами, словенами и т. п.), на основной причинѣ этого факта (призваніе высшаго въ славянщинѣ владѣтельнаго рода), на самомъ призваніи въ связи съ сношеніями Новгорода съ Поморьемъ, на преемникахъ призванныхъ князей и подручныхъ имъ князьяхъ, на значеніи имени Варягъ, Βάραγγος, vaeringjar; особенно же тщательному анализу онъ подвергаетъ вопросъ объ именахъ князей, княгинь, воеводъ, мужей, дружинниковъ въ Олеговомъ и Игоревомъ договорахъ въ связи съ самыми договорами; не отрицая присутствія норманскихъ именъ (особенно въ договорахъ, что имѣетъ свое спеціальное объясненіе), Гедеоновъ съ огромной эрудиціей выводитъ большинство ихъ изъ славянскихъ нарѣчій, а въ договорахъ находитъ подтвержденіе своего мнѣнія о славянствѣ варяжскихъ князей — и въ отношеніи ихъ ономатографіи и внѣшней редакціи, и содержанія. Наконецъ, въ заключеніе I тома Гедеоновъ говоритъ о слѣдахъ славянскаго (варяжскаго) начала въ древнѣйшемъ правѣ, языкѣ и язычествѣ руссовъ и общеславянскихъ особенностяхъ варяжскихъ (т.-е. вендскихъ) князей и дружинниковъ. Таково необычайное богатство содержанія и сила выводовъ въ *критической* части сочиненія, опровергающей норманизмъ варяговъ и устанавливающей у нихъ общія славянскія черты. Неизмѣримо слабѣе положительная часть

сенъ [1]). Рѣшительнымъ и энергичнымъ противникомъ норманизма въ отношеніи достовѣрности лѣтописнаго извѣстія о призваніи варяго-руссовъ является извѣстный русскій исто-

теоріи автора, состоящая въ замѣнѣ норманновъ балтійскими (вендскими) славянами: насколько убѣдительна аргументація въ отрицательныхъ соображеніяхъ автора, на столько слаба въ положительной части его *славянской* теоріи. Во всякомъ случаѣ уже I томомъ своего труда Гедеоновъ нанесъ тяжелое пораженіе норманской теоріи, отъ котораго она не оправилась доселѣ. Между тѣмъ II томъ его труда заключаетъ въ себѣ еще болѣе замѣчательныя, сильныя и убѣдительныя страницы. Въ I томѣ было 10 главъ, во II—11: о мнимо-норманскомъ происхожденіи Руси, славянское происхожденіе Руси, словене и русь, лѣтописецъ Несторъ, ῥῶς у патріарха Фотія, дромиты и франки, ῥῶς у Симеона Логофета, Бертинскія лѣтописи, Ахмедъ эль-Катибъ и Ліутпрандъ, Константинъ Багрянородный, argumentum a silentio. Особенный интересъ представляетъ глава — словене и русь. Указавъ, что терминъ русь не норманскаго, а славянскаго происхожденія (многочисленныя рѣки съ этимъ именемъ), Гедеоновъ устанавливаетъ двойственное (племенное и народное) значеніе терминовъ — словене и Русь въ лѣтописи: 1) имя русь, какъ народное, принадлежитъ всѣмъ племенамъ восточнаго славянства, какъ племенное, одному только югу; 2) имя славянъ, какъ племенное, принадлежитъ Новгороду; этотъ выводъ дѣйствительно нужно признать основнымъ фактомъ нашей исторіи. Извѣстіе лѣтописи о варяжскомъ началѣ Руси онъ признаетъ не легендой, а своего рода ученымъ домысломъ лѣтописца. Очень тщательно разобрано сказаніе Бертинской хроники въ связи съ установленіемъ русскаго каганата; а каганатъ опровергаетъ скандинавское происхожденіе Руси—шведы кагановъ не знали. Обстоятельны изслѣдованія Гедеонова объ извѣстіяхъ Ліутпранда и Константина Багрянороднаго.

[1]) Томсенъ—профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія въ Копенгагенскомъ университетѣ, прочитавшій на тему о началѣ Русскаго государства 3 публичныя лекціи въ Коллегіи при Оксфордскомъ университетѣ. И изъ его книги, и изъ собственнаго признанія его видно, что онъ основывается на доказательствахъ, собранныхъ въ капитальномъ трудѣ русскаго акад. А. А. Куника, отъ себя же прибавляетъ только нѣкоторыя новыя детальныя соображенія (преимущественно филологическія, напримѣръ, при разборѣ названій Днѣпровскихъ пороговъ или нѣкоторыхъ нарицательныхъ именъ). Но все же его книга принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя читаются съ особеннымъ удовольствіемъ, благодаря чрезвычайной ясности изложенія и тому обстоятельству, что ученый авторъ приводитъ съ точными указаніями тексты тѣхъ первоисточниковъ, на которые онъ ссылается. Производитъ хорошее впечатлѣніе и то, что авторъ, будучи убѣжденнымъ, можно сказать, ярымъ, горячимъ защитникомъ основной мысли объ основаніи Русскаго государства шведами, въ то же время не скрываетъ иногда передъ читателями и затрудненій, изъ нея вытекающихъ; равнымъ образомъ, онъ старается тоже повозможности объективно относиться къ извѣстіямъ источниковъ, хотя, конечно, въ силу своей задачи—подкрѣпить доводы норманской теоріи—освѣщаетъ ихъ нѣсколько односторонне. Непріятно поражаетъ, однако, у нашего автора его полемическій пріемъ, состоящій въ томъ, что обо всѣхъ противникахъ норманизма онъ говоритъ огульно и обвиняетъ ихъ безъ всякихъ доказательствъ въ томъ, что они руководствуются въ своихъ мнѣніяхъ не учеными соображеніями, а ложнымъ патріотизмомъ, который мѣшаетъ имъ, вопреки очевидности, принять мысль объ образованіи ихъ государства представителями чуждой народности.

рикъ Д. И. Иловайскій. Онъ стоитъ на критической и скептической точкѣ зрѣнія, къ которой примкнули и покойные Костомаровъ и Антоновичъ [1]). Въ послѣднее время въ защиту умѣрен-

Въ дѣйствительности въ самихъ источникахъ по темному и трудному для разрѣшенія вопросу о началѣ Русскаго государства кроется причина разнообразныхъ, нерѣдко исключающихъ другъ друга мнѣній; въ основѣ сужденій противниковъ норманизма лежитъ научный скептицизмъ, а не чувство. Полагаю, что Гедеоновъ, посвятившій свою жизнь научному изслѣдованію варяго-русскаго вопроса, руководился въ такой же мѣрѣ стремленіемъ искать только одну историческую истину, какъ и его противникъ А. А. Куникъ. М. П. Погодинъ былъ ярый русскій патріотъ, но это не помѣшало ему итти въ этомъ вопросѣ по стопамъ нѣмецкихъ ученыхъ, ибо таково было его научное убѣжденіе! Почему же не допустить, что мы, нынѣшніе противники норманизма, стараемся рѣшить данный вопросъ, подобно г. Томсену, исключительно на научныхъ основаніяхъ. Во всякомъ случаѣ я стою исключительно на этой почвѣ; полагаю, что это могли бы сказать и другіе. Въ 1 лекціи Томсенъ говоритъ о народахъ, населявшихъ въ древности Россію (въ томъ числѣ и славянахъ), которые, по его понятію, стояли на довольно низкой ступени развитія; далѣе онъ останавливается на призваніи варяговъ по извѣстію лѣтописи, которой вполнѣ довѣряетъ, указываетъ вкратцѣ на литературу по этому вопросу и на извѣстія византійскихъ и арабскихъ писателей, изъ которыхъ, впрочемъ, нельзя сдѣлать опредѣленныхъ заключеній. Во 2 главѣ доказывается скандинавское происхожденіе Руси, при чемъ авторъ основывается, главнымъ образомъ, на извѣстіи Бертинской лѣтописи, Ліутпранда и Константина Багрянороднаго (названія Днѣпровскихъ пороговъ), на разборѣ именъ дружинниковъ, на свидѣтельствахъ археологіи, сагъ и рунъ о походахъ норманновъ въ Гардарикію. Третье чтеніе посвящено имени Руси и исторіи скандинавскаго элемента въ Россіи; имя Русь авторъ ставитъ въ связь съ финскимъ наименованіемъ шведовъ—Ruotsi; отъ финновъ оно перешло къ восточнымъ славянамъ въ формѣ Русь, но потомъ съ образованіемъ русскаго государства стало употребляться для обозначенія чисто славянской народности. Подъ варягами также разумѣлись скандинавы; это было русское ихъ названіе. Скандинавское вліяніе продержалось довольно долго въ Россіи и слѣды его особенно замѣтны въ языкѣ: въ доказательство Томсенъ приводитъ нѣсколько древне-русскихъ и областныхъ словъ изъ шведскаго языка. Таково содержаніе монографіи Томсена. Мы сочли полезнымъ остановиться на ней въ виду того, что она представляетъ изъ себя новѣйшую попытку обосновать норманскую теорію. Все это, какъ мы видимъ, старыя доказательства норманистовъ; интереснѣе его филологическія производства названій Днѣпровскихъ пороговъ, но и послѣ нихъ остается впечатлѣніе крайняго искаженія ихъ у Константина Багрянороднаго.

[1]) Д. И. Иловайскій въ своихъ „Разысканіяхъ о началѣ Руси“, составляющихъ введеніе въ его „Исторію Россіи“ собралъ всѣ свои (преимущественно полемическія) статьи по вопросу о началѣ Русскаго государства. Первая изъ нихъ „О мнимомъ призваніи варяговъ“ заключаетъ въ себѣ VIII главъ: I. Норманисты и ихъ противники. Невѣроятность призванія. II. Договоры съ греками. Извѣстія византійцевъ. III. Личныя имена. Извѣстія арабовъ. V. Новгородскій оттѣнокъ легенды о призваніи князей. VI. Русь Азовско Черноморская. Параллельныя легенды о призваніи у другихъ народовъ. VII. Система осмысленія народныхъ именъ. Происхожденіе имени Русь. VIII. Роксолане. Скиѳы. Готы.

наго норманизма выступили ак. А. А. Шахматовъ и проф. В. О. Ключевскій [1]). Я стою на скептической точкѣ зрѣнія въ этомъ вопросѣ. И дѣйствительно: зачѣмъ намъ рѣшать вопросъ, кто были варяго-руссы, до тѣхъ поръ, пока не рѣшенъ предварительный вопросъ, было ли само призваніе? А такъ какъ извѣстіе о немъ находится въ лѣтописи, то необходимо критически разобрать ея разсказъ о призваніи варяговъ.

Славянская народность Руси. Какъ видимъ уже изъ одного этого заглавія,- авторъ подвергъ здѣсь пересмотру варяжскій вопросъ во всемъ его объемѣ. Его мнѣніе рѣзко отличается оoъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что онъ отрицаетъ самую достовѣрность лѣтописнаго разсказа о призваніи варяговъ — здѣсь Д. И. Иловайскій вполнѣ оригиналенъ и въ этомъ, на мой взглядъ, самая сильная и убѣдительная сторона его теоріи. Въ своемъ разборѣ свидѣтельствъ, на которыя опираются норманисты, онъ большею частію также приводитъ свои собственныя возраженія, но иногда развиваетъ и положенія, высказанныя Гедеоновымъ. Какъ бы то ни было, въ книгѣ Д. И. Иловайскаго находится весьма полный систематическій подборъ данныхъ противъ норманской теоріи. Гораздо менѣе убѣдительна положительная сторона теоріи Д. И. Иловайскаго, состоящая въ отождествленіи Руси съ роксаланами, выраженная въ слѣдующихъ его словахъ: „по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Рось или Русь и Роксолане это одно и то же названіе, одинъ и тотъ же народъ“. Кромѣ указанной выше статьи Д. И. Иловайскій помѣстилъ въ своихъ „Разысканіяхъ“ обширный отвѣтъ М. П. Погодину, гдѣ коснулся и исторіи норманизма, и лѣтописнаго свода, и филологіи норманистовъ. Затѣмъ далѣе ближайшее отношеніе къ вопросу имѣетъ помѣщенная тамъ же и богатая фактами монографія его о болгарахъ и Руси на Азовскомъ поморьѣ. Наконецъ, нѣкоторыхъ частностей вопроса касаются его полемическіе отвѣты В. Ѳ. Миллеру, А. А. Кунику, г. Ламбину.

[1]) Изученіе лѣтописныхъ текстовъ, содержащихъ извѣстіе о призваніи Варяговъ, сдѣлало большой шагъ впередъ благодаря тщательнымъ и глубокимъ изслѣдованіямъ акад. А. А. Шахматова. Путемъ критическаго изученія текстовъ сказанія о призваніи варяговъ и логическаго и остроумнаго ихъ объясненія, А. А. Шахматовъ приходитъ къ убѣжденію, что сказаніе это, возстановленное для древнѣйшихъ изводовъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, не будетъ древнѣйшимъ. Болѣе древнимъ онъ признаетъ возстанавливаемый имъ текстъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода первой половины XI вѣка. Въ этомъ послѣднемъ говорилось только о призваніи варяговъ, но не Руси, безъ участія въ этомъ призваніи Чуди, при чемъ князья взяли съ собою не весь народъ Русь, а только дружину. Другія двѣ версіи помѣщены въ двухъ редакціяхъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (по Лавр. и Ип. списку) и отличаются, какъ извѣстно, другъ отъ друга тѣмъ, что по первой Рюрикъ садится въ Новгородѣ, а по второй въ Ладогѣ, по первой построили Новгородъ сами славяне, а по второй—Рюрикъ. Въ основаніи этихъ версій лежатъ народныя преданія, но преданія эти облечены книжниками въ сложныя сказанія, преслѣдовавшія опредѣленную цѣль объяснить начало Русской земли. Сѣверныя преданія сообщили о призваніи варяговъ, а южныя объ иноземномъ варяжскомъ происхожденіи Руси. Ставя вопросъ о смыслѣ и происхожденіи этихъ различныхъ сказаній, А. А. Шахматовъ отмѣчаетъ различную роль норманскаго элемента въ сѣверной Новгородской Руси, гдѣ норманы первоначально были только собирателями дани, и гдѣ Русью

Извѣстіе о призваніи варяговъ. Въ лѣтописи подъ 859 годомъ мы читаемъ. „*Имаху дань варязи изъ за морья на Чюди и на Словенѣхъ и на Мерѣ и на Весѣхъ (и на Кривичѣхъ) а Козари, имаху на Полянехъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма*". Сущность извѣстія заключается въ томъ, что было два племенныхъ союза: сѣверный и южный; во главѣ перваго стояли варяги, во главѣ второго — хозары. Въ составъ перваго союза, который потомъ и призвалъ варяжскихъ князей, входили но-

---

финны называли шведовъ, и въ Кіевской землѣ, гдѣ ихъ участіе, главнымъ образомъ, создало городской и государственный бытъ; но послѣ этого ту же новую роль они стали играть и въ Новгородѣ, образовавъ тамъ государство при Рюрикѣ. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ, Игорь являются варяжскими князьями, о которыхъ сохранились мѣстныя преданія, а затѣмъ возникли и мѣстныя записи, получившія литературную обработку.

Спрашивается: какую же теорію образованія Русскаго государства поддерживаютъ новые выводы акад. А. А. Шахматова? Повидимому, онъ подкрѣпляетъ своими открытіями доводы норманистовъ, но дѣлаетъ это въ осторожной, умѣренной формѣ.

„Споръ между норманистами и ихъ противниками, говоритъ онъ, завязался въ первой половинѣ прошлаго столѣтія вокругъ лѣтописнаго текста „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Здравая критика, внесенная въ пониманіе его Эверсомъ, Костомаровымъ, Гедеоновымъ, Иловайскимъ и другими показала всю шаткость основанія, на которомъ строили свое зданіе норманисты. Но ихъ противники ушли слишкомъ далеко по пути отрицанія и не пожелали увидѣть за буквою лѣтописнаго текста такіе элементы народныхъ преданій, которые не придумываются и не создаются фантазіей." А. А. Шахматовъ переноситъ на цѣлое столѣтіе (съ нач. XII къ нач. XI) запись о призваніи варяговъ—но это мало подкрѣпляетъ его достовѣрность въ его основѣ, т.-е. въ разсказѣ о призваніи и образованіи государства; онъ придаетъ ему въ первоначальномъ видѣ характеръ мѣстныхъ народныхъ преданій, которыя не были, по его словамъ, придуманы, но народность ихъ мало обоснована и они, кромѣ того, противорѣчатъ другъ другу; а главное, онъ не отрицаетъ того, что эти сказанія были обращены книжниками въ своего рода ученые домыслы, какъ это указывалось ранѣе, и это имѣетъ рѣшающее (отрицательное) значеніе при опредѣленіи ихъ достовѣрности. А. А. Шахматовъ говоритъ, что историческая наука должна будетъ связать сѣверное и южное преданіе съ дѣйствительными историческими событіями и онъ самъ въ значительной степени останавливается на этомъ вопросѣ, высказавъ рядъ замѣчаній о роли варяговъ и Руси въ Кіевѣ и Новгородѣ. Но значительное участіе норманскаго элемента въ жизни сѣверной и южной Руси еще не рѣшаетъ вопроса о созданіи Русскаго государства варяжской династіей. Здѣсь существенно важнымъ является ссылка А. А. Шахматова на проложную статью о Владимірѣ, гдѣ о немъ говорится: „сь бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжьска князь Володимиръ"; остальныя доказательства, въ томъ числѣ и поученіе въ недѣлю Мытаря и Фарисея, истолкованное В. О. Ключевскимъ, относятся уже къ дружинѣ, а не къ династіи. Что же касается перваго доказательства, то оно только свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ теоріей лѣтописца о варяжскомъ происхожденіи нашей династіи. Подобно тому какъ нѣкогда Шлецеръ стремился критическимъ путемъ получить текстъ *очищеннаго* Нестора, такъ теперь А. А. Шахматовъ даетъ намъ на основаніи критики текстовъ

вгородцы и кривичи съ одной стороны, а затѣмъ различныя чудскія племена съ другой. Итакъ, слѣдовательно, въ призваніи князей должны были участвоватъ не всѣ славяно-русскія племена, а только часть ихъ, обитавшая на сѣверѣ, и финны. Такъ обстояло дѣло въ 859 году; но вотъ по проблематичной хронологіи лѣтописи проходитъ 3 года и совершается событіе первостепенной важности: *„Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды, и въста*

и болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ очищенный и, такъ сказать, освобожденный отъ многихъ несообразностей (напримѣръ, хронологіи, генеологіи и т. п.), но все же *предположительный* первоначальный текстъ сказанія. Конечно, онъ болѣе согласованъ съ исторической вѣроятностью, чѣмъ текстъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Но и онъ не разрѣшаетъ ни вѣроятности добровольнаго призванія, ни хронологіи и генеалогіи варяжской династіи, ни остальныхъ затрудненій, связанныхъ съ гипотезой о томъ, что начало Русскому государству было положено иноземной династіей, изъ которой вышли всѣ первые Кіевскіе князья.

Попытку органически связать начало Руси съ норманнами сдѣлалъ еще и В. О. Ключевскій.

В. О. Ключевскій далъ стройную схему Варяжскаго вопроса, поставивъ его въ связь съ эволюцій племеннаго быта въ IX—XI вв. Первымъ моментомъ въ этой эволюціи было образованіе городскихъ военно-промышленныхъ центровъ, и появленіе въ нихъ варяжскихъ (норманскихъ) дружинниковъ и купцовъ, „образовавшихъ густой слой" вь составѣ мѣстнаго населенія 1 пол. IX в. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образованіе ея сопровождалось появленіемъ другой вторичной мѣстной формы варяжскихъ княжествъ, гдѣ норманскіе пришельцы превращались во властителей съ ихъ вождями — конунгами во главѣ; таковы варяжскія княжества Рюрика въ Новгородѣ, Синеуса на Бѣлоозерѣ, Трувора въ Изборскѣ Аскольда и Дира въ Кіевѣ, Рогволода въ Полоцкѣ, Тура въ Туровѣ. Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Кіевское*: оно явилось сперва однимъ изъ мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ: Аскольдъ съ братомъ усѣлись въ Кіевѣ, какъ простые варяжскіе конинги, охранявшіе внѣшнюю безопасность и торговые интересы захваченнаго или владѣнія. Олегъ шелъ по ихъ слѣдамъ и продолжалъ ихъ дѣла... Но военно-промышленное положеніе Кіева сообщило всѣмъ имъ болѣе широкое значеніе и Кіевское княжество получило значеніе Русскаго государства... Какъ видно изъ изложеннаго и схема В. О. Ключевскаго очень далеко отстоитъ отъ схемы норманистовъ: разсказъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" былъ для проф. Томсена вполнѣ достовѣрнымъ, младенчески простодушнымъ повѣствованіемъ, проф. В. О. Ключевскій иронически называетъ его схематической притчей, приспособленной для дѣтей школьнаго возраста. Мотивомъ призванія В. О. Ключевскій выставляетъ не заботу о внутреннемъ нарядѣ, а охрану внѣшней безопасности. Вмѣсто мало вѣроятнаго добровольнаго призванія одного и того же народа, онъ выставляетъ завоеваніе, какъ результатъ возстанія противъ пришельцевъ со стороны мѣстнаго населенія, что также находится въ противорѣчіи съ мнѣніемъ норманистовъ. Наконецъ, онъ расходится съ норманистами и въ томъ, что пріурочиваетъ дѣйствительное основаніе Русскаго государства къ Кіеву, а не Новгороду. Все же однако В. О. твердо стоитъ и за норманство Руси, и за образованіе Русскаго государства норманами. Но нельзя не видѣть, что онъ въ своей

родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ собѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ, к Руси, си бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свіе, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи и Веи: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжитъ и володѣти нами. И избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣде Новѣгородѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Русская земля, Новугородьцы ти суть людіе Новугородьци отъ рода Варяжска, преже же бо бѣша словѣне". Спрашивается теперь, можемъ ли мы отнестись съ довѣріемъ къ этому лѣтописному отрывку? Попробуемъ разобраться въ немъ.

Недостовѣрность разсказа о призваніи. Прежде всего мы должны отмѣтить то обстоятельство, что этотъ лѣтописный отрывокъ принадлежитъ лицу, которое составило лѣтопись только въ концѣ XI и даже въ началѣ XII вѣка, слѣдовательно, этотъ раз-

---

схемѣ даетъ намъ „очищенный" отъ несообразностей, но гипотетическій норманизмъ, имѣющій мало общаго со схемою, данною намъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ". Это блестящая попытка современнаго историка представить эволюцію древне-русской жизни, отведя въ ней руководящую роль норманнамъ. Но эта попытка возбуждаетъ у насъ много сомнѣній, особенно въ части, касающейся варяговъ. Указывая на мѣстныя политическія организаціи, придавая во второй и третьей изъ нихъ руководящую роль варягамъ, В. О. Ключевскій ничего не говоритъ о тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ княжеская власть принадлежала мѣстнымъ владѣтелямъ туземнаго же, а не варяжскаго рода, а между тѣмъ о нихъ, какъ мы видѣли въ концѣ предыдущей главы, совершенно опредѣленно говоритъ лѣтописецъ, и притомъ не какъ о частномъ, а общемъ явленіи (свое княженіе въ Поляхъ, а въ деревляхъ, у дреговичей, и у полочанъ, и у новгородцевъ свое). А если это было такъ, то зачѣмъ же понадобились варяжскія династіи? Вѣдь такое княжество, въ которомъ власть принадлежала потомкамъ Кія, въ городѣ Кіевѣ уже существовало до появленія тамъ Аскольда и Олега. Были подобные мѣстные князья всюду. Что касается свидѣтельствъ о Руси на югѣ въ 1 пол. и началѣ 2 пол. IX в., то вопросъ сводится къ тому—были это норманскія (русскія) дружины, какъ полагаютъ норманисты и В. О. Ключевскій, или же это была Днѣпровско-Кіевская Черноморская славянская народность, какъ думаемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями мы. Далѣе, представляется натяжкой толкованіе В. О. Ключевскаго, что ильменскіе славяне, кривичи и меря призывали Рюрика, главнымъ образомъ, для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, а не для внутренняго наряда. Главная забота сѣверно-русскихъ славянъ состояла тогда въ расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ финновъ — съ этою цѣлью „рубились" города и раздавались мужамъ, т.-е. дружинникамъ вообще. Что касается возстанія Вадима, которое будто бы привело къ захвату власти въ Новгородѣ Рюрикомъ, то извѣстіе о немъ является еще болѣе баснословнымъ, чѣмъ разсказъ о Рюрикѣ, и основывать на немъ мысль, ниспровергающую основу „мирнаго призыва" Рюрика, едва ли возможно, хотя и соблазнительно.

сказъ, относящійся къ половинѣ IX вѣка, отдѣляется отъ конца XI-го и начала XII-го вѣка 2¼ столѣтіями. Въ ту эпоху, къ которой относится этотъ разсказъ, не могло быть письменныхъ записей о Руси. Слѣдовательно, этотъ разсказъ не могъ дойти до лѣтописца въ готовомъ видѣ отъ болѣе древняго времени, а представляетъ или лѣтописную легенду, или научный домыселъ лѣтописца, т.-е. своего рода ученое соображеніе его. Я склоняюсь къ послѣднему предположенію потому, что лѣтописецъ былъ не чуждъ ученой систематизаціи. Въ данномъ случаѣ фигурируютъ три брата,—столь любимое число во всѣхъ легендарныхъ сказаніяхъ, находящееся въ полномъ соотвѣтствіи съ тремя братьями, положившими будто бы начало городу Кіеву. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ двумя преданіями о началѣ Руси—сѣверно-русскимъ и южно-русскимъ; въ сѣверно-русскомъ домыслѣ фигурируетъ Новгородъ съ 3 братьями—Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ, а въ южно-русскомъ—Кіевъ съ 3 братьями—Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ. Домыселъ о происхожденіи Кіева имѣлъ своею цѣлью связать начало Руси съ Кіевомъ, разсказъ о призваніи варяжскихъ князей связывалъ его съ Новгородомъ. Если мы примемъ разсказъ о призваніи варяговъ въ качествѣ исторически достовѣрнаго повѣствованія, то къ какого рода естественнымъ, необходимымъ логическимъ послѣдствіямъ мы должны будемъ прійти? Мы должны были бы признать тотъ фактъ, что начало и объединеніе Русской земли находится въ тѣсной связи съ Великимъ Новгородомъ. Изъ Новгорода пошла бы тогда Русская земля. Но лѣтописецъ, выведя начало Руси изъ Новгорода, по свойственной начинающимъ, лишеннымъ духа критики писателямъ забывчивости, забываетъ объ этомъ и свой дальнѣйшій разсказъ связываетъ не съ Новгородомъ, а съ Кіевомъ; даже свою повѣсть временныхъ лѣтъ онъ озаглавливаетъ такъ: «*Се повѣсти времянныхъ лѣтъ откуду есть пошла Русская земя кто въ Кыевѣ первѣе нача княжити*». И другой разъ онъ первое упоминаніе имени Руси ставитъ въ связь не съ Новгородомъ и варягами, а съ Кіевомъ и Царьградомъ, съ началомъ царствованія въ немъ Михаила. «*Михаилу наченшю царствовати*», говоритъ онъ: *начася прозывати Русская земля*». Итакъ, слѣдовательно, мы имѣемъ непримиримое противорѣчіе двухъ разсказовъ о началѣ Русскаго государства: одинъ новгородскаго, другой кіевскаго происхожденія. Что первый долженъ былъ появиться, именно, въ Новгородѣ, это ясно вытекаетъ изъ того, что новгородцы находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ варягами-норманнами. Но что Новгородъ не игралъ приписываемой ему роли въ образованіи Русскаго государства, это ясно доказывается извѣстіемъ

лѣтописи о томъ, въ какія отношенія очень скоро сталъ Новгородъ къ Кіеву и Кіевъ къ Новгороду. Если бы дѣйствительно образованіе Русскаго государства было обязано своимъ происхожденіемъ Новгороду, то этотъ послѣдній не могъ бы играть той блѣдной политической роли, какую онъ игралъ въ дѣйствительности, по сообщенію того же лѣтописца. Олегъ, явившись изъ Новгорода, столицы Русской земли, забываетъ о ней, и Новгородъ даже облагается данью въ пользу новаго, не варяжскаго города. Если мы теперь обратимся къ другимъ подробностямъ, сообщаемымъ разсказомъ лѣтописи, то и въ нихъ натолкнемся на неустранимыя затрудненія. Какъ понимать выраженіе: «пояша по себѣ всю Русь?». Былъ ли призванъ дѣйствительно весь народъ, какъ объ этомъ говорится въ лѣтописи, или сравнительно небольшая норманская дружина? Если дѣйствительно варяжскіе князья взяли съ собою всю Русь, тогда намъ сдѣлается, быть можетъ, понятнѣе, почему послѣ этого ни разу и нигдѣ не упоминалось о существованіи этого народа на побережьѣ Балтійскаго моря. Тогда стало бы намъ болѣе понятнымъ, почему этотъ чужеродный народъ могъ дать имя покоренному имъ, многочисленному славяно-русскому племени. Конечно, и тогда мы должны были бы признать совершенно невѣроятнымъ, чтобы такого рода завоеваніе (но не добровольное призваніе) могло имѣть мѣсто и при томъ произойти въ теченіе всего трехъ лѣтъ; ибо въ 862 году было призваніе варяго-руссовъ, а въ 865 (а вѣрнѣе 860 году) Русь является уже подъ стѣнами Константинополя, съ которымъ она уже имѣла дѣло и ранѣе того, и приводитъ въ ужасъ населеніе столицы тогдашняго Европейскаго міра. Но степень норманскаго (т.-е. германскаго) вліянія на русско-славянскія племена была сравнительно очень невелика и во всякомъ случаѣ не такова, чтобы ее можно было поставить въ связь съ приходомъ въ Новгородъ цѣлаго народа Русь съ женами и дѣтьми. Для того, чтобы отстаивать свою позицію, норманисты должны были выставить мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ лѣтописнымь свидѣтельствомъ,— что призванъ былъ не народъ съ женами и дѣтьми, а князья и дружинники, явившіеся туда ради добычи. Но если мы на минуту остановимся на подобномъ предположеніи, то снова попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго выбраться нѣтъ никакой возможности. Если въ самомъ дѣлѣ это была небольшая дружина, то какъ могла она покорить и связать въ одно государство огромный славяно-русскій народъ, состоявшій изъ множества разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ и независимыхъ другъ отъ друга племенъ? Но является еще одно не менѣе зна-

чительное внутреннее противорѣчіе во мнѣніяхъ защитниковъ лѣтописнаго домысла: одни, въ согласіи съ лѣтописью, полагаютъ, что это было добровольное призваніе, другіе, вступая въ противорѣчіе съ нею, думаютъ, что это было завоеваніе. Дѣйствительно, не напрасно выдвигаютъ теорію завоеванія, потому что принять теорію призванія въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена лѣтописью, значитъ признать событіе невозможное для народной психологіи. Ссылаются на то, что будто бы подобные случаи бывали въ исторіи. Однако случаевъ, тождественныхъ съ настоящимъ, никогда не было, да и прямо нужно сказать, что это психологически невозможно. Правда, жители города Руана, напримѣръ, призвали въ одно время Роллона въ силу необходимости для того, чтобы имѣть его защитникомъ противъ другихъ враговъ. Они были стѣснены со всѣхъ сторонъ, имъ важно было призвать Роллона. Но въ данномъ случаѣ призывается вѣдь тотъ самый народъ, который былъ раньше изгнанъ, и призывается не для защиты отъ врага, а для установленія внутренняго порядка, и это дѣлается двумя совершенно различными и даже враждебными народами — славянскимъ и финскимъ. Могли ли эти два народа объединиться другъ съ другомъ для этой цѣли въ то время, когда не было порядка и согласія даже среди однихъ славянъ, когда у нихъ, по словамъ лѣтописи, «showста родъ на родъ?» Для осуществленія совмѣстнаго призванія князей славянами и финнами требовался одинаковый уровень политическаго развитія, каковаго въ дѣйствительности не было, потому что финскія племена, какъ это доказывается ихъ исторіей, въ политическомъ отношеніи стояли гораздо ниже славяно-русскихъ. И если среди самихъ славянъ происходили внутреннія междоусобія, то, конечно, трудно было имъ сговориться со своими сосѣдями-финнами, ибо подобнаго рода соглашенія предполагаютъ въ значительной степени внутренній миръ.

Норманское вліяніе на русскую жизнь. Переходимъ теперь къ самой существенной сторонѣ даннаго вопроса — къ размѣрамъ варяго-русскаго, т.-е. нѣмецкаго, какъ предполагаютъ норманисты, вліянія на древне-русскую жизнь, въ связи съ образованіемъ Рюрикомъ государства въ Новгородѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса въ литературѣ норманистовъ, мы должны будемъ вмѣстѣ съ Гедеоновымъ констатировать тотъ основной фактъ, что германское начало въ древне-русской жизни не является основнымъ, оно оказывается факторомъ производнымъ и случайнымъ, и то, что дѣйствительно было творящимъ началомъ въ отношеніи къ нашему государственному и общественному быту, не находилось въ связи съ этимъ началомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ подвергнуть разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія всѣ относящіеся сюда матеріалы, которыми такъ широко пользуются норманисты. Главнымъ доказательствомъ ихъ является филологія, т.-е. присутствіе нѣмецкихъ корней въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. Эти имена путемъ кропотливой работы норманисты стараются вывести изъ различныхъ германскихъ нарѣчій. Допустимъ, что это вѣрно, что цѣлый рядъ собственныхъ и нарицательныхъ древнихъ славяно-русскихъ именъ, дѣйствительно, можетъ быть объясненъ изъ германскихъ нарѣчій. Спрашивается, можемъ ли мы сдѣлать тотъ выводъ, который долженъ быть сдѣланъ норманистами, если они хотятъ поставить въ генетическую связь своихъ норманновъ и шведовъ съ нашей древней Русью? Другими словами, каковъ былъ тотъ русскій языкъ, который намъ извѣстенъ по древнимъ памятникамъ — германскій или славянскій? На этотъ коренной вопросъ памятники даютъ категорическій, но въ то же время отрицательный для норманистовъ отвѣтъ. Самъ лѣтописецъ, который оставилъ намъ преданіе о началѣ Русскаго государства, высказываетъ по этому поводу мимоходомъ слѣдующее уничтожающее норманизмъ заключеніе: «*отъ Словеньска языка и мы есмо Русь, а словеньскый языкъ и русскій одно есть*». Вотъ ясный и прямой отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Славянскій и русскій языкъ — это одно. Почему? — Потому что Русь не представляла изъ себя чужеземнаго племени. Въ представленіи лѣтописца народность и языкъ — понятія тождественныя. Слѣдовательно, говоря о единствѣ славянскаго и русскаго языковъ, онъ устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство народностей. Съ этой точки зрѣнія присутствіе хотя бы и значительнаго количества чужеземныхъ словъ въ извѣстномъ языкѣ отнюдь не свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ языкъ былъ чужеземенъ. Вотъ ключъ къ оцѣнкѣ цѣлой массы филологическихъ доказательствъ приводимыхъ норманистами въ пользу своей теоріи. Если мы примемъ это основное положеніе, то получимъ достаточно матеріала, чтобы освѣтить значеніе приводимыхъ ими доказательствъ. Каковы эти доказательства? Попробуемъ остановится на этихъ филологическихъ соображеніяхъ, ибо они составляютъ главную силу норманистовъ. Эти послѣдніе обращаются къ извѣстіямъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго, который принималъ у себя въ столицѣ русскую княгиню Ольгу и оставилъ очень важное свидѣтельство о названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Одни изъ этихъ названій онъ приводитъ по-русски, а другія—по-славянски (ῥωσιστὶ καὶ σκλαβινιστὶ). Конечно, если бы мы

имѣли дѣло съ дѣйствительнымъ неискаженнымъ матеріаломъ, то такимъ образомъ получили бы въ этой номенклатурѣ важный источникъ для характеристики взаимныхъ отношеній русскаго и славянскаго языковъ. Что же, однако, оказывается? Вотъ славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ: Вульнипрагъ, Островунипвупрагъ, Неяситъ (Вольный порогъ, Островной порогъ, Ненасытецкій порогъ). Но вотъ два другихъ также славянскихъ названія: «Веруци» и «Напрези». Славянскій языкъ близокъ нашему уху, но въ этихъ названіяхъ славянщина не слышится. Наше положеніе однако дѣлается еще болѣе затруднительнымъ, когда Константинъ Багрянородный приводитъ названіе одного порога, которое и по-русски и по-славянски звучитъ тождественно — «Есупи». Объясненіе этого названія имѣется у Константина Багрянороднаго и потому только мы разгадываемъ его; «Есупи» — значитъ — «не спи»; это такой порогъ, при которомъ кормчій не долженъ спать. Но при чемъ же здѣсь нѣмецкій языкъ? Тотъ же Константинъ Багрянородный приводитъ названія древне-русскихъ городовъ, и вотъ какого рода искаженія мы находимъ въ этихъ названіяхъ: «Милиниксъ»; не угодно ли подъ этимъ именемъ узнать «Смоленскъ». — «Тдзернигога» — Черниговъ, но еще хуже — «Теліутдза» — «Любечъ», мѣстечко «Любечъ» — древній городъ сѣверской земли. Послѣ этого для насъ дѣлается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что и названія пороговъ у Константина Багрянороднаго въ значительной степени испорчены: онъ можетъ быть и стремился къ точности, но его греческое ухо, не привыкшее къ варварскому сочетанію звуковъ, дало нѣчто другое. Если мы обратимся къ названію пороговъ на русскомъ языкѣ (Ульборси, Геландри, Айфаръ, Баруфоросъ, Леанти, Струвунъ), то опять-таки должны будемъ прійти къ заключенію, что и эти названія сильно искажены и, слѣдовательно, представляютъ плохой матеріалъ для выводовъ о языкѣ. Правда, нѣкоторыя названія легко объясняются изъ германскихъ корней, напримѣръ, βαρούφορος, другія же весьма трудны для объясненія изъ того же источника, и, прежде чѣмъ объяснить ихъ, норманисты сами подвергаютъ ихъ сильнѣйшему измѣненію (напр. Ульборси). Но какого рода выводъ можно сдѣлать изъ этого факта? Намъ хорошо извѣстно, что знаменитый Днѣпровскій путь назывался варяжскимъ, т.-е. именно въ честь тѣхъ норманновъ, которые ходили по этому пути. И что удивительнаго въ томъ, что Русью Императоръ могъ называть норманновъ, если они играли такую важную роль въ составѣ славяно-русскихъ туземныхъ дружинъ. Будетъ ли удивительнымъ, при такихъ условіяхъ, что и нѣкоторая часть этого пути, именно Днѣпровскіе пороги, получила

свои германскія названія отъ тѣхъ, именно, норманновъ, которые по немъ ходили. Большаго заключенія изъ этого факта мы не имѣемъ возможности сдѣлать. Такіе же пріемы широкихъ выводовъ практикуютъ представители норманской школы и относительно другихъ именъ. Было бы утомительно и безполезно указывать на филологическіе домыслы, посредствомъ которыхъ имена нашихъ первыхъ князей, имена дружинниковъ, имена пословъ, которыя помѣщены въ договорахъ нашихъ съ греками, объясняются изъ германскихъ нарѣчій. Филологическая наука здѣсь поработала немало, но результатъ тотъ, что эти собственныя имена и большое количество нарицательныхъ выводятся какъ изъ германскихъ, такъ и изъ славянскихъ нарѣчій. Въ противоположность Кунику и Кругу, выводившимъ ихъ изъ германскихъ нарѣчій, академикъ Срезневскій и Гедеоновъ дѣлаютъ не менѣе удачную попытку выводить ихъ изъ славянскихъ нарѣчій. Оказывается то, что должно было получиться: составъ нашей древне-русской дружины былъ въ высшей степени разнообразенъ; сюда входило очень большое количество норманскихъ дружинниковъ, которымъ въ извѣстные моменты нашей исторіи принадлежала рѣшающая роль въ войнахъ и торговыхъ связяхъ; вотъ это-то обстоятельство и объясняетъ намъ значительное количество названій германскаго корня. Сюда относятся собственныя имена дружинниковъ, которыя объясняются изъ германскаго корня и большей частью находятся въ договорахъ Олега и Игоря съ греками — всего около 70-ти именъ (Карлы, Фарлофъ, Инегельдъ и др.). Но рядомъ съ ними мы находимъ имена славянскія, какъ-то — Синко, Турбидъ, Боричъ, Лютъ, Блудъ, Волчій Хвостъ. Имена первыхъ князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Владимира) норманисты считаютъ германскими, а Гедеоновъ доказываетъ ихъ славянское происхожденіе. Слова—шелягъ (шиллингъ), стерлагъ (штерлингъ), тіунъ — несомнѣнно германскія; термины — «огнищанинъ, вѣно, болярииъ, вервь, вира, дума, князь, мечъ, мостъ, оружіе, господинъ, холопь» — норманисты объясняютъ изъ германскихъ нарѣчій, а И. И. Срезневскій — многія изъ нихъ изъ славянскихъ; Гедеоновъ же присоединяетъ сюда и такія слова, какъ броня, весь, гривна, градъ, коляда, луда, стягъ, гость, вервь, скотъ, смердъ и мн. др. Но спрашивается: опровергается ли всѣми этими филологическими доказательствами норманистовъ извѣстіе лѣтописи, что русскій языкъ и славянскій единъ? Конечно, нѣтъ! Итакъ, въ русскомъ языкѣ нѣмецкое вліяніе отразилось очень слабо. Другая серія доказательствъ норманистовъ сводится къ брачнымъ связямъ первыхъ русскихъ князей. Связи съ норманнами были не только

на военномъ полѣ, но и на почвѣ семейныхъ отношеній. Но и здѣсь мы должны сдѣлать важное ограниченіе: оказывается, что такого рода брачныя связи открываются у насъ со времени Ярослава Мудраго, который женится на «Ингигердѣ» и при немъ появляются при кіевскомъ дворѣ норманскіе конунги (Олафъ Св. ищетъ убѣжища въ Кіевѣ и поручаетъ Ярославу сына своего Магнуса), Гаральдъ женится на дочери Ярослава Эллизифѣ—Елизаветѣ. Но скандинавскія саги ничего не знаютъ о норманскомъ происхожденіи Рюрика. Другими словами, брачныя связи получаютъ свое развитіе тогда, когда норманскій элементъ не игралъ роли, какая ему приписывается, въ созданіи русскаго государства. Остается разсмотрѣть третье доказательство норманскаго вліянія на Русь — значеніе норманскихъ дружинъ. Дѣйствительно норманскіе дружинники постоянно являются на службу къ русскимъ князьямъ. Ихъ было такъ много, что Владиміръ рѣшилъ сплавить ихъ въ Константинополь. Значитъ, онъ уже тяготился ими. У византійскихъ императоровъ была особая варяжская дружина. Все это факты, стоящіе внѣ всякаго сомнѣнія; но спрашивается, есть ли какая-либо аналогія между этими фактами и тѣми, которые мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ, гдѣ на долю норманновъ выпала великая задача образованія государствъ (въ Англіи и сѣверной Франціи). Подобнаго факта у насъ мы не наблюдаемъ. Роллонъ послѣ призванія дѣлитъ землю между своими дружинниками посредствомъ веревки. Такой ленной системы мы у себя не знаемъ; тамъ являются побѣдители и побѣжденные; у насъ этого не было. Къ намъ норманны являлись въ качествѣ наемниковъ ради добычи; объ этомъ свидѣтельствуютъ и Эймундова сага, и лѣтопись. Нападенія норманновъ не прекратились и послѣ мнимаго призванія Рюрика. Основныхъ германскихъ чертъ не было не только въ языкѣ, но въ религіи и въ памятникахъ литературныхъ и законодательныхъ. Наши первые князья Рюриковичи въ договорахъ Руси съ греками клянутся своими славянскими языческими божествами, а не германскими — Одиномъ или Торомъ. Первыя наши литературныя произведенія написаны на церковно-славянскомъ языкѣ. Договоры съ греками, церковные уставы Владиміра и Ярослава, Русская Правда являются и по языку, и по содержанію, и по характеру славянскими, а не германскими памятниками. И такія явленія, какъ отсутствіе суровыхъ, жестокихъ наказаній, значеніе женщины, право родовой мести представляютъ изъ себя явленія общеславянскія. Воинственность и стремленіе къ независимости, признававшіяся прежде національными особенностями норманновъ, въ настоящее

время приписываются съ одинаковымъ правомъ и славянамъ. Остается, такимъ образомъ, признать, что норманны очень скоро слились съ славяно-руссами, т.-е. иными словами допустить, что германскій элементъ у насъ отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсти; слѣдовательно, поставить его рядомъ съ другими вліяніями — финскимъ, тюркскимъ и др. Такъ оно, очевидно, и было въ дѣйствительности, при чемъ характерно, что число англо-саксонскихъ и германскихъ монетъ въ русскихъ кладахъ значительно уступаетъ числу восточныхъ (арабскихъ) куфическихъ монетъ, что опять-таки свидѣтельствуетъ о сравнительной слабости связей нашихъ съ народами германскаго міра по сравненію съ Востокомъ. Интересно отсутствіе среди находокъ камней со шведскими руническими надписями. Уникомъ является камень съ такой надписью, найденный проф. Штерномъ на островѣ Березани. Надпись разобрана проф. Ѳ. Брауномъ и читается въ переводѣ такъ: *Грани соорудилъ холмъ этотъ по Карлѣ, товарищѣ своемъ*». Время ея происхожденія съ точностью нельзя опредѣлить, но пр. Браунъ относитъ ее по впечатлѣнію своему къ XI—XII в. По поводу этой находки пр. Браунъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. «До настоящаго времени въ Россіи не было найдено ни одной рунической надписи варяжскаго происхожденія. Фактъ странный, невольно привлекающій вниманіе изслѣдователя. Вѣдь варяги были на Руси въ IX—XI вв. не только прихожими гостями, являвшимися сюда лишь временно съ цѣлью наживы и не однѣ только варяжскія сборныя дружины ходили по Руси на службѣ того или другого князя». Но если это такъ, то почему варяги не привезли съ собою знанія рунъ или не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ этого знанія, не пользовались имъ при оборудованіи могилъ своихъ родичей? Главную причину этого авторъ усматриваетъ въ отсутствіи удобнаго для надписей каменнаго матеріала почти во всей Россіи. Но это объясненіе намъ представляется страннымъ. Вѣдь извѣстны же намъ камни съ русскими надписями того же историческаго періода. Вѣдь изобиловало же сѣверное побережье Чернаго моря камнемъ, которымъ пользовались для надгробныхъ надписей греческіе колонисты! Да и вообще, мнѣ кажется, странно говорить объ отсутствіи камня въ Россіи. Г. Браунъ указываетъ также и на другую причину — на то, что распространеніе руническихъ надписей въ самой Швеціи относится лишь къ XI—XII в., когда уже являлись къ намъ только отдѣльныя личности изъ варяговъ. Но все же одна руническая надпись въ Россіи при 2000 такихъ надписей въ Швеціи едва ли говоритъ въ пользу норманскаго начала Русскаго государства. Отвергнувъ извѣстіе лѣтописи о

призваніи варяговъ, мы могли бы уже не останавливаться на вопросѣ о ихъ народности; но чтобы дать понятіе обо всѣхъ аргументахъ защитниковъ идеи призванія, мы остановимся и на нихъ и подвергнемъ разбору и другія доказательства норманистовъ.

Свидѣтельство Бертинской лѣтописи. На первомъ мѣстѣ у норманистовъ стоитъ извѣстіе Бертинской хроники, въ которой подъ 839 г. сообщается о посольствѣ византійскаго императора Теофила къ Людовику Благочестивому. Вотъ подлинный текстъ: *Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum Chacanus vocabulo ad se amicititiae sicut asserebant causa direxerat. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans comperit eos gentis esse Sueonum exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores*, т.-е. вмѣстѣ съ нимъ отправилъ людей, которые себя, т.-е. свой народъ называли Русью, и которыхъ отправилъ къ нему (Теофилу) ихъ царь по прозвищу Хаканъ, ради, какъ они увѣряли, дружбы. Тщательно разузнавъ причину ихъ прибытія, императоръ пришелъ къ заключенію, что они родомъ шведы, и что они были скорѣе лазутчики обоихъ государствъ, чѣмъ искатели дружбы.

Норманисты придаютъ важное значеніе тому обстоятельству, что въ этой хроникѣ упоминается имя Руси, что эта Русь выводится изъ Швеціи и что, наконецъ, во главѣ ея стоялъ Гаконъ (имя норманское). Но противники норманистовъ указываютъ, что мѣсто о Гаконѣ нужно переводить иначе: не по имени Гаконъ, а по прозвищу хаканъ или *каганъ*. Слѣдовательно, Бертинская хроника устанавливаетъ фактъ существованія въ древней Кіевской Руси хазарскаго каганата, т.-е. титула хазарскихъ владыкъ — кагановъ. И это находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіи арабскаго писателя Ибнъ Даста (X в.), который говоритъ: «Русь имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-Русь». Мы имѣемъ также русскій памятникъ — Похвальное слово митрополита Иларіона князю Владиміру, гдѣ читаемъ: «похвала кагану нашему Владиміру», «помолимся о сынѣ твоемъ благовѣрномъ каганѣ нашемъ Георгіи»; «кагану нашему Ярославу». Если вспомнить, что древняя Русь признавала протекторатъ хозарскихъ владыкъ, носившихъ титулъ кагановъ, то легко понять, почему этотъ титулъ перешелъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ хозарами къ кіевскимъ князьямъ; митрополитъ, очевидно, желалъ польстить своему князю употребленіемъ въ литературной формѣ этого титула. Даже въ «Словѣ о полку Игоревѣ» сохранилось еще темное воспоминаніе о временахъ кагана. Затѣмъ, что касается до шведскаго происхожденія Руси, то это только домыселъ Людо-

вика Благочестиваго, который, конечно, изъ всѣхъ народовъ сѣвера могъ знать только шведовъ. А, быть-можетъ, основаніемъ для такого заключенія послужило то обстоятельство, что въ составъ этого посольства входили и норманны.

«Бертинская хроника», въ которой упоминается о Руси въ 839 году, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка существовала Кіевская Русь, которая въ лицѣ своихъ пословъ, отправленныхъ отъ византійскаго императора къ Людовику Благочестивому, имѣла сношеніе съ Византіей. В. Г. Васильевскій сопоставляетъ извѣстіе Бертинской хроники о томъ, что въ 838 г. въ Константинополѣ у имп. Ѳеофила были послы отъ кагана и его народа, именуемаго Русью, очутившіеся потомъ при дворѣ Людовика Благочестиваго въ Ингельгеймѣ, съ извѣстіемъ житія Георгія Амастридскаго о набѣгѣ Руси въ 1-й пол. IX в.; тогда хозарскій каганъ, какъ это извѣстно изъ другихъ византійскихъ источниковъ, черезъ своихъ пословъ просилъ у того же Ѳеофила содѣйствія для построенія въ нижнемъ теченіи р. Дона крѣпости Саркела для защиты отъ нападеній хищныхъ племенъ. «Нѣтъ ничего мудренаго» говоритъ В. Г. Васильевскій, «что загадочные пришельцы были заподозрѣны въ связяхъ и даже въ племенномъ родствѣ съ норманнами. Можетъ-быть, эти русскіе въ самомъ дѣлѣ говорили языкомъ, который напоминалъ германскія сѣверныя нарѣчія. Это были вѣроятнѣе всего послы хозарскаго кагана. Послы отъ племени русскаго жили въ области Днѣпра или вообще ближе къ черноморскому побережью, признавая вмѣстѣ со своимъ племенемъ верховную власть хозарскаго кагана, если они и имѣли своихъ князей, которыхъ впрочемъ тоже могли именовать каганами въ Кіевѣ, вслѣдствіе продолжительнаго господства хозаръ; восточные взгляды до того вошли въ плоть и кровь народа, что онъ новыхъ властителей своихъ изъ племенъ руссовъ, т.-е. Аскольда и Дира, называлъ каганами и совершенно естественно перенесъ это званіе и на Рюриковичей». Итакъ, это могло быть посольство и отъ Кіевской Руси, бывшей подъ властью хозарскихъ кагановъ, при чемъ въ составѣ его, какъ это было и позже — при Олегѣ и Игорѣ—была и часть норманновъ.

Свидѣтельство Ліутпранда. Далѣе норманисты опираются на свидѣтельство епископа Кремонскаго Ліутпранда. Вотъ его подлинный текстъ: «*Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos, hujus denique gentis rex Inger vocabulo erat, qui collectis mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit*». А въ переводѣ это означаетъ: «Есть нѣкій народъ, жи-

вущій въ сѣверной части, который, по свойствамъ его тѣла, греки называютъ руссами, а мы по положенію мѣстности называемъ нордманнами; у этого народа былъ, наконецъ, князь Игорь, который, собравши тысячу и болѣе кораблей, пришелъ въ Константинополь». Здѣсь центръ извѣстія, по мнѣнію норманистовъ, заключается въ отождествленіи Руси и норманновъ. Но естественнѣе слово «*nordmanni*» понимать въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. видѣть здѣсь не норманновъ, а сѣверныхъ людей, каковыми автору, конечно, должны были представляться русичи; терминъ этотъ имѣетъ здѣсь не этнографическое, а широкое географическое значеніе.

Извѣстія патріарха Фотія и другихъ византійцевъ. Патріархъ Фотій былъ современникомъ одного изъ первыхъ набѣговъ русскаго народа на Константинополь (865—860 года) и оставилъ намъ вызванныя этимъ нападеніемъ бесѣды, въ которыхъ даетъ характеристику Руси. Эта характеристика носитъ двойственный характеръ: то патріархъ Фотій называетъ руссовъ народомъ слабымъ и ничтожнымъ, то черезъ нѣсколько строчекъ грознымъ и неодолимымъ [1]). Такого рода двойственность вызывается ораторскою цѣлью проповѣдей. Называя русскихъ ничтожнымъ народомъ, патріархъ, очевидно, хотѣлъ подчеркнуть то, до какого паденія дошли жители Византіи, что боятся такого народа, а, называя ихъ грозными, онъ хотѣлъ этимъ доказать необходимость принятія противъ нихъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ (императоръ Михаилъ, когда былъ предпринятъ этотъ походъ, былъ въ отсутствіи). Къ этому можно прибавить, что Русь еще ранѣе, въ 1-й половинѣ IX вѣка, сдѣлала нападеніе на городъ Амастриду (на черноморскомъ побережьѣ), какъ о томъ сообщаетъ житіе Георгія Амастридскаго, а князь руссовъ Бравлинъ, по сказанію житія св. Стефана Сурожскаго, ворвался въ городъ Сурожъ и сталъ грабить одинъ изъ его храмовъ. Все это свидѣтельствуетъ о туземной Приднѣпровской или Черноморской, но не сѣверной норманской Руси. Императоръ Константинъ Багрянородный, современникъ великой княгини Ольги, оставившій намъ названія Днѣпровскихъ пороговъ, свидѣтельствуетъ о великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки и сообщаетъ свѣ-

---

[1]) „Горе мнѣ, — восклицаетъ Фотій, — что я вижу, какъ *народъ* грубый и жестокій окружаетъ городъ и расхищаетъ городскія предмѣстья, все истребляетъ, все губитъ—нивы, жилища, пастбища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей. Народъ неименитый... неизвѣстный, но получившій имя со времени похода противъ насъ, незначительный, но получившій значеніе, уничиженный и бѣдный, но достигшій блистательной высоты и несмѣтнаго богатства, народъ, гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочующій, гордящійся оружіемъ".

дѣнія о славяно-русскихъ племенахъ, среди коихъ устанавливаетъ руководящую роль полянъ, называя ихъ русью, покорившею сосѣдей.

Арабскіе писатели. Если мы обратимся къ сказаніямъ арабскихъ писателей, которые проливаютъ много свѣта на первоначальныя страницы русской исторіи вообще, то ихъ свидѣтельства окажутся не въ пользу норманскаго происхожденія Руси. Арабскіе писатели говорятъ всегда о двухъ родственныхъ и близкихъ другъ къ другу народахъ—руси и славянахъ; эти народы жили вмѣстѣ и принимали видное участіе въ сношеніяхъ съ Востокомъ. Мы ихъ находимъ въ Булгарахъ, столицѣ Камской Болгаріи, въ Итилѣ, столицѣ хозарской и даже въ столицѣ арабскаго калифата. Говоря о географическомъ положеніи руси, Истахри (пол. X в.) указываетъ на то, что главнымъ центромъ поселенія русскихъ былъ городъ Куяба (Кіевъ), затѣмъ слѣдуетъ Новгородъ и, наконецъ, Артанія, подъ которой можно разумѣть русь Таманскаго полуострова [1]). Эта туземная русь предпринимала многочисленные походы на Табористанъ. Итакъ, слѣдовательно, совокупность иноземныхъ свидѣтельствъ относительно Руси не даетъ намъ основанія думать, что это была иноземная, норманская, нѣмецкая Русь!

Имя Руси въ лѣтописи: Русь—это туземное племя полянъ. Если теперь мы обратимся къ лѣтописи и станемъ анализировать терминъ «Русь», то придемъ къ чрезвычайно цѣннымъ выводамъ. Подъ Русью лѣтопись разумѣетъ мѣстное племя полянъ, т.-е. жителей кіевской земли. Что касается Новгородской земли, то тамъ Руси не было, а были только варяги. Аскольдъ и Диръ приходятъ въ Кіевъ, гдѣ *„многи Варяги совокуписта“*, а изъ Кіева на Царьградъ идетъ уже Русь. Итакъ, изъ Новгорода приходятъ варяги, а изъ Кіева идетъ Русь («Русь на Царьгородъ идетъ»). Олегъ изъ Новгорода ведетъ варяговъ, чудь, словѣнъ, кривичей, мерю, весь; о Руси—ни слова, очевидно, потому что въ Новгородѣ ея нѣтъ. Но подойдя къ Кіеву, онъ говоритъ: *„се буди мати градомъ руськимъ. Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью“*, т.-е. дружинники варяги и ильменскіе славяне здѣсь въ Кіевѣ усвоили ея туземное названіе Русь. И Олегъ и Игорь изъ Кіева ведутъ на Грековъ Русь, а въ составъ ея дружинъ входятъ и подвластныя ей племена, и варяги. Договоръ Кіевскаго князя Игоря съ Греками заключается отъ

---

[1]) Русь, по словамъ послѣдняго, жила на островѣ, окруженномъ озеромъ, покрытомъ лѣсами и болотами. Царь ея носилъ титулъ Хакана. На Руси было много городовъ, она сожигала покойниковъ, справляла поминки съ медомъ, имѣла музыкальные инструменты—лютню, 2-струнную, гусли и свирѣли.

имени всѣхъ русскихъ людей. Владимиръ и Ярославъ изъ Новгорода ведутъ варяговъ, словѣнъ, кривичей и чудь, — о Руси нѣтъ и помину,—а изъ Кіева Святополкъ выступаетъ противъ Ярослава съ русью и печенѣгами, а Ярославъ потомъ идетъ на Святополка, *„совокупивъ Русь и Варяги* и *Словѣне*“. Такимъ образомъ, изъ этихъ фактовъ видно, что Руси нѣтъ въ центрѣ норманства, Новгородѣ, она—въ Кіевѣ. Русь Кіевская противополагается новгородскимъ словѣнамъ. «И рече Олегъ: *исшійте парусы поволочиты* (шелковые) *Руси, а Словѣномъ кропинные. И въспяша Русь парусы поволочиты, а Словѣне кропинны и раздра я вѣтръ*“. То же отличіе Руси и словѣнъ мы найдемъ и въ другихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Русской Правдѣ. Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ Новгородъ ἡ ἔξω Ῥωσία, т.-е. городомъ, находящимся внѣ предѣловъ Руси (Кіевской). Но самое главное свидѣтельство о тождествѣ Руси и полянъ мы находимъ въ лѣтописи, которая говоритъ—*„Поляне, яже нынѣ зовомая Русь*“. И позже Кіевская область называется въ лѣтописи Русью. *„Иде Нифонтъ епископъ въ Русь“* (т.-е. въ Кіевъ); *„сынокъ его въ Новгородѣ, а братья въ Руси“* (т.-е. Кіевѣ); *„князи русьтіи“* (т.-е. кіевскіе) въ отличіе отъ черниговскихъ.

Черноморско-Азовская Русь. На ряду съ Днѣпровскою Русью существовала съ очень давняго времени Русь Черноморско-Азовская, находившаяся съ нею въ постоянныхъ связяхъ. Арабскій писатель X в. Масуди называетъ Черное море Русскимъ. *„Въ верховьяхъ хозарской рѣки“* (Волги) говоритъ онъ: *„есть устье, соединяющееся съ рукавомъ моря Найтасъ (Чернаго), которое есть Русское море. Никто кромѣ нихъ* (Руссовъ) *не плаваетъ по немъ и они живутъ на одномъ изъ его береговъ. Они образуютъ великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону*“. Византійскій писатель Киннама говоритъ: ἔστι δὲ τις ἐν Ταυροσκυθικῇ πόλις ὄνομα Κίαμα, т. е. *„есть нѣкоторый въ Тавроскиѳіи городъ, по имени Κίαμα*“ (Кіевъ); а Тавроскиѳіей называлось Черноморское побережье. Чрезвычайно важное значеніе имѣютъ свидѣтельства о существованіи Руси, какъ народа, на югѣ на Черноморско-Азовскомъ побережьѣ въ первой половинѣ IX в., слѣдовательно, до образованія Русскаго государства Варяжскою Русью. Видное мѣсто среди этихъ извѣстій занимаютъ житія Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Оба эти памятника образцово изданы и изслѣдованы знаменитымъ нашимъ византинистомъ В. Г. Васильевскимъ, посвятившимъ имъ цѣлый томъ своихъ «Русско-Византійскихъ изслѣдованій». По разбору текста ихъ оказывается, что оба они относятся къ первой половинѣ IX вѣка. Въ первомъ описывается чудо надъ гробомъ святого Георгія въ

Амастридѣ, лежавшей на Малоазіатскомъ побережьѣ Чернаго моря. «*Было*», говорится въ «Житіи», *нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени грубаго и дикаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они—этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ—начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли, наконецъ, и до отечества святого, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ, не жалѣя старцевъ, не оставляя безъ вниманія младенцевъ, но противу всѣхъ одинаково вооружая смертоубійственную руку и спѣша вездѣ пронести гибель, сколько на это у нихъ было силы. Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ — нечестивые алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, — древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу. Убійство дѣвицъ, мужей и женъ; и не было никого помогающаго, никого, готоваго противостать. Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе*». И вотъ, увидѣвъ гробницу святого, русскіе воины хотѣли ее разграбить, но внезапно почувствовали болѣзненную разслабленность, отъ которой ихъ избавили только молитвы христіанъ и обѣщаніе вождя впредь относиться съ уваженіемъ къ ихъ святому. Здѣсь интересенъ и фактъ такого отдаленнаго и ранняго набѣга руссовъ, и ихъ характеристика, какъ воинственнаго, жестокаго и кровожаднаго народа, вполнѣ соотвѣтствующая славянскимъ чертамъ характера, какъ онѣ устанавливаются въ современныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ (напр., у И. М. Собѣстьянскаго). Очень любопытно и указаніе на ихъ обычай умерщвленія иностранцевъ (ксеноктонія), связываемый съ древнимъ таврическимъ и заставляющій ихъ самихъ пріурочивать къ Тавріи — къ тавроскиѳамъ. Интересна и устанавливаемая В. Г. Васильевскимъ независимость автора «Житія» въ его характеристикѣ руссовъ отъ патр. Фотія, да и само оно древнѣе Фотіевскихъ трудовъ.

Что касается житія св. Стефана Сурожскаго, то въ одномъ изъ его чудесъ повѣствуется о русскомъ—новгородскомъ князѣ Бравлинѣ, который вскорѣ по смерти этого святого («по смерти же святого мало лѣтъ мину») съ ратію пришелъ на югъ и плѣнилъ тамошнюю страну отъ Корсуня до Корча и затѣмъ подошелъ къ Сурожу (Сугдея, нын. Судакъ), взялъ городъ и награбилъ въ церкви св. Софіи драгоцѣнности съ гроба св. Стефана; но его поразилъ за это тяжкій недугъ, лицо его скосилось на-

задъ и онъ велѣлъ своимъ боярамъ вернуть все награбленное не только здѣсь, но и въ Керчи и въ Корсуни и положить на гробъ Стефана. Далъ обѣтъ креститься, если получитъ исцѣленіе, отпустить плѣнниковъ. И свершилось чудо: онъ выздоровѣлъ и крестился. По поводу этого извѣстія А. С. Будиловичъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «пора бы уже оставить старую гипотезу о тождествѣ Руси съ варягами... и примириться съ мыслію, что уже въ IX в. жилъ на Днѣпрѣ и въ побережьяхъ Чернаго — Азовскаго морей вплоть до Тамани могущественный и мореходный славянскій народъ, давшій уже въ IX в. этимъ морямъ свое русское имя и скоро, въ X и XI вв. наполнившій молвою о своихъ подвигахъ страницы греческихъ, славянскихъ и другихъ лѣтописей и актовъ». Доказательствомъ существованія Черноморско-Азовской Руси являются многочисленныя свидѣтельства византійцевъ X-го вѣка; но есть упоминаніе о скиѳахъ изъ Таврики и подъ 854 годомъ. Въ бесѣдахъ патріарха Фотія о нашествіи Руси въ 860 году есть намеки — указанія на болѣе раннія отношенія этого народа къ Византіи; въ окружномъ посланіи 867 года говорится, что ранѣе набѣга Русь насильственно подчинила себѣ сосѣднія племена. Въ одномъ житіи говорится о нашествіи руссовъ на монастыри и церкви принцевыхъ острововъ — и это событіе пріурочивается къ 861 году.

Важнымъ свидѣтельствомъ существованія славнаго Русско-Славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью представляется А. С. Будиловичу разсказъ паннонскаго житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуня (до 862 г., слѣдовательно, до призванія Варяговъ—Руси нашей начальной лѣтописи) и находкѣ тамъ русскаго евангелія и псалтыря: «*обрѣте же ту евангеліе и псалтырь руськыими письмены писано и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладая различная письмена гласная и согласная и къ Богу молитву творя вскорѣ начатъ чести и сказати и мнози ся ему дивляху, Бога хвалюще*». И напрасно въ объясненіе этихъ русскихъ письменъ В. Г. Васильевскій выдвигаетъ гипотезу о готскихъ письменахъ — евангеліи и псалтыри въ переводѣ Ульфилы. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что на эти русскія письмена былъ въ самомъ началѣ X-го вѣка переведенъ съ греческаго договоръ Олега—и онъ является памятникомъ русско-славянскаго, а не готско-норманско-нѣмецкаго языка. Черноризецъ Храбръ свидѣтельствуетъ, что славяне язычники до принятія христіанства обходились «чертами и рѣзами». Арабъ Эльнедимъ свидѣтельствуетъ о русскомъ языческомъ письмѣ IX вѣка. Ибнъ Фацланъ говоритъ о русской надписи надъ сож-

женнымъ руссомъ-язычникомъ въ самомъ началѣ X вѣка. Да и самъ В. Г. Васильевскій въ другомъ мѣстѣ, говоря о варяго-русскихъ дружинахъ въ Византіи, опредѣляетъ, что византійцы разумѣли подъ Русью:—«Эта страна, гдѣ царствуетъ Владимиръ, гдѣ умираетъ греческая царевна Анна, это народъ, котораго князья именуются Ярославомъ, Ростиславомъ, это, наконецъ, народъ котораго архипастырь именовался митрополитомъ Руси, нерѣдко бывалъ въ Константинополѣ и участвовалъ своимъ вкладомъ въ византійскую церковную литературу».

Арабскіе писатели, подобно византійскимъ, также говорятъ намъ о Руси, не какъ о дружинѣ, а какъ о народѣ славянскаго племени, издревле обитавшемъ на Черноморскомъ побережьѣ и Поднѣпровьѣ. Ибнъ-Хордадбе, писатель IX в., говоритъ: «что же касается *русскихъ* (купцовъ) — *а они суть племя изъ славянъ*— то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба (Славянскихъ странъ) къ морю Русскому (Черному) и продаютъ тамъ мѣха бобровые и черныхъ лисицъ, а также и мечи. Царь Рума (Византіи) взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ. А не то они спускаются по Танаису (Дону), *рѣкѣ славянъ*, проходятъ чрезъ Комлиджъ, столицу хозаръ (Итиль), и властитель страны взимаетъ съ нихъ десятину; и оттуда они пускаются на судахъ по морю Джурджана (Каспійскому) и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ любо. Иногда они провозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ г. Джурджана въ Багдадъ, евнухи *славянскіе служатъ имъ здѣсь переводчиками* [1]). И извѣстіе это теперь относятъ не ко второй, а первой половинѣ IX вѣка. Если мы признаемъ существованіе Черноморско-Азовской Руси, для насъ сдѣлается понятнымъ свидѣтельство Игорева договора съ греками о томъ, что Кіевскій князь принялъ на себя обязательство не допускать Черныхъ Болгаръ дѣлать нападеній на Корсунскую область. Огромныя пространства отдѣляютъ Кіево-Днѣпровскую Русь отъ Корсунской области (Корсунь — это древній Херсонесъ, находящійся въ окрестностяхъ Севастополя). Это обязательство возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы на этомъ Черноморскомъ побережьѣ были постоянныя русскія поселенія. А что такія поселенія дѣйствительно были, это доказывается фактомъ существованія на Азовскомъ побережьѣ русскихъ городовъ Тмутаракани (греческой Фанагоріи) и Крчева (греческой Пантикапеи). Памятникомъ дѣятельности одного изъ русскихъ князей въ этомъ городѣ (Глѣба) является знаменитый Тмутараканскій камень, открытый гр. Мусинымъ-Пушкинымъ и имѣющій слѣдующую надпись: „*Князь*

---

1) У Гаркави этотъ текстъ приводится въ нѣсколько иной редакціи.

Глѣбъ мѣрилъ море по леду отъ Тмутаракани до Корчева—8054 саж."[2]) Конечно, невозможно допустить мысль объ изолированномъ существованіи Тмутаракани и Корчева: между ними и Поднѣпровьемъ должны были поддерживаться постоянныя сообщенія. Только впослѣдствіи были засорены кочевниками прямые сухопутные и рѣчные пути изъ Приднѣпровья къ Черноморскому и Азовскому побережью; но воспоминаніе о нихъ еще долго сохранялось на Руси.

Итакъ, схема образованія Русскаго государства представляется намъ въ такомъ видѣ. Не отрицая норманскаго вліянія въ древней Руси, мы все-таки полагаемъ, что разсказъ лѣтописи о призваніи варяговъ не можетъ быть признанъ достовѣрнымъ. Процессъ образованія Русскаго государства пріурочивается не къ Новгородской, а къ Полянской территоріи и по ея географическому положенію, и экономическому, и политическому значенію. Поляне прозваны были Русью, и отсюда это имя перешло на всѣ племена восточнаго славянства. Конечно, при отрицаніи призванія, намъ трудно рѣшить генеалогическій вопросъ. Но дѣло въ томъ, что и сами лѣтописи не даютъ намъ устойчивыхъ данныхъ о родственныхъ связяхъ Олега и Рюрика. А кромѣ того, вычеркивая Рюрика, какъ основателя государства, мы въ сущности почти ничего не уничтожаемъ въ нашей древней исторіи, ибо она достовѣрно начинается все-таки со времени Олега, вокняжившагося въ Кіевѣ. Но Олегъ по нашему мнѣнію, не былъ германцемъ — онъ былъ, какъ и всѣ его преемники, русскій славянинъ. Отвергая германское происхожденіе и характеръ нашихъ первыхъ князей, начиная съ Олега, мы только устраняемъ лежащее на нашемъ пути затрудненіе, потому что ни въ актахъ ихъ дѣятельности, ни въ чертахъ характера ихъ не находимъ ничего чужеземнаго. Что касается предшественниковъ Олега—Аскольда и Дира, Рюрика, Синеуса и Трувора,—то самое существованіе и происхожденіе ихъ являются загадочными и неопредѣленными. Византійскіе писатели, которые описали намъ нашествіе Руси 860-го года, ни единымъ словомъ о нихъ не обмолвились; молчатъ о нихъ и другіе источники. Однимъ словомъ мы подвергаемъ сомнѣнію только вопросъ династическій, вопросъ о Рюрикѣ, и считаемъ болѣе правильнымъ пріурочить начало Русскаго государства не къ Новгороду, а къ Кіеву и при томъ не ко времени загадочныхъ Аскольда и Дира, а перваго настоящаго объединителя Руси Олега. Генеалогическое происхожденіе его мы считаемъ неразгаданнымъ.

---

[2]) Приведемъ кстати объ этой дорогѣ по льду древнее извѣстіе Страбона: „изъ Пантикапеи въ Фанагорію легко переѣзжаютъ по льду повозки, и каналъ превращается такимъ образомъ въ сухой путь".

8-я глава. Образованіе Русскаго государства во главѣ со стольнымъ городомъ Кіевомъ, судьба этого государства и отношенія его къ сосѣдямъ съ пол. IX до пол. XI вв.

Процессъ объединенія восточныхъ славянъ подъ властью Кіевской Руси при первыхъ кіевскихъ князьяхъ. Общій характеръ отношеній къ сосѣдямъ. Норманны. Финны. Камскіе болгаре. Хозары. Поляки. Печенѣги и торки. Византія и Дунайская Болгарія.

Литература вопроса. Главнымъ источникомъ для даннаго вопроса является лѣтопись (Ип. и Лавр. сп.); затѣмъ *Гаркави*. Сказанія мусульманскихъ писателей; *его же* Сказанія еврейскихъ писателей о хозарахъ (Труды вост. отдѣл. Археол. общ., XVII); *Хвольсонъ*. Извѣстія... Ибнъ Даста; *Константинъ Багрянородный* (De administrando Imperio) (пер. Г. Ласкина); *Кастренъ*. Путешествія (Магаз. землевѣд. и путеш., Фролова, т. VI). Пособія: *Н. П. Барсовъ*. Очерки рус. ист. географіи: изложеніе книги *Альквиста* „Die Kulturwörter der Westfinischen Sprachen (Культурныя слова въ языкѣ зап. финновъ) въ ст. *Л. Н. Майкова* (Жур. Мин. Нар. Пр. 1877); *Григорьевъ*. Азія и Россія, 1876; *Савельевъ*. Мухаммеданская нумизматика, 1846; *Шпилевскій*. Древніе города и др. булг. пам., 1877; *П. В. Голубовскій*. Болгары и хозаре (Кіев. Ст. 1888, іюль); гр. *А. С. Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ; *Дорнъ*. Каспій, 1875; *А. А. Спицынъ*. Древности бассейновъ Оки и Камы; *его же*. Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ; *Веске*. Славянофинскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Каз. 1892; *Смирновъ*. Пермяки, Каз. 1891; *его же*. Вотяки. Каз. 1890; *его же*. Черемисы, К. 1889; *его же*. Мордва, К. 1895; *его же*. О финнахъ и Камскихъ болгарахъ въ «Рус. Исторіи» подъ ред. пр. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. 1-й; *И. А. Линниченко*. Взаимныя отношенія Руси и Польши ч. 1-я К. 1884; *Европеусъ*. О народахъ, обитавшихъ въ Россіи до славянъ, 1868; *Ламбинъ*. О Тмутараканской Руси (Ж. М. Н. Пр. 1874, январь); *Д. И. Багалѣй*. Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для русской исторіи (Кіевск. универ. изв. 1878, май); *П. В. Голубовскій*. Печенѣги, торки и половцы. К. 1884.

Процессъ объединенія восточныхъ славянъ подъ властью Кіевской Руси при первыхъ кіевскихъ князьяхъ. Образовалось Русское государство, какимъ мы его видимъ съ конца IX и до второй половины XI в., не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ, ибо Кіеву и полянамъ принадлежитъ трудъ объединенія въ одно цѣлое разрозненныхъ дотолѣ славяно-русскихъ племенъ. Что же касается Новгорода, къ которому лѣтопись пріурочиваетъ начало Руси въ связи съ призваніемъ трехъ легендарныхъ братьевъ, то его государственная роль обрисовывается самою лѣтописью, сообщающей этотъ разсказъ, очень блѣдно; мало того, зависимое положеніе Новгорода отъ Кіева не вяжется съ тою «державною» ролью, которую Новгородъ долженъ былъ бы играть по отношенію къ Кіеву и которой у него въ дѣйствительности не было. Весьма просто будто бы свершилось занятіе Кіева Аскольдомъ и Диромъ, но именъ ихъ не называютъ византійцы, оставившіе намъ описаніе похода Руси на Царьградъ, похода, который

лѣтопись имъ приписываетъ. Подробности вѣроломнаго захвата ихъ Олегомъ (указаніе, что Аскольда похоронили на горѣ, которая называлась *Угорской* и на которой потомъ соорудили церковь св. Николая, а Дира погребли въ другомъ мѣстѣ за церковью св. Ирины) связываютъ имена этихъ князей съ топографіей кіевскихъ урочищъ и имѣютъ аналогію съ топическимъ происхожденіемъ именъ первыхъ родоначальниковъ Кіева — Кія, Щека и Хорива. Если принять ред. Ип. сп. лѣт., то выйдетъ, что Кіевомъ тогда владѣлъ родъ ихъ, т.-е. потомство Кія, Щека и Хорива, но подъ верховною властью хозаръ. Хозаре тогда были очень могущественны, отличались большою терпимостью и предоставляли, какъ это видно и на примѣрѣ Кіева, зависимымъ отъ нихъ славяно-русскимъ племенамъ свободу внутренняго управленія. Непонятно, поэтому, почему кіевляне такъ легко перемѣнили ихъ болѣе отдаленную власть на непосредственную зависимость отъ Аскольда и Дира, если они были иноземцами-норманнами. Зависимость отъ хозаръ выражалась только въ уплатѣ дани, но эту дань въ пользу варяговъ должны были уплачивать по распоряженію Олега и словѣне, и кривичи, и меря, т.-е. всѣ тѣ, кто призвалъ варяговъ. Особенно несправедлива и малопонятна дань, установленная въ ихъ пользу Олегомъ съ Новгорода въ размѣрѣ 300 гривенъ въ годъ, какъ сказано «мира дѣля», т.-е. ради мира съ ними. Какъ бы то ни было, до Олега мы видимъ на Руси нѣсколько мѣстныхъ династій — темными преданіями о нихъ являются разсказы лѣтописи о Кіѣ съ братьями (полянская династія), о Рюрикѣ съ братьями (словѣнская династія), объ Аскольдѣ и Дирѣ (новые полянскіе правители). Ни объ одномъ изъ этихъ князей не говорится нигдѣ, кромѣ русской лѣтописи, если не считать случайнаго, вѣроятно, совпаденія имени Дира съ Диромъ, упоминаемымъ Масуди. Можно вѣрить и можно сомнѣваться въ существованіи этихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ ни съ однимъ изъ нихъ нельзя еще связать документально установленнаго существованія Русскаго государства. Честь его основанія принадлежитъ Олегу, который именно по лѣтописи является истиннымъ основателемъ Руси съ центромъ ея въ Кіевѣ. Преемниками его на кіевскомъ столѣ были Игорь, супруга послѣдняго Ольга, Святославъ, Владимиръ Св. и Ярославъ Мудрый. Уже одно географическое положеніе Кіева создавало ему роль политическаго центра всей южной Руси. Новгородъ занималъ для этого слишкомъ сѣверное положеніе: не даромъ о немъ говорилось, что это былъ городъ ἔξω Ῥωσίας, т.-е. внѣ, за предѣлами Руси. И впослѣдствіи онъ находился внѣ обще-русскихъ политическихъ интересовъ, что помогло ему

такъ необычайно широко развить свою областную самостоятельность. Новгородъ стоялъ почти у самаго начала великаго водинаго пути изъ Балтійскаго въ Черное море, Кіевъ же игралъ центральную роль въ Поднѣпровьѣ, ибо къ Черному морю и Константинополю тяготѣла тогда вся жизнь Приднѣпровья и обитавшихъ возлѣ него славяно-русскихъ племенъ—полянъ, древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и радимичей. Кіевъ, благодаря этому, пріобрѣлъ важное торговое значеніе. Восточные славяне въ половинѣ IX в. уже перешли къ городскому быту: племенныя названія вытѣсняются постепенно земельными, городскими. Мало того: каждое племя жило уже, какъ мы видѣли, политическимъ бытомъ и имѣло своего князя. О постепенномъ объединеніи русско-славянскихъ племенъ подъ властью полянъ, Кіева и Олега мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: *„Поча Олегъ воевати Деревляны и, примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ"*. А вотъ другое: *„Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи нань дань легьку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему"*. А вотъ и третій разсказъ о покореніи радимичей: *„Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: „кому дань даете?" Они же рѣша: „Козаромъ". И рече имъ Олегъ: „Не дайте Козаромъ, но дайте мнѣ, и вдаша Ольгови по щьлягу, яко же Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Уличи и Тиверцы имяше рать"*.

Такъ просто и быстро, по лѣтописи, произошло событіе первостепенной важности: объединеніе подъ властью полянъ ихъ ближайшихъ сосѣдей. Но не такъ, конечно, просто и быстро это событіе совершилось на самомъ дѣлѣ. Изъ самаго лѣтописнаго текста видно, что борьба Олега съ названными выше сосѣдями носила не одинаковый характеръ: древлянъ онъ долженъ былъ «примучить», т.-е. употребить по отношенію къ нимъ суровыя мѣры, съ сѣверянами онъ обошелся снисходительнѣе, наложилъ на нихъ легкую дань, вѣроятно, потому, что они были достаточно сильны, но все-таки готовы были признать власть Кіева, а съ радимичами ему вовсе не пришлось бороться: они не проявили ни малѣйшей самобытности и такъ же охотно, или, правильнѣе говоря, безразлично стали платить дань полянамъ, какъ раньше платили хозарамъ, наконецъ, съ уличами и тиверцами онъ только велъ войну, исходъ которой былъ еще неизвѣстенъ. Дальнѣйшая исторія показываетъ, что завоеванія Олега не были окончательны, и что его преемникамъ приходилось употреблять усилія не только на завоеваніе новыхъ племенъ, до сихъ поръ еще не покоренныхъ, но и на поддержаніе въ покорности выше перечисленныхъ.

Игорь долженъ былъ вести упорную борьбу у себя дома съ древлянами. „*По Ольговѣ смерти Деревляне затворишася отъ Игоря, иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ а и возложи на ня дань больши Ольговы*". Такимъ образомъ, древляне ни за что не хотѣли признать власти Игоря. Между тѣмъ въ 945 сказала Игорю, по словамъ лѣтописи, его дружина: „*Отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы*". Игорь послушалъ дружину, вымучилъ у древлянъ дань и сталъ уже возвращаться домой. Но на дорогѣ жадность его одолѣла и онъ сказалъ своей дружинѣ: „*Идѣте съ данью домови, а я возвращюся похожю и еще*". Древляне же, услышавъ объ этомъ, сообща съ своимъ княземъ Маломъ порѣшили убить его, потому что, „*аще ся ввадитъ волкъ въ овцѣ*, припомнили они старую пословицу, *то выноситъ все стадо*". Такъ погибъ Игорь жертвою своей алчности и политической недальновидности.

Дѣло объединенія Руси продолжала его супруга Ольга. Въ разсказѣ о мщеніи Ольги для насъ интересна одна историческая подробность — о древлянскомъ князѣ Малѣ и другихъ туземныхъ древлянскихъ князьяхъ. Исполнивъ актъ мести, Ольга наложила на древлянъ тяжелую дань. При Святославѣ произошло покореніе вятичей. Вотъ какъ лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ событіи 964 г. „*И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече вятичемъ: кому дань даете?" Они же рѣша:* „*Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ*". 965 г.: „*Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася битися: и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувежю взя. И Ясы побѣди и Касогы*". 966 г.: „*Побѣди Вятичи Святославъ и дань на нихъ възложи*". Отсюда мы видимъ, что вятичи, о которыхъ доселѣ лѣтопись молчала, находились подъ властію хозаръ. Вятичи не даютъ Святославу дани немедленно, какъ это сдѣлали радимичи; онъ долженъ былъ сначала побѣдить хозаръ, а потомъ уже наложить дань и на нихъ, при чемъ это ему удалось сдѣлать не безъ борьбы; по крайней мѣрѣ объ этомъ можно заключить изъ постояннаго стремленія ихъ освободиться отъ зависимости: они свергли съ себя власть кіевскаго князя, такъ что Владиміръ долженъ былъ ихъ снова покорять. Сопротивленіе вятичей объясняется отдаленностью отъ Кіева и близкимъ сосѣдствомъ съ хозарами. Когда хозары были побѣждены, то вятичи не могли долго сопротивляться. Эта побѣда надъ хозарами имѣла очень важное значеніе. Раньше Олегъ освободилъ сѣверянъ и радимичей отъ власти хозаръ; но наступательнаго движенія на нихъ не предпринималъ; очевидно, они еще въ это время были до-

вольно сильны; при Игорѣ начато было наступательное движеніе, хотя окончилось очень печально для руссовъ. Святославъ продолжалъ дѣло Игоря и, можно сказать, сломилъ хозарское могущество. Дѣло объединенія славяно-русскихъ племенъ подъ властію кіевскаго князя не было совершенно закончено; несмотря на то, что радимичи были побѣждены еще при Олегѣ, а вятичи вошли въ составъ Кіевской державы при Святославѣ, и тѣ и другіе снова теперь добились временно самостоятельности, и Владиміру пришлось покорять ихъ опять. Очевидно, что они крѣпко держались за свою земельную особность, пользуясь отдаленностью своей области отъ Кіева. Гораздо легче было ему покорить радимичей: „*Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волчій Хвостъ, и посла и Володимеръ предъ собою Волъчья Хвоста; сърѣте я на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волчій Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ пришедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне*“.

Насмѣшливая поговорка, которую приводитъ лѣтописецъ и которая сложилась у полянъ по отношенію къ радимичамъ, свидѣтельствуетъ о земельной слабости и неустойчивости радимичей. Ихъ не боялись и надъ ними смѣялись за то, что они побѣжали отъ передового отряда кіевскаго князя.

Таковъ былъ процессъ постепеннаго объединенія подъ властью Кіева славяно-русскихъ племенъ—всѣ они теперь признали власть этого города, который представлялъ изъ себя ключъ и къ защитѣ Русской земли отъ печенѣговъ, и къ торговымъ связямъ ея съ Черноморско-Азовскимъ побережьемъ и Царьградомъ. Въ созданіи Русскаго государства подъ главенствомъ Кіева участвовали и военная сила полянской земли, и сознаніе сосѣднихъ племенъ, что, поддерживая Кіевъ, они упрочиваютъ свои экономическіе, торговые интересы.

Общій характеръ отношеній къ сосѣдямъ. Русь, объединенная Кіевомъ, въ началѣ своего историческаго существованія обнаружила чрезвычайную склонность къ военнымъ предпріятіямъ, носившимъ частію оборонительный, а частію наступательный характеръ. Такъ обыкновенно бываетъ съ молодыми государственными организмами, имѣющими у себя достаточный притокъ военныхъ силъ и ощущающими потребность въ укрѣпленіи и расширеніи своихъ границъ. О воинственности и силѣ Кіевской державы свидѣтельствуетъ преобладаніе наступательныхъ войнъ передъ оборонительными. Войны эти велись не только съ западными сосѣдями — литовцами и поляками, съ восточными — Камскими болгарами и хозарами, съ южными кочевниками — печенѣ-

гами, но и съ отдаленною Византіей и Дунайскою Болгаріей. Самое образованіе Русскаго государства въ связи съ объединеніемъ славяно-русскихъ племенъ сдѣлалось возможно только послѣ того, какъ уничтожена была зависимость ихъ отъ хозаръ, выражавшаяся въ уплатѣ дани — а эту дань уплачивала имъ почти вся группа южныхъ племенъ, начиная съ самихъ полянъ. Но помимо враждебныхъ отношеній Русь имѣла со своими сосѣдями и мирныя торговыя и культурныя связи, которыя упрочивали внутреннюю силу и могущество Кіевской державы. Наконецъ, были и такіе у нея сосѣди, на счетъ которыхъ она мирнымъ путемъ—посредствомъ колонизаціи увеличивала территорію своего государства и его населеніе; таковы были финны. Разсмотримъ отношеніе ея ко всѣмъ этимъ сосѣдямъ.

Норманны. Отрицая призваніе Варяговъ, мы нисколько не отрицаемъ ни тождества ихъ съ норманнами, ни важной роли этихъ послѣднихъ въ нашей исторіи. Лѣтопись сообщаетъ рядъ фактовъ объ участіи варяговъ въ разныхъ событіяхъ русской жизни. Они принимали участіе въ походахъ Олега и Игоря на грековъ и въ составленіи договоровъ. Игорь хотѣлъ привлечь ихъ къ новому походу противъ грековъ; при немъ въ Кіевѣ жило много варяговъ-христіанъ. Владимиръ съ варягами выступаетъ противъ Ярополка и Рогволода. За свою помощь они требовали выкупа отъ гражданъ Кіева — и Владимиръ рѣшилъ освободиться отъ такихъ притязательныхъ и жадныхъ союзниковъ, отправивъ ихъ въ Византію и оставивъ себѣ только нѣкоторыхъ. Ярославъ, будучи княземъ въ Новгородѣ, посылалъ за море за военною помощью къ варягамъ. Но тѣ же варяги причиняли насиліе новгородцамъ, такъ что тѣ избили ихъ. Противъ Святополка Ярославъ взялъ 40.000 новгородцевъ 1.000 варяговъ. Къ Ярославу же въ Новгородъ пришелъ съ варягами Якунъ. У Святополка въ дружинѣ также были варяги и двое изъ нихъ прикончили Бориса. Въ Лиственской битвѣ участвовали варяги; они же участвовали въ походѣ Владимира (сына Ярослава Мудр.) на Византію. Въ «Русской Правдѣ» говорится о варягахъ, какъ объ элементѣ населенія. Во всѣхъ извѣстіяхъ лѣтописи они выступаютъ, какъ участники княжескихъ дружинъ; съ такимъ же характеромъ, очевидно, являются они и въ «Русской Правдѣ».

Финны. Хотя и мало замѣтную, но очень крупную роль въ первоначальной исторіи русскаго государства и народа играли финны. Славянское названіе для нихъ была Чудь. Въ эпоху составленія началвной лѣтописи въ к. XI в. финны были уже отодвинуты на сѣверъ наплывомъ русскихъ славянъ и являются въ южной части Озерной области, на побережьѣ Балтійскаго моря

и Финскаго залива, къ зап. и сѣв. отъ Чудского озера; далѣе на востокъ они группировались на сѣверной покатости, въ Заволочьѣ, тогда какъ въ верхнемъ и среднемъ Поволжьѣ и на волокѣ, водораздѣлѣ бассейновъ Каспійскаго и Бѣломорскаго, держались только слабые остатки ихъ, уже тѣснимые колонизаціоннымъ, движеніемъ славянъ изъ области Днѣпра, Десны и верхней Оки.

Финны дѣлятся на три группы: 1) западную, 2) волжскую и 3) сѣверную—заволоцкую. Къ первой группѣ принадлежатъ: Чудь, въ собственномъ смыслѣ этого слова; это племя обитало на побережьѣ Балтійскаго моря. Затѣмъ, изъ западныхъ финскихъ племенъ лѣтопись называетъ Водь; это племя рано и вполнѣ вошло въ составъ Новгородской области. Другая группа, такъ называемая, волжско - финская, занимала значительную часть волжскаго бассейна; среди нихъ лѣтопись упоминаетъ слѣдующія важнѣйшія племена: Весь на Бѣлоозерѣ и по верхнему поволжью; Меря къ юго-востоку отъ Веси по среднему поволжью; Мурома, Мордва, Черемисы—по Окѣ. Третья группа—это та, которая носитъ названіе Заволоцкой Чуди; она занимаетъ сѣверовостокъ Россіи; въ числѣ этихъ племенъ на первомъ планѣ нужно поставить Пермь—между Камой и Вычегдой въ области зырянъ; слѣдуетъ отличать древнюю Біармію—по нижнему теченію Сѣверной Двины и по Бѣломорскому побережью, гдѣ теперь Корела; Емь — между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной; Югра—на крайнемъ сѣверовостокѣ; Печера—на рѣкѣ Вычегдѣ и Самоядь. Таковы важнѣйшія племена Заволоцкой Чуди. Эта послѣдняя группа племенъ представляетъ для насъ интересъ потому, что изъ нея выдѣлились угры или венгры, образовавшіе впослѣдствіи Венгерское государство и получившіе всемірноисторическое значеніе.

Арабъ Казвини сообщаетъ свѣдѣнія о мѣновой торговлѣ финновъ съ болгарами. Деньги у нихъ были только извѣстнымъ украшеніемъ.

Затѣмъ, мы имѣемъ разсказъ араба Ибн-Батута о ѣздѣ финновъ на собакахъ. Наконецъ, мы имѣемъ разсказы о походѣ викинговъ — Карли, Гунтена и Тореръ-Гунда, относящіеся къ XI ст. (1026 г.). Тутъ разсказывается о томъ, что три викинга отправились въ качествѣ купцовъ въ Біармію, завели значительную торговлю, но потомъ рѣшили ограбить священное мѣсто туземцевъ—храмъ Юмалы; съ этою цѣлью они явились въ этотъ храмъ, и одинъ изъ нихъ разбилъ идола; на шумъ сбѣжались туземцы и стали преслѣдовать викинговъ, но послѣдніе спаслись оттуда бѣгствомъ.

Главнѣйшимъ занятіемъ западныхъ финновъ было звѣроловство, затѣмъ рыболовство. Что касается до скотоводства, то оно не отличалось значительнымъ развитіемъ. Зачатки земледѣлія, правда, были; но это не было земледѣліе въ настоящемъ смыслѣ слова; это было «подсѣчное» хозяйство, носившее случайный характеръ. Финскіе лѣса были наполнены разнаго рода пушными звѣрями, шкуры которыхъ шли на одежду, а, кромѣ того, могли вымѣниваться у сосѣднихъ народовъ на необходимые имъ предметы. Рыболовство играло не менѣе важную роль. Не требовалось никакихъ культурныхъ орудій, ни особеннаго умѣнья для того, чтобы производить громадные уловы рыбы. Эта рыба являлась главною пищею западныхъ финновъ. Что касается до промысловъ и ремеслъ, то ихъ было мало. Слѣдуетъ отмѣтить одно кузнечное ремесло. Главнымъ металломъ, извѣстнымъ имъ, была мѣдь, которую, можетъ быть, они даже добывали. На это указываютъ тѣ остатки разработки рудъ, которые открывались въ разныхъ мѣстахъ (чудскія копи). На это же указываетъ и финскій эпосъ (Калевала), гдѣ мы находимъ постоянно указаніе на мѣдь и мѣдное оружіе и кузнечное ремесло. Недостатокъ металлическихъ орудій долженъ былъ восполняться предметами, сдѣланными изъ дерева Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить выдѣлку мѣховыхъ шкуръ. Почти единственнымъ матеріаломъ для одежды служили мѣха; они же шли и на продажу. Жилищами служили шалаши съ очагомъ для того, чтобы варить пищу.

Каждое племя жило отдѣльно, распадалось на отдѣльныя семейства. Семья играла у финновъ очень важную роль. Мы усматриваемъ въ языкѣ ихъ цѣлую массу словъ для выраженія понятій родства. Чудь умѣла защищаться, но никакого военнаго искусства у нея не было. Финнъ былъ воиномъ, когда нужно было. Не было у нихъ такихъ городовъ, какіе видимъ у славянъ. Въ языкѣ у нихъ слово «городъ» является обыкновенно въ смыслѣ простой ограды, въ смыслѣ того, что лѣтопись обозначаетъ словомъ «твердь»; это не болѣе, какъ засѣка въ лѣсу. Слѣдуетъ отмѣтить важное значеніе поэзіи у финновъ. Кастренъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ приводитъ намъ чрезвычайно любопытный разсказъ о происхожденіи пѣсни. «Былъ одинъ мальчикъ, который вбилъ себѣ въ голову, что ему надо сдѣлаться славнымъ, отличнымъ пѣвцомъ. Съ этой цѣлью онъ ходилъ въ ученье ко всѣмъ знаменитымъ пѣвцамъ, и учился долго, но отъ всѣхъ слышалъ одно, что эта высокая наука никогда не дастся ему. Очень огорченный этимъ, онъ тосковалъ день и ночь, и все придумывалъ самъ съ собою,

что ему дѣлать для исполненія своего желанія. Но сколько ни думалъ, ни гадалъ онъ, не давались ему пѣсни. Однажды сидѣлъ онъ, погруженный въ свое горе, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою незнакомаго человѣка. Это былъ Маналайненъ, который подошелъ къ нему, спросилъ о чемъ онъ горюетъ. Мальчикъ разсказалъ ему все, и послѣ того Маналайненъ взялъ его за руку и повелъ далеко, далеко въ глухой лѣсъ. Маналайненъ внезапно исчезъ, оставивъ мальчика на произволъ судьбы. Тутъ мальчикъ, видя себя брошеннымъ посреди дремучаго лѣса, излилъ свое искреннее горе въ пѣсняхъ, и лучше этихъ пѣсенъ никогда не слагалъ ни одинъ смертный».

Послѣ всего сказаннаго мы поймемъ характеръ русской колонизаціи въ этихъ земляхъ. Русскіе славяне были гораздо культурнѣе. Это намъ объясняетъ поступательное, мирное движеніе славяно-русской колонизаціи. Но бывали и столкновенія, хотя финны предпочитали отступать передъ Русью. На территоріи, занятой нѣкогда финнами, мы видимъ въ послѣдующее время великорусскую отрасль русскаго народа: на территоріи финскаго племени Меря образовалось Ростово-Суздальское княжество, Муромы — Муромское, Веси — Бѣлозеро. Многія финскія племена исчезли, слившись съ русскими славянами, но наложили свою печать на великорусскій антропологическій типъ въ этихъ мѣстахъ.

Камскіе болгары. Камскіе болгары относятся къ урало-алтайской вѣтви народовъ. Языкъ болгарскихъ надписей древне-чувашскій. Правдоподобнѣе всего въ нихъ нужно видѣть смѣсь чудскаго и тюркскаго элемента съ преобладаніемъ послѣдняго. Можно предполагать, что сюда явилась небольшая тюркская орда или дружина, оторвавшаяся отъ гунновъ, подчинила себѣ обитавшихъ здѣсь угровъ и финновъ, смѣшалась съ ними,—и такъ образовалось Болгарское племя. Центральнымъ пунктомъ государства Камскихъ болгаръ былъ городъ Болгары, остатки котораго сохранились до настоящаго времени возлѣ сел. Успенскаго-Болгары. Болгарскимъ государствомъ было занято, какъ кажется, все теченіе рѣки Камы. Любопытныя свѣдѣнія о Камскихъ болгарахъ X вѣка сообщаетъ намъ арабскій писатель Ибнъ Фацланъ, который ѣздилъ туда къ болгарскому царю Альмусу по порученію халифа Муктадира. Царь пользовался, какъ видно изъ донесенія Фацлана, властью восточныхъ владыкъ. Болгарское царство дѣлилось на нѣсколько частей или областей, во главѣ которыхъ стояли намѣстники или царьки. Въ культурномъ отношеніи болгары стояли довольно высоко. Въ широкихъ размѣрахъ они занимались земледѣліемъ, сѣяли:

рожь, пшеницу, ячмень и просо. Наши русскія области постоянно, а въ особенности въ неурожайные годы, пользовались болгарскимъ хлѣбомъ. Они имѣли много лошадей (конница), крупнаго и мелкаго рогатаго скота; кожи они выдѣлывали на мѣстѣ и потому всѣ были въ «сапозѣхъ», какъ доложилъ объ этомъ Добрыня князю Владимиру. Со всѣми сосѣдними странами болгары вели обширную торговлю, въ особенности мѣхами. Съ Весью и Югрой они вели нѣмую торговлю.. Изъ Руси они вывозили много мѣховъ, которые потомъ продавали арабамъ. Съ Востока они привозили предметы роскоши—драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія, шелковыя и шерстяныя ткани, овощи, пряности и т. п. Изъ Византіи они вывозили «Румскій дибаджъ», т.-е. византійскую парчу, извѣстную въ русской лѣтописи подъ именемъ «паволокъ». Такимъ образомъ, болгары держали въ своихъ рукахъ торговлю Востока и Запада.

Болгарскій бытъ стоитъ на рубежѣ кочеваго и осѣдлаго: на лѣто болгары выселялись въ степь и жили тамъ въ кибиткахъ; зимою же обитали въ домахъ, имѣли довольно много городовъ, занимались земледѣліемъ. Столица государства—г. Болгары—славилась торговлей; въ X в. болгары подверглись вліянію арабской культуры. Со времени принятія ислама тамъ является магометанское духовенство изъ Багдада, слышится арабская рѣчь, строятся зданія въ арабскомъ стилѣ (мечети, мавзолеи и т. п.), но болгарская культура не отличалась прочностью. Отношеніе къ древней Руси въ общихъ чертахъ было таково. Русскіе славяне постоянно ѣздили въ Камскую Болгарію съ торговыми цѣлями. Но, кромѣ этого, по временамъ между двумя сосѣдними народами возникаютъ и враждебныя отношенія. При Святославѣ Русь разгромила Камскую Болгарію. Полководецъ Владимира, Добрыня, выразилъ сомнѣніе насчетъ возможности покорить Болгарію русскому оружію. И тогда же, при Владимірѣ былъ заключенъ мирный, торговый договоръ, напоминающій намъ договоры русскихъ князей съ греками. Болгарскіе купцы должны были являться съ печатями, не имѣли права торговать враздробь (договоръ сохраненъ въ исторіи Татищева).

Хозары. Первоначальная исторія хозаръ очень темна. Владѣнія ихъ были и на нижней Волгѣ (центральный городъ Итиль), и на Дону (гор. Саркелъ, Бѣлая Вѣжа, построенный въ IX в. византійскими инженерами на переволокѣ изъ Дона въ Волгу). Доходили они и до Урала (гор. Сакселъ), и до Кавказскихъ горъ (Баланжарь—первоначальная столица Хозаріи). Города эти были окружены стѣнами, имѣли бани, мечети, сада, виноградники. Но границы хозаръ благодаря ихъ кочевому быту не оставались

неизмѣнными. Происхожденіе хозарской народности также неизвѣстно. Нѣкоторые считаютъ ее тюркской, другіе — финской, третьи—смѣшеніемъ той и другой. Это послѣднее мнѣніе будетъ самое вѣроятное съ тою прибавкою, что къ туземнымъ элементамъ присоединились представители другихъ народовъ: славяне, евреи и т. д. Такимъобразомъ, въ этнографическомъ отношеніи Хозарія IX и X в.в. представляла удивительную амальгаму народностей, которыя мирно уживались другъ съ другомъ. Такимъ же разнообразіемъ отличалось населеніе Хозаріи и въ религіозномъ отношеніи. Одни исповѣдывали христіанскую религію, другіе—магометанскую, третьи—еврейскую, четвертые — языческую. Къ этнографическому разнообразію народностей было приспособлено и судебное дѣло. Въ Хозаріи было семь судей: два для мусульманъ, которые судили по Корану, два для христіанъ, которые судили по Инджилю (евангелію), два для евреевъ, которые судили по законамъ Торы (Пятикнижія) и одинъ для язычниковъ, судившій по законамъ разума. Самъ владыка Хазаріи—каганъ—исповѣдывалъ іудейскую религію, но другія вѣроисповѣданія пользовались также полнымъ правомъ гражданства. Въ высшей степени интересно государственное устройство Хозаріи. Во главѣ ея стояли два владыки—каганъ и пехъ. Первый пользовался почетной властью, второй—дѣйствительной. Первому оказывали необыкновенные знаки уваженія: его нельзя было видѣть; всѣ падали передъ нимъ ницъ; по первому его слову всякій добровольно лишалъ себя жизни; доступъ къ нему во дворецъ имѣлъ только пехъ и еще два вельможи; въ немъ видѣли какого-то полубога; если Болгарію посѣщали какія-либо бѣдствія, то населеніе требовало смерти кагана, такъ какъ онъ неугоденъ богу. Но каганъ ни во что не вмѣшивался; фактически управлялъ государствомъ его намѣстникъ пехъ (бехъ); онъ предводительствовалъ войсками, собиралъ доходы, управлялъ городами, назначалъ чиновниковъ и т. д. Не менѣе интересенъ и внутренній бытъ самого хозарскаго народа—онъ представляетъ своеобразное сочетаніе осѣдлаго и кочевого быта. Жители города Итиля, расположеннаго на обоихъ берегахъ Волги и на небольшомъ островкѣ, проживали здѣсь только зимой, а весной и лѣтомъ уходили на кочевья и тамъ иногда занимались земледѣліемъ. Благодаря необыкновенно удобному географическому положенію, Хозарія сильно развила торговую дѣятельность. Она торговала и съ Камской Болгаріей, и съ Русью, и сь арабскимъ Востокомъ. Она была посредницей въ торговлѣ Руси и средне-азіатскихъ владѣній. Въ IX в. хозары владѣли полянами, сѣверянами, радимичами и вятичами, кото-

рые уплачивали имъ дань. Но вскорѣ начинается и внутреннее ослабленіе хозарскаго царства. Освободившись отъ хозарскаго владычества, воинственные кіевскіе князья рѣшились сломить хозарское могущество — и дѣйствительно, цѣлымъ рядомъ нападеній расшатали эту сильную дотолѣ державу. Извѣстія объ этихъ походахъ сохранили намъ, главнымъ образомъ, арабскіе писатели. Два похода, о которыхъ молчитъ лѣтопись, относятся ко времени Игоря (913 и 943 гг.). Святославъ, по разсказу лѣтописца, побѣдилъ хозаръ и взялъ городъ Бѣлую Вѣжу. Краткое извѣстіе лѣтописи о столкновеніи Святослава съ хозарами дополняется сказаніями арабскихъ писателей. По извѣстію этихъ последнихъ, руссы въ 968 году разгромили столицу Хозарскаго царства — Итиль. Вслѣдъ затѣмъ, спустившись въ Каспійское море, они взяли другой хозарскій городъ Семендеръ, который славился своими садами и виноградниками. Ослабленіе Хазаріи имѣло важныя последствія для Руси: Хазарія долго сдерживала напоръ кочевыхъ азіатскихъ ордъ, а когда ея могущество было расшатано, то эти послѣднія нахлынули въ южно-русскія степи и отражать ихъ должна была только Русь.

Поляки. Изъ-за Червенскихъ городовъ, въ этнографическомъ отношеніи принадлежавшихъ къ Руси, пришлось вести упорную борьбу съ Польшей. Въ 981 году Червенскіе города были отвоеваны Владиміромъ Св. у поляковъ. До этого на эту пограничную область имѣли очевидно притязаніе и Русь, и Польша. Междоусобія, возникшія на Руси по смерти Владиміра Св. (борьба Святополка съ Ярославомъ) вызвали знаменитый походъ на Русь Польскаго короля Болеслава Храбраго, помогавшаго Святополку, женатому на его дочери, — и въ связи съ этимъ Червенскіе города отошли къ Польшѣ. При Ярославѣ однако они снова были возвращены Руси.

Печенѣги и торки. Ослабленіе Хозаріи имѣло тѣ невыгодныя послѣдствія, что усилило значеніе на южной границѣ Русскаго государства печенѣговъ, а потомъ торковъ. Въ болѣе древнее время въ южно-русскихъ степяхъ жило значительное число русскихъ славянъ. Это осѣдлое населеніе доходило до побережья Чернаго и Азовскаго морей на югѣ, на пространствѣ отъ Дуная и до Дона. Пріютомъ для него служили, главнымъ образомъ, лѣсные оазисы, которые находились въ предѣлахъ нынѣшней Новороссіи. Тамъ были уличи и тиверцы. Тогда должны были возникнуть на Азовскомъ побережьѣ русскія колоніи—Тмутаракань и Корчевъ на мѣстѣ древнихъ греческихъ городовъ Фанагоріи и Пантикапеи. Но мало-по-малу это славянское населеніе вытѣсняется кочевниками, для которыхъ этотъ край оказался настоящей обѣтованной землей. Славяно-русское населеніе

должно было отступить передъ этимъ наплывомъ кочевниковъ на сѣверъ, предоставить имъ степи. Печенѣги въ византійскихъ источникахъ назывались пацинаками, торки—гузами или узами. Прежде всего появились въ южно-русскихъ степяхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Русью печенѣги. Интересно извѣстіе Конст. Багр. объ отношеніи Руси къ печенѣгамъ; Русь, по его словамъ, добивалась мирныхъ отношеній съ ними между прочимъ ради вывоза скота отъ нихъ. Въ отсутствіе Святослава (былъ въ Болгаріи) они едва не взяли Кіева. При Владимирѣ Св. происходила постоянная пограничная борьба съ печенѣгами. Объ этой борьбѣ дошло до насъ нѣсколько легендъ. Очевидно, что борьба съ печенѣгами играла важную роль въ жизни кіевскаго населенія, производила сильное впечатлѣніе на его воображеніе и привела къ созданію легендъ, вошедшихъ потомъ въ лѣтопись. О важномъ значеніи, которое имѣли печенѣги, свидѣтельствуетъ намъ и письмо извѣстнаго западнаго миссіонера Брунона. Этотъ послѣдній отправился для распространенія христіанства къ печенѣгамъ и по дорогѣ заѣхалъ къ Владимиру съ цѣлью найти у него покровительство. Владимиръ лично проводилъ его до южной границы своего княжества, которая оказывается, находилась очень недалеко отъ Кіева. Брунонъ въ своемъ письмѣ говоритъ: *Въ теченіе двухъ дней онъ самъ (Владимиръ) съ войскомъ проводилъ меня къ самому крайнему предѣлу своей страны, который онъ оградилъ для защиты отъ кочевниковъ весьма крѣпкою и длинною линіей укрѣпленій.* Остаткомъ этихъ укрѣпленій въ настоящее время являются такъ называемые Зміевы валы. И лѣтопись свидѣтельствуетъ о построеніи Владимиромъ на южной окраинѣ Русской земли цѣлаго ряда новыхъ городовъ по р.р. Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, т.-е. въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской, Полтавской и Кіевской губерній, городовъ, населенныхъ частью плѣнниками, а частью переселенцами изъ другихъ русскихъ областей. Ярославъ Мудрый построилъ вторую линію укрѣпленій, дальше отъ Кіева, въ степи по берегу рѣки Роси. Между тѣмъ въ это время, въ началѣ XI в., начинается движеніе съ востока новаго племени—торковъ, прогнавшихъ печенѣговъ. Печенѣги подъ напоромъ торковъ двигаются на западъ и послѣднее ихъ нападеніе на Кіевъ относится къ 1034 году. Послѣ этого они исчезаютъ изъ южно-русскихъ степей. Значительная часть ихъ переселилась въ Византію. Торки впрочемъ не были особенно воинственны и предпріимчивы. Борьба съ кочевниками требовала страшнаго напряженія силъ отъ Кіевской Руси, велась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и послужила, какъ увидимъ далѣе, главною причиной перехода исторической

жизни съ юга на сѣверъ. Печенѣги нападали на южную Русь и принимали участіе въ княжескихъ войнахъ и междоусобіяхъ.

Византія и Дунайская Болгарія. Огромное значеніе имѣли также походы первыхъ кіевскихъ князей на Византію; въ связи съ ними стоятъ и завоевательныя попытки Святослава въ Дунайской Болгаріи. Походы эти находятся въ тѣсной связи съ торговыми связями обоихъ государствъ. Олеговъ и Игоревъ походы окончились торговыми трактатами. Супруга Игоря Ольга предприняла даже лично путешествіе въ Царьградъ — такъ велика была сила притяженія этого города въ глазахъ первыхъ кіевскихъ князей. Византія въ свою очередь, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, присылала свои суда въ Кіевъ. Святославъ широко раздвигаетъ свою завоевательную политику: онъ стремится завоевать Болгарію и перенести центръ своей земли въ Переяславецъ на Дунаѣ. Объ этихъ походахъ мы имѣемъ свидѣтельства русскихъ лѣтописей и византійскихъ писателей, главнымъ образомъ, Льва Діакона. Сравнивая эти два источника, мы открываемъ между ними значительную разницу и должны отдать предпочтеніе современнику — Льву Діакону. Византійскій императоръ Никифоръ Фока, находясь въ борьбѣ съ болгарскимъ царемъ Петромъ, рѣшилъ воспользоваться для своей цѣли помощью кіевскаго князя. Онъ поручилъ патрицію Калокиру вступить по этому поводу въ переговоры съ Святославомъ и побудить его предпринять походъ противъ болгаръ. Святославъ немедленно явился въ Болгарію, взялъ, по преувеличенному, конечно, счету русской лѣтописи 80 городовъ на Дунаѣ и усѣлся въ городѣ Переяславцѣ (Малая Преслава); такой быстрый успѣхъ объясняется политическою слабостью Болгаріи по смерти знаменитаго болгарскаго царя Симеона и по вступленіи на престолъ его преемника Петра. Болгарія такъ понравилась Святославу, что, по извѣстію лѣтописи, онъ задумалъ было даже совсѣмъ переселиться сюда: „*Не любо есть ми въ Кіевѣ быти*, говоритъ онъ матери, *хочу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся*“. Никифоръ Фока увидѣлъ свою ошибку и рѣшилъ теперь удалить Святослава изъ Болгаріи, потому что онъ былъ для него опаснѣе, чѣмъ Петръ. Но ему не удалось довести до конца своихъ приготовленій: онъ погибъ отъ руки Іоанна Цимисхія, который сдѣлался императоромъ и рѣшилъ энергически бороться съ Святославомъ. Русская рать послѣ неудачнаго сраженія подъ Дористоломъ (т.-е. Силистріей) должна была запереться въ городѣ — такъ началась знаменитая Дористольская осада. Когда всѣ средства обороны были исчерпаны, Святославъ

подъ вліяніемъ голода рѣшилъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Эти переговоры закончились мирнымъ договоромъ, внесеннымъ въ нашу лѣтопись. Святославъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Болгарію, и т. п. Возвращаться назадъ пришлось мимо Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ въ это время засѣли печенѣги съ цѣлью подстеречь и убить кіевскаго князя. Печенѣжскій князь Куря убилъ Святослава и изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу, чтобы пить изъ нея на пирахъ вино. Походъ Владимира на византійскую колонію Корсунь окончился принятіемъ христіанства. Послѣдній походъ въ Византію, вызванный также торговыми интересами Руси, относится къ княженію Ярослава Мудраго; но онъ окончился неудачно. Такъ тѣсно связаны и переплетены были военныя предпріятія Кіевской Руси противъ Царьграда съ ея торговыми интересами и высшими культурными задачами.

9-я глава. Внутренній бытъ Русскаго государства въ кіевскій періодъ.

Государственный строй - князь, дума, вѣче. Соціальный составъ и юридическій бытъ. Экономическій бытъ. Искусство. Принятіе и распространеніе христіанства. Церковные уставы Владимира Св. и Ярослава Мудраго. Просвѣщеніе.

Литература вопроса. Источники. Основнымъ источникомъ является лѣтопись, въ которой помѣщены и договоры съ греками; отсюда послѣдніе перепечатаны въ „Хрестоматіи по исторіи Русскаго права“ проф. *М. Ф. Владимирскаго-Буданова*. 4-е изд. 1889 г., вып. 1-й; въ „Хрестоматіи“—и церковные уставы; отрывки изъ окружнаго посланія патр. Фотія о крещеніи Руси и западныхъ хроникъ о посольствѣ Ольги къ Оттону въ „Исторіи русской церкви“, т. 1-й, 1-я половина *Голубинскаго*; житіе Владимира неизвѣстнаго напечатано митр. Макаріемъ въ приложеніи къ его „Исторіи русской церкви“, т. 1-й, изд. 3-е, Спб. 1889; отрывокъ его о крещеніи Владимира у *Голубинскаго*; память и похвала Владимиру мниха Іакова у Макарія, т. 1-й, приложеніе; „Слово о законѣ и благодати“ митр. Иларіона напечатано въ „Чтеніяхъ“ 1848, № 7; житіе Бориса и Глѣба Нестора издано *Из. Ив. Срезневскимъ* „Сказ. о св. Борисѣ и Глѣбѣ“, Спб., 1860; отрывки изъ памятниковъ литературныхъ — въ Хрестоматіи по русской исторіи проф. Аристова, Варш., 1876; мозаики и фрески — въ изд. Древности Рос. Гос. Кіево-Софійскій соборъ, вып. I—IV, Спб., 1871—1887 г. Пособія: *Е. Голубинскій*. Исторія русской церкви. М., 1880; т. 1-й — 1-я половина тома; *Н. П. Кондаковъ* и гр. *И. И. Толстой*. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV—V; *Лашкаревъ*. Кіевская архитектура X—XII вв. (Труды 3-го Археол. Съѣзда въ Кіевѣ); *Д. Айналовъ* и *Е. Рѣдинъ*. Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи, Спб., 1889; *Д. В. Айналовъ*. Княг. Св. Ольга въ Царьградѣ (Труды XII Археол. Съѣзда въ Харьковѣ); *Марковъ*. Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, Спб., 1910; *А. А. Куникъ*. О русско-византійскихъ монетахъ, Спб., 1860; гр. *И. И. Толстой*. Древнѣйшія русскія монеты Вел. Кн. Кіевскаго, Спб., 1882; Восточное серебро. Атласъ древней серебр. и золотой посуды восточнаго происхожденія. Изд. Имп. Археол. Ком., Спб., 1909; — *В. Пархоменко*. Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи

Руси IX—X вв. Полтава, 1913 г.; *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Исторія русскаго народнаго хозяйства, К., 1911; *В. К. Трутовскій.* Что такое ногата? М., 1911; *Неволинъ.* О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Вел. (Полн. собр. соч., т. VI. Спб., 1859). Общіе труды по русской исторіи: *К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго* и по исторіи русскаго права *М. Ф. Владимирскаго Буданова.* „Обзоръ исторіи русскаго права", 1888; *М. Дьяконова.* „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси", Спб., 1912 г.; *Н. А. Лавровскій.* О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ, Спб., 1853; *В. И. Сергѣевичъ.* Греч. и рус. право въ договорахъ русскихъ съ греками (Ж. М. Н. Пр. 1882, январь); *Н. П. Кондаковъ.* О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Соф. собора. (Зап. Археол. Общ., III); *Мейчикъ.* Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря и Правдѣ Ярослава (Юрид. Вѣстн. 1875, янв., февраль и мартъ); *Лонгиновъ.* Мирные договоры русскихъ съ греками (Зап. Одес. Общ., т. XXV, стр. 335—555); очень обстоятельное изслѣдованіе; *Д. Айналовъ.* Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. Спб., 1908 г.; Отчетъ о раскопкахъ въ Кіевѣ въ 1908 г. *Фармаковскаго* и *Милѣева* (Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1908 годъ. Спб., 1912 г.); *А. А. Шахматовъ.* Корсунская легенда (Сборникъ статей, посвященныхъ ак. *В. И. Ламанскому,* часть 2-я, Спб., 1908 г.) и *его же.* Розысканія о древнѣйшихъ рус. лѣт. сводахъ, Спб., 1908; *М. Д. Приселковъ.* Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв., Спб., 1913 г.

Государственный строй—князь, дума, вѣче. Военные успѣхи Кіевской Руси явились результатомъ того внутренняго государственнаго строительства, которое въ ней происходило въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ ея историческаго существованія. Теперь уже былъ заложенъ фундаментъ того строя, который получилъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующій періодъ. Первенствующая роль въ этомъ строительствѣ принадлежала княжеской власти, затѣмъ боярской думѣ, какъ выразительницѣ дружинныхъ интересовъ, и вѣчу, какъ органу земщины. Носителемъ общихъ государственныхъ интересовъ являлся теперь князь. И прежде, какъ мы знаемъ, княжеская власть существовала. Но теперь она усилилась и пріобрѣла новый характеръ. Прежде она распространялась только на территорію одного какого-либо племени. Теперь кіевскіе князья распространили свою власть на всю Русскую землю. Правда, рядомъ съ кіевскими князьями мы видимъ князей и въ другихъ областяхъ; но это не что иное, какъ первое примѣненіе семейнаго начала къ княжескому управленію и наслѣдію: всѣ члены княжескаго семейства мужескаго рода по смерти отца получали право на участіе въ этой вотчинѣ. Иногда право сталкивалось съ силой — и въ результатѣ явились многочисленныя столкновенія князей и даже гибель нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но бывало и такъ, что дѣлить Русскую землю между князьями не приходилось, ибо былъ только налицо одинъ владыка. Олегъ одинъ управлялъ государствомъ и притомъ въ качествѣ опекуна Игоря. Игорь, Ольга и

Святославъ также единолично правили всею Русью. Послѣ Святослава осталось трое сыновей — и между ними впервые открывается борьба, окончившаяся убіеніемъ двухъ братьевъ и возстановленіемъ единовластія при Владимирѣ. Послѣ Владимира осталось многочисленное потомство, среди котораго открылись сильныя междоусобія, окончившіяся убіеніемъ Бориса и Глѣба и столкновеніями Ярослава съ Святополкомъ, погибшимъ въ этой борьбѣ, и со Мстиславомъ Тмутараканскимъ. Со смертію Мстислава Ярославу снова удалось возстановить единовластіе.

Фактическаго единовластія въ сущности, однако, никогда не было на Руси. Олегъ правилъ единолично. А между тѣмъ договоръ съ греками онъ заключаетъ не только отъ своего имени, но и отъ имени всѣхъ свѣтлыхъ князей, находившихся подъ его рукою, т.-е. признавшихъ его верховную власть. Это могли быть и его родственники и потомки туземныхъ князей. Кромѣ того, въ разныхъ центральныхъ городахъ сидѣли въ качествѣ намѣстниковъ княжескіе мужи, старшіе дружинники или бояре. Силу князя составляла его дружина; но содержаніе дружинъ обходилось очень дорого,—и потому главная забота князей, кромѣ походовъ, дававшихъ имъ добычу (припомнимъ огромную добычу Олега послѣ удачнаго похода на Царьградъ), сосредоточивалась еще и на хозяйственной, экономической дѣятельности — на собираніи дани съ покоренныхъ племенъ. Внѣшнія и внутреннія войны, наполняющія всю изучаемую нами эпоху, требовали большихъ матеріальныхъ затратъ со стороны князей—и къ добыванію ихъ были направлены усилія князей. Источникомъ ихъ были дани, промыслы и торговля. И дани, и хозяйственная дѣятельность содѣйствовали внутреннему сплоченію государства, укрѣпленію связей Кіева съ вошедшими въ составъ его землями. Но, вѣроятно, одни изъ племенъ платили больше дани, другія меньше; больше другихъ платили древляне въ наказаніе за умерщвленіе Игоря; въ большой также зависимости отъ кіевскихъ князей находились радимичи, которые «повозъ везутъ и до сего дне» (т.-е. до времени лѣтописца); сѣверяне платили гораздо меньше: Олегъ наложилъ на нихъ «дань легъку»; вятичи платили, вѣроятно, еще меньше: даже въ концѣ XI в. Владимиръ Мономахъ ходилъ къ нимъ на Ходоту и его сына; новгородцы уплачивали огромную по тому времени сумму въ 300 гривенъ, т.-е. 300 фунтовъ серебра. При разсказѣ о княженіи Ольги лѣтопись даетъ намъ нѣсколько фактовъ о хозяйственной дѣятельности князей «*І іде Ольга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уста-*

вы и урокы: и суть становища ея и ловища ея»; затѣмъ далѣе: «Въ лѣто 6455 (947 г.) иде Ольга къ Новгороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброкы, и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста и погосты, и по Днепру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възратися къ сыну своему въ Кіевъ и пребываше съ нимъ въ любви». Ольга лично объѣздила Древлянскую землю и установила въ ней «уставы» и «уроки». Подъ уставомъ, вѣроятно, нужно понимать всякое установленіе, опредѣленіе того, какъ что дѣлать (въ примѣненіи къ повинностямъ Древлянской земли), а подъ именемъ урока—всякую обязательную повинность, которую нужно было исполнить къ опредѣленному сроку. Здѣсь, въ Древлянской землѣ, она останавливалась станами и охотилась за звѣрями. На эти-то становища и ловища ея указывали еще во времена лѣтописца. Покончивши со внутреннимъ нарядомъ въ Древлянской землѣ (о чемъ, кстати сказать, вовсе не заботился ея супругъ), Ольга отправилась за данью на сѣверъ—въ Новгородскую землю. Во время пребыванія князя въ извѣстномъ мѣстѣ сюда стекалось окружающее населеніе для жалобъ, просьбъ и т. п. Эти-то мѣста остановокъ, по всей вѣроятности, получили названіе погостовъ. Это, слѣдовательно, были извѣстные административные центры. Здѣсь были построены со временемъ храмы (отсюда названіе церковнаго погоста), при нихъ были устроены торги и т. п. Населеніе уплачивало князю оброки и дани. Подъ именемъ знаменій нужно разумѣть бортныя деревья съ знаменами, т.-е. извѣстными знаками, а подъ именемъ «перевѣсищъ»—мѣста, предназначенныя для ловли птицъ. Конечно, всѣ эти хозяйственныя распоряженія не ограничивались только Древлянской, Новгородской и Черниговской областями—они были и въ Кіевской землѣ и въ другихъ мѣстахъ. Цѣною дани племена пріобрѣтали себѣ безопасность отъ внѣшнихъ враговъ: защиту ихъ брали на себя кіевскіе князья. Итакъ, дань была двоякаго рода: одну — повозъ — привозили сами племена, за другою ходили князья; это было *полюдье*. По словамъ императора Константина Багрянороднаго, въ ноябрѣ мѣсяцѣ на зиму князья обыкновенно отправлялись на полюдье [1]), гдѣ, по всей вѣроятности, производили и

---

[1]) Вотъ подлинное свидѣтельство о полюдьѣ Константина Багрянороднаго: „зимній образъ жизни самихъ россовъ суровъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, тотчасъ выходятъ ихъ князья со всѣми россами изъ Кіева и отправляются въ полюдье, которое называется гирой и именно въ славянскія страны Вервіановъ (тиверцевъ?), Другувитовъ (дреговичей), криви-

судъ, который всегда составлялъ одну изъ важныхъ функцій княжеской власти. Судъ также служилъ источникомъ княжескихъ доходовъ, ибо въ пользу князя шли штрафы съ виновныхъ. Князь казнилъ виновныхъ. Князю принадлежала и *законодательная власть;* памятниками законодательной дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей являются договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, церковные уставы Владимира и Ярослава и «Русская Правда» Ярослава Мудраго. Наконецъ, князю принадлежала и религіозная власть. Владимиръ ставитъ языческихъ идоловъ, а потомъ вводитъ христіанство и приказываетъ всѣмъ креститься.

При князѣ состоялъ совѣтъ изъ старшихъ дружинниковъ — бояръ, это была боярская *Дума;* такого термина, однако, не было, но въ составъ ея входили бояре думающіе. *«Бѣ бо Владимиръ любя дружину и съ нею думая о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земстѣмъ»*. Но сюда входили и старцы градскіе, подъ которыми можно разумѣть земскихъ бояръ. Владимиръ постоянно совѣтуется со старцами, старцами градскими и боярами: приглашаются иногда на совѣтъ и посадники другихъ городовъ, епископы и игумены важнѣйшихъ монастырей. Дума участвовала съ княземъ въ рѣшеніи религіозныхъ и законодательныхъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ: договоры съ греками заключались и отъ имени свѣтлыхъ бояръ князя; Владимиръ разсуждаетъ съ боярами о ратѣхъ. Тотъ же Владимиръ предалъ жену свою Рогнѣду за покушеніе на его убійство суду бояръ, которые посовѣтовали ему не убивать ее, а отдать ей съ сыномъ ея отчину — Полоцкъ. Дума не ограничивала княжеской власти; она имѣла совѣщательный характеръ; но совѣтовъ ея не могли игнорировать князья.

Вѣче является столь же исконнымъ началомъ славяно-русской жизни, какъ и княжеская власть. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что *«Новгородцы бо изначала, и Смоляне, и Кыяне и Полочане и вся власти якоже на думу, на вѣча сходятся»...* Первоначально были племенныя вѣча: *«Сдумавше поляне*, говоритъ лѣтописецъ, *и вдаша Козаромъ отъ дыма мечь»*. Затѣмъ они превра-

---

цовъ (кривичей), сервіевъ (сѣверянъ) и остальныхъ славянъ, которые платятъ дань россамъ. Они кормятся тамъ въ теченіе цѣлой зимы, а когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ледъ на Днѣпрѣ опять проходитъ, спускаются въ Кіевъ. Затѣмъ пріобрѣтаютъ, какъ было сказано выше, свои однодеревки, снаряжаютъ ихъ и отправляются въ Византію". Таковъ былъ круговоротъ экономической жизни Кіевской княжеской Руси: зимою во время полюдья она запасалась товарами, а весною и лѣтомъ отправляла ихъ въ Царьградъ.

щаются въ *городскія*. Первое упоминаніе термина вѣча относится къ городу Бѣлгороду (въ Кіевскомъ княжествѣ), осажденному въ 997 году печенѣгами; людіе въ немъ *створиша вѣче* для рѣшенія вопроса о сдачѣ печенѣгамъ. И въ данномъ случаѣ, и въ другихъ вѣче сливалось съ Думою старѣйшинъ. Ярославъ собралъ вѣче въ Новгородѣ и получилъ отъ него помощь противъ Святополка.

Соціальный составъ. Соціальный составъ общества былъ таковъ: все оно дѣлилось на двѣ группы: дружину и земщину. *Дружина* въ кіевскій періодъ играла очень важную роль; это былъ верхній слой общества, пользовавшійся важными преимуществами, но и онъ не представлялъ изъ себя сословія, а только классъ. Въ составъ дружины въ изучаемую нами эпоху входило много иноземныхъ элементовъ. Составъ военныхъ силъ былъ двухъ родовъ: постоянная дружина и вспомогательныя рати иноземцевъ; послѣдніе приглашались тогда, когда предстояла важная борьба, въ которой недостаточно было одной дружины. Сѣверные князья нанимали въ свою службу норманновъ. Южные князья также прибѣгали къ найму иноземцевъ, а именно—кочевыхъ ордъ: въ походахъ Святослава въ Болгарію участвовали печенѣги и угры, Святополку помогали печенѣги, Мстиславу Тмутараканскому—жители Кавказа—ясы и касоги. Южные князья нанимали на помощь степняковъ, сѣверные—варяговъ. Норманновъ было такъ много, что отъ нихъ рѣшилъ избавиться Владиміръ и часть болѣе безпокойныхъ отправилъ въ Византію. Наемныя дружины въ видѣ цѣлыхъ отрядовъ приглашались обыкновенно въ экстренныхъ случаяхъ, но и въ составѣ постоянной дружины было немало лицъ различныхъ національностей, особенно норманновъ, какъ это видно изъ именъ ихъ, сохранившихся въ договорахъ Олега и Игоря. Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи встрѣчаются имена дружинниковъ иногда чисто славянскія, напримѣръ,—Синько, Вышата, Блудъ, Свѣнельдъ; иногда иноземныя: въ договорѣ Игоря—дружинникъ Ятвягъ; это имя прямо указываетъ на его національность. Ярополка убили два варяга въ то время, какъ онъ входилъ въ палатку Владиміра. Первый христіанскій мученикъ въ Кіевѣ былъ варягъ; Глѣба убилъ дружинникъ Торчинъ; у Бориса былъ дружинникъ отрокъ Георгій, затѣмъ Ѳедоръ Угринъ. Въ дружинѣ Святополка былъ Ляшко (полякъ). Всѣ эти имена ясно указываютъ намъ, что единичныя лица различныхъ національностей по мѣрѣ личнаго желанія могли поступать въ княжескую дружину. Отличительная черта того времени—это забота о дружинѣ со стороны князя. Такъ какъ въ дружинѣ, главнымъ образомъ, заключалась сила

князя, то онъ совѣтуется съ дружиной и сообразуется съ ея мнѣніемъ и желаніемъ. Когда Ольга уговаривала Святослава креститься, онъ отказался, мотивируя это тѣмъ, что дружина будетъ надъ нимъ смѣяться; дружина принудила Игоря итти къ древлянамъ за данью и на полюдье, говоря, что у другихъ князей дружина наживается, имѣетъ много оружія и одежды, а его нага. Владиміръ часто давалъ пиры своей дружинѣ, и на одномъ пиру дружина будто бы заявила ему, что не можетъ ѣсть иначе, какъ серебряными ложками. Владиміръ тотчасъ удовлетворилъ ея желаніе и сказалъ при этомъ, что серебромъ не добуду себѣ дружины, а съ дружиною добуду серебро. Интересенъ эпизодъ изъ отношеній къ дружинѣ Мстислава Тмутараканскаго: во время борьбы съ Ярославомъ онъ пошелъ въ Черниговъ и набралъ тамъ ополченіе изъ сѣверянъ; встрѣтившись съ Ярославомъ въ Лиственской битвѣ, онъ сначала спряталъ свою дружину и только тогда, когда сѣверяне были перебиты, пустилъ ее въ дѣло. Объѣзжая поле битвы, Мстиславъ сказалъ: *«кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а своя дружина цѣла»*. Дружина распадалась на два разряда: старшую—бояръ и младшую—отроковъ, дѣтскихъ, гридь. Нельзя съ точностью опредѣлить время появленія бояръ; лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ о нихъ въ договорѣ Олега, гдѣ говорится о свѣтлыхъ боярахъ, находившихся подъ рукою его. Князья отдавали имъ въ управленіе города и земли. Олегъ посадилъ посадниковъ въ Смоленскѣ и Любечѣ; во главѣ черниговскаго ополченія стоялъ воевода Претичъ; другимъ такимъ воеводой, у котораго была собственная дружина, былъ Свѣнельдъ при Игорѣ; у Ярополка близкимъ совѣтникомъ былъ Блудъ, у Владиміра—его дядя Добрыня. Боярства добивались или личными заслугами, или расположеніемъ князя. Владиміръ Св. пожаловалъ въ бояре отрока, т.-е. младшаго дружинника изъ скорняковъ, который одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря. Дружина представляла изъ себя всегдашнее войско, вооруженіе коего составляли—лукъ со стрѣлами, копье, мечъ, броня или кольчуга, шлемъ. Камскіе болгары отдавали преимущество русскимъ обоюдоострымъ мечамъ передъ своими саблями, заостренными съ одной стороны. Черниговскій воевода подарилъ печенѣжскому хану оружіе — мечъ, щитъ, броню. Дружина, повидимому, была, главнымъ образомъ, конная; но была и пѣшая. Были и морскія силы — довольно многочисленный флотъ, состоявшій изъ лодокъ однодеревокъ, на которыхъ отважные русичи смѣло пускались въ море и доходили до Константинополя, придерживаясь, конечно,

берега. Но русскій флотъ въ техническомъ отношеніи далеко уступалъ греческому, который къ тому же пользовался еще «греческимъ огнемъ». Русскимъ было извѣстно искусство земляной фортификаціи, и они устраивали укрѣпленія для защиты отъ печенѣговъ; при Владимирѣ и Ярославѣ были устроены цѣлыя системы такихъ укрѣпленій. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ на помощь дружинамъ призывались такъ называемые *вои*, т. е. земскія ополченія. Но они, нужно думать, дѣйствовали почти исключительно въ оборонительныхъ войнахъ, гдѣ само населеніе выступало на защиту своихъ интересовъ. Такъ было, намъ кажется, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовали вооруженною рукою «люди». Такъ было и въ Лиственской битвѣ Мстислава съ Ярославомъ, гдѣ въ числѣ войска стояла сѣверянская земская рать. Но извѣстны случаи, когда вои выступали и въ наступательной войнѣ (при Ярославѣ Мудромъ противъ грековъ).

Земщина состояла изъ трехъ классовъ — бояръ, горожанъ и смердовъ. *Бояре* земскіе (въ отличіе отъ дружинныхъ) — это старѣйшины, старцы градскіе или людскіе, нарочитые люди, по терминологіи лѣтописи. Они выступаютъ передъ нами въ Древлянской землѣ въ борьбѣ ея съ Кіевской, при Владимирѣ Св.— въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, гдѣ Ярославъ избилъ «нарочитыхъ» людей, въ Бѣлгородѣ, когда эти старѣйшины даже перерѣшили постановленіе Бѣлгородскаго вѣча, и въ другихъ случаяхъ. *Горожане*—жители городовъ—заключали въ себѣ все свободное городское населеніе, верхній слой котораго составляли *гости*, т.-е. купцы, ведшіе иностранную торговлю; господствующее положеніе среди нихъ занимали норманны. Ихъ отправляли въ качествѣ пословъ въ Византію. Далѣе слѣдуютъ просто купцы, ремесленники и т. п. Профессіональныя занятія горожанъ были разнообразны, видное мѣсто занимало также земледѣліе. Сельское свободное населеніе, впослѣдствіи получившее наименованіе смердовъ, существовало и теперь. Несвободнымъ классомъ являлись *рабы*; о состояніи рабовъ мы находимъ указанія въ договорахъ съ греками.

Юридическій бытъ общества регулировался не столько писанымъ закономъ, сколько нормами обычнаго права. Первыми нашими законодательными актами, относящимися еще къ языческому періоду, являются договоры съ греками; памятниками новой христіанской эпохи являются *Русская Правда и церковные уставы* Владимира Св. и Ярослава Мудраго. Договоры съ греками представляютъ изъ себя наши первые международные трактаты, въ которыхъ нашло себѣ выраженіе и право русское, и право ви-

зантійское. Такъ какъ Русь подолгу проживала въ Царьградѣ, а греки—въ Кіевѣ, то являлась необходимость урегулировать ихъ взаимныя отношенія въ области уголовнаго и гражданскаго права. Убійцу нужно было казнить на мѣстѣ преступленія, а въ случаѣ бѣгства его имущество переходило къ родственникамъ убитаго; за нанесеніе ранъ уплачивался штрафъ въ 5 литръ серебра, а если виновный не имѣлъ такихъ денегъ, то брали у него все, что онъ имѣлъ—снимали даже съ него послѣдніе порты, т.-е. одежду. За воровство уплачивалась тройная стоимость украденнаго; сопротивлявшагося вора можно было безнаказанно убить. Обѣ стороны обязались взаимно выдавать своихъ бѣглыхъ рабовъ и преступниковъ, наказывать воровъ и убійцъ, выкупать плѣнныхъ; по договору Игоря, за выкупленнаго плѣнника въ юношескомъ возрастѣ (или плѣнницу) уплачивалось 10 золотниковъ, за лицъ средняго возраста—8, за дѣтей и стариковъ—5. Былъ рядъ параграфовъ, регулировавшихъ международныя отношенія Руси и Византіи. Если бы греческій корабль потерпѣлъ аварію, то Русь, когда бы она оказалась вблизи этого мѣста, обязана была оказать ему помощь и проводить до безопаснаго мѣста. Русскіе могли безпрепятственно поступать на службу къ греческому царю. По договору Игоря, русскій князь взялъ на себя обязательство не позволять Чернымъ болгарамъ нападать на Корсунскую область. Изъ этого ясно видно, что подлѣ Корсунской области были русскія поселенія; таковыми являлись во всякомъ случаѣ города Тмутаракань и Корчевъ. Договоры были скрѣплены взаимною присягой: Олеговъ—языческою клятвою со стороны Руси, а Игоревъ—и языческою, и христіанскою, ибо въ это время нѣкоторая часть Руси уже приняла крещеніе; языческая Русь клялась своими божествами, говоря, что если она нарушитъ клятву, то пусть ее не защитятъ ея собственные щиты, пусть будетъ изсѣчена своими мечами или погибнетъ отъ собственнаго оружія и будетъ рабами въ сей жизни и будущей; христіанская Русь присягала въ храмѣ св. Иліи, клялась Господомъ Вседержителемъ и осуждала себя въ случаѣ нарушенія клятвы на погибель въ сей и будущей жизни. Договоры заключались навѣки—пока солнце сіяетъ—но въ дѣйствительности нарушались и возобновлялись нѣсколько разъ. «Русскую Правду», какъ законодательный памятникъ, я разсмотрю при обозрѣніи областного періода, а на церковныхъ уставахъ остановлюсь послѣ разсмотрѣнія вопроса о принятіи христіанства.

Экономическій бытъ. Земледѣліе, являвшееся исконнымъ занятіемъ славяно-русскихъ племенъ, должно было теперь еще бо-

лѣе распространиться, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ процвѣтанію его способствовали почвенныя и климатическія условія. Въ Древлянской землѣ жители городовъ, покорившихся Ольгѣ, по словамъ лѣтописи, обрабатывали нивы своя. Звѣроловство, благодаря обилію лѣсовъ и множеству звѣрей въ нихъ, очень процвѣтало; по словамъ Святослава, изъ Руси вывозилась скора, т.-е. мѣха. Онъ же свидѣтельствуетъ и о вывозѣ меда и воска. Ольга, какъ мы видѣли, устраивала ловища, перевѣсища и знаменія (борти). Изъ ремеслъ упоминаются—скорняжническое (кожевенное), плотничье, процвѣтавшее у новгородцевъ, которыхъ кіевляне называли своими хоромцами; археологическія данныя свидѣтельствуютъ о развитіи гончарства и нѣкоторыхъ другихъ видовъ туземнаго ремесленнаго производства. Само собою разумѣется, что отсутствіе указанія въ источникахъ на какое-либо ремесло или промыселъ не доказываетъ еще его фактическаго отсутствія въ народной экономикѣ. Почти полное отсутствіе указаній за это время о внутренней торговлѣ также не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ея въ дѣйствительности. Наоборотъ, она существовала всюду, а особенно въ тѣхъ городахъ, которые вели внѣшнюю торговлю, какъ, напримѣръ, Кіевъ, Смоленскъ и др. Внѣшняя торговля была немыслима безъ внутренней.

О внѣшней торговлѣ мы находимъ сравнительно богатыя свѣдѣнія. Торговля эта велась съ Византіей, Дунайской Болгаріей, Камской Болгаріей, Хозаріей и др. странами. Мы видѣли уже, какое значительное количество сырыхъ произведеній скоплялось у князей, благодаря полюдью и сопряженнымъ съ нимъ данямъ съ одной стороны и хозяйственной дѣятельности ихъ съ другой. Немало товаровъ было и у дружинниковъ, и у купцовъ—гостей. Эти запасы и обмѣнивались на произведенія другихъ странъ. Раннею весной на Днѣпрѣ, сѣвернѣе Кіева, создавалась цѣлая флотилія изъ лодокъ-однодеревокъ, которая направлялась къ Кіеву, а оттуда уже въ видѣ купеческаго каравана двигалась въ Царьградъ. Ея трудный путь подробно и картинно описанъ Константиномъ Багрянороднымъ.

О широкихъ размѣрахъ торговой дѣятельности Руси въ Константинополѣ свидѣтельствуютъ договоры Олега и Игоря съ греками. Князь русскій могъ посылать ежегодно въ Царьградъ столько кораблей съ послами и гостями, сколько хотѣлъ. Руси отводилось особое предмѣстье въ городѣ у церкви св. Мамы; она должна была входить въ городъ въ числѣ не болѣе 50 человѣкъ за одинъ разъ и притомъ безъ оружія; она получала отъ греческаго правительства въ теченіе лѣтняго полугодія «мѣсячину»,

т.-е. мѣсячное содержаніе и даже могла пользоваться столь любимыми ею банями: оклады давались прежде всего кіевлянамъ, потомъ купцамъ, пріѣхавшимъ изъ Чернигова, Смоленска, Переяслава, Любеча. Дабы не было злоупотребленій, пріѣхавшіе должны были предъявлять грамоту, въ которой прописывались ихъ имена, тѣмъ болѣе что торговля была безпошлинная (раньше послы показывали только золотыя печати, а гости — серебряныя); по договору Игоря, Русь не могла покупать предметы вывоза—паволокъ, т.-е. шелковыхъ тканей, дороже извѣстной цѣны (50 золотниковъ). Возвращаясь домой, Русь получала отъ грековъ все, что ей нужно было въ пути—кормъ, якори, паруса. Съ Дунайской Болгаріей Русь торговала медомъ, воскомъ, мѣхами и невольниками; изъ Византіи туда шли золото, шелковыя ткани, вина, овощи, изъ Венгріи — серебро, кони. Чрезвычайно обширна была торговля Руси и съ мусульманскимъ востокомъ. Существовалъ водный путь и въ Хозарію, и въ Камскую Болгарію: Русь изъ Азовскаго моря поднималась по р. Дону до Саркела, затѣмъ шла волокомъ до р. Волги, и по ней или спускалась внизъ до Итиля, или поднималась вверхъ до г. Великихъ Болгаръ. По словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана, Русь, приплывъ въ столицу Болгарскаго царства прежде всего приносила жертву своимъ идоламъ, затѣмъ строила на берегу рѣки деревянные сараи и размѣщала въ нихъ привезенные съ собою товары—это были, главнымъ образомъ, мѣха и невольницы. Въ Итилѣ Русь занимала особую часть города. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Руси служили мѣха, ввозились же, гл. обр., предметы роскоши. Арабская торговля прерывается на рубежѣ XI в.

О развитіи торговой дѣятельности свидѣтельствуетъ и фактъ существованія *монеты* въ видѣ цѣлыхъ монетныхъ кладовъ. Въ кладахъ преобладаютъ арабскіе или самонидскіе диргемы (серебряная монета), или ихъ части -- отрѣзки, какъ болѣе мелкая единица: таково происхожденіе ногаты = $^1/_2$ диргема — и рѣзаны = $^1/_6$ диргема; затѣмъ идутъ англосаксонскія монеты; попадаются и византійскія (золотые солиды). Въ Кіевѣ найденъ былъ кладъ съ 2380 араб. монет., въ Могил. губ.—съ 1300, въ Псковской—съ 6000, въ Муром. уѣздѣ, Владим. губ.—съ 11000 цѣлыхъ и 14000 изломанныхъ. Что касается собственной, туземной монеты, то на этотъ счетъ существуютъ разныя мнѣнія. Была гипотеза (нынѣ оставленная) о существованіи кожаныхъ денегъ; но первоначальнымъ терминомъ для обозначенія денегъ служило слово «скотъ», съ которымъ потомъ начало конкурировать слово «куны» (отъ куница). Болѣе прочно стоитъ мнѣніе о монетахъ, отно-

симыхъ къ Владимиру Св. и Ярославу Мудрому (Владимирово золото и Ярославово серебро); но ихъ найдено крайне ограниченное количество. Скорѣе всего уже въ это время могли появиться гривны, т.-е. серебряные слитки опредѣленнаго вѣса. Наконецъ, очень часто велась просто мѣновая торговля, не требовавшая монетныхъ единицъ.

Искусство. Восточные языческіе славяне являются преемниками скиѳо-сарматской культуры. Славянскіе предметы съ точки зрѣнія искусства характеризуются простотой формъ (шейныя гривны, бубенчики, браслеты); осталось много скиѳскихъ типовъ— въ убранствѣ, въ гончарныхъ издѣліяхъ и ихъ орнаментаціи (шарообразныя формы, точки, черточки, волнообразныя линіи). Въ дальнѣйшемъ мы видимъ вліяніе Востока и Византіи, которые были близки Руси по восточному своему элементу. Прототипъ кіевскихъ серегъ съ 3 шипами встрѣчается въ арабскихъ серьгахъ. Сюда же нужно отнести бронзовыя зеркала, серебряныя чаши и блюда, съ растительнымъ и животнымъ орнаментомъ, поясные наборы изъ серебряныхъ накладокъ. Н. П. Кондаковъ даетъ высокую оцѣнку культурѣ и искусству въ кіевскій періодъ. Варяжскіе пришельцы находили въ Кіевѣ, по его мнѣнію, гораздо болѣе богатую и разнообразную культуру, чѣмъ та, которую они могли бы найти у себя дома. Скандинавская археологія организовалась ранѣе другихъ; поэтому именемъ скандинавскаго стиля названы многія вещи въ русскихъ древностяхъ, не имѣвшія ничего общаго съ варяжскими; въ скандинавскихъ кладахъ мало сходства съ русскими; нѣтъ у насъ и готской орнаментаціи. Примѣромъ сліянія древняго греко-восточнаго звѣринаго стиля и новаго арабскаго на почвѣ Россіи можетъ служить, говоритъ онъ, пара турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро и найденныхъ въ черниговскомъ курганѣ «Черная могила». На развернутомъ фризѣ можно видѣть тамъ восточный сюжетъ—охоту сѣверныхъ варваровъ съ собаками на большихъ птицъ: это примѣръ звѣринаго стиля. Съ ними сходны орнаменты многихъ предметовъ Гнѣздовскаго мог. (и клада) Смол. губ. (X вѣка). Тѣсныя связи древней Руси съ культурою древняго Востока отражались очень замѣтно въ нашихъ былинахъ; тамъ мы видимъ детали восточной архитектуры, обиліе драгоцѣнныхъ камней въ конскомъ уборѣ, восточныя пышныя одежды, восточное оружіе. Восточныя издѣлія шли черезъ Камскую Болгарію (пряности, ароматы, шелковыя матеріи, драгоцѣнные камни, атласъ, золотыя и серебряныя издѣлія: блюда, цѣпочки, кольца, запястья, булавки, пуговки, бляхи). Тогда уже, вѣроятно, появились и восточные термины для этихъ

предметовъ художественной техники. Арабы, впрочемъ, распространяли далеко въ глубь Россіи не только свои издѣлія, но и художественные предметы—Сиріи и Египта.

Византійское вліяніе проявилось въ *«Корсунскомъ дѣлѣ»*, т.-е. корсунскихъ издѣліяхъ, но цареградскія стояли несравненно выше ихъ по изяществу—это монументальные предметы. Днища стеклянныхъ чашекъ и блюдецъ, найденныя въ Херсонесѣ и Кіевѣ, тождественны, ибо все стекло привозилось изъ Сиріи. Тождественны херсонесскіе и курганные южнорусскіе стеклянные браслеты. Въ корсунскихъ издѣліяхъ много восточныхъ элементовъ—это греко-восточное искусство. Языческая Русь знакомилась съ предметами художественной промышленности при посредствѣ торговыхъ и политическихъ сношеній и войнъ: они привозились на Русь купцами, получались въ качествѣ подарковъ (вспомнимъ о блюдѣ, полученномъ Ольгою въ Константинополѣ; и сама Ольга пожертвовала въ ризницу Цареградской Софіи драгоцѣнное блюдо, которое видѣлъ и описалъ русскій паломникъ XIII в. Антоній Новгородскій) или добычи (шелковыя матеріи, доставшіяся дружинѣ Олега послѣ удачнаго похода на Царьградъ). Славянорусское язычество для цѣлей своего культа выработало своеобразную архитектуру «требищъ и капищъ», гдѣ совершались жертвоприношенія и своеобразную скульптуру своихъ идоловъ; идолъ Перуна былъ сдѣланъ изъ дерева, но голова его была серебряная, а усъ золотой; вмѣстѣ съ нимъ подлѣ терема Владимира-язычника стояло еще 5 другихъ идоловъ; это была цѣлая коллекція, цѣлый пантеонъ; другіе идолы были каменные. Тотъ же Владимиръ, завоевавъ Корсунь и ознакомившись съ многочисленными памятниками его скульптуры, вывезъ оттуда для украшенія своей столицы Кіева «двѣ капищи мѣдяны и четыре кони мѣдяны», и поставилъ ихъ на Бабиномъ Торжкѣ — на людномъ мѣстѣ на базарѣ. «Капищи мѣдяны» представляли, вѣроятно, двѣ мѣдныя человѣческія статуи, а кони — четверню мѣдныхъ коней; въ Царьградѣ также была такая четверня, она была похищена оттуда венеціанцами и нынѣ украшаетъ соборъ Св. Марка въ Венеціи. Къ сожалѣнію, памятники эти не дошли до насъ и, вѣроятно погибли при завоеваніи Кіева татарами. Еще важнѣе оказалось вліяніе *христіанскаго* византійскаго искусства, которое началось съ принятіемъ при Владимирѣ христіанства, а можетъ быть даже и ранѣе, ибо храмъ св. Иліи, существовавшій уже при Игорѣ, долженъ былъ быть построенъ по византійскому образцу.

Древнѣйшимъ послѣ Ильинскаго храма въ Кіевѣ былъ Десятинный, сооруженный Владимиромъ Св.; теперь на мѣстѣ его су-

ществуетъ новая церковь, но въ развалинахъ его были найдены остатки золотыхъ мозаическихъ фоновъ, обломки стѣнной штукатурки съ остатками фресковой живописи, порфировыя небольшія квадратныя плитки, отлично полированныя, служившія для настѣнныхъ украшеній или инкрустацій, части мраморныхъ и каменныхъ плитъ, украшенныхъ орнаментами. Полъ церкви былъ выстланъ мраморомъ, и посреди него находился кругъ, выложенный изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, напоминающій полы херсонесскихъ базиликъ. При раскопкахъ въ усадьбѣ Десятинной церкви и Петровскаго въ 1907—1909 г.г. были открыты остатки и слѣды мастерскихъ, приготовлявшихъ многіе предметы для Десятинной и другихъ церквей, а также, б.-м., и для кіевскихъ дворцовъ. Въ нихъ приготовлялись мраморныя и шиферныя плиты, колонны, обжигались керамическія издѣлія, приготовлялись поливянные изразцы, стеклянные сосуды, столь распространенные у насъ стеклянные витые браслеты. Множество открытыхъ здѣсь каменныхъ формочекъ для отливки крестовъ, колецъ, браслетъ, бусъ свидѣтельствуетъ о развитіи мѣстнаго художественнаго ювелирнаго искусства. Но все это относится, вѣроятно, къ болѣе позднему времени. Еще болѣе замѣчательнымъ, однако, является другой храмъ—Софійскій соборъ, построенный Ярославомъ Мудрымъ въ 1037 году; храмъ этотъ онъ, по словамъ лѣтописи, украсилъ золотомъ и серебромъ, одарилъ церковными сосудами. Современникъ прибавляетъ, что церковь эта заслужила удивленіе у всѣхъ сосѣдей и не найдется подобной ей во всей сѣверной странѣ. Древнею архитектурною основою храма является крестъ, помѣщенный въ квадратѣ съ 3 абсидами, т.-е алтарными полукружіями. Внутри этого квадрата находится и вся роспись храма. Первоначальная архитектура его византійская лучшихъ временъ X и первой половины XI в. Подражая Софіи Константинопольской, Ярославъ построилъ свой Софійскій храмъ, но онъ не соотвѣтствовалъ Цареградской святынѣ. Послѣдняя имѣетъ одинъ куполъ, а Кіевская 12. Зданіе было построено изъ кирпича, и только первый этажъ увѣнчивается мраморнымъ карнизомъ. Попадаются кое-гдѣ шиферныя плиты, украшенныя византійскимъ орнаментомъ восточнаго характера, соотвѣтствовавшаго варварскимъ вкусамъ. Храмъ расписанъ мозаичною и фресковою живописью. Въ главномъ куполѣ, представляющемъ какъ бы небесный сводъ, сохранился мозаичный образъ Христа-Вседержителя, отличающійся тяжелыми почти грузными формами. Тамъ же въ куполѣ имѣется изображеніе архангела, какъ начальника небеснаго воинства, окружающаго Вседержителя. Но древнимъ и художественнымъ центромъ росписи Кіево-Софійскаго

собора является колоссальный мозаичный образъ Богоматери, находящійся въ сводѣ алтарной абсиды. Это изображеніе земной и небесной церкви—«Нерушимой стѣны». Типъ Богоматери здѣсь отличается матрональнымъ характеромъ; выраженіе лица строго-спокойное, но безъ мрачности и сухости болѣе позднихъ византійскихъ произведеній. Тамъ же въ алтарѣ находится мозаичная икона Таинства евхаристіи, гдѣ имѣется два изображенія Іисуса Христа, дающаго апостоламъ въ одномъ случаѣ хлѣбъ, въ другомъ вино. Кіевская мозаика-мусія состоитъ изъ небольшихъ стеклянныхъ или каменныхъ кубиковъ; первые приготовлялись изъ цвѣтной смальты (стекла съ металлическими окисями), вторые изъ бѣлаго мрамора и шифера; были золотые и серебряные кубики, т.-е. съ тонкимъ золотымъ или серебрянымъ листкомъ внутри. Мозаику накладывали по свѣжему незасохшему еще цементу, такъ что стѣны штукатурились не сразу, а постепенно, и мозаика сливалась, такъ сказать, со штукатуркой и сохранялась до тѣхъ поръ, пока стояли штукатурныя стѣны. *Фресковая роспись* исполнялась обыкновенно изъ одноцвѣтнаго рисунка; краски ея отличались болѣе легкими воздушными тонами, и вся живопись носила болѣе легкій свободный, но въ то же время сравнительно непрочный характеръ. И фрески писались на свѣжей еще штукатуркѣ (alfresco), но съ теченіемъ времени при высыханіи краски ея блѣднѣли. Фрески Софійскаго собора иллюстрируютъ, между прочимъ, апокрифическія евангелія, въ которыхъ жизнь Богоматери и дѣтство Христа дополнены разными благочестивыми подробностями. Образцомъ можетъ служить фреска, изображающая Рождество Богородицы, гдѣ Аннѣ приносятъ дары три женщины, а младенца Марію купаютъ въ лохани. Далѣе отмѣтимъ фреску, изображающую Христа на судѣ первосвященника Каіафы, раздирающаго свои одежды. Всѣхъ фресокъ 338, изъ коихъ фигуръ во весь ростъ 220, поясныхъ 118. Особенно оригинальную и крайне интересную для историка группу составляютъ фрески лѣстницъ, ведущихъ на хоры Софійскаго собора. Въ росписи подмѣчены два пошиба—сцены ипподрома (цирка) написаны болѣе миніатюрнымъ, а охотничьи сцены—болѣе широкимъ письмомъ; но и въ томъ и въ другомъ чувствуется еще лучшій античный византійскій стиль: легкая свободная техника и яркость красокъ. Сюжеты росписи, какъ это теперь доказано, исключительно византійскіе, а не древнерусскіе. Вотъ цѣлый рядъ цирковыхъ представленій: охотникъ на лошади выпускаетъ ученаго барса на охоту, побуждая его копьемъ; два ученыхъ медвѣдя захватили козулю; охотникъ съ собакою затравляетъ дикаго кабана;

но это не настоящая охота: охотниками здѣсь являются наѣздники цирка, изображающіе варваровъ въ ихъ убранствѣ. Въ связи съ цирковыми играми въ цѣломъ рядѣ фресокъ переданы зрѣлища константинопольскаго *ипподрома*, и при томъ въ чрезвычайно реальной обстановкѣ: изображено зданіе ипподрома въ видѣ 4-хъ аркадъ на колоннахъ; верхъ ихъ занятъ службами, изъ оконъ которыхъ смотрятъ люди; въ верхней части аркадъ помѣщены серебряные значки колесничниковъ — въ видѣ рога луны; въ четырехъ аркадахъ за рѣшотками, еще запертыми, четыре колесничника на колесницахъ въ голубыхъ, зеленыхъ, бѣлыхъ и красныхъ туникахъ; направо стоятъ трое лицъ, изъ коихъ одинъ поднятіемъ руки подаетъ сигналъ къ началу игръ, они изображаютъ сцену во дворцѣ, гдѣ даютъ представленія ряженые, музыканты, паяцы и акробаты; подъ музыку пляшутъ двое танцоровъ, одинъ съ платочкомъ въ рукахъ. Направо акробатъ держитъ шестъ, на верхъ котораго лѣзетъ мальчикъ за находящимся наверху призомъ—такую именно сцену видѣлъ въ Константинополѣ Ліутпрандъ. Налѣво поднимается занавѣсъ, чтобы впустить паяца и арлекина. Слѣдующая фреска изображаетъ двухъ ряженыхъ: одинъ изъ нихъ наступаетъ на другого, со звѣриной головою и въ мѣховой одеждѣ (шкурою вверхъ въ видѣ столь популярной у насъ козы). Другая фреска изображаетъ *колядное* приношеніе чиновникомъ къ святочному дворцовому пиру свиного окорока и свиной головы. Третья фреска изображаетъ Византійскаго императора въ креслѣ съ 2 евнухами, слѣдующая—императрицу со свитою, а далѣе изображена ложа зрителей. Въ орнаментахъ своихъ фрески лѣстницы Софійскаго собора изображаютъ, такъ называемый, звѣриный стиль (грифоновъ, крылатыхъ львовъ, двуглавыхъ чудищъ). И здѣсь, также какъ и въ основныхъ сюжетахъ, чувствуется вліяніе востока, къ которому византійцы первоначально относили и языческую Русь. Для нея византійскіе мастера и сдѣлали эту веселую роспись. Это было подраженіе росписи Византійскихъ дворцовъ, и появленіе этой свѣтской живописи на лѣстницѣ храма объясняется тѣмъ, что, б.-м., хоры эти имѣли сообщеніе съ княжескимъ дворцомъ. Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить еще фреску, изображавшую повидимому княжескую семью (на мѣстѣ ея теперь изображеніе Софіи, Вѣры, Надежды и Любви), состоявшую изъ группы лицъ, выступавшихъ въ торжественномъ шествіи; всѣ были одѣты въ княжескія платья и плащи, на головахъ имѣли отороченныя мѣхомъ шапки, на ногахъ сафьяновые сапожки. Мраморная гробница, въ которой былъ похороненъ Ярославъ Мудрый, сохранилась до настоящаго времени. Она украшена

рѣзными изображеніями крестовъ, виноградной лозы, птицъ и рыбъ — все это древне-христіанскіе символы. Въ Десятинной церкви при ея раскопкахъ найдена была также гробница, но уже болѣе простая (изъ краснаго шифера) и съ очень простымъ орнаментомъ (кресты и круги). Въ гробницѣ оказался скелетъ съ остатками обуви и покрывала, но кто былъ покойникъ, неизвѣстно. Сохранилось въ Кіевскихъ храмахъ и еще нѣсколько высѣченныхъ изъ камня церковно-художественныхъ памятниковъ. (Самсонъ со львомъ, колесница, запряженная звѣрями). Въ Вышгородѣ была поставлена каменная церковь въ память мучениковъ Бориса и Глѣба; туда были перенесены ихъ мощи и положены въ богатую раку; даже иностранцы удивлялись богатству и красотѣ ея отдѣлки и сѣни надъ нею.

Принятіе и распространеніе христіанства. Христіанство на Руси существовало еще раньше Владимира: объ этомъ мы находимъ прямыя и достовѣрныя свидѣтельства въ самой лѣтописи. Правда, разсказъ лѣтописи о путешествіи апостола Андрея по Руси нужно признать совершенно легендарнымъ, но зато другія извѣстія вполнѣ достовѣрны. «*Пріиде*», говоритъ лѣтопись объ Андреѣ, «*въ устье Днѣпровское и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ и приде въ Словены, идѣже нынѣ Новгородъ; оттолѣ иде въ Варяги и приде въ Римъ*»—это все равно, что ѣхать изъ Харькова въ Кіевъ черезъ Петербургъ. Очевидно, лѣтописецъ, подвигаемый благочестіемъ, хотѣлъ связать распространеніе на Руси христіанства съ проповѣдническою дѣятельностью апостола Андрея; онъ хотѣлъ, чтобъ и наше русское православіе шло отъ апостола, который, подойдя къ горамъ Кіевскимъ предсказалъ, что здѣсь возсіяетъ благодать Божія и воздвигнутся многіе храмы. Въ Новгородской землѣ, по той же лѣтописной легендѣ, апостолъ Андрей видѣлъ, будто бы, русскія бани, о которыхъ отозвался такъ: «*Дивно видѣхъ Словянскую землю, идучи мы сѣмо видѣхъ бани древяны, и пережьгутъ е рамяно, совлокуть ся и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніянымъ*[1]) *и возьмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ, егда влезутъ ли живы, и облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творятъ по вся дни, не мучими ни кимъ же, но сами ся мучатъ, и творятъ не мовенье себѣ, а мученье*». Нужно полагать, что этотъ разсказъ былъ сочиненъ обитателемъ южнорусскаго края, незнакомымъ съ сѣверорусскими банями, и что апостолъ Андрей, конечно, здѣсь не при чемъ. Это такая же иронія южно-руссовъ надъ сѣверно-

---

1) Вода, въ которой кипятилась трава купальница, которою мылись въ банѣ.

руссами, какъ лѣтописный разсказъ о «Пищаньцяхъ, иже волчьяго хвоста бѣгають». Первые какъ бы говорятъ вторымъ: «Бывъ у насъ въ Кіевѣ, апостолъ изрекъ пророчество, благословилъ горы и поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ въ Новгородѣ только подивился на вашу хитрую выдумку самимъ себя сѣчь и мучить, о чемъ разсказывалъ даже въ Римѣ». (Е. Е. Голубинскій).

Какой-то кіевлянинъ Ольма построилъ, по разсказу лѣтописца, церковь Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ Аскольдъ. Нѣкоторые изъ этого дѣлаютъ выводъ, что Аскольдъ и Диръ были христіанами. Но гораздо болѣе основательнымъ нужно признать извѣстіе патріарха Фотія о крещеніи Руссовъ. *Не только этотъ народъ* (т.-е. болгары) *промѣнялъ*, говоритъ Фотій, *первое нечестіе на вѣру Христову, но даже многократно многими прославленные за свою жестокость и скверноубійство, всѣхъ оставляющіе за собой въ этомъ отношеніи—такъ называемые руссы... въ настоящее время даже и они промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую... И до такой степени разгорѣлось у нихъ желаніе и ревность вѣры, что они приняли епископа и пастыря...* Быть-можетъ, конечно, это извѣстіе относится не къ Кіевской, а къ Черноморско-Азовской Руси [1]) — по крайней мѣрѣ къ ней его естественнѣе отнести — но все-таки оно свидѣтельствуетъ о проникновеніи христіанства въ тѣ русскія области, которыя находились ближе къ Византіи. Отсюда, христіанство могло проникнуть и въ Кіевъ. Во время Игоря ихъ было уже такъ много, что они имѣли свой собственный храмъ пророка Иліи и клялись при заключеніи договоровъ съ греками по христіанскому обычаю. (Эта церковь называлась «сборною»; но это не значитъ, какъ думали прежде, что это была «соборная» церковь, а просто приходская, т.-е. куда собирались прихожане). — Еще болѣе долженъ былъ усилиться христіанскій элементъ при великой княгинѣ Ольгѣ. Она открыто исповѣдовала христіанскую религію. Это ясно видно изъ того, что она завѣщала похоронить себя по христіанскому обряду. По разсказу лѣтописи, Ольга поѣхала въ Царьградъ для принятія христіанства, что она и исполнила. Но Константинъ Багрянородный, описавшій подробно пріемъ Ольги, ни единымъ словомъ не говоритъ о принятіи ею здѣсь христіанства. По всей вѣроятности, Ольга сдѣлалась христіанкой, быть-можетъ, — тайной, —

---

[1]) Къ территоріи Черноморско-Азовской Руси относится и сообщенное нами извѣстіе житія св. Стефана о крещеніи кн. Бравлина.

еще въ Кіевѣ, а въ Царьградъ поѣхала, чтобы видѣть этотъ величественный городъ, византійскаго императора, православнаго патріарха и св. Софію. Мы не можемъ съ довѣріемъ относиться къ лѣтописному разсказу уже по одному тому, что въ немъ мы находимъ совсѣмъ невѣроятныя извѣстія. По разсказу русской лѣтописи, византійскій императоръ, прельстившись Ольгою, хотѣлъ жениться на ней, а она, принявши крещеніе отъ него и патріарха, отказала ему въ своей рукѣ, потому что по христіанскимъ обычаямъ воспріемный отецъ не могъ жениться на своей крестной дочери. Смущенный императоръ будто бы воскликнулъ: „*Переклюкала мя еси, Ольга!*“ Здѣсь императоръ выставленъ ужъ слишкомъ наивнымъ, незнающимъ основныхъ обычаевъ брака. Но и помимо того, византійскій императоръ не могъ увлечься красотою Ольги еще и потому, что онъ самъ былъ женатъ, а ей тогда было уже болѣе 60 лѣтъ (вышла замужъ за Игоря въ 903 году, во всякомъ случаѣ не ранѣе 12 — 15 лѣтъ отъ роду, а отправилась въ Царьградъ въ 957 году). Лѣтописецъ говоритъ, что Ольга получила большіе подарки, но этому противорѣчатъ извѣстія о неудовольствіи Ольги на императора. Какіе подарки получила она въ дѣйствительности и какъ ее принимали въ Константинополѣ, объ этомъ мы знаемъ изъ словъ императора, ее принимавшаго [1]). Въ общемъ ей былъ оказанъ почетный пріемъ и даны хорошіе подарки (особенно цѣнно было золотое блюдо), но византійскій императоръ далъ ей ясно почувствовать, какая пропасть отдѣляетъ ее отъ особы императора. Съ Ольгой пріѣхали ея племянникъ, свита, гости и священникъ. Это послѣднее обстоятельство опять-таки указываетъ, что Ольга поѣхала въ Царьградъ уже христіанкой. Ольга осталась недовольна долгимъ ожиданіемъ пріема. Но все же самъ Константинополь съ его дворцомъ и чудесами его обстановки, съ дивнымъ храмомъ св. Софіи долженъ былъ произвести неиз-

---

[1]) Ольга по пріѣздѣ представилась императору, привѣтствовала его, а онъ ее; видѣла занимательное зрѣлище съ имп. трономъ (прикрѣпленные къ нему механическіе львы начали рычать, птицы гармонически пѣть); потомъ показаны были Ольгины дары. Во время даннаго ей пріема Ольга бесѣдовала съ императоромъ и императрицей и дѣтьми ихъ; была приглашена къ обѣду, послѣ котораго подавали десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями; Ольгѣ поднесено было золотое блюдо, украшенное драгоцѣнными камнями, съ 500 миліарисіевъ, 6-ти ея свойственницамъ было подарено по 20 мил., 18 прислужницамъ по 8. Наконецъ, ей дана была и прощальная аудіенція. М. Д. Приселковъ принимаетъ крещеніе Ольги въ Царьградѣ, двѣ поѣздки ея туда и сношенія съ Западомъ объясняетъ тяжелыми условіями полученія іерархіи изъ Византіи.

гладимое впечатлѣніе на русскую княгиню и подготовить почву для оффиціальнаго принятія христіанства въ Кіевѣ. Сохранилось извѣстіе въ одной изъ западныхъ хроникъ, что къ императору Оттону явились послы отъ Елены, царицы руговъ, т.-е. руссовъ, которая крестилась въ Константинополѣ, съ просьбой прислать епископа и священниковъ для обращенія Руси въ христіанство, но въ этомъ же самомъ извѣстіи говорится, что они это сдѣлали «*ficte, ut post claruit*» (обманно, какъ потомъ обнаружилось).

Преемникъ и сынъ Ольги Святославъ, проникнутый всецѣло военными интересами, былъ далекъ отъ христіанской кротости и смиренія. Неудивительно поэтому, что онъ оказался хранителемъ языческихъ традицій. На всѣ убѣжденія своей матери принять христіанство онъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ и мотивировалъ его боязнью насмѣшекъ со стороны дружины. Но если убѣжденія Ольги не могли подѣйствовать на воинственнаго Святослава, который къ тому же почти не бывалъ при матери въ Кіевѣ, то, наоборотъ, они могли оказать дѣйствіе по отношенію ко внукамъ Ольги,—сыновьямъ ея сына—Ярополку и Владиміру. Не даромъ Якимовская лѣтопись считаетъ Ярополка представителемъ христіанской идеи. Такимъ образомъ, ко времени княженія Владиміра почва для христіанства была подготовлена и оно имѣло значительное число адептовъ въ Кіевѣ, а можетъ быть, и въ другихъ ближайшихъ къ нему городахъ. О принятіи христіанства Владиміромъ въ лѣтописи сохранилась цѣлая повѣсть и, кромѣ того, мы имѣемъ еще другіе даже болѣе важные источники. Вотъ почему необходимо въ этомъ вопросѣ сопоставлять извѣстія лѣтописи съ другими данными, а это сопоставленіе приводитъ къ убѣжденію, что разсказъ лѣтописца заключаетъ въ себѣ кое-какія сомнительныя свидѣтельства. Лѣтописная повѣсть состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть повѣсти говоритъ о приходѣ ко Владиміру въ Кіевъ болгарскихъ, нѣмецкихъ, хозарскихъ и греческихъ пословъ, вторая—объ отправленіи самимъ Владиміромъ посольства къ этимъ народамъ, а третья — о взятіи Корсуня и крещеніи Владиміра. Владиміру понравился магометанскій рай, но не понравилась необходимость обрѣзанія и запрещеніе пить вино — онъ будто бы сказалъ при этомъ знаменитую фразу: «*Руси есть веселіе пити: не можемъ безъ того быти*». Изъ Хозаріи пришли іудейскіе проповѣдники, но имъ онъ отказалъ, потому что Богъ, по ихъ же собственнымъ словамъ, разгнѣвался на нихъ и разсѣялъ ихъ изъ Іерусалима по всей землѣ. Наиболѣе сильное впечатлѣніе на Владиміра произвелъ греческій фило-

софъ, въ особенности, когда развернулъ предъ нимъ картину страшнаго суда.

Обращаясь къ другимъ источникамъ (сочиненіе митрополита Илларіона «Слово о законѣ и благодати», мниха Іакова «Похвала князю Русскому Володимеру», и преподобнаго Нестора «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ»), мы не находимъ въ нихъ извѣстія о приходѣ иноземныхъ проповѣдниковъ. Митрополитъ Илларіонъ, наоборотъ, ставитъ въ особую заслугу Владимиру то обстоятельство, что онъ принялъ новую вѣру, не бывъ никѣмъ подвинутъ на это, по собственной инициативѣ. Мнихъ Іаковъ, широко распространяясь о мотивахъ, побудившихъ Владимира принять христіанство, придаетъ наибольшее значеніе его желанію послѣдовать примѣру его бабки Ольги. Наконецъ, преподобный Несторъ объясняетъ принятіе христіанства Владимиромъ какимъ-то сверхъестественнымъ откровеніемъ. Помимо этого въ «Житіи блаженнаго Володимера», открытомъ и отпечатанномъ митрополитомъ Макаріемъ, также не оказывается извѣстія о посольствахъ ко Владимиру, между тѣмъ какъ всѣ другія данныя являются въ этомъ источникѣ почти тождественными съ лѣтописными. Это приводитъ Е. Е. Голубинскаго къ предположенію, что разсказъ лѣтописи позаимствованъ изъ житія Владимира неизвѣстнаго автора, — только съ прибавкою извѣстія о посольствахъ. Если же въ болѣе древнемъ источникѣ объ этомъ не говорится, то и самое сообщеніе вызываетъ сомнѣнія. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, созданнымъ, впрочемъ, на исторической основѣ. И хозары, представители еврейской религіи, и болгары, представители религіи магометанской, и нѣмцы, и православные греки безъ всякаго сомнѣнія, бывали въ Кіевѣ и, конечно, знакомили кіевлянъ со своими религіями. Въ особенности этими религіями и ихъ представителями должны были интересоваться князья и бояре. Неудивительно, что на Руси, представлявшей изъ себя пограничье между Азіей и Европой, должна была происходить между представителями названныхъ выше религій борьба: древняя Русь слишкомъ тѣсно связана была съ мусульманскимъ и еврейскимъ Востокомъ, чтобы этотъ послѣдній не пожелалъ распространить своего вліянія и на религіозную сферу. Можно сказать, на глазахъ Руси хозарскіе каганы приняли іудейство, а болгарскіе владыки—мусульманство. Но древняя Русь была ближе къ западу. Если въ Хозаріи христіанство имѣло значительное число адептовъ, но не было господствующею религіей, то на Руси, находившейся въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ православной Византіей, христіанство должно было получить значеніе государственной религіи. Русское языче-

ство оказывалось несостоятельнымъ въ особенности въ глазахъ тѣхъ, кто ознакомился съ другими, болѣе развитыми религіями. Оно не давало отвѣта на два основные вопроса, которые должны были глубоко волновать и безпокоить русскихъ язычниковъ — каково было начало міра, и каковъ будетъ его конецъ? Но если это такъ, то въ такомъ случаѣ едва ли основательна и вторая часть лѣтописнаго преданія: зачѣмъ было Владиміру посылать спеціально пословъ въ разныя страны для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, чья вѣра лучше, когда и безъ того часто, чуть ли не каждый годъ, онъ посылалъ пословъ и купцовъ въ Византію, Болгарію и т. д.? Однихъ посылалъ Владимиръ, другіе ѣздили сами и, конечно, могли сообщить потомъ то, что лѣтопись влагаетъ въ уста русскихъ пословъ, вернувшихся изъ Константинополя. Наконецъ, третья часть лѣтописнаго преданія только механически связана съ вопросомъ о принятіи Владиміромъ христіанства. Она имѣетъ, очевидно, совершенно самостоятельное значеніе, свидѣтельствуя намъ о походѣ Владимира на Корсунь (Херсонесъ), чего мы отрицать не можемъ, и о женитьбѣ его на сестрѣ византійскихъ императоровъ, Василія и Константина — Аннѣ. Эта женитьба должна была представляться Владимиру очень соблазнительною: она льстила его варварскому самолюбію; наконецъ, это же событіе, т. - е. походъ на Корсунь, находится въ связи съ водвореніемъ на Руси православныхъ греческихъ священниковъ и даже самого митрополита Михаила. Отсюда онъ взялъ церковные сосуды, иконы и т. п. Крестился Владимиръ, по разсказу лѣтописи, въ Корсуни и затѣмъ возвратился въ Кіевъ. Здѣсь чрезъ нѣкоторое время крестился и народъ. Но въ сказаніи монаха Іакова сообщается болѣе достовѣрное свѣдѣніе, что Владимиръ крестился не въ Корсунѣ, а до похода на нее, въ который отправился черезъ 2 года по своемъ крещеніи. Не всѣ одинаково отнеслись къ новой религіи: одни приняли ее охотно, другіе относились къ ней индиферентно, третьи выразили упорство и протестъ. Изъ Кіева христіанство стало распространяться по всей Руси. — Въ Новгородѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сѣверо-восточнаго края новая религія встрѣтила сильную реакцію со стороны мѣстнаго населенія. И это понятно: въ предѣлахъ сѣверо-восточной Руси былъ силенъ финскій элементъ, совершенно отсутствовавшій на югѣ, а у финновъ сильнымъ вліяніемъ пользовались жрецы, носившіе здѣсь названіе волхвовъ. Вотъ съ этими-то волхвами и приходилось потомъ вѣдаться русскимъ князьямъ, принявшимъ на себя охрану православной вѣры и ея представителей. Такъ было, напримѣръ, въ Бѣлозерской области.

Церковные уставы Владимира Св. и Ярослава Мудраго. Уставъ Владимира Св. «О судѣхъ церковныхъ и десятинѣ» дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, въ томъ числѣ въ Кормчей XIII в. Карамзинъ, проф. Суворовъ и Голубинскій считаютъ его подложнымъ, Бѣляевъ, Неволинъ и проф. Павловъ—достовѣрнымъ; главнымъ доказательствомъ его подложности признавалось то, что въ немъ Владимиръ Св. говоритъ о себѣ, что онъ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія (а тотъ скончался въ IX в.); возбуждаетъ большое сомнѣніе и широкая сфера церковнаго суда, и его распространеніе на всю Русскую землю. Противники доказываютъ, что Фотій здѣсь упомянутъ какъ столпъ православія и противникъ латинства; десятина подтверждается лѣтописью и др. позднѣйшими церковными уставами (Ростислава Смоленскаго, Святослава и Всеволода). Подъ Русскою землею здѣсь нужно разумѣть, какъ это правильно отмѣтилъ М. С. Грушевскій, Кіевскую. Проф. Павловъ высказалъ особый взглядъ на происхожденіе этого памятника. По его мнѣнію, онъ произошелъ такъ, какъ и «Русская Правда». Онъ составился изъ личныхъ распоряженій князя Владимира, къ которымъ потомъ были прибавлены и болѣе новыя. Такимъ образомъ уставъ есть плодъ *частной* кодификаціи, которая закончилась только въ XIII в. Къ такому выводу проф. Павлова привелъ анализъ содержанія памятника. Намъ кажется, что такое рѣшеніе вопроса устраняетъ многія затрудненія, мѣшавшія прежде признать этотъ уставъ подлиннымъ. Уставъ даетъ понятіе объ огромномъ значеніи церкви въ государствѣ и обществѣ. Ей съ одной стороны предоставлено было право суда по извѣстнымъ дѣламъ надо всѣмъ обществомъ (по дѣламъ религіознымъ, семейнымъ, нравственнымъ) [1]), а съ другой — по *всѣмъ* дѣламъ надъ особой категоріей лицъ, поставленныхъ подъ ея опеку; сюда входили—черное и бѣлое духовенство (послѣднее съ семьями), врачи, паломники, просвирни, задушные люди, т.-е. рабы, отпущенные на волю, ради спасенія души, бѣдные и увѣчные, призрѣваемые церковью. Уставъ Ярослава внесъ больше опредѣленности въ дѣло. Юрисдикціи церкви были подвѣдомственны: 1) дѣла грѣховныя (но не преступныя), судившіяся однимъ епископомъ (чародѣяніе, браки

[1]) Вотъ перечень важнѣйшихъ дѣлъ: роспускъ (разводъ), смильное (тяжбы о приданомъ), заставаніе (въ блудѣ), умычки, пошибаніе (ссоры) между мужей и женой объ имуществѣ, вѣдовство, оскорбленія нѣкоторыми словами, побои и брань родителей дѣтьми, выемка мертвецовъ изъ могилъ, посѣченіе креста придорожнаго, непотребство въ церкви, скотоложство, языческія моленія, искусственныя выкидыши

близкихъ родственниковъ), 2) грѣховно-преступныя, судившіяся смѣшаннымъ судомъ свѣтскимъ и духовнымъ (умыканіе дѣвицъ, оскорбленіе женской чести), 3) преступныя дѣянія лицъ, находившихся въ церковной юрисдикціи; они судились церковнымъ судомъ, но въ особо важныхъ случаяхъ съ участіемъ свѣтской власти. Кромѣ обычныхъ денежныхъ штрафовъ, одна часть коихъ шла въ пользу епископа, уставъ Ярослава налагалъ еще и нравственно-исправительныя наказанія (епитимію, арестъ при церковномъ домѣ). Въ старое юридическое сознаніе преступленія, какъ матеріальнаго ущерба, онъ вносилъ новыя понятія о грѣхѣ. По выраженію проф. В. О. Ключевскаго, надъ порядкомъ матеріальныхъ интересовъ и отношеній, державшихся на старомъ юридическомъ обычаѣ, Ярославовъ уставъ строилъ новый высшій порядокъ интересовъ и отношеній нравственно-религіозныхъ. Церковный судъ долженъ былъ служить проводникомъ въ русскомъ обществѣ новыхъ юридическихъ и нравственныхъ понятій, которыя составляли основу этихъ интересовъ и отношеній.

Просвѣщеніе. Христіанство принесло съ собою на Русь и первыя сѣмена образованія и письменности. Прежде всего появились переводы Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Съ одной стороны византійская, а съ другой болгарская письменность явились источниками нашей словесности. Уже Владиміръ Св. сталъ собирать дѣтей «нарочитыя чади», т.-е. бояръ, и отдавать ихъ въ науку греческимъ учителямъ. Дѣло шло здѣсь не о подготовкѣ къ священническому сану—ибо, во-1-хъ, священники нужны были немедленно, а, во 2-хъ, они не могли набираться изъ высшаго слоя тогдашняго общества, — а о распространеніи грамотности, конечно, на религіозной основѣ. Ярославъ Мудрый уже могъ «насѣять книжными словесы сердца вѣрныхъ людей». Съ принятіемъ христіанства, явился кругъ духовныхъ потребностей, которыя можно было удовлетворять книгою. Вотъ почему Ярославъ собираетъ вокругъ себя переписчиковъ, списывающихъ книги, и полагаетъ начало первой русской библіотекѣ въ Кіевѣ. При немъ уже является первый русскій писатель Илларіонъ, возвышенный Ярославомъ изъ священниковъ въ митрополиты. Онъ написалъ, между прочимъ, «Похвалу кагану нашему Владиміру», которая заканчивается апоѳеозомъ Ярославу. Постройка величественныхъ храмовъ способствовала развитію художественныхъ вкусовъ у русскаго народа.

ИСТОРІЯ РУСИ ВЪ ОБЛАСТНОЙ ПЕРІОДЪ (съ пол. XI до пол. XIII в.)

10-я глава. Взгляды на областной періодъ.

Взглядъ Н. М. Карамзина. Теорія родовыхъ отношеній между князьями С. М. Соловьева. Теорія К. Д. Кавелина о разложеніи родового начала семейственнымъ. Очередной порядокъ владѣнія В. О. Ключевскаго. Договорное начало В. И. Сергѣевича и коррективъ къ нему Ѳ. И. Леонтовича. Областное начало и его руководящая роль въ эту эпоху: мнѣніе В. Пассека, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайскаго, **А. Прѣснякова; областныя монографіи.**

Литература вопроса. *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Гос. Рос. Изд Эйнерлинга, кн. 1-я СПБ., 1842; *С. М. Соловьевъ.* Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома; *его же.* Взглядъ на исторію установленія госуд. порядка въ Россіи до Петра Вел. (Собр. соч. СПБ., 1882); *В. И. Сергѣевичъ.* Вѣче и князь; *его-же.* Русскія юрид. древности, томъ второй, вып. первый (Вѣче и князь), СПБ. 1893; *Ѳ. И. Леонтовичъ.* Задружно-общинный характеръ быта древней Руси (Ж. М. Н. Пр. 1874, іюнь, іюль, авг.; *Пассекъ.* Княжеская и докняжеская Русь (Чтенія Моск. Общ., 1870, кн. 3-я); эта моногр. вошла также въ книгу *В. Пассека.* „Изсл. въ области рус. исторіи" М., 1870; *К. Д. Кавелинъ.* Взглядъ на юрид. бытъ древней Руси (Собр. соч., I,; *Н. И. Костомаровъ.* О федер. нач. древней Руси (Ист. мон., I); *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, I; *Д. И. Багалѣй.* Удѣльный періодъ и его изученіе (Кіев. Стар. 1883, февр.); *Д. Я. Самоквасовъ.* Зам. по исторіи рус. гос. устр. и управл. (Ж. М. Н. Пр. 1869, № 11—12); *К. С. Аксаковъ.* О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у рус. въ особенности (Полн. Собр. соч., I); *Лешковъ.* Рус. нар. и гос.; *В. О. Ключевскій.* Рус. исторія, I; *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи, Т. I; *А. Прѣсняковъ.* Княжое право въ древней Руси. СПБ. 1909.

Взглядъ Н. М. Карамзина. Взгляды историковъ на тотъ періодъ, къ изученію котораго мы теперь приступаемъ, отличаются крайнимъ разнообразіемъ и находятся подъ часъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Не установлена въ отношеніи его даже терминологія: прежде этотъ періодъ называли удѣльнымъ, иногда домонгольскимъ. Теперь удѣльнымъ періодомъ называютъ послѣдующую за монголо-татарскимъ нашествіемъ эпоху (съ пол. XIII до пол. XV в). Время же съ пол. XI до пол. XIII в., по моему мнѣнію, правильнѣе всего назвать по основному его признаку — областному дѣленію Руси — *областнымъ* періодомъ.

Н. М. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ въ отношеніи къ этому періоду *государственной теоріи.* Съ Ярославомъ,—говоритъ Карамзинъ,—древняя Россія погребла свое могущество и благоденствіе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ, такъ сказать, отъ

колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ областной періодъ хочетъ видѣть государство только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію этого періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти. Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ проф. Д. Я. Самоквасовъ, пытавшійся доказать, что вѣчевой строй Новгорода рѣзко отличался отъ монархическаго строя остальной Руси. Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчіи съ фактическими данными. Невозможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политическую силу и могущество. Съ другой стороны, нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древнерусскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе, при посредствѣ церкви, гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Теорія родовыхъ отношеній между князьями С. М. Соловьева. Послѣдователи теоріи родоваго быта подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счеты. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа. Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, который впослѣдствіи переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ С. М. Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родового старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наслѣдуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертью великаго князя остальные перемѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводятся, правда изъ поздней лѣтописи, слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: *«яко же отъ прадѣдъ на-*

щихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти». Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются изгоями, они не имѣютъ участія въ общемъ наслѣдіи князей Русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной Руси появляется и растетъ новое начало территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это С. М. Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожденіемъ княжеской колонизаціи; это, вмѣстѣ съ тѣмъ, была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территоріальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представлялъ С. М. Соловьевъ послѣдовательный ходъ русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. Владѣнія, города, области, по выраженію С. М. Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству; однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича. Въ связи съ этимъ С. М. Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ, напримѣръ, земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославичи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею Русскою землею. Но нельзя всѣ событія этой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, «ряды» — договоры и т. д. Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство, хотя и признавалось въ принципѣ, но рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію или по захвату, или по призванію. Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполнѣ убѣдительна; почему, напримѣръ, новые города по Роси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ С. М. Соловьевъ,

какъ бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи. Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умаляетъ и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искусственно созданной руководящей нити — великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Теорія К. Д. Кавелина о разложеніи родового начала семейственнымъ. Очень много сдѣлалъ для уясненія дѣйствительной роли родового начала въ русской жизни К. Д. Кавелинъ. К. Д. Кавелинъ, собственно говоря, является эклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента — родовой и семейный дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія областного періода «есть исторія родового начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка». Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой: между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками — родового начала съ семейственнымъ; начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за княжествъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родового начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родового единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки: княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать не въ цѣлой

Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви, въ свою очередь, размножаются: между ихъ членами господствуетъ принципъ родового старѣйшинства: является много великихъ князей.

Но вотчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ съѣздѣ 1097 года. Тогда же въ нѣкоторыхъ областяхъ «осѣдаютъ» отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской, Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волынская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подъ вліяніемъ татарскаго нашествія.

Очередной порядокъ владѣнія В. О. Ключевскаго. Проф. В О. Ключевскій видитъ во 2-й пол. XI и въ XII в. господство *очередного* порядка княжескаго владѣнія областями, который въ XIII—XIV в.в. смѣнился *удѣльнымъ.* Очередной порядокъ состоялъ въ томъ, что Русская земля дѣлилась между князьями въ порядкѣ или очереди ихъ генеалогическаго старшинства, при чемъ старшимъ князьямъ доставались лучшія земли. «Говоря короче», говоритъ онъ, «раздѣлъ основанъ былъ на согласованіи генеалогическаго отношенія князей съ экономическимъ значеніемъ городовыхъ областей... Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта опредѣлялась старшинствомъ лицъ и устанавливала постоянно колебавшееся, измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣстницу. Точно также вся Русская земля представляла лѣстницу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣстницъ генеалогической и территоріальной, лѣстницы лицъ и лѣстницы областей. На верху лѣстницы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кіевскій. Это старшинство давало ему, кромѣ обладанія лучшей волостью, извѣстныя права и

преимущества надъ младшими родичами, которые «ходили въ его послушаніи». Онъ носилъ званіе *великаго*, т.-е. старшаго князя, названнаго отца своей братіи. *Быть въ отца мѣсто* — эта юридическая фикція поддерживала политическое единство княжескаго рода при его естественномъ распаденіи, восполняя или исправляя естественный ходъ дѣлъ. Но эту простую схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько параллельныхъ вѣтвей, когда въ княжеской средѣ появилось много сверстниковъ и трудно стало распознать, кто кого старше и на сколько, кто кому какъ доводится. Князья не умѣли выработать способа точно опредѣлять старшинство, который разрѣшалъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношеніяхъ. Это неумѣніе и вызвало къ дѣйствію рядъ условій, мѣшавшихъ мирному примѣненію очередного порядка владѣнія. Таковы: ряды и усобицы князей (цѣлью тѣхъ и другихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто какой-либо новый); мысль объ отчинѣ (подъ дѣйствіемъ ея Русская земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій, которыми князья владѣли уже по отчинному наслѣдству, а не по очереди старшинства); выдѣленіе князей-изгоевъ. Перечисленныя условія, разстраивавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и были средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того, эти условія разрушенія, вытекавшія изъ самаго порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы, также его разстраивавшія: личныя доблести, которыми отличались нѣкоторые князья, создавали имъ большую популярность на Руси, при помощи которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди. Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась во взаимные счеты князей и путала ихъ очередь во владѣніи. То были *главные города* областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы больно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои династическія симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ. Въ продолженіе болѣе чѣмъ полутора вѣка со смерти Ярослава очередной порядокъ дѣйствовалъ всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но онъ никогда не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы

давала ему возможность распутывать эти отношенія, устранять всякія столкновенія между князьями. Эти столкновенія, не разрѣшаясь имъ, заставляли отступать отъ него или искажать его, во всякомъ случаѣ разстраивали его. Потому дѣйствіе очередного порядка было процессомъ его саморазрушенія, состояло въ его борьбѣ съ собственными послѣдствіями, его разстраивавшими». Итакъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго исторія княжескихъ отношеній XI—XII в. есть процессъ разрушенія очередного, т.-е. родового порядка.

Договорное начало В. И. Сергѣевича и коррективъ къ нему Ѳ. И. Леонтовича. Въ противоположность родовой выдвинута была и *личная теорія*, придающая громадное значеніе «произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности». У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проводилось проф. В. И. Сергѣевичемъ. В. И. Сергѣевичъ всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. «Взаимныя отношенія князей, «говоритъ онъ,» какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другого правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть не что иное, какъ исторія договоровъ... Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, несмотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости». Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе, впрочемъ, обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу В. И. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *рядъ* «въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія»; являлись снова ряды. «Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе». Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. «Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предме-

тахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ, какіе хочетъ, вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ, характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ». Итакъ, главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества— власть князя и вѣча В. И. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ С. М. Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому принципу, такъ В. И. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, В. И. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпить за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость. Такова сущность теоріи проф. В. И. Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реальнаго факта: *«рядъ»* дѣйствительно существовалъ въ областной періодъ; но имѣлъ ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему В. И. Сергѣевичъ? Врядъ ли. Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ «ряду» проф. Ѳ. И. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ*, т.-е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно «въ рядахъ и докончаньяхъ». Случайность, фактическій характеръ отношеній едва ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неизвѣстныя прежнему времени. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Ѳ. И. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею канвой, на которой развились «ряды и докончанья» князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регули-

ровавшихъ весь народный бытъ». Личность въ этомъ случаѣ не только не царила надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому-то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ. Царила народная правда—пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой — не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ слѣдующаго удѣльнаго періода. Итакъ, личная школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовой. К. Д. Кавелинъ и В. И. Сергѣевичъ обратили вниманіе, какъ мы видимъ преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону отношеній, но оставался все-таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ въ связи съ образованіемъ на ихъ территоріи областей. Постановка и разработка этого вопроса принадлежитъ *этнографическо-областной школѣ.*

Областное начало и его руководящая роль въ эту эпоху: мнѣніе В. Пассека. Н. И. Костомарова. Д. И. Иловайскаго. А. Прѣснякова; областныя монографіи. И прямыя свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей, центростремительныя силы съ центробѣжными. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, В. Пассекомъ. «Тогдашняя Русь, говоритъ В. Пассекъ, была разбита на области, системы, и каждая область, система стремилась замкнуться въ самой себѣ. Распаденіе государства на части крылось какъ въ семейныхъ отношеніяхъ самихъ князей, такъ *преимущественно* въ семейномъ или племенно - областномъ началѣ, которое было главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Это распаденіе древней Руси на области было совершенно естественно. Занимая обширнѣйшее пространство, части ея, при разныхъ условіяхъ жизни, при недостаточномъ сообщеніи между собою, при семейномъ бытѣ, гдѣ кругъ довѣренности долженъ быть всегда ограниченъ, не могли имѣть общей исторіи, слиться въ этой исторіи въ одно цѣлое. Но уже къ приходу татаръ всѣ наши славянскія племена въ отношеніи внѣшнихъ враговъ сливались между собой въ имени руссовъ: вѣра, обычаи, языкъ скрѣпляли связь. Не рѣдко даже въ общемъ союзѣ князей противъ враговъ мы хотя временно представляли собой цѣлое, недѣлимое, представляли государство. Если областной характеръ все-таки не совершенно уничтожался и въ подобныхъ явленіяхъ, то духъ един-

ства все-таки носился надъ нами, живилъ насъ болѣе, нежели мы предполагаемъ, и уже въ періодъ удѣловъ можно было провидѣть то могучее государство, какимъ явилась впослѣдствіи Россія». Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ, что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви послужили основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. На сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя все-таки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи. «Народные интересы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣнили свой характеръ, но за то и характеръ княжескихъ отношеній совершенно сообразовался съ ними. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ». Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южнорусская, 2) сѣверская, 3) великорусская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей: выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя, въ свою очередь, распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все-таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли. Русь этого періода представляла изъ себя, такимъ образомъ, рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи: дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, къ пригородамъ — волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: «Новгородская земля, Сѣверская земля». Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной

вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. Несомнѣнно, что основная мысль о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей, — мысль вѣрная. Вѣрно также указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Неправильнымъ представляется, однако, дѣленіе на 6 народностей, когда въ дѣйствительности ихъ было три: нѣтъ основанія для выдѣленія въ особыя народности населенія Сѣверской и Новгородско-Псковской земель. Не соотвѣтственнымъ также представляется мнѣ терминъ «федеративный» для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи. Начала древне-русской жизни изучаемаго нами періода точнѣе всего опредѣляются, по моему мнѣнію, терминомъ «областной періодъ». Онъ указываетъ намъ на нѣкоторую внутреннюю самостоятельность земель, степень которой не всегда одинакова.

Мысль о единствѣ Русской земли при своеобразіи ея частей поддерживаетъ и Д. И. Иловайскій. Что такое была Русь въ эпоху предъ татарскую? Спрашиваетъ себя Д. И. Иловайскій—и отвѣчаетъ: собраніе земель болѣе или менѣе обособленныхъ, имѣвшихъ во главѣ разныя вѣтви одного княжаго рода, которыя успѣли пріобрѣсти значеніе мѣстныхъ династій, за исключеніемъ Новгорода и стольнаго Кіева... Русь почти не имѣла политическаго средоточія; она держалась своеобразной системой политическаго равновѣсія, не позволявшей ни одному княжеству чрезмѣрно усилиться на счетъ другихъ. Но тотъ же авторъ указываетъ и на объединяющія связи, поддерживавшія центростремительныя силы въ тогдашней областной Руси; это были — 1) созданіе государства на единой русской равнинѣ, не раздѣленной на части никакими естественными преградами; 2) господство на всей этой территоріи единаго русскаго языка, областныя отличія котораго не были тогда особенно значительны, при чемъ объединяющими началами являлась также и письменность съ ея церковно-славянскимъ языкомъ; 3) единая православная вѣра, церковь, епархія и церковное искусство съ его византійскою основою; 4) при

разнообразіи мѣстныхъ оттѣнковъ быта и характера населенія, одинаковыя основы семейнаго и общественнаго склада жизни; 5) единство княжескаго дома и, какъ выразитель общности его интересовъ, княжескіе сеймы; 6) распространеніе по всѣмъ областямъ русскихъ дружинъ, слившихся съ высшимъ слоемъ туземнаго населенія и образовавшихъ военно-землевладѣльческій классъ. Прибавимъ отъ себя, что эти условія носили болѣе культурно бытовой характеръ, чѣмъ строго политическій, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ распространялось и на сферу политическую—они давали древней Руси областного періода сознаніе ея національнаго единства, они поддерживали ее въ борьбѣ съ окружающими сосѣдями за ея политическую самостоятельность и неприкосновенность ея государственной территоріи.

Новѣйшая попытка опредѣлить на юридической почвѣ взаимодѣйствіе центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ въ областной періодъ принадлежитъ А. Прѣснякову.

А. Прѣсняковъ въ своемъ изслѣдованіи выступаетъ и противъ родовой теоріи С. М. Соловьева, и противъ теоріи очередного порядка наслѣдованія В. О. Ключевскаго. Свои же выводы онъ основываетъ на систематическомъ изученіи лѣтописныхъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ князей. Это, слѣдовательно, новая попытка пересмотра вопроса, въ свое время изслѣдованнаго С. М. Соловьевымъ. Заключенія, къ которымъ пришелъ авторъ, таковы. «Вопросъ о преемствѣ въ княжомъ владѣніи древнѣйшаго періода *колеблется* между перспективой раздѣла, распада семейной группы на рядъ отдѣльныхъ линій, общаго владѣнія, на рядъ отдѣльныхъ отчинъ и политической необходимостью единства для молодого государства, только что построеннаго усиліями ряда поколѣній». Такой компромиссъ двухъ началъ содержитъ въ себѣ и «рядъ», т.-е. завѣщаніе Ярослава. «Рядъ» Ярослава осуществился во 2-й половинѣ XI вѣка, но только отчасти: Русская земля не распалась на части, она сохранила нѣкоторое единство, но носителемъ этого единства не сталъ старшій въ родѣ братъ: и теперь мы видимъ не господство родового или очередного порядка, а борьбу двухъ началъ — вотчиннаго, приводившаго къ самостоятельности областей, и родового, стремившагося къ сохраненію единства. Здѣсь попутно авторъ останавливается на изгойствѣ, и считаетъ извѣстный текстъ о немъ въ уставѣ Всеволода о церковныхъ судахъ глоссой и лирическимъ восклицаніемъ. Въ постановленіяхъ Любецкаго сейма авторъ отмѣчаетъ отсутствіе двухъ представленій — о единствѣ владѣнія всею Русскою землею потомствомъ Ярослава и о старѣйшинствѣ надъ нимъ Кіевскаго князя (старшіе

лѣтописные своды не знаютъ даже термина «великій князь») и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ присутствіе ясно выраженнаго вотчиннаго принципа. Этотъ принципъ, однако, не получилъ послѣдовательнаго примѣненія въ жизни: традицію единства поддерживаютъ княжескіе съѣзды конца XI и начала XII в., а Владимиръ Мономахъ пытается возродить идею «старѣйшинства», связанную съ владѣніемъ Кіева. Но династическія тенденціи Мономаха и Мстислава дали толчокъ къ кровавой смутѣ, въ которой погибли результаты ихъ политики и пало значеніе Кіева. Съ образованіемъ сильнаго Суздальскаго княжества при Юріѣ Долгорукомъ Кіевъ сталъ жертвою традиціи старѣйшинства. Во второй половинѣ XII в. произошелъ окончательный распадъ Русской земли на рядъ отдѣльныхъ замкнутыхъ въ себѣ княженій: идея старѣйшинства, завѣщанная Ярославомъ, развитая и воплощенная въ жизни Мономахомъ, изжита и исчерпана. Яркимъ выраженіемъ паденія старѣйшинства Кіева является разореніе его въ 1169 г. дружинами Андрея Боголюбскаго, который впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста; княжеское же старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе. Такую же эволюцію пережили тогда и другія основанія междукняжескихъ отношеній: старыя формы разлагались и зарождались новыя: «общество князей родственниковъ превращается въ общество самостоятельныхъ правителей». Здѣсь зарождался уже будущій удѣльный порядокъ. Анализируя между-княжескія отношенія внутри обособившихся областей, А. Прѣсняковъ приходитъ къ заключенію, что и въ нихъ основныя черты по существу тѣ же, что и во всей Русской землѣ, но находятся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, обусловленныхъ особенностями мѣстной жизни (въ болѣе полномъ видѣ идея родоваго старѣйшинства осуществлена была только въ Черниговo-Сѣверской землѣ). Такимъ образомъ, въ областной періодъ наблюдается двойственность силъ, компромиссъ двухъ началъ; выходъ изъ этого неопредѣленнаго состоянія далъ только удѣльный строй, «подчинившій политическое преемство владѣльческому наслѣдованію и ставшій колыбелью патримоніальной вотчинной монархіи».

Русь областного періода, по компетентнымъ заключеніямъ историковъ русскаго права (В. И. Сергѣевича, М. Дьяконова), представляла изъ себя не единое централизованное государство, а скорѣе союзъ отдѣльныхъ земель, изъ коихъ каждое являлось какъ бы небольшимъ внутри независимымъ государствомъ. Русская Правда, говоря о сводѣ, который ограничивается предѣлами даннаго княжества, формулируетъ это такъ: «а и своего

города въ *чужую* землю свода нѣтуть». Области назывались землями, княженіями, волостями, отчинами. Трудно опредѣлить терминологіей современнаго государственнаго права строй, господствовавшій тогда на Руси: во всякомъ случаѣ въ составъ власти входили тогда три элемента: князья, дума и вѣче. Между князьями не было зависимости, а было братство. До конца XII в. ни одинъ изъ князей даже не назывался великимъ. Но все же и тогда дѣйствовали объединяющія начала. Кромѣ объединяющихъ связей культурнаго характера, которыя отмѣчены Д. И. Иловайскимъ, можно указать еще и на объединяющую роль княжескихъ «снемовъ» (съѣздовъ), вѣдавшихъ и внѣшнія, и внутреннія дѣла и носившихъ уже *политическій* характеръ. Они, въ связи съ единствомъ княжескаго рода и національнымъ единствомъ Русской земли, представляли изъ себя центростремительныя силы, приводившія къ объединенію, недѣлимости и цѣлости русскаго государственнаго организма.

Идея областного изученія древней Руси, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій этого времени (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родового старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, изслѣдователи занялись теперь изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была окутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и, наоборотъ, придать имъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, И. Д. Бѣляева, Никитскаго; исторія Ростовскаго княж.—Д. Н. Корсакова,—Рязанскаго—Д. И. Иловайскаго; цѣлый рядъ работъ вышелъ изъ кіевской школы проф. В. Б. Антоновича—Н. П. Дашкевича, П. В. Голубовскаго, Н. В. Молчановскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, В. Е. Данилевича и моя. Наше высшее ученое учрежденіе—Императорская Академія Наукъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ премій исторію отдѣльныхъ областей древней Руси. Такой же способъ изложенія событій этого періода принятъ и въ большинствѣ общихъ сочиненій по русской исто-

ріп. Даже Погодинъ излагалъ событія этой эпохи по княжествамъ; также поступили и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Д. И. Иловайскій.

11-я глава. Географическо-этнографическій обзоръ Руси и отношенія ея къ сосѣдямъ.

Число областей и составъ ихъ населенія въ отношеніи языка. Географическій обзоръ Кіевской земли. Географическій обзоръ Галицкой земли. Географическій обзоръ Волынской земли. Географическій обзоръ Болоховской земли. Географическій обзоръ Чернигово-Сѣверской земли. Географическій обзоръ Ростово-Суздальской земли. Географическій обзоръ Смоленской земли. Географическій обзоръ Полоцкой земли. Географическій обзоръ Муромо-Рязанской земли. Географическій обзоръ Новгородской земли. Отношеніе Руси къ сосѣдямъ.

Литература вопроса. Источники—областныя лѣтописи (Кіевская, Волыно-Галицкая, Новгородскія); Грамоты, касающіяся до сношенія сѣверо-западной Россіи съ Ганзейскими городами (Изд. Археогр. Ком., 1857 г.). Пособія—*Закревскій.* Описаніе Кіева, 2 тома и приложеніе; *Н. И. Петровъ.* Ист.-топ. очерки древняго Кіева. К. 1897; *С. Т. Голубевъ.* Спорные вопросы о древней топографіи Кіева, К. 1910;—*Е. Е. Замысловскій.* Учебный атласъ и объясненія къ учебному атласу по русской исторіи. СПБ., 1887; *Н. П. Барсовъ.* Очерки русской исторической географіи; *И. Д. Бѣляевъ.* О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи (Зап. Имп. Рус. Геогр. общ., кн. VI); *С. М. Соловьевъ.* Геогр. изв. о древн. Рос. (Отеч. зап. 1853, т. 88-й); *Лонгиновъ.* Червенскіе города, Варш. 1885; *П. В. Голубовскій.* Историческая карта Черниговской губ. до 1300 года (Тр. XIII Археол., съѣзда); *В. Г. Лясконронскій.* Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время. К. 1913, XXXVI, 328; *Из. Ив. Срезневскій.* Русское населеніе степей южнаго поморья. (Изв. Имп. Ак. Н. по отдѣл. рус. яз. и слов., т. VIII); *Н. Я. Аристовъ.* О землѣ Половецкой (Изв. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1877 г.); *П. В. Голубовскій.* Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. К., 1884; областныя монографіи, точныя заглавія коихъ будутъ помѣщены въ литературѣ вопроса 12-й главы.

Число областей и составъ ихъ населенія въ отношеніи языка. Въ періодъ времени съ пол. XI до пол. XIII ст. Русь представляетъ рядъ областей, въ совокупности своей составлявшихъ Русскую землю. Такихъ областей было 10—Новгородская, Ростово-Суздальская, Муромо-Рязанская, Смоленская, Полоцкая, Чернигово-Сѣверская, Кіевская, Галицкая, Волынская и Болоховская. Почти каждая изъ этихъ областей дѣлилась въ свою очередь на болѣе мелкія княжества, изъ коихъ всѣ, однако, тянули къ своему главному, старшему великому княжеству. Дробленіе княжествъ внутри областей вызывалось, главнымъ образомъ, размноженіемъ княжескихъ линій, каждый изъ членовъ которой считалъ себя вправѣ участвовать во владѣніи хотя небольшой территоріей той области, во главѣ которой стояли его ближайшіе родичи. Такъ было во всѣхъ областяхъ, кромѣ Кіевской и Новгородской. Объ отношеніи территоріи областей къ территоріи славяно-русскихъ племенъ мы составимъ себѣ понятіе изъ ихъ географическаго

обзора, теперь же замѣтимъ только, что они не всегда совпадали другъ съ другомъ. Въ связи съ концентраціей племенъ въ болѣе обширныя политическія единицы — области, мы наблюдаемъ также и параллельный процессъ дальнѣйшаго роста особенностей племенныхъ говоровъ и созданія изъ нихъ трехъ группъ говоровъ — сѣвернорусской, среднерусской и южнорусской. Этотъ процессъ начался еще въ эпоху племенного быта, и мы знаемъ уже, какія племена вошли въ каждую изъ этихъ группъ. Теперь этотъ процессъ диференціаціи идетъ далѣе: среднерусская группа раздѣлилась на западную и восточную вѣтвь, южнорусская—на сѣверную и южную, сѣвернорусская — тоже на сѣверную и южную; изъ южнорусской образовалась малорусская народность и малорусское нарѣчіе; западная вѣтвь среднерусской группы образовала бѣлорусскую народность и нарѣчіе, а восточная ея вѣтвь откололась отъ нея, примкнула къ сѣвернорусской группѣ и образовала вмѣстѣ съ нею великорусскую народность и нарѣчіе, сохранившись въ немъ въ видѣ южновеликорусскаго поднарѣчія — такова схема образованія русскихъ народностей А. А. Шахматова. Процессъ созданія трехъ русскихъ народностей и нарѣчій уже замѣтенъ въ областную эпоху, но болѣе законченное развитіе его относится къ удѣльному періоду. Такимъ образомъ, Кіевская, Волынская, Галицкая, Болоховская области и сѣверянская территорія Чернигово-Сѣверской земли были заселены племенами южнорусской группы, сѣвернорусскую группу составляли вятичи, радимичи и дреговичи, не образовавшіе самостоятельныхъ областей, а вошедшіе въ составъ другихъ земель, напр., Чернигово-Сѣверской. Сѣвернорусскую группу составили земли: Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская, заселенныя племенами — кривичей и Ильменскихъ словенъ, а кромѣ того финнами и колонистами вятичами. Въ памятникахъ XI в., говоритъ А. А. Шахматовъ, уже имѣются типичныя особенности сѣвернорусскихъ говоровъ, а въ памятникахъ XII в., какъ это убѣдительно доказалъ А. И. Соболевскій, выступаютъ особенности малорусскія. Отсюда слѣдуетъ, что къ тому же времени сложились типическія особенности среднерусскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе что эти особенности (напр., óканіе), общія всѣмъ говорамъ среднерусскаго нарѣчія, не могли образоваться позже XII в., когда восточная вѣтвь среднеруссовъ и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи начала отдѣляться отъ западныхъ вѣтвей этого племени.

Географическій обзоръ Кіевской земли. Территорія Кіевской земли не оставалась неизмѣнной. Ядромъ ея была область полянъ, въ бассейнѣ р. Днѣпра, Роси и Ирпеня. Затѣмъ къ ней присоеди-

нилась территорія древлянъ. По временамъ къ Кіевской землѣ тянула и территорія дреговичей (Турово-Пинское княжество), но органически съ нею связана не была. Торговою артеріей Кіевской земли являлся Днѣпръ; притоки его—Рось, Припеть и Тетеревъ—имѣли второстепенное значеніе въ качествѣ водныхъ путей. Земля древлянъ имѣла лѣсной характеръ, земля полянъ степной, но степью она являлась только по сравненію съ чисто лѣсною территоріей древлянъ и то въ южной своей части. Кромѣ того, здѣсь все же было немало лѣсныхъ оазисовъ. Важное вліяніе оказывало то обстоятельство, что Кіевская область не имѣла естественныхъ границъ ни отъ Половецкой степи, ни отъ сосѣднихъ княжествъ: единственною естественною границею ея былъ только—Днѣпръ на восточномъ пограничьѣ, но кіевскія владѣнія мы находимъ, однако, и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Еще болѣе открытъ былъ южный рубежъ Кіевской земли, смотрѣвшій прямо въ степь и доходившій до р. Роси (изрѣдка, впрочемъ, и переходившій черезъ нее), центромъ же Кіевской земли, а нѣкоторое время и всей Русской земли являлся Кіевъ—первая наша столица,—счастливо расположенная на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки. Древній Кіевъ до половины XIII ст. состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, изъ коихъ каждая имѣла свои топографическія отличія. Какъ и теперь, Кіевъ заключалъ въ себѣ верхній городъ, расположенный на Андреевской и сосѣднихъ съ нею горахъ, Подолъ, Щекавицу, Печерскъ и загородныя окрестности. Старый Кіевъ занималъ небольшую часть нынѣшней территоріи и заселился при томъ не сразу, а постепенно. Это была мѣстность, укрѣпленная самою природой — крутыми горными выступами и оврагами. Рано впрочемъ—со времени Владиміра Св.—его стали уже укрѣплять и искусственно. Въ этихъ укрѣпленіяхъ было трое воротъ — западныя, называвшіяся Софійскими, южныя и сѣверо-восточныя, ведшія на Подолъ надъ Андреевскимъ спускомъ. Упоминается въ лѣтописи Боричевъ взвозъ, который проф. Н. И. Петровъ отождествляетъ съ Андреевскимъ спускомъ. Внутри этого городка находился первоначально языческій Перуновъ холмъ—Андреевская гора, а потомъ храмы: Десятинный и 5 другихъ, а также 2 монастыря, здѣсь были и княжескіе «Златоверхіе» терема. На р. Лыбеди было расположено сельцо *Предславино*, названное такъ по имени дочери Владимира отъ Рогнѣды, Предславы. Ярославъ Мудрый расширилъ предѣлы стараго Кіева и укрѣпилъ ихъ стѣною и валомъ. Въ этой Ярославовой крѣпости было трое воротъ—Лядскія, ведшія къ нынѣшнему Крещатику, Жидовскія, переименованныя впослѣдствіи во Львовскія и Золотыя, надъ которыми была Благовѣщенская

церковь и остатки которыхъ существуютъ и въ настоящее время; названія «Лядскія», «Жидовскія» свидѣтельствуютъ о присутствіи въ древнемъ Кіевѣ польскаго и еврейскаго населенія, что подтверждается, впрочемъ, и другими историческими свидѣтельствами; есть намеки и на присутствіе армянскаго элемента въ городѣ. Въ новой своей крѣпости Ярославъ построилъ Софійскій храмъ, Благовѣщенскую церковь на Золотыхъ воротахъ, монастырь св. Георгія и Ирины (остатки его подъ именемъ памятника св. Ирины существуютъ и теперь). Кіевская София называлась митрополіей, т.-е. должна была явиться главнымъ храмомъ всей Руси, ибо настоятелемъ ея былъ глава всей русской церкви—митрополитъ. Въ Софійскомъ храмѣ похороненъ былъ Ярославъ и нѣкоторые другіе князья (напримѣръ, Владимиръ Мономахъ), а также всѣ митрополиты. Михайловская церковь основана была кн. Святополкомъ-Михаиломъ въ самомъ началѣ XII в. и сохранилась до нашихъ дней подъ именемъ Михайловскаго монастыря. Другая часть древняго Кіева расположена была на нынѣшнемъ Печерскѣ. Древнѣйшимъ, исторически достовѣрнымъ поселеніемъ здѣсь является Печерскій монастырь, нынѣшняя Кіево-Печерская лавра. Начало ему было положено въ половинѣ XI в. пр. Антоніемъ, поселившимся въ пещерѣ, выкопанной Иларіономъ. Первые подвижники выкопали большую пещеру и построили въ ней кельи и церковь (въ нынѣшнихъ дальнихъ пещерахъ). Удалившись отъ братіи, пр. Антоній ископалъ себѣ новую пещеру (нынѣшнія ближнія пещеры) съ церковью. Затѣмъ при игуменѣ Ѳеодосіи Печерскомъ инокамъ, по просьбѣ Антонія, была отдана Изяславомъ вся Печерская гора, на которой построенъ былъ во 2-й половинѣ XI в. каменный храмъ, существующій и нынѣ. Строили его греческіе мастера изъ Константинополя, привезшіе съ собою икону Успенія Пр. Богородицы, висящую теперь надъ царскими вратами. Черезъ нѣкоторое время византійскіе художники расписали храмъ фресками и мозаикою. Подлѣ великой лаврской церкви построена была на пожертвованія церковь Іоанна Предтечи, сохранившаяся донынѣ почти въ цѣльномъ видѣ. Въ XII вѣкѣ воздвигнуты были еще слѣдующія сооруженія: каменная трапезница, «боженка», т.-е. часовня надъ прахомъ одной княгини, каменная монастырская стѣна и Троицкая церковь надъ вратами лавры; послѣдняя сохранилась въ прежнемъ своемъ видѣ. Здѣсь же упоминается урочище Угорское съ княжескимъ дворцомъ, а подъ нимъ на склонѣ Днѣпра и храмъ св. Николая. Здѣсь были укрѣпленія съ Угорскими воротами. Здѣсь былъ монастырь со Спасскою церковью, остатки которой со слѣдами фресковой жи-

вописи сохранились доселѣ. Ниже Печерскаго монастыря былъ и красный дворъ Всеволода, и построенный имъ Выдубицкій монастырь. Рюрикъ Ростиславичъ построилъ для огражденія церкви каменную монастырскую стѣну. Выше Угорскаго по теченію Днѣпра находилось урочище Кловъ (нынѣшнія Липки) съ монастыремъ. И другіе княжескіе терема были еще въ окрестностяхъ Кіева. Третья часть древняго Кіева расположена была на Подолѣ, который и тогда назывался такъ въ отличіе отъ «Горы», т.-е. верхняго Кіева. Его низменное положеніе и затопляемость весенними водами имѣли своимъ послѣдствіемъ его болѣе позднее заселеніе. Это обстоятельство отмѣчено и лѣтописью, которая объясняетъ остановку древлянскихъ пословъ въ 945 г. въ ладьяхъ у Боричева взвоза тѣмъ, что «*тогда вода текущи возлѣ горы Кіевскыя, а на Подолѣ не сѣдяхуть людіе, но на горѣ*». Но во 2-й половинѣ X в. Подолъ уже былъ обитаемъ, а во 2-й половинѣ XI поселенія здѣсь разрослись настолько, что образовалось уже «торговище», т.-е. рынокъ. Въ началѣ XII в. Владимиръ Мономахъ построилъ на Подолѣ на мѣстѣ стараго перевоза мостъ черезъ Днѣпръ. На Подолѣ же у устья р. Почайны была главная кіевская пристань, гдѣ останавливались и византійскія суда. Къ XII вѣку относятся свѣдѣнія о пожарахъ на Подолѣ, свидѣтельствующія о заселенности этой части города. И въ немъ, дѣйствительно, было много деревянныхъ зданій и жило преимущественно торговопромышленное населеніе. Церкви его были почти всѣ деревянныя. Единственнымъ каменнымъ храмомъ была церковь Богородицы Пирогощей (нынѣ Успенскій соборъ), основанная въ XII в. Затѣмъ упоминается еще въ лѣтописи Турова Божница, Новгородская Божница или иначе Михайловская церковь. Подолъ «*загороженъ бяше тогда столпемъ* (т.-е. землянымъ валомъ, можетъ быть, покрытымъ еще деревяннымъ частоколомъ) *отъ горы оли и до Днѣпра*». За нимъ было низменное болонье (нынѣшняя Оболонь) по теченію р. Сѣтомли. Особое самостоятельное мѣсто въ древней топографіи Кіева занимаетъ гора «Щекавица», которая издревле представляла изъ себя кладбище. Въ 912 году тамъ погребли Олега. Къ ней примыкала цѣлая група урочищъ: Копыревъ конецъ, на которомъ были церкви свв. Симеона и Іоанна; урочище Дорогожичи съ болотомъ. Недалеко отъ него была Кирилловская церковь, построенная въ XII в. и украшенная фресками, открытыми въ наши дни (это нынѣшній Кирилловскій монастырь). Урочище Пасынчя Бесѣда и Козаре надъ ручьемъ, гдѣ была древнѣйшая Кіевская церковь св. Иліи: тамъ христіанская Русь еще при Игорѣ давала клятву въ соблю-

деніи договора съ греками. Кіевъ славился своимъ многолюдствомъ и производилъ сильное впечатлѣніе даже на иностранцевъ. Дитмаръ (впрочемъ, по слухамъ, несомнѣнно сильно преувеличеннымъ) насчитывалъ въ немъ 400 церквей, 8 рынковъ и несмѣтное число жителей. Адамъ Бременскій называлъ его соперникомъ Царьграда. Лѣтопись насчитываетъ въ Кіевѣ съ окрестностями около 30 церквей и 2 рынка, но она не заключаетъ въ себѣ полнаго перечня ни кіевскихъ храмовъ, ни кіевскихъ рынковъ. Во всякомъ случаѣ о значительной населенности Кіева свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что по словамъ гробовщиковъ, занесеннымъ въ лѣтопись, въ концѣ XII в. во время мора умерло 7000 человѣкъ и это не отразилось замѣтно на убыли населенія. Отсюда выводятъ, что въ Кіевѣ могло быть до 70,000—100,000 человѣкъ жителей. Если, однако, принять во вниманіе сравнительно незначительные размѣры тогдашней территоріи Кіева и экстенсивность разселенія его жителей, вызываемую типомъ тогдашнихъ построекъ (одноэтажные деревянные дома при дворахъ или огородахъ, упоминаемые въ лѣтописи), то эта цифра представится намъ нѣсколько преувеличенной; также точно нужно признать сильно преувеличенной и цифру храмовъ (около 600), сгорѣвшихъ, по словамъ Суздальской лѣтописи, во время пожара 1124 года. Цифру туземнаго населенія увеличивали проживавшіе здѣсь постоянно и имѣвшіе даже свои молитвенные дома жители другихъ областей и иноземцы. Здѣсь были предпріимчивые новгородцы, имѣвшіе свой храмъ, нѣмцы-латиняне, также имѣвшіе свой костелъ; жили греки; объ урегулированіи ихъ отношеній къ туземцамъ говорятъ договоры; была, повидимому, армянская колонія, ибо не даромъ мы встрѣчаемъ полемическія о нихъ замѣчанія въ посланіяхъ къ князьямъ тогдашнихъ духовныхъ проповѣдниковъ, а въ Печерскомъ Патерикѣ говорится о врачѣ армянинѣ; есть упоминанія о сарацинахъ и придворномъ врачѣ Сиріянинѣ. Наконецъ, въ Кіевѣ былъ многолюдный еврейскій кварталъ, при чемъ у евреевъ, повидимому, была даже своя синагога. У Долобскаго озера (на нын. Грухановомъ островѣ) и на Золотчи (Днѣпровскій заливъ) происходили княжескіе съѣзды. Такую же роль игралъ и Городецъ, на островѣ у протока Радосынь (у нынѣшней Вигуровщины). Изъ другихъ городовъ Кіевской земли отмѣтимъ только важнѣйшіе: Вышгородъ, урочище Вѣтичи — это мѣсто знаменитаго Увѣтицкаго княжескаго съѣзда. Къ западу отъ Кіева, въ 20 верстахъ отъ него, на р. Ирпени находился важный пригородъ Кіева Бѣлгородъ, съ укрѣпленіями и епископскою каѳедрой. Теперь въ немъ открыты остатки древняго храма, а найденные

среди нихъ интересные предметы находятся въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. Изъ другихъ городовъ Кіевской земли упомянемъ о Звенигородѣ, Василевѣ (нынѣшнемъ Васильковѣ). Въ Поросьѣ былъ цѣлый рядъ украинныхъ городковъ съ центральнымъ городомъ Юрьевомъ, гдѣ была даже особая Юрьевская епархія. На устьѣ р. Роси былъ знаменитый городъ Родня, мѣстоположеніе котораго пріурочиваютъ къ нынѣшней Княжей горѣ, ибо она заключаетъ въ себѣ слѣды богатаго города и дала большую коллекцію предметовъ великокняжеской эпохи. Въ Древлянской области были города — Искоростень, древнѣйшій центръ области, и смѣнившій его Вручій (нынѣшній Овручъ). Много городовъ было и въ Погоринѣ. Такимъ образомъ, Кіевская земля изобиловала городами, имѣвшими, однако, за исключеніемъ Кіева преимущественно военное, а не промышленно - торговое значеніе.

Географическій обзоръ Галицкой земли. Галицкое княжество расположено было по сѣверо - восточнымъ отрогамъ Карпатъ, орошалось рѣками: Днѣстромъ и Прутомъ и многочисленными ихъ притоками. Оно занимало крайній юго-западный уголъ древней Руси и находилось въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Польшей и Венгріей. Южная граница его обнимала нижнее теченіе Серета, Прута и Днѣстра и доходила до черноморскаго побережья и до Дуная. Это—область уличей и тиверцевъ. Здѣсь находился особый удѣлъ—городъ Берладь, а на самомъ Дунаѣ лежалъ Галичъ (нынѣ Галацъ), куда стекались товары изъ Руси, Болгаріи, Византіи и Венгріи. Такимъ образомъ, первоначально колонизація распространилась на югъ, а позже она уже пошла на сѣверъ. Тогда важное значеніе пріобрѣли города—Холмъ и Львовъ. Все галицкое княжество по устройству поверхности дѣлится на двѣ части: западная часть, съ городомъ Перемышлемъ во главѣ, представляетъ изъ себя нагорную область, а восточная — по лѣвую сторону Днѣстра, — низменное, степное пространство (Понизье). Указанная мѣстность была сильно орошена и изобиловала произведеніями всѣхъ царствъ природы. Въ особенности она славилась знаменитыми и нынѣ соляными копями. Богатство естественныхъ произведеній способствовало заселенію края. Въ Галицко - Волынской землѣ лѣтопись упоминаетъ о 50 городахъ, но въ дѣйствительности ихъ было еще больше. Даніилъ построилъ много городовъ и среди нихъ Львовъ, Холмъ; другіе имъ были возобновлены; въ третьихъ онъ устроилъ храмы «созда городы многи и церкви постави и украси ѣ различными красотами». Географическое положеніе имѣло важное вліяніе на политическую судьбу края. Стоя на рубежѣ русскаго

міра, будучи окруженъ западно-европейскими государствами, Галичъ не могъ не войти съ ними въ самыя тѣсныя политическія, религіозныя и культурныя связи. Но, несмотря на свою оторванность отъ Руси, населеніе древняго Галича вполнѣ сохранило свою русскую народность до настоящаго времени, хотя уже долго находится подъ иноземною властью (Австрія). Важную роль въ этомъ случаѣ сыграло устройство поверхности края, его горы, гдѣ до сихъ поръ сохранилось населеніе, совершенно напоминающее по языку и этнографическимъ особенностямъ малороссіянъ Подольской губерніи.

Географическій обзоръ Волынской земли. Волынское княжество занимало область дулѣбовъ. Волынь захватывала территорію не только нынѣшней Волынской губ., но и части Гродненской и Люблинской, а въ предѣлахъ Австріи, Галицію; до XIV ст. Волынская земля заключала княжество Владимирское съ Берестейскою землею (послѣдняя съ XII в.), Луцкое, Белзкое и Холмско-Червенское кн., т.-е. Побужье. Южная часть Волыни представляла изъ себя гористую мѣстность, образуемую отрогами Карпатъ (Авратынскія горы), а сѣверная—Полѣсье — заключало въ себѣ низменное болотистое и лѣсистое пространство, рѣзко отличающееся отъ сѣверной Волыни. Въ сѣверной своей части Полѣсье представляетъ почти сплошную трясину. Во время половодья оно все превращается въ громадное озеро съ островками, городами и селеніями. Вся Волынь прекрасно орошена. Здѣсь протекали многоводныя рѣки—Западный Бугъ, Стырь, Горынь со Случью. Почва южной Волыни очень плодородна. Въ ней было много лѣсовъ, изобиловавшихъ пушными звѣрями. Южная Волынь представляла несравненно большія удобства для заселенія, чѣмъ Полѣсье. Поэтому южная Волынь заселена была гуще, чѣмъ сѣверная. Въ предѣлахъ Волынской земли былъ цѣлый рядъ городовъ, возникновеніе коихъ относится къ разнымъ историческимъ моментамъ. Географическіе предѣлы Волынской земли не оставались неизмѣнными. На территоріи Волынской земли въ ея полномъ составѣ мы видимъ слѣдующіе города: Владимиръ, Луцкъ, Волынь, Городецъ, Дубно, Берестье (нынѣшній Брестъ-Литовскъ), Кременецъ, Межибожье.

Географическій обзоръ Болоховской земли. Она занимала верховья трехъ рѣкъ—Буга, Случи и Тетерева или на современной картѣ нѣсколько уѣздовъ Волынской, Подольской и Кіевской губ. и находилась въ пунктѣ соприкосновенія Галицкой, Волынской и Кіевской земли. Нѣкоторые предполагали, что населеніе ея было не русско-славянское, а инородческое (тюркское). Но если бы жителями ея были половцы, хотя обрусѣвшіе, они были бы по-

селены, какъ это дѣлалось обычно, гдѣ-нибудь на окраинѣ, а не среди русскихъ земель: они должны были бы защищать границы того княжества, на земляхъ котораго обитали. Между тѣмъ болоховцы находятся въ постоянной дружбѣ съ татарами и враждѣ съ Даниломъ Галицкимъ. Кромѣ того, они по своимъ занятіямъ ничѣмъ не отличаются отъ остального русскаго населенія: пашутъ землю; воздѣлывая пшеницу и просо, имѣютъ свои города — Деревичъ, Губинъ, Кудинъ, Божскій, Дядьковъ и др. (И теперь въ Волынской губ. есть сел. Деревичи и Губинъ, а въ Подольской губ. Кудинка).

Географическій обзоръ Чернигово-Сѣверской земли. Чернигово-Сѣверская земля заключала въ себѣ территорію сѣверянъ, радимичей и вятичей. Всю площадь Чернигово-Сѣверской земли можно признать за равнину, пересѣченную рядомъ холмовъ, не имѣющихъ характера горъ, мѣстами изрѣзанную оврагами, низменностями, долинами рѣкъ и болотами. Центромъ ея является Чернигово-Сѣверщина, занимающая бассейнъ Десны, на лѣвомъ берегу. Южная часть этой равнины—Переяславское княжество—Посулье съ его южными предѣлами, достигающими Псла и Ворсклы, уже носитъ болѣе степной характеръ, а область радимичей—Посожье — по характеру своему напоминаетъ Припетское полѣсье. Территорія же вятичей представляетъ изъ себя возвышенность, покрытую дремучими лѣсами и пересѣкаемую глубокими долинами рѣкъ Волжскаго бассейна—Оки, Угры и Жиздры. Ядромъ Чернигово-Сѣверщины является бассейнъ Десны съ ея притоками, рѣками Десною и Сеймомъ. Южная часть Сѣверщины—особенно Посулье — граничитъ непосредственно со степью, бывшею въ рукахъ у кочевниковъ, нападавшихъ на русскія поселенія, и потому осѣдлое сѣверянское населеніе здѣсь не имѣло устойчивой границы — оно то далеко отодвигалось въ степь, то наоборотъ уходило оттуда подъ защиту естественныхъ и искусственныхъ укрѣпленій (лѣсовъ, острожковъ). Въ моментъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія сѣверянъ къ югу былъ основанъ г. Донецъ. Къ нему пріурочиваютъ нынѣшнее Донецкое городище подлѣ Харькова на берегу притока Донца рѣки Удъ. И дѣйствительно, сдѣланныя тамъ во время Харьковскаго Археологическаго съѣзда раскопки дали указанія, что это было славяно-русское поселеніе XI—XII вв. Успѣхамъ сѣверянской колонизаціи въ направленіи къ югу обязана своимъ происхожденіемъ, нужно думать, и отдаленная Тмутаракань, поддерживавшая въ первое время свои связи съ Днѣпровскимъ лѣвобережьемъ. Разнообразіе географическихъ условій, разбросанность территорій и рѣзкое различіе населенія въ этнографическомъ отношеніи при-

вели къ тому, что чисто политическая связь оказывалась непрочной и изъ состава этой земли вышли Муромское и Рязанское княжества, слабо держались земли вятичей и радимичей и прочно сцентрализовалась только коренная область сѣверянъ, за исключеніемъ Посулья, на территоріи котораго образовалось Переяславское княжество. Коренная сѣверянская территорія (нынѣшн. Черниговская, Курская, Полтавская губерніи) съ ея черноземною почвою представляла чрезвычайно благопріятныя условія для развитія здѣсь земледѣльческой культуры, а въ лѣсистыхъ ея частяхъ процвѣтали лѣсные промыслы и особенно звѣроловство. Наконецъ, географическое сосѣдство съ кочевниками и Кіевской землей также оказало существенное вліяніе на политическую ея жизнь. Въ частности Переяславское княжество должно было явиться оплотомъ всей земли отъ половецкихъ нападеній и на этомъ, главнымъ образомъ, сосредоточить свою дѣятельность. На него, главнымъ образомъ, обрушивались нападенія половцевъ.

Географическій обзоръ Ростово-Суздальской земли. Ростово-Суздальская земля возникла на финской территоріи. Центральное мѣсто здѣсь занималъ финскій народецъ меря, въ настоящее время не существующій. Слѣдъ его сохранился только въ антропологическихъ особенностяхъ мѣстнаго великорусскаго населенія, которое заселило этотъ край, гл. обр., путемъ мирной поступательной колонизаціи. Трудно указать на *первоначальный* моментъ образованія здѣсь великорусской народности и, быть-можетъ, правъ Д. А. Корсаковъ, относящій этотъ моментъ уже къ XII вѣку. Во всякомъ случаѣ здѣшнее славяно-русское населеніе не представляло изъ себя такихъ автохтоновъ, какъ обитатели другихъ областей. Это населеніе образовалось путемъ выселенія энергичныхъ и предпріимчивыхъ колонистовъ изъ другихъ славяно-русскихъ княжествъ. Колонизація въ землю мери двигалась съ трехъ сторонъ—изъ Новгорода, Смоленской земли и земли вятичей. Колонизація изъ Новгорода шла при посредствѣ рѣки Волги, которая была главной артеріей края. Являлись сюда такъ называемые повольники, т.-е. новгородская вольница, искавшая новыхъ земель и доходовъ. Изъ земли вятичей колонизація шла по р. Окѣ. На способъ первоначальнаго заселенія указываетъ географическая номенклатура. И доселѣ сохранился рядъ такихъ названій населенныхъ мѣстностей, какъ Боръ, Дерки, Гарь, Выгарь, Горѣлое, Погарье, Ожигино, Пенье. Очевидно, населеніе пробиралось, выжигая лѣса и основывая тамъ новые поселки. То были — починки, селенія и выселки. Починокъ обращался въ село, а изъ села въ свою очередь вы-

селялся выселокъ, т.-е. новый починокъ. Разные виды колонизацiи дѣйствовали одновременно — военно-княжеская, вольная народная, монастырская и промышленно-торговая.

Географическiй обзоръ Смоленской земли. Географическое положенiе Смоленскаго княжества, образовавшагося на территорiи кривичей, представляло значительныя выгоды: ему принадлежали верховья трехъ важнѣйшихъ русскихъ рѣкъ—Зап. Двины, Волги и Днѣпра. Кромѣ того, оно со всѣхъ сторонъ было окружено русскими областями, слѣдовательно, не подвергалось значительнымъ внѣшнимъ опасностямъ. Сравнительное неплодородiе почвы толкало населенiе на промыслы и торговлю; а прекрасные водные пути въ сосѣднiя княжества еще болѣе усилили его торговую предпрiимчивость. Орошенiе Смоленской области было обильное: кромѣ множества рѣкъ, здѣсь было огромное количество озеръ и болотъ; послѣднiя носили названiе мховъ. И все это — и берега рѣкъ и рѣчекъ, и сухiя мѣста, и непроходимыя болота — все было заполнено лѣсомъ. Населенiе скоплялось на возвышенностяхъ, гдѣ поселенецъ чувствовалъ подъ собою болѣе твердую почву, и такiя возвышенности были расположены обыкновенно на рѣчныхъ берегахъ, которые поэтому и явились главными путями поселенiя и разселенiя кривичскаго племени. Здѣсь проходили знаменитыя торговыя дороги — путь изъ Варягъ въ Греки черезъ верховья Днѣпра и другой путь въ Балтiйское море черезъ Двину. Была связана Смоленская земля и съ бассейномъ Десны-Черниговo-Сѣверскою землею. Въ XII – XIII вѣкѣ Смоленская земля имѣла наибольшую территорiю. Центральнымъ городомъ ея былъ Смоленскъ, лежавшiй на обоихъ берегахъ Днѣпра среди дремучихъ лѣсовъ. Дѣтинецъ (крѣпость) города находился на правой нагорной сторонѣ рѣки, но главная часть съ каѳедральнымъ Успенскимъ соборомъ на лѣвой. Городъ состоялъ изъ Горы и Подолiя и дѣлился, какъ и Новгородъ, на концы. Въ окрестностяхъ города находился знаменитый Смядынскiй монастырь, развалины котораго съ древнекняжеской гробницей сохранились доселѣ. Изъ другихъ городовъ отмѣтимъ — Торопецъ, Дорогобужъ, Бѣлый, Вязьму, Можайскъ. О населенныхъ мѣстностяхъ Смоленскаго княжества даетъ понятiе учредительная грамота князя Ростислава Мстиславовича Смоленской епископiи XII вѣка.

Географическiй обзоръ Полоцкой земли. Полоцкая земля образовалась первоначально на территорiи полочанъ, представлявшихъ изъ себя отрасль кривичей. Она захватывала среднее теченiе Зап. Двины и р. Полоту, а также и пограничныя съ ними мѣста. Если наложить ея территорiю 2-й половины XII вѣка на

современную карту, то она займетъ значительныя части нынѣшнихъ бѣлорусскихъ губ. —Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и небольшія полосы Ковенской, Курляндской и Лифляндской губ. По устройству поверхности территорія Полоцкой земли представляетъ сплошную равнину, только на югѣ и на сѣверѣ пересѣченную холмами. Она обильно орошена озерами, болотами, рѣками, среди коихъ главное мѣсто занимаетъ Западная Двина. Лѣса покрывали большую часть территоріи Полоцкой земли. Почва не отличалась плодородіемъ. Центромъ княжества былъ Полътескъ (Полоцкъ), нынѣ уѣздный городъ Витебской губ., имѣвшій выгодное географическое положеніе при впаденіи Пологы въ Двину, связывавшую Полоцкъ съ Балтійскимъ побережьемъ. Городъ былъ укрѣпленъ деревянною стѣною. Въ немъ упоминается 2 храма и монастырь. Изъ другихъ городовъ болѣе важные —Видбескъ на р. Двинѣ (нын. Витебскъ), защищенный каменною стѣною, Мѣнескъ—нын. Минскъ и другіе города, сдѣлавшіеся центрами тѣхъ волостей, на которыя распалась Полоцкая земля. Полочане были окружены воинственными и опасными сосѣдями — литовцами и нѣмцами, и это повело къ ранней потерѣ ими политической самостоятельности.

Географическій обзоръ Муромо-Рязанской земли. Рязанское княжество лежало въ бассейнѣ средней Оки съ ея притоками и находилось на юго-восточной окраинѣ Русской земли, на Украинѣ, гдѣ населеніе жило неспокойной и тревожной жизнью, гдѣ колонизаціонныя волны то приливали въ степь, то отливали назадъ. Славянскія поселенія встрѣчались и въ такъ называемомъ Червленомъ Яру, т.-е. степномъ пространствѣ, заключенномъ между рѣками — Воронежомъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной. Сѣверная часть княжества, въ такъ называемой Мещерской сторонѣ Оки, представляла собою низменную болотистую полосу, почти сплошь покрытую лѣсами, мало удобную для занятія земледѣліемъ: здѣсь жители, главнымъ образомъ, занимались звѣриной и рыбной ловлей. Средняя полоса представляетъ собою переходъ отъ песчаной почвы къ чернозему; лѣса здѣсь постепенно рѣдѣютъ. Кромѣ звѣринаго и рыбнаго промысла, жители занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Южная часть княжества отличается волнообразнымъ устройствомъ поверхности, но по мѣрѣ приближенія къ степямъ, поверхность принимаетъ ровный, гладкій характеръ. Эта мѣстность по площади, занимаемой лѣсомъ, значительно уступаетъ сѣверной части княжества. Благодаря черноземной почвѣ здѣсь съ большимъ успѣхомъ и съ малой затратой силъ можно было заниматься земледѣліемъ, но зато эта мѣстность

была слабо заселена благодаря своему пограничному положенію. Рязанская область была богата городами, изъ которыхъ многіе возникли со стратегическими цѣлями. Въ извѣстномъ путешествіи митрополита Пимена говорится о развалинахъ нѣкогда красивыхъ и цвѣтущихъ городовъ по берегамъ верхняго Дона. Рязанская область находилась въ исключительно невыгодныхъ условіяхъ для мирнаго развитія гражданственности вслѣдствіе своего географическаго положенія.

Географическій обзоръ Новгородской земли. Территорія Новгородской земли постепенно расширялась и съ теченіемъ времени достигла громадныхъ размѣровъ, обнимая, кромѣ страны великихъ озеръ, сѣверное Поволжье и весь сѣверный край. Климатъ Новгородской области отличался суровостью и непостоянствомъ, въ особенности по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Край богатъ рѣками, болотами и озерами. На крайнемъ сѣверѣ господствуютъ тундры. Почвенныя условія этой области мало удобны для земледѣлія, за исключеніемъ береговъ Сѣверной Двины и отчасти Псковской области. Вся эта мѣстность изобиловала лѣсами, которыхъ и теперь еще здѣсь немало. Единственными удобными путями сообщенія по этимъ лѣснымъ дебрямъ и магистралями, по которымъ двигалась волна населенія, были рѣки. Обиліе лѣсовъ обусловливало существованіе множества пушныхъ звѣрей. Югорскій и Печерскій края были истиннымъ царствомъ горностаевъ, соболей и оленей. Рѣки были богаты рыбою. Въ Двинской губѣ добывалась соль, на берегу Бѣлаго моря — желѣзо. Конечно, громадная территорія находившаяся во владѣніи Господина Великаго Новгорода, была колонизована имъ далеко не въ одинаковой степени; въ однихъ мѣстахъ славянскій элементъ утвердился съ незапамятныхъ временъ и претворилъ въ себѣ инородцевъ—это Новгородская земля въ собственномъ смыслѣ этого слова. Границами ея были на сѣверѣ Ладожское и Онежское озера, на югѣ — гор. Великіе Луки, на востокѣ — гор. Торжокъ, на западѣ—Финскій заливъ. Хотя и на этомъ пространствѣ обитали еще остатки прежнихъ инородцевъ — Води, Корелы и другіе, но они почти совсѣмъ обрусѣли, ассимилировались и потому принимали живѣйшее участіе въ новгородскихъ событіяхъ. Здѣсь было до 30 пригородовъ, которые возникли подъ вліяніемъ военныхъ и торгово-промышленныхъ интересовъ; въ числѣ ихъ особенно выдавались по своему значенію — Псковъ, Ладога, Руса, Изборскъ, Великіе Луки и другіе. Остальныя новгородскія владѣнія, не входившія въ составъ Новгородской земли, какъ болѣе отдаленныя и менѣе связанныя съ метрополіей, были извѣстны подъ именемъ волостей. Во все время существованія

новгородской самостоятельности, онѣ рѣзко отличались отъ собственно Новгородской земли и управлялись на особыхъ основаніяхъ. Онѣ составляли огромное пространство, границами котораго на сѣверѣ были Бѣлое море. По отношенію своему къ Новгороду ихъ можно раздѣлить на три части: 1) отъ крайняго восточнаго пункта собственно Новгородской земли, г. Торжка, до р. Онеги, 2) отъ р. Онеги до р. Мезени и Бѣлаго моря и 3) отъ р. Мезени до Урала. Первая часть особенно на западномъ пограничьѣ отличалась еще славянскимъ характеромъ: близость Новгорода давала себя чувствовать; здѣшніе города управлялись новгородскими посадниками. Кромѣ того, были города, построенные исключительно со стратегическими цѣлями для того, чтобы держать въ повиновеніи финское населеніе. Вслѣдствіе отдаленности отъ великаго Новгорода эти владѣнія часто подпадали подъ власть ближайшихъ сосѣдей — суздальскихъ князей. Вторая часть, иначе называемая Заволочьемъ, была расположена по рр. Онегѣ, Пинегѣ и Сѣверной Двинѣ. Хотя славянское населеніе и здѣсь было весьма значительно, но зависимость этого края отъ Новгорода была не велика. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что колонизаторами Заволочья была новгородская вольница. Многіе изъ новгородскихъ бояръ имѣли свои колоніи въ Заволочьѣ, но смотрѣли на нихъ, какъ на частныя владѣнія. Вліяніе же собственно новгородской администраціи было незначительно. Третья часть заключала въ себѣ три края — Печорскій, Пермскій и Югорскій. Первый лежалъ на сѣверѣ и примыкалъ къ Ледовитому океану, второй на югѣ и третій на востокѣ—по Уральскимъ горамъ. Эта была громадная территорія, находившаяся въ самой слабой связи съ Новгородомъ. Основанная на югѣ отъ Перми новгородцами колонія Вятка (Хлыновъ) очень скоро добилась почти полной независимости отъ своей метрополіи.

Указанныхъ предѣловъ своей территоріи Новгородъ достигъ, какъ мы уже говорили, путемъ постепенной колонизаціи. Новгородская колонизація носила, главнымъ образомъ, народный, а не правительственный характеръ. Двѣ правительственныя силы — князь и вѣче — не руководили колонизаціей и даже не являлись ея иниціаторами. Правительственная власть выступала на сцену тогда, когда силами народной колонизаціи извѣстный край былъ уже, такъ сказать, тронутъ, когда въ немъ были положены начала новгородскаго владычества; тогда и возникали на новопріобрѣтенной территоріи городки, опорные пункты новгородской власти. Расширеніемъ своей территоріи Новгородъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей вольницѣ, удалымъ

молодцамъ, ушкуйникамъ, которыхъ жажда славы и добычи увлекала въ невѣдомыя страны, далеко отъ родины. Ушкуйники—это типичный продуктъ новгородской жизни. Въ составъ ихъ входили представители разныхъ общественныхъ группъ: люди, выбитые изъ жизненной колеи, экономически необезпеченные, задыхавшіеся въ тѣсныхъ рамкахъ соціальнаго строя, представители верховъ новгородскаго общества, полные юношескаго задора и отваги, которымъ нужно было перебѣситься. Всѣ они, однако, составляли компактную массу, одушевленную одною цѣлью, готовую при нуждѣ и голову сложить за Великій Новгородъ и св. Софію. Таковъ былинный герой Василій Буслаевъ. По ихъ нравственнымъ понятіямъ считалось дозволеннымъ пограбить бесерменъ, а при случаѣ и православныхъ купцовъ Корелы, племя, жившее вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, уже въ половинѣ XII вѣка входили въ составъ новгородскихъ волостей. Въ Заволочье новгородцы начали проникать еще въ XI вѣкѣ; въ половинѣ XII вѣка они собирали уже здѣсь дань Съ лопарей, жившихъ на Терскомъ берегу, новгородцы брали дань въ началѣ XIII вѣка. Здѣсь совсѣмъ не было славянскихъ городовъ и поселеній. Есть извѣстія, что инородцы Печоры въ XI вѣкѣ, а Перми и Югры въ XIII вѣкѣ платили новгородцамъ дань. Въ концѣ XII в. они уже собирали съ Югры дань *серебромъ* и соболями. Зыряне и пермяки платили дань мѣхами. Народная жизнь въ этихъ мѣстахъ шла своимъ чередомъ, не испытывая новгородскаго вліянія.

Въ очерченныхъ нами предѣлахъ Русь областного періода занимала территорію, нѣсколько превышающую по своимъ размѣрамъ площадь ея въ кіевскій періодъ, но все же составлявшую гораздо менѣе $^1/_2$ нынѣшней Европейской Россіи.

Отношеніе Руси къ сосѣдямъ. Широки и разнообразны были тогда связи Руси съ Западной Европой. Связи съ Польшей были разнообразныя—политическія и культурныя. Къ Изяславу Ярославичу Кіевскому на помощь явился Польскій король Болеславъ Смѣлый, который послѣ продолжительнаго пребыванія въ Кіевѣ долженъ былъ уйти оттуда вслѣдствіе нерасположенія къ нему населенія. Къ Волынскому князю Польша относилась доброжелательно, къ Галицкому — враждебно, ибо въ составъ его владѣній входили тѣ самые Червенскіе города, которые Польша тщетно силилась захватить. Ея могущество слабѣло, русскіе князья старались овладѣть Люблинскою землею. Русская граница доходила до притока Вислы Вепра и даже переходила за него. Культурное вліяніе, по заключенію И. А. Линниченка, шло не изъ Польши на Русь, а наоборотъ. Сноше-

нія съ другими западными сосѣдями — венграми, чехами, нѣмцами, — юго-западной Руси были также очень оживленныя и носили политическій или культурный характеръ. Съ Византіей теперь, по сравненію съ кіевскимъ періодомъ, связи нѣсколько ослабѣли, хотя все же не прерывались, а въ области религіозной вылились въ форму зависимости русской іерархіи отъ царьградскаго патріарха. Византія имѣла вліяніе: a) на развитіе государственныхъ понятій, b) измѣненіе юридическихъ нормъ и c) на развитіе книжнаго образованія. Въ Византіи была монархія, и духовенство указывало на невыгоду дробленія власти на Руси. Явилась юрисдикція духовенства примѣнительно къ греческому номоканону. А кромѣ того, Византія дала намъ, какъ мы видѣли, образцы церковнаго искусства. Брачные союзы русскихъ княжескихъ домовъ съ западно-европейскими не имѣли крупнаго политическаго значенія, такъ какъ не сопровождались отчужденіемъ земельныхъ территорій въ качествѣ приданаго, но все же создавали личныя и родственныя связи, а подъ часъ имѣли въ виду и прямыя политическія цѣли. При брачныхъ союзахъ первое время могло и не быть перемѣны религіи, но впослѣдствіи (со 2-й пол. XII в.) она стала, повидимому, обязательной. Происходили браки и между населеніемъ Руси и сосѣднихъ съ нею иноземныхъ областей. Особенно многочисленны были брачные союзы русскаго и польскаго княжескаго дома. Вотъ ихъ перечень, установленный изслѣдованіемъ И. А. Линниченка. Сынъ Владимира св., Святополкъ—былъ женатъ на дочери Болеслава Храбраго, Казимиръ Польскій былъ женатъ на дочери Владимира св., Изяславъ Ярославичъ былъ женатъ на дочери Мѣшка II-го, сестрѣ Казимира. Болеславъ Смѣлый и сынъ его Мечиславъ были женаты на какихъ-то русскихъ княжнахъ, Болеславъ Кривоустый на Сбыславѣ, дочери Святополка Изяславича. Всеволодъ Давидовичъ (сынъ Черниговскаго кн.) былъ женатъ на «ляховицѣ», т.-е. полькѣ. Болеславъ Кудрявый былъ женатъ на дочери Всеволода Верхуславѣ, Мѣшко старый—на какой-то русской княжнѣ, сынъ Мѣшка стараго—на дочери Галицкаго князя (вѣроятно, Ярослава Осмомысла), Всеволодъ Святославичъ — на дочери Казимира Справедливаго. Всеволодъ былъ женатъ на греческой царевнѣ (полагаютъ—на внучкѣ греч. Импер. Константина Мономаха), Святополкъ — на дочери Половецкаго хана Тугоркана, Владимиръ Мономахъ—на дочери Англійскаго короля Гаральда, его сынъ Мстиславъ—на дочери Шведскаго короля. Дочь Ярослава Елизавета была въ замужествѣ за принцемъ Норвежскимъ Гаральдомъ, другая дочь Анна—за королемъ французскимъ Генрихомъ I, Анастасія — за Венгерскимъ

королемъ Андреемъ I, дочь Всеволода Евпраксія—за Императоромъ Генрихомъ IV, Передслава—за сыномъ Венгерскаго короля Коломана, дочь Владиміра Мономаха—за Венгерскимъ королемъ Коломаномъ, другая дочь Мономаха Марія—за царевичемъ Леономъ, сыномъ Византійскаго Императора Діогена, дочь Володаря Ростиславича—за греческимъ царевичемъ Алексиничемъ, одна дочь Мстислава Владимировича и его супруги Христины Шведкой—за Норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, а послѣ —за Датскимъ Эрихомъ Эдмундомъ, другая—за Оботритскимъ королемъ Канутомъ св. (отъ этого брака родился знаменитый Датскій король Вольдемаръ), третья — за греческимъ царевичемъ. Византійскій Императоръ Михаилъ VII Дука писалъ неизвѣстному, по догадкѣ акад. В. Г. Васильевскаго, русскому князю Всеволоду письмо, въ которомъ выражалъ желаніе соединить брачными узами одну изъ дочерей Всеволода съ его братомъ Киръ Константиномъ для большаго укрѣпленія дружбы. Здѣсь же говорится, что сынъ прежняго совластителя Михаила былъ обрученъ съ одною изъ дочерей Всеволода.

Большое значеніе для ознакомленія съ чужими странами имѣли описанія путешествія въ нихъ русскихъ людей. Игуменъ Даніилъ составилъ описаніе путешествія своего въ Святую землю, и его книга сдѣлалась любимымъ чтеніемъ у современниковъ. Она распадается на три части: описаніе пути до Іерусалима, описаніе самого Іерусалима съ окрестностями и описаніе Галилеи и поморья. Описаніе носитъ характеръ дорожника-путеуказателя. Говоря объ островѣ Родосѣ, авторъ вспоминаетъ, что на немъ былъ заточенъ Олегъ Святославичъ и пробылъ тамъ 2 года. Описаніе Святой земли и ея мѣстностей представляло несомнѣнный интересъ для русскаго читателя и значительно расширяло его географическія свѣдѣнія. Другимъ замѣчательнымъ географическимъ памятникомъ, касавшимся уже не Востока, а Европы, является описаніе путешествія въ Царьградъ Добрыни Ядрейковича (впослѣдствіи архіепископа Новгородскаго Антонія), совершонное въ 1210 году и содержащее въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о Константинополѣ и особенно о его Софійскомъ соборѣ

Новгородцы во время своихъ торговыхъ путешествій ознакомились съ Балтійскимъ побережьемъ, берегами Помераніи, Даніи и Скандинавіи и островами Балтійскаго моря, Нѣмецкимъ моремъ, Финляндіей. позже съ Норвегіей, Сѣвернымъ океаномъ, на востокѣ ихъ географическія свѣдѣнія касались странъ, переходившихъ за Уральскій хребетъ и за р. Обь. Приднѣпровская Русь проникала далеко на юго-западъ: въ 1116 г. ходили къ Дунаю и дошли до Силистріи, а Мономахъ отправилъ Ивана Вой-

тишича для того, чтобы посадить по Дунайскимъ городамъ своихъ посадниковъ. Иванъ Ростиславичъ Берладникъ занялъ Подунайскіе города въ нын. Бессарабіи и умеръ въ Селуни; съ Дуная Русь ходила въ Булгарію и Македонію, принадлежавшія Византіи. Два русскіе князя — Василько и Ростиславъ Мих. — имѣли княжества на Дунаѣ. Хорошо знакомы были южно-руссамъ пути въ Чехію, Польшу, Венгрію и Германскія владѣнія, не разъ ходили туда южно-русскіе князья со своими дружинами, не разъ и тамошніе князья приходили въ юго-западную Русь; нѣмецкіе купцы проживали во Владимирѣ. Можно сказать, слѣдовательно, что Русь областнаго періода входила въ семью Западно-европейскихъ государствъ и была связана съ ними прочными нитями. Но несчастье ея заключалось въ томъ, что она должна была выдерживать натискъ кочевыхъ ордъ востока. Съ половины XI до половины XIII вв. въ южно-русскихъ степяхъ господствуютъ половцы. Половцы принадлежали къ той же тюркской отрасли народовъ, что и печенѣги, тюрки, татары и турки. Это былъ кочевой народъ средней Азіи, отличавшійся отъ своихъ предшественниковъ еще большею воинственностью. Онъ пришелъ на смѣну имъ, сразу занялъ всю степь и очутился, такимъ образомъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ южною Русью. Бытъ половцевъ въ общихъ чертахъ былъ таковъ. Они жили отдѣльными племенами, колѣнами и родами и были прекрасными степными наѣздниками. Никакая непріятельская конница не могла соперничать съ ними въ чистомъ полѣ въ открытой степи, которую они изучили въ совершенствѣ. У нихъ мало-помалу выработался военный строй, приспособленный къ природѣ степей. Въ случаѣ надобности они устраивали подвижныя укрѣпленія, ставили вокругъ телѣги, покрытыя кожами, и отбивали всѣ приступы съ этой импровизированной крѣпости. Оружіе ихъ состояло изъ лука, стрѣлы, сабли, аркана, иногда копья. Жизнь въ степи развивала въ нихъ замѣчательное зрѣніе, а постоянное упражненіе еще болѣе усиливало ихъ мѣткость. Ихъ ничто не останавливало, они не нуждались въ мостахъ, перевозахъ, а переправлялись черезъ рѣки на своихъ коняхъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи татары. Постоянно живя въ степяхъ, они прекрасно изучили всѣ степныя рѣчки и знали всѣ перевозы и перелазы. Главнымъ богатствомъ ихъ былъ крупный и мелкій рогатый скотъ, лошади и верблюды. Зимой они кочевали у самаго берега Азовскаго моря, гдѣ климатъ былъ теплѣе. Это были ихъ зимовища, а лѣтомъ они подвигались на сѣверъ, поближе къ русскимъ границамъ — это были ихъ лѣтовища. Земледѣліемъ они не занимались, если только

не считать проса, которое они употребляли въ большомъ количествѣ въ пищу и которое, быть-можетъ, сами же и сѣяли. Пили въ большомъ количествѣ кумысъ; онъ опьянялъ ихъ, въ это время они играли на своихъ незатѣйливыхъ музыкальныхъ инструментахъ и пѣли пѣсни, гдѣ прославлялись старые ханы, въ родѣ Шаруканя, Боняка, Кончака и др. Были у нихъ и пѣвцы народныхъ пѣсенъ, таковъ былъ, напримѣръ, гудецъ Орь, о которомъ русская лѣтопись говоритъ, что онъ долженъ былъ отправиться къ одному изъ половецкихъ хановъ на Кавказъ, куда этого хана загналъ Владимиръ, и пѣть ему пѣсню половецкую и дать понюхать траву *евшанъ*, чтобы тотъ вернулся опять къ народу. Половцы насыпали надъ своими покойниками курганы и на нихъ ставили каменныя бабы съ чашами у пояса. Половцы были язычниками, но нѣкоторые изъ нихъ приняли христіанство и стали теперь носить христіанскія имена—Глѣбъ, Юрій и пр. Это свидѣтельствуетъ, конечно, уже о русскомъ вліяніи на половцевъ. Близкое сосѣдство половцевъ съ Русью не могло не оказать значительнаго вліянія на ея бытъ. Въ особенности это относится къ Руси южной, и нужно сказать, что это вліяніе было отрицательное. Въ теченіе двухъ столѣтій, съ половины XI до половины XIII в., половцы производили постоянныя нападенія на южную Русь; они являлись обыкновенно внезапно, какъ потомъ татары, заботясь только о томъ, чтобы произвести побольше разрушенія, чтобы захватить побольше добычи. Лѣтопись сохранила намъ только незначительное число фактовъ объ ихъ набѣгахъ, но и она отмѣтила ихъ около 50. Больше всего страдало отъ этихъ набѣговъ Переяславское княжество, какъ самое южное, затѣмъ идетъ Поросье, Черниговово-Сѣверское и т. д. Независимо отъ этого, сами князья русскіе во время своихъ междоусобій призывали половцевъ въ качествѣ союзниковъ. Неудивительно, такимъ образомъ, что Русь и безъ того бѣдная населеніемъ, теряла его еще больше отъ этихъ нашествій. Тяжело было положеніе русскихъ плѣнниковъ, которыхъ половцы вели къ себѣ въ степь; они шли, по словамъ лѣтописца, нагими и босыми, томимые голодомъ и жаждой; грады и нивы опустѣли и служили жилищемъ для звѣрей. Не зная, когда появится врагъ, не будучи въ состояніи во-время отразить его, южно-русскіе князья старались отрѣзать, по крайней мѣрѣ, половцамъ обратный путь изъ Руси. При этомъ они отбивали и награбленную добычу и плѣнниковъ, но случалось это не часто; чаще приходилось выкупать христіанскихъ «полонянниковъ» изъ половецкаго плѣна, при чемъ размѣръ выкупа опредѣлялся ихъ общественнымъ положеніемъ. Въ своемъ стремленіи защитить пограничное населеніе отъ

дикихъ половцевъ русскіе князья охотно должны были соглашаться на принятіе въ свою службу мирныхъ тюрковъ, главнымъ образомъ, торковъ, берендеевъ и ковуевъ, носившихъ общее названіе Черныхъ Клобуковъ. Къ нимъ могли присоединиться и половцы. Такъ образовались тѣ Черно-Клобуцкія поселенія, которыя сдѣлались передовымъ оплотомъ Руси противъ половцевъ на южной границѣ Кіевскаго и Черниговскаго княжествъ. Эти Черные Клобуки находились въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Русью и подъ вліяніемъ ея измѣнили во многомъ свой бытъ, но все-таки не отстали отъ привычекъ, свойственныхъ кочевникамъ. Они были полезны въ томъ отношеніи, что могли отражать половцевъ на коняхъ, ибо сами они были прекрасными наѣздниками; они участвовали и въ наступательныхъ походахъ русскихъ князей на половцевъ. Южная Русь и южно-русскіе князья вели двоякую борьбу съ половцами: оборонительную, характеръ которой намъ въ общихъ чертахъ извѣстенъ, и наступательную. Въ этой послѣдней особенно прославился «добрый страдалецъ за Русскую землю» Владиміръ Мономахъ. Ходили противъ половцевъ и другіе князья, нерѣдко со славой и добычей возвращались назадъ, заслуживали похвалы лѣтописцевъ, но, вообще говоря, эти разрозненные отдѣльные походы князей не могли имѣть важныхъ результатовъ; трудно было гоняться за кочевниками въ степи; что можно было взять съ нихъ при кочевомъ ихъ бытѣ, при отсутствіи городовъ и земледѣльческой культуры. Не говоримъ уже о томъ, что смѣлымъ русскимъ князьямъ приходилось иногда сильно платиться за свою неустрашимость. Таковъ былъ несчастный походъ знаменитаго героя «Слова о полку Игоревѣ», Игоря Святославича. Такимъ образомъ, южной Руси оставалась, главнымъ образомъ, оборонительная борьба съ половцами, и эту задачу она исполняла въ теченіе 2-хъ вѣковъ, хотя силы ея въ этой борьбѣ ослабѣли и центръ государственной жизни, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ перейти на сѣверо-востокъ, какъ въ болѣе мирный край, гдѣ жило слабое финское племя и куда теперь начинаетъ двигаться даже южно-русское населеніе. Военными столкновеніями не ограничивались, впрочемъ, взаимныя отношенія Руси и тюрковъ: были и мирныя связи — русскіе князья женились на половчанкахъ, половецкіе князья принимали христіанство; Черные Клобуки постоянно участвовали въ русскихъ политическихъ дѣлахъ, а въ половецкій языкъ вошли русскія слова; особенно важное значеніе въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи имѣли браки. Такимъ образомъ, тюркскій элементъ оказалъ значительное вліяніе на происхожденіе антропологической и

этнографической особенности формировавшейся въ это время малорусской народности.

Половецкіе набѣги, со всею совокупностью вызываемыхъ ими послѣдствій—экономическихъ и политическихъ—являются основнымъ факторомъ, вызвавшимъ ослабленіе южной Руси вообще и Кіева, какъ центра ея, въ частности. Значеніе другихъ факторовъ представляется намъ уже второстепеннымъ, ибо они дѣйствовали не только въ южной, но и сѣверо-восточной Руси (таково, напримѣръ, рабовладѣніе, выдвигаемое на первый планъ В. О. Ключевскимъ). Что касается отлива населенія въ XII в. изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, то о немъ, во-1-хъ, мы можемъ судить только по даннымъ географической номенклатуры, которая въ настоящемъ случаѣ не поддается точнымъ хронологическимъ пріуроченіямъ, а, во-2-хъ, въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли должны были играть наиболѣе видную роль не такія отдаленныя отъ нея области, какъ Кіевская, а сосѣднія, напримѣръ, земля вятичей.

12-я глава. Исторія областей.

Исторія Кіевской земли. Исторія Черниговo-Сѣверской земли. Исторія Галицкаго княжества. Исторія Волынскаго княжества. Исторія Болоховской земли. Исторія Смоленской земли. Исторія Полоцкаго княжества. Исторія Муромо-Рязанскаго княжества. Исторія Новгородской земли. Исторія Ростово-Суздальской земли.

Литература вопроса. Источниками являются, гл. обр., областныя лѣтописи (Кіевская и Волыно-Галицкая въ Ип. спискѣ, Новгородскія и Псковскія и т. п. Грамоты—въ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова. Памятники исторіи Великаго Новгорода. М. 1909. Пособія: *М. С. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли К. 1891; *П. В. Голубовскій.* Исторія Сѣверской земли. К. 1882; *Д. И. Багалѣй.* Исторія Сѣверской земли. К. 1882; *В. Г. Ляскоронскій.* Исторія Переяславской земли. К. 1897 г.; *Лонгиновъ.* Червенскіе города. Варш. 1885; *Н. П. Дашкевичъ.* Княженіе Даніила Галицкаго по рус. и иностр. изв. К. 1873; *его же.* Болоховская земля и ея значеніе въ рус. исторіи. К. 1876; *его же.* Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ; *его же.* Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ (Кіев. унив. изв., 1899, кн. 1-я); *Смирновъ.* Судьбы Червонной и Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею, СПБ., 1860; *Андріяшевъ.* Очеркъ исторіи Волынской земли. К. 1887; *Ивановъ.* Историческія судьбы Вол. земли съ древ. временъ до конца XIV в. Од. 1895; *Н. В. Молчановскій.* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.; *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. К. 1891; *А. Грушевскій.* Пинское полѣсье. Ч. 1-я. К. 1901; *В. Е. Данилевичъ.* Очеркъ исторіи Полоцкой земли до к. XIV ст. К. 1896; *Бѣляевъ.* Разсказы изъ русской исторіи (кн. 2, 3 и 4. Новгородъ, Псковъ. Полоцкъ); *В. Пассекъ.* Изсл. въ области русской исторіи. М. 1870; *Н. И. Костомаровъ.* Сѣверно-русскія народоправства; *Никитскій.* Очеркъ внутр. исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ; *его же.* Очеркъ внутренней исторіи Пскова, СПБ, 1873; *его же.* Исторія эконо-

мическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893; *Бережковъ.* О торговлѣ Руси съ Ганзой. Спб., 1879; *П. В. Голубовскій.* Исторія Смоленской земли. К. 1895; *Д. И. Иловайскій.* Исторія Рязанскаго княж.; *Д. А. Корсаковъ.* Меря и Ростовское княжество. Каз. 1872; общіе обзоры у *Д. И. Иловайскаго* (Исторія Россіи, т. I) и *М. С. Грушевскаго* (Исторія Украины—Руси, т. II, Львовъ 1899.).

Общій характеръ политической исторіи Кіевской земли до половины XIII ст. таковъ. Первымъ кіевскимъ князьямъ удалось объединить подъ своею властью почти всю Русскую землю. Послѣ Ярослава Мудраго въ связи съ размноженіемъ княжескаго рода владѣнія кіевскихъ князей начинаютъ ограничиваться одною кіевщиною, при чемъ здѣсь не можетъ усѣсться одна опредѣленная линія князей: значеніе Кіевской земли привлекаетъ сюда князей соискателей, несмотря на то, что населеніе хочетъ имѣть только одну княжескую линію Мономаховичей и пытается вліять на призывъ и удаленіе князей. Происходила безконечная борьба за Кіевъ, въ которой и самъ онъ подвергался разоренію. Все это въ связи съ безпрерывными половецкими набѣгами повело къ ослабленію Кіева и его области уже во 2-й половинѣ XII ст. Въ этой эволюціи можно различать 3 періода. 1) первый—обнималъ вторую половину XI и начало XII вѣка (окончился въ 1132 году смертію Мстислава); это время, когда на кіевскомъ столѣ сидѣли сыновья Ярослава Мудраго — Святославъ и Всеволодъ, внукъ его Владиміръ Мономахъ и правнукъ Мстиславъ; они довольно прочно и долго сидѣли въ Кіевѣ; энергично боролись съ половцами и играли первенствующую роль среди другихъ князей; Кіевъ при нихъ еще игралъ до нѣкоторой степени роль политическаго центра; 2) второй періодъ обнималъ четыре десятилѣтія и закончился разграбленіемъ Кіева ратью Андрея Боголюбскаго; это время—наиболѣе упорной борьбы разныхъ претендентовъ на кіевскій столъ, наиболѣе сильныхъ ихъ домогательствъ, наиболѣе частой смѣны князей, наиболѣе дѣятельнаго участія въ политической жизни населенія; 3) третій періодъ политическаго упадка—захуданіе Кіева; въ южной Руси возвышается Галицкое княжество, а въ сѣверо-восточной — Суздальское, со своимъ новымъ центромъ—Владиміромъ на Клязьмѣ.

Въ борьбѣ князей претендентовъ принимаетъ живое участіе и кіевское вѣче, отталкивая однихъ и притягивая другихъ князей. И это совершенно понятно. Притязанія тѣхъ или иныхъ князей затрогивали жизненные интересы кіевскаго населенія. Конечно, нѣкоторыя столкновенія имѣли свои частныя причины, зависѣли отъ многоразличныхъ политическихъ комбинацій и отношеній Кіева какъ къ ближайшимъ, такъ и къ отдаленнѣйшимъ княжествамъ. Замѣтно здѣсь и вліяніе родовыхъ счетовъ, хотя

факты, сюда относящіеся, свидѣтельствуютъ скорѣе объ упадкѣ, чѣмъ о силѣ и ростѣ родового начала. Присутствіе родовыхъ счетовъ мы открываемъ, между прочимъ, въ борьбѣ дядей съ племянниками. Однимъ словомъ, анализъ политической исторіи Кіевскаго княжества открываетъ намъ тѣ самые элементы общественнаго уклада, о которыхъ намъ говорятъ С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, В. И. Сергѣевичъ и В. О. Ключевскій. Но мы открываемъ ихъ здѣсь въ общемъ совокупномъ движеніи и взаимной, такъ сказать, модификаціи. Вотъ тому доказательства. Первымъ Кіевскимъ княземъ, по смерти Ярослава Мудраго, былъ Изяславъ. Но онъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева вслѣдствіе возмущенія, поднятаго противъ него кіевлянами. Изяславъ нашелъ помощь у Польскаго короля. Сынъ Изяслава казнитъ кіевлянъ. Неудовольствіемъ кіевлянъ пользуется Святославъ и занимаетъ Кіевъ. Изяславъ на этотъ разъ обращается съ просьбою о помощи къ знаменитому папѣ Григорію VII и его противнику Генриху IV. Интересны эти связи Кіевской земли съ тогдашнимъ Западомъ. Изяславъ былъ представленъ Германскому Имп. Генриху IV въ Майнцѣ и поднесъ ему богатые дары изъ сосудовъ и тканей, прося помощи противъ брата Святослава. Императоръ ограничился, однако, только отправленіемъ въ Кіевъ особаго посольства, передъ которыми Святославъ въ свою очередь блеснулъ своими огромными богатствами, а посланные имъ Имп. Генриху дары, состоявшіе изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей, сильно поразили нѣмцевъ. Не получивъ реальной помощи отъ Императора, Изяславъ завелъ сношенія съ духовнымъ владыкою міра—знаменитымъ противникомъ Генриха—Григоріемъ VII-мъ; къ нему онъ отправилъ своего сына, который изъявилъ согласіе получить Кіевъ въ качествѣ лена св. Петра, т.-е. отъ Римскаго Папы. Но все это было напрасно. Изяславъ овладѣлъ Кіевомъ только по смерти Святослава. Сыновья Святослава, за самовольное ихъ занятіе отцомъ Кіева, были устранены теперь отъ отцовскаго наслѣдія. Впрочемъ, они сдѣлали попытку добиться своего, выступили противъ старшихъ князей и во время происшедшей за тѣмъ битвы палъ Изяславъ. Всеволодъ старался завладѣть какъ можно большимъ числомъ сосѣднихъ волостей и этимъ возбудилъ, конечно, неудовольствіе князей другихъ линій. Самъ Всеволодъ не выдѣлялся особеннымъ умѣньемъ управлять Русскою землею и держался въ Кіевѣ, главнымъ образомъ, благодаря популярности сына своего, Владиміра Мономаха, который тогда уже сталъ выдѣлятся изъ среды другихъ князей необыкновенно энергическою дѣятельностью По смерти Всеволода кіевскимъ княземъ сдѣлался сынъ

Изяслава Святополкъ, имѣвшій на этотъ столъ болѣе всѣхъ правъ по родовому старѣйшинству. Владимиръ Мономахъ, не желая вступать въ борьбу съ нимъ, уступилъ ему Кіевъ. Это былъ слабый, безхарактерный, но коварный и корыстолюбивый князь, не любимый народомъ за покровительство соляной монополіи и евреямъ-ростовщикамъ. При немъ получила ожесточенный характеръ борьба младшихъ князей—изгоевъ съ старшими изъ-за вотчинъ. Дѣло закончилось Любечскимъ съѣздомъ 1097 года, на которомъ порѣшили, чтобы каждый владѣлъ своей вотчиной. Но едва окончилось это междоусобіе, какъ началось новое: совершилось темное и мрачное дѣло — ослѣпленіе Василька. По смерти Святополка кіевское вѣче ясно выразило свое неудовольствіе по поводу его управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ свою симпатію Владимиру Мономаху. «*Пойди, княже, Кыеву*,» говорили ему послы, «*аще ли не пойдеши, вѣси, яко много зла удвигается*». Владимиръ Мономахъ является однимъ изъ популярнѣйшихъ князей этой эпохи. Ему на нѣкоторое время удается поднять значеніе Кіевскаго князя среди остальныхъ князей. Мономахъ лучше другихъ понялъ обязанности Кіевскаго князя; онъ чаще всѣхъ ходитъ на половцевъ; его удачные походы пріобрѣли ему славу «добраго страдальца за Русскую землю». Къ своимъ походамъ онъ умѣетъ привлечь чуть ли не всѣхъ тогдашнихъ князей и въ томъ числѣ даже нерѣшительнаго Святополка. Не довольствуясь оборонительной войной, онъ предпринимаетъ рядъ наступательныхъ походовъ въ глубь Половецкой земли. Кромѣ того, Мономахъ выполнилъ блистательно и другую функцію велико-княжеской власти:—«не сдаваться на тіуновъ, а самому давать судъ». Прочтите его поученіе къ дѣтямъ и передъ вами рельефно выступитъ эта отличительная черта его внутренней дѣятельности. Если мы примемъ все это во вниманіе, то для насъ станетъ ясна характеристика, которую даетъ ему лѣтописецъ: мы поймемъ, почему такъ много теряли въ сравненіи съ нимъ Ольговичи, которые дружили съ «погаными» и наводили ихъ на землю русскую. Вообще, княженіе Мономаха въ Кіевѣ знаменуетъ собою высшую степень политическаго могущества Кіевской земли. Данныя для характеристики Мономаха мы находимъ въ его поученіи. Вотъ для образчика картинка, рисующая намъ одинъ изъ многочисленныхъ походовъ Мономаха на половцевъ (1103 г.). Началъ Мономахъ приглашать князей на половцевъ. Рѣшено было сообща подумать объ этомъ. Собрались всѣ у Долобскаго озера въ одномъ шатрѣ. Святополкъ сидѣлъ со своею дружиной, Мономахъ со своей. Всѣ молчали. Владимиръ первый прервалъ молчаніе, обратившись къ Святополку съ

такими словами: «Братъ! ты старшій: начни говорить, какъ промыслить о Русской землѣ». А Святополкъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, начни ты!» Мономахъ сказалъ: «Что мнѣ говорить, когда и твоя и моя дружина возражаютъ мнѣ, будто я хочу погубить смердовъ. Удивительно мнѣ, братья, что вы жалѣете смердовъ и ихъ коней, а о томъ и не думаете, что выѣдетъ весною орать со своею лошадью смердъ и наскочитъ половчанинъ, ударитъ смерда стрѣлой и возьметъ его лошадь, а потомъ и жену и дѣтей и гумно зажжетъ, что же вы объ этомъ не подумаете? Или вамъ лошади жаль, о смерда не жаль?» Никто не могъ опровергнуть Владиміра. Походъ оказался чрезвычайно удачнымъ: русскіе взяли въ половецкихъ вѣжахъ множество добычи, отбили невольниковъ и со славою возвратились назадъ. Мономахъ старался также упорядочить вопросъ о процентахъ, чѣмъ снискалъ себѣ еще болѣе расположенія кіевлянъ. Преемниками Владиміра Мономаха на кіевскомъ столѣ были два его сына — Мстиславъ и Ярополкъ, послѣдовательно занимавшіе Кіевъ. Мстиславъ съ честью поддерживалъ еще политику своего отца, но Ярополкъ отличался слабостью характера и не могъ нести знамени Мономаха. Преемникомъ его былъ представитель черниговскаго рода Святославичей — Всеволодъ Ольговичъ. Его положеніе было довольно затруднительно: съ одной стороны, противъ него выступилъ энергическій внукъ Мономаха—Изяславъ, а съ другой—имъ были недовольны и собственные его родичи. Мѣсто Всеволода Ольговича долженъ былъ занять его братъ Игорь, которому и присягнули кіевляне по настоянію Всеволода, но эта клятва оказалась вынужденною. Игорь по смерти брата былъ разбитъ Изяславомъ, завязъ въ болотѣ и взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ усѣлся Изяславъ, прикрывающійся, впрочемъ, старшинствомъ слабаго и бездѣятельнаго дяди своего Вячеслава. Но несмотря на это, противъ него выступилъ сильный противникъ въ лицѣ его родного дяди Суздальскаго князя Юрія Долгорукова. Два раза Изяславу приходилось уступить Кіевъ Юрію, который пользовался помощью Галицкаго князя Володимирка. Борьба Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ и Мстислава Изяславича съ Андреемъ Боголюбскимъ изъ-за Кіева извѣстна подъ именемъ борьбы дядей съ племянниками. Кіевъ переходилъ въ это время изъ рукъ въ руки; его достоинство и значеніе все болѣе и болѣе падали и смертельный ударъ, наконецъ, ему былъ нанесенъ Андреемъ Боголюбскимъ, рать котораго въ 1169 году взяла его приступомъ и разграбила [1].

---

[1]) „И грабиша за два дня весь градъ: Подолье и Гору, и монастыри, и Софію, и Десятиньную Богородицу и не бысть помилованья никому же... И взяша

Дальнѣйшая политическая исторія Кіева уже не представляетъ интереса — онъ переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія; самая земля Кіевская дробится и политически слабѣетъ. Политическое паденіе Кіева объясняется, съ одной стороны, географическими, а съ другой — политическими условіями: онъ находится слишкомъ близко отъ южной границы Русскаго государства и былъ открытъ для движенія кочевыхъ ордъ; съ другой стороны, по старинной традиціи, онъ долго служилъ притягательнымъ центромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ яблокомъ раздора для множества князей—искателей. И вотъ, въ то время, когда въ сосѣднихъ княжествахъ усѣлись тѣ или другія княжескія вѣтви, въ Кіевѣ, не удалось даже утвердится Мономаховичамъ, несмотря на все расположеніе къ нимъ мѣстнаго населенія. Въ Кіевѣ, такимъ образомъ, повторилось то явленіе, которое мы наблюдаемъ въ Новгородѣ — частая, постоянная смѣна князей, но разница въ томъ, что въ Новгородѣ князья призывались вѣчемъ, которое указывало имъ путь отъ себя, а Кіевъ князья старались завоевать силою.

Отмѣтимъ теперь нѣкоторыя наиболѣе характерныя особенности внутренняго строя Кіевской земли. Древлянская земля все болѣе и болѣе ассимилировалась съ Кіевской и превратилась въ ея простую волость. Кіевской землѣ пришлось также вводить въ составъ своей области и внутренне спаивать съ собою инородческіе тюркскіе элементы, поселенные въ Поросьѣ и долженствовавшіе служить оплотомъ противъ ихъ дикихъ сородичей—половцевъ. Руководящая роль въ политической дѣятельности принадлежала княжеской власти, но она не могла окрѣпнуть, потому что въ области не осѣла одна излюбленная княжеская вѣтвь. Характерно, что даже титулъ великаго князя, на который безспорно имѣли право всѣ кіевскіе князья, усвояется ими не всегда. Личность князя имѣла большое значеніе и опредѣляла степень его авторитета. Среди кіевскихъ князей въ первую эпоху было нѣсколько выдѣляющихся дѣятелей (Мономахъ, Мстиславъ), которые поддерживали еще традицію первыхъ кіевскихъ князей о томъ, что «Кіевъ — то есть старѣйшій градъ въ земли во всей», и кіевскій столъ старѣйшій среди остальныхъ; но во 2-ю половину XII в. въ разгаръ борьбы за Кіевъ уже не думали о господствѣ; приходилось считаться съ населеніемъ заключать съ нимъ «ряды» — договоры, — и подчиняться его

имѣнья множество и церкви обнажиша иконами и книгами и колоколы изнесоша всѣ и вся святыня взята бысть". Другой разъ разграбленъ былъ Кіевъ въ 1203 году, Рюрикомъ Ростиславичемъ, при чемъ взяли даже „порты блаженныхъ первыхъ князей".

требованіямъ. Это, конечно, придавало силу и значеніе Кіевскому вѣчу. Важнѣйшею функціею его сдѣлалась право призванія князя, которое, конечно, могло развиться только на почвѣ постоянной конкурренціи между претендентами изъ-за кіевскаго стола. До начала XIII ст. было около 40 смѣнъ князей, при чемъ вѣче принимало нѣкоторое участіе въ смѣнѣ князей 14 разъ, а само непосредственно посадило князя 3 или 4 раза; заключило «рядъ» 4 раза. Въ другихъ случаяхъ дѣйствовали иныя основанія, о которыхъ мы говорили выше. Одинъ разъ реакція противъ нежелательнаго князя Игоря Ольговича окончилась его убійствомъ. Несмотря на то, что вѣче имѣло вліяніе на многія важнѣйшія стороны государственной жизни, все же его сила заключалась, главнымъ образомъ, въ поддержкѣ княжеской власти и контролѣ надъ нею, а не въ постоянной дѣятельности; вѣче и въ Кіевѣ было только коррективомъ княжескаго управленія; собиралось вѣче на площади у св. Софіи, на Ярославовомъ дворѣ, на Угорскомъ и на Торговищѣ. Пригороды не претендовали на самостоятельную вѣчевую жизнь, и это объясняется близостью ихъ къ Кіеву и блескомъ этого послѣдняго. Составъ кіевскихъ дружинъ былъ очень пестрый и чрезвычайно разнообразный: здѣсь были и туземцы, и пришлые дружинники, приводимые князьями-искателями и много инородцевъ, но все же нѣкоторые изъ старшихъ дружинниковъ-бояръ, благодаря богатству своему, пріобрѣли здѣсь имѣнія; встрѣчается и преемственность высшихъ должностей, напримѣръ, тысяцкаго. Составъ населенія въ Кіевской землѣ былъ такой же, какъ и въ другихъ земляхъ; нѣтъ доказательствъ, чтобы здѣсь особенно сильно было рабовладѣніе, и чтобы оно, главнымъ образомъ, повело къ паденію Кіевской земли и, вообще, южной Руси, какъ это утверждаетъ В. О. Ключевскій. Населеніе Кіевской земли широко развило промышленно-торговые интересы и на этомъ твердомъ основаніи базировалось его матеріальное благосостояніе. Кіевская земля по богатству естественныхъ произведеній, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, по географическому положенію своему у Днѣпра, служившаго главною водною артеріею, предоставляла одинъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ въ древней Руси. О широкомъ развитіи торговли въ г. Кіевѣ—какъ мѣстной, такъ и иностранной—свидѣтельствуютъ многочисленные факты, при чемъ первоначально онъ являлся, главнымъ образомъ, только торговымъ посредникомъ; но въ областный періодъ въ немъ развилась и собственная промышленность, позаимствовавшая немало въ области техники и искусства отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, напримѣръ, — грековъ. Арабская торговля, которою

прежде славился Кіевъ къ концу XI в. падаетъ; торговыя связи съ Византіей въ областной періодъ также нѣсколько ослабѣваютъ: ей препятствовали, конечно, и половцы. Но зато усиливается товарообмѣнъ съ Западной Европой и съ своими же древне-русскими княжествами. Трудно сказать, однако, насколько эта западная торговля компенсировала восточную. Какъ бы то ни было въ рукахъ князей, бояръ, монастырей, церквей накоплялись значительныя богатства. О богатствѣ кіевлянъ свидѣтельствуютъ и многочисленныя находки кладовъ, состоящихъ изъ различныхъ драгоцѣнностей, художественныхъ издѣлій, украшеній и иностранныхъ монетъ. (Найдено 2 клада, содержавшихъ болѣе 2000 арабскихъ диргемовъ каждый). Но это были богатства экономически сильныхъ. О благосостояніи же народной массы трудно говорить по отсутствію данныхъ. Можно только догадываться, что условія народнаго достатка болѣе благопріятно складывались въ коренной области полянъ на юго-востокѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь именно народный трудъ встрѣчалъ наиболѣе серьезныя препятствія, чтобы пользоваться своими плодами: это были княжескія междоусобія борьба за кіевскій столъ и половецкія нашествія. Высказано было мнѣніе, будто бы княжескія войны не нарушали благосостоянія населенія, но оно стоитъ въ противорѣчіи со многими фактами, въ томъ числѣ и тѣми, которые относятся къ Кіеву. Много способствовали ослабленію Кіева и его земли также половецкія нападенія. Населеніе южной Кіевщины было подвержено приливамъ и отливамъ, ему жилось, можетъ-быть, сытно и привольно, но неспокойно, въ противоположность населенію Полѣсья, которое пользовалось несравненно большею безопасностью, а слѣдовательно, и охраною своего труда. Имѣлъ огромное значеніе тотъ фактъ, что христіанство было принято въ Кіевѣ. Кіевъ сдѣлался религіознымъ центромъ всей Руси. Въ немъ одномъ только образовалась митрополія. Въ него ранѣе всего и въ наибольшей степени проникла тѣсно связанная съ христіанствомъ византійская культура и образованность. Сдѣлавшись въ Кіевѣ государственною религіей, христіанство отсюда распространилось повсюду. Кіевъ славился обиліемъ храмовъ и монастырей. Въ Кіевской землѣ было 18 монастырей. Одинъ изъ нихъ—Кіево-Печерскій — пріобрѣлъ центральное значеніе во всей Руси и этимъ возвысилъ Кіевъ, который, переставъ быть центромъ политическимъ, все же оставался еще центромъ религіознымъ. Наконецъ, Кіевъ сдѣлался также и центромъ просвѣщенія. Кіевскіе проповѣдники особенно энергично выступали съ нравственно христіанскою проповѣдью, оказывавшею вліяніе на общество. Духовенство кіевское, — осо-

бенно черное, оказывало большое вліяніе на князей и вообще на тогдашнюю жизнь, не исключая и сферы юридическихъ отношеній, благодаря церковнымъ уставамъ. Однимъ словомъ, Кіевская земля заняла центральное мѣсто среди остальныхъ въ сферѣ умственной и нравственной культуры. Но, повидимому, эта культура, расцвѣтая пышнымъ цвѣтомъ въ XI ст., въ XII-мъ уже не развивалась такъ интенсивно, а въ XIII стала глохнуть не безъ вліянія паденія политическаго значенія Кіева и экономическихъ факторовъ, вызванныхъ междоусобіями князей и сосѣдствомъ съ половецкою степью. Окончательный ударъ нанесло ей монголо-татарское завоеваніе.

Исторія Чернигово-Сѣверской земли. Въ составъ Чернигово-Сѣверской земли вошли области сѣверянъ (бассейнъ верхней Десны и Сулы), радимичей (бассейнъ Сожи) и вятичей (бассейнъ верхней Оки). Въ этнографическомъ отношеніи эти три племени замѣтно разнились другъ отъ друга: сѣверяне впослѣдствіи вошли въ составъ малорусской народности, радимичи — бѣлорусской, а вятичи — великорусской. Объединились эти племена на почвѣ политической и отчасти географической. Въ половинѣ XI вѣка Чернигово-Сѣверская земля обособляется въ потомствѣ Святослава, сына Ярослава. Вначалѣ, впрочемъ, среди старшихъ князей явилась попытка лишить Святославичей ихъ наслѣдственной вотчины, но благодаря энергіи и храбрости Святославичей имъ удается сохранить свою Сѣверщину. На Любечскомъ съѣздѣ, какъ извѣстно, права ихъ были признаны. Утвердившись въ Чернигово-Сѣверской землѣ, потомки Святослава Черниговскаго нерѣдко потомъ предпринимали движеніе и на Кіевъ и, какъ показываетъ исторія Кіевскаго княжества, небезуспѣшно. Это подало поводъ С. М. Соловьеву видѣть въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всею Русскою землею со стороны всего потомства Владимира Святого. Но это едва ли вѣрно, потому что Святославичи сами никогда не допускали постороннихъ князей въ свою землю, а въ Кіевъ они стремились потому же, почему туда являлись энергичные представители и другихъ родовъ, — потому что тамъ не удалось утвердиться ни одной княжеской вѣтви, а между тѣмъ Черниговъ былъ очень близокъ къ Кіеву: естественно, что изъ ближайшаго княжества и вышло болѣе значительное число претендентовъ. Къ этому впослѣдствіи присоединилась еще одна причина. Въ самой Чернигово-Сѣверской землѣ родъ Святослава разросся до такой степени, что владѣнія князей сильно измельчали; для нихъ, такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость искать волостей на сторонѣ, — то въ Кіевѣ, то въ Галицкой землѣ, то

въ Новгородѣ Великомъ. Черниговo-Сѣверское вѣче постоянно поддерживало свою излюбленную княжескую вѣтвь въ тѣхъ случаяхъ, когда она вела оборонительную войну, а въ случаѣ наступательной борьбы Святославичи должны были уже дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ. Христіанство въ Чернигово-Сѣверской землѣ распространилось раньше, чѣмъ гдѣ-либо, и отсюда же вышли и знаменитые подвижники Антоній и Θеодосій, и, быть-можетъ, Даніилъ Паломникъ. Здѣсь очень рано была учреждена самостоятельная епархія Черниговская, а къ ней вскорѣ присоединилась и вторая—Переяславская. Чернигово-Сѣверская земля славилась своими монастырями и храмами, остатки коихъ дошли до насъ и являются важными памятниками древне-русской архитектуры. Главную церковную святыню Чернигова составлялъ сохранившійся донынѣ Спасо-Преображенскій соборъ: онъ древнѣе Кіевской и Новгородской Софіи. Онъ представляетъ изъ себя усыпальницу черниговскихъ князей. Кромѣ Спасо-Преображенскаго Собора въ Черниговѣ было и нѣсколько другихъ храмовъ, построенныхъ тогдашними князьями, а въ ближайшихъ окрестностяхъ находился Елецкій монастырь. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ былъ соборный храмъ и подлѣ города Спасо-Преображенскій монастырь. Въ Путивлѣ — храмъ Вознесенія съ богатою церковною утварью, серебряными сосудами, шитыми золотомъ коврами. Въ Острѣ былъ каменный храмъ, о которомъ свидѣтельствуютъ его нынѣшнія развалины. Въ Переяславлѣ было нѣсколько храмовъ; изъ нихъ выдѣлялся одинъ (Михаила), дивно украшенный снаружи и внутри; въ окрестностяхъ города были монастыри. Несчастному походу одного изъ сѣверскихъ князей — Игоря Святославича посвящено одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній древне-русской письменности—«Слово о полку Игоревѣ». Правдоподобно поэтому, что авторъ его былъ уроженецъ Черниговской области. Мѣстная чернигово-сѣверская лѣтопись до насъ не дошла, но отрывки изъ нея, какъ кажется, сохранились и въ южныхъ сѣверныхъ изборникахъ. Чернигово-сѣверскіе князья славились своею любовью ихъ просвѣщенію; таковъ былъ Святославъ, которому посвященъ знаменитый «Изборникъ»; среди переяславскихъ епископовъ былъ извѣстный монахъ Іаковъ. По обилію естественныхъ произведеній Чернигово-Сѣверская область была одна изъ богатѣйшихъ; особенно выдѣлялось въ этомъ отношеніи Новгородъ-Сѣверское княжество. Черниговосѣверскіе князья отличались большими богатствами. У Новгородъ-сѣверскихъ князей были огромные запасы хлѣба, меда, вина;были большіе табуны скота, много слугъ-работниковъ, на тучномъ черноземѣ процвѣтало

земледѣліе. Черниговъ, Любечъ и Переяславль принимали видное участіе въ торговлѣ съ Византіей. Даже пограничный Курскъ посылалъ обозы съ товарами въ Кіевъ. О развитіи торговой дѣятельности свидѣтельствуютъ серебряные слитки или такъ называемыя гривны особаго черниговскаго типа и кладъ русскихъ монетъ въ Нѣжинѣ.

Исторія Галицкаго княжества. Политическая исторія Галича дѣлится на два період*а*: *первый періодъ*—Галичъ подъ управленіемъ Ростиславичей—до 1187 года; *второй*—Галичъ подъ управленіемъ Даніила Романовича. На Любечскомъ съѣздѣ, какъ извѣстно, князья порѣшили, чтобы каждый держалъ свою вотчину. Такимъ образомъ Володарю Ростиславичу достался Перемышль, а Васильку Теребовль. Извѣстно событіе, послѣдовавшее за Любечскимъ съѣздомъ—ослѣпленіе Василька. Оно объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Давидъ Игоревичъ, имѣвшій удѣлъ на Волыни, боялся своихъ энергическихъ сосѣдей—въ особенности Василька. Витичевскій съѣздъ не вполнѣ возстановилъ нарушенныя права братьевъ, но они высказали такую рѣшимость защищать свою вотчину, что старшіе князья должны были взять свое рѣшеніе назадъ. При преемникахъ Ростислава Галицкое княжество усилилось и начало играть важную роль въ судьбахъ всей Русской земли. Помимо всего прочаго на развитіе политическаго могущества Галича вліяло то обстоятельство, что первыми его обладателями явились чрезвычайно энергичные князья. Таковъ былъ преемникъ Ростиславичей — Владимирко. Это чрезвычайно своеобразная личность, весьма способный, но совершенно непохожій на прямодушныхъ Ростиславичей. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не брезгалъ никакими средствами; такъ, поцѣловавши однажды крестъ и пообѣщавши Изяславу возвратить отнятые у него города, онъ и не думалъ исполнять своего обѣщанія и даже сталъ подсмѣиваться надъ вѣрою въ силу крестнаго цѣлованія. Когда бояринъ Изяслава напомнилъ ему, что онъ цѣловалъ крестъ, то на это замѣтилъ: «сій ли крестецъ малый?» Въ другой разъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ притворился больнымъ, пустилъ въ ходъ подкупъ, и такимъ образомъ избавился отъ грозившей ему опасности. Вся его жизнь была посвящена политической дѣятельности, и эта послѣдняя имѣла только одну цѣль—усиленіе Галицкаго княжества. Для достиженія этой цѣли онъ входитъ въ сношеніе съ болѣе отдаленными слабыми князьями (сначала черниговскими, а потомъ ростово-суздальскими) противъ болѣе близкихъ и болѣе сильныхъ кіевскихъ князей. Противъ венгровъ онъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ византійскаго

императора. У себя дома онъ долженъ былъ вести борьбу съ Иваномъ Берладникомъ, владѣвшимъ городомъ Берладью. Иванъ Берладникъ, повидимому, былъ очень популяренъ среди простого народа и съ этой стороны былъ опаснымъ противникомъ Владимирка. Такъ, однажды во время отсутствія Владимирка, граждане его стольнаго города Галича пригласили къ себѣ Ивана Берладника. Тотъ явился, но не могъ отстоять города отъ Владимирка. Впослѣдствіи онъ лишился своего удѣла въ Галичинѣ и переходилъ изъ одного княжества въ другое съ дружиною своихъ берладниковъ. Преемникомъ Владимирка былъ сынъ его Ярославъ Осмомыслъ. Онъ самъ никогда не ходилъ на войну, а посылалъ своихъ воеводъ, заботился о расширеніи торговли, ремеслъ и образованія. Съ этой цѣлью онъ призывалъ иностранныхъ ремесленниковъ и строилъ новые города. И самъ онъ былъ очень образованъ: зналъ нѣсколько языковъ. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» обращается со слѣдующимъ къ нему воззваніемъ: «Галичскій Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскіи своими желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворилъ Дунаю ворота... суды рядя до Дуная; грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола Салтана за землями». Но несмотря на могущество, ему приходилось считаться съ усиливающимися все болѣе и болѣе боярами. Подавленный въ Галиціи земскій вѣчевой элементъ тщетно пытается выдвинуть Ивана Берладника и сдѣлать его представителемъ своихъ интересовъ. Ярославъ требовалъ выдачи его, а затѣмъ побѣдилъ и у себя въ Галицкомъ княжествѣ. Теперь дружинный элементъ, съ устраненіемъ претендента земскихъ людей, еще болѣе поднялъ голову. Ярославъ былъ женатъ на дочери Юрія Долгорукаго, но жилъ съ нею не въ ладахъ и приблизилъ къ себѣ женщину изъ простого класса по имени Анастасію. Эта послѣдняя была сожжена на кострѣ, а князь по требованію бояръ снова долженъ былъ взять къ себѣ законную жену. Усиленіе дружиннаго элемента объясняется, главнымъ образомъ, малочисленностью княжеской семьи. Въ Галичѣ не было смѣны князей, столь обычной въ другихъ княжествахъ. Вотъ почему бояре были намѣстниками князя не только во второстепенныхъ, но и въ главныхъ городахъ. А благодаря этому они упрочили свое вліяніе на мѣстахъ, являясь тамъ часто наслѣдственными правителями, скорѣе въ качествѣ земскихъ, нежели княжихъ мужей. Тамъ они имѣли и свои земельныя владѣнія. Оказало свое вліяніе на развитіе политическаго значенія боярства и сосѣдство Венгріи и Польши съ ихъ аристократи-

ческимъ боярскимъ элементомъ; дѣйствовали противъ князей въ защиту своихъ привиллегій бояре единодушно. Великій князь Ярославъ, умирая, завѣщалъ стольный городъ своему незаконному сыну (отъ Анастасіи), но это завѣщаніе скоро было нарушено. Впрочемъ, и законный сынъ Ярослава не долго удержался въ Галичѣ. Происходитъ цѣлый рядъ столкновеній, выступаютъ на сцену сосѣди венгры и поляки и только въ концѣ-концовъ сынъ Ярослава Владиміръ вернулъ свою вотчину. Но съ его смертью прекратилась линія Ростиславичей и этимъ воспользовался волынскій князь Романъ. Галичъ, такимъ образомъ, соединился съ Волынью подъ властью одного князя и оба княжества черезъ это слились. Неудивительно, что Романъ является наиболѣе могущественнымъ изъ князей своего времени: византійскій императоръ проситъ у него помощи противъ половцевъ, папа обѣщалъ ему королевскій вѣнецъ, лѣтопись называетъ его самодержецъ всей Руси. Но и при немъ боярство галицкое боролось за свои политическія права, а послѣ его смерти наступаютъ смуты, закончившіяся только въ 1235 г. съ вокняженіемъ его знаменитаго сына Даніила Романовича. Лѣтописецъ ярко описываетъ тяжелое время для сыновей Романа, наступившее вслѣдъ за его смертью: «эти безчисленныя рати и великіе труды, и частыя возстанія и многія крамолы, измлада бо не бы има покоя». Въ это время притязанія бояръ достигли наиболѣе значительныхъ размѣровъ. Случился фактъ, единственный во всей русской исторіи: галицкіе бояре предали смертной казни черниговскихъ князей, явившихся сюда для занятія княжескихъ столовъ. Одно время великокняжскій столъ занималъ бояринъ Володиславъ, чего опять-таки ни раньше, ни позже не было въ Русской землѣ. Княженіе Даніила Романовича составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи Галицкой земли. На сѣверѣ онъ покорилъ Пинскія княжества. Его попытка сломить литовское могущество не привела къ ожидаемымъ результатамъ, хотя литовскій князь Миндовгъ долженъ былъ уступить ему понѣманскіе города. На востокѣ Даніилъ вступаетъ въ борьбу съ болоховскими князьями. Изъ политическихъ событій въ княженіе Даніила на первомъ планѣ должно поставить отношеніе его къ татарамъ. Гроза татарскаго нашествія пронеслась и надъ Галичемъ, и причинила здѣсь большія опустошенія. Страна подвергалась разоренію. Но зависимость отъ татаръ не была столь значительна, какъ въ другихъ княжествахъ, потому что за Даніила все же стояла возможность помощи со стороны Запада и татары учитывали это обстоятельство. Попытка низвергнуть татарское иго Даніилу не удалась. Ему приходилось разрушать укрѣп-

ленія собственныхъ городовъ, но все же она имѣла моральное значеніе.

Внутренняя дѣятельность Даніила была направлена на заботы о заселеніи края, построеніе городовъ, развитіе ремеслъ, промысловъ, торговли. Опустошенія литовцевъ, и въ особенности татаръ, правда, были очень чувствительны; но населеніе спасалось при этомъ въ горы, а затѣмъ, по минованіи опасности, снова возвращалось въ свои жилища. Но независимо отъ этого стараго населенія Даніилъ призывалъ сюда и новое. Къ нему стекались привлекаемые сравнительною безопасностью и другими выгодами поляки, нѣмцы, татары, черниговскіе бояры, рязанскіе князья. Въ связи съ этимъ стояло построеніе новыхъ городовъ. Лѣтопись говоритъ, что Даніилъ построилъ много городовъ, но намъ по имени извѣстны весьма немногіе. На первомъ планѣ нужно поставить Холмъ, о которомъ очень подробно разсказываетъ лѣтопись. Построенные города не были только военными поселеніями, наоборотъ, въ нихъ процвѣтали ремесла и торговля. „*Нача призывати* (въ Холмъ),—говоритъ лѣтопись,—*прихожи, нѣмцы и Русь, иноязычники и ляхи; идяху день и во-день и у ноши и мастерь всяціи бѣжаху, изъ татаръ сѣдѣльницы и лучницы, и тульницы, и кузнецы желѣза, и мѣди, и серебру; и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ города, поля и села*". Явились и собственные мастера, мѣстные художники, въ родѣ, напр., того Авдія, который украсилъ знаменитый храмъ, созданный Даніиломъ.

Культура тогдашней Галичины носила западно-европейскій характеръ и была не ниже ея. Съ западомъ Галичъ имѣлъ постоянныя связи—политическія, церковныя и культурныя. Самъ Даніилъ былъ воспитанъ на Западѣ и смотрѣлъ на поляковъ и венгерцевъ, какъ на близкихъ ему христіанъ. Вотъ почему онъ и согласился было признать надъ собою власть папы. Сынъ Даніила Романъ получилъ было на время австрійскій герцогскій престолъ, т.-е. вошелъ въ семью западно-европейскихъ государей, женившись на наслѣдницѣ этого престола Гертрудѣ. Галицкіе князья не рѣдко ѣздили за границу: Даніилъ присутствовалъ при коронованіи венгерскаго короля Бэлы, былъ на свадьбѣ его младшаго сына. Въ полякахъ и европейскихъ народахъ Галичане видѣли родственное себѣ населеніе: «время христіанамъ ополчатися на поганыхъ», говоритъ Даніилъ, приглашая польскихъ князей противъ литовцевъ. Съ другой стороны, западъ зналъ Даніила лучше, чѣмъ другого какого-нибудь русскаго князя, ибо помимо всего прочаго онъ получилъ королевскую корону изъ рукъ римскаго первосвященника. Связанъ былъ Галичъ

и съ Византіей — торговыми интересами и политическими. Еще Владимирко и Ярославъ Осмомыслъ были въ сношеніяхъ съ Эммануиломъ Комненомъ. Ярославъ принялъ бѣжавшаго къ нему изъ Византіи изъ заточенія племянника императора Андроника и предоставилъ ему въ управленіе нѣсколько городовъ, а затѣмъ, когда тотъ примирился со своимъ дядею, отпустилъ съ нимъ своего епископа и бояръ. Романъ защитилъ Византію отъ половцевъ послѣ взятія Царьграда крестоносцами. Византійскій императоръ спасся бѣгствомъ въ Галичъ. Наконецъ, и галицкое боярство при Даніилѣ должно было смириться. Въ малолѣтство Даніила и Василька оно, можно сказать, держало въ своихъ рукахъ управленіе всею страной. Стремясь къ ограниченію княжеской власти, оно не поддерживало Даніила и Василька, имѣвшихъ законное право на Галицко-Волынское княжество, а старалось отдать столы такимъ претендентамъ, которые согласны были купить ихъ путемъ извѣстныхъ уступокъ въ пользу бояръ. Неудивительно, что, занявъ послѣ долгихъ усилій великокняжескій столъ, Даніилъ не потворствовалъ ихъ властолюбивымъ замысламъ и напоминалъ этимъ своего отца.

Исторія Волынскаго княжества. Волынская область самымъ тѣснымъ образомъ связана съ Галицкою и въ политическомъ, и въ географическомъ, и даже въ этнографическомъ отношеніяхъ. Первымъ Волынскимъ княземъ является Давидъ Игоревичъ, извѣстный виновникъ ослѣпленія Василька, желавшій объединить всю Волынскую землю подъ своей властью и присоединить къ своему княжеству городъ Теребовль, находившійся на территоріи волынянъ. Вотъ гдѣ собственно лежитъ основная пружина того событія, которое извѣстно подъ именемъ ослѣпленія Василька. Обособленіе Волынскаго кн. отъ Кіевскаго относится ко 2-й половинѣ XII столѣтія, и тогда центральное значеніе въ немъ начинаетъ играть г. Владиміръ. Такъ дѣло продолжалось до самаго Романа, которому, какъ извѣстно, удалось объединить подъ своею властью Волынь и Галичъ и сдѣлаться самымъ могущественнымъ княземъ того времени. Къ несчастью, онъ умеръ, когда дѣти и наслѣдники его не достигли совершеннолѣтія. Впрочемъ, на Волыни дружинно-боярское сословіе не получило такого значенія, какимъ пользовалось въ Галичѣ, и не задушило вѣчевого элемента. Этотъ послѣдній не разъ проявлялъ себя во время боярскихъ смутъ и борьбы различныхъ претендентовъ за Галичъ. Волынскія городскія общины постоянно оказываютъ Ростиславичамъ поддержку и принимаютъ ихъ на княженіе. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы сынъ Романа

Василько усѣлся во Владимиро-Волынскомъ княжествѣ. При немъ и его сынѣ Волынская земля раздвинула свои сѣверныя границы на счетъ ятвяжской территоріи. Наступательное движеніе на ятвяговъ было начато еще при Романѣ, относительно котораго сложилась поговорка: «Романе, худымъ живеше: литьвою ореши».

Исторія Болоховской земли. Кто были загадочные Болоховскіе князья? Одни признаютъ ихъ потомками черниговово-сѣверскихъ Игоревичей, княжившихъ нѣкоторое время въ Галичѣ и затѣмъ оттуда изгнанныхъ, проф. Н. П. Дашкевичъ считаетъ ихъ непринадлежащими къ дому Владимира Святого, выборными туземными владыками. Нужно сознаться, что второе мнѣніе имѣетъ за себя болѣе данныхъ, чѣмъ первое. Въ пользу перваго мнѣнія говоритъ только частый, но не постоянный союзъ болоховскихъ князей съ черниговскими, но союзъ этотъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что болоховцы надѣялись найти для себя опору противъ притязаній Даніила у его постоянныхъ враговъ— Игоревичей. Однако они не были въ союзѣ съ Галицкими боярами, поддерживавшими Игоревичей. Приводятъ, правда, еще одно доказательство, что черниговскіе князья называли болоховскихъ своей братіей, но такой эпитетъ давали другъ другу и не родственные князья, и даже обращались съ этимъ эпитетомъ князья къ дружинникамъ. Съ другой стороны, лѣтопись никогда не называетъ болоховскихъ князей (и только ихъ однихъ) по именамъ и не ставитъ ихъ въ родство съ потомками Владимира Святого. Обыкновенно они фигурируютъ въ лѣтописи подъ общимъ именемъ «князи болоховскіе». Земля эта, повидимому, представляла изъ себя союзъ городскихъ общинъ, потому что центральнаго пункта мы въ ней не находимъ. Иногда лѣтопись вовсе не упоминаетъ даже о князьяхъ, а приписываетъ то или другое дѣйствіе самимъ болоховскимъ городамъ. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о значительномъ развитіи тамъ вѣчевого элемента. Болоховская земля сразу признала свою зависимость отъ татаръ, обязалась доставлять имъ опредѣленную дань—извѣстное количество проса и пшеницы—и за это получила право устраивать по своему желанію внутреннія отношенія. Подобнымъ образомъ дѣйствій Болоховская земля сразу поставила себя во враждебныя отношенія къ галицкому князю.

Исторія Полоцкаго княжества. Полоцкое княжество заняло часть территоріи кривичей. Обособленіе Полоцкаго княжества началось очень рано — еще при Владимирѣ Святомъ, взявшемъ себѣ въ жены дочь полоцкаго князя Рогвольда и предоставившаго полоцкій столъ сыну отъ Рогнѣды Изяславу. Съ тѣхъ поръ все время

въ Полоцкѣ княжило потомство Изяслава, хотя кіевскіе князья одинъ разъ и успѣли перехватать полоцкихъ, заточить ихъ и на ихъ мѣсто посадить своихъ сыновей и посадниковъ. Впослѣдствіи княжескій родъ Изяслава значительно разросся, явилось соперничество его представителей изъ-за волостей. Князья должны были искать опоры въ сосѣднихъ областяхъ или у мѣстныхъ городскихъ общинъ и все это имѣло печальные результаты для мѣстной княжеской фамиліи. Сосѣди, если и оказывали помощь, то не безкорыстно и старались о распространеніи здѣсь своего вліянія. Городскія вѣча также усиливали свое значеніе. Неудивительно, поэтому, что одна часть Полоцкаго княжества тяготѣла къ Смоленску, а другая къ Литвѣ. Пользуясь борьбою княжеской и вѣчевой власти въ Полоцкѣ, литовцы мало-по-малу начинают брать верхъ надъ полочанами.

Исторія Смоленскаго княжества. До половины XII в. Смоленское княжество переходило отъ однихъ князей къ другимъ, но съ половины XII в. тамъ утвердилась мѣстная княжеская вѣтвь — Смоленскіе Ростиславичи. Ростиславъ является истиннымъ основателемъ могущества своего княжества. Онъ устроилъ особую епископію для Смоленской земли и въ пользу ея опредѣлилъ, на основаніи особой уставной грамоты 1150 г., десятину со всѣхъ своихъ княжескихъ волостей. Эта грамота имѣетъ для насъ очень важное значеніе, раскрывая передъ нами систему княжескихъ налоговъ. Нѣкоторые изъ этихъ налоговъ заранѣе точно опредѣлялись; размѣръ другихъ, наоборотъ, не могъ быть точно обозначенъ, напр., таможенныя и торговыя пошлины. Способы собиранія даней были различны: иногда они собирались непосредственно княжескими чиновниками, иногда отдавались на откупъ частнымъ лицамъ, а иногда самой общинѣ, которая дѣлала и разверстку ихъ между своими членами. Каждый тогда уплачивалъ налогъ сообразно со своими доходами. Но и смоленскіе Ростиславичи съ теченіемъ времени размножились и по необходимости стали искать себѣ волостей на сторонѣ, главнымъ образомъ, въ Кіевской землѣ. Смоленское княжество было окружено сильными русскими владѣніями и вслѣдствіе этого не могло расширять своихъ владѣній на ихъ счетъ. Что касается до князей, сидѣвшихъ въ своихъ смоленскихъ вотчинахъ, то имъ приходилось постоянно вести борьбу съ мѣстными вѣчами. Вѣче, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, получило здѣсь значительное развитіе. Оно принимало участіе въ составленіи договоровъ (Смоленской торговой правды, уставной грамоты о Смоленской епископіи). Смоленское княжество было густо населено, какъ это видно между прочимъ

изъ вышеприведенной уставной грамоты. Стольнымъ городомъ Смоленской области былъ Смоленскъ. Въ немъ было нѣсколько каменныхъ церквей. У иноземныхъ купцовъ, жившихъ особою слободою, былъ здѣсь собственный храмъ нѣмецкой Богородицы. Тутъ было также множество лавокъ, какъ мѣстныхъ, такъ и иноземныхъ купцовъ. Важныя свѣдѣнія о торговой дѣятельности Смоленска даетъ торговый договоръ князя Мстислава Давидовича съ Ригой и Готландомъ 1229 года, такъ наз. Смоленская торговая правда. Русскіе и нѣмецкіе купцы уравнивались въ своихъ правахъ, устанавливалось береговое право, т.-е. охрана товаровъ во время кораблекрушеній. Регулировались кредитныя сдѣлки и судъ, въ основу котораго была положена «Русская правда». Нѣмецкіе товары перевозились сначала по Западной Двинѣ, а потомъ особая артель волочанъ поставляла ихъ сухимъ путемъ въ Смоленскъ. Пріѣзжая въ Смоленскъ, нѣмецкіе купцы относили подарки княгинѣ, а старостѣ давали рукавицы. Населеніе Смоленска превышало 30.000 человѣкъ. Кромѣ торговли, въ Смоленской области было и земледѣліе: свой хлѣбъ Смоляне поставляли въ Новгородъ и за границу; бывали, однако, и неурожаи. Огромное значеніе для края имѣло бортничество; медъ и воскъ вывозились за границу. Процвѣтало и звѣроловство — мѣха также вывозились за границу. Такимъ образомъ Смоленская торговля базировалась на развитіи мѣстной промышленности. Однако, несмотря на свое богатство, Смоленское княжество по политическимъ причинамъ, вслѣдствіе постояннаго дробленія и невозможности расширить свои границы на счетъ сосѣдей, все болѣе и болѣе слабѣло и теряло свои волости.

Исторія Муромо-Рязанскаго княжества. Первымъ самостоятельнымъ княземъ Муромо-Рязанской земли былъ младшій сынъ черниговскаго Святослава — Ярославъ. Муромо-Рязанское княжество постоянно потомъ находилось во власти его потомковъ. Со времени Юрія Долгорукаго Муромское княжество стало все болѣе и болѣе подпадать подъ вліяніе Суздальской земли и ея князей. Но все же связь между Рязанскимъ и Муромскимъ княжествомъ держалась очень долго, поддерживаясь географическою близостью, родствомъ княжескихъ линій и общностью церковной іерархіи. Рязанское же княжество упорно отстаивало свою независимость и вело ожесточенную борьбу съ Суздальскими князьями. Рязанская земля славилась своими естественными богатствами, но отстала въ культурномъ отношеніи, благодаря сильному инородческому элементу (мордовскому) и сосѣдству съ половцами. Нравы князей отличались грубостью и воинственностью;

Рязанскій кн. Глѣбъ запятналъ себя вѣроломнымъ избіеніемъ 6 родственныхъ князей; былъ силенъ здѣсь и дружный элементъ.

Исторія Новгородской земли. Новгородское княжество не сразу пріобрѣло тѣ типичныя черты внутренняго устройства, которыя отличали его отъ другихъ русскихъ земель. Сначала оно находилось подъ властію Кіева и кіевскихъ князей. Зависимость отъ Кіева продолжалась до смерти Ярослава Мудраго. Ярославъ далъ Новгородцамъ льготную грамоту. Эта грамота не дошла до насъ (нѣкоторые ученые совсѣмъ отрицаютъ ея существованіе), но о содержаніи ея мы можемъ судить по болѣе позднимъ грамотамъ, которыя на нее постоянно ссылаются. Она служила первоначальною основой ихъ внутреннаго самоуправленія. До второй четверти XII в. все же еще не замѣтно политическихъ особенностей въ бытѣ Новгорода; послѣ смерти Мономаха Новгородцы начинаютъ пріобрѣтать преимущества, кладутъ главныя основанія своей вольности; при чемъ свои притязанія они основываютъ на грамотѣ Ярослава I. Отдаленность Новгорода отъ главной арены дѣятельности русскихъ князей, его торгово-промышленное значеніе, важная роль, какъ политическаго и экономическаго центра сѣвернаго края, втянутаго въ интересы заморской торговли, —явились главными условіями, содѣйствовавшими ему въ борьбѣ за самостоятельность. Въ XII вѣкѣ постоянныя междоусобія подорвали княжескій авторитетъ, и въ этомъ же вѣкѣ Новгородъ пользовался достаточной безопасностью отъ внѣшнихъ враговъ, такъ что мало нуждался въ князѣ, какъ въ военномъ вождѣ. Новгородъ искусно использовалъ въ своихъ цѣляхъ княжескія усобицы, которыя вызвали частую смѣну князей на новгородскомъ столѣ. Князь первоначально правилъ въ Новгородѣ при содѣйствіи двухъ помощниковъ — посадника и тысяцкаго, но ихъ должности потомъ сдѣлались выборными и сами они превратились въ блюстителей интересовъ Великаго Новгорода. Въ 1095 году новгородцы первый разъ не захотѣли принять назначеннаго имъ князя Давида Смоленскаго и пригласили сына Мономахова Мстислава. Семь лѣтъ спустя они въ энергичныхъ выраженіяхъ отказывались отъ сына Святополка, назначеннаго имъ взамѣнъ Мстислава («посылай его, если у него двѣ головы», говорили они Святополку), и настояли на своемъ рѣшеніи. Заботясь о сохраненіи своихъ правъ, Новгородцы постарались поставить княжескую власть въ извѣстныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ она должна дѣйствовать. Уже въ первой половинѣ XII вѣка встрѣчаются, правда, неясные, слѣды княжескихъ договоровъ, подкрѣпляемыхъ крестнымъ цѣлованіемъ. Находясь на отшибѣ, въ самомъ концѣ Русской земли, Новгородъ

не имѣлъ споровъ съ сосѣдними русскими княжествами изъ-за границъ, не былъ знакомъ со степными кочевниками, отъ которыхъ такъ сильно страдала южная Русь; а если еще мы вспомнимъ важное торговое значеніе города и его державное положеніе въ качествѣ господина надъ обширнымъ краемъ, мы поймемъ, почему Новгороду удалось занять такое исключительное мѣсто среди другихъ русскихъ земель. XII столѣтіе новгородской исторіи характеризуется борьбою претендентовъ изъ-за новгородскаго стола: одни изъ нихъ были Мономаховичи, другіе изъ линіи Ольговичей; въ концѣ столѣтія Суздальскіе князья въ лицѣ Андрея Боголюбскаго пожелали наложить свою руку на новгородскіе вольности. Борьба новгородцевъ запечатлѣна героическимъ характеромъ. При Всеволодѣ Большое Гнѣздо Новгородъ отчасти было уже призналъ свою зависимость отъ Суздальской земли, такъ какъ принялъ князя, назначеннаго Всеволодомъ. Спасителемъ Новгорода явился князь Торопецкій Мстиславъ Удалой. Это былъ истинный витязь древней Руси, безкорыстный, борецъ за правду, считавшій своею нравственною обязанностью помогать слабымъ и правымъ противъ сильныхъ и неправыхъ. Весь Новгородъ проникся воодушевленіемъ: замолкла на этотъ разъ борьба партій. Мстиславъ рѣшился перенести войну въ Суздальскую землю, чтобы не подвергать опустошенію собственной области. Новгородцамъ помогло то обстоятельство, что въ средѣ самихъ суздальскихъ князей былъ разладъ. Произошло знаменитая Липецкая битва, окончившаяся въ пользу новгородцевъ (1216 г.). Эта побѣда имѣла для новгородцевъ громадное значеніе: она не только защитила новгородскую свободу отъ притязаній суздальцевъ, но и возвысила ихъ авторитетъ во всей Руси.

Обратимся теперь къ характеристикѣ внутренняго быта Великаго Новгорода. Князь былъ необходимымъ элементомъ новгородскаго государственнаго устройства, хотя ему и была отведена въ немъ скромная роль, когда конституція вольнаго города окончательно сформировалась, что, впрочемъ, произошло уже въ последующій удѣльный періодъ. Князь былъ нуженъ Новгороду въ качествѣ предводителя военныхъ силъ и защитника города и его торговыхъ путей отъ внѣшнихъ враговъ. Тысяцкій былъ начальникомъ новгородской тысячи, т.-е. народнаго ополченія. Важны также и судебныя функціи тысяцкаго: онъ былъ предсѣдателемъ суда по торговымъ дѣламъ между новгородскими и нѣмецкими купцами. Великій Новгородъ расположенъ по берегамъ рѣки Волхова и дѣлится имъ на двѣ части: Софійскую на лѣвомъ берегу и Торговую на правомъ. Софійская сторона имѣла три *конца*: Неревскій, Загородный и Людинъ, а Торговая—

два конца: Плотницкій и Славенскій. Концы, въ свою очередь, дѣлились на *сотни*, а сотни—на *улицы*. Всѣ эти территоріальныя дѣленія города представляли собою въ то же время — каждое въ отдѣльности—юридическое цѣлое, пользовавшееся самоуправленіемъ. Такимъ образомъ, Великій Новгородъ состоялъ изъ цѣлаго комплекса политическихъ міровъ. Во главѣ конца стоялъ выборный кончанскій староста. Онъ игралъ роль посадника въ своемъ округѣ. Во главѣ сотни (а ихъ было въ Новгородѣ 10) стоялъ сотскій и, наконецъ, во главѣ улицы — уличанскій староста; оба они избирались изъ бояръ и вѣдали мѣстныя дѣла. Къ числу второстепенныхъ чиновниковъ съ исполнительной властью, избиравшихся вѣчемъ, принадлежали—подвойскіе, объявлявшіе рѣшенія вѣча и призывавшіе къ суду, бирючи, объявлявшіе народу различныя извѣстія и созывавшіе на войны, пристава, игравшіе роль въ судебномъ дѣлѣ и др. Главнымъ носителемъ верховной власти считалось вѣче. Оно отличалось тѣми же характерными чертами, какія вообще свойственны этому русскому институту. Въ новгородскомъ вѣчѣ могли принимать участіе всѣ свободные граждане независимо отъ ихъ спеціальнаго положенія, при чемъ рѣшающій голосъ принадлежалъ лицамъ, занимающимъ самостоятельное положеніе, т.-е. главамъ семьи. Вѣче созывалось по звону вѣчевого колокола какъ правительственными, такъ и частными лицами. Мѣстомъ собранія вѣча былъ Ярославовъ дворъ на Торговой сторонѣ или площадь у храма св. Софіи на Софійской сторонѣ. Съ возвышенія, называемаго степенью, говорили ораторы. Новгородскому вѣчу былъ неизвѣстенъ принципъ большинства голосовъ: по установившемуся обычаю требовалось единогласное рѣшеніе—въ этомъ лежалъ источникъ междоусобій, нерѣдко доходившихъ до кровопролитія. Ареной столкновеній служилъ мостъ черезъ Волховъ: тамъ враждующія стороны завязывали побоище. Новгородскій архіепископъ съ крестнымъ ходомъ являлся на мѣсто дѣйствія и съ трудомъ успокаивалъ возбужденныя страсти. Иногда несогласная сторона составляла отдѣльное вѣче: въ концѣ-концовъ, дѣло опять-таки доходило до столкновенія. Вѣче имѣло свою канцелярію — вѣчевую избу, гдѣ письмоводство велось „*вѣчнымъ*“ дьякомъ. Компетенція вѣча была очень обширна: оно было единственнымъ и неограченнымъ носителемъ законодательной власти, оно завѣдывало финансами, т.-е. устанавливало налоги и производило ихъ раскладку, издавало постановленія о торговлѣ и монетѣ, выбирало и смѣняло должностныхъ лицъ, объявляло войну и заключало миръ и, наконецъ, судило по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ.

Правительственный совѣтъ развился изъ древней боярской думы при князѣ; благодаря особенностямъ государственнаго строя Новгорода, градскіе старцы вытѣснили изъ него представителей княжеской дружины. Составъ совѣта господъ, какъ его называли нѣмцы, окончательно сложился къ XIII вѣку: въ него входили: посадникъ, тысяцкій, сотскіе и кончанскіе старосты, а также и отбывшіе уже срокъ своей службы посадскій и тысяцкій. Предсѣдателемъ совѣта былъ князь, но совѣтъ ему совершенно не подчинялся. Совѣтъ имѣлъ общее наблюденіе за дѣятельностью администраціи, онъ же предварительно разсматривалъ тѣ вопросы, которые поступали на окончательное рѣшеніе вѣча. Юридически совѣтъ былъ подчиненъ вѣчу, но фактически онъ подчинялъ его своему вліянію и нерѣдко вѣче было лишь орудіемъ въ его рукахъ. Это было учрежденіе, обладавшее стройной организаціей, состоявшее изъ политически опытныхъ лицъ и—что самое главное—объединенныхъ въ одно цѣлое общими интересами. Совѣтъ былъ сословнымъ учрежденіемъ боярства, орудіемъ власти въ рукахъ бояръ—крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, захватившихъ нити экономической жизни края. Неудивительно поэтому, что совѣтъ нерѣдко самъ рѣшалъ многіе вопросы, не доводя о нихъ до свѣдѣнія вѣча. Судебная власть въ Новгородѣ принадлежала различнымъ правительственнымъ властямъ, а не была поручена спеціальному учрежденію. Судебная власть принадлежала и князю, но роль его въ судебномъ процессѣ была, собственно говоря, исполнительная: на его обязанности лежало «казнить» преступниковъ, т.-е. привести въ исполненіе судебное постановленіе — взять съ него виру или продажу. За это въ пользу князя шла половина судебныхъ пошлинъ, другая половина шла въ пользу посадника. Былъ свой судъ и у новгородскаго владыки, посадника, княжескаго намѣстника и тысяцкаго. Это обиліе судебныхъ инстанцій запутывало дѣла. Кромѣ того, на основаніи договорныхъ и судныхъ грамотъ, нѣкоторыя инстанціи могли судить лишь вмѣстѣ съ другими. Такъ, посадникъ производилъ судъ вмѣстѣ съ княжескимъ намѣстникомъ. На практикѣ выработался такой порядокъ: тіуны того и другого, т.-е. посадничьи и намѣстничьи производили въ своихъ одринахъ или камерахъ лишь предварительное слѣдствіе, а затѣмъ передавали дѣло для окончательнаго рѣшенія на докладъ въ постоянно дѣйствующую коллегію такъ называемыхъ докладчиковъ. Коллегія эта состояла изъ посадника и намѣстника или ихъ тіуновъ и 10 присяжныхъ засѣдателей, представителей общественной совѣсти, по боярину и житьему человѣку отъ каждаго конца. Она собиралась три раза

въ недѣлю «во владычнѣ комнатѣ». Комбинація судебныхъ инстанцій имѣла мѣсто и въ случаѣ, когда судились стороны различной подсудности, напр., свѣтскій человѣкъ съ церковнымъ

Наверху соціальной лѣстницы стояли бояре; это были мѣстные лучшіе люди, богатый патриціатъ, который, занимая общественныя должности по назначенію князя, усвоилъ себѣ званіе бояръ. Бояре были крупными землевладѣльцами и капиталистами; первоначально они непосредственно принимали участіе въ торговлѣ, затѣмъ увлеклись политическими интересами и поставляли на новгородскій рынокъ товары, главнымъ образомъ, мѣхъ, лѣсъ и сырье, черезъ посредство купцовъ; они же являлись и банкирами, ссужавшими деньги взаймы за большіе проценты. Слѣдующее мѣсто за боярствомъ занимали *житьи* люди. Изслѣдователи расходятся между собой въ пониманіи этого термина. Вѣроятнѣе всего, это были представители средняго класса, обладавшіе осѣдлостью въ городѣ; это были посадскіе люди, если употребить московскій терминъ. Безъ сомнѣнія, между ними было различіе по имущественному положенію, и нѣкоторые изъ нихъ, обладая капиталомъ, принимали участіе въ торговлѣ. Далѣе идутъ купцы, дѣлившіеся на множество разрядовъ по предметамъ и по мѣсту торговли. Подъ именемъ *черныхъ* людей разумѣлся многочисленный и пестрый по своему составу отдѣлъ населенія; сюда относились ремесленники, мелкіе торговцы и различные разряды крестьянъ. Въ Новгородѣ, повидимому, были самые разнообразные ремесленники: плотники, каменщики, гончары, кузнецы, кожевники и др. Кромѣ указанныхъ выше разрядовъ свободныхъ людей, были еще въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ русскихъ земляхъ, закупни и холопы; происхожденіе и юридическое положеніе этихъ послѣднихъ было такое же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Руси.

И Новгородъ и его область болѣе всего славились торговою дѣятельностью. Въ XII ст. вся торговля на Балтійскомъ морѣ находилась въ рукахъ готскихъ купцовъ. Центромъ ея былъ г. Вибси на островѣ Готландѣ. Туда ѣздили и сами Новгородцы. О широкихъ размѣрахъ Готской торговли свидѣтельствуетъ торговый договоръ 1199 г. Новгородскаго князя Ярослава съ нѣмцами. Въ Новгородѣ былъ готскій торговый дворъ. Вскорѣ нѣмцы, принявшіе участіе въ готландской компаніи, захватили торговлю въ свои руки. Въ Новгородѣ появился и нѣмецкій дворъ. Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю съ русскими областями. Новгородское купечество ѣздило въ Кіевъ, Черниговъ, въ Суздальскую землю, гдѣ его было множество: Ярославъ въ Торжкѣ захватилъ въ 1215 г. болѣе 2000 чел. новгородскихъ

мужей и купцовъ. Главной ареной ихъ торговой дѣятельности были сѣверныя области, принадлежавшія Новгороду въ качествѣ колоній, но они вели также торговыя сношенія съ южной Русью и восточнымъ міромъ—бесерменскими и персидскими купцами. Благодаря Новгороду, произведенія западно-европейской промышленности распространялись въ русскихъ земляхъ; это были различныя матеріи, сукно, вино, металлы, стекло и др. товары. Изъ предметовъ торговли, добываемыхъ благодаря промышленной эксплуатаціи въ собственно новгородскихъ владѣніяхъ, отмѣтимъ слѣдующіе: мѣха пушныхъ звѣрей, шкуры, китовое и моржовое сало, ленъ, конопля, воскъ, медъ и др. Рыба составляла одну изъ значительныхъ вѣтвей новгородскаго экспорта. Что касается хлѣбной торговли, то въ этомъ отношеніи, благодаря природнымъ условіямъ своей области, Новгородъ зависѣлъ отъ Суздальской области и вообще низа. Главнымъ передаточнымъ пунктомъ въ этой торговлѣ былъ г. Новый Торгъ. Новгородскіе купцы образовали постоянныя артели и товарищества. Въ Новгородѣ было значительное количество такихъ товариществъ. Они обыкновенно образовывались при церквахъ. Подобное товарищество существовало въ Новгородѣ при церкви св. Іоанна на Опокахъ. Внутреннее устройство Ивановскаго товарищества было слѣдующее: каждый членъ его вносилъ крупный предварительный взносъ (50 грив.). Дѣлами товарищества заправляло пять старостъ—трое отъ житьихъ людей и двое отъ купцовъ и тысяцкій отъ черныхъ людей. Впослѣдствіи Ивановская община пріобрѣла и судебную компетенцію въ торговыхъ дѣлахъ. Склады компаніи находились при церкви св. Іоанна. Сама жизнь указывала купечеству на преимущество артельной формы предпріятій. Источники сохранили намъ свѣдѣнія о существованіи артелей рыболововъ, лоцмановъ и др. промышленниковъ. Вообще торговля играла очень важную роль не только въ жизни самого Новгорода, но и всего обширнаго Новгородскаго края. Нѣкоторые пригороды, напр., Торжокъ, возвысились, главнымъ образомъ, благодаря своей торговой дѣятельности. Народное воззрѣніе на могущество богатства, созданнаго торговлей, особенно ярко проявилось въ извѣстной былинѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ новгородскомъ. Здѣсь творческая фантазія переплетаетъ чудесный элементъ съ реальнымъ и создаетъ типъ купца-богатыря. Но имя Садко упоминается въ Новгородской лѣт. подъ 1167 г.: говорится, что Садко Сытиниць заложилъ тогда каменную церковь Бориса и Глѣба.

Внутренняя исторія церкви въ Великомъ Новгородѣ имѣла оригинальныя черты устройства въ зависимости отъ политиче-

скаго быта. Въ XI и XII в. новгородская епархія, имѣвшая съ самаго начала водворенія христіанства своего епископа, находилась въ сильной зависимости отъ центральной власти кіевскаго митрополита. Эта зависимость выражалась въ двухъ фактахъ: кіевскій митрополитъ имѣлъ полное право посѣщать Новгородъ для различныхъ церковныхъ дѣлъ, хотя этимъ правомъ онъ почти никогда не пользовался; новгородскій епископъ долженъ былъ по вызову митрополита являться въ Кіевъ для полученія отъ духовнаго главы указаній, касающихся церковнаго строительства, если возникали вопросы, которыхъ онъ не могъ разрѣшить собственной властью; вызывался онъ и на митрополичій судъ. Одинъ изъ первыхъ новгородскихъ князей Святославъ въ 1137 году далъ новгородской церкви уставъ о десятинѣ: теперь десятина духовенства получила болѣе опредѣленные размѣры. Оба вида владычной десятины составляли вмѣстѣ по расчету проф. Никитскаго 200 гривенъ. Послѣдующіе князья еще болѣе увеличили размѣръ десятины. Важное значеніе Великаго Новгорода, какъ столицы огромной области, и развитіе его политической свободы должно было отразиться и въ сферѣ церковной жизни. Въ вольномъ вѣчевомъ городѣ должна была существовать и самостоятельная церковь. Въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ, юридически господствовалъ суверинитетъ вѣча; естественно, поэтому и должность архіепископа сдѣлалась выборной. Къ 1156 году относится первый случай избранія новгородскаго владыки вѣчемъ; такимъ образомъ, со второй половины XII вѣка въ новгородской церкви устанавливается практика избранія владыки, получившаго титулъ архіепископа, на вѣчѣ съ участіемъ духовенства бѣлаго и чернаго. На вѣчѣ выбиралось трое кандидатовъ. Жребіи съ именами кандидатовъ клались на престолъ въ алтарѣ св. Софіи. Маленькіе мальчики или слѣпцы брали 2 жребія — и то лицо, чей жребій оставался, считалось выбраннымъ на высокій постъ новгородскаго владыки. Бывали случаи, когда владыка еще при жизни указывалъ желанныхъ ему преемниковъ, и тогда изъ числа ихъ производился выборъ. Церковь играла важную роль въ жизни Великаго Новгорода: она являлась могучей нравственной силой, вліяніе которой проникало во всѣ стороны общественной жизни. Новгородъ, со всѣми его обширными владѣніями, считался отчиной св. Софіи. Покрову св. Софіи новгородцы ввѣряли судьбу своего отечества, ему приписывали счастливый исходъ своихъ предпріятій. «Положимъ головы или изомремъ честно за св. Софію!» — говорили они. Новгородскій владыка, какъ высшій представитель церкви, игралъ огромную роль въ жизни Новгорода. Его вліяніе далеко

выходило за узкіе предѣлы чисто церковныхъ отношеній, и съ теченіемъ времени онъ превратился какъ бы въ гражданское должностное лицо. Прежде всего онъ регулировалъ вѣчевую дѣятельность, санкціонируя своею печатью вѣчевые акты и примиряя враждующія партіи. Не разъ владыка своимъ появленіемъ въ полномъ облаченіи во главѣ духовенства прекращалъ или предотвращалъ кровопролитіе. Въ качествѣ представителя Новгорода, владыка пользовался большимъ вліяніемъ во внѣшнихъ дѣлахъ: онъ велъ переговоры съ сосѣдями. Не разъ новгородцы прибѣгали къ заступничеству и посредничеству своего владыки, когда обострялись отношенія между ними и сѣверо-восточными князьями. Замѣчательно отношеніе архіепископа къ иностранному купечеству. Въ качествѣ блюстителя справедливости онъ являлся его защитникомъ въ особенности во время народныхъ волненій. Ему принадлежала обширная судебная власть. Его суду подлежали церковные люди, а также и свѣтскіе, виновные въ преступленіяхъ противъ нравственности и др.; вообще вся семейная жизнь находилась подъ наблюденіемъ владыки, а поэтому его суду подлежали преступленія противъ семейнаго права. Новгородскій же владыка выступалъ, кромѣ того, въ качествѣ третейскаго судьи въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по приглашенію обѣихъ сторонъ. Важное значеніе владыки въ государственномъ устройствѣ Новгорода опредѣлялось не только его нравственнымъ авторитетомъ, но и матеріальнымъ положеніемъ. Владыка былъ богатѣйшимъ землевладѣльцемъ во всей Новгородской области и однимъ изъ крупныхъ капиталистовъ. Богатства эти составляли собственность св. Софіи, а не лично принадлежали владыкѣ, хотя ему предоставлено было право распоряжаться ими. Новгородскіе владыки разумно распоряжались казною св. Софіи: съ земельныхъ владѣній они выставляли цѣлый полкъ, такъ называемый владычный стягъ, въ случаѣ денежныхъ затрудненій для великаго Новгорода, напр., при уплатѣ контрибуціи, оказывали ему матеріальную помощь. Разнообразіе обязанностей владыки вызывало необходимость въ цѣломъ штатѣ служилыхъ людей, помощниковъ и сотрудниковъ. Всѣ они носили названіе софіянъ. Они исполняли различныя порученія владыки, управляли имѣніями, судили подвластныхъ крестьянъ, занимали должности по областному церковному управленію и т. п. Этотъ штатъ состоялъ большею частью изъ свѣтскихъ лицъ. Вообще въ церковномъ управленіи Новгорода свѣтскій элементъ игралъ несравненно большую роль, чѣмъ духовный, въ силу того, что должность владыки носила во многихъ отношеніяхъ свѣтскій характеръ. Міряне выбирали себѣ приходскихъ

священниковъ и принимали такимъ образомъ живое участіе въ церковной жизни. Новгородское духовенство дѣлилось на особыя корпораціи или такъ наз. соборы. Таковы были важнѣйшія типическія особенности внутренняго устройства Великаго Новгорода.

Исторія Ростово-Суздальской земли. Истиннымъ основателемъ Ростово-Суздальскаго княжества нужно признать Юрія Долгорукаго. Его дѣятельность, главнымъ образомъ, состояла въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли. Онъ строилъ города, которые являлись опорными пунктами для дальнѣйшаго распространенія славяно-русскаго элемента и не только дружиннаго, но и земскаго. При немъ получили, между прочимъ, свое начало: Юрьевъ Польскій и Дмитровъ. При немъ же впервые, какъ извѣстно, упоминается Москва. Въ то время, когда южная Русь жила при господствѣ вѣчевого уклада, въ сѣверо-восточной Руси начинаютъ развиваться прямо противоположныя начала, и представителями этихъ началъ являются: Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо. Основнымъ фактомъ нужно признать разгромъ Кіева въ 1169 году. Это былъ такой ударъ, который можно сравнить съ нашествіемъ на Кіевъ Батыя, это было взятіе, какъ выражается лѣтопись, города на щитъ. Затѣмъ, далѣе, другимъ фактомъ огромной важности является то, что Андрей Боголюбскій не усѣлся въ этомъ городѣ, вообще пренебрегъ южной Русью, слѣдовательно, отказался отъ всѣхъ генеалогическихъ расчетовъ и традицій и построилъ свою власть на другомъ принципѣ. Прежде Кіевъ былъ политическимъ центромъ, куда стремились помыслы всѣхъ русскихъ князей; теперь Кіевъ теряетъ въ этомъ смыслѣ свое значеніе. Съ этого времени великій князь не остается жить въ Кіевѣ, а избираетъ себѣ другое мѣсто жительства. Андрей Боголюбскій сдѣлался великимъ княземъ, не желая быть княземъ кіевскимъ. Въ то же самое время рѣзко измѣняются и его отношенія къ младшимъ князьямъ. Во-первыхъ, здѣсь мы встрѣчаемъ новый терминъ князей подручниковъ. Прежде были младшіе и старшіе князья. Младшіе князья должны были уважать великаго, какъ заступающаго мѣсто ихъ отца. Это уваженіе въ отношеніи къ старшинству замѣняется теперь болѣе опредѣленнымъ отношеніемъ владыки къ подручнику. Кромѣ того, Андрей Боголюбскій начинаетъ вести борьбу съ вѣчемъ и старшею дружиною, на которыя въ Кіевской Руси опирались князья. Вѣчевой элементъ въ Ростово-Суздальской землѣ былъ представленъ двумя старинными городами: Ростовомъ и Суздалемъ. И вотъ мы видимъ борьбу Андрея Боголюб-

скаго, именно, съ этими старинными городами, потому что въ нихъ еще сильны были старыя кіевскія традиціи — вѣчевыя, съ одной стороны, и боярско-дружинныя, съ другой. Вотъ истинная причина того, почему Андрей Боголюбскій переноситъ свою резиденцію изъ Ростова и Суздаля въ незначительный дотолѣ городокъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, который ему самому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Онъ ведетъ теперь борьбу со старыми боярами, не желая ихъ имѣть у себя на службѣ, онъ окружаетъ себя представителями младшей дружины. Чѣмъ это вызывается? Это опять-таки вызывается желаніемъ не считаться съ той политической силой, какую представлялъ изъ себя этотъ классъ людей. Но тѣ силы, противъ которыхъ онъ такъ рѣзко и прямо выступилъ, все-таки пользовались тогда еще въ Ростово-Суздальской землѣ большимъ значеніемъ. Вотъ причина, почему Андрей Боголюбскій такъ трагически погибъ — сталъ жертвою своихъ новыхъ стремленій. Но эти попытки все же свидѣтельствуютъ о возрастаніи княжеской власти. Основная причина этого заключается въ томъ, что эти Ростово-Суздальскіе князья были сами же и колонизаторами своихъ земель. Здѣсь все находилось въ тѣснѣйшей связи съ военно-колонизаторской дѣятельностью князей. Эта дѣятельность началась уже при Юріи Долгорукомъ и получила дальнѣйшее развитіе при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ Большое Гнѣздо. Въ это время появляется цѣлый рядъ новыхъ городовъ, зарождается и Москва, которая потомъ заняла такое исключительное положеніе, возникаютъ города: Звенигородъ, Переяславъ и др., обязанные своимъ происхожденіемъ княжеской колонизаціи. Наконецъ является и Боголюбовъ, начинающій играть со времени Андрея Боголюбскаго роль его резиденціи. Рядомъ съ этой княжеской колонизаціей городовъ идетъ и колонизація селъ. Населеніе привлекали прежде всего всякими льготами. Ясное дѣло, что въ этихъ новыхъ городахъ, въ такомъ княжествѣ, на такой территоріи, можно было уже попробовать перейти къ новымъ притязаніямъ политическаго характера. Въ сѣверо-восточной Руси мы видимъ большую центральную область, — область Окскаго бассейна, которая со всѣхъ сторонъ была окружена другими русскими владѣніями, не имѣла такихъ грозныхъ непосредственныхъ сосѣдей, какими были для южной Руси половцы. Финское населеніе этого края не представляло изъ себя воинственнаго племени, и русскому населенію Ростово-Суздальскаго княжества не приходилось затрачивать всю свою энергію на защиту своей земли отъ внѣшнихъ враговъ. Тамошніе князья даже превратились въ нѣсколько отсталыхъ въ военно-ратномъ дѣлѣ людей. Все свое вниманіе

онѣ сосредоточивали на хозяйственной дѣятельности. Такимъ образомъ, здѣсь должны были появиться особые типы князей—вотчинниковъ и должны были выработаться мелкія удѣльныя вотчины.

13-я глава. Государственный строй, соціальныя отношенія, законодательство и судъ.

Государственное устройство.—Князь.—Вѣче.—Дума.—Соціальный составъ.—Дружина.—Земщина.—Горожане и селяне.—Законодательство и судъ.

Литература вопроса: Источники: областныя лѣтописи; грамоты, законодательные памятники помѣщены въ Хрестоматіи Владимирскаго-Буданова. Русская Правда—тамъ же и въ изданіяхъ Калачова и Сергѣевича. Пособія: *С. М. Соловьевъ.* Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома; *его же.* Взглядъ на исторію установленія госуд. порядка въ Россіи до Петра Вел. (Соч. С. М. Соловьева, СПБ., 1882 г.); *Д. Я. Самоквасовъ.* Замѣч. по исторіи рус. гос. устр. (Ж. М. Н. Пр. 1869, ноябрь и декабрь); *В. И. Сергѣевичъ.* Вѣче и князь, а также Русскія юридическ. древности. Томъ второй, выпускъ первый (Вѣче и князь) Спб. 1893; *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, Москва, 1879 г.; *Б. Чичеринъ.* Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. (Опыты по исторіи рус. права. М., 1858 г.); *Прѣсняковъ.* Княжое право въ древней Руси. СПБ., 1909; *Голяшкинъ.* Очеркъ личныхъ отношеній между князьями Кіевской Руси въ пол. XII в. (изд. ист. общ. при Моск. у-тѣ. Рефераты, читанные въ 1896 и 1897 г. т. II. М., 1898); *Тельбергъ.* Нѣсколько замѣч. о междукн. сеймахъ въ древней Руси (Ж. М. Н. Пр. 1905 г., № 6); *В. О. Ключевскій.* Боярская дума въ древней Руси; *Линниченко.* Вѣче въ Кіевской обл. (Кіев. унив. изв. 1881 г., № 2, 3); *Дьячанъ.* Участіе народа въ верховной власти въ слав. госуд. до измѣненія ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вв. В. 1882; *А. Градовскій.* Государственный строй древней Россіи (Собр. соч. I, СПБ., 1899 г.); *Д. Я. Самоквасовъ.* Древніе города Россіи. СПБ., 1873; *Затыркевичъ.* О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго госуд. М., 1873; *Плошинскій.* Городское или среднее состояніе рус. нар., СПБ., 1852; *Н. В. Калачовъ.* Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. М. 1846; *Мрочекъ-Дроздовскій.* Изсл. о Русской Правдѣ, вып. I-й. (Опытъ изслѣд. источниковъ о деньгахъ рус. прав.). вып. II. (Текстъ Рус. Правды съ объясненіемъ отдѣльныхъ словъ); *В. И. Сергѣевичъ.* Русская Правда и ея списки (Ж. М. Н. Пр. 1889. янв.); *Prof. Goetz.* Das Russische Recht (Русская Правда). Erster Band 1910; Zweiter Band, 1911 Stuttgart; *Павловъ-Сильванскій.* Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ (Ж. М. Н. Пр. 1905, VI) *Дювернуа.* Источники права и судъ въ древней Россіи. М., 1869 (подробная литература вопроса о Рус. Правдѣ въ хрестоматіи Владимирскаго-Буданова, I, 86 -91 стр.): *Владимирскій-Будановъ.* Обзоръ исторіи русскаго права; *Бѣляевъ.* Лекціи по исторіи рус. законодательства второе изданіе, М. 1888; *Д. Я. Самоквасовъ.* Исторія рус. права, М., 1906 г. *М. Дьяконовъ.* Очерки общ. и гос. строя древней Руси, СПБ., 1912 г.; *М. С. Грушевскій.* Исторія Украіни—Руси, т. III, 1905; *Хлѣбниковъ.* Общество и государство въ домонгольскій періодъ Русской исторіи. *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. III (внутреннее состояніе русскаго общества съ 1054 по 1228-й годъ). 1872.

Взаимныя отношенія между князьями. Со смертью Ярослава княжескій родъ разросся и явилась цѣлая масса отдѣльныхъ вѣтвей княжескаго рода. Характерною чертою князей областнаго пе-

ріода являются ихъ подвижность, частыя передвиженія съ дружинами, чего не было въ послѣдующій удѣльный періодъ. Русь областного періода представляла неотъемлемое достояніе рода Ярослава, говоримъ рода потому, что семья княжеская очень скоро обратилась въ обширный родъ. Это подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ утверждать, что всѣ взаимныя отношенія князей древней Руси сводятся къ родовымъ счетамъ. Въ дѣйствительности же принципъ родового старѣйшинства дѣйствовалъ, и то не съ полною силою, только при сыновьяхъ и отчасти внукахъ Ярослава Мудраго. Но уже на Любецкомъ съѣздѣ 1097 г. былъ поставленъ совершенно новый принципъ— вотчинный областной. Кромѣ того, взаимныя отношенія князей въ значительной степени опредѣляются договорами, которые охватываютъ всѣ степени родства, какъ самаго близкаго, такъ и самаго дальняго. Для того, чтобы заключить договоръ и закрѣпить его, устраивались княжескіе сеймы. Не всѣ съѣзды оканчивались однако всеобщимъ соглашеніемъ. Вообще съѣзды не носили обязательнаго принудительнаго характера. Участвовать на нихъ могли только желающіе; самое рѣшеніе, принятое съѣздомъ, было обязательно только для тѣхъ, кто его принялъ. Но обезпечить эти союзы могло только крестное цѣлованіе. Хотя самые договоры до насъ не дошли, но въ лѣтописяхъ имѣются указанія на эти „*крестныя грамоты*“. Лишь только условія, положенныя въ основаніе даннаго политическаго договора, дѣлались ненужными, договоръ уничтожался, что сопровождалось извѣстными формальностями. Иногда оно являлось въ видѣ свободнаго занятія никѣмъ не занятаго стола. Но чаще приходилось силою захватывать себѣ столъ. Весь областной періодъ наполненъ подобными захватами. Для этого нужно было удалить, во что бы ни стало, прежняго князя. Мѣрами въ этомъ случаѣ не стѣснялись. Но чаще всего, конечно, прибѣгали къ военнымъ дѣйствіямъ. Иногда, впрочемъ, имѣла мѣсто и добровольная уступка. Всеволодъ Ольговичъ, завоевавъ кіевскій столъ, уступилъ нѣкоторые княжества своимъ противникамъ для того, чтобы задобрить ихъ и удержать за собою остальные. Но рядомъ съ простымъ захватомъ существуетъ еще одинъ способъ добыванія столовъ, не имѣющій, впрочемъ, такого обширнаго примѣненія, какъ первый. Я говорю о принципѣ наслѣдованія по духовнымъ завѣщаніямъ князей. Но они не всегда имѣли обязательную силу и потому скрѣплялись договорами со своею же братіей и городами. Рядомъ съ этимъ господствомъ договорнаго начала мало-по-малу растетъ и выдвигается другое начало вотчинное, которое играетъ гораздо болѣе важную

роль, чѣмъ ему приписываютъ. Мы видимъ, что послѣ Любецкаго съѣзда Русь представляетъ изъ себя цѣлый рядъ отдѣльныхъ областей или княжествъ. Во главѣ каждаго изъ этихъ княжествъ стоитъ извѣстная княжеская вѣтвь. По отношенію къ этой княжеской вѣтви область является вотчиной. Вотъ въ этихъ-то областяхъ вотчинный принципъ дѣйствовалъ съ полной силой. Въ Чернигово-Сѣверской землѣ княжитъ исключительно вѣтвь Святославичей, ни одинъ кусокъ Чернигово-Сѣверской земли не отходитъ подъ власть чужой княжеской вѣтви. То же самое должно сказать относительно Суздальской, Смоленской, Полоцкой, Муромской, Рязанской, Волыно-Галицкой земли. Изложенная нами исторія отдѣльныхъ княжествъ вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Только Кіевъ и Новгородъ являются исключеніемъ. Наконецъ, четвертымъ существенно важнымъ элементомъ въ княжескихъ отношеніяхъ является вѣчевое начало: очень часто князья занимаютъ столы только вслѣдствіе расположенія и поддержки, которыя имъ оказываетъ населеніе той или иной области. Расположеніе народа имѣло громадное значеніе для всякаго князя: оно помогало ему добиться извѣстнаго стола и закрѣпить его за собою; оно оказывало ему поддержку въ случаѣ завоевательныхъ попытокъ другихъ претендентовъ.

Обязанности князя. Власть князя была, въ отличіе отъ власти вѣча, постоянно дѣйствующей. Что касается обязанностей князя, то это будетъ защита отъ враговъ, забота о внутреннемъ мирѣ или нарядѣ, судъ и отчасти законодательство. Каждое русское княжество имѣло своихъ внѣшнихъ враговъ: на сѣверо-востокѣ и западѣ были такими врагами нѣмцы, литовцы, шведы, камскіе болгары, на югѣ — половцы. Не удивительно, что наибольшимъ уваженіемъ пользовался такой князь, который наилучше защищалъ свою землю отъ непріятелей и самъ предводительствовалъ войскомъ. Наиболѣе замѣчательными изъ такихъ князей были: на югѣ — Владиміръ Мономахъ, на сѣверѣ, въ Новгородѣ, — Мстиславъ Удалой. Въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ Мономахъ представилъ намъ идеалъ русскаго князя, который главнымъ занятіемъ своимъ считаетъ войну и охоту. Лѣтопись наиболѣе важною заслугою Мономаха признаетъ то, что онъ «бысть страшенъ врагамъ». Совсѣмъ иначе относился народъ къ не предпріимчивымъ князьямъ, плохо исполнявшимъ свою роль защитниковъ земли. Таковъ былъ второй сынъ Ярослава Мудраго Изяславъ и его сынъ Святополкъ II, къ которымъ народъ относился съ явнымъ нерасположеніемъ.

Другою важною обязанностью князя былъ судъ и управленіе. Это видно изъ Русской Правды. Населеніе предпочитало,

чтобы судъ творилъ лично самъ князь: такой совѣтъ подаетъ дѣтямъ и Мономахъ въ своемъ завѣщаніи, но часто этого невозможно было достигнуть, и представителями княжескаго управленія и суда были посадники и тіуны. Эти-то лица и позволяли себѣ разныя притѣсненія и обиды и возбуждали противъ себя справедливыя нареканія и жалобы. Лѣтопись сохранила намъ рядъ жалобъ на тіуновъ Всеволода Ярославича, Святополка II и Всеволода Ольговича. Въ моленіи Даніила Заточника читаемъ: *«не имѣй себѣ двора близъ княжа двора: не держи села близъ княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ»*. Все это подавало поводъ или домогаться личнаго княжескаго суда (какъ это было въ Кіевѣ) или же (какъ это было въ Новгородѣ) выработать институтъ народныхъ судей въ родѣ нашихъ присяжныхъ. Наконецъ, князья имѣютъ и законодательную власть: такъ, сыновья Ярослава—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вмѣстѣ со своими мужами дополнили «Русскую правду» Ярослава; Владимиръ Мономахъ издалъ законъ о процентахъ, Святославъ и Всеволодъ Новгородскіе — церковные уставы и т. д.

Права князей. Великій князь не имѣлъ дѣйствительной власти надъ остальными. Онъ носилъ только почетный титулъ: правда, онъ долженъ былъ «быть имъ въ отца мѣсто», но рѣдко былъ таковымъ въ дѣйствительности. Князья назначали должностныхъ лицъ, даже духовныхъ, раздавали волости и имущества женѣ, дѣтямъ, церквамъ, монастырямъ. За исполненіе своихъ обязанностей князья пользовались значительными доходами съ населенія. Главнѣйшія категоріи доходовъ были слѣдующія: дани съ волостей, судебные доходы, торговыя пошлины, доходы съ имѣній. Заранѣе было опредѣлено, сколько съ какой области нужно было взять даней. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ Ростислава Смоленскаго, гдѣ, напр., мы читаемъ: «въ Торопчи дани 400 гривенъ, а епископу съ того взяти сорокъ гривенъ» и пр. Доходы Смоленскаго князя были очень значительны — равнялись приблизительно 2977 гривнамъ, что по подсчету проф. П. В. Голубовскаго, составило бы на наши деньги вмѣстѣ съ другими дополнительными статьями свыше 600.000 руб. Было нѣсколько видовъ дани, собираемой съ покоренныхъ, не русскихъ племенъ: такія дани, напр., собирали съ своихъ югорскихъ, заволоцкихъ и печерскихъ владѣній новгородцы. Интересно, что и теперь еще сохранились *полюдья*, т.-е. личное собираніе дани съ населенія при объѣздѣ князьями волостей (подъ

1190 годомъ въ Лавр. сп. лѣт. говорится: «*тогда сущю великому князю Ростовъ въ полюдьи*»). Къ судебнымъ принадлежали: виры, продажи, судебные уроки, пересудъ, ротное, уроки, желѣзное. Это были или штрафы за совершонныя преступленія (виры и продажи), или плата за совершеніе суда (всѣ остальные). Вира платилась за убійство, и maximum ея былъ опредѣленъ въ восемьдесятъ гривенъ кунъ; продажа назначалась за оскорбленіе личности или нарушеніе права собственности, и maximum ея равнялся 12 гр. кунъ; всѣ остальные виды доходовъ являлись въ качествѣ судебныхъ пошлинъ за производство суда, за приводъ къ клятвѣ и за испытаніе желѣзомъ. Размѣръ этихъ доходовъ обозначенъ въ Русской правдѣ. Торговыя пошлины взимались съ провозныхъ и продаваемыхъ товаровъ. Онѣ носили нѣсколько названій и отличались значительнымъ разнообразіемъ. Сюда, напр., можно причислить — гостиное, взимавшееся съ гостей, т.-е. пріѣзжихъ купцовъ, за право складывать товары въ городѣ; торговое — за продажу товара; мыто и перевозъ — внутренніе таможенные налоги; вѣсъ и перемѣръ товаровъ на казенныхъ вѣсахъ и казенными мѣрами; пись, т.-е. плата за записываніе привезенныхъ товаровъ и, наконецъ, пятно за клеймленіе продаваемыхъ лошадей. Доходы съ имѣній бывали подчасъ очень значительны. У князей были села, гдѣ велось хозяйство; лѣтопись сообщаетъ намъ нѣсколько фактовъ о такой частной поземельной собственности князей. Таковы, напр., были владѣнія Игоря и Святослава Ольговичей, опустошенныя и ограбленныя Изяславомъ и его союзниками; князь волынскій Владиміръ Васильковичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи заявляетъ о покупкѣ въ собственность одного сельца. Значительный доходъ получали также князья съ разныхъ угодій, промысловъ и торговли; извѣстно, напр., что Даніилъ Романовичъ взялъ на себя доходы съ каломыйской соли, а Владиміръ Васильковичъ волынскій посылалъ для продажи хлѣбъ въ Ятвяжскую землю. Идеалъ князя рисуется въ слѣдующемъ пожеланіи Даніила Заточника, общенномъ къ его князю: «*Господи! Дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давыдову и умножи вся человѣки подъ руку его*».

Организація управленія. Организація управленія отличалась простотою. Не было проведено границы ни между центральнымъ и областнымъ управленіемъ, ни между администраціей и судомъ. Главнымъ органомъ управленія былъ, какъ мы видѣли, князь. Но несмотря на личное непосредственное его участіе во всѣхъ отрасляхъ управленія, все же онъ не могъ обойтись безъ помощниковъ, которые являлись его замѣстителями. Такими по-

мощниками его въ судѣ и хозяйствѣ были тіуны. Они часто были княжескими холопами, слѣдовательно, не пользовались никакою самостоятельностью и выполняли во всемъ княжескую волю, но нерѣдко злоупотребляли княжескимъ довѣріемъ и были ненавистны народу, въ качествѣ судей неправедныхъ. Огнищные конюшіе и дворскіе завѣдывали княжескимъ хозяйствомъ; въ удѣльный періодъ изъ дворскаго тіуна выросла важная должность княжескаго дворецкаго, а изъ конюшаго — конюшаго боярина. Въ составъ княжеской хозяйственной администраціи входили также ключники; эту должность занималъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Андрея Боголюбскаго осетинъ Амбалъ. Одинъ разъ упоминается о княжескомъ спальникѣ. Что касается мѣстнаго управленія, то оно отличается большою неопредѣленностью. Княжества дѣлились на волости, состоявшія изъ пригородовъ съ тянувшею къ нему территоріей. Дѣлились земли также на погосты, сотни и верви. Погосты имѣли значеніе финансовыхъ центровъ. Такихъ погостовъ въ Смоленской землѣ было 45, но были ли они всюду, неизвѣстно. Дѣленіе земель (тысячъ) на сотни (въ Новгородѣ) стоитъ въ связи съ военнонародной организаціей, а вервь, извѣстная намъ по Русской Правдѣ, представляла изъ себя территоріальную общину, члены которой были связаны круговой порукой въ уплатѣ дикой виры. Представителями княжеской власти въ городахъ являлись посадники, которые имѣли прежде всего политическую и военную власть, а затѣмъ и административно-судебную. Они получали кормы и судебныя пошлины, кормы переводились на деньги. Должности эти занимали старшіе дружинники. Органами военнаго управленія были кромѣ князя предводители княжескихъ дружинъ и начальники народнаго, земскаго ополченія—тысяцкіе, обыкновенно бывшіе только въ главныхъ центрахъ земель; упоминаются также сотскіе и десятскіе. Государственное хозяйство совпадало съ личнымъ княжескимъ, и потому органы управленія ихъ также были слиты.

Вѣче. Лѣтопись не сохранила намъ всѣхъ фактовъ о дѣятельности вѣча; тѣмъ не менѣе дошедшія до насъ данныя позволяютъ сдѣлать заключеніе, что вѣчевое начало дѣйствовало почти на всемъ пространствѣ древней Руси: оно было присуще не только главнымъ древнерусскимъ городамъ, но и нѣкоторымъ пригородамъ. Лѣтопись упоминаетъ о вѣчахъ—въ Кіевѣ, Владимирѣ-Волынскомъ, Звенигородѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимирѣ-Залѣсскомъ, Переяславлѣ, Рязани, Галичѣ. Право участія въ вѣчѣ принадлежало всему свободному населенію за исключеніемъ дѣтей, жившихъ при родителяхъ. Въ

лѣтописи, напр., мы находимъ указанія на участіе въ вѣчѣ бояръ, купцовъ и черныхъ людей. Въ Новгородѣ черные люди иногда собирали самостоятельное вѣче. Для рѣшенія вѣчевыхъ дѣлъ требовалось или единогласное постановленіе или такое громадное большинство, противъ котораго ничего не могло сдѣлать меньшинство. Если этого не было, тогда наступала борьба большинства съ меньшинствомъ. Такая борьба или должна была окончиться побѣдой одной изъ сторонъ, или же взаимнымъ соглашеніемъ; постановлялось извѣстное рѣшеніе, которое признавалось уже обязательнымъ. Точно такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличалось количество присутствующихъ на вѣчѣ лицъ: иногда оно было болѣе значительно, иногда менѣе. Вѣче созывалось по звону вѣчевого колокола. Такіе колокола упоминаются въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Владимирѣ-Волынскомъ и нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ городахъ. Рѣшеніе одного состава вѣча иногда перемѣнялось другимъ. Точно такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличается и порядокъ созванія вѣча, мѣсто его и т. д. Право созванія вѣча принадлежало какъ князю, такъ и каждому гражданину, но для этого нужно было, чтобы данное дѣло представляло интересъ и привлекало гражданъ, потому что присутствіе на вѣчѣ не было обязанностью, а правомъ. Главнымъ правомъ вѣча является призваніе и удаленіе князя; имъ пользовалось не только новгородское вѣче, но и всѣ другія, хотя, конечно, въ меньшей степени. Такъ, кіевляне по смерти Святополка призвали къ себѣ на княженіе Владимира Мономаха вопреки постановленію, принятому на Любецкомъ съѣздѣ. Новгородцы этимъ правомъ пользовались постоянно и обставляли его извѣстными юридическими формальностями. Во всѣхъ городахъ одновременно съ призваніемъ князя заключался съ нимъ договоръ. Количество дошедшихъ до насъ договоровъ крайне ограничено. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ весьма характерны. Таковъ, напримѣръ, договоръ бывшаго смоленскаго князя Ростислава съ кіевлянами. Ростиславъ былъ приглашенъ на Кіевское княженіе и долженъ былъ заключить рядъ съ кіевлянами, по которому обязался имѣть своего дядю Вячеслава, вмѣсто отца. Когда этотъ послѣдній умеръ, Ростиславъ явился въ Кіевъ и хотѣлъ отправиться въ походъ противъ черниговскихъ князей; но здѣсь его собственная дружина говорила ему: „*се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми Кыевъ не утвердилъ;* а *пойди лѣпле въ Кыевъ же съ людьми утвердити ся да, аче стрый придетъ на тя Дюрги, пакъ ты ся съ людьми утвердилъ будешь, годно ти ся съ нимъ умирити — умиришися паки-*

ли рать зачнешь съ нимъ". Такимъ образомъ изъ этихъ словъ мы видимъ необходимость договора для Ростислава съ кіевлянами. Другимъ правомъ вѣча является право объявленія войны и заключенія мира; князья часто прибѣгаютъ къ вѣчу, чтобы получить отъ него помощь противъ того или иного врага. Мы знаемъ, что князь самъ не располагалъ значительными военными силами и нуждался въ помощи гражданъ. Очень часто вѣче отказывало князю въ его просьбѣ. Что касается до взаимныхъ отношеній вѣча главнаго города и пригородовъ, то объ этомъ мы имѣемъ классическое извѣстіе Лавр. лѣтописи: «*Новгородци бо изначала и смольняне и кыяне (и полочане) и вся власти (т.-е. волости, области), яко же на думу на вѣча сходятся, что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть*». Но такія отношенія не оставались неизмѣнными: съ теченіемъ времени они нѣсколько видоизмѣнились; пригороды въ разныхъ областяхъ стараются достичь полной самостоятельности. Извѣстно, напр., что полной внутренней автономіи достигли: новгородскій пригородъ Псковъ, Вятка, Владиміръ-на-Клязьмѣ и др. Жителямъ пригорода нужно было являться въ главные города въ качествѣ вѣчниковъ. Но подобнаго рода порядокъ былъ очень неудобенъ для пригорода, потому что жители его, въ силу отдаленности отъ главнаго города, не имѣли возможности туда часто являться.

Княжеская дума. Княжеская дума въ противоположность вѣчу представляла изъ себя учрежденіе, дѣйствовавшее безпрерывно въ княжескій и въ царскій періодъ нашей исторіи; она не ограничивала княжеской власти, а, наоборотъ, была полезна и даже необходима для нея. Какъ бы мы ни преуменьшали значенія княжеской думы, хотя бы даже отрицали за ней характеръ учрежденія, а видѣли только въ ней акты совѣщанія князя съ отдѣльными лицами, — все же остается внѣ сомнѣнія фактъ, что не было князей, у которыхъ не было думцевъ, а, слѣдовательно, и думы. Членами думы были только старшіе дружинники-бояре, голосъ которыхъ имѣлъ наиболѣе вѣса въ глазахъ князя. Герой «Слова о полку Игоревѣ» Игорь послѣ своего пораженія воскликнулъ: «*гдѣ бояре думающеи?*» Святославъ Ольговичъ, узнавъ объ убіеніи родного брата Игоря, созываетъ на совѣтъ старѣйшую дружину. Юрій Долгорукій послушалъ бояръ, совѣтовавшихъ ему не передавать Кіева брату Вячеславу. Правда, нѣкоторые князья призывали къ себѣ на совѣтъ не старшихъ, а младшихъ дружинниковъ, но на это смотрѣли какъ на нарушеніе обычая, приводящее къ непріятнымъ послѣдствіямъ для самого князя. Такъ, Всеволодъ Ярославичъ подъ старость началъ любить совѣты «юныхъ» дру-

жинниковъ и тѣмъ вызвалъ негодованіе старшихъ. «*Лютъ бо граду тому*, — говоритъ лѣтописецъ, — *въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтніки*». Число думцевъ было невелико (5, 6, 7) — въ составъ думы входили только тѣ бояре, которые были въ моментъ совѣщанія при князѣ и которыхъ онъ желалъ привлечь къ этому совѣщанію. Совѣщанія эти представляли изъ себя обычное постоянное и важное занятіе князя и открывали собою порядокъ его дня. Владимиръ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ, «сѣсть и думать съ дружиною». Совѣты думцевъ оказывали большое вліяніе на князя, хотя онъ и не обязанъ былъ имъ подчиняться. Думцы теперь болѣе свободно высказывали свои сужденія, дѣлали «встрѣчу» князю, т.-е., противорѣчили ему, чѣмъ въ московскій періодъ. Лѣтопись оставила намъ нѣсколько свидѣтельствъ о препирательствахъ бояръ-думцевъ съ княземъ. Нерѣдко разногласіе наблюдалось и среди самихъ думцевъ. Иногда князь оставался при своемъ мнѣніи, шедшемъ въ разрѣзъ съ думскимъ, иногда его убѣждали доводы совѣтниковъ. Были и такіе князья, которые обыкновенно дѣлали то, что имъ совѣтовали думцы — и тогда все зависѣло отъ состава ихъ совѣтниковъ. Тогдашній публицистъ Даніилъ Заточникъ говоритъ: „*князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыа, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высокаго стола додумается, а съ лихими думцами думаетъ и малаго лишенъ будетъ*". Дума была такъ тѣсно связана съ княземъ, что вовсе не имѣла самостоятельныхъ функцій, а ея компетенція была слита съ княжеской. Совѣты бояръ не ограничивали княжеской власти, но являлись практическимъ удобствомъ для обѣихъ сторонъ, даже необходимостью. Старшая дружина дорогобужскаго князя Владимира отказалась участвовать съ нимъ въ походѣ потому, что онъ заранѣе не посовѣтовался съ нею объ этомъ. Мысль о необходимости для князя совѣщаться съ дружиною ясно выразили дружинники кіевскаго князя Мстислава Изяславича, засвидѣтельствовавъ, что онъ не могъ безъ ихъ вѣдома не только захватить въ плѣнъ двухъ князей, но даже и подумать объ этомъ.

Составъ общества. Населеніе дѣлилось на свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ. Замкнутыхъ сословій среди свободныхъ не существовало, а были только классы, при чемъ переходъ изъ одного въ другой былъ возможенъ и нерѣдко осуществлялся на дѣлѣ. Такихъ классовъ было три — большіе, средніе и молодшіе люди. Они отличались другъ отъ друга не по своему юридическому, а фактическому положенію, т.-е. по занятіямъ и имущественному состоянію. Было дѣленіе по профессіямъ на дру-

жину и земщину, но и здѣсь былъ возможенъ переходъ изъ одной группы въ другую. Было дѣленіе по мѣстожительству — на горожанъ и селянъ, но и въ городахъ, и въ селеніяхъ могли проживать люди одного и того же класса, горожане нерѣдко занимались сельскими промыслами, ибо многіе города представляли изъ себя тѣ же села, только огороженныя. Кадръ полусвободныхъ набирался изъ свободныхъ, и каждый могъ снова сдѣлаться свободнымъ. Только рабы представляли сословіе въ томъ смыслѣ, что ихъ объединялъ юридическій признакъ безправія; точнѣе говоря, они представляли не субъектъ, а объектъ права, какъ движимое или недвижимое имущество.

Дружина. Въ изучаемый нами періодъ въ значительной степени измѣнился составъ дружины. Мы знаемъ, какую важную роль въ прежнее время играли иноземные наемники (особенно норманскіе) въ русской дружинѣ. И теперь, правда, попадаются иноземцы, но только спорадически; смѣшаннымъ же инородческимъ характеромъ отличаются дружины бродниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ другою отличительною чертою въ жизни дружины являются ея постоянныя передвиженія съ одного мѣста на другое. Прежняя единая Русь раздробилась на цѣлый рядъ областей; въ каждой изъ нихъ явилась теперь отдѣльная княжеская семья; количество князей чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалось; сообразно съ этимъ увеличивалось и количество дружинъ, ибо у каждаго князя было своя дружина. Вслѣдъ за князьями двигались и ихъ дружины. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ значеніе дружины ослаблялось многочисленностью княжеской семьи: въ силу этого даже въ незначительныхъ пригородахъ въ качествѣ управителей сидѣли представители княжескаго семейства, а не бояре намѣстники. Такъ было, напр., въ Сѣверской землѣ, гдѣ даже такой незначительный пунктъ, какъ Вщижъ, имѣлъ въ одно время самостоятельнаго князя. Наконецъ, въ иныхъ областяхъ обстоятельства благопріятствовали развитію значенія дружиннаго класса. Такъ было въ Галицкомъ княжествѣ; во главѣ его стояли Ростиславичи, не изъявлявшіе никакихъ притязаній на сосѣднія волости и заботившіеся о процвѣтаніи своей собственной; семья Ростиславичей никогда не была многочисленна, такъ что старшіе дружинники по необходимости занимали должности правителей городовъ и волостей, благодаря чему они могли стать въ непосредственныя отношенія къ населенію и прочно среди него обосноваться. Наступившая вслѣдъ затѣмъ эпоха смутъ вслѣдствіе прекращенія потомства Ростиславичей и малолѣтства Романовичей еще болѣе усилила ихъ значеніе, такъ что кня-

жеской власти не удалось уже окончательно сломить ихъ господство, и они составили изъ себя какъ бы сенатъ при князѣ. Но на первомъ планѣ для дружинника стояли все-таки отношенія къ князю, а не къ области. Вся дѣятельность дружины, вообще говоря, направлена была въ пользу княжескихъ интересовъ: дружина состоитъ на службѣ у князя; отъ него только она и могла ожидать разныхъ благъ. Съ другой стороны, и князь жилъ, что называется, душа въ душу съ дружиною, думалъ съ нею обо всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и не жалѣлъ никакихъ средствъ для улучшенія ея положенія. Дружина отказываетъ въ помощи Владиміру Мстиславичу потому, что онъ самъ задумалъ предпріятіе и ничего не сообщилъ ей объ этомъ. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста нѣмецкому посольству, которому Святославъ показывалъ свои богатства, такія слова, *„се ни во что же есть, се бо лежитъ мертво; сего суть кмьты лучьше бо доищутъ и больша сего“*. Въ моленіи Даніила Заточника читаемъ *„князь щедръ отецъ есть слугамъ многимъ, мнози бо оставляютъ отца и матерь къ нему прибыгаютъ“*. Дружина, какъ и ранѣе, дѣлилась на старшую и младшую, это различіе признавалось законодательствомъ. За старшаго дружинника платилось виры 80, а за младшаго 40 гривенъ. Старшіе дружинники—княжіе мужи, бояре являются преимущественно княжескими совѣтниками, думцами (вспомнимъ участіе въ составленіи Русской Правды); они же предводительствуютъ ратью при младшихъ князьяхъ, являются опекунами малолѣтнихъ сиротъ князей. Они же занимали различныя должности по управленію и суду. Младшая дружина—княжескіе слуги, иначе отроки, дѣтскіе, гридь, дѣти боярскіе, дворяне; послѣдній терминъ впослѣдствіи мало-помалу сдѣлался общимъ для всего высшаго класса въ Россіи. Гридь только иногда призывалась на совѣщаніе и занимала низшіе разряды должностей. Доходы дружинниковъ состояли изъ жалованья и суммъ, полученныхъ отъ управленія волостей, отъ суда, отъ земельныхъ владѣній. Но количество взимаемыхъ доходовъ было заранѣе: въ качествѣ управителей волостей дружинники получали отъ населенія опредѣленную сумму: размѣръ судебныхъ пошлинъ былъ опять-таки ясно опредѣленъ закономъ (Русской Правдой). Неопредѣленный характеръ носила только военная добыча.

Земщина. Все остальное населеніе древней Руси можетъ быть раздѣлено на 3 группы: 1) свободныхъ, 2) полузависимыхъ и 3), наконецъ, рабовъ. Свободные люди дѣлятся на 3 класса: 1) высшій классъ или бояръ, 2) средній, 3) и низшій. Земскихъ бояръ, называвшихся и огнищанами, нужно отличать отъ бояръ

дружинниковъ; но и тѣ и другіе не рѣдко сливались; бояре, какъ показываетъ самое названіе, — лучшіе люди въ древнерусскомъ обществѣ, т.-е. вельможи, пользующіеся властью, богатые землевладѣльцы, владѣвшіе не только селами, но и жившею въ нихъ челядью. Но среди боярства не было наслѣдственности. Второй категоріей являются средніе люди, главнымъ образомъ, купцы. Источники знаютъ два вида купцовъ—мѣстныхъ и иноземныхъ, иначе — гостей; послѣдніе пользовались большимъ почетомъ и преимуществами. Занятіе торговлею не было исключительною принадлежностью однихъ купцовъ; торговлей занимались также князья и бояре, дружинники и даже черные люди. Въ третій разрядъ черныхъ людей входятъ какъ жители городовъ, такъ и жители селеній. Въ городахъ сюда принадлежатъ, главнымъ образомъ, разнаго рода ремесленники; въ селеніяхъ—такъ называемые смерды—впослѣдствіи крестьяне. Изъ краткаго лѣтописнаго извѣстія о походѣ Мономаха на половцевъ видно, что они жили въ селахъ и имѣли свое собственное хозяйство, землю, гумно, лошадь и т. д., были, слѣдовательно, свободными земледѣльцами, обладавшими личными и имущественными правами и участвовавшими въ народныхъ ополченіяхъ.

Таковы главнѣйшія категоріи свободныхъ лицъ. Не свободные, зависимые люди, назывались закупнями или наймитами. Положеніе ихъ, по Русской Правдѣ, представляется намъ въ такомъ видѣ: они пользуются личной свободой и имущественной правоспособностью. Если, напр., закупень испортитъ борону или плугъ своего хозяина, то подвергается за это опредѣленному взысканію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользуется правомъ иска противъ своего владѣльца; если этотъ послѣдній пытается продать его кому другому или обратить въ раба, онъ имѣетъ право итти съ жалобой къ князю и получаетъ свободу. Съ другой стороны, закупень является намъ, по той же Русской Правдѣ, лицомъ зависимымъ; если, напр., онъ попадается въ воровствѣ, то штрафъ за него вноситъ господинъ, но зато и самъ онъ обращается послѣ этого въ холопа; господинъ имѣетъ право бить своего закупня, хотя, впрочемъ, только за дѣло. Такое сочетаніе свободы и зависимости объясняется положеніемъ закупней. Они являются въ качествѣ должниковъ своего господина и принимаютъ за это на себя извѣстныя обязанности; но лишь только долгъ будетъ выплаченъ, всѣ обязанности прекращаются, и закупни обращаются въ свободныхъ людей.

Наконецъ на послѣдней ступени соціальной лѣстницы нужно поставить рабовъ, челядь или холоповъ. Положеніе рабовъ въ древней Руси было очень тяжелое. Если рабъ что-нибудь и

пріобрѣталъ, то оно шло въ пользу его господина; слѣдовательно, онъ не пользовался никакими имущественными правами. За преступленія, совершонныя рабомъ, долженъ былъ уплачивать господинъ; самъ онъ, слѣдовательно, не признается юридически правоспособнымъ членомъ общества, а вещью, составляющею полную неотъемлемую собственность господина. Господинъ могъ безнаказанно убить своего раба. Причины, ведшія къ рабству, были слѣдующія: 1) бракъ безъ договора съ рабой, 2) тіунство безъ договора, 3) бѣгство закупня, 4) несостоятельность въ уплатѣ долга; 5) рожденіе отъ несвободныхъ родителей; 6) продажа себя при свидѣтеляхъ и 7), наконецъ, плѣнъ. Защитникомъ рабовъ была церковь, вліяніе которой было довольно значительно. Съ принятіемъ христіанства, распространился въ обществѣ взглядъ, что отпущеніе рабовъ на волю—дѣло весьма богоугодное. Такихъ отпущенниковъ церковь брала подъ свое покровительство, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ церковные уставы. Рабовладѣніе играло крупную роль въ экономической жизни страны. Княжескія и боярскія села изобиловали челядью: у одного изъ черниговo-сѣверскихъ князей ея оказалось 700 чел. Высшую ступень среди челяди занимали княжескіе сельскіе ключники и тіуны, служба коихъ являлась прототипомъ будущей государственной службы.

Горожане и селяне. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ дѣленіемъ существовало еще другое — по мѣстожительству — на горожанъ и селянъ. Городовъ въ областной періодъ было очень много, — по лѣтописямъ до 300; а въ дѣйствительности еще болѣе; но немногіе изъ нихъ имѣли торговопромышленное значеніе; другіе же представляли изъ себя военные оборонительные пограничные пункты и не отличались многолюдствомъ. Объ этихъ послѣднихъ даетъ понятіе разсказъ лѣтописи, что, при взятіи городка Всеволожа, въ немъ оказались еще два другіе города, а когда объ этомъ услышали три другіе города, то побѣжали, и ихъ князь настигъ на полѣ. Обиліемъ городовъ отличалась южная и западная Русь — въ сѣверо восточной ихъ было мало. Обыкновенно каждый болѣе или менѣе обширный городъ состоялъ изъ двухъ частей: дѣтинца и острога. Въ дѣтинцѣ помѣщались общественныя городскія постройки, т.-е. соборъ, княжескій теремъ и дворы дружинниковъ и духовныхъ. Здѣсь жилъ князь и его дружина. Наоборотъ, внѣшній градъ, или острогъ, заключалъ въ себѣ уже собственно жилища гражданъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т.-е., ремесленниковъ и купцовъ. Какъ дѣтинецъ, такъ и острогъ были окружены стѣнами, рвами съ водою и очень часто цѣлой системой валовъ; стѣны и башни

обыкновенно бывали деревянныя. Городъ имѣлъ въ это время двоякій характеръ: военно-административный и промышленно-торговый. Иные города отличались промышленнымъ духомъ въ большей степени, другіе въ меньшей. Особеннымъ характеромъ отличались города, находившіеся по окраинамъ Русской земли — въ Черниговскомъ, Переяславскомъ и Кіевскомъ княжествахъ. Эти города были населены и русскими дружинниками, и черноклобуками — обрусѣвшими половцами. Они были построены съ чисто военными цѣлями для защиты противъ кочевниковъ. Въ смыслѣ административномъ города являются центрами всего прилегающаго къ нимъ округа или волости. Одни изъ нихъ — главные — распространяли свое вліяніе на болѣе обширную территорію, другіе — второстепенные, иначе пригороды — на гораздо меньшую. Важное политическое значеніе городамъ придавали ихъ вѣча. Что касается до селеній, то они имѣли свой опредѣленный центръ—такъ называемые погосты. Погосты въ древней Руси были тѣмъ, чѣмъ въ настоящее время является волость, т.-е. административнымъ центромъ окружающихъ селеній. Одни изъ нихъ могли принадлежать князьямъ, другіе монастырямъ и т. д., но всѣ они тянули «по землѣ и водѣ» къ погостамъ.

Законодательство. Важнѣйшимъ законодательнымъ памятникомъ этой эпохи является «Русская Правда». «Русская Правда» была открыта извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка въ спискѣ Новгородской лѣтописи. Татищевъ снабдилъ ее примѣчаніями и передалъ въ Академію Наукъ. Первымъ издателемъ этого памятника былъ извѣстный критикъ Шлецеръ, который выпустилъ ее въ свѣтъ въ 1767 году. Послѣ этого было открыто еще множество списковъ Русской Правды. Наиболѣе важнымъ изъ послѣдующихъ изданій нужно признать сводное систематическое изданіе по 50 спискамъ, сдѣланное Н. В. Калачевымъ (въ 1847 г.). Все содержаніе Правды разбито имъ на 4 отдѣла: 1) статьи, относящіяся къ государственному праву, 2) статьи, относящіяся къ гражданскому праву, 3) уголовному праву, 4) судопроизводству. Въ противоположность Тобину, разбившему всѣ списки на 2 редакціи — краткую и пространную, Н. В. Калачовъ установилъ 4 редакціи: краткую, 2 пространныя и сокращенную изъ пространныхъ. Но пространная Русская Правда не представляетъ въ сущности 2-хъ редакцій, и потому рѣчь можетъ итти только о 3-хъ редакціяхъ. Наиболѣе же удобнымъ въ практическомъ отношеніи нужно признать изданіе этого памятника въ извѣстной «Хрестоматіи по исторіи русскаго права» проф. Владимірскаго-Буданова. Н. А. Марксъ издалъ древнѣйшій «Синодальный» списокъ Русской Правды (въ Новго

родской Кормчей XIII в.) въ 1910 г. Есть еще и изданіе проф. В. И. Сергѣевича, который напечаталъ этотъ памятникъ по 4-мъ основнымъ спискамъ и дѣлитъ краткую редакцію на 2 редакціи—Русскую Правду Ярослава Муд. и его сыновей. Не видя достаточныхъ основаній къ такому дѣленію и признавая болѣе правильнымъ дѣленіе на 3 редакціи, изъ коихъ существенное значеніе по содержанію своему имѣютъ только 2 — краткая и пространная, — мы въ виду практическихъ соображеній дадимъ обзоръ краткой ея редакціи въ двухъ частяхъ—Ярослава Мудр. и его сыновей, а затѣмъ остановимся на такомъ же обзорѣ содержанія пространной Правды. По господствующему нынѣ мнѣнію, Русская Правда не является офиціальнымъ законодательнымъ памятникомъ (въ родѣ Уложенія), а представляетъ изъ себя неофиціальный сборникъ свѣтскаго права. В. О. Ключевскій отрицаетъ за ней даже и такое происхожденіе и считаетъ ее продуктомъ частной кодификаціей въ сферѣ церковнаго суда; но это мнѣніе не можетъ быть принято: несмотря на частный характеръ дошедшихъ до насъ списковъ, они должны были имѣть практическое приложеніе въ свѣтскомъ судѣ. Хотя В. И. Сергѣевичъ даетъ новое дѣленіе статей разныхъ редакцій, но мы принимаемъ старое Калачевское. Русская Правда составлялась, наростала, такъ сказать, постепенно въ продолженіе XI, XII и XIII вѣковъ; при этомъ въ составѣ ея ясно различаются: 1) Правда самого Ярослава, 2) Правда сыновей его, 3) Правда XII и XIII в.в. 1) Правда самого Ярослава Мудраго состоитъ только изъ 17 §§. По своему содержанію эти параграфы дѣлятся на три отдѣла, a) Къ первому отдѣлу принадлежитъ одинъ первый параграфъ, трактующій объ убійствѣ. b) Ко второму—восемь слѣдующихъ, говорящихъ объ оскорбленіи личности. c) Къ третьему—восемь послѣднихъ, имѣющихъ въ виду нарушенія правъ собственности. 2) Русская Правда Ярославичей уже гораздо обширнѣе, но подобно предыдущей также можетъ быть раздѣлена на три отдѣла: a) въ первомъ, состоящемъ изъ одиннадцати статей, говорится о преступленіяхъ противъ личности; b) во второмъ, состоящемъ изъ тринадцати статей, мы находимъ постановленія о нарушеніи правъ собственности; c) въ третьемъ, состоящемъ изъ двухъ статей, говорится о судѣ и судебныхъ пошлинахъ. Она начинается такъ: «*Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула*». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь находится одинъ параграфъ (предпослѣдній), о которомъ въ самомъ текстѣ сказано: «*то ти оурокъ Ярославль*», т. е. уставъ Ярослава Мудраго. Первою особенностью Русской

Правды сыновей Ярослава Мудраго является то, что они, по выраженію одного изъ параграфовъ, *«отложиша оубіеніе за голо - но кунами ся выкупати: а иное все, якоже Ярославъ судилъ»* (последнее не совсѣмъ точно). И дѣйствительно, изъ перваго параграфа Правды Ярославичей видно, что за убійство огнищанина уплачивалась вира въ 80 гривенъ. Не касаясь подробностей содержанія перваго отдѣла Правды Ярославичей, мы только отмѣтимъ важнѣйшія особенности этого юридическаго памятника. Кромѣ указаннаго выше полнаго уничтоженія мести, мы здѣсь должны указать еще на то обстоятельство, что памятникъ этотъ принимаетъ во вниманіе мотивъ преступленія («въ обиду»). — Во второмъ отдѣленіи нужно замѣтить разницу, которая существуетъ между воровствомъ одного человѣка и цѣлой шайки. 3) Русская Правда XII и XIII вѣковъ. Русская Правда Ярославичей представляла изъ себя не замѣну, а дополненіе къ Правдѣ Ярослава Мудраго, которая, какъ мы видѣли, продолжала дѣйствовать въ Русской землѣ. Пространная Правда XII и XIII вѣковъ представляетъ изъ себя, въ противоположность предыдущей, болѣе или менѣе систематическій сводъ постановленій какъ Ярослава Мудраго, такъ его сыновей и послѣдующихъ XII и XIII вѣковъ. Мы остановимся только на важнѣйшихъ составныхъ частяхъ этой пространной Русской Правды. а) Преступленія противъ жизни. Здѣсь мы находимъ указанія на тѣ случаи, когда виру платитъ не виновникъ, а община, къ которой онъ принадлежалъ. Дикая вира платилась вервью, т.-е. общиной, въ томъ случаѣ, когда убійцы не было налицо, или же община не желала его выдать, или когда убійство совершалось явно на пиру. Головничество, т.-е. плату родственникамъ за голову убитаго, виновный уплачиваетъ самъ. Гораздо болѣе тяжелое наказаніе полагалось разбойнику, убивавшему съ цѣлью ограбить имущество убитаго. За разбойника вервь не платила, наоборотъ—выдавала его самого вмѣстѣ съ женой и дѣтьми «на потокъ и разграбленіе». Наконецъ существовалъ еще одинъ видъ виры—такъ называемой поклепной. Поклепною вирою называлась такая, которая налагалась на лицо, подозрѣваемое въ преступленіи, но не схваченное во время его совершенія. Въ такомъ случаѣ для доказательства требовались свидѣтели, и притомъ можно было «искать на виновномъ» только до тѣхъ поръ, пока трупъ еще не разложился и можно было въ немъ узнать извѣстное лицо. b) Оскорбленіе личности. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что уже не ограничиваются констатированіемъ факта преступленія, а стараются опредѣлить и мотивы его. Если, напримѣръ, окажется, что жалобщикъ, явившійся окрова-

вленнымъ, т.-е. потерпѣвшимъ побои и насиліе, самъ первый началъ драку, то штрафа въ вознагражденіе онъ не получаетъ. c) Нарушеніе правъ собственности. Здѣсь особенно подробно говорится о сводѣ, указываются границы свода, что, конечно, было необходимо опредѣлить. Въ одномъ городѣ можно было вести сводъ до конца, но если онъ выходитъ за предѣлы города, то долженъ былъ заканчиваться въ третьемъ населенномъ пунктѣ (городѣ или деревнѣ). d) постановленія о займахъ и процентахъ. Давать деньги въ заемъ необходимо было при свидѣтеляхъ. Проценты существовали мѣсячные при короткомъ срокѣ и годовые при длинномъ (по новѣйшимъ толкованіямъ третные проценты отвергаются). Но постановленія о рѣзахъ подвергались все-таки измѣненіямъ. При Святополкѣ, какъ извѣстно, произошелъ мятежъ, обрушившійся, главнымъ образомъ, на евреевъ-ростовщиковъ. Владимиръ Мономахъ, вступивши на Кіевскій столъ, долженъ былъ урегулировать этотъ финансовый вопросъ. И дѣйствительно, онъ издалъ особый уставъ о рѣзахъ, т.-е. процентахъ, гдѣ процентъ пониженъ съ 50 до 40. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе и на тѣхъ лицъ, которыя за долги поступали во временную зависимость отъ своихъ заимодавцевъ. Это были такъ называемые серебряные и ролейные закупы: первые получали ссуду деньгами, а вторые — въ видѣ сельско-хозяйственнаго обзаведенія. e) Законы о наслѣдствѣ. Русская Правда отличаетъ наслѣдованіе у боярина отъ наслѣдованія смерда, т.-е. простого человѣка. Послѣ боярина его наслѣдство, которое носитъ техническое названіе задница, въ случаѣ отсутствія мужескаго потомства, переходитъ къ дочерямъ, а послѣ смерда въ такомъ же случаѣ оно идетъ въ пользу князя (но есть мнѣніе, устраняющее такую разницу). Эта разница, быть-можетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что бояре владѣли личной поземельной собственностью, а смерды общинною, т.-е. въ извѣстной мѣрѣ—государственною. Жена имѣетъ опредѣленную долю въ наслѣдствѣ мужа; сестра при братьяхъ не наслѣдница; незаконорожденныя дѣти отъ рабыни наслѣдствомъ не пользуются, но зато получаютъ личную свободу. Мать своимъ приданымъ распоряжается по собственному желанію. f) Законы объ опекѣ. Опекуншей малолѣтнихъ дѣтей послѣ смерти отца должна быть мать; если она выходитъ замужъ, то опекуномъ можетъ сдѣлаться или ея второй мужъ, или родственники перваго. Опекунъ получаетъ извѣстный доходъ за свою обязанность. Эти постановленія Русской Правды отличаются отъ западно-европейскихъ и ихъ римскаго первоисточника значительной властью, предоставленной вдовѣ. g) За-

коны о холопствѣ. Русская Правда точно указываетъ причины, которыя приводятъ къ холопству. Ихъ было три: продажа себя на торгу, тіунство безъ ряда (т.-е. договора частнаго лица) и такая же женитьба безъ ряда (на рабѣ). Наоборотъ, женитьба на рабѣ съ предварительнымъ уговоромъ дѣлала и рабу свободной. За передержательство бѣглыхъ холоповъ назначались штрафы, потому что на холоповъ законодательство смотрѣло, какъ на собственность ихъ владѣльцевъ. Но этотъ самый взглядъ приводилъ къ матеріальной отвѣтственности господина за экономическія и финансовыя обязательства его холопа. Преступленія, которыя имѣла въ виду Рус. Правда, были слѣдующія — убійства, увѣчье, побои, разбой, воровство (татьба), поджогъ, ссоры (свада), матеріальный ущербъ. Наказанія—вира (пеня за убійство князю), головничество (штрафъ въ пользу родственниковъ убитаго), потокъ и разграбленіе (изгнаніе и конфискація имущества), продажа (денежная пеня). Способы доказательства: желѣзо и вода (пытка), сводъ—поискъ виновнаго, видоки и послухи (свидѣтели), рота—клятва, закликанье на торгу — объявленіе на торгу о бѣгствѣ рабовъ. «Русская Правда, по словамъ В. О. Ключевскаго, есть по преимуществу уложеніе о капиталѣ... Самый трудъ, т.-е. личность человѣка разсматривается, какъ орудіе капитала. Можно сказать, что капиталъ—это самая привилегированная особа въ Рус. Правдѣ... Законъ строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности. Легко замѣтить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основаніемъ Русской Правдѣ: это былъ большой торговый городъ, а село въ Русской Правдѣ остается въ тѣни, на заднемъ планѣ: огражденію сельской собственности отведенъ короткій рядъ статей среди позднѣйшихъ частей Правды.

14-я глава. Матеріальная культура.

Добывающая промышленность. — Обрабатывающая промышленность. — Искусство. Торговля.—Денежная система.—Народныя бѣдствія.—Домашній бытъ

Литература вопроса. Источники: лѣтописи, грамоты, памятники древности и искусства. Пособія. *М. П. Погодинъ.* Древняя русская исторія до-монгольскаго ига, т. 2-й. М. 1872 г.; *Н. А. Аристовъ.* Промышленность древней Руси; *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. 1-й. К., 1911 г.; Русскія историческія одежды, вып. I, С.ПБ. 1877; *А. Новицкій.* Исторія русскаго искусства, т. 1-й, М., 1903 г.; *Казанскій.* Изслѣд. о древн.-рус. мон. системѣ (Зак. и Археол. общ., III); *Прозоровскій.* Монета и вѣсъ въ Россіи. СПБ, 1865; *Черепнинъ.* О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ (труды XI Арх. съѣзда т. 2-й, м. 1902); *Его же.* О гривенной денежной системѣ по древнимъ кладамъ (Тр. моск. нумизм. общ., т. 2-й, вып. 2-й, 98 –215 стр. М. 1901 г.); *Трутовскій.* Что такое ногата? М., 1901; *Усовъ.* Зам. о древне-русскихъ деньгахъ по Русск. Правдѣ. (Древности, т. IX); *Лешковъ.* Русскій народъ и государство; *Д. И. Багалѣй.* Стихійныя бѣдствія

и борьба съ ними въ Россіи встарину. (Ист. Вѣст. 1892 г., январь; *Н. П. Кондаковъ* и *И. И. Толстой.* Русскія древности въ памятн. искусства, вып. V—VI; *Н. П. Кондаковъ.* Русскіе клады, т. 1. СПБ., 1896; *Его же.* Изображ. рус. кн. семьи въ миніатюрахъ XI в. СПБ., 1906; *Голубинскій.* Исторія рус. церкви. I т., 2 пол., 1904; *Д. В. Айналовъ.* Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства, СПБ. 1908; *Его же.* Архитектура черниговскихъ храмовъ. Черн., 1908; *Н. В. Покровскій.* Древняя Софійская ризница въ Новгородѣ I—II. 1913 г. (роскошное цѣнное изданіе); *А. А. Бобринскій.* Кіевскія миніатюры XI в. и портретъ кн. Ярополка Изяславича въ псалтырѣ Егберта, СПБ., 1902; Ак. *А. М. Павлиновъ.* Исторія русской архитектуры. М. 1894; *Грабарь.* Исторія русскаго искусства. Томъ 1-й, вып. I, II, III. *Д. Айналовъ* и *Г. Рѣдинъ.* Древніе памятники искусства Кіева. X. 1899; *Ханенко.* Древности Приднѣпровья, вып. V-й, К. 1902; *Бережковъ.* О храмахъ, Владимиро-Сузд. кн. XII—XIII вв. (Труды Владим. уч. Архив. Ком., кн. 5-я, Влад. 1903 г.); *Лашкаревъ.* Церк. археологич. изсл., К., 1898; *Его же* Церкви Чернигова и Новгородъ-Сѣверска. (Тр. XI Археол. съѣзда, т. 2-й, м. 1902). *Грушевскій.* Исторія Украіни-Руси, т. III, 1905; *Рожковъ.* Обзоръ рус. исторіи съ соціол. точки зрѣнія, часть 1-я. Изд. 2-е М. 1905.

Добывающая прымышленность. Въ изучаемый нами періодъ всѣ отрасли добывающей промышленности (земледѣліе, скотоводство, звѣроловство, бортничество) существовали совмѣстно. Трудно рѣшить вопросъ объ относительномъ преобладаніи одной надъ другой: можно только замѣтить, что въ этомъ случаѣ играли большую роль мѣстныя условія; земледѣліе было распространено въ большей или меньшей степени во всѣхъ княжествахъ. Села были у князей, княгинь, земскихъ бояръ и дружинниковъ, монастырей и церквей. Подсѣчное хозяйство было очень распространено, на это указываютъ попадающіяся въ источникахъ выраженія, «роздерти», «росчисти», «роскосы», «гари», очевидно, часто приходилось расчищать и выжигать лѣсъ, поднимать цѣлину; въ пользу этого также свидѣтельствуетъ масса такихъ выраженій, какъ: «селища», «дворища», «деревнища», «починки», «новоселки» и т. д. Одно земельное владѣніе отдѣлялось отъ другого межами, о коихъ говоритъ Рус. Правда. Села заключали въ себѣ не только пахотныя земли, но и разныя угодья. Землевладѣльческое хозяйство покоилось повидимому главнымъ образомъ на несвободномъ трудѣ — полусвободныхъ закупней и несвободной челяди, но было и мелкое хозяйство свободныхъ смердовъ. Занимаясь земледѣліемъ, народъ не засиживался долго на одномъ мѣстѣ; бросалъ прежнія селенія — такъ образовались селища, переходилъ на новые—такъ образовались починки, новоселки. Неудивительно, что распаханныя земли, называвшіяся тогда притеребами, цѣнились дороже цѣлины. Расчищенное изъ-подъ лѣса поле носило названіе ляды, а распаханная земли *старинъ;* вотъ любопытное свидѣтельство объ этомъ памятникѣ XII вѣка (письмо митр. Климента къ смол. свящ. Ѳомѣ), «...*при-*

лагають домъ къ дому и села къ селамъ, изгоиже и сябры и борти и пожни и ляда же и старины. Земледѣльческія орудія были тѣ же, что и теперь: плугъ, рало (соха), борона, серпъ. Хлѣбъ складывали въ стоги на гумнѣ. Давидовичи въ сельцѣ Мельтековѣ сожгли гумно въ 900 стоговъ хлѣба. Въ уставѣ Владимира упоминается объ овинѣ; Слово о полку Игоревѣ говоритъ о молотьбѣ на току и вѣяніи зерна; хранили его на гумнѣ или въ ямѣ; мололи на ручныхъ жерновахъ и рѣже на водяныхъ мельницахъ. Разводились всѣ нынѣ существующіе сорта (хлѣба); нѣтъ упоминаній только объ одной гречихѣ, но и то, можетъ-быть, тутъ виновата случайность; есть упоминаніе и о масличныхъ растеніяхъ — льнѣ и коноплѣ; гораздо меньше должны были быть распространены огородничество и садоводство. Въ огородахъ засѣвались капуста, рѣпа, макъ, тыква, бобы, чеснокъ, лукъ, хмель. По всей вѣроятности и садоводство и огородничество не составляли промысла; добываемые продукты шли для домашняго употребленія. Звѣроловство и птицеловство представляли важную отрасль промышленности. Какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Руси было множество дикихъ звѣрей и птицъ; въ сѣверныхъ лѣсахъ преобладали пушные звѣри. Ростиславъ смоленскій одарилъ Святослава черниговскаго соболями, горностаями, черными кунами, песцами, бѣлыми зубами, рыбьими зубами; особымъ богатствомъ дорогихъ пушныхъ звѣрей—соболей, куницъ—славились отдаленныя новгородскія волости — Югра и Самоядь. Бобръ обиталъ едва ли не на всемъ пространствѣ древней Руси. Владимиръ Мономахъ (въ своемъ поученіи) говоритъ, что въ Сѣверской землѣ водились медвѣди, волки, дикіе кони, дикіе быки, олени, лоси. Изъ исчезнувшихъ теперь совершенно породъ тогда были дикіе кони и туры или зубры. Владимиръ Мономахъ сообщаетъ, что онъ своими руками вязалъ по 10 и 20 дикихъ коней. Для ловли звѣрей и птицъ употребляли сѣти, перевѣсы, соколовъ и ястребовъ и, наконецъ, собакъ. Владимиръ Мономахъ говоритъ, что онъ содержалъ нарядъ въ ловчихъ, въ соколахъ и ястребахъ. Охотой занимались прежде всего князья и притомъ не только для пріятнаго препровожденія времени, но и для извлеченія отсюда доходовъ. Волынскій князь Владимиръ во время своей болѣзни разослалъ на охоту своихъ слугъ. Для звѣроловства и птицеловства князья съ самаго давняго времени имѣли особенныя мѣста. Съ жителей въ пользу князей шелъ налогъ, носившій названіе «ловчаго»; такую, напримѣръ, дань наложилъ Мстиславъ на жителей города Берестья за ихъ «коромолу». Очевидно, слѣдовательно, что и населеніе занималось звѣроловствомъ, которое кое-гдѣ доминировало даже надъ земледѣліемъ.

Недаромъ законодательство этого періода (Русская Правда) назначаетъ опредѣленный штрафъ за порчу перевѣса, за воровство пса, сокола, ястреба, сѣти. Да иначе и быть не могло при томъ изобиліи звѣрей и птицъ, которое засвидѣтельствовано источниками. Рыболовство также было распространено, хотя, повидимому, здѣсь именно должны были играть важную роль мѣстныя условія. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ промыселъ былъ, какъ видно, организованъ на широкихъ основаніяхъ, такъ, напримѣръ, въ южной части галицкихъ владѣній, прилегавшихъ къ Черному морю, и въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ, прилегавшихъ къ Бѣлому морю; и въ одномъ и въ другомъ случаѣ были организованы особыя рыболовныя ватаги или артели. Въ другихъ мѣстахъ рыбныя ловли являлись въ качествѣ угодій при земляхъ и, конечно, не имѣли такого большого значенія. Наибольшее количество рыбныхъ ловель должно было, естественно, принадлежать монастырямъ, для которыхъ рыба служила главной пищей. Рыбныя снасти были тѣ же, что и теперь. Ловили рыбу и посредствомъ ѣза, т.-е. перегородки въ рѣкѣ. Рыбу солили и вялили, умѣли извлекать изъ нея икру. Точно такимъ же характеромъ отличалось и бортничество. Вмѣсто нашихъ ульевъ въ то время были борти, т.-е. дыры, выдолбленныя въ деревѣ для помѣщенія пчелъ. И воскъ, и медъ имѣли большой сбытъ какъ внутри государства, такъ и за границу. На Руси въ большомъ ходу было приготовленіе изъ меда напитка, а воскъ шелъ на потребу церкви и за границу. У князей были особыя медуши, гдѣ сохранялся медъ: въ второстепенномъ городѣ Новгородъ-Сѣверскаго княжества—Путивлѣ хранилось 500 берковцевъ меду. Русская Правда старается утвердить права владѣльцевъ бортныхъ деревьевъ и налагаетъ штрафы за уничтоженіе знамени (т.-е. клейма) или за порубку бортнаго дерева. На процвѣтаніе бортничества, кромѣ того, указываетъ медовая дань, шедшая въ пользу князя. Бортники назывались еще древолазцами. Гораздо менѣе было развито скотоводство. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія указываютъ на недостаточное количество коней. Не удивительно, что за конокрадство назначалось очень тяжкое наказаніе. По той же самой причинѣ русскіе добывали скотъ (куплею и грабежомъ) у своихъ сосѣдей — степняковъ (половцевъ). Особенно цѣнились Угорскіе борзые кони, называвшіеся фарями. Наконецъ послѣднимъ видомъ промышленности было добываніе соли. Какъ видно изъ Печерскаго Патерика и лѣтописи, южная Русь довольствовалась галицкой солью; добывали соль и изъ крымскихъ озеръ. Въ Кіевѣ въ одно время (при Святополкѣ) была спекуляція на соль, тогда на помощь населенію пришелъ Печерскій

монастырь. На сѣверѣ соль получалась изъ бѣломорскихъ варницъ, какъ видно изъ уставной грамоты Святослава Ольговича, привозилась изъ Старой Русы, изъ Солигалича Суздальскаго; вываривали ее въ желѣзныхъ сковородахъ («пренахъ»).

Обрабатывающая промышленность. Въ это время существовали уже и многочисленыя ремесленныя хозяйства, гдѣ работа производилась для продажи потребителямъ. Слѣдовательно, обрабатывающая промышленность является довольно развитой. Рядомъ съ предметами, удовлетворявшими необходимыя повседневныя потребности, вырабатывались на мѣстѣ и такіе, которые удовлетворяли и чувству изящнаго и относятся къ области искусства. Изъ ремеслъ въ это время слѣдуетъ отмѣтить плотничье. Это ремесло прежде всего должно было получить широкое примѣненіе въ отношеніи къ постройкѣ жилищъ и церквей, которыя по большей части были деревянныя. Мастера вообще цѣнились дорого. Въ Русской Правдѣ за нихъ положена большая вира, чѣмъ за простого человѣка. Въ частности плотники носили нѣсколько названій, сообразно съ разными отдѣльными видами плотничьяго ремесла,—мостники, городники, древодѣлы, лучевники, бондари и др. О постройкахъ того времени намъ даютъ понятіе остатки старинныхъ церквей — св. Софіи въ Кіевѣ, Новгородѣ, Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ и т. д. Нѣкоторые князья въ особенности прославились своими каменными постройками, таковъ былъ Андрей Боголюбскій; не даромъ ростовцы и суздальцы говорили относительно владимирцевъ: «то суть нашѣ холопѣ каменьницы». Глиняная посуда должна была быть въ большомъ употребленіи. Въ матеріалѣ недостатка быть не могло; что же касается самаго производства, то оно было извѣстно въ самыя отдаленныя времена. Ремесло это занимало, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, много рукъ: въ Новгородѣ, напримѣръ, былъ гончарный конецъ. Кузнечное и слесарное ремесло также должны были имѣть довольно значительное распространеніе; на это указываетъ существованіе въ хозяйственномъ быту того времени разнообразныхъ желѣзныхъ вещей (сѣкиры, ножи, мотыки, котлы, вѣсы, гири, серпы, рала, пилы, долота, замки, мечи съ саблями, копья, рогатины, брони и т. д.). Несомнѣнно была обработка льна и конопли (извѣстны полотна, холстъ и даже кружева), но, вѣроятно, носила домашній, а не ремесленный профессіональный характеръ; то же нужно сказать и о шерстяныхъ издѣліяхъ, хотя кіевскіе монахи выносили на продажу копытца, т.-е. чулки, кожевенное же производство носило ремесленный характеръ. Чрезвычайно важнымъ является фактъ существованія цѣлыхъ ремесленныхъ организацій: древо-

дѣловъ, гробовщиковъ, извозниковъ; слѣдовательно, ремесло являлось профессіей опредѣленныхъ группъ населенія. Интересны для характеристики оплаты труда сообщенія, что женщина въ годъ получала гривну кунъ, въ то время какъ корова стоила 2 гривны, конь 3, а ежедневная заработная плата ремесленниковъ-поденщиковъ равнялась ногатѣ, т.-е. $^1/_{20}$ гривны.

Искусство. Кромѣ ремеслъ, необходимыхъ для домашняго обихода, въ то время на Руси существовали уже и различные виды искусства — архитектура, живопись, художественная промышленность. Областныя лѣтописи сохранили цѣлый рядъ именъ русскихъ людей того времени, которые были первыми русскими художниками. Конечно, это только случайныя упоминанія, въ дѣйствительности такихъ лицъ было гораздо больше; но тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы должны отнестись къ этимъ піонерамъ нашего искусства. Таковъ былъ Петръ—строитель каменнаго храма въ Новгородскомъ монастырѣ, художникъ Милонѣгъ—христіанское имя его также Петръ—по порученію кіевскаго князя Рюрика Ростиславича построившій каменную стѣну при Выдубецкомъ монастырѣ. „*Рюрикъ,*—говоритъ лѣтопись,—*изобрѣте подобну дѣлу и художника въ своихъ си пріятелехъ, именемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещенію*". Упоминается мастеръ Коровъ Яковлевичъ, который построилъ церковь въ Новгородѣ; упоминается мужъ хитръ Алекса, который строилъ укрѣпленія Каменца; извѣстенъ хитрецъ ваятель, Авдій, украсившій рѣзьбою двери храма въ городѣ Холмѣ; золотыхъ дѣлъ мастеръ Лазарь Богша, который соорудилъ художественный крестъ для княгини полоцкой Евфросиніи. Знаемъ мы серебряника Нѣжина и щитника Гаврила; оба были новгородцы. Что касается до иконныхъ живописцевъ, то мы имѣемъ упоминанія о монахѣ Олимпѣ, который былъ ученикомъ цареградскихъ мастеровъ, расписавшихъ великій храмъ Успенія въ Лаврѣ, а въ сѣверной Россіи, въ Великомъ Новгородѣ, упоминается Гречинъ Петровичъ, который расписалъ одну церковь въ Новгородѣ. Прозвище Петровичъ указываетъ на его южно-славянское происхожденіе. Но эти художники могли выучиться своему искусству только у иностранцевъ—грековъ. Любопытно, однако, что въ одну Аѳонскую обитель въ XII в. были пожертвованы русскія издѣлія—епитрахиль и ручникъ Богородицы съ золотыми оторочками, крестомъ и двумя птицами. Характерно, что областное начало нашло себѣ выраженіе не только въ политической жизни того времени, но и въ искусствѣ. Главными областными центрами русскаго искусства были Кіевское кн., Ростовско-Суздальское и Новгородско-Псковское.

Обращаемся къ обзору художественныхъ памятниковъ Кіева. Надежнымъ способомъ къ опредѣленію древнихъ зданій или частей ихъ, сохранившихся до настоящаго времени отъ X—XIII вв., является ихъ кладка. Въ остаткахъ Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ эта кладка замѣтна особенно наглядно, и техника ея была опредѣлена проф. Лашкаревымъ. Ее характеризуютъ слѣдующіе установленные имъ признаки: въ составъ ея входитъ кирпичъ въ формѣ плитъ, приближающихся къ квадрату, камень желѣзнякъ или красный шиферный камень въ обдѣланномъ или необдѣланномъ видѣ и мраморъ (въ кускахъ) скрѣпляющій слой въ видѣ кирпичнаго и иного щебня, смѣшаннаго съ растворомъ извести—отвердѣвши онъ превращался въ болѣе плотную массу, чѣмъ кирпичъ. Попадаются въ кладкѣ и голосники, игравшіе роль резонаторовъ или пустотѣлаго кирпича. Основываясь на этихъ признакахъ древней кладки, проф. Лашкаревъ констатируетъ такую древнюю кладку и въ Софійскомъ соборѣ, и въ Михайловскомъ монастырѣ, и въ великой Лаврской церкви, и въ Выдубицкомъ монастырѣ, и въ Спасѣ-на-Берестовѣ, и въ Кирилловскомъ монастырѣ, и въ Успенской церкви на-Подолѣ. Всѣ кіевскіе храмы построены были по византійскому плану; въ основаніи ихъ лежалъ византійскій крестъ. Надъ центромъ этого креста утверждался куполъ. Площадь, занятая подъ постройку, имѣла почти квадратную форму, но иногда, впрочемъ, и удлиненную — были мѣстныя отличія этого плана. Въ большихъ церквахъ планъ этотъ расширялся устройствомъ хоръ и притвора. Украшеніемъ являлись красивые шиферные карнизы. Внутри кіевскіе храмы расписывались мозаичною и фресковою живописью. Михайловскій монастырь новѣе Софійскаго собора. Въ немъ сохранилась изъ древней росписи только мозаичная икона евхаристіи. Древнія фрески были и въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ. Часть изъ нихъ представляетъ сцены изъ житія патрона храма епископа Александрійскаго Кирилла. Мозаичная роспись была и въ Успенской церкви Кіево-Печерской лавры‘ построенной въ концѣ XI в. Изъ церквей Волынской земли отмѣтимъ Успенскій соборъ во Владимирѣ, основанный Мстиславомъ въ XII в.; величественныя развалины его сохранились до настоящаго времени и были изслѣдованы О. И. Левицкимъ, В. Б. Антоновичемъ и А. В. Праховымъ. Длина его равнялась 41 арш., ширина 31. Онъ былъ украшенъ фресками, обнаруженными при раскопкахъ храма. Нѣкоторыя особенности представляютъ Галицкіе и Черниговскіе храмы. На Галицкіе храмы оказалъ вліяніе западный стиль; существенная разница съ Кіевскими была и въ каменной кладкѣ: въ Галичѣ матеріаломъ служилъ тесаный ка-

мень, широко примѣнялись рѣзныя украшенія. Этими особенностями Галицкіе храмы сближаются съ Суздальскими; высказано даже предположеніе о происхожденіе Суздальскихъ мастеровъ изъ Галича. Въ Черниговѣ сохранилось 5 древнихъ храмовъ отъ областного періода, во главѣ со Спасо-Преображенскимъ соборомъ, который древнѣе Кіевскаго Софійскаго. Елецкій храмъ имѣетъ зубчатый поясокъ, напоминающій подобныя украшенія Суздальскихъ храмовъ. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ сохранилась рѣзная капитель, орнаментъ который напоминаетъ украшенія плитъ Дмитровскаго собора во Владимирѣ. Это дало основаніе Д. В. Айналову считать архитектурный стиль Черниговскихъ храмовъ протооригиналомъ Суздальскаго.

Архитектурное искусство Новгородской земли въ области церковнаго зодчества достигло весьма значительнаго развитія. Знаменитѣйшимъ новгородскимъ храмомъ является Софійскій соборъ. Въ половинѣ XI в. сынъ Ярослава Мудраго Владиміръ построилъ каменный храмъ святой Софіи *«и устроиша вельми прекрасну и превелику... и устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царяграда и начаша подписывати во главѣ и написаша образъ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа со благословящею рукою»*. Далѣе объ этой благословящей десницѣ сообщается въ лѣтописи красивая легенда о томъ, что рука Вседержителя всякій разъ послѣ ухода мастеровъ оказывалась сжатою, а затѣмъ они услышали гласъ, требовавшій написать руку сжатой, ибо въ ней судьба Новгорода, а когда рука распрострется, тогда Новгороду будетъ скончаніе. Этотъ мозаичный образъ Спасителя сохранился донынѣ. Самымъ замѣчательнымъ художественнымъ памятникомъ Софійскаго собора являются его *Корсунскія врата*, относящіяся къ XII вѣку, исполненныя въ Магдебургѣ, по заказу Магдебургскаго епископа Вихмана, умершаго въ концѣ XII столѣтія. Это, слѣдовательно, памятникъ средневѣковой Германіи—результатъ тѣсныхъ связей Новгорода съ западной Европой. Деревянная основа дверей обита мѣдными листами различнаго размѣра, но каждая половина ихъ раздѣлена на 24 четыреугольника. На нихъ находятся грубые барельефы, исполненные чеканомъ и связанные общею идеей. Сюжеты изображеній таковы: посылка на проповѣдь апостоловъ, Крещеніе Господне, Благовѣщеніе, Рождество Христово и т. п. Среди дѣятелей евангельскихъ помѣщенъ и епископъ Александръ Плоцкій, литейный мастеръ въ богатомъ кафтанѣ съ клещами и вѣсами въ рукахъ. Наоборотъ, *Ситунскія врата* Софійскаго храма представляютъ изъ себя памятникъ византійскаго характера. Другимъ замѣчательнымъ памятникомъ церковнаго нов-

городскаго зодчества и иконописи является церковь упраздненнаго монастыря Спаса Преображенія Нередицы въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода. По новгородской лѣтописи она построена новгородскимъ княземъ Ярославомъ въ 1198 году, а расписана въ 1199 году. Фресковая живопись ея сохранилась почти безъ измѣненія до настоящаго времени, и ее не приходилось реставрировать изъ-подъ позднѣйшихъ росписей, какъ это было почти во всѣхъ остальныхъ храмахъ. Подновлено было (и повидимому, уже въ XIII в.) изображеніе кн. Ярослава. Роспись по обычаю начинается съ купола, гдѣ изображено Вознесеніе Господне, и воспроизводитъ византійскую богословскую идею. Здѣсь, между прочимъ, мы находимъ образъ Іисуса Христа въ видѣ старца съ бѣлыми сѣдыми волосами, огромную фигуру Богоматери во весь ростъ съ образомъ сына младенца на груди; есть и изображенія святыхъ женщинъ. Но самою интересною для историка является фреска, изображающая князя, дающаго Спасителю модель церкви съ длинною надписью, заключающею превыспреннюю похвалу ему; нужно думать, что это былъ строитель Нередицкой церкви кн. Ярославъ Владимировичъ. «Князь имѣетъ на головѣ соболью шапку съ голубымъ верхомъ, темномалиновое корзно (верхнюю одежду), все богато расшитое или вытканное золотыми разводами въ видѣ круговъ и орнаментальныхъ побѣговъ съ широкою (шелковою) каймою, которая отвѣчаетъ цвѣту подкладки, и обутъ въ высокіе сафьянные сапоги». Третьимъ замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ является церковь св. Георгія въ древнемъ каменномъ Ладожскомъ городищѣ, укрѣпленіе котораго осталось отъ начала XII вѣка и носитъ названіе Рюриковой крѣпости. Церковь мало измѣнилась отъ древнихъ временъ. Замѣчательна она своими фресками XII в., обнаруженными подъ штукатуркою. Новгородская иконопись представляетъ отпрыскъ византійской или грекославянской. Главная иконописная мастерская въ Новгородѣ находилась при архіерейскомъ домѣ. Новгородская иконопись получала свои оригиналы въ противоположность кіевской, не прямо изъ Византіи, а вѣроятнѣе всего изъ юго-славянскихъ земель. Есть и отдѣльныя новгородскія иконы, относящіяся къ областному періоду и отличающіяся высокими художественными достоинствами.

Въ Псковской области древнѣйшимъ храмомъ является Троицкій соборъ съ мощами строителя его св. князя Гавріила (Всеволода Мстиславича). Надъ его гробницею виситъ мечъ, ему приписываемый, съ латинскою подписью. Въ окрестностяхъ Пскова находится Мирожскій монастырскій, соборъ котораго построенъ былъ въ 1156 году и сохранилъ подъ штукатуркою свои древнія

фрески. Фресковая роспись собора сдѣлана по обычному плану. Все это композиція съ лучшихъ византійскихъ оригиналовъ.

Вторая половина XII и первая половина XIII вв. являются временемъ расцвѣта политическаго и экономическаго могущества Ростово-Суздальской земли. Къ этой эпохѣ относится и расцвѣтъ мѣстнаго искусства. Остановимся прежде всего на памятникахъ церковнаго зодчества. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ являются Дмитріевскій соборъ *во Владимирѣ* и соборъ въ *Юрьевѣ-Польскомъ*. Въ нихъ открывается любопытное сочетаніе двухъ стилей—византійскаго и романскаго; первый господствуетъ въ архитектурѣ храмовъ, второй—въ ихъ многочисленныхъ столь рѣдкихъ въ Россіи скульптурныхъ рельефахъ и прилѣпахъ—украшеніяхъ. Всѣ суздальскіе храмы имѣютъ въ общемъ византійскій архитектурный планъ: нѣсколько удлиненную четыреугольную форму, на восточной сторонѣ три полукружія алтарныхъ абсидъ, притворъ съ западной стороны, иногда придѣлъ, шесть соединенныхъ арками другъ съ другомъ массивныхъ столбовъ, сверху пять куполовъ, наружные пояса стѣнъ. Въ началѣ XIII столѣтія построена кирпичная церковь Успенія во *Владимирѣ* и соборная Рождества Богородицы въ *Суздалѣ*. Дмитріевскій соборъ во *Владимирѣ* былъ построенъ въ самомъ концѣ XII в. изъ бѣлаго известняка, вывезеннаго изъ Камской Болгаріи, при чемъ полое пространство между стѣнами заполнялось бутомъ изъ булыжника, щебня, известняка и известковаго раствора. Въ немъ былъ одинъ куполъ. «Скульптурныя украшенія сосредоточены на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма и заключаются въ отдѣльныхъ фигурахъ людей, животныхъ, эмблемъ, личинъ (масокъ) и растеній условнаго характера. Въ малыхъ аркадахъ нижняго пояса размѣщены отдѣльныя фигуры стоящихъ пророковъ, праотцевъ, мучениковъ по 24 на каждой сторонѣ—по 10 въ среднихъ аркадахъ и по 7 въ боковыхъ. Каждая фигура или отдѣльная сцена, звѣрь, растеніе, эмблема составляютъ отдѣльную плиту, съ рельефомъ, довольно высокимъ (болѣе дюйма), но во всѣхъ частяхъ равнымъ и плоскимъ, какъ будто срѣзаннымъ». Скульптуры эти служатъ какъ бы дополненіемъ, поясненіемъ немногочисленныхъ въ соборѣ религіозныхъ композицій, ихъ объединяющихъ. Отдѣльныя изображенія имѣются и въ среднихъ аркадахъ; всѣхъ скульптурныхъ изображеній по 300 на каждой сторонѣ. Связывающая ихъ религіозная мысль—это величіе и могущество Божіе, къ подножію трона котораго смиренно идутъ самые страшные звѣри левъ и грифъ. Въ изображеніи животныхъ и растеній много условнаго, фантастическаго. «Всѣ эти фигуры въ источникѣ

своемъ восходятъ къ Византіи, но, очевидно, переданы были западнымъ мастеромъ, усвоившимъ скульптурный стиль, господствовавшій въ Галичѣ, Венгріи, Польшѣ и Германіи». Не менѣе замѣчательны и скульптурныя украшенія — прилѣпы или рельефы *Георгіевскаго собора* въ *Юрьевѣ-Польскомъ*, построеннаго въ XIII столѣтіи. Между прочимъ, здѣсь мы находимъ на порталахъ замѣчательные арабески, сплошную орнаментацію стѣнъ, состоящую изъ плетеній и круговъ съ лиліями и птицами. Изъ совмѣщенія западныхъ и восточныхъ образцовъ зародилось здѣсь и своеобразное русское архитектурное суздальское искусство. Юрьевскій соборъ является замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ средневѣковья, удивительною церковью, которая по выраженію авторовъ «Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства» заслуживала бы стоять подъ стекляннымъ колпакомъ. Памятникомъ суздальской архитектуры XII в. нужно признать и башню Андрея Боголюбскаго, сохранившуюся въ Боголюбовомъ монастырѣ (въ 10 верстахъ отъ г. Владимира). Изъ фресокъ Дмитріевскаго собора уцѣлѣла превосходная картина страшнаго суда и рая византійскаго характера. Но еще болѣе замѣчательными памятниками являются двое дверей Суздальскаго собора со славянскими надписями.

Обращаемся теперь къ памятникамъ художественной промышленности. На первомъ планѣ среди византійскихъ позаимствованій стоитъ техника *перегородчатой эмали*. Она развилась въ Византіи и въ видѣ эмалевой живописи, и въ видѣ финифтяныхъ подѣлокъ. Главное достоинство византійскихъ эмалей—въ гармоніи красокъ. Заключительнымъ процессомъ эмалеваго производства является шлифовка готовой послѣ обжига эмалевой поверхности. Въ Византіи она отличается высокимъ совершенствомъ, а въ русскихъ подѣлкахъ несравненно хуже. «Второй замѣчательный видъ техники въ древнерусскихъ издѣліяхъ, развившихся подъ вліяніемъ Византіи, составляетъ *скань, сканное* дѣло (отъ глагола съкати, сучить)»; иначе она называется *филигранью*. Было два главныхъ вида филиграни: зернь, тянутая, волоченая золотая или серебряная нить, которою обматывалась вещь или украшалась ея поверхность. Второй видъ сдѣлался господствующимъ въ русскихъ древностяхъ IX—XII вв. и достигъ высокой художественности. Величайшимъ художественнымъ памятникомъ сканнаго дѣла является, такъ называемая, *Мономахова шапка*. Древнѣйшая часть шапки—8 пластинокъ. Скань или филигрань Мономаховой шапки относится къ типу, наиболѣе рѣдкому — ленточной скани или филиграни. Орнаментація шапки и отдѣльные ея рисунки принадлежатъ византійскому искусству

XI—XII вв. Мономахову шапку, по деталямъ техники, Н. П. Кондаковъ относитъ къ XII в. Замѣчательные памятники художественной индустріи содержатся въ многочисленныхъ кладахъ. Рязанскій кладъ золотыхъ бармъ (1822 г. на землѣ старой Рязани) далъ 11 золотыхъ бляхъ и въ числѣ ихъ двѣ подвѣски колта. На лицевой сторонѣ ихъ кружки съ изображеніемъ эмалью святыхъ князей (вѣроятно, Бориса и Глѣба). Это—юныя безбородыя лица, въ шапкахъ съ соболиною опушкой и лилово-коричневымъ верхомъ, съ темно-каштановыми кудрями, въ синемъ плащѣ и въ пурпуровомъ исподнемъ платьѣ. Подлѣ головы нимбъ. Вокругъ жемчугъ; шапка украшена сканью съ камнями въ гнѣздахъ; сканью украшена и оборотная сторона; эмаль русской работы. Въ Кіевѣ открыто было много замѣчательныхъ кладовъ. Въ 1889 году въ усадьбѣ Гребеновскаго найденъ былъ драгоцѣнный кладъ и въ немъ золотая княжеская женская діадема съ эмалированнымъ изображеніемъ Деисуса, гривны кіевскаго типа, перстень съ печатью (Архангелъ) и золотыя византійскія монеты XII вѣка. *Діадема* состоитъ изъ 9 створокъ. На двухъ конечныхъ створкахъ сдѣланы эмалью женскія головки въ коронѣ, указывающія на назначеніе всего предмета. Къ каждой створкѣ привѣшено по три эмалевыхъ бляшки на цѣпочкахъ—это такъ называемая *рясна*, долженствовавшая прикрывать лобъ. Сама діадема не надѣвалась непосредственно на голову, а нашивалась, вѣроятно, на головной уборъ. Каждая створка представляла изъ себя кіотецъ съ арочкой, украшенный византійской перегородчатой эмалью. При изображеніяхъ (Іисуса Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи, арх. Гавріила и Михаила, апост. Петра и Павла), сдѣланныя красною эмалью греческія надписи, но одна изъ нихъ написана такъ: *ὁ аію Павьлъ*. Очевидно, слѣдовательно, что это работа русскаго мастера. Это драгоцѣнное свидѣтельство о кіевской эмалевой работѣ. Многочисленную группу находокъ въ вышеперечисленныхъ кладахъ составляютъ *гривны* въ видѣ золотыхъ или серебряныхъ медальоновъ съ изображеніями Іисуса Христа, Богоматери и Святыхъ. Это или полныя бармы (металлическія оплечья), или части этихъ послѣднихъ. Далѣе очень распространенными украшеніями были *цѣпи*; на нихъ носились и кресты. Въ 1147 году «*бьюче Михаила, отторгоша крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота*». Особый видъ искусства представляла *миньятюра*. Русскія книги писались по византійско-болгарскимъ образцамъ. И вотъ по примѣру византійскихъ рукописей наше Остромирово евангеліе украшено было изображеніемъ четырехъ евангелистовъ. Изборникъ Святослава Черниговскаго имѣетъ особый листъ, на кото-

ромъ изображено все его семейство. Это первый памятникъ русской иконографіи съ изображеніемъ князей XI вѣка, въ костюмахъ того времени. Къ началу XII в. относится окладъ Мстиславова евангелія, въ коемъ тончайшая золотая скань (т.-е. разводы золотой проволоки), усѣянная эмалевыми образками, каменьями и жемчугомъ. Интересно указать здѣсь и на два памятника западно-европейской миньятюры, заключающія въ себѣ изображенія Анны Ярославны и портреты князя Ярополка Изяславича, его жены и матери въ псалтыри Эгберта. Въ Новгородѣ подъ вліяніемъ Запада возникли рѣзныя деревянныя изображенія. Изъ принадлежностей церковной утвари отмѣтимъ иконы или оклады лиможской выемчатой эмали XII в., завезенныя туда въ качествѣ рѣдкостей. Но самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этого рода на сѣверо-западѣ является крестъ княжны Ефросиніи Полоцкой, сдѣланный въ 1161 году. Это—русская работа по византійскимъ образцамъ и даже частію изъ византійскаго матеріала, медальоны и бляшки русскаго дѣла, хотя и повторяютъ почти во всемъ византійскіе образцы. Въ немъ находятся части Св. древа и эмалевыя изображенія четырехъ евангелистовъ съ русскими надписями, но греческаго произношенія именъ — аг (Святой) Лукасъ, Маркосъ, Матѳеосъ; имѣются эмалевыя бляшки византійскаго происхожденія и надпись, судя по фамиліи западнославянскаго мастера: «*Господи помози рабу своему Лазарю, нарьченному Богъши, сдѣлавшему крестъ сей церкви Св. Спаса и Офросиньи*». Другая надпись самой вкладчицы гласитъ: «*въ лѣто 6669-е покладаетъ Офросинья честный крестъ въ монастыри своемъ въ церкви Святаго Спаса. Честное древо бесцѣнно есть, а кованье его злото и серебро и каменье и и женчюгъ въ 100 гривенъ, а... 40 гривенъ. Да не изнесеться изъ монастыря никогда же, яко ни продати ни отдати*». Ефросинія была дочерью Полоцкаго князя Георгія, носила княжеское имя Преславы, постриглась въ монахини, жила въ подвигахъ благочестія, списывала священныя книги, основала монастырь, ходила въ паломничество въ Іерусалимъ, гдѣ окончила свою жизнь. Изъ другихъ церковныхъ утварей, относимыхъ къ областному періоду, отмѣтимъ двѣ ризы св. Антонія Римлянина пол. XII в. въ монастырѣ его имени и ризу преп. Варлаама Хутынскаго въ его монастырѣ. Къ началу XIII столѣтія относится еще одинъ замѣчательный памятникъ чеканнаго искусства суздальской Руси—шлемъ, съ большой вѣроятностью, принадлежавшій кн. Ярославу Всеволодовичу, носившему христіанское имя Ѳеодора. Онъ участвовалъ въ извѣстной Липецкой битвѣ, былъ разбитъ и въ бѣгствѣ долженъ былъ сбросить съ себя оружіе, среди коего былъ, вѣроятно, и данный

шлемъ, на которомъ имѣется надпись: *великій архистратиже гнь Михаиле—помози рабу своему Феодору»*. Парчевые покровы и ткани, вынутые изъ княжеской гробницы во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, даютъ намъ своими рисунками понятіе о древне-русскихъ княжескихъ уборахъ греко-восточнаго характера. Изъ мелкихъ предметовъ украшеній отмѣтимъ наиболѣе типичные. Весьма изящными являются золотыя южно-русскія серьги колодочки съ эмалевыми украшеніями и фигурными изображеніями. *Перстни* встрѣчены въ кладахъ съ изображеніемъ Архангела, льва, креста; на сѣверѣ перстни очень рѣдки; появленіе перстней съ печатками стоитъ въ связи съ византійскимъ вліяніемъ и культурою (грамотностью, торговлей). Обычнымъ шейнымъ украшеніемъ мужскимъ и женскимъ была *гривна*—шейный обручъ изъ золота, серебра, бронзы и даже желѣза. Борисъ подарилъ своему отроку (дружиннику) на шею золотую гривну. Серебряныя гривны, какъ и вообще издѣлія изъ серебра, преобладали надъ золотыми. Обычнымъ украшеніемъ были также ожерелья. Предметы церковнаго обихода частію привозились изъ Византіи и Корсуня, частію являются подражаніемъ византійскимъ образцамъ, но сдѣланы были на мѣстѣ. Доказательствомъ привоза изъ Корсуня является полное сходство вещей тамошнихъ и древне-русскихъ. Восточнымъ характеромъ отличаются акваманилы (церковные сосуды для воды) или водолеи, въ формѣ звѣрей (львовъ, тигровъ, лошадей, козловъ, барановъ). Въ большомъ распространеніи были кресты складные, кресты энколпіоны (мощехранительницы), подчасъ съ греческими или славянскими надписями; образки и змѣевики (медальоны). Выдѣлывались эти предметы, главнымъ образомъ, изъ бронзы, а также изъ другихъ металловъ: камня, янтаря, кости, перламутра; художественностью работы отличались каменные образки съ изображеніями святыхъ или церковныхъ событій: образцами для нихъ служили соотвѣтственныя византійскія издѣлія: змѣевики (медальоны съ переплетающимися змѣями) были и въ языческій періодъ, но теперь они пріобрѣли христіанскій характеръ: на лицевой сторонѣ ихъ изображаютъ Богоматерь, Богоявленіе, Архангеловъ, на обратной — прежнія изображенія змій, но въ центрѣ сплетенія прибавляются изображенія человѣческой головы, иногда попадаются и надписи. Это были талисманы отъ болѣзни и несчастій. Таковы Черниговскій и Бѣлгородскій змѣевикъ. На первомъ русская надпись — *Г(осподи) помози рабу своему Василію, аминь.*

Торговля. Торговля и въ это время была внутренняя и внѣшняя. Первая велась прежде всего въ городахъ. Съ этою цѣлью

устраивались торги или иначе рынки. Иногда въ болѣе значительныхъ центрахъ, напр., Новгородѣ, строились и лавки, т.-е гостиный дворъ. Предметами торговли въ это время были скотъ, хлѣбъ, разнаго рода утварь, посуда, одежда и т. д. Однимъ словомъ, предметы первой необходимости. Конечно, была значительная разница между различными областями по отношенію къ торговой дѣятельности. Въ иныхъ областяхъ классъ торговыхъ людей былъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ въ другихъ. Къ такимъ областямъ принадлежали прежде всего Новгородъ и Псковъ, затѣмъ Смоленскъ и отчасти Полоцкъ. Кіевъ отличался значительной торговой дѣятельностью. Едва ли кіевскую торговлю въ то время не нужно поставить на первомъ планѣ. Что касается до торговли въ сосѣдней Галицкой области, то она не прекратилась даже и послѣ татарскаго нашествія. Въ Галиціи велась торговля преимущественно солью, которая добывалась тамъ въ изобиліи. Лѣтопись подъ 1164 годомъ передаетъ, что по случаю разлива Днѣстра «*потопи человѣкъ болье 300, иже бяху вышли съ солію изъ Удечева*». Въ меньшей степени, повидимому, занималась торговлей сосѣдняя Черниговo-Сѣверская земля, но и относительно ея мы находимъ подъ 1224 г. извѣстіе, что Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій обратился на вѣчѣ къ новгородцамъ съ приглашеніемъ ихъ пріѣзжать для торговыхъ цѣлей въ Черниговъ; изъ житія преподобнаго Ѳеодосія мы узнаемъ, что изъ Курска, крайняго пункта Сѣверской области, ходили цѣлые обозы съ товарами въ Кіевъ. Въ Новомъ торгѣ постоянно жили новгородскіе и такъ называемые низовскіе купцы, т.-е. купцы изъ Суздальской области и различныхъ приволжскихъ городовъ. Главными предметами торга были хлѣбъ и соль. Эта послѣдняя получалась новгородцами на собственныхъ ихъ соляныхъ варницахъ. Въ Суздалѣ и Переяславѣ ведется также значительная торговля; по извѣстіямъ лѣтописи, князь Ярославъ захватилъ въ Переяславѣ 150 новгородскихъ купцовъ и 150 смоленскихъ купцовъ. Наконецъ послѣдними торговыми пунктами нужно признать новгородскія волости— Печеру, Югру, Заволочье.

Что касается до внѣшней торговли, то она въ этотъ періодъ была также очень значительна. Кіевъ попрежнему ведетъ торговлю съ Византіей. Объ этомъ мы имѣемъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что складочнымъ торговымъ пунктомъ былъ на югѣ городъ Олешье (нын. Алешки). Въ 1184 г. князь Давидъ захватилъ купцовъ, торговавшихъ съ Греціей въ Олешьи. Эти купцы названы въ лѣтописи Грьки; но подъ этимъ названіемъ нужно разумѣть не грековъ,

а русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Греціи. Въ лѣтописи мы находимъ указаніе на три главнѣйшіе пути, которые вели изъ Поднѣпровья на югъ въ Черноморское и Азовское побережье—Греческій, Соляный и Залозный. Соляной путь велъ въ Калміусъ, изъ Калміуса волокомъ въ Вольчю воду, притокъ Самары, а оттуда въ Днѣпръ. При устьѣ Дона находился городъ Тана; затѣмъ извѣстенъ г. Судакъ или Сурожъ. Велъ торговлю Кіевъ и съ половцами. Въ Кіевѣ жили латинскіе, т.-е. нѣмецкіе купцы. Городъ Регенсбургъ имѣлъ въ Кіевѣ въ XII в. свои торговые дома. Регенсбургскіе купцы отправлялись туда за мѣхами. Эти купцы носили даже особое названіе Ruzarii. Видную роль въ Кіевской торговлѣ играли также евреи. Зато восточная торговля значительно сократилась. О Новгородской иноземной торговлѣ мы говорили въ обозрѣніи исторіи Новгородской обл. Во Владимірѣ суздальскомъ проживали греческіе, нѣмецкіе и восточные купцы. Что касается до пріемовъ и способовъ торговли, то они были самые разнообразные. Иногда она носила характеръ обмѣна безъ помощи денежныхъ знаковъ; такъ было, напримѣръ, въ разныхъ отдаленныхъ областяхъ въ родѣ Печоры, Югры. Наоборотъ, въ торговлѣ съ нѣмцами мы видимъ не только денежные знаки, но даже и кредитъ. По Русской Правдѣ полагались извѣстныя формальности при займахъ. Препятствій для кредита было, однако, очень много. Прежде всего такимъ препятствіемъ являлось отсутствіе капиталовъ. Капиталы сосредоточивались въ рукахъ князей, гостей и отчасти церкви. Большимъ препятствіемъ являлись войны какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, во время которыхъ не считались съ торговыми интересами и была большая вѣроятность лишиться капитала. Неудивительно, что проценты были очень велики. Духовныя лица обращаются съ проповѣдью и совѣтуютъ не брать большихъ процентовъ; при этомъ указывается и на законные проценты; этотъ законный процентъ простирается до $20^0/_0$. Затѣмъ, другимъ препятствіемъ для торговой дѣятельности должна была служить значительная торговая пошлина; это такъ называемое мыто. Совокупность пошлинъ, которыя нужно было уплачивать, была весьма значительна. Напримѣръ, прежде чѣмъ привезти товаръ на рынокъ для продажи, нужно было уплачивать такъ называемый перевозъ, т.-е. давать извѣстную сумму за перевозъ черезъ мостъ, побережное—за остановку судна у берега, мостовище, т.-е. пошлину за переѣздъ черезъ мостъ; затѣмъ, при въѣздѣ съ товаромъ въ городъ, нужно было уплачивать «явленное», гостинное—за право помѣщенія товара въ городѣ; тамгу, т.-е. пошлину за продажу товара. Сообразно съ качествомъ

товара пошлина называлась помѣрной, если товаръ нужно было мѣрить, или вѣсчимъ, если его нужно было вѣсить, или писчимъ, когда его нужно было продавать по штукамъ. Вредное вліяніе всѣхъ этихъ пошлинъ для торговли было очень велико. Онѣ ложились тяжелымъ бременемъ на товары. Если припомнимъ, что нужно было проходить весьма значительныя пространства и, слѣдовательно, уплатить весьма значительную сумму, тогда поймемъ, почему торговая дѣятельность на Руси въ изучаемый нами періодъ не достигла еще большого развитія: слишкомъ много было препятствій и задержекъ. Но этимъ дѣло далеко не оканчивалось: былъ еще цѣлый рядъ препятствій и задержекъ торговой дѣятельности, которыя лежали въ самой природѣ страны. Каждое изъ 4-хъ временъ года имѣло свои невыгоды; напримѣръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были покрыты лѣсами, болотами, товары нужно было везти исключительно почти зимой, когда не было грязи, но торговля зимой имѣла свои неудобства: морозы уничтожали караваны, люди замерзали. Если торговля велась лѣтомъ по рѣкамъ, то при значительныхъ наводненіяхъ мосты часто сносило водой; на переѣзды употреблялось много времени; для того, чтобы обозу купцовъ переѣхать изъ Курска въ Кіевъ, нужно было три недѣли, т.-е. въ день можно было проѣзжать всего около 23 верстъ. Много мѣшали торговлѣ различнаго рода физическія бѣдствія. Не менѣе важную роль въ этомъ дѣлѣ играли внутреннія и внѣшнія войны. О первыхъ даетъ представленіе значительное количество княжескихъ междоусобій, о вторыхъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ половецкихъ нашествій. Сюда, наконецъ, должно присоединить неудовлетворительное состояніе судовъ. Все это вело къ тому, что торговая дѣятельность обставлена была чрезвычайными препятствіями. Мы можемъ удивляться тому, что все-таки она не прекратилась совершенно, а даже постепенно развивалась; это только лишній разъ насъ убѣждаетъ въ томъ, насколько живуча русская натура.

Денежная система. Въ XII в. является новый терминъ для обозначенія денегъ—серебро. Наиболѣе распространенною денежною единицею (какъ реальной, такъ и счетной) была серебряная гривна кунъ, имѣвшая особую форму и разный вѣсъ въ различныхъ областяхъ, на которыя распадалась тогда Русь. Новгородская гривна кунъ имѣла длинную и узкую форму, кіевская—шестиугольную форму, черниговосѣверская—ромбовидную съ удлиненными концами. Въ XII в. подъ вліяніемъ усилившихся торговыхъ связей съ нѣмцами происходитъ измѣненіе вѣса гривны въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ. Новгородская гривна была

уменьшена вдвое противъ кіевской, а смоленская — вчетверо. Счетной единицей была гривна кунъ, которая была въ 7½ разъ менѣе гривны серебра. Гривна кунъ дѣлилась на 20 ногатъ или на 50 кунъ, въ Новгородской области соотвѣтственно реформѣ XII в. гривна кунъ равнялась 10 ногатамъ и 25 кунамъ. Уже въ XII вѣкѣ появляется также счетъ на рубли—рубль это новгородская гривна кунъ, а полтина—ея половина. Въ Новгородской области мы находимъ еще мордки, равнявшіяся ½ куны.

Народныя бѣдствія. Говоря объ экономическомъ положеніи населенія, не можемъ не коснуться и тѣхъ явленій въ его жизни, которыя поражали народныя массы и поэтому носятъ названіе народныхъ бѣдствій. Причины ихъ были и тогда тѣ же, что и теперь; однѣ изъ нихъ лежали внѣ власти человѣка и носили стихійный характеръ (болѣзни и неурожаи), другія вытекали по существу изъ дѣятельности самого человѣка, но также въ значительной мѣрѣ были неотвратимы — это были войны, проявлявшіяся въ видѣ безпрерывныхъ междоусобій и столкновеній, тяжело ложившихся на населеніе. Лѣтописи оставили намъ нѣсколько разсказовъ о голодѣ въ областной періодъ, но характерно, что почти всѣ они относятся къ Новгородской землѣ. Самый сильный недородъ произошелъ въ 1127 году и въ результатѣ его былъ страшный голодъ: люди ѣли липовый листъ, березовую кору, мохъ и нечистыя животныя (что считалось большимъ грѣхомъ); вездѣ по улицамъ валялись трупы, отъ которыхъ шелъ ужасный смрадъ; родители даромъ отдавали своихъ дѣтей иноземнымъ купцамъ, лишь бы они не умерли съ голода; много народа погибло, много разошлось; такъ, заключаетъ Новгородскій лѣтописецъ, по грѣхамъ нашимъ «погибла земля наша». Въ 1-й половинѣ XIII в. были также страшные голодные годы въ Новгородскомъ княжествѣ. Въ 1215 году ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ и отдавали даромъ дѣтей своихъ. Для покойниковъ вырыли общую могилу, но трупы все-таки валялись на торгу, по улицамъ и по полямъ въ такомъ количествѣ, что ихъ не могли поѣдать собаки. «*И тако*, прибавляетъ лѣтописецъ, *по грѣхамъ нашимъ, разидеся волость наша и градъ нашъ*». Еще болѣе ужасенъ былъ голодъ 1230 года, очень живо изображенный его свидѣтелемъ, Новгородскимъ лѣтописцемъ.

Не останавливаемся на другихъ случаяхъ неурожая и голода, замѣтимъ только, что, по подсчету Лешкова, ихъ было по лѣтописямъ—въ XI в. 4, въ XII -8, въ 1-й половинѣ XIII в.—4. Конечно, эти цифры не даютъ намъ полнаго представленія о неурожаяхъ на всей территоріи Русской земли — лѣтопись сооб-

щала свѣдѣнія только о наиболѣе сильныхъ недородахъ. Лешковъ полагалъ, что голодные годы посѣщали равномѣрно всѣ области древней Руси, потому что естественныя условія ихъ были одинаковы. Но съ этимъ едва ли можно согласиться, ибо на самомъ дѣлѣ эти условія были различны, а потому и неурожаи посѣщали ихъ неравномѣрно: въ наилучшихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ находилась юго-западная Русь, въ наихудшихъ—Новгородская область, питавшаяся, главнымъ образомъ, привознымъ хлѣбомъ; но общихъ повсемѣстныхъ неурожаевъ, дѣйствительно, допустить невозможно. Причинами дороговизны и голода были неурожаи, а неурожаи вызывались физическими явленіями—то засухой, то излишней влагой, то ранними морозами. Въ Новгородской области вызывало дороговизну и голодъ запрещеніе подвоза хлѣба; такъ было, напримѣръ, въ 1215 году, когда задержана была рожь на Торжкѣ. О размѣрахъ бѣдствія свидѣтельствуютъ еще и хлѣбныя цѣны, которыя приводятся въ тѣхъ же лѣтописяхъ. Къ сожалѣнію, это такой источникъ, который трудно дешифрировать. Древняя Русь имѣла свою монетную систему. Значитъ нужно опредѣлить ея отношеніе къ нынѣшней. Однако и этого недостаточно: останется самое трудное—опредѣлить сравнительную цѣну металла въ прежнее время и теперь. Работу эту и пытался сдѣлать Лешковъ (да и другіе, напр., Прозоровскій), но его соображенія не представляются убѣдительными. Остается одно: указать на предѣлы колебанія цѣнъ. Амплитуда этихъ колебаній была весьма значительна. Въ 1228 г. въ Новгородской обл. кадь ржи покупали по 3 гривны, пшеницы по 5, хлѣбъ по 2 куны, и эта цѣна считалась дорогою, а въ 1230 году за кадь ржи платили по 20 гр., а въ дворахъ и по 25, пшеницы по 40 гривенъ, хлѣбъ покупали по 8 кунъ, т.-е. цѣна поднялась тогда сравнительно съ прежней дорогой на 400 — 800% (хлѣбъ на 400%, рожь — на 700 — 800%, пшеница — на 800%). Лешковъ считаетъ цѣны 1230 года невѣроятными; мы же не находимъ въ нихъ ничего невозможнаго. Извѣстно, что хлѣбныя цѣны, выражаясь словами Рошера, «могутъ повышаться гораздо выше и упадать гораздо ниже, чѣмъ цѣны другихъ менѣе необходимыхъ предметовъ». Одинъ старый англійскій экономистъ (Грегоръ Кингъ) пытался вычислить, въ какомъ отношеніи находится количество урожая къ цѣнѣ хлѣба; при 50% обычнаго урожая цѣна возрастаетъ, по его мнѣнію, въ $4\frac{1}{2}$ раза. Конечно, его вычисленія и проблематичны, и не универсальны; но общая тенденція отмѣчена имъ вѣрно. Тукъ полагалъ, что въ Англіи недостатокъ $\frac{1}{3}$ урожая безъ подвоза и запасовъ могъ возвысить цѣну хлѣба въ 6 разъ.

И это понятно: размѣры и быстрота производства всякаго другого товара могутъ быть увеличены по желанію человѣка; тутъ же они зависятъ отъ природы. А въ древней Руси были еще особыя мѣстныя причины, сильно возвышавшія хлѣбныя цѣны и вызывавшія ихъ рѣзкія колебанія: ея географическое положеніе, климатическія условія, и главное крайне неудовлетворительные пути сообщенія. Единственнымъ средствомъ противъ дороговизны былъ подвозъ. Новгородъ постоянно пользовался привознымъ хлѣбомъ. Во время голода жители, какъ мы видѣли, уходили туда, гдѣ былъ урожай. Первый голодъ 1024 года прекратился только потому, что всѣ люди, по словамъ лѣтописца (т.-е. не одни хлѣбные торговцы, но и населеніе) спустились по Волгѣ въ землю Камскихъ болгаръ и привезли оттуда жита. Самый страшный голодъ 1230 года прекратился только тогда, когда въ 1231 году «*прибѣгоша нѣмци изъ заморья съ житомъ и съ мукою и створиша много добра; а уже бяше при кончи городъ сий*». Но и внутренняя, и внѣшняя хлѣбная торговля совершались съ большими препятствіями. Въ то время не только селяне, но и многіе горожане сѣяли хлѣбъ для собственнаго потребленія. Запасы могли скопляться у очень немногихъ, главнымъ образомъ, у князей и монастырей. Что касается мѣръ борьбы съ голодомъ, то онѣ были крайне незначительны. Мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы князья приходили народу на помощь выдачею хлѣба или сѣмянъ для посѣва, какъ это дѣлается нынѣ. Только монастыри иногда раздавали хлѣбъ населенію. Намъ извѣстно изъ Патерика о раздачѣ хлѣба и соли въ Кіево-Печерской обители. Но, въ концѣ-концовъ, выходило, что самъ народъ долженъ былъ принимать мѣры къ своему прокормленію, и онъ, дѣйствительно, то поддерживалъ свое существованіе всякими суррогатами, то голодалъ, то уходилъ искать пропитанія на сторонѣ, то, наконецъ, умиралъ на мѣстѣ.

Губительно дѣйствовали тогда и эпидемическія болѣзни, носившія характерное названіе *мора*. Въ 1092 году въ Кіевѣ въ теченіе 3 мѣсяцевъ умерло 7.000 человѣкъ. Если даже признать, что населеніе Кіева доходило до 70.000 человѣкъ, то это составитъ 10% всѣхъ жителей. Въ 1230 году былъ моръ въ Смоленскѣ: «*створиша 4 скудельници, въ ову положиша 16.000, а въ третьей 7.000, а въ четвертой 9.000; се же зло*, прибавляетъ Суздальскій лѣтописецъ, *бысть по 2 лѣта*». Въ 1237 году былъ страшный моръ въ Псковѣ и Изборскѣ: умирали старики и старухи, взрослые и дѣти; при всѣхъ церквяхъ вырыты были могилы, куда бросали по 7—8 труповъ. О какихъ-либо прямыхъ мѣрахъ противъ болѣзни мы ничего не знаемъ, если не считать

устройства скудельницъ и вывоза труповъ за городъ; эта последняя мѣра имѣла санитарное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что употреблялись и кое-какія врачебныя средства — въ пользу этого говорить нынѣшняя народная медицина, были даже и врачи: о нихъ упоминается и въ «Русской Правдѣ», и въ церковномъ уставѣ Владиміра, и въ Печ. Патерикѣ; но едва ли они могли оказать какую-либо помощь противъ эпидемій, вообще не поддававшихся лѣченію и требовавшихъ мѣръ санитарныхъ.

Тяжело поражали населеніе и другія стихійныя бѣдствія, раціональной борьбы съ коими также не существовало. Большой матеріальный ущербъ наносили *пожары*. Вся древняя Русь, можно сказать, была деревянная; не только частныя зданія, но и общественныя и правительственныя дѣлались изъ дерева: объ этомъ свидѣтельствуютъ и такія выраженія, какъ «срубить городъ, домъ»; исключенія были весьма немногочисленны. Неудивительно, что пожары были очень частые и опустошительные. Выгорали цѣлыя улицы, цѣлыя части города. Жители въ страхѣ тогда перебирались на поля. Въ 1211 году въ Новгородѣ выгорѣло 4.300 дворовъ и 15 храмовъ. Обыватели прятали отъ огня свое имущество и драгоцѣнности въ каменные храмы, но и тамъ они погибали отъ губительной стихіи; такъ было, напримѣръ, въ Новгородѣ въ 1217 году, когда въ Варяжской божницѣ сгорѣло безчисленное множество товаровъ. Въ одномъ Новгородѣ до половины XIII вѣка было 14 большихъ пожаровъ; въ теченіе 1194 г. Новгородъ горѣлъ нѣсколько разъ: первый разъ сгорѣло 3 церкви и много «добрыхъ» домовъ. На другой день сгорѣло 10 домовъ; на той же недѣлѣ вспыхнулъ пожаръ въ Неревскомъ концѣ и сгорѣло 7 церквей и много большихъ домовъ; затѣмъ ежедневно стали вспыхивать пожары одновременно въ разныхъ мѣстахъ; жители боялись оставаться въ своихъ домахъ и стали перебираться въ поля. Конечно, народъ по мѣрѣ силъ своихъ боролся противъ пожаровъ: разметывалъ зданія, спасалъ свое имущество, уходилъ изъ домовъ, но стихія была сильнѣе его и свое разрушительное дѣло доводила до конца; пожарныхъ же обозовъ, конечно, тогда не существовало. Отъ воды Русь страдала меньше, чѣмъ отъ огня, но все же въ лѣтописяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія о гибели людей и имущества во время разлитія Днѣпра и Волхова. Сообщаются свѣдѣнія о землетрясеніяхъ; одно изъ нихъ (1230 г.), очень подробно описанное въ Лавр. лѣтописи, было во Владимірѣ, Кіевѣ, Переяславлѣ и въ другихъ мѣстностяхъ и о немъ сообщили свѣдѣнія лѣтописцу очевидцы. Объясняли эти стихійныя бѣдствія наказаніемъ Божіимъ за грѣхи. Объяснять научнымъ образомъ стихійныя явленія природы

тогдашнее общество не могло и потому заимствовало объясненія изъ апокрифическихъ сказаній; на этой почвѣ создавались и легенды, въ родѣ, напримѣръ, поэтическаго пророчества св. Варлаама «о снѣгѣ и мразѣ»; онъ предсказалъ, что на 1-й недѣлѣ Петрова поста (т.-е. въ іюнѣ) выпадетъ снѣгъ и будетъ морозъ, но они не только не принесутъ вреда, а, наоборотъ, спасутъ урожай. Снѣгъ, дѣйствительно, выпалъ, но на другой день растаялъ и сыгралъ роль дождя, а морозъ уничтожилъ всѣхъ червей; рожь же, которая тогда цвѣла, не пострадала. Такое настроеніе укрѣпляло спокойное, безропотное отношеніе народа къ стихійнымъ бѣдствіямъ, но, конечно, не способствовало къ изысканію мѣръ борьбы противъ нихъ. Большой вредъ матеріальному благосостоянію населенія наносили тогда и частыя княжескія междоусобія. Правда, тогдашнія войны, при отсутствіи огнестрѣльнаго оружія, при малочисленности дружинъ, при неумѣньи брать укрѣпленные города, не были кровопролитны, тѣмъ болѣе, что велись большею частью въ интересахъ соперничавшихъ другъ съ другомъ князей, а не народа; добывая столы, князья должны были даже въ собственныхъ интересахъ щадить то населеніе, отъ котораго они должны были потомъ кормиться. Но все же и народъ нерѣдко принималъ даже непосредственное участіе въ столкновеніяхъ и во всякомъ случаѣ не мало терпѣлъ отъ нихъ; города брались князьями «на щитъ», т.-е. мирное населеніе (жены и дѣти) забиралось въ плѣнъ. Брались города «копьемъ», т.-е. приступомъ или продолжительною осадою, вызывавшею голодъ и жажду. Опустошали окрестности; существовалъ даже особый терминъ—пустить на воропъ, что значило пуститься на опустошеніе. Бывали войны—продолжительныя, какъ борьба дядей съ племянниками, ожесточенныя, когда противники воевали и жгли волости другъ друга, забирали въ плѣнъ челядь и скотъ, умерщвляли и ослѣпляли чадь, сѣкли и разстрѣливали бояръ и жителей, избивали дружину. Изяславъ, напримѣръ, въ 1152 г. велѣлъ изсѣчь всѣхъ плѣнныхъ галичанъ, которыхъ у него было болѣе, чѣмъ собственныхъ воиновъ, а лучшихъ мужей взять съ собою въ плѣнъ. Ростиславъ, узнавъ объ изгнаніи Новгородцами его сына, велѣлъ побросать въ погребъ новгородцевъ, находившихся въ Кіевѣ, и часть ихъ тамъ и задохлась; такъ же поступилъ съ новгородцами и другой князь: ихъ задохлось тогда 150 чел. Бояре требовали у Всеволода, чтобы онъ либо самъ казнилъ, или ослѣпилъ плѣнныхъ суздальцевъ, либо выдалъ имъ. Но едва ли не самымъ жестокимъ дѣломъ князей въ отношеніи населенія было взятіе и разграбленіе Кіева въ 1169 году сборною дружиною Андрея

Боголюбскаго, подъ предводительствомъ сына его Мстислава, когда «*весь Кіевъ пограбиша, и церкви и монастыри, за 3 дня, и иконы поимаша, и книгы, и ризы*». Въ 1202 г. снова пострадалъ многострадальный Кіевъ и опять отъ своихъ же князей, соединившихся со всею Половецкою землею. Образчикомъ жесточайшей злобы и мстительности нужно, наконецъ, признать избіеніе сѣверскими князьями 500 галицкихъ бояръ и повѣшеніе ихъ за это этими послѣдними. Событіе возмутительное и къ счастію болѣе уже не повторявшееся!

Домашній быть. Пищею служилъ прежде всего хлѣбъ; изъ ржаной муки приготовлялся кислый; былъ хлѣбъ съ макомъ и медомъ, коврижки. Упоминаются — льняное масло, соль, икра, рыба, мясо, домашнія птицы, дичь; на богатыхъ пирахъ подавались тетерки, гуси, рябчики, голуби, куры, зайцы, мясо дикаго кабана, оленя; разносили вино, квасъ, медъ (чистый и попьряный, т.-е. съ перцемъ), олуй (нын. англ. Эль). Сосуды были золотые, серебряные, стеклянные: блюда, чаши, кубки, котлы, скляницы. Общее названіе для одежды было тогда порты, изъ тканей упоминаются паволоки—княжескія одежды, шитыя золотомъ и жемчугомъ, оксамиты, багряницы (красныя шелковыя матеріи). Верхними одеждами были корзна, кочи (полукафтанъ), япончицы (епанчи), кожухи (тулупы у простыхъ людей), фофудьи (теплыя одежды, отсюда фуфайки), мятли (мантіи), шубы изъ медвѣжьяго мѣха, свиты власяныя; нижнею одеждою была сорочка, на головахъ носили шапки, клобуки, на рукахъ—рукавицы перстатыя, т.-е. перчатки, на ногахъ—сапоги (иногда червленые, т.-е. красные), лычницы (лапти изъ лыка), черевья, т.-е. башмаки; есть свѣдѣнія о кроватяхъ (даже изъ слоновой кости), «наволочитомъ зголовьѣ», шелковой подушкѣ, перинахъ, одѣялахъ (съ одной стороны, собольихъ у богатыхъ, съ другой—полотняныхъ у бѣдныхъ), паполомахъ (покрывалахъ), коврахъ, поясахъ, скатертяхъ, убрусьяхъ (полотенцахъ), понявахъ (саванахъ). Одежды украшались золотыми и серебряными крестами, цѣпями съ гривнами: въ ушахъ были серьги. Портреты князей въ костюмахъ того времени мы находимъ въ изборникѣ кн. Святослава черн. и въ рядѣ другихъ извѣстныхъ уже намъ изображеній. Любопытно описаніе наружности и одежды Стараго Святослава, оставленное намъ Львомъ діакономъ: борода у него была сбритая; съ верхней губы висѣли большіе усы; волосы на головѣ были сбриты и только сверху шелъ локонъ волосъ; въ одномъ ухѣ была серьга, украшенная 2 жемчужинами, между коими былъ вставленъ красивый яхонтъ; одежда на немъ была бѣлая, простая полотняная. Оружіе у воиновъ со-

стояло изъ щитовъ, шлемовъ, кольчугъ, копій, луковъ со стрѣлами въ колчанахъ, сабель, мечей, сулицъ. Имущество князей и богатыхъ людей заключалось въ золотѣ и серебрѣ (въ монетѣ и слиткахъ), драгоцѣнныхъ камняхъ, мѣхахъ, дорогихъ тканяхъ, желѣзѣ и мѣди, конскихъ стадахъ, оружіи, дорогой збруѣ, обиліи слугъ, которые тѣшили своихъ господъ передъ сномъ — чесали плечи или ноги, разсказывали сказки, играли. Экипажи назывались тогда колами (отъ слова колесо); извѣстны возы и телѣги; зимою (а иногда и лѣтомъ для ритуала) употребляли сани. Дома строились во дворахъ, которыя носили названіе по своимъ владѣльцамъ. Улицы носили названіе по владѣльцамъ домовъ, дворы огораживались тыномъ (заборомъ), въ которомъ устраивались ворота, а въ комнатахъ двери. Княжескія постройки носили названіе хоромъ, въ нихъ были горенки, т.-е. горницы—чистыя комнаты, и ложницы (спальни). Деревянныя постройки рубились. Важную составную часть ихъ составляли сѣни, въ которыя вело крыльцо. Крыша была двускатная; верхнее ея ребро называлось «кнесомъ». Покрывалась она соломою или тесомъ въ видѣ чешуи. У князей были и загородные терема съ обширными сѣнями, съ гридницами для княжеской гриди. Терема называются златоверхими, б. м., потому что расписывались и позлащались. Избы назывались «истбами», «истобками» (отъ слова топить). Товары хранились въ клѣтяхъ (амбарахъ). Извѣстны погреба, порубы (мѣста заключенія), медуши и бретьяницы (гдѣ хранился медъ). Мебелью служили стольцы (табуретки); изъ утвари извѣстны ларцы.

15-я глава. Религіозное, нравственное и умственное состояніе общества.

Церковь и монастыри.—Нравы.—Состояніе просвѣщенія.—Древне-русская письменность. — Національное самосознаніе въ ней.

Литература вопроса. Источники: областныя лѣтописи, памятники церковнаго законодательства, акты и грамоты, житія святыхъ и, наконецъ, многочисленные памятники литературные. Грамоты, относящіяся къ церквамъ и монастырямъ: Мстислава (1130 г.) Юрьеву мон. въ Новгородской области (древнѣйшая; оригиналъ ея находится въ этомъ мон.); купчая Антонія Римл. (до 1147 г.), вкладная Варлаамова Хутынскаго мон. 1192 г., уставъ Всеволода о церковныхъ судѣхъ 1125—1136 г.,—помѣщены въ хрестоматіи Владимірскаго-Буданова; житіе Өеодосія и Кіево-Печерскій патерикъ въ изданіи Яковлева. „Памятники русской литературы XII и XIII вв.“ СПБ., 1872; отрывки изъ памятниковъ историческихъ, юрид. и литератур. въ хрестоматіи Аристова. Пять памятниковъ каноническаго права областнаго періода (и въ числѣ ихъ каноническіе отвѣты митр. Іоанна II и вопросы Кирика) напечатаны въ 6-мъ томѣ Рус. Ист. Библ. Посланіе Өеодосія къ Изяславу—въ Исторіи русской церкви Макарія, т. 2-й, изд. 2-е и у Голубинскаго; слова Кирилла Туровскаго, моленіе Даніила Заточника и др. литературныя

сочиненія—въ «Памятн. рос. слов. XII в.» Калайдовича. М. 1821. *Изм. Ив. Срезневскій.* Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV в., СПБ., 1860; русскій переводъ Патерика печ. *М. Викторовъ.* К. 1870; поученіе Луки Жидяты, Иларіона, Феодосія Печ. и Кирилла Туровскаго въ изд. Пономарева Памятники древне-рус. учительной лит., вып. I—IV, СПБ., 1894—1898; Слово о погибели Рускыя земли (Пам. древн. письм. LXXXIV. СПБ., 1892 ; Путеш. игум. Даніила по Св. землѣ (Изд. Арх. Ком., подъ ред. Попова, СПБ., 1864); Путеш. новг. арх. Антонія въ Царьградъ. СПБ., 1872 (подъ ред. Савваитова). Пособія. *Макарій.* Исторія русской церкви, т. I — III. СПБ. *Голубинскій.* Исторія русской церкви, т. 1-й (1-я и 2-я половина); *А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древне-рус. лѣт. сводахъ; *А. С. Павловъ.* Критич. оп. по ист. др. греч.-рус. полемики противъ латынянъ. СПБ., 1878; *Казанскій.* Исторія православнаго рус. монашества. М. 1855; *М. Д. Приселковъ.* Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв., СПБ., 1913 г.; особенно цѣнна эта книга для исторіи Кіево-Печерскаго мон.; *Протопоповъ.* Поученіе Владимира Мон., какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху («Ж. М. Нар. Пр.», 1874, февраль ; *Порфирьевъ.* Исторія русской словесности; *Н. А. Лавровскій.* О древнерусскихъ училищахъ. 1854; *Владиміровъ.* Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. К. 1900; *Волковъ.* Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнихъ книгахъ XI —XIV вв. (Пам. древн. письм. CXXIII); Слово похвальное на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба (в. XCVIII); *Н. Никольскій.* О литер. трудахъ м. Климента Смолятича. СПБ., 1892; *Изм. Срезневскій.* Древніе памятники рус. письма и языка (X—XIV). Приложеніе (снимки съ памятниковъ) СПБ. 1866; *Карскій.* Очеркъ славянской Кирилловской палеографіи. 1901; его же. Образцы славянскаго Кирилловскаго письма съ X по XVIII в., 1912; *А. И. Соболевскій.* Славяно-русская палеографія. Лекціи. изд. 2-е. СПБ. 1908. *А. И. Соболевскій.* и *С. Л. Пташицкій.* Палеогр. снимки съ рус. грамотъ. СПБ. 1903.

Церковь. Теперь намъ можно обратиться къ характеристикѣ религіознаго, нравственнаго и умственнаго состоянія русскаго общества. Христіанство съ пол. XI до пол. XIII ст. распространяется въ тѣ окраинныя области, гдѣ раньше его не было—въ области Новгородскую, Суздальскую, Муромо-Рязанскую, землю Вятичей и т. д. Въ общемъ распространеніе его отличается мирнымъ характеромъ, хотя и извѣстенъ случай сожженія въ Новгородѣ 4-хъ волхвовъ за ихъ волхвованіе. Организація русской церкви представляется теперь въ такомъ видѣ: во главѣ русской церкви стояли большей частью митрополиты [1]) греки, которые избира-

[1]) Ак. Е. Е. Голубинскій высказалъ, впрочемъ, предположеніе, что первоначально русская церковь была болѣе автокефальна и во главѣ ея стояли не митрополиты, зависѣвшіе отъ цареградскаго патріарха, а почти независимые отъ него архіепископы (одни архіепископы были тогда выше митрополитовъ, другіе—ниже). Попытки папъ подчинить себѣ русскую православную церковь успѣха не имѣли. М. Д. Приселковъ доказываетъ, что первоначальная церковная іерархія въ Кіевской Руси была взята не изъ Византіи, а изъ Ново-Болгарскаго царства Самуила и во главѣ ея стоялъ Охридскій митрополитъ; зависимость же отъ Византійской церкви была установлена только въ 1037 году, при первомъ греческомъ митрополитѣ Феопемптѣ. Отдавая должное оригинальности взглядовъ этого автора и свѣжести его доказательствъ, мы все же пока воздержимся отъ принятія его остроумной и имѣющей за себя многія данныя гипотезы.

лись константинопольскимъ патріархомъ. По каноническимъ правиламъ патріарху принадлежало только право утвержденія митрополитовъ, а избирать ихъ должны были соборы русскихъ епископовъ. Но соборомъ русскихъ епископовъ были только избраны Іларіонъ и Климентъ Смолятичъ. Зависимость русскаго митрополита отъ цареградскаго патріарха не была, впрочемъ, очень значительна. Цареградскому патріарху принадлежало право утвержденія митрополитовъ, право верховнаго суда; что же касается до дѣятельности самого митрополита, то она носитъ прежній характеръ. Извѣстно 4 такихъ собора и всѣ они были въ Кіевѣ. Митрополитъ попрежнему заботится о всей русской церкви: онъ собираетъ соборы изъ епископовъ по тѣмъ вопросамъ, которые волновали тогдашнее общество. Всѣхъ митрополитовъ въ областной періодъ было 24. Наилучшіе отзывы даетъ лѣтописецъ о двухъ митрополитахъ грекахъ (Іоаннѣ II и Кириллѣ II), и двухъ русскихъ (Іларіонѣ и Климентѣ смолятичѣ-философѣ). Въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ митрополичья каѳедра, какъ это ни странно, была не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ. Въ Кіевъ она была перенесена только съ построеніемъ Софійскаго храма при Ярославѣ Мудр. Что касается до епископовъ, то количество ихъ въ это время увеличивается и достигаетъ 16 (въ концѣ областнаго періода, при Владимірѣ ихъ насчитывали 8, при Ярославѣ 10 [1]). Нужно замѣтить, что каждая изъ политическихъ единицъ того времени стремилась получить особаго епископа. Такое стремленіе идетъ параллельно съ желаніемъ достичь политической автономіи. Епископіи были открыты въ Тмутаракани, Переяславѣ, Юрьевѣ на Роси, Полоцкѣ, Туровѣ, Смоленскѣ, Галичѣ, Рязани, Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Интересенъ обычай «настолованія», т.-е. посаженія митрополита и епископовъ на столъ или каѳедру, по примѣру князей. Но все же размѣры епархій были огромные, что неблагопріятно отражалось на управленіи. Иногда епископы вступаютъ въ борьбу съ митрополитомъ; таковъ былъ суздальскій епископъ Ѳеодоръ, который стремился къ полной независимости отъ кіевскаго митрополита. Нужно, однако, замѣтить, что Андрей Боголюбскій, хотя и желалъ для своей области особаго митрополита, но получилъ отказъ отъ патріарха и не могъ спасти Ѳеодора отъ мщенія кіевскаго митрополита. Ѳеодоръ долженъ былъ отправиться въ Кіевъ, и здѣсь митрополитъ предалъ его тяжкой казни: у него былъ вырѣзанъ языкъ и отсѣчена рука. Новг. еп. Лука

---

[1]) У М. Д. Приселкова мы находимъ обстоятельную критическую исторію открытія епископствъ, при чемъ онъ даетъ иныя цифры.

Жидята, будучи вызванъ на судъ митрополита въ Кіевъ, 3 года провелъ въ заключеніи, но потомъ оправдался, а его обвинитель холопъ бѣжалъ къ нѣмцамъ, но съ отрѣзанными носомъ и руками. Въ назначеніи епископовъ значительную роль играли князья, а подчасъ и деньги. По крайней мѣрѣ, изъ посланія Симона къ Поликарпу оказывается, что одна княгиня рѣшилась не пожалѣть 1.000 гривенъ, чтобы доставить епископскую каѳедру своему любимцу Поликарпу. Въ составѣ епархіальнаго управленія были намѣстники, т.-е., какъ бы нын. викаріи и клирошане—соборные священники. Матеріальное благосостояніе церкви въ это время достигаетъ значительныхъ размѣровъ; это мы видимъ изъ нѣкоторыхъ памятниковъ церковнаго законодательства. Изъ этихъ памятниковъ, видно, что церковное благосостояніе было вполнѣ обезпечено; епископы получали $^1/_{10}$ отъ княжескихъ доходовъ и имѣли значительное количество населенныхъ имѣній, пользовались судебными доходами. Приходское духовенство содержалось на доброхотныя приношенія мірянъ. И въ этотъ періодъ продолжали дѣйствовать церковные уставы Владиміра Св. и Ярослава Мудр., а кромѣ того, вслѣдствіе областной независимости, появились и мѣстные церковные уставы, напримѣръ, Ростислава Смоленской землѣ, въ которомъ епископу предоставляется судъ по дѣламъ брачнымъ, по чародѣйству, по бою между женщинами; извѣстны также 3 устава Новгородской области. Устройство церкви и ея жизнь регулировались каноническими правилами. Мы имѣли въ славянскомъ переводѣ въ областной періодъ греческій номоканонъ фотіевской, но неполной редакціи. Что касается указовъ греческихъ патріарховъ, то изъ таковыхъ извѣстенъ только одинъ (1228 г.) о не поставленіи во священники рабовъ, не отпущенныхъ на волю. Извѣстно и нѣсколько частныхъ сочиненій каноническаго содержанія—1) уставъ бѣлеческій или заповѣдь митр. Георгія, 2) посланіе Ѳеодосія къ Изяславу, 3) правило церковное митр. Іоанна II и 4) «вопрошаніе Кириково». Въ к. XI в. явился и русскій творецъ каноновъ, нѣкій Григорій, написавшій службу Ѳеодосію, Борису и Глѣбу. Установлены были и русскіе церковные праздники—Борису и Глѣбу. Открытъ былъ рядъ мощей русскихъ угодниковъ. У насъ были свои святцы и свои славянскія названія мѣсяцевъ. Церковный годъ начинался съ сентября. Церковное пѣніе подъ управленіемъ доместиковъ (регентовъ) началось у насъ съ пол. XI в.; первые доместики вышли изъ Грецiи. Храмостроительствомъ особенно занимались князья, а также пастыри церкви и частныя лица. Лѣтопись содержитъ описаніе украшеній многихъ наиболѣе замѣчательныхъ храмовъ, напр., построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ въ сел. Бо-

голюбовѣ. Особымъ почитаніемъ пользовались иконы, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились доселѣ, а также мощи, принесенныя изъ Греціи. Уцѣлѣли даже и нѣкоторыя священныя облаченія того времени (напр., епископа новгородскаго Никиты). Что касается до нравственнаго значенія церкви, но оно было также значительно. Оно выразилось въ защитѣ беззащитныхъ, въ благотворномъ вліяніи на семейную жизнь, въ созданіи монашества, выставившаго нравственные подвиги самоусовершенствованія—кротости и смиренія. Представители духовенства выступали въ качествѣ миротворцевъ по отношенію къ князьямъ: «*княже!* говорилъ князю митр. Никифоръ, *мы есьмы приставлены въ Русской земль отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья*». «*Аще бо возьмете рать межю собою,* передавалъ другой митрополитъ увѣщаніе Кіевлянъ Владимиру Мономаху, *поганіи имуть радоватися и возьмутъ землю нашю, иже бѣша стяжали отцы ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, побороающе по Руськый земли, ины земли пріискиваху, а вы хочете погубити землю Руськую*». Духовенство, какъ и въ данномъ случаѣ, участвовало въ посольствахъ, въ съѣздахъ князей, давало цѣловать крестъ въ соблюденіи договоровъ. Поученіе неизвѣстнаго въ день памяти Бориса и Глѣба, относящееся къ Чернигово - Сѣверской землѣ, содержитъ похвалу Давиду Святославичу за его миролюбіе по отношенію къ младшей братіи и вѣрность крестному цѣлованію. Въ поученіяхъ Ѳеодосія слѣдуетъ отмѣтить борьбу его съ пьянствомъ и народными суевѣріями, подчасъ, впрочемъ, безобидными по существу. Противъ порока пьянства вооружались и другіе тогдашніе писатели, напр., митр. Іоаннъ. Другимъ порокомъ, противъ котораго выступало духовенство, было нарушеніе брачнаго союза: принадлежавшіе къ высшему классу общества имѣли въ качествѣ наложницъ рабынь и безъ вѣдома церкви отсылали отъ себя женъ, а низшій классъ населенія обходился безъ церковнаго брака, а бралъ женъ по языческому обряду съ гудѣньемъ и плясаньемъ, т.-е. только со своими свадебными обрядами. Противъ этого вооружается м. Іоаннъ въ своемъ правилѣ. Интересны для характеристики тогдашнихъ нравственныхъ воззрѣній Вопрошаніе Кириково и правило м. Іоанна. Жена и мужъ ни при какихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни не должны были разставаться другъ съ другомъ. Въ исполненіи эпитемій жена могла помогать мужу. Рекомендуется выпускъ плѣнныхъ. Двоеженцевъ, а также упорствующихъ въ несоблюденіи поста рекомендовалось отлучать отъ церкви, чародѣевъ — сильно наказывать, но безъ членовредительства. Отсутствіемъ религіозной терпимости отличалось отношеніе къ христіанамъ - католикамъ,

т.-е. людямъ запада. Пр. Феодосій въ посланіи къ Изяславу говоритъ, что его отецъ и мать требовали, чтобы онъ съ латинянами не имѣлъ ничего общаго, гнушался бы ихъ обычаевъ, не роднился съ ними, не принималъ отъ нихъ пищи; творилъ молитву надъ оскверненнымъ ими сосудомъ; они, писалъ онъ, въ своей вѣрѣ не спасутся; и вообще не слѣдуетъ хвалить чужой вѣры, иначе это будетъ двоевѣріе; но помощь оказать и подать милостыню можно и еврею, и сарацину, и еретику. Другимъ бросающимся въ глаза недостаткомъ религіозно-нравственныхъ совѣтовъ было смѣшеніе важнаго съ мелкимъ, несущественнымъ, благодаря чему выбиралось именно послѣднее, ибо исполненіе его было несравненно легче. Образчиками такихъ пустыхъ вопросовъ, занимавшихъ Кирика, можно признать слѣдующіе: можно ли носить теплую одежду изъ шкуръ животныхъ, неупотребляемыхъ въ пищу? Можно ли служить въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платокъ? Можно ли толкать яйцами въ зубы до обѣдни въ Свѣтлое Воскресеніе? Умственная жизнь, выражавшаяся въ литературѣ, находилась въ тѣсной связи съ религіозной сферой, почти исчерпывалась ею. Вотъ почему и въ литературѣ мы найдемъ кругъ нравственныхъ понятій, близкихъ къ только что изложеннымъ. Самымъ типичнымъ продуктомъ движенія к. XI и нач. XII в. оказывается «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Составитель ея является сыномъ своего вѣка: будучи христіаниномъ и монахомъ, онъ вѣрилъ въ то, во что вѣрило современное ему общество (напр., въ волхвованіе и примѣты); духъ времени отражается и въ его нравственныхъ воззрѣніяхъ. Но на первомъ мѣстѣ по значенію въ области нравственныхъ идеаловъ того времени нужно поставить духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха—это Домострой XII вѣка, но стоящій неизмѣримо выше Домостроя XVI в. Завѣщаніе по содержанію своему можетъ быть раздѣлено на 4 части: въ 1-й говорится объ отношеніи между человѣкомъ и Богомъ, во 2-й—объ отношеніи между властью и подданными, въ 3-й—объ отношеніи человѣка къ самому себѣ и своимъ домашнимъ, въ 4-й – объ отношеніи его къ посторонним. Оно рекомендуетъ внутреннюю религіозность, выражаемую въ покаяніи, слезахъ, милостынѣ,—совѣтуетъ никого не казнить смертью, заботиться о сиротахъ, убогихъ, избѣгать гордыни или пьянства, прелюбодѣянія, все дѣлать самому и не полагаться на отроковъ и тіуновъ, женъ любить, но не давать имъ надъ собою власти, уважать гостей, принимать странниковъ, посѣщать больныхъ, провожать мертвыхъ, привѣтствовать мимо идущаго. Самъ Мономахъ рисуется лучшимъ, идеальнымъ княземъ своего времени. Въ смыслѣ за

боты о благѣ населенія своего княжества, въ смыслѣ необычайной личной дѣятельности въ области управленія, онъ является какъ бы предшественникомъ Великаго Петра. Неизмѣримо ниже его стоитъ по своимъ нравственнымъ воззрѣніямъ присяжный, такъ сказать, публицистъ областного періода Даніилъ Заточникъ, хотя и его наставленія очень характерны по формѣ. «Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми. Безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ. Какъ въ утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити. Не скотъ въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь: а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ. Лутчи есть во утлѣ ладьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ таины повѣдати: утлая ладья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ».

Однимъ изъ практическихъ рѣшеній нравственныхъ проблемъ было у насъ монашество. Человѣкъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не представлялъ гармоническаго сочетанія духа и тѣла: наоборотъ, въ немъ тѣло постоянно враждуетъ съ духомъ; оно лютый врагъ этого послѣдняго; слѣдовательно, нужно было устранить пожеланія тѣла, исключить изъ своей жизни семейныя начала. Тѣло вообще стремится къ удовольствіямъ, которыя находятся въ мірѣ; нужно избѣжать ихъ, т.-е. уйти изъ міра. И вотъ лучшіе люди своего времени, люди, для которыхъ не чужды были вопросы о духѣ жизни, уходятъ въ монастыри, но мало-по-малу эта самая жизнь, отъ которой они хотѣли уйти въ монастырь, захватываетъ ихъ тамъ, — монастыри начинаютъ вліять на жизнь мірскихъ людей; эти послѣдніе, въ свою очередь вліяютъ на жизнь монаховъ; происходитъ взаимодѣйствіе, иногда очень полезное для одной и другой стороны. Иногда, какъ это было въ Печерскомъ монастырѣ, монахи раздавали во время голода изъ своихъ складовъ хлѣбъ, занимались лѣченіемъ мірянъ, т.-е. заботились о той «презрѣнной» плоти, съ которою они должны были воевать. Уходя въ лѣса и дебри, чтобы спастись отъ міра, они привлекаютъ мірянъ; эти послѣдніе являются къ отшельнику; возникаетъ монастырь, а возлѣ него селеніе; монастыри, такимъ образомъ, являются первыми піонерами славяно-русской колонизаціи; такую роль они играютъ преимущественно въ сѣверо-восточной Руси. Впослѣдствіи они пріобрѣтаютъ большое количество земельной собственности и угодій. Важнѣйшей святыней Кіева была знаменитая Кіево-Печерская лавра. Первоначальнымъ основателемъ этой обители былъ обыватель города Любеча (Черниговской области) преподобный Антоній. Онъ явился въ Кіевъ для того, чтобы предаться здѣсь

отшельнической жизни. Здѣсь на окраинѣ города, онъ нашелъ небольшую пещеру, гдѣ и поселился. Слава объ его иноческой жизни распространилась въ окрестности и къ нему стали стекаться подвижники для постриженія. Мало-по-малу помѣщенія иноковъ расширились, и Антоній, который болѣе всего заботился объ уединеніи, поставилъ игуменомъ новаго монастыря Варлаама (изъ боярскаго рода). Но истиннымъ устроителемъ обители былъ преподобный Θеодосій. Онъ былъ родомъ изъ г. Курска. Съ обозомъ купцовъ онъ прибылъ въ Кіевъ, убѣжавъ отъ матери, не желавшей допустить его принять монашество. Онъ былъ избранъ игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря. Главная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ ввелъ строгій судійскій уставъ, добытый имъ на Аѳонѣ. Этотъ уставъ самымъ точнымъ образомъ регулировалъ жизнь и взаимныя отношенія монаховъ и отличался большою суровостью. На первыхъ порахъ монастырь довольствовался незначительными подаяніями разныхъ благочестивыхъ людей и работами своихъ послушниковъ. Но съ теченіемъ времени пожертвованія увеличивались. Богатые люди стали дѣлать щедрые вклады, даря и движимыя и недвижимыя имущества. Таковъ былъ, напримѣръ, Шимонъ, внесшій около 50 гривенъ золота. Князь подарилъ монастырю сосѣднюю гору и на ней возникли новыя кельи. Кіевскіе князья, начиная съ Изяслава, относились неодинаково къ святой обители, но мало-по-малу она завоевала и ихъ расположеніе. Сюда являлись князья искать совѣта и указанія относительно политическихъ дѣлъ, походовъ на половцевъ и т. п.

Въ монастырѣ явился цѣлый рядъ подвижниковъ, прославившихъ себя подвигами суроваго благочестія. Ихъ дѣянія, ихъ благочестивая жизнь не остались неизвѣстными народу, создался цѣлый рядъ житій, которыя составили потомъ знаменитый Кіево-Печерскій Патерикъ, имѣвшій много редакцій и списковъ. Житія эти читались не въ одномъ Кіевѣ и Кіевской области, а во всей Русской землѣ. Слава о подвигахъ Антонія, Θеодосія, Нестора, Никона, Кн. Николы-Святоши, Исаакія затворника и многихъ-многихъ другихъ распространилась по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, и благочестивое пилигримство въ Лавру началось уже тогда. Но этимъ не ограничилось значеніе Лавры. Если мы обратимъ вниманіе на біографіи тогдашнихъ русскихъ епископовъ и вообще высшихъ представителей іерархіи, то увидимъ, что значительная часть ихъ подвизалась раньше въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и потомъ постоянно поддерживали нравственную связь съ этой послѣдней. Среди этихъ лицъ многіе ярко блистали въ тогдашней Руси своею образованностью

и литературною славою. Таковъ былъ Θеодосій, Несторъ и другіе.

Нравственные идеалы осуществляли въ жизни тѣ анахореты, духовные подвиги которыхъ описаны въ Печерскомъ Патерикѣ: въ разсказѣ о жизни Моисея Угрина и Іоанна многострадальнаго проявляется идеалъ презрѣнія къ семейной жизни, въ житіи врача Агапита — безмезднаго полезнаго труда, во многихъ житіяхъ—презрѣнія къ богатству. По сравненію съ языческой эпохой здѣсь огромный прогрессъ, которымъ тогдашнее общество было всецѣло обязано христіанству. Но дѣйствительность далеко стояла отъ этихъ идеаловъ, осуществлявшихся людьми, которые для этого должны были уходить отъ общества. Наша русская жизнь отстала въ этомъ отношеніи отъ западно-европейской, которая выработала такой *жизненный* идеалъ, какъ рыцарство съ его культомъ личной чести, уваженія къ женщинѣ. Отстали мы и въ сферѣ умственной дѣятельности, но въ этомъ неповиненъ былъ русскій народъ, ибо западныя государства стали жить нѣсколькими вѣками ранѣе насъ: въ то время какъ у насъ не было средней школы, на западѣ начинаютъ образовываться университеты.

Нравы. Князья обыкновенно имѣли по два имени — княжее—мірское и христіанское: «*родися у Святослава Ольговича сынъ и нарекоша ему имя въ св. крещеніи Георгій, а мирьски Игорь*». Даніилъ Паломникъ записалъ для поминовенія двойныя имена князей. И княжны получали иногда также два имени. Число всѣхъ употребительныхъ именъ было невелико, въ отдѣльныхъ княжескихъ вѣтвяхъ были свои любимыя имена. Князья и бояре назывались и по отчеству (напр., бояринъ Иванъ Жирославичъ); были и уменьшительныя имена. Воспитателями княжескихъ дѣтей были дядьки или кормильцы. По достиженіи 3—4 лѣтъ отроду происходилъ обрядъ *постриговъ*: ребенку епископъ подстригалъ волосы и его сажали на коня. Земли въ управленіе князья получали очень рано, даже въ малолѣтство. Съ раннихъ лѣтъ они принимали участіе и въ походахъ. Также рано князья вступали и въ бракъ (10—15 лѣтъ). 14-лѣтняго Ростислава отецъ его Рюрикъ женилъ на 8-лѣтней дочери ВсеволодаUžд. Неудивительно поэтому, что браки дѣтей устраивались обыкновенно родителями, о чемъ свидѣтельствуютъ такія выраженія лѣтописи, какъ *ведена бысть* (дочь), *поя* (за сына), *отда* (дочь), *ожени* (сына); въ положеніи родителей оказались и новгородцы: «*ожениша Новгородци Мстислава Георгевича и пояша зань Петровну Михалковича*». Въ другихъ случаяхъ князья выбирали себѣ невѣстъ и самостоятельно. Свадьбы справлялись очень

торжественно и сопровождались пирами; фигурировали сваты, дары, приданое. Бывали браки счастливые, бывали браки и несчастные, оканчивавшіе разрывомъ и насильнымъ постриженіемъ женъ. Въ Галичѣ сожгли наложницу князя, сына ея отправили въ заточеніе, а съ князя Ярослава взяли обязательство, что онъ будетъ хорошо жить съ законною женою, которая вынуждена была убѣжать въ Польшу. Торжественно праздновались родины и по случаю рожденія дѣтей князья строили храмы. Торжественно праздновались имянины, церковные праздники, освященія церквей — приглашалось на торжество подъ часъ и населеніе [1]), убогіе и странники; устраивались пиры и по случаю княжескихъ съѣздовъ и на нихъ приглашался народъ. На пирахъ, гдѣ много было народа, царило веселье, пѣсни, пляска и музыка. Вотъ характерное описаніе пира Святослава (сына Ярослава Мудраго), бывшаго тогда Кіевскимъ княземъ. «*И се видѣвъ* (препод. Θеодосій) *многія играющи передъ нимъ* (княземъ), *овы гусльные гласы испущающе, другые же органные гласы поюще и инымъ заморскыя пѣсни гласящимъ, и такъ всѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай есть передъ княземъ*»... Одинъ литературный памятникъ, описывая пиръ, сообщаетъ, что онъ сопровождался гуслями и свирѣлями, представленіями скомороховъ, плясками, пѣснями и воплями; это одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о музыкальныхъ инструментахъ того времени и пѣніи (самымъ древнимъ свидѣтельствомъ о русской пѣснѣ нужно признать извѣстный намъ разсказъ Ибнъ-Фацлана о дѣвушкѣ, обрекшей себя на смерть и пѣвшей пѣсни). Пѣсня была продуктомъ народнаго творчества, но выразителями его были особые пѣвцы, воспѣвавшіе подвиги князей и ихъ дружинъ. Таковъ былъ Боянъ, картинно изображаемый авторомъ «Слова о полку Игоревѣ», которое, въ свою очередь, является продуктомъ творчества дружинной Руси. И идя по стопамъ Бояна, самъ авторъ «Слова» начинаетъ свою поэтическую повѣсть отъ стараго Владиміра до Игоря и упоминаетъ о пѣсняхъ старымъ и молодымъ князьямъ. Памятниками народной поэзіи являются наши былины Кіевскаго цикла, гдѣ выступаютъ и богатыри, и Владиміръ — Красное солнышко, и скоморохи, и игра на гусляхъ. Одна изъ Новгородскихъ былинъ посвящена Садку, богатому гостю, у котораго прежде имущества не было, а были только гусельки яровчаты; по пирамъ ходилъ — игралъ

---

[1]) *Изяславъ съ сыномъ Ярославомъ* (въ 1148 г.) *посласта подвойскыи и бирючь по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ, отъ мала и до велика, и тако обѣдавше веселишася радостью великою и честью, разъидошася въ свои домы*".

Садко на почестныхъ пирахъ. Волынская лѣтопись сообщаетъ любопытное извѣстіе о «словутьнемъ пѣвцѣ Митусѣ»; она же говоритъ, что Даніилу Романовичу Галицкому съ братомъ «пѣснь славну пояху» за удачный походъ на Ятвяговъ. Обычное же времяпрепровожденіе князей было таково: вставали они очень рано, съ восходомъ солнца; по праздникамъ, а нѣкоторые и ежедневно ходили въ церковь, иногда домовую; затѣмъ завтракали, думали со своей княжеской Думой или «людей оправливали», т.-е. давали судъ и расправу или ѣхали на охоту (на ловы) на дикихъ коней, туровъ, оленей, лосей, вепрей, медвѣдей. Князья имѣли ловчій нарядъ, конюховъ, ловили птицъ соколами и ястребами, бывали и военныя ристалища («поѣздьство»): угры «*на фарехъ и скокахъ играхуть на Ярославли дворъ*». Въ полдень обѣдали и затѣмъ отдыхали, — согласно завѣщанію Мономаха, что «*спанье есть отъ Бога присужено полуне—весь чинъ почиваетъ и звърь, и птицы, и человъци*». Вечеромъ ужинали, творили молитву и рано ложились. Занимались собственными хозяйственными дѣлами; любили помыться и попариться въ баняхъ. По мертвымъ обычно плакали и причитали: вспомнимъ поэтическій плачъ Ярославны въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: причитала по Смоленскомъ князѣ Романѣ его вдова; причитали по Мстиславѣ Ростиславичѣ Новгородцы, по Андреѣ Боголюбскомъ—жители Владиміра. Хоронили князей на другой день послѣ смерти, обыкновенно въ церквяхъ, построенныхъ ими самими или ихъ предками, нерѣдко въ мраморныхъ ракахъ. Знакомъ военной почести было копье, которое ставилось у гроба; за гробомъ шла дружина, вели княжескаго коня и несли его стягъ (знамя); по покойникѣ носили трауръ, платье покойника вѣшалось на память о немъ въ храмѣ; устраивались поминки и раздавалась милостыня нищимъ.

Состояніе просвѣщенія. Наше просвѣщеніе началось съ принятія христіанства. Съ распространеніемъ христіанства явился цѣлый кругъ духовныхъ потребностей, которыя нужно было удовлетворять; книга (на первыхъ порахъ исключительно духовная) сдѣлалась настоятельно необходимой. Неудивительно, что Ярославъ собираетъ вокругъ себя переписчиковъ, которые списываютъ книги; не довольствуясь этимъ онъ занимается переводомъ съ греческаго языка на славянскій; по буквальному тексту лѣтописи, этимъ дѣломъ онъ занимался самъ, но, конечно, это дѣлали его помощники — сотрудники. Ярославъ былъ образованный человѣкъ и любилъ читать книги. Въ послѣдующее время среди княжескаго семейства лѣтописи указываютъ намъ рядъ личностей, заботившихся о просвѣщеніи. Святославъ Чер-

ниговскій, какъ видно изъ предисловія къ посвященному ему «Изборнику», имѣлъ цѣлую библіотеку. Родной братъ его Всеволодъ Ярославичъ, какъ видно изъ поученія его сына Мономаха, зналъ пять языковъ. Самъ Мономахъ былъ писателемъ. Князь инокъ, Никола Святоша (Святославъ Давидовичъ) передалъ свои книги въ Печерскій монастырь. Татищевъ приводитъ много фактовъ о просвѣтительной дѣятельности князей—Святослава Ростиславича, Святослава Юрьевича, Романа Ростиславича Смоленскаго, Михаила Юрьевича, Ярослава Галицкаго, Константина Всеволодовича, хотя Голубинскій считаетъ ихъ сочиненными. Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ образованность нѣкоторыхъ представителей княжеской власти. Другимъ образованнымъ классомъ являлось духовенство (черное и бѣлое), въ особенности высшее. Оно выставило изъ своей среды многихъ замѣчательныхъ дѣятелей на почвѣ литературной, которымъ былъ извѣстенъ источникъ тогдашней мудрости — византійская письменность. Что касается до населенія, то ему была доступна, по всей вѣроятности, только грамотность, да и то въ незначительной степени; въ лучшемъ положеніи, конечно, находился высшій классъ населенія, стоявшій близко къ князьямъ и высшему духовенству. Наоборотъ, сельскимъ жителямъ даже и простая грамотность была недоступна: это вполнѣ подтверждается характеромъ и состояніемъ тогдашнихъ средствъ къ просвѣщенію. Проводникомъ грамотности и образованія являлась въ то время книга и школа. Книги стоили очень дорого и не могли имѣть широкаго распространенія; пріобрѣтать ихъ въ собственность могли только очень богатые люди; пользоваться же временно—только лица, стоящія близко къ княжескимъ или церковнымъ или монастырскимъ книгохранилищамъ. Небольшой молитвенникъ стоилъ тогда 8 гривенъ кунъ, что равняется 80 руб. Количество названій книгъ, вращавшихся въ древней Руси, было довольно значительно, но количество экземпляровъ всякаго даннаго сочиненія было очень ограничено; часто книга циркулировала только въ одномъ экземплярѣ; исключеніе представляютъ только наиболѣе любимыя сочиненія, имѣвшія множество списковъ. Но кромѣ книгъ нужны были училища и учителя. Объ учителяхъ мы находимъ нѣкоторыя упоминанія. Въ «житіи Ѳеодосія» разсказывается, что благочестивый Ѳеодосій былъ отданъ къ одному изъ учителей въ Курскѣ. Курскъ былъ въ то время незначительнымъ окраиннымъ городомъ и тамъ нашелся уже учитель; очевидно, что въ другихъ городахъ были также лица, занимавшіяся преподаваніемъ грамоты. Учителями были приведенные Владиміромъ Святымъ греки и ихъ по-

томки, а также и русское духовенство; явились такимъ образомъ школы какъ частныхъ лицъ, такъ и духовенства; но эти школы носили частный, а не правительственный характеръ; правильно организованныхъ казенныхъ училищъ не было. По крайней мѣрѣ, о нихъ мы не находимъ никакихъ указаній; даже въ церковныхъ уставахъ въ числѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, не упоминаются учителя, между тѣмъ какъ говорится о лѣкарѣ, задушныхъ людяхъ и т. д. Такимъ образомъ древне-русское просвѣщеніе коснулось исключительно высшихъ слоевъ тогдашняго общества; масса же только могла внимать устному поученію въ церкви, да иногда познакомиться съ книжною повѣстью, зашедшею случайно въ народный эпосъ.

Древне-русская письменность. Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о характерѣ просвѣщенія мы можемъ обратиться къ болѣе подробной характеристикѣ древне-русской письменности. Главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ нашей литературы была Византія. Западъ въ этомъ отношеніи не игралъ почти никакой роли. Объясняется это тѣмъ, что христіанство на Руси было принесено изъ Византіи; вмѣстѣ съ нимъ пришла и литература. Эта византійская литература по своему внутреннему содержанію могла удовлетворять тогдашняго русскаго человѣка, ибо отличалась значительнымъ разнообразіемъ: на ряду съ богословскими сочиненіями здѣсь были историческія и художественно-литературныя; какъ наслѣдіе прошлаго остались нѣкоторыя произведенія классическаго и восточнаго міра: византійская письменность воспріяла и усвоила, съ одной стороны, многія поэтическія произведенія романскихъ и германскихъ народовъ, а съ другой стороны, восточныхъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія немногосложныхъ на первыхъ порахъ духовныхъ потребностей русскаго общества. Конечно, достоинство этой умственной пищи было относительно. Какъ бы то ни было, византійская литература усваивалась на Руси сравнительно легко и, между прочимъ, потому, что усвоеніе происходило при посредствѣ болгарской и сербской письменности. Эта послѣдняя выросла на византійской основѣ, а по близости и родственности своего языка съ литературнымъ славянскимъ языкомъ, могла быть непосредственно перенесена на русскую территорію; здѣсь только сглаживались нѣкоторыя особенности рѣчи и литературное произведеніе въ такомъ видѣ находило себѣ многочисленныхъ читателей въ русскомъ обществѣ. Многія изъ такихъ произведеній только и сохранились въ русской редакціи. Въ сербской и болгарской литературахъ переводы съ греческаго существовали уже давно; начало имъ было положено

славянскими первоучителями, Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые перевели значительную часть библіи и богослужебныхъ книгъ; время Симеона было расцвѣтомъ болгарскаго просвѣщенія; тогда количество переводовъ увеличилось весьма значительно; тѣсная связь Болгаріи и Византіи и въ послѣдующее время способствовала вліянію византійской письменности на болгарскую. Такимъ образомъ, переводная, вообще заимствованная изъ Византіи, письменность имѣла два источника: иногда греческія сочиненія приносились на Русь самими греками и здѣсь уже переводились на древне-славянскій языкъ, или же переходили къ намъ изъ Болгаріи уже въ готовыхъ переводахъ на древне-болгарскій языкъ, почти совершенно понятный и русскому книжнику. Вся эта заимствованная литература можетъ быть подведена подъ слѣдующія главныя категоріи: 1) отдѣлъ богословскій, куда вошла прежде всего библія, затѣмъ нѣсколько сочиненій догматическаго и толковательнаго характера; 2) отдѣлъ историческій, гдѣ на первомъ планѣ стояла палея, т.-е. священная исторія ветхаго и отчасти новаго завѣта съ апокрифическими свѣдѣніями, хронографъ Георгія Амартола, содержащій церковную и гражданскую исторію, хронографъ Малалы съ повѣстями объ Александрѣ Македонскомъ и взятіи Трои; 3) отдѣлъ нравоучительный, куда относятся церковныя поученія и житія святыхъ; это былъ самый богатый отдѣлъ: было переведено болѣе 200 словъ Іоанна Златоустаго, множество словъ Ефрема Сирина, Ѳеодора Студита и т. д.; изъ сборниковъ житій особенно много сохранилось прологовъ, т.-е. сокращенныхъ житій и патериковъ. Сюда же относятся различные нравоучительные сборники, носившіе названіе пчелъ, златыхъ цѣпей, и самый ранній изъ нихъ Изборникъ Святослава Черн. съ изображеніемъ княжескаго семейства. Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ наибольшимъ распространеніемъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться третій, потому что житія и церковныя проповѣди были наиболѣе доступны для пониманія; что же касается до житій, то они привлекали къ себѣ также и интересомъ своего сюжета и потому были самымъ любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ.

Подъ вліяніемъ этой переводной литературы и параллельно съ нею возникла своя собственная оригинальная. Несмотря на свой подражательный характеръ, она имѣетъ и свои національныя особенности, которыя у иного писателя проявляются съ большею, у иного съ меньшею силою. Наибольшаго развитія и здѣсь достигаютъ историческій и нравоучительный отдѣлы. На сѣверѣ является первый русскій проповѣдникъ, новгородскій епископъ Лука Жидята, написавшій «Поученіе къ братіи»,

т.-е. къ паствѣ. Его продолжателемъ былъ извѣстный игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій; ему принадлежитъ нѣсколько поученій, обращенныхъ къ монахамъ, и два къ народу. Его проповѣди отличаются удобопонятностью и простотою содержанія. Это не построенныя по готовымъ рамкамъ рѣчи о теоретическихъ вопросахъ, а безыскусственныя приноровленныя къ тогдашнимъ условіямъ и потребностямъ русской жизни бесѣды, карающія недостатки современнаго общества и указывающія пути къ ихъ исправленію. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются поученія третьяго писателя—Кирилла Туровскаго. Это—русскій Златоустъ; онъ въ совершенствѣ изучилъ риторику греческихъ проповѣдниковъ; правда, онъ ихъ рабски не копируетъ, но вполнѣ усвояетъ ихъ манеру: у него мы находимъ тѣ же аллегоріи, тотъ же драматизмъ въ изложеніи, тѣ же тропы, фигуры, что и въ рѣчахъ Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго. Но выдаваясь изъ ряда вонъ по своимъ ораторскимъ достоинствамъ, проповѣди Кирилла Туровскаго не отличались въ такой же мѣрѣ и своими внутренними достоинствами; форма въ нихъ взяла верхъ надъ содержаніемъ и потому они не производили глубокаго впечатлѣнія на современниковъ; самъ проповѣдникъ сознается, что его приходили слушать не многіе; да иначе и быть не могло, потому что восхищаться ими могли только тѣ, которымъ были доступны красоты риторики. Выдающимся по содержанію и изложенію является нравоучительное произведеніе митр. Иларіона «Слово о законѣ и благодати», посвященное уясненію заслугъ Владимира Св. въ дѣлѣ принятія на Руси христіанства. Оно заканчивается молитвою за новокрещенныхъ русскихъ людей, испрашиваетъ Божіе милосердіе къ ихъ слабостямъ и призываетъ на нихъ Его щедроты. Особое мѣсто занимаютъ моленіе Даніила Заточника и путешествіе русскихъ людей въ Іерусалимъ. Почти въ одно время съ проповѣдью возникаютъ у насъ и первыя историческія сочиненія въ видѣ отдѣльныхъ сказаній и житій: эти сказанія, впрочемъ, носятъ на себѣ также характеръ панегирика и поученія. Таковы сочиненія мниха Іакова и преподобнаго Нестора. Первому принадлежатъ: «Память и похвала князю русскому Володиміру» и «Сказаніе страстей и похвала объ убіеніи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Они доставляютъ нѣкоторыя существенно важныя историческія подробности о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, хотя эти историческія подробности перемѣшаны съ похвалою имъ, имѣющею только литературное достоинство; впрочемъ, и это последнее, вообще говоря, не особенно значительно. Преподобному Нестору принадлежатъ: «Чтеніе о житіи и о погубленіи

блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба» и «Житіе преподобнаго Өеодосія». Оба эти произведенія по формѣ своей подходятъ подъ разрядъ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя извѣстны подъ именемъ житій; очевидно, преподобный Несторъ имѣлъ въ рукахъ переводные греческіе прологи (т.-е. краткія житія) и вполнѣ усвоилъ себѣ способъ ихъ составленія. «Житіе» въ Византіи представляло изъ себя болѣе нравоучительное, чѣмъ историческое сочиненіе: на первомъ планѣ стоялъ поучительный элементъ; вся жизнь святаго, начиная съ рожденія до самой смерти, должна служить примѣромъ благочестія и святости; съ самаго рожденія отрокъ долженъ былъ обнаружить наклонность къ благочестію и аскетизму; въ виду того, что не всегда были извѣстны факты дѣйствительной жизни святыхъ, авторамъ приходилось отдѣлываться общими фразами: «человѣкъ нѣкій», «въ городѣ нѣкоемъ», «во время нѣкое» — вотъ постоянныя выраженія «житій». Такимъ образомъ, дѣйствительная исторія въ «житіяхъ» отодвинулась на задній планъ. Житіе Бориса и Глѣба преподобнаго Нестора написано по указанному нами шаблону, что ясно открывается изъ сравненія его со сказаніемъ мниха Іакова; «Житіе» же преподобнаго Өеодосія заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе живыхъ историческихъ чертъ, потому что написано по разсказамъ современниковъ и очевидцевъ. Житія, очевидно, охотно читались публикой, потому что вскорѣ появляется сказаніе о Печерской обители и о ея первыхъ подвижникахъ; сказаніе это помѣщено въ лѣтописи. Къ этому сказанію прибавлено было еще два сборника житій—епископа владимирскаго Симона и черноризца Печерскаго монастыря Поликарпа и вышелъ первый русскій патерикъ печерскій. Явился рядъ посланій и писемъ Өеодосія и мниха Іакова къ Изяславу, еп. Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину, письмо Мономаха къ Олегу.

Вмѣстѣ съ отдѣльными сказаніями начались лѣтописныя краткія замѣтки. Изъ краткихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ сказаній составился первый лѣтописный сводъ — «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Въ ней авторъ обнаруживаетъ знакомство съ византійскими хронографами, даже заимствуетъ отчасти у нихъ нѣкоторыя извѣстія; но вліяніе этихъ хронографовъ все-таки, говоря вообще, было не велико. Даже форма греческаго хронографа не вполнѣ подходитъ къ русской лѣтописи: эта послѣдняя представляетъ въ буквальномъ смыслѣ погодную запись событій безъ всякой внутренней связи, между тѣмъ какъ греческія хроники дѣлаютъ уже нѣкоторую попытку систематизаціи, потому что излагаютъ событіе не по годамъ, а по царствованіямъ.

То же самое нужно сказать и о содержаніи: русская лѣтопись является дѣйствительнымъ выраженіемъ русской исторической жизни; этому до нѣкоторой степени способствовало то обстоятельство, что она написана не на латинскомъ, а на славянскомъ языкѣ. Съ теченіемъ времени лѣтописное дѣло развивается и расширяется: съ распаденіемъ Руси на рядъ областей появляются областныя лѣтописи, имѣющія свои мѣстныя особенности (Кіевская, Волыно-Галицкая, Новгородская, Псковская и т. д.). Особое мѣсто занимаютъ нравственно-поучительныя публицистическія произведенія свѣтскаго характера и путешествія русскихъ людей въ чужія земли. Къ первой категоріи относится поученіе Владиміра Мономаха и моленіе Даніила Заточника. Особенно интересно для насъ въ историческомъ отношеніи литературное произведеніе Мономаха: оно, съ одной стороны, даетъ намъ богатый автобіографическій матеріалъ объ этомъ наиболѣе замѣчательномъ князѣ областнаго періода, а съ другой — содержитъ въ себѣ его наставленія, т.-е. взгляды на явленія нравственнаго міра и порядка. Моленіе также интересно гл. обр. своими нравственными апоѳегмами. Высоко нужно поставить также описаніе путешествія по святымъ мѣстамъ нашего перваго паломника Даніила и арх. Новгородскаго Антонія. Но несомнѣнно, что наиболѣе замѣчательнымъ національнымъ и художественнымъ произведеніемъ древнерусской литературы является и по формѣ и по содержанію «Слово о полку Игоревѣ». Въ этомъ прозведеніи художественно литературная обработка достигла самой высокой степени совершенства и вмѣстѣ съ тѣмъ оно необычайно ярко отразило въ себѣ княжеско-дружинный бытъ областной Руси. Пышнаго расцвѣта достигла также въ областной періодъ и устная народная словесность, въ видѣ былинъ и т. п., столь тѣсно связанная съ широкимъ развитіемъ вольной княжеско-дружинной и народной жизни особенно въ Кіевѣ. Если мы присоединимъ сюда еще множество переводныхъ произведеній и цѣлый рядъ выдающихся юридическихъ памятниковъ, то должны будемъ прійти къ выводу о чрезвычайномъ богатствѣ русской письменности въ областной періодъ и выдающемся значеніи многихъ сочиненій въ историко-литературномъ отношеніи.

Національное самосознаніе. Идея національнаго самосознанія, горячей любви къ единой Руси нашла себѣ яркое выраженіе въ тогдашней литературѣ, у лучшихъ людей того времени, болѣвшихъ горемъ и радовавшихся радостями своей родины. Такую идею о единствѣ Русской земли мы находимъ прежде всего въ лѣтописи, которая восхваляетъ князей, готовыхъ сложить свои головы за Русскую

землю и Владиміра Мономаха называетъ добрымъ страдальцемъ за Русскую землю. По поводу побѣды русскихъ князей надъ половцами въ 1111 году, — а борьба съ половцами справедливо представлялась лѣтописцу національнымъ дѣломъ — лѣтопись призываетъ къ сочувствію русской славѣ весь культурный западъ—и грековъ, и угровъ, и ляховъ, и чеховъ и даже Римъ, связывая этимъ Русь съ Западною Европой. Иларіонъ, первый митрополитъ, поставленный соборомъ русскихъ епископовъ, въ своемъ «Словѣ о законѣ и благодати» восхваляетъ первыхъ русскихъ князей, «стараго Игоря и славнаго Святослава», несмотря на ихъ язычество, ибо они *«не въ худѣ и въ невѣдомѣ землѣ владычествоваша, но въ Русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли»*. Здѣсь выражается благородное чувство національной гордости, и притомъ безъ національной исключительности, ибо здѣсь проводится также идея солидарности народовъ. Неизвѣстный авторъ «Слова о погибели Рускыя земли», проникнутъ горячею любовью ко всей Русской землѣ, границы которой онъ очерчиваетъ ея сосѣдями иноплеменниками—уграми, ляхами, чехами, литовскими племенами, нѣмцами, финнами, камскими болгарами, половцами. Здѣсь строго выдержано географическое единство Русской земли, при всемъ ея областномъ дробленіи. И далѣе слѣдуетъ такая прочувствованная характеристика Руси: *«о свѣтло свѣтлая и красно украшена земля русская и многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами чистыми, польми дивными, звѣрьми различными, птицами безчисленными, городы великими, селы дивными, винограды обительными* (монастырями), *домы церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси исполнена земля русская, о правовѣрная вѣра христіанская!* Такою же глубокой любовью къ Русской землѣ и скорбнымъ чувствомъ по поводу распрей между князьями—проникнутъ и авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Посвятивъ свое произведеніе неудачному, благодаря розни князей, походу на половцевъ сѣверскихъ князей, онъ призываетъ къ объединенію, во имя общихъ интересовъ, всѣхъ русскихъ князей. Мало того: онъ мыслію своею привлекаетъ къ русскимъ національнымъ интересамъ — борьбѣ съ половцами — и народы запада. «Ту Нѣмцы и Венедицы, ту Греци и Морава поютъ славу Святославлю, каютъ князя Игоря» (сожалѣютъ о его пораженіи). Характерна эта мысль относительно общности интересовъ православной Руси и христіанскихъ народовъ запада. Между ними, очевидно, въ это время не было еще той стѣны, которая

воздвиглась позже. Мысль о единой Руси и горячее чувство привязанности къ ней съ особенной силой проявились и у нашего перваго паломника—игумена Даніила. Онъ попросилъ разрѣшеніе у Балдуина поставить лампаду на Гробѣ Господнемъ *отъ всей Русской земли,* за всѣхъ князей и всѣхъ ея христіанъ. Онъ вездѣ поминалъ русскихъ князей, епископовъ, бояръ и всѣхъ христіанъ и записалъ имена ихъ и въ Лаврѣ Св. Саввы, гдѣ они и поминались на ектеніи.

ИСТОРІЯ РУСИ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ
(съ половины XIII до половины XV в.).

16-я глава. Характеристика удѣльныхъ вѣковъ.

Продолжительность и основныя характерныя черты удѣльнаго періода. Взгляды на него С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Г. Градовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. И. Костомарова, И. Е. Забѣлина, В. О. Ключевскаго, Н. П. Павлова-Сильванскаго и его критиковъ—П. Н. Милюкова, Ѳ. В. Тарановскаго, С. Ѳ. Платонова. Общее заключеніе.

Литература вопроса. Пособія: *С. М. Соловьевъ.* Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847 г.; *К. Д. Кавелинъ.* Критическій обзоръ сочиненій С. М. Соловьева: Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома и Исторія Россіи, I (Собраніе сочиненій, т. I, СПБ. 1897 г.); *Б. Н. Чичеринъ.* Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (Опыты исторіи русскаго права, М. 1858 г.); *А. Д. Градовскій.* Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. СПБ. 1868 г.; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, т. I; *Н. И. Костомаровъ.* Начало единодержавія въ древней Руси (Истор. монографіи, т. 12-й. СПБ. 1872 г.); *И. Е. Забѣлинъ.* Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія (Истор. Вѣстникъ 1881 г. февраль, мартъ, апрѣль). *В. О. Ключевскій.* Боярская Дума древней Руси. Изд. 4-е, М. 1909 г.; *Его же:* Курсъ русской исторіи, часть 1-я и 2-я М. 1904 и 1906 г.; *Н. П. Сильванскій* Феодализмъ въ древней Руси. СПБ. 1907 г.; *Его же.* Иммунитетъ въ удѣльной Руси. СПБ. 1910 г.; *Его же.* Феодализмъ въ удѣльной Руси. I. Община и боярщина. II. Феодальныя учрежденія (Н. П. Павловъ-Сильванскій. Сочиненія т. III, СПБ.. 1910 г.); *Н. И. Карѣевъ.* Помѣстье—государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ, СПБ. 1906 г.; *Его же.* Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи. По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. СПБ., 1910; *П. Н. Милюковъ.* Статья о феодализмѣ въ сѣверо-восточной Руси (Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона); *Ѳ. В. Тарановскій.* Феодализмъ въ Россіи (Варш. унив. изв. 1902 г. кн. 4-я, 1—53); *С. Ѳ. Платоновъ.* Лекціи по русской исторіи. Изд. 6-е СПБ. 1909 г.

Продолжительность и основныя характерныя черты удѣльнаго періода. Съ половины XIII столѣтія начинается новый періодъ русской исторіи, который обнимаетъ два вѣка. Онъ долженъ быть названъ *удѣльнымъ,* потому что сѣверо-восточная Русь въ это время

является раздробленной на рядъ независимыхъ удѣловъ, которыми потомственно владѣютъ тѣ или иныя княжескія линіи, (напримѣръ, Тверской, Рязанскій, Московскій). Оканчивается онъ вокняженіемъ Іоанна III-го, съ котораго начинается новый періодъ—московскій, когда на историческую сцену выступаетъ Московское государство. Въ основѣ удѣльнаго періода, такимъ образомъ, лежитъ вотчинное начало, котораго, однако, вовсе не чужда была, какъ мы видѣли, и древняя Русь областного періода. Существенная разница между областнымъ періодомъ и удѣльными вѣками заключается въ томъ, что, во-1-хъ, вотчинный принципъ получилъ теперь всеобщее примѣненіе, вытѣснивъ совершенно родовое начало, а во-2-хъ, въ немъ выдвинулось формальное частноправное начало: князья областного періода не проявляли частновладѣльческихъ правъ на свои земли, а только управляли ими, судили населеніе и собирали дани. Кромѣ того, этотъ періодъ характеризуется еще тремя явленіями, рѣзко отдѣляющими его отъ областного 1) внѣшнимъ фактомъ, имѣвшимъ, однако, крупное внутреннее значеніе—*монголо-татарскимъ игомъ*, 2) *возвышеніемъ* одного удѣла на счетъ остальныхъ—*великаго княжества Московскаго* и 3) *раздѣленіемъ прежде единой Руси на двѣ части*—сѣверо-восточную, постепенно объединенную Москвою, и юго-западную и западную, объединенную Литвою; отнынѣ исторія Московской и Литовской Руси пошли разными путями, и судьбу ихъ поэтому нужно излагать отдѣльно.

Взглядъ С. М. Соловьева. С. М. Соловьевъ первый отмѣтилъ особенности удѣльныхъ вѣковъ по сравненію съ областною Русью. Гдѣ удѣлы, спрашиваетъ онъ, въ Кіевской Руси? и отвѣчаетъ, что ихъ не было, а не было ихъ потому, что не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности; не было даже въ лѣтописяхъ самаго слова *удѣлъ;* онъ явился только тогда, когда *на сѣверѣ* обозначилось понятіе объ отдѣльной собственности; на югѣ же господствовали противоположныя удѣльнымъ родовыя понятія. Но и XIII—XIV-й вѣка С. М. Соловьевъ не считаетъ возможнымъ именовать удѣльными, хотя, по его же мнѣнію, въ это время дѣйствительно впервые появляются младшіе *удѣльные* князья, съ коими ведутъ борьбу старшіе великіе, и господство родовыхъ отношеній было уже поколеблено съ Андрея Боголюбскаго. «Выдвигается новое начало *государственное*, которое и одержало верхъ надъ старымъ родовымъ. Понятіе объ отдѣльной собственности явилось на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія тамъ новыхъ городовъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были его собственностью». «Но если,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—несправедливо названіе «удѣльный періодъ, то еще

менѣе справедливо названіе монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но, слѣдя за внутреннимъ государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать Азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества». По мнѣнію С. М. Соловьева, нѣтъ разницы въ отношеніяхъ къ русскимъ князьямъ монголовъ и половцевъ. «Новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ». Нельзя согласиться съ С. М. Соловьевымъ, когда онъ отрицаетъ названіе удѣльнаго періода и для времени съ половины XIII до половины XV вѣка, такъ какъ въ это время дѣйствовали *не одни удѣльные князья*, но и великіе. Удѣлы-вотчины съ новымъ характеромъ во всякомъ случаѣ представляются теперь явленіемъ всеобщимъ и въ извѣстномъ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ и къ тѣмъ княжествамъ, князья которыхъ получали названіе великихъ. Совершенно не правъ С. М. Соловьевъ, когда приравниваетъ монголо-татаръ къ половцамъ: половцы не завоевали Руси, а татары ее покорили, разорили, прекратили ея политическую самостоятельность и обложили данью. Теорія старыхъ и новыхъ городовъ С. М. Соловьева имѣетъ слишкомъ частный характеръ, чтобы дать право гражданства особому переходному періоду между родовымъ и государственнымъ началомъ. Она пріобрѣтаетъ значеніе важнаго историческаго фактора въ болѣе широкой постановкѣ В. О. Ключевскаго, выдвинувшаго идею своеобразнаго характера колонизаціи сѣверо-восточной Руси и ея вліянія на усиленіе княжеской власти.

Взглядъ К. Д. Кавелина. К. Д. Кавелинъ выдвигаетъ семейное начало, оставленное въ тѣни С. М. Соловьевымъ. Оно на первыхъ порахъ выступало робко, нерѣшительно, часто подъ старыми формами, но потомъ разрушило ихъ. Московскіе князья собиратели уже являются вотчинниками, смотрящими на свои владѣнія, какъ на собственность. Это не были государственныя отношенія, это былъ только зародышъ гражданскихъ отношеній. Теорія Соловьева о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, послужившихъ будто бы переходомъ отъ родовыхъ отношеній къ государственнымъ, неправдоподобна и не нужна, потому что связь между родовымъ и государственнымъ бытомъ устанавливается семейственнымъ, вотчиннымъ началомъ, разло-

жившимъ родъ. Съ разложеніемъ рода выросло начало личности.

Взглядъ Б. Н. Чичерина. Б. Н. Чичеринъ, разобравъ содержаніе духовныхъ и договорныхъ грамотъ удѣльнаго періода, пришелъ къ заключенію, что въ немъ господствовало исключительно частноправное начало. Наслѣдованіе у московскихъ князей происходитъ по частному праву, при чемъ, такъ же какъ и въ наслѣдованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя; различія же между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ не дѣлалось. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по частному праву, а не по государственному. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада стоятъ рядомъ и передаются наслѣдникамъ совершенно на одинаковомъ основаніи. Удѣлъ, которымъ владѣетъ князь, называется его *вотчиною*, такъ же, какъ имѣніе частныхъ лицъ. Князь распоряжается имъ, какъ своею собственностью: удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на такомъ основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество. О землѣ, какъ объ имущественной единицѣ, о народѣ нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распредѣляются по нимъ, какъ правители, исполняющіе извѣстную общественную должность. Но крайнее измельчаніе владѣній дало возможность усилиться тѣмъ изъ князей, которымъ обстоятельства болѣе или менѣе благопріятствовали; оно повело къ установленію новаго порядка наслѣдованія, когда всѣ другія средства оказались недостаточными для уничтоженія зла. Такимъ образомъ, частный способъ наслѣдованія разрушилъ самъ себя, уничтожая въ окончательныхъ своихъ результатахъ всякую самостоятельность наслѣдниковъ. И удѣльные князья не подчиняются великому на основаніяхъ государственныхъ: это отношенія договорныя, чисто гражданскія. Это былъ порядокъ, совершенно противоположный государственному, но онъ-то и привелъ къ установленію государства. Князья сознали, что для сохраненія своего могущества въ потомствѣ необходимо усилить одного наслѣдника на счетъ остальныхъ, а этотъ наслѣдникъ, сдѣлавшись сильнѣе, сталъ подчинять себѣ слабѣйшихъ. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы и создалось, наконецъ, единое тѣло съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознавать себя государемъ.

То же частноправное договорное начало проникаетъ и все общество удѣльныхъ вѣковъ. Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ, вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лицъ, вступающихъ между собою въ свободныя обязательства.

Взглядъ А. Г. Градовскаго. Но противъ увлеченія частноправнымъ началомъ Б. Н. Чичерина выступилъ А. Г. Градовскій. Волость, по словамъ Градовскаго, означала доходъ, принадлежавшій князю, какъ представителю государственной власти: онъ владѣлъ ею по государственному, а не по частному праву. Объектомъ волостного права не были земля или люди, пріобрѣтенные княземъ въ качествѣ частнаго владѣльца. Всѣ духовныя и договорныя грамоты дѣлаютъ различіе между волостными землями и селами, какъ частнымъ владѣніемъ князя. Хотя князь считался господиномъ всей земли, но въ значеніи не хозяина, а государя. Князья имѣли на волостную землю не право частной собственности, а право на тягло, т.-е. на совокупность повинностей, лежавшихъ на ней и на владѣющихъ ею людяхъ, и сами князья постоянно различали два предмета, принадлежащіе имъ въ каждой волости—повинности и доходныя статьи съ одной и села съ другой. Волость слагалась изъ двухъ элементовъ—частной собственности князя (села) и мѣстностей, въ которыхъ онъ владѣлъ разными доходами по праву государственному (пути). Села тянули къ извѣстной волости судомъ и данью. Значитъ, въ удѣльной Руси существовали уже государственныя понятія въ сферѣ управленія. Княжеское управленіе носило двойственный характеръ—частноправный и государственный.

Взглядъ К. Н. Бестужева-Рюмина. На такую же точку зрѣнія сталъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Различіе между селами и волостями, появляющееся въ духовныхъ грамотахъ, свидѣтельствуетъ, говорилъ онъ, что государственныя понятія не совсѣмъ сливались съ понятіями гражданскаго права... Одними понятіями частнаго права нельзя объяснять періода образованія Московскаго государства.

Взглядъ Н. И. Костомарова. С. М. Соловьевъ не придавалъ важнаго значенія монголо-татарамъ въ дѣлѣ внутренняго государственнаго развитія удѣльной Руси. Діаметрально противоположный взглядъ высказалъ Н. И. Костомаровъ: монголо-татарамъ онъ приписываетъ установленіе въ Россіи при посредствѣ феодализма единодержавія. «Въ дотатарскій періодъ,—говоритъ онъ,—не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стре-

мленія къ нему. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ. Прежде надъ Русью не было единаго господина—теперь онъ явился въ особѣ грознаго завоевателя хана. Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника Русской земли; во второй половинѣ усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ и, наконецъ, старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника Русской земли. Князья стали ѣздить въ Орду для укрѣпленія своихъ вотчинъ «Здѣсь-то и начался великій переворотъ въ русской исторіи. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т.-е. собственностью, онъ правилъ землею, какъ правитель. Земля ему не принадлежала. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею. Ханы усилили и власть старѣйшаго великаго князя. Сборъ дани въ пользу татаръ, перешедшій къ князьямъ, особенно увеличилъ силу князя надъ народомъ». «Русь съ половины XIII вѣка до конца XV пережила періодъ феодализма». Подъ феодализмомъ Н. И. Костомаровъ разумѣлъ строй близкій, но не тождественный съ западно-европейскимъ феодализмомъ, «когда весь край находился въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя высшія и низшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ». Верховный владыка—ханъ, называемый правильно русскимъ царемъ, роздалъ князьямъ земли въ отчины и надъ ними поставилъ старѣйшаго или великаго князя. Правда, отношенія младшихъ къ старшимъ опирались на родство—въ этомъ было отличіе наше отъ западнаго феодализма,—но «меньшіе князья» были въ такой зависимости отъ великихъ, которая напоминала намъ феодальную лѣстницу на западѣ. И младшіе князья раздавали у себя земли боярамъ и дѣтямъ боярскимъ за службу. «Такой феодальный строй могъ существовать и быть крѣпокъ только до тѣхъ поръ, пока была крѣпка и дѣятельна власть Орды», а съ ея ослабленіемъ феодализмъ Руси сталъ падать и уступать мѣсто монархическому началу. Московскимъ князьямъ помогло то, что ихъ княжескій родъ не особенно размножался. Великую услугу оказало и боярство, сосредоточившееся подлѣ великаго князя московскаго. Съ ослабленіемъ Орды измѣнилось къ худшему и положеніе мелкихъ удѣльныхъ князей; жертвуя своею независимостью, они стали переходить теперь на службу въ Москву. Такую схему русскаго

историческаго процесса въ удѣльный періодъ выставилъ Н. И. Костомаровъ. Ей нельзя отказать въ стройности, ясности и послѣдовательности. Во всякомъ случаѣ, онъ представилъ серьезныя возраженія противъ основной мысли С. М. Соловьева о томъ, что татары не съиграли никакой существенной роли въ тѣхъ внутреннихъ коренныхъ измѣненіяхъ, которыя характеризуютъ удѣльные вѣка въ отличіе отъ предшествующаго періода. Вліяніе монголо-татаръ не настолько было исключительно, чтобы можно было всему этому періоду усвоить наименованіе монгольскаго, но отрицать ихъ роль, какъ одного изъ основныхъ факторовъ въ усиленіе власти московскихъ великихъ князей, невозможно. Нельзя не отмѣтить также выдвинутой Н. И. Костомаровымъ мысли о господствѣ въ XIV—XV вв. явленій, близкихъ къ западно-европейскому феодальному строю. Н. И. Костомаровъ органически связываетъ эти феодальныя распорядки съ господствомъ монголо-татаръ и считаетъ ихъ промежуточною ступенью между строемъ Кіевской Руси и московскимъ единодержавіемъ; послѣднее выросло на развалинахъ феодальныхъ вотчинныхъ порядковъ, являющихся извѣстнымъ этапомъ въ развитіи русскаго историческаго процесса.

Взглядъ И. Е. Забѣлина. Статья И. Е. Забѣлина «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія» посвящена характеристикѣ дѣятельности суздальскихъ и московскихъ князей, какъ собирателей Русской земли, въ томъ смыслѣ, что они старались дать населенію безопасность и спокойствіе, осуществляя такимъ образомъ идеалъ народа о добромъ хозяинѣ—домовладыкѣ. Она въ сущности лишена юридическаго содержанія и, преслѣдуя задачу реабилитаціи великихъ князей, суздальскихъ и московскихъ, идеализуетъ ихъ. Пользоваться ею для возсозданія общаго эволюціоннаго процесса развитія Руси въ удѣльный періодъ не приходится.

Взглядъ В. О. Ключевскаго. Но особенно много для уясненія характера удѣльныхъ вѣковъ сдѣлалъ В. О. Ключевскій: онъ, можно сказать, открылъ для насъ этотъ періодъ русской исторіи, остававшійся до него недостаточно отмежованнымъ и отъ предыдущаго и отъ послѣдующаго. Въ немъ онъ видитъ своеобразное сочетаніе частноправнаго и государственнаго начала, которыя раскрываетъ съ поразительною яркостью. «Въ XIII и XIV вв., говоритъ онъ, когда господствовалъ такъ называемый удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія въ сѣверной Руси, элементовъ государственнаго единства стало въ ней еще меньше, чѣмъ было прежде». И изъ удѣльнаго порядка выросло національное государство только потому, что этотъ порядокъ

легче было разрушить, чѣмъ предыдущій,—мысль, близкая къ высказанной Чичеринымъ. «Въ своемъ удѣлѣ князь собственно былъ не правитель, а владѣлецъ. Его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ, онъ имъ не правилъ, не устроялъ его, а эксплуатировалъ, разрабатывалъ. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Свободный человѣкъ приходилъ, работалъ и уходилъ, былъ экономической случайностью въ княжествѣ. Князья не видѣли въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считали государями. Этихъ политическихъ понятій тогда не существовало; не существовало и политическихъ отношеній, изъ нихъ вытекающихъ». Княжеское удѣльное владѣніе по характеру своему приблизилось къ частному замлевладѣнію—боярскому. Сходство ихъ доказывается общностью двухъ признаковъ, ихъ характеризующихъ: 1) удѣлы теперь переходятъ не по порядку очередного владѣнія, а по личной волѣ завѣщателя, даже къ женамъ и дочерямъ, какъ это установлено было прежде Русской Правдой въ отношеніи частноправнаго боярскаго имущества, 2) второстепенныя должности въ дворцовомъ управленіи занимаютъ княжескіе холопы. Но усвоивъ значеніе и пріемы простого вотчинника, князь не потерялъ своего политическаго значенія: «съ обычными правами собственника онъ соединялъ и настоящія государственныя права, впослѣдствіи отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти—право суда, налоговъ, войны и проч.» Но его верховныя государственныя права такъ сливались съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простого поземельнаго хозяйства. «Характеръ личнаго хозяина удѣла съ указанными особенностями выражался въ отношеніяхъ князя къ тремъ разрядамъ земель, изъ которыхъ состояла его удѣльная вотчина»—дворцовымъ, чернымъ и боярскимъ. Главную причину происшедшей перемѣны В. О. Ключевскій видитъ въ характерѣ колонизаціи русскаго Заволжья. Эта колонизація создала міръ русскихъ поселковъ, послужившій готовой почвой для удѣльнаго княжескаго владѣнія. Въ XIV—XV вк. возникъ цѣлый рядъ чрезвычайно мелкихъ княжествъ, не имѣвшихъ городовъ и состоявшихъ исключительно изъ селъ и деревень, а иногда даже изъ деревень и починковъ. Заботы и вниманіе князей сосредоточились на мѣстныхъ хозяйственныхъ интересахъ. Въ противоположность своимъ предшественникамъ—южнымъ князьямъ—сѣверо-восточные начинали сознавать, видя результаты своей колонизаторской и хозяйственной дѣятельности, что все это было создано ихъ усиліями,

и потому можетъ быть передано не по праву очередного владѣнія, а по личной волѣ, хотя бы даже женѣ или дочери. Глубокія измѣненія произошли въ удѣльные вѣка и въ положеніи общества. Прежніе дружинники являются теперь въ *двойной* роли — вольныхъ слугъ и землевладѣльцевъ. Какъ вольные слуги они могутъ кочевать изъ одного княжества въ другое. «Но, какъ землевладѣльцы, эти вольные слуги тогда уже начинали складываться въ земскій классъ, отбывавшій финансовыя и нѣкоторыя ратныя повинности по землѣ и водѣ по мѣсту землевладѣнія». И въ областной періодъ было боярское землевладѣніе, но тамъ оно не получило развитія и не имѣло тѣхъ важныхъ политическихъ послѣдствій, какія имѣло въ удѣльный періодъ и какія измѣнили его положеніе. Измѣнилось положеніе и другихъ общественныхъ группъ: принизилось значеніе горожанъ, которые теперь входятъ въ одинъ классъ съ поселянами, извѣстный подъ именемъ *черныхъ людей*. Общество стало вообще бѣднѣе и проще. Далѣе, новый удѣльный порядокъ характеризуется поглощеніемъ центральнаго управленія княжескимъ дворцомъ съ его хозяйственными интересами, сдѣлавшимися предметомъ правительственныхъ заботъ. Сфера областного управленія, наоборотъ, захватывала все то, что не было приписано къ дворцу—земли черныхъ людей и вотчинниковъ. Правда, существовала нѣкоторая разница въ отношеніи князя къ этимъ двумъ различнымъ сферамъ управленія, но она была не политическая, а хозяйственно-административная. «Въ обѣихъ половинахъ своего княжества—въ дворцовой и недворцовой, князь одинаково былъ верховнымъ правителемъ, установителемъ общественнаго порядка и блюстителемъ своего и общаго блага; но неодинаково совершалъ онъ эти государственныя функціи въ той и другой половинѣ: въ дворцовомъ управленія князь былъ вотчинникомъ съ правами государя, а въ областномъ являлся государемъ съ привычками вотчинника». Дворцовыя имущества онъ эксплуатировалъ самъ на свое содержаніе, а остальныя земли какъ бы отдавалъ въ аренду намѣстникамъ и волостелямъ.

Такія положенія уже высказалъ В. О. Ключевскій въ своей «Боярской Думѣ» и затѣмъ нѣсколько развилъ и дополнилъ ихъ въ своемъ «Курсѣ». Въ отношеніяхъ бояръ и вольныхъ слугъ къ удѣльному князю В. О. Ключевскій видитъ явленія, напоминающія западно-европейскій феодализмъ. «Возникали отношенія, напоминающія феодальные порядки Западной Европы. Но это явленія не сходныя, а только параллельныя... Феодальный моментъ можно замѣтить развѣ только въ юридическомъ значеніи

самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли. Этимъ онъ похожъ на сеньера; но его бояре и слуги вольные совсѣмъ не вассалы... Ни изъ кормленій, ни изъ боярскихъ вотчинъ не выработалось бароній... Въ удѣльномъ порядкѣ можно найти не мало чертъ, сходныхъ съ феодальными отношеніями, юридическими и экономическими: но имѣя подъ собою иную соціальную почву — подворное сельское населеніе, эти сходныя отношенія образуютъ иныя сочетанія и являются моментами совсѣмъ различныхъ процессовъ...

Взглядъ Н. П. Павлова-Сильванскаго. Столь безвременно скончавшійся Н. П. Сильванскій въ теченіе многихъ лѣтъ разрабатывалъ вопросъ о феодализмѣ въ Россіи. Онъ детально сравниваетъ отдѣльныя учрежденія русскаго удѣльнаго строя съ основными учрежденіями феодализма. «Я,—говоритъ онъ,—сосредоточиваю вниманіе на изученіи такихъ отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, какъ община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и такъ далѣе и прихожу къ выводамъ, что эти учрежденія по существу своему, по своей природѣ представляютъ собой учрежденія, тождественныя соотвѣтствующимъ учрежденіямъ феодальной эпохи». Отмѣтивъ, что въ основѣ феодальнаго строя, по новѣйшимъ воззрѣніямъ, лежитъ крупное землевладѣніе, т.-е. сеньеріальный режимъ, а не феодальный, т.-е. ленный договоръ, авторъ ранѣе феодальнаго режима изучаетъ и въ исторіи Россіи режимъ сеньеріальный—устройство боярской вотчины или боярщины, какъ основной ячейки феодальнаго строя. Существенныя черты феодализма, такимъ образомъ, по мнѣнію автора, сводятся къ двумъ категоріямъ—«они состоятъ, съ одной стороны, въ раздробленіи страны на множество самостоятельныхъ владѣній, княжествъ и привилегированныхъ боярщинъ,—сеньерій и, съ другой стороны, въ объединеніи этихъ владѣній договорными, вассальными связями, замѣняющими позднѣйшія государственныя начала подданства».

Крупному землевладѣнію боярщинъ въ Россіи, какъ и на Западѣ, по его мнѣнію, предшествовала волостная община, какъ мѣстное самоуправленіе (то же, что и древняя нѣмецкая марка). Вопреки мнѣнію проф. В. И. Сергѣевича Н. П. Сильванскій утверждаетъ, что община не создана въ Новгородской области при Иванѣ III-мъ—она жила и въ удѣльные вѣка до Ивана Грознаго и тождественна съ германской общиною среднихъ вѣковъ. Къ концу боярщина у насъ, какъ и на западѣ, при содѣйствіи княжеской власти восторжествовала надъ общиной. Русская боярщина—это сеньерія запада; въ ней землевладѣлецъ

одновременно былъ и управителемъ, почти государемъ. «Наши крупныя боярскія и монастырскія имѣнія пользовались такою же независимостью «государства въ государствѣ», такимъ же иммунитетомъ, какъ и западныя сеньеріи; княжескіе волостели и тіуны не имѣли права въѣзжать въ частныя боярскія и монастырскія имѣнія для суда и сбора налоговъ, и бояре и игумены сами вѣдали и судили своихъ людей», т.-е. всѣхъ, живущихъ на ихъ землѣ; нашъ посельскій, завѣдывавшій собственнымъ хозяйствомъ боярина и собиравшій оброки и подати съ крестьянскихъ хозяйствъ, соотвѣтствуетъ феодальному villicus (отъ слова villa — имѣніе, село). «Юридическія отношенія владѣльческихъ крестьянъ къ господамъ на Западѣ и у насъ въ средніе вѣка были столь же сходны, какъ и всѣ остальные порядки». «По грамотамъ XV в. можно въ точности установить процессъ постепеннаго обояренья и окняженья земель волостныхъ общинъ». Подвижности населенія—боярскаго и крестьянскаго, постояннаго странствованія бояръ и крестьянъ у насъ, по мнѣнію Павлова-Сильванскаго, не существовало. Наоборотъ, господствуетъ типъ неподвижнаго боярина — вотчинника и крестьянина — старожильца.

Въ основѣ собственно феодальныхъ отношеній лежитъ, по мнѣнію Павлова-Сильванскаго, господство частнаго или гражданскаго права и его характеризуетъ три начала: 1) раздѣленіе страны на множество независимыхъ и полунезависимыхъ владѣній (сеньерій), 2) объединеніе этихъ владѣній договорными вассальными связями или вассальной іерархіей и 3) условность владѣнія феодомъ. «Верховная государственная власть разбилась въ феодальную эпоху, какъ упавшій стеклянный куполъ, на тысячи мелкихъ осколковъ, но эти осколки очень неравномѣрно распредѣлились между крупными и мелкими сеньерами. Сеньеріальное право характеризуетъ иммунитетъ, при которомъ сеньеръ заслоняетъ людей своей земли отъ представителей государственной власти». Такой точно иммунитетъ существовалъ, какъ это видно изъ грамотъ, и въ удѣльной Руси. «У насъ и на Западѣ одинаково по этимъ грамотамъ частному собственнику предоставляется: исполнительная судебная власть, право суда на всѣхъ людей, живущихъ въ имѣніи, и право сбора съ нихъ налоговъ и пошлинъ». Надъ низшими сеньерами стояли на Западѣ высшіе — герцоги, князья и т. п. Въ удѣльной Руси имъ соотвѣтствовали удѣльные князья и княжата нѣсколько десятковъ великихъ княжествъ и крупнѣйшихъ удѣльныхъ, имѣвшихъ и своихъ бояръ, и государственныя права (до чеканки своей монеты включительно); за ними слѣдовали мелкіе удѣльные князья, вступавшіе мало-по-

малу въ зависимость отъ великаго князя московскаго. Историческій процессъ раздробленія верховной власти у насъ и на Западѣ былъ совершенно различный, но основныя условія его были одинаковы — географическая и хозяйственная разрозненность владѣній. Существовала въ удѣльной Руси и вассальная іерархія—это была боярская служба. Главнымъ обязательствомъ бояръ, какъ и вассаловъ, была военная служба, вытекавшая не изъ территоріальнаго подданства, а изъ свободнаго договора. Служебный вассальный обрядъ у насъ называется челобитьемъ; былъ и отказъ отъ службы. Были у насъ и подвассалы -слуги боярскіе, дѣти боярскіе. Былъ и патронатъ, т.-е. защитная зависимость. «Закладничество означало (у насъ) вступленіе подъ защиту сильнаго человѣка, одинаковое съ западно-европейской коммендаціей. Такъ же, какъ и на Западѣ, мы находимъ въ удѣльное время не только коммендацію личную, но и земельную — коммендацію лица съ землей». Въ противоположность В. О. Ключевскому и П. Н. Милюкову Н. П. Сильванскій утверждаетъ, что и у насъ, какъ на Западѣ, вассальная (служебная) іерархія была связана съ поземельной и что наши помѣстья (бенефиціи) существовали уже въ удѣльные вѣка, именуясь «пожалованіями» (терминъ вполнѣ соотвѣтствующій beneficium): а рядомъ съ ними были и службы съ боярскихъ вотчинъ, т.-е. феода — сеньеріи. Въ заключеніе Н. П. Сильванскій находитъ нѣкоторыя черты сходства и въ характерѣ западно-европейскаго рыцарства и русскаго боярства. Уже изъ этого схематическаго изложенія мы видимъ, что Н. П. Сильванскій далъ намъ впервые, послѣ краткихъ указаній Кавелина, Чичерина и Костомарова, систематическое изслѣдованіе о русскомъ феодализмѣ, взявъ на себя чрезвычайно трудную и неблагодарную задачу, неблагодарную потому, что она сводилась, главнымъ образомъ, къ борьбѣ съ твердо установившимся убѣжденіемъ, выливавшимся нерѣдко въ форму предубѣжденія, объ отсутствіи у насъ западно-европейскаго феодальнаго строя. Для рѣшенія поставленной себѣ задачи онъ, русскій историкъ, долженъ былъ серьезно изучить западноевропейскій феодализмъ съ его обширной литературой.

Взглядъ Н. И. Карѣева, П. Н. Милюкова, Ѳ. В. Тарановскаго, С. Ѳ. Платонова. Н. И. Карѣевъ высказываетъ замѣчаніе, что «феоды и удѣлы —далеко не одно и то же и отождествлять обѣ системы не приходится, но это не устраняетъ возможности находить пункты сходства между феодализмомъ и раздробленіемъ Руси на удѣлы»; далѣе, въ противоположность В. О. Ключевскому, онъ находитъ сходство между западной сеньеріей и нашимъ удѣломъ, такъ какъ новѣйшіе историки различаютъ въ феода-

лизмѣ сеньеріальную систему, отъ феодальной въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. отъ вассальныхъ отношеній: мелкій княжескій удѣлъ, разсмотрѣнный В. О. Ключевскимъ, онъ считаетъ возможнымъ подвести подъ сеньеріальный режимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ, что теорія Павлова-Сильванскаго стоитъ на твердой почвѣ сравнительно историческаго изученія П. Н. Милюковъ высказалъ мысль, что въ Россіи не было западно-европейскаго *вигового* феодализма, а были только сходныя черты родового. Боярская служба, напр., не имѣла того территоріальнаго характера, который приписываетъ ей Н. П. Сильванскій. Ѳ. В. Тарановскій высказываетъ мысль, что Н. П. Сильванскій не доказалъ еще историческаго существованія въ Россіи феодализма, ибо разработалъ одну лишь юридическую сторону отношеній, а рѣшаетъ вопросъ экономическая сфера, но въ общемъ признаетъ аргументацію автора убѣдительной. Нѣкоторое признаніе мысль о феодализмѣ встрѣтила, наконецъ, и у наиболѣе авторитетнаго изслѣдователя удѣльнаго періода В. О. Ключевскаго, и у проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Многія *параллели* удѣльнаго порядка съ феодальнымъ признаетъ и С. Ѳ. Платоновъ, который, сдѣлавъ очеркъ разработки вопроса объ удѣльныхъ вѣкахъ, даетъ сводку ихъ и свое собственное опредѣленіе удѣла формулируетъ такъ: «удѣлъ сѣверо-восточнаго князя есть наслѣдственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля (какъ частный землевладѣлецъ онъ владѣлъ селами), собственность по типу управленія и быта подходящая къ простой вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая». Подводя итоги всѣмъ вышесказаннымъ взглядамъ, взаимно провѣряя ихъ другъ другомъ и принимая то, что представляется намъ наиболѣе убѣдительнымъ, мы бы могли свои выводы формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Общее заключеніе. Время съ половины XIII до половины XV в. является особымъ періодомъ въ русской исторіи, который можетъ называться удѣльнымъ въ отличіе отъ предъидущаго областного. Начало новымъ понятіямъ, легшимъ въ его основаніе, было положено въ сѣверо-восточной, Суздальско-Владимирской Руси еще въ XII вѣкѣ и, такимъ образомъ, онъ имѣетъ генетическую связь не съ южною, а съ сѣверо-восточною Русью. Онъ характеризуется не только всеобщимъ распространеніемъ частноправныхъ вотчинныхъ началъ, но и другими новыми важными явленіями—монголо-татарскимъ игомъ, оказавшимъ вліяніе на внутреннее состояніе Руси и въ частности на измѣненіе княжеской власти и вѣчевого строя, отдѣленіемъ Руси южной и западной отъ сѣверо-восточной и возвышеніемъ великаго княжества

Московскаго, ставшаго собирать подъ свою власть всю сѣверо-восточную Русь. Въ вотчинномъ управленіи сливались оба начала—и частноправное и государственное. Эту идею обосновалъ Градовскій, ее усвоилъ Бестужевъ-Рюминъ и развилъ въ стройную теорію В. О. Ключевскій, особенно выдвинувшій и правительственную и хозяйственную дѣятельность князей—ихъ дворцовое и областное управленіе, отношеніе къ различнымъ классамъ тогдашняго общества. Наконецъ довольно прочно въ настоящее время поставленъ вопросъ о *сходствѣ* нашего удѣльнаго уклада съ феодальнымъ западно-европейскимъ. Это сходство отмѣтилъ уже Н. И. Костомаровъ, его не отрицаетъ и В. О. Ключевскій, но Н. П. Сильванскій идетъ гораздо далѣе и доказываетъ не сходство этихъ явленій, а *тождество ихъ природы;* по его мнѣнію, у насъ существовали основныя явленія феодальнаго строя. Съ такимъ утвержденіемъ автора согласиться невозможно, потому что теперь уже критики указали немало существенныхъ чертъ различія между нашими учрежденіями удѣльнаго времени и феодализмомъ. Важнымъ пробѣломъ является также полное отсутствіе объясненій этого тождества, при чемъ устанавливается различіе процессовъ или путей, приведшихъ къ этимъ порядкамъ. Доказательства сходства нашей общины и средневѣковой марки мало убѣдительны, такъ же точно какъ и отрицаніе подвижности населенія; натянутымъ представляется сходство вассальнаго обряда съ нашимъ челобитіемъ. Сомнительнымъ представляется существованіе помѣстнаго права въ удѣльный періодъ до Іоанна III, хотя бы и въ формѣ пожалованій. И уже совсѣмъ страннымъ является сопоставленіе западно-европейскаго рыцарства съ нашимъ боярствомъ. Такимъ образомъ у насъ были только зародыши настоящаго феодализма и были сходныя родовыя, а не видовыя черты феодализма.

17-я глава. Исторія княжествъ.

Сѣверо-восточная Русь. Исторія Вел. кн. Московскаго. Причины, способствовавшія его возвышенію. Образованіе великорусской народности. Тверское кн. Рязанское кн. Смоленское кн. Новгородская область. Псковская обл.

Литература вопроса. Источниками для исторіи княжествъ удѣльнаго періода являются лѣтописи: Софійская, Воскресенская, Никон., Новгород., Псковская и Тверская—и грамоты (въ Собр. Гос. Гр. и договор., т. 1-й): путешествія митр. Пимена въ Ник. лѣт. Русско-ливонскіе акты (изд. Археогр. ком., СПБ., 1868); Памятники исторіи Великаго Новгорода, М., 1909. Пособія: *Экземплярскій*.—Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ: I, 1889, II, 1891 г.; *Полежаевъ.* Моск. кн. въ 1-й пол. XIV в. СПБ., 1878 г., *Станкевичъ.* О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы. (Уч. зап. Моск. у—та, 1834 г. іюль и августъ): *Вешняковъ.* О причинахъ возвы-

шенія Моск. кн. СПБ. 1851 г.: *И. Е. Забѣлинъ.* Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. (Ист. Вѣст. 1881, № 2, 3, 4); *его же.* Исторія г. Москвы, ч. 1-я, М., 1902 г.; *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. III—IV; *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи, т. 2, вѣка XIV—XV (здѣсь же указаны источники и пособія; *С. М. Соловьевъ.* Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1846; *Н. И. Костомаровъ.* Сѣверно-русскія народоправства (въ истор. моногр.); *Бѣляевъ.* Разсказы изъ русской исторіи. М. 1866—1867 г.г. кн., 2-я и 3-я; *Никитскій.* Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ, 1879; *его же.* Очеркъ внутренней исторіи Пскова СПБ., 1873; *его же.* Очерки изъ жизни Вел. Новгорода. Правительственный совѣтъ (Ж. М. Н. Пр. 1869, октябрь; *его же.* Исторія экономическаго быта вел. Новгорода, 1893 г.; *Неволинъ.* О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (Зап. Геогр. общ., VIII); *Бережковъ.* О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в., СПБ. 1879; *Тихомировъ.* Торговыя и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII в. (Ж. М. Н. Пр. 1876 г., май); *Д. Н. Анучинъ.* Къ ознакомленію съ Сибирью до Ермака (Древности, т. XIV 227—313 стр.), *Бѣляевъ.* О географическихъ свѣдѣніяхъ на Руси. (Зап. Имп. Рус. геогр. общ.; кн. VI); *Е. Е. Замысловскій.* Учебный атласъ Русской исторіи и объяснительный къ нему текстъ.

Сѣверо-восточная Русь. Въ изучаемую нами эпоху, вся Русская земля распадалась на 2 части—сѣверо-восточную Русь съ вольными общинами Новгородомъ и Псковомъ и Русь юго-западную. Сѣверо-восточная Русь приблизительно обнимала слѣдующія губерніи: Тверскую, Московскую, Ярославскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, юго-западную часть Вологодской, часть Архангельской, всю Владимирскую, большую часть Костромской, сѣверо-западную часть Тамбовской и почти всю Рязанскую губернію. Въ климатическомъ отношеніи эта территорія представляла переходъ отъ суроваго сѣвера къ благодатному югу. Климатъ здѣсь въ общемъ былъ умѣренно-континентальный, хотя бывали и рѣзкія уклоненія отъ обычной нормы. Преобладающая почва была суглинистая, но она не отличалась вездѣ одинаковымъ характеромъ: если въ сѣверной части на Новгородскомъ пограничьѣ была неплодородная почва, то по мѣрѣ приближенія къ Волгѣ качество ея все улучшалось и, наконецъ, за Окой въ Рязанской области, мѣсто песчаной и суглинистой почвы занималъ превосходный черноземъ. Въ общемъ почвенныя условія изучаемой территоріи надо признать не вполнѣ удовлетворительными. Зато не обижена была сѣверо-восточная Русь природой въ отношеніи орошенія: здѣсь протекали такія замѣчательныя рѣки, какъ Волга, Ока, Москва, Волховъ и др.; только юго-восточная окраина, отличавшаяся степнымъ характеромъ, бѣдна была рѣками и озерами и атмосферными осадками. Акты того времени единогласно свидѣтельствуютъ объ изобиліи лѣсовъ въ сѣверо-восточной Руси—одинъ Рязанскій край, какъ менѣе лѣсистый, представлялъ исключеніе. Въ политическомъ отношеніи сѣверо-восточная Русь дѣлилась на княжества — Владимиро.

Суздальское, Муромо-Рязанское, Новгородское, Псковское, Смоленское. Въ пол. XIII вѣка Суздальская земля распадается на четыре главныхъ княжества: Ростовское на сѣверѣ, Суздальско-Нижегородское на востокѣ, Московское въ центрѣ и Тверское на югѣ; въ каждомъ изъ указанныхъ княжествъ происходитъ въ свою очередь процессъ постепеннаго дробленія. Князья стольныхъ городовъ въ Тверскомъ, Московскомъ и Рязанскомъ княжествахъ какъ нельзя лучше поняли задачу своего времени и старались возвысить значеніе старшаго города и его князя надъ младшими удѣльными. Результатомъ этой политики было образованіе великихъ княженій: Московскаго, Тверского и Рязанскаго. Но все же, благодаря живучести старыхъ традицій, пріоритетъ оставался за великимъ княжествомъ Владимирскимъ. Въ виду такого важнаго значенія великаго княжества Владимирскаго борьба за первенство въ сѣверо-восточной Руси сводится къ борьбѣ за обладаніе этимъ княжествомъ. Но теперь великое княжество Владимирское стало лишь символомъ, потерявшимъ свое прежнее реальное значеніе. Среди князей, боровшихся за первенство, замѣчается стремленіе не покидать своего удѣла, а скорѣе перенести такъ сказать, значеніе стольнаго города Владимира въ свой удѣлъ Этой цѣли достигли князья московскіе, которые укрѣпили за своимъ потомствомъ великое княжество Владимирское, и значеніе Владимира перенесли на Москву. Казалось, вся Русская земля обречена была на полнѣйшее разложеніе и измельчаніе; не было никакихъ основаній, повидимому, думать объ образованіи крупнаго государства изъ мелкихъ политическихъ тѣлъ. Въ дѣйствительности оказалось иначе: процессъ измельчанія и разложенія смѣнился процессомъ объединительнымъ, собирательнымъ второй былъ вызванъ первымъ. И, вотъ, во второй половинѣ XIII вѣка на сѣверо-востокѣ начинаетъ возвышаться незначительное доселѣ Московское княжество.

Исторія великаго княжества Московскаго. Возвышеніе Московскаго княжества — самый значительный фактъ удѣльнаго періода нашей исторіи. Небольшой городокъ Владимиро-Суздальскаго княжества, о которомъ рѣдко даже упоминаетъ лѣтописецъ поглощаетъ другія княжества, и, наконецъ, превращается въ столицу всей сѣверо-восточной Руси. Первое упоминаніе о Москвѣ въ лѣтописи находится подъ 1147 годомъ, когда суздальскій князь Юрій Долгорукій принималъ и угощалъ здѣсь своего союзника въ борьбѣ съ племянникомъ Изяславомъ II кіевскимъ князя сѣверскаго Святослава Ольговича. По преданію, на мѣстѣ Москвы было имѣніе, принадлежавшее богатому боярину Степану Ивановичу Кучкѣ, захваченное Юріемъ Долгорукимъ. Мѣстоположеніе Кучковскаго

помѣстья понравилось князю, и онъ заложилъ здѣсь городокъ, который по имени рѣки назвалъ Москвою. Юрій Долгорукій оцѣнилъ географическія удобства мѣстности и стратегическое ея значеніе и построилъ здѣсь крѣпость на берегу Москвы-рѣки ниже устья Неглинной, противъ будущаго Московскаго Кремля. Она принадлежала великимъ князьямъ владимирскимъ и управлялась намѣстниками; князья же появляются въ ней спорадически; это—обыкновенно младшіе сыновья владимирскихъ князей. Послѣ смерти Хоробрита, Московское княжество досталось въ удѣлъ младшему сыну Александра Невскаго—Даніилу. Послѣдовательная непрерывная исторія Московскаго княженія начинается съ Даніила, сына Александра Невскаго. Москва, какъ городъ новый и незначительный, досталась во владѣніе одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. На основаніи древне-русскихъ политическихъ понятій имъ нечего было и думать о занятіи великокняжескаго стола, дожидаясь своей очереди по старшинству. Московскіе князья должны были махнуть рукой на генеалогическіе расчеты, а обратиться къ другимъ средствамъ для созданія своего благополучія. Даніилъ обратилъ все свое вниманіе и энергію на ближайшія насущныя цѣли — расширеніе и округленіе Московскаго удѣла. Онъ начинаетъ такимъ образомъ цѣлую линію слѣдующихъ за нимъ князей-собирателей Руси. Воспользовавшись смутнымъ состояніемъ Рязанскаго княжества, Даніилъ напалъ врасплохъ на князя рязанскаго Константина, побѣдилъ его, взялъ въ плѣнъ и отнялъ у него г. Коломну. Такимъ образомъ, все теченіе рѣки Москвы оказалось въ рукахъ московскаго князя. Даніилъ сумѣлъ войти въ довѣріе своего племянника, князя переяславскаго Іоанна, настолько, что тотъ, умирая, отказалъ ему Переяславль съ волостью, несмотря на существованіе другихъ претендентовъ. Послѣ его смерти московскій столъ занялъ старшій сынъ Даніила Юрій. Уже въ началѣ княженія онъ насильственно присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Можайскій удѣлъ. При немъ начинается борьба съ Тверью. Дмитрій Тверской, мстя за смерть отца, убилъ Юрія. Въ свою очередь Дмитрій въ наказаніе за самоуправство былъ убитъ по ханскому приказанію. Московское княжество послѣ смерти Юрія перешло къ брату его Ивану Даниловичу. Иванъ Даниловичъ, прозванный впослѣдствіи Калитою, получилъ отъ хана ярлыкъ на Владимирское княженіе. Въ лицѣ Ивана Калиты мы видимъ яркій типъ князя-собирателя. Подобно своимъ предшественникамъ—Даніилу и Юрію, онъ заботился о расширеніи Московской территоріи, не стѣсняясь средствами. Онъ—противникъ вооруженныхъ столкновеній, активной борьбы.

Его поле дѣйствій—не бранное поле, а закоулки ханскаго дворца, его оружіе—подарки хану. Онъ скупалъ земли, не брезгая и небольшими долями, у князей, монастырей и частныхъ лицъ. Изъ крупныхъ его пріобрѣтеній нужно указать на три удѣльныхъ города съ округами—Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ. Благодаря примысламъ Ивана Калиты, Московское княжество значительно расширилось во всѣ стороны: при немъ оно обнимало все теченіе рѣки Москвы, на юго-западъ простиралось отъ Коломны вверхъ по Окѣ, на сѣверо-востокѣ захватывало часть Поволжья и даже шло за Волгу. Конечно, всѣ эти примыслы, въ которыхъ изощрялъ свое искусство московскій князь, требовали большихъ денежныхъ средствъ, которыя составлялись изъ доходовъ съ земель и возрастали благодаря бережливости князя. За свою бережливость онъ и получилъ названіе Калиты, т.-е. мѣшка съ деньгами. Много денегъ отнимали у Калиты частыя поѣздки въ Орду, сопровождавшіяся, конечно, богатыми подарками хану и его приближеннымъ. Но свои расходы Калита въ значительной степени пополнялъ тѣмъ, что добился отъ хана позволенія самому собирать дань съ русскихъ областей, и при этомъ, естественно, не забывалъ и себя. Въ 1326 г. митрополитъ Петръ, будучи въ Москвѣ, заболѣлъ и умеръ; погребенъ онъ былъ въ гробницѣ, которую велѣлъ для себя приготовить въ стѣнѣ строющагося Успенскаго собора. Хотя формальнаго перенесенія каѳедры въ Москву и не было, но случайность эта была возведена въ правило, въ этомъ стали видѣть перстъ Божій, и преемники Петра стали жить уже въ Москвѣ. Съ перенесеніемъ каѳедры въ Москву, городъ этотъ сдѣлался церковной столицей для всей сѣверо-восточной Руси, и на немъ, по мнѣнію народному, почила благодать Божія и благословеніе величайшаго святителя Русской земли. Иванъ Даниловичъ княжилъ 12 лѣтъ и скончался въ 1341 году. Несмотря на кратковременное правленіе, Иванъ Калита увеличилъ территорію Московскаго княжества болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. Собирая дань съ русскихъ земель, московскій князь сталъ во главѣ союза русскихъ князей. Союзъ этотъ имѣлъ сначала финансовое значеніе, потомъ получилъ и политическое. Такимъ образомъ, Калитой былъ сдѣланъ значительный шагъ для будущаго подчиненія удѣльныхъ князей московскому. При сынѣ Калиты Симеонѣ Гордомъ, ханомъ «даны подъ руцѣ его всѣ князи русскіе». Такимъ образомъ, сформировавшійся подъ главенствомъ московскихъ князей союзъ князей сѣверо-восточной Руси получилъ признаніе и со стороны ханской власти. Симеонъ Гордый вмѣстѣ со своими братьями нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду и сумѣлъ снискать

благоволеніе и новаго хана Джанибека. При немъ, какъ и при отцѣ, царствовало спокойствіе въ Русской землѣ. Преемникомъ его сдѣлался братъ его Иванъ Ивановичъ, прозванный Краснымъ. Это былъ тихій, кроткій князь, совсѣмъ не подходившій къ роли московскихъ князей. Но онъ имѣлъ опытнаго руководителя въ лицѣ митрополита Алексѣя, игравшаго видную роль и при Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ. Митрополитъ Алексѣй неоднократно совершалъ поѣздки въ Орду и сумѣлъ пріобрѣсти прочныя симпатіи, поддерживалъ дружественныя отношенія съ Ордой. Кромѣ митрополита Алексѣя, другимъ ревностнымъ сторонникомъ Дмитрія Ивановича, его правой рукой, былъ двоюродный братъ его Владимиръ Андреевичъ. Ихъ взаимныя отношенія были скрѣплены особой договорной грамотой. При Дмитріи Ивановичѣ у князей сѣверо-восточной Руси возникаетъ мысль о борьбѣ съ татарами, и мысль эта переходитъ въ дѣйствіе. Помолившись въ Москвѣ и испросивъ благословеніе у св. Сергія Радонежскаго, Дмитрій Ивановичъ 20 августа 1380 г. вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ и другими князьями выступилъ въ походъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было перейти черезъ Донъ. Къ вечеру 7 сентября войско переправилось черезъ Донъ и расположилось на полѣ Куликовомъ, при впаденіи въ Донъ рѣчки Непрядвы. Неподалеку стояли и татарскія полчища. Съ 11 час. утра 8 сентября началась знаменитая кровопролитная Куликовская битва. Обѣ стороны сражались со страшнымъ ожесточеніемъ. Судьбу битвы въ пользу русскаго войска рѣшилъ запасный полкъ подъ начальствомъ кн. Владимира Андреевича и волынскаго воеводы Дмитрія Боброка. Татары потерпѣли страшное пораженіе и обратились въ безпорядочное бѣгство. Но и русскому войску побѣда стоила не дешево: болѣе половины воиновъ осталось на мѣстѣ битвы. Куликовская побѣда имѣла огромное значеніе для Русской земли: она разрушила мнѣніе о непобѣдимости татаръ, внушила русскимъ увѣренность въ ихъ силахъ, возвысила ихъ народную гордость. Московскій князь Дмитрій, прозванный за побѣду Донскимъ, получилъ значеніе національнаго вождя въ борьбѣ съ татарами. Но Куликовская битва не освободила Руси отъ власти татаръ. При Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ былъ присоединенъ Галичъ-Мерскій и часть мещеряковъ (Рязанское пограничье); стольный Владимиръ съ Костромскою и Переяславской обл. оказываются уже вотчиной московскаго князя. Его сынъ Василій I по своей осторожности напоминалъ Калиту: подобно ему онъ старался поддерживать дружественныя отношенія съ Ордой и заботился также о тер-

риторіальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Василій I получилъ ярлыкъ на Нижній Новгородъ, Городецъ, а также на Муромъ, Мещеру и Тарусу. При Василіи II, прозванномъ Темнымъ, разыгралась послѣдняя борьба старыхъ понятій о старшинствѣ съ новыми порядками наслѣдованія, практиковавшимися въ Московскомъ княжествѣ. Василій Темный скончался въ 1462 г. По духовному завѣщанію, слѣдуя обычаю, онъ раздѣлилъ Московскую землю между 5 сыновьями, при чемъ старшій Іоаннъ III, вмѣстѣ съ титуломъ великаго князя, получилъ всѣ главнѣйшіе города Москвы. Къ концу своего существованія вел. княж. Моск. занимало нын. губ.—Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Владимирскую, Московскую, Вологодскую, часть Калужской и Тверской.

Причины, способствовавшія возвышенію вел. кн. Московскаго. Цѣлый рядъ благопріятныхъ условій соединился вмѣстѣ и послужилъ той основой, тѣмъ ферментомъ, благодаря которому развилось и окрѣпло Московское княжество. Мы должны прежде всего отмѣтить выгоды географическаго положенія Москвы. На нашемъ сѣверо-востокѣ водные пути были однимъ изъ главныхъ факторовъ развитія; по нимъ шла русская колонизація, по нимъ производилась торговая дѣятельность и возникали города—политическіе центры. Г. Москва расположенъ на р. Москвѣ, которая діагональю съ сѣверо-запада на юго-востокъ прорѣзываетъ Московское княжество. Москва возникла въ узлѣ скрещиванія трехъ торговыхъ дорогъ, водныхъ путей: одинъ путь шелъ изъ верхней Волги къ средней Окѣ чрезъ Москву рѣку; съ запада на востокъ чрезъ Москву проходилъ другой путь, который соединялъ Днѣпръ съ Окою; наконецъ третій путь шелъ изъ Черниговской и Переяславской земли на Ростовъ и Переяславль Залѣсскій. Благодаря своему положенію р. Москва сдѣлалась транзитнымъ путемъ между Волжскимъ и Окскимъ бассейнами. Выгодное географическое положеніе Москвы очень рано привлекло сюда населеніе; оно же служило причиной того, что возникшія поселенія росли и развивались. Кромѣ того, нужно еще указать на стратегическое значеніе этой мѣстности. Она служила какъ бы форпостомъ, передовой крѣпостью для Ростово-Суздальской области. Географическое и стратегическое значеніе Москвы привлекали въ нее притокъ населенія, эти же условія втягивали ея жителей въ торговое движеніе, способствовали дальнѣйшему росту и процвѣтанію городка, а параллельно съ этимъ процессомъ росла и его политическая роль. Край имѣлъ полную возможность быстро развиваться, прогрессировать, такъ какъ онъ находился въ безопасности отъ вражескихъ нашествій.

Московскіе князья своей искусной политикой также способствовали возвышенію своего княжества; не надо только преувеличивать значеніе этого фактора и впадать въ ту ошибку, въ какую впалъ Вешняковъ. Политика московскихъ князей была политикой реальнаго расчета, здраваго смысла, вполнѣ соотвѣтствовавшая условіямъ современной имъ дѣйствительности. Наглядными результатами ихъ политики было систематическое пріобрѣтеніе великокняжескаго титула, переходъ въ ихъ руки сбора дани, перенесеніе митрополичьей каѳедры въ Москву и, наконецъ, территоріальное расширеніе княжества путемъ такъ называемыхъ *примысловъ*. Владѣнія князя Даніила не заключали въ себѣ и 500 кв. миль, по духовной же Василія Темнаго московскія владѣнія насчитывали въ себѣ болѣе 15000 кв. миль, т.-е. возросли въ 30 разъ. Такихъ результатовъ достигла хозяйственно-расчетливая политика московскихъ князей. При этомъ нужно отмѣтить, что московскіе князья представляли тѣсно сплоченную семью, одушевленную одинаковыми стремленіями, грозную по отношенію къ сосѣдямъ. Изслѣдователи справедливо отмѣчаютъ, что московскіе князья какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, что они представляютъ въ сущности повтореніе единаго фамильнаго типа; это—блѣдные тѣни, манекены, а не живые люди. Дѣйствительно они не живые люди, если разумѣть подъ этимъ людей, возвышающихся надъ повседневными интересами, но съ другой стороны, они именно живые люди своего времени, практическіе дѣльцы, которые не порывались въ безпредѣльную высь, зато не пропускали случая захватить то, что можно было прибрать къ своимъ рукамъ. Это—герои безвременья, эпохи упадка и торжества мелкихъ интересовъ, наступившихъ на Руси въ XIII—XIV вв. Конечно, въ характерѣ московскихъ князей были и индивидуальныя черты, на чемъ особенно настаиваетъ Д. И. Иловайскій, но онѣ не измѣняли общаго фамильнаго типа. Извѣстную роль въ дѣлѣ возвышенія Москвы сыграли и ханы Золотой Орды, которые своей близорукой политикой выдвигали московскихъ князей и давали имъ въ руки оружіе противъ себя. Боярскій классъ также принялъ участіе въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Съ осѣданіемъ князей на сѣверо-востокѣ, начинаютъ осѣдать и бояре. Они предпочитаютъ теперь служить сильному и могущественному князю, а такимъ княземъ сдѣлался московскій. Ко двору московскаго князя стекаются бояре со своими слугами со всѣхъ концовъ Руси. Здѣсь они получаютъ вотчины и создаютъ себѣ почетное положеніе. До нѣкотораго времени ихъ интересы сходятся, совпадаютъ съ интересами московскихъ князей, которыхъ они всячески и поддерживаютъ. Въ роли охра-

нителей status quo выступають, напримѣръ, бояре въ малолѣтство Дмитрія Донского. Немалую услугу Московскому княжеству оказало и духовенство, вступившее въ союзъ съ княжеской властью. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и о важной роли самого народа и выходившихъ изъ среды его монаховъ. Великорусское племя, основавшееся въ Волжско-Окскомъ бассейнѣ, не осталось спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ, а продолжало свою колонизаціонную дѣятельность, подчиняя сферѣ русскаго вліянія все новыя и новыя области. Эта дѣятельность составляетъ его великую историческую заслугу. Избытокъ населенія сталъ отливать въ Поволжье и даже въ Заволжье, на лѣвый берегъ р. Волги. Съ присоединеніемъ Нижегородскаго княжества къ Московскому, населеніе двигается усиленно и въ Заволжье. Піонерами въ дѣлѣ колонизаціи Заволжья явились монахи центральныхъ монастырей, въ особенности Троице-Сергіевской лавры. Они проникли въ самыя глухія мѣстности, основывали по рѣчкамъ скиты или обители; вокругъ этихъ обителей, подъ ихъ сѣнью, появлялись крестьянскія поселенія, образовывались цѣлыя волости. Въ Бѣлозерскомъ краѣ была наиболѣе заселена южная часть берега р. Шексны и южный берегъ Бѣлоозера. Здѣсь и возникали монастыри, служившіе опорнымъ пунктомъ для населенія, какъ, напр., Кирилловъ, Бѣлозерскій, Ѳерапонтовъ и др. Населеніе прибывало сюда изъ Тверской и Ярославской области. Въ Вологодскій край поселенцы проникали изъ Бѣлозерской земли. Опорными пунктами въ этомъ краѣ были берега Кубенскаго озера, такъ называемый Комельскій лѣсъ, на пограничьѣ съ Костромскимъ и Ярославскимъ краемъ и, наконецъ, Устюжская область, гдѣ встрѣчались два колонизаціонныхъ теченія— новгородское и приволжское. Костромской край заселялся быстрѣе Вологодскаго; въ течаніе XIV в. здѣсь возникло не менѣе семи монастырей.

Образованіе великорусской народности и великорусскаго нарѣчія. Удѣльный періодъ въ исторіи сѣверо-восточной Руси характеризуется образованіемъ на всей ея территоріи единой великорусской народности съ ея говорами, составляющими одно великорусское нарѣчіе. Это также былъ своеобразный объединительный процессъ въ народной жизни, и онъ съигралъ крупную роль и въ дѣлѣ политическаго объединенія — созданія великорусскаго государства. «Великорусская народность,—говоритъ акад. А. А. Шахматовъ,—заключаетъ въ себѣ въ настоящее время потомковъ двухъ различныхъ племенныхъ группъ сѣверно-русской и средне-русской». Этимъ объясняется, почему великорусское нарѣчіе дѣлится теперь на 3 группы говоровъ: а) южно-великорусскую

(акающіе), b) сѣверно-великорусскую (окающіе) и с) смѣшанную; характерно, что къ послѣдней относится и московскій говоръ, положившій основаніе нашему государственному и литературному русскому языку; фактъ существованія въ Москвѣ смѣшаннаго говора указываетъ на древность дѣленія великорусскаго нарѣчія на сѣверно и южно-великорусское: оно древнѣе XIV в. Наиболѣе типическими представителями великорусской народности нужно признать населеніе тѣхъ территорій, гдѣ сѣверноруссы были сосѣдями средне-руссовъ—это было поволжье и бассейнъ р. Оки. Подобно тому, какъ Москва сдѣлалась политическимъ центромъ, объединивъ подъ своею властью всю сѣверовосточную Русь, такъ точно она объединила въ своемъ говорѣ *смѣшаннаго характера* сѣверное и южное великорусскія поднарѣчія. Языкъ есть основа народности—вотъ почему одновременно съ этимъ процессомъ въ области языка происходилъ и процессъ образованія великорусской народности. Въ концѣ удѣльнаго періода вся сѣверо-восточная Русь оказалась населенною одной великорусской народностью, только съ ея модификаціями въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи (въ отношеніи говоровъ). И это обстоятельство, конечно, оказало огромное вліяніе на внутреннюю сплоченность того государственнаго организма, который въ это время образовался въ видѣ Великаго княжества Московскаго и сосѣднихъ великорусскихъ же областей, сохранявшихъ пока еще тѣнь своей самостоятельности. Важное значеніе должна была также имѣть и близость великорусскаго нарѣчія къ восточной вѣтви бѣлорусскаго: она давала опору новому центру Москвѣ для привлеченія въ его составъ тѣхъ многочисленныхъ пограничныхъ княжествъ, которыя образовались, напримѣръ, на территоріи вятичей и представляли спорную полосу между нею и Литовскимъ государствомъ. При такомъ прочномъ единствѣ языка и народности сѣверовосточной Руси, ей не опасенъ былъ, въ смыслѣ чистоты этнографическаго типа, приливъ съ юга малорусскаго населенія, если даже это населеніе и двигалось сюда въ кіевскій и областной періодъ, то въ это время еще не окрѣпли въ немъ признаки малорусской народности, которыя сформировались только послѣ татарскаго нашествія, а въ удѣльное время такіе выходцы съ юга, какъ Родіонъ Нестеровичъ и другіе съ ихъ дружинами должны были растворяться въ общей массѣ московскаго боярства и служилаго класса. Когда Москва сдѣлалась политическимъ, административнымъ, торговымъ, религіознымъ и культурнымъ центромъ, естественно, что ея мѣстное поднарѣчіе, ея мѣстный го-

воръ сталъ пріобрѣтать общевеликорусское значеніе, и этому содѣйствовалъ его смѣшанный характеръ.

Въ процессѣ образованія великорусской народности слѣдуетъ отмѣтить два основные факта—характеръ колонизаціи и природу мѣстности. Колонизація сѣверо-восточной Руси вообще и первоначальнаго ядра ея — Ростово-Суздальской земли въ частности—характеризуется присутствіемъ здѣсь первоначальныхъ насельниковъ края,—финновъ, которые не обнаружили такой воинственности, какъ сосѣди южно-руссовъ—тюрки, и въ общемъ уступали русскимъ колонистамъ, смѣшались съ ними, но оставили слѣдъ своей національности въ антропологическомъ и этнографическомъ типѣ образовавшейся отъ смѣшенія съ ними великорусской народности. Акад. А. И. Соболевскій отрицаетъ вліяніе финновъ на образованіе антропологическаго типа великороссовъ, но В. О. Ключевскій приписываетъ финскому вліянію скулистость великоросса и особенно его типическій носъ, покоящійся на широкомъ основаніи, а также видитъ слѣды финскаго вліянія въ области народно-религіозныхъ повѣрій, и въ соціальномъ укладѣ, въ которомъ наблюдается преобладаніе сельской жизни надъ городской, преобладаніе, явившееся послѣдствіемъ сосредоченія мѣстнаго финскаго населенія въ селахъ. Господство сельско-хозяйственныхъ интересовъ—хлѣбопашества и кустарныхъ промысловъ въ сѣверо-восточной удѣльной Руси, въ противоположность развитію городской промышленно-торговой жизни въ кіевской, вызывалось, по мнѣнію В. О. Ключевского, природою этого края. Природа оказала также вліяніе и на складъ народнаго характера у великоросса—она выработала его наблюдательность, проявившуюся въ многочисленныхъ примѣтахъ, напряженіе въ трудѣ, его предусмотрительность и шествіе впередъ по извилистой тропинкѣ съ оглядкою назадъ.

Тверское княжество. Тверское княжество въ длину отъ крайняго восточнаго пункта до г. Ржева имѣло 240 верстъ, а наибольшая ширина его равнялась 80 верстамъ; Тверское княжество было опаснымъ соперникомъ Московскаго княжества. По своей населенности и богатству жителей оно занимало видное мѣсто въ сѣверо-восточной Руси. Своимъ могуществомъ оно было обязано какъ выгодному географическому положенію, такъ и благопріятной для него политической конъюнктурѣ во второй половинѣ XIII вѣка. Тверь издавна находилась въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и другими княжествами сѣверо-восточной Руси. Тверская область была промежуточнымъ этапомъ для новгородскихъ купцовъ въ ихъ сношеніяхъ съ Москвою и вообще перепутьемъ торговли востока съ западомъ:

здѣсь начиналась главная торговая артерія—Волга. Въ первый разъ въ лѣтописномъ разсказѣ г. Тверь упоминается въ 1209 г., но, конечно, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, первое упоминаніе не обозначаетъ основанія города. Образованіе Тверского княжества на территоріи Суздальской земли относится къ половинѣ XIII вѣка. Самымъ замѣчательнымъ тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Александровичъ. Михаилъ извѣстенъ своею борьбой съ Москвою. Лѣтописи отзываются о немъ и его дѣятельности съ большою похвалой. «*Бѣ мужъ страшенъ*, — говоритъ лѣтописецъ, — и *сердце его яко сердце львъ*». Это былъ послѣдній неутомимый борецъ за самостоятельность Твери.

Рязанское княжество. На юго-востокѣ граница Ряз. княжества перешла черезъ р. Воронежъ и углубилась въ степь; русскія поселенія появились на берегахъ рѣкъ Дона, Хопра и Великой Вороны. Зато Рязанское княжество встрѣтило себѣ опаснаго врага въ лицѣ Москвы. Она успѣла кое-чѣмъ воспользоваться на счетъ его. Самымъ замѣчательнымъ рязанскимъ княземъ былъ Олегъ. Не мало заботъ удѣлялъ Олегъ и внутренней дѣятельности. Онъ заботился о безопасности своихъ подданныхъ, объ охранѣ границъ и постройкѣ новыхъ городовъ. Въ народной памяти запечатлѣна его дѣятельность неизгладимыми чертами. Въ личности Олега воплощены типическія черты рязанскаго народнаго характера: Олегъ во многомъ походилъ на удалыхъ князей южной Руси. Послѣ смерти Олега рязанская исторія представляетъ много сходнаго съ исторіей Тверского княжества: это—исторія постепеннаго паденія самостоятельности, переходный періодъ къ полному подчиненію Москвѣ. На князьяхъ этого періода лежитъ печать посредственности и обыденности.

Смоленское кн. Во время татарскаго нашествія Смоленскомъ овладѣла было Литва, но затѣмъ тамъ были самостоятельные князья. Юрій Даниловичъ московскій отнялъ у смолянъ Можайскъ. Въ началѣ XIV ст. благодаря отторженію значительной территоріи, Смоленское кн. уменьшилось до размѣровъ нын. Смоленской губ. Рати русскихъ князей, по приказанію татаръ, въ половинѣ XIV ст. опустошили это княжество. Юрій въ концѣ XIV в. дѣлается подручникомъ литовскаго князя: при немъ (въ нач. XV в.) Смоленское княжество потеряло свою самостоятельность.

Новгородская область. Изучая исторію сѣверо-восточной Руси, мы должны обратить вниманіе въ удѣльный періодъ на внутреннее состояніе вольныхъ вѣчевыхъ общинъ Новгорода и Пскова. Они не только сохранили существовавшія у нихъ черты древне-русскаго политическаго устройства, но Псковъ даже еще болѣе

развилъ и выпукло выразилъ ихъ. Среди княжествъ сѣверо-восточной Руси, гдѣ въ области общественно-политической жизни стали наблюдаться такія явленія, какъ—паденіе вѣча, усиленіе княжеской власти и централизація, эти вѣчевыя общины занимаютъ особое мѣсто. Выдѣляясь на общемъ фонѣ сѣрой, тусклой жизни удѣльнаго сѣверо-востока, онѣ стоятъ какъ бы въ противорѣчіи съ эволюціей историческаго процесса. Монгольское нашествіе имѣло значительное вліяніе на судьбу Новгорода. Связь его съ сильно пострадавшею южною Русью совершенно прекратилась, и ему пришлось входить все въ болѣе и болѣе тѣсныя отношенія съ сѣверо-восточною Русью. Новгородскимъ княземъ съ этого времени бывалъ обыкновенно великій князь суздальскій, а потомъ московскій. Но такъ какъ великій князь не могъ постоянно жить въ Новгородѣ, то его замѣнялъ намѣстникъ, жившій въ Городищѣ. Первое время еще шелъ споръ между московскими и тверскими князьями, поэтому Новгородъ переходилъ отъ тверской протекціи къ московской и наоборотъ, но такъ какъ побѣда чаще всего доставалась Москвѣ, то московское вліяніе пріобрѣтало все большую и большую силу. Иногда новгородцы пытаются найти защиту и опору противъ увеличивающихся притязаній московскихъ князей на сторонѣ—въ Литвѣ, но и это не приводило къ желаннымъ результатамъ. Нужно впрочемъ сказать, что московское вліяніе не шло дальше денежныхъ поборовъ. Великокняжескіе намѣстники получали доходы съ судовъ и подарки, но сами не имѣли фактической власти. Въ случаѣ столкновеній Новгородъ отдѣлывался денежными контрибуціями; поводами къ столкновенію служили, главнымъ образомъ, поземельные споры. Но такое положеніе вещей продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не возвысились московскіе князья, которые стали и князьями новгородскими. Съ этого момента новгородская вольность клонится уже къ упадку, судебныя же и административныя права князя усиливаются въ ущербъ старой новгородской *пошлинѣ*. Знакомство съ соціальнымъ составомъ общества даетъ намъ возможность понять причины внутреннихъ междоусобій и недолговѣчности новгородской вольности. Демократическія формы народной жизни скрывали въ себѣ боярскую олигархію, юридическое равенство сословій совпадало съ ужасающимъ экономическимъ неравенствомъ. Бояре, являясь руководителями народно-хозяйственной жизни, добились и политическаго преобладанія. Они монополизировали въ своихъ рукахъ исключительное право избранія на правительственныя должности, равно въ члены совѣта господъ. До XIV в. междоусобицы въ Новгородѣ были тѣсно связаны съ перемѣнами

князей: одни боярскія фамиліи стояли за одного князя, другіе— за другого. Но разслоеніе среди боярства по мѣрѣ того, какъ экономическое могущество его возрастало, исчезло, и боярство превратилось въ XIV вѣкѣ въ тѣсно сплоченный владѣльческій классъ. Въ теченіе XIII вѣка посадники избирались почти исключительно изъ представителей двухъ боярскихъ фамилій. Боярство, достигши первенствующаго положенія въ обществѣ, дѣлается горячимъ защитникомъ существующаго общественнаго и политическаго строя; народная же масса, юридически равноправная съ боярствомъ, а фактически всецѣло зависѣвшая отъ него въ экономическомъ отношеніи, постепенно разочаровалась въ цѣнности новгородской конституціи. Показателемъ такого настроенія народной массы служатъ усобицы, принимающія въ XIV в. исключительно соціальный характеръ—видъ борьбы бѣдныхъ съ богатыми. Соціальная вражда отзывалась неурядицами и въ политической жизни: вѣче часто принимало анархическій характеръ; кровавыя столкновенія раздирали и городъ. Центромъ, гдѣ группировался простой народъ, была Торговая сторона, центромъ, гдѣ собиралось боярство,—Софійская. Взаимное ожесточеніе обѣихъ сторонъ особенно наглядно проявилось въ усобицѣ 1418 года. «Человѣкъ нѣкій» Степанко притащилъ на вѣчевой судъ боярина Божина; формальнаго разслѣдованія на вѣчѣ не производили, какъ это видно изъ того, что одна женщина тутъ же избила его за причиненныя ей обиды. Судъ окончился тѣмъ, что обвиняемаго бросили съ моста въ Волховъ. Онъ, впрочемъ, былъ спасенъ однимъ рыбакомъ, у котораго за это разграбили все имущество. Нѣкоторое время спустя тотъ же бояринъ Божинъ захватилъ Степанка и сталъ ему мстить за причиненный позоръ. Тогда толпа народа бросилась его выручать и тутъ же при этомъ удобномъ случаѣ разграбила дома другихъ бояръ. Бояре со своими слугами выступили противъ черныхъ людей, началась настоящая битва, пущено было въ ходъ оружіе, многіе остались мертвыми на полѣ сраженія. Все это смятеніе прекратилось только благодаря архіепископу, который вышелъ съ духовенствомъ, съ хоругвями, крестами и иконами на мостъ. Съ теченіемъ времени у простого народа стала появляться увѣренность, что лишь сильная княжеская власть выведетъ его изъ тяжелаго экономическаго положенія, сломивъ могущество боярства; такимъ образомъ, защитниками новгородской вольности оказались одни бояре, простой же народъ былъ мало заинтересованъ въ ея сохраненіи и относился довольно равнодушно къ опасностямъ, угрожавшимъ самостоятельности родного города. Экономическое благосостояніе

Новгорода базировалось на торговлѣ, но теперь мѣсто готскаго купечества занялъ прекрасно организованный Ганзейскій союзъ, получившій всѣ преимущества въ этой торговлѣ. Въ XIV ст. въ Новгородѣ утвердилась Ганзейская колонія, пользовавшаяся правомъ свободной торговли не только въ самомъ Новгородѣ, но и во всей Новгородской области. Пріѣзжіе купцы должны были уплачивать только незначительную пошлину великому Новгороду. Что касается до взаимныхъ отношеній между нѣмецкими купцами и мѣстнымъ новгородскимъ населеніемъ, то они были предусмотрѣны договорами. Если Новгородскій купецъ былъ долженъ нѣмецкому, то прежде всего взысканіе шло въ его пользу. Устройство торговаго нѣмецкаго двора въ Новгородѣ регулировалось правилами, утвержденными Ганзейскимъ союзомъ, такъ называемой «скрой». Нѣмецкій дворъ былъ корпораціей, имѣвшей свое собственное самоуправленіе. Купечество дѣлилось на лѣтнее и зимнее или на сухопутное и морское. Одни пріѣзжали въ Новгородъ только на зиму, и такими были преимущественно ливонцы, другіе пріѣзжали лѣтомъ по морю; это были преимущественно нѣмцы. Нѣмецкіе купцы дѣлились внутри самой факторіи на 3 разряда и первое мѣсто занимали такъ называемые мейстеры, второе — кнехты, третье — ученики. Мейстеры — это хозяева, кнехты — ихъ приказчики, ученики — это тѣ, которые находились въ услуженіи. Но помимо этого, нѣмецкое купечество дѣлилось на артели по мѣстамъ ихъ жительствъ, откуда они прибывали въ Новгородъ. Во главѣ факторіи стоялъ совѣтъ, такъ называемый стевенъ, состоявшій изъ однихъ мейстеровъ. Стевенъ избиралъ альдермана, главнаго начальника двора. Альдерманъ выбиралъ себѣ въ помощники четырехъ ратмановъ изъ мейстеровъ. Наконецъ, послѣднимъ должностнымъ лицомъ былъ священникъ, который исполнялъ религіозные обряды для пріѣзжихъ купцовъ. Нѣмецкіе купцы занимали особый дворъ, въ которомъ и располагались артелями въ помѣщеніяхъ, называемыхъ дортсами. Товары хранились въ клѣтяхъ, а наиболѣе дорогіе при церкви. Торговые документы находились въ самомъ алтарѣ. Такимъ образомъ, нѣмецкій дворъ представлялъ замкнутую корпорацію, имѣвшую собственное самоуправленіе, собственный судъ. Только въ томъ случаѣ, когда приходилось вести дѣло новгородцамъ съ нѣмцами, происходилъ судъ смѣшанный, въ которомъ участвовали главнѣйшія должностныя лица Новгорода. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ значительное предпочтеніе, оказываемое нѣмецкой колоніи передъ туземцами. Всѣ заботы нѣмцевъ клонились къ тому, чтобы по возможности увеличить конкуренцію среди новгородцевъ и совершенно уничтожить ее въ собствен-

ной средѣ. Съ этою цѣлью было узаконено, какіе товары и въ какомъ количествѣ можно было привозить въ Новгородъ. Нѣмецкимъ купцамъ запрещалось покупать у новгородцевъ товаровъ болѣе, чѣмъ на извѣстную сумму. Съ другой стороны, нѣмецкая колонія старалась по возможности не пускать самихъ новгородцевъ на западъ для покупки товаровъ непосредственно на мѣстѣ. Въ Новгородѣ были опредѣленныя мѣры вѣса, но обыкновенно нѣмецкіе купцы старались о томъ, чтобы продажа производилась на глазъ. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ недобросовѣстности при торговыхъ сдѣлкахъ. Новгородцы жаловались, что нѣмцы стараются сбыть имъ никуда негодные товары. И, дѣйствительно, эти жалобы часто бывали справедливы. Въ торговлѣ выгоду извлекали безусловно нѣмцы, которые, благодаря своей корпоративной организаціи, систематически эксплуатировали новгородцевъ, которые получали очень мало пользы. Вслѣдствіе, этого отношенія между обѣими сторонами далеко не отличались миролюбивымъ характеромъ Въ силу обоюднаго недовѣрія происходили ссоры, драки и даже грабежи; понятно, вслѣдствіе этого сильно страдали торговые интересы. Бывали примѣры, когда Ганзейскій союзъ временно прекращалъ торговыя сношенія съ Новгородомъ. Кромѣ указанныхъ нами, были и другія причины, задерживавшія торговую дѣятельность. Хотя нѣмцы въ грамотахъ и выговаривали себѣ право свободной торговли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на новгородской территоріи происходили военныя дѣйствія, тѣмъ не менѣе очень часто во время столкновеній Новгорода съ ливонцами или шведами торговая дѣятельность весьма страдала. То же самое происходило во время столкновеній Новгорода съ великими князьями московскими, когда послѣдніе захватывали въ плѣнъ купцовъ.

Такимъ образомъ, и политическіе, и соціальные, и экономическіе устои Новгородской жизни не были особенно прочны: это повело къ его паденію.

Псковъ теперь получилъ полную самостоятельность. На историческія судьбы Пскова существенное вліяніе оказало его географическое положеніе. Псковская земля представляла полосу въ 300 верстъ длины и не болѣе 50 верстъ ширины, со всѣхъ сторонъ открытую для нападеній сосѣдей. Сѣверная часть Псковской земли отличалась равниннымъ характеромъ и изобиловала болотами, южная—лѣсами и холмами; здѣсь въ изобиліи собирали хлѣбъ, сѣно и ленъ. Съ сосѣдями у псковичей шла постоянная борьба за рубежи; на западной границѣ происходила сначала война съ Летголой и Чудью, а потомъ съ ливонцами. Тутъ находился пригородъ Пскова Изборскъ. Центромъ всей

земли была рѣка Великая; на этой рѣкѣ при впаденіи въ нее р. Псковы былъ расположенъ городъ Псковъ, который состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: дѣтинца, находившагося на холмѣ надъ р. Великой, и внѣшняго города, называемаго Застѣньемъ. На р. Великой былъ цѣлый рядъ псковскихъ пригородовъ: Опочка, Вороночь, Островъ, и др. Роль пригородовъ въ Псковской землѣ была нѣсколько иная, чѣмъ въ Новгородской: они являлись здѣсь исключительно крѣпостями, построенными съ военными цѣлями; въ качествѣ таковыхъ они часто подвергались опустошительнымъ набѣгамъ, а иногда и полному разоренію: на мѣсто однихъ часто являлись другіе. Пригороды въ Псковской землѣ довольствовались своимъ положеніемъ, не проникались политическими притязаніями и не стремились поэтому къ обособленію. Что касается до Псковскихъ колоній, то онѣ находились въ земляхъ Чуди и Летголы, но вскорѣ псковичами были потеряны. Въ политической исторіи Пскова можно различать три момента: зависимость отъ Новгорода, эпоху самостоятельной жизни и опеку Москвы, приведшую въ концѣ-концевъ Псковъ къ полному подчиненію.

Въ первое время своего историческаго существованія Псковъ былъ однимъ изъ пригородовъ Новгорода, управлявшимся новгородскимъ посадникомъ, но и тогда уже онъ пользовался предоставленнымъ ему правомъ принимать участіе въ вѣчевой жизни старшаго города. Случалось, что побѣжденная въ Новгородѣ партія находила себѣ убѣжище во Псковѣ; иногда и новгородскій князь, не ужившійся въ вольномъ городѣ, пользовался гостепріимствомъ Пскова. Но географическое положеніе Пскова, какъ передового оплота въ борьбѣ съ западомъ за Русскую землю, и постоянныя внѣшнія опасности требовали присутствія въ стѣнахъ города княжеской власти. Идя навстрѣчу такой потребности, новгородцы вскорѣ стали присылать во Псковъ вмѣстѣ съ посадникомъ и князя. Такимъ образомъ, Псковъ сдѣлался стольнымъ пригородомъ. Князья, появлявшіеся во Псковѣ по назначенію Новгорода, были только служебными князьями, кормленщиками, обязанными защищать съ помощью своей дружины Псковскую область отъ внѣшнихъ враговъ. Но малу-помалу псковскіе интересы начинаютъ отдѣляться отъ новгородскихъ; во Псковѣ образуется партія, во главѣ которой стоитъ боярство и которая стремится къ отдѣленію отъ Новгорода, тѣмъ болѣе, что и подчиненіе ему не представляло никакой выгоды: державный городъ не могъ гарантировать Пскову внѣшней безопасности. Псковичи начинаютъ сами выбирать князей и Новгороду, чтобы не доводить до разрыва, приходится призна-

вать ихъ законными князьями. Но такъ продолжалось только до тѣхъ поръ, пока псковичи приглашали себѣ князей изъ русскихъ княжескихъ фамилій; когда же на Псковскомъ столѣ начали появляться князья изъ Литвы, то разрывъ съ Новгородомъ сталъ лишь вопросомъ времени. Борьба Пскова съ Новгородомъ окончилась договоромъ 1347 — 8 г., въ которомъ были оформлены отношенія Пскова къ Новгороду. Державный городъ отказался отъ права призывать псковичей на судъ въ Новгородъ, назначать къ нимъ своихъ посадниковъ и князей— отнынѣ Псковъ сталъ называться младшимъ братомъ Новгорода. Если къ этому еще добавить, что въ началѣ XIV ст. и должность посадника во Псковѣ сдѣлалась выборной, то станетъ ясно, что во Псковѣ были налицо всѣ элементы самостоятельности, которымъ оставалось только развиваться и далѣе въ такомъ же направленіи. XV столѣтіе является расцвѣтомъ псковской самостоятельности. Княжеская власть не имѣетъ здѣсь даже того значенія, какимъ она обладала въ Новгородѣ. Князь являлся простымъ кормленщикомъ, наемнымъ лицомъ Псковской общины. Князь пользовался чисто внѣшнимъ почетомъ; самостоятельной роли онъ не игралъ никакой, будучи лишь исполнительнымъ органомъ вѣчевыхъ постановленій. Его главная функція — защита города Пскова и всей области отъ внѣшнихъ враговъ. Судебныя пошлины составляли единственный источникъ княжескаго кормленія. Но, предоставляя князю судебную власть, псковичи позаботились установить надъ ней контроль, устранить всѣ затрудненія, которыя могли произойти, вслѣдствіе безусловнаго сосредоточенія судебной прерогативы въ одномъ лицѣ. Князь раздѣлялъ свою судебную власть съ посадниками какъ настоящими, такъ и старыми, выборными общины — сотскими и кончанскими (отъ слова конецъ) старостами. Всѣ эти лица составляли коллегію, засѣдавшую «у князя на сѣняхъ». Назначеніе низшихъ судебныхъ чиновниковъ—дьяковъ, приставовъ, позовниковъ и др. на первыхъ порахъ зависѣло всецѣло отъ князя. Однако съ теченіемъ времени появляются параллельно такіе же чиновники, выбранные Псковскимъ вѣчемъ. Доходы отъ суда были очень не велики. Псковское вѣче, благодаря слабости княжеской власти, имѣло широкій просторъ для своей дѣятельности. Правда, и оно, какъ въ Новгородѣ и вообще въ древней Руси, не было стройно-организованнымъ учрежденіемъ, но сфера его вѣдомства была очень обширна. Псковское вѣче обладало всей полнотой законодательной власти и сосредоточивало въ своихъ рукахъ всю область управленія не только въ важныхъ, но и второстепенныхъ его отросляхъ. Оно было главнымъ носи-

телемъ верховной власти, зорко-слѣдящимъ за всѣмъ теченіемъ политической жизни. Кромѣ того, вѣчу принадлежало право суда не только по политическимъ преступленіямъ, но и уголовнымъ, за которыя полагалась смертная казнь и по важнѣйшимъ гражданскимъ тяжбамъ. Характерной чертой псковскаго вѣча является руководящее значеніе боярской знати, которая, обладая политическимъ опытомъ, выдвинулась еще во время борьбы Пскова за независимость съ Новгородомъ. Во Псковѣ однако не было столь ярко выраженной борьбы классовъ, какъ въ Новгородѣ. И во Псковѣ было правда вліятельное боярство, владѣвшее землею и обладавшее капиталомъ, но вслѣдствіе незначительной сравнительно съ новгородской территоріи, боярское землевладѣніе не достигло здѣсь крупныхъ размѣровъ. Различные классы населенія Псковской земли находили возможность сближаться другъ съ другомъ и дѣйствовать солидарно. Псковское законодательство внимательно относилось къ нуждамъ такъ называемыхъ изорниковъ, т.-е. вольныхъ земледѣльцевъ на частновладѣльческой землѣ. Въ виду всѣхъ этихъ причинъ во внутренней жизни Пскова не было такихъ сильныхъ потрясеній, взрывовъ классовой борьбы, какъ въ Новгородѣ. Вѣчевая жизнь Пскова протекала болѣе нормально. Конечно, дѣло не обходилось иногда безъ столкновеній знати съ простымъ народомъ, но взаимное ожесточеніе не доходило до гражданской войны, не сопровождалось такими кровавыми сценами, описаніемъ которыхъ полны новгородскія лѣтописи. Во Псковѣ былъ сначала одинъ, а съ XIV стол. два посадника. Посадники были слугами вѣча, которое не предоставляло имъ самостоятельной власти. Институтъ двойного посадничества ослабилъ власть этихъ чиновниковъ, потому что одинъ долженъ былъ дѣйствовать по согласію съ другимъ. Но и этого было мало: былъ сокращенъ самый срокъ службы посадника; въ половинѣ XV столѣтія посадники стали смѣняться ежегодно. Бояре образовали во Псковѣ такой же правительственный совѣтъ, какъ и въ Новгородѣ. Онъ носилъ здѣсь названіе малаго вѣча и имѣлъ тѣ же функціи, какъ и новгородскій совѣтъ господъ. Иногда совѣтъ дѣйствовалъ самостоятельно помимо большого вѣча. Псковъ дѣлился на 6 концовъ съ подраздѣленіемъ на сотни. На обязанности концовъ лежало правильное распредѣленіе воинской повинности, исправленіе городскихъ стѣнъ и т. д. Къ каждому изъ такихъ концовъ тянула извѣстная территорія, какъ и въ Новгородѣ. Всѣ псковскіе пригороды—числомъ 12—были распредѣлены между концами—по 2 на каждый. Впрочемъ, нужно замѣтить, что городскіе концы

не могли имѣть прочной органической связи со своими округами, ибо эти послѣдніе распредѣлялись между ними случайно, по жребію. Псковскіе пригороды и волости, а также губы, бывшія сначала чисто географическимъ дѣленіемъ, пользовались самоуправленіемъ. Но въ виду того, что всѣ эти ячейки довольствовались своимъ положеніемъ и не стремились къ обособленію, центральное управленіе во Псковѣ было довольно прочно и устойчиво. Повидимому, всѣ шансы были за долговѣчность псковской самостоятельности. Но опасность явилась извнѣ и бороться съ нею было трудно. Во Псковѣ не было сильной княжеской власти, между тѣмъ границы государства были открыты со всѣхъ сторонъ. Съ XV вѣка наступаетъ третій період въ исторіи Пскова: онъ мало-по-малу подпадаетъ вліянію Москвы. Паденіе независимости началось съ пріема намѣстника отъ великаго князя московскаго: выбирало его вѣче и потомъ утверждалъ великій князь. На первый взглядъ, казалось, все оставалось по-старому. Но московская политика неуклонными, хотя и медленными шагами шла къ своей цѣли—уничтоженію самостоятельности вольнаго города. Зависимость Пскова отъ Москвы все болѣе и болѣе увеличивалась. Паденіе вѣчевого колокола въ Новгородѣ предрекало и судьбу Пскова.

18-я глава. Отношенія къ сосѣдямъ.

Юго-восточные сосѣди—татары. Темучинъ. Битва на р. Калкѣ. Нашествіе Батыя. Устройство Золотой Орды. Зависимость Руси отъ Золотой Орды и вліяніе этой послѣдней. Внутреннія измѣненія въ Золотой Ордѣ. Распаденіе Золотой Орды—выдѣленіе Крымской Орды и Казанскаго царства. Западные сосѣди. Географическія свѣдѣнія о разныхъ народахъ.

Литература вопроса. Источники: *Тизенгаузенъ.* Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I (здѣсь извѣстія арабскихъ писателей, въ томъ числѣ Ибнъ Батуты); Выписки изъ Ибнъ Эль Атира о первомъ нашествіи татаръ (Уч. Зап. И. А. Н. по 1-му и 3-му отд., т. II, вып. I-й); Отрывокъ персидскаго лѣтописца *Рашидъ-Эддина,* переведенный *Березинымъ* (Ж. М. Н. Пр.° ч. LXXIX, LXXXI); *Языковъ.* Собраніе путешествій къ татарамъ. СПБ. 1825 г. (здѣсь помѣщены подлинники и переводы *Плано-Карпини* и *Асцелина*); Путешествіе *Марко Поло.* перев. Шемякина. М. 1863 г.; изданіе Плано-Карпини и Рубруквиса въ переводѣ Маленна — Іоаннъ де-Плано-Карпини. Исторія монгаловъ. Вильгельмъ де-Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны. Съ приложеніемъ 8 рисунковъ и указателей СПБ., Изд. Суворина. 1910. Пособія: *Іоакинфъ.* Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова; *Березинъ.* Очерки внутренняго устройства улуса Джучіева (Труды восточнаго отдѣла Археол. Общ., часть восьмая; *Бѣляевъ.* О монгольскихъ чиновникахъ на Руси (Арх. ист.-юрид. свѣдѣній Калачова, I); *Григорьевъ.* О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству. М. 1842 г.; изслѣдованіе А. А. Куника о битвѣ на р. Калкѣ (Зап. Ак. Наукъ по 1-му и 3-му отдѣл., т. II, вып. I-й); *Костомаровъ.* Начало единодержавія въ древней Руси (Истор. мон., т. 12-й); *Смирновъ.* Крымское ханство. СПБ., 1887; *Иванинъ.* О военномъ искусствѣ и за-

военаніяхъ монголо-татаръ, Спб., 1875 г.; *Терещенко.* Окончательное изсл. мѣст. Сарая (Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по 1-му и 3-му отд., т. II, вып. 1-й); см. также общія сочиненія *С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайскаго.*

Юго-восточные сосѣди—татары. Изъ всѣхъ сосѣдей Руси на первый планъ выдвигаются теперь монголо-татары, завоевавшіе ее и образовавшіе на юго-восточномъ пограничьѣ свое царство—Золотую Орду. Родиной монголо-татаръ были равнины средней Азіи, гдѣ обитали многочисленныя монгольскія и татарскія, т.-е. тюркскія поколѣнія. Въ этнографическомъ отношеніи монголовъ нужно отличать отъ татаръ. Всѣ онѣ жили въ родовомъ бытѣ и вели кочевой образъ жизни. Каждое племя распадалось на нѣсколько ордъ или улусовъ; во главѣ ихъ стояли ханы, власть которыхъ до извѣстной степени была ограничена такъ называемымъ курилтаемъ, т.-е. собраніемъ старѣйшинъ.

Темучинъ. Однимъ изъ такихъ хановъ былъ Темучинъ, родившійся во второй половинѣ XII в. Послѣ своего отца онъ остался несовершеннолѣтнимъ и съ этого момента для него начался рядъ невзгодъ. Большая часть родовъ, признававшихъ власть его отца, отпала отъ него. Одинъ разъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и едва не погибъ у враговъ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ началъ наступленіе на своихъ сосѣдей. Большое значеніе имѣла первая побѣда, одержанная имъ надъ сосѣднимъ племенемъ тайджигутовъ; семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ были брошены имъ въ 70 котловъ и сварены, а подвластные имъ роды признали власть Темучина. Въ самомъ началѣ XIII в. онъ созвалъ великій курилтай, на которомъ былъ провозглашенъ повелителемъ всѣхъ ордъ и получилъ прозвище Чингисъ-хана, т.-е. великаго хана. Съ этого момента начинается его широкая завоевательная дѣятельность: онъ покорилъ восточный Туркестанъ и Хоказемъ, гдѣ были разрушены славившіеся своими богатствами и торговлей города: Самаркандъ, Бухара, Мервъ, Гератъ. Преслѣдуя хана Ховарезма, два монгольскіе полководца—Джебе-Нойонъ и Субудай-Багадуръ—получили разрѣшеніе отъ Темучина отправиться изъ прикаспійскихъ странъ въ землю половецкую. Въ Кавказскихъ проходахъ они едва не были истреблены аланами и черкесами и спаслись только благодаря тому обстоятельству, что успѣли отвлечь отъ союза съ ними половцевъ. Но, освободившись отъ опасности, они бросились на своихъ спасителей половцевъ и стали разорять ихъ вѣжи.

Битва на р. Калкѣ. Половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Эти послѣдніе собрались на съѣздъ въ Кіевѣ, гдѣ старшіе южно-русскіе князья рѣшили выступить противъ татаръ. Союзная рать сошлась у Заруба и затѣмъ, конница на

лошадяхъ, а пѣхота въ ладьяхъ, двинулись на югъ къ Днѣпровскимъ порогамъ. У острова Хортицы къ ней присоединилось галицкое ополченіе. Соединенная русская рать углубилась въ степь, лежащую на лѣвомъ берегу Днѣпра, и послѣ девятидневнаго перехода достигла рѣки Калки (по всей вѣроятности, нынѣшняго Калміуса). Здѣсь произошло Калкское побоище, въ которомъ татары одержали полную побѣду надъ русскими князьями. Погибло много русскихъ князей, въ томъ числѣ двое старѣйшихъ, и значительная часть дружины. Но монголо-татары повернули назадъ. У Темучина было много хлопотъ у себя дома. Вскорѣ Чингисъ-ханъ умеръ. Верховнымъ ханомъ сдѣлался Огадай, сынъ Темучина. Онъ-то отправилъ своего племянника Батыя, сына Джучи, для покоренія тѣхъ областей, которыя лежали между Ураломъ и Днѣпромъ и которыя номинально принадлежали его отцу Джучи. Это было уже движеніе не отдѣльныхъ татарскихъ отрядовъ, а цѣлаго народа съ женами, дѣтьми, стадами и всѣмъ имуществомъ. Съ Батыемъ было нѣсколько молодыхъ хановъ и старыхъ опытныхъ полководцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный намъ Субудай-Багадуръ.

Нашествіе Батыя. Одинъ персидскій историкъ даетъ такую краткую, но выразительную характеристику монголо-татарамъ. «*Они*, говоритъ онъ, *имѣли мужество львиное, терпѣніе собачье, предусмотрительность журавля, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волка, боевой жаръ пѣтуха, попечительность о близкихъ курицы, чуткость кошки и буйность при нападеніи вепря*». Русь въ то время, вслѣдствіе своей разрозненности, выставить такой рати, какая была у татаръ, не могла. Контингентъ княжескихъ дружинъ вообще въ то время не былъ значителенъ. Болѣе многочисленны были отряды воевъ, т.-е. земскаго народнаго ополченія, но эти земскія ополченія, во-1-хъ, не приходили другъ другу на помощь, а, во-2-хъ, уступали монголо-татарамъ въ военномъ искусствѣ и въ опытности, и даже, быть-можетъ, въ вооруженіи. Неудивительно, такимъ образомъ, что Русь должна была вести не наступательную, а оборонительную войну съ татарами. Она рѣшилась отсиживаться отъ нихъ въ городахъ, и понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ каждое княжество должно было дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ. Въ этой оборонительной войнѣ русскій народъ выказалъ замѣчательную стойкость и храбрость, но не спасъ онъ этимъ своей родины. Батый рѣшилъ завоевать сначала сѣверную Русь, а потомъ уже южную и въ этомъ рѣшеніи имъ руководилъ сознательный тактическій расчетъ: сѣверная Русь была сильнѣе южной и по количеству войскъ, и по характеру мѣстности, а

потому завоеваніе ея было поставлено въ первую очередь, чтобы такимъ образомъ князья южной Руси были лишены возможности отступить на сѣверъ и получить себѣ оттуда помощь. Первому опустошенію подверглось окраинное княжество Рязанское, и это опустошеніе было едва ли не самое сильное. Столичный городъ Рязань былъ взятъ приступомъ и сожженъ. Такому же опустошенію подверглось вслѣдъ за тѣмъ и Ростово-Суздальское княжество. Здѣсь были взяты и сожжены города: Коломна, Москва, Владиміръ, Суздаль, Ярославль, Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ, Тверь и все Поволжье. Самъ великій князь Юрій Всеволодовичъ потерпѣлъ страшное пораженіе на берегахъ рѣки Сити и здѣсь погибло много его воиновъ (1238 г.). Монголо-татары двинулись теперь на богатый Новгородъ, но испугавшись весенней распутицы, не дойдя до него, повернули назадъ и опустошили только на обратномъ пути Смоленское княжество и область Вятичей. Въ этой послѣдней геройской защитой прославился городокъ Козельскъ, подъ которымъ Батый простоялъ семь недѣль. Въ 1240 году татары вступили въ предѣлы южной Руси и страшно ее опустошили—взяли Переяславль, Черниговъ, Кіевъ, Владиміръ Волынскій, Галичъ и др. города Галицкаго и Владимирскаго княжествъ. Но въ южной Руси Батый пробылъ недолго и двинулся дальше на западъ. Венгерскій король потерпѣлъ пораженіе и монголо-татарскіе отряды разсѣялись по Силезіи и Польшѣ и сильно ихъ опустошили. Въ это время Батый получилъ извѣстіе о воцареніи въ великой Ордѣ своего соперника Гаюка и потому поспѣшилъ назадъ. Нѣкоторые полагаютъ, что южная Русь послѣ Батыева нашествія окончательно запустѣла и что, слѣдовательно, Батый здѣсь произвелъ большее опустошеніе, чѣмъ на сѣверѣ. Но это мнѣніе можетъ быть принято съ значительными ограниченіями. Не слѣдуетъ понимать буквально тѣхъ извѣстій, которыя оставили намъ о разореніи южной Руси лѣтописцы: они и это вполнѣ естественно—слишкомъ сгустили краски и нарисовали намъ такую картину запустѣнія, которая не соотвѣтствовала дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, конечно, опустошеніе было сильно, результаты его были существенно важны: многіе города потеряли свое прежнее политическое значеніе, населеніе сильно порѣдѣло, экономическое благосостояніе народа понизилось значительно, просвѣщеніе также должно было пострадать, но все это одинаково относится и къ южной, и къ сѣверной Руси. Въ юго-западной Руси Батый встрѣтилъ уже много каменныхъ городовъ. Благодаря каменнымъ городамъ, Батый не могъ завоевать западно-европейскихъ государствъ: Венгріи, Польши.

Подобно тому, какъ Русь нѣкогда хотѣла довольствоваться «лапотниками, а не людьми въ сапозѣхъ», такъ и татары должны были теперь ограничиться земляными и деревянными городами древней Руси и не изъявлять притязаній на каменные замки феодальной Европы. На этотъ разъ татары расположились въ Золотой Ордѣ.

Устройство Золотой Орды. Центральнымъ пунктомъ этой Золотой Орды сдѣлалось низовье рѣки Волги, гдѣ находился и столичный городъ Батыя — Сарай, на одномъ изъ рукавовъ Волги, на мѣстѣ нынѣшняго Царева. Кочевья татаръ широко раскинулись и за предѣлами Орды, и, какъ бы кольцомъ, окружили русскія княжества. Русь потеряла свою политическую самостоятельность и должна была признать власть иноземнаго завоевателя. Начинается 240-лѣтній періодъ татарскаго владычества. Что же представляла изъ себя Золотая Орда, въ чемъ выразилась зависимость отъ нея Руси и какова была судьба этой восточной державы съ пол. XIII до пол. XV в.? Власть татарскихъ хановъ, по словамъ путешественниковъ, лично посѣщавшихъ Золотую Орду (напр., Рубруквиса, Плано--Карпини), была очень велика. Нечестіе ихъ, говоритъ послѣдній, простирается до того, что они своего государя называютъ сыномъ Божіимъ и поклоняются ему вмѣсто бога на землѣ. Никто не смѣетъ жить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ того, которое (ханъ) ему назначитъ. Сверхъ того, что бы онъ ни приказалъ, въ какое время и гдѣ бы то ни было, итти ли на войну или на смерть—все это исполняютъ они безъ прекословія. Также, если потребуетъ у кого незамужнюю дочь или сестру, безпрекословно отдаютъ ему. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ собираетъ онъ дѣвицъ изъ всѣхъ своихъ владѣній; изъ нихъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а остальныхъ раздаетъ своимъ людямъ. Все принадлежитъ императору такъ, что никто не смѣетъ сказать: это мое, это его, но все императора: вещь, люди, скотъ. По смерти хана собирался курилтай, который и избиралъ ему преемника изъ лицъ владѣтельнаго дома, имѣющихъ ближайшее право на престолъ. При ханѣ состоялъ особый совѣтъ, называвшійся диваномъ, изъ высшихъ сановниковъ, гдѣ рѣшались дѣла управленія и судопроизводства. Такова была ханская власть. Побѣжденные должны были ходить съ татарами на войну по ихъ требованію и давать десятину какъ отъ людей, такъ и отъ вещей. Отъ каждаго десятка брали они какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ по одному человѣку, уводили къ себѣ и держали для услугъ. При покореніи новаго народа они производили точную и строгую перепись для опредѣленія числа душъ населенія и его платежныхъ силъ; въ ре-

въ́ сюо заносились не только взрослые, но и дѣти, даже однодневные младенцы—всѣ должны были платить дань, состоявшую изъ шкуръ медвѣдя, чернаго бобра, чернаго соболя, хорька и черной лисицы. Кто не могъ заплатить дани, того обращали въ рабство. Покоривъ извѣстную область, татары немедленно требовали къ себѣ бывшихъ начальниковъ туземцевъ и обращались съ ними, какъ съ простыми людьми. Эти начальники должны были давать значительные подарки ханскимъ приближеннымъ, ихъ женамъ и т. д. Давая разрѣшеніе вернуться домой тому или другому князю, они оставляли, въ видѣ заложниковъ, ихъ сыновей или братьевъ и потомъ уже не отпускали ихъ назадъ. Въ земляхъ тѣхъ князей, которые были отпущены домой, они ставили своихъ баскаковъ, которымъ должно было повиноваться мѣстное населеніе. Если жители какого-нибудь города или области не слушали баскаковъ, то эти послѣдніе обвиняли ихъ въ измѣнѣ и разоряли ихъ землю. Таковы были отношенія татаръ вообще къ покореннымъ народамъ. Но первобытное устройство татарской жизни, благодаря китайскому вліянію и образованію монголо-татарскаго государства, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ китайскихъ источникахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ китайскихъ лѣтописцевъ Менъ-Да-Бэнъ-Лу: При началѣ возвышенія татаръ у нихъ вовсе не было письменъ, но теперь уже два года, какъ китайскіе чиновники-измѣнники, не имѣвшіе пристанища, выучили ихъ китайскому письму, которымъ они и пользуются въ своихъ сношеніяхъ съ нами. Отъ китайцевъ же монголо-татары позаимствовали и зачатки земледѣлія. Въ ихъ странѣ родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черное просо, которое варятъ для каши. Отъ китайцевъ монголо-татары позаимствовали и многіе знаки достоинства, таковы, напр., «паидзы»—золотыя и серебряныя дощечки. Первостепенные знаменитые вельможи носили такія золотыя «паидзы» съ изображеніями двухъ тигровъ. На этихъ «паидзахъ» были китайскія надписи: «святая воля ниспосланнаго небомъ императора Чингиса должна съ благоговѣніемъ исполняться». Чингисъ издавалъ отъ своего имени указы, приказанія и другія бумаги, для обозначенія которыхъ пользовались китайской терминологіей. Чиновники, управлявшіе провинціями, также носили китайскія названія, подобно ханской гвардіи, которая охраняла хана со стрѣлами и луками. Тѣхъ лицъ, которыхъ посылалъ ханъ въ области или провинціи, населеніе должно было встрѣчать съ великимъ вниманіемъ и уваженіемъ, не разбирая, имѣетъ ли онъ высшій или низшій чинъ, жители наперерывъ другъ передъ другомъ кланялись имъ, ста-

вили у воротъ почетный караулъ, сажали на почетное мѣсто и т. п. Сами правители областей принимали подобныхъ посланныхъ хана съ колѣнопреклоненіемъ и оказывали имъ всевозможные знаки вниманія: встрѣчали ихъ далеко за городомъ, въ предмѣстьѣ, провожали съ барабаннымъ боемъ, музыкой и распущенными знаменами, при всякой встрѣчѣ перемѣняли лошадей—это называлось ѣхать на почтовыхъ; и этотъ обычай татары также позаимствовали отъ китайцевъ. Администрація Золотой Орды отличалась сложностью и обиліемъ чиновниковъ. Все населеніе дѣлилось на слѣдующія сословія: многочисленная аристократія или князья разныхъ степеней, тарханы, т.-е. люди лично свободные отъ податей, люди зависимые или рабы. Такимъ образомъ, собственно, все татарское населеніе дѣлилось на двѣ большихъ группы: свободныхъ воиновъ и зависимыхъ рабовъ; къ первой принадлежало все татарское населеніе, а ко второй —представители побѣжденныхъ народностей. На этихъ послѣднихъ лежали всѣ тяжелыя работы и повинности. Хлѣбъ складывали хозяева въ господскія житницы, а на долю раба приходилось столько пищи, чтобы онъ не умеръ отъ голода. Ремеслами также занимались исключительно рабы, и положеніе такихъ рабовъ было нѣсколько болѣе удовлетворительно. На войнѣ выставляли плѣнныхъ рабовъ въ первый огонь; тоже дѣлали и въ другихъ опасныхъ предпріятіяхъ: при переправѣ черезъ рѣки они должны были выступать первыми. Если они не слушались своего хозяина, то ихъ били, какъ ословъ. Короче сказать, —говоритъ современный наблюдатель,—они мало ѣдятъ, мало пьютъ и очень плохо одѣты, исключая золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ хорошихъ ремесленниковъ. У нѣкоторыхъ были такіе злые господа, что не давали имъ отдыха, въ особенности если они въ качествѣ дворовыхъ жили не въ отдѣльныхъ хижинахъ, а при господинѣ. Въ холодное время года многіе изъ нихъ оказывались почти безъ всякой одежды и потому нерѣдко становились жертвою жестокой стужи: отмораживали руки, ноги и дѣлались калѣками».

Зависимость Руси отъ Золотой Орды. Въ чемъ выразилась зависимость отъ татаръ Руси? Первая и главная форма зависимости было признаніе политическаго главенства татаръ. Русскіе князья должны были отнынѣ утверждаться въ своемъ званіи ханами, - получать отъ нихъ ярлыки на великокняжеское и просто княжеское достоинство. Русскіе князья должны были часто ѣздить въ Золотую Орду и даже въ Великую Монголію. Это была тяжкая повинность. Іоаннъ Калита ѣздилъ туда 9 разъ; сынъ его Симеонъ Гордый въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ

5 разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду съ женами и дѣтьми; иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ; о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ татарамъ и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ; иногда князья должны отправляться съ ханомъ въ походъ". Со смертью хана, его преемникъ долженъ былъ выдать новые ярлыки или подтвердить старые. Положеніе русскихъ князей въ Ордѣ было печально; имъ не оказывали тамъ должнаго вниманія, обращались съ ними какъ съ подданными и всячески ихъ эксплоатировали. Они должны были раздавать подарки не только ханамъ и ханшамъ, но и ихъ многочисленнымъ чиновникамъ и слугамъ. Въ теченіе 2½ вѣковъ монгольскаго ига въ ордѣ погибло немало русскихъ князей, начиная отъ Михаила Черниговскаго и кончая тверскими князьями. Въ Любецкомъ Синодикѣ мы находимъ немало лаконичныхъ записей объ убіеніи князей въ Ордѣ, при чемъ часто добавляется, что они пострадали за православную вѣру. Зная вѣротерпимость татаръ, мы должны относиться къ этимъ извѣстіямъ съ большою осторожностью: вѣроятнѣе, что тутъ играли роль политическія причины — доносы, несогласіе съ баскаками и т. п. Ханы не только раздавали, но и продавали ярлыки. Особенно сильная борьба происходила всегда изъ-за великокняжескаго достоинства. Самый характеръ великокняжеской власти на Руси потерпѣлъ значительное измѣненіе подъ вліяніемъ татаръ. Ханы Золотой Орды, сами, конечно, того не замѣчая, способствовали усиленію московскихъ князей собирателей. Затѣмъ благодаря татарамъ князья этого періода совершенно эмансипировались отъ власти вѣча. Великокняжеская власть получаетъ теперь новый характеръ: великій князь является представителемъ въ Русской землѣ самого хана, а власть хана надъ его подданными и подвластными народами отличалась неограниченнымъ характеромъ. Давая почти всегда ярлыкъ на великое княженіе московскимъ князьямъ, татары оказались близорукими политиками, допустивъ постоянный почти правильный переходъ по наслѣдству великокняжескаго достоинства въ семьѣ московскихъ князей-собирателей; они забыли, а можетъ-быть, и не знали принципа divide et impera—и результаты ихъ политики не замедлили сказаться. Авторитетъ московскихъ князей все болѣе и болѣе возрасталъ, а параллельно съ этимъ ослабѣвала власть хана. Другимъ претендентамъ на великокняжеское достоинство—князьямъ тверскимъ, напр., было трудно спорить съ московскими. Эти послѣдніе удачно вели свои дѣла даже въ самые критическіе для нихъ моменты (въ малолѣтство Дмитрія Дон-

ского). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что татары оказали сильное вліяніе на политическую жизнь древней Руси. Это вліяніе было отчасти прямое и непосредственное, а отчасти косвенное, посредственное. Главнымъ образомъ, оно отразилось на характерѣ великокняжеской власти, которая стала усиливаться. Ханскіе чиновники, имѣвшіе отношеніе къ Руси, были таковы. Первое мѣсто при ханѣ занимали князья разныхъ наименованій (удѣльные, улусные и т. п.). За ними слѣдуютъ вельможи, имѣвшіе высокое государственное значеніе и состоявшіе членами сената. Они же предводительствовали войскомъ. Изъ князей и вельможъ назначались всѣ высшіе чиновники: *дороги* — главные сборщики даней, приводившіе къ присягѣ (они были волостные, городскіе и сельскіе): московскій дорога Минъ Булатъ завѣдывалъ всѣми дѣлами Московскаго великаго княжества; Улавчій былъ дорогой надъ всею Русью въ XIII вѣкѣ. *Баскаки* были главными «начальниками монгольскихъ отрядовъ, размѣщенныхъ по важнѣйшимъ русскимъ городамъ для удержанія народа въ повиновеніи и для поддержки сборщиковъ дани и другихъ ханскихъ чиновниковъ, посылаемыхъ въ Россію». Но сами они даней не собирали—это дѣлали даньщики и поборщики. За баскаками слѣдуютъ ханскіе *послы* и *гонцы*, являвшіеся также съ отрядами войскъ чаще всего для сбора или пріема дани. Мимоѣздящими послами назывались тѣ, которые бывали на Руси проѣздомъ; они получали кормы для себя и свиты. Баскаки жили на Руси постоянно, а послы приходили по временамъ. Иногда послы пріѣзжали судить князей. «Наконецъ послы же ханскіе иногда *возводили русскихъ князей на престолъ* при помощи приводимыхъ ими войскъ; такъ въ 1317 году для возведенія Юрія Даниловича на Владимирскій престолъ пришли съ нимъ изъ Орды сильные ханскіе послы Кавгадый, Астрабыла и Острева». Александра Невскаго посадили на Владимирскій великокняжескій престолъ такъ: преосвященный Кириллъ встрѣтилъ его со крестомъ, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимирѣ, на столъ отца его, съ *пожалованіемъ царевымъ* (ханскимъ). Великій князь Василій Дмитріевичъ былъ посаженъ на столъ *посломъ* Тохтамышевымъ. Суровыя татарскія наказанія могли оказать, по всей вѣроятности, нѣкоторое вліяніе на нашъ Судебникъ, въ которомъ мы находимъ систему наказаній, неизвѣстную Русской Правдѣ. Широкое примѣненіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній является въ извѣстной степени результатомъ монгольскаго ига, если не прямымъ, то косвеннымъ, стоящимъ въ связи съ усиленіемъ вообще жестокости въ обществѣ. Наконецъ монголо-та-

тарское иго отразилось и въ сферѣ экономическихъ отношеній— въ даняхъ и поборахъ. Уже Батый пытался обложить населеніе поголовною данью. Извѣстіе Плано-Карпини о поголовной дани, наложенной Батыемъ, подтверждаетъ и Воскресенская лѣтопись: послѣ взятія Кіева, татары сосчитали уцѣлѣвшихъ жителей и стали взимать съ нихъ дань. Но первая общая поголовная перепись русскаго населенія относится ко времени брата Батыева Беркая, къ 1257 году; отъ нея не могли уже теперь уклониться и свободолюбивые новгородцы, до тѣхъ поръ не испытавшіе татарскаго нашествія. Отъ дани освобождено было только православное духовенство. Для исправнаго сбора подати и содержанія народа въ уздѣ, монголы тогда уже учредили полицію: *поставиша десятники и тысящники и темники*. Всѣми этими чиновниками повелѣвали баскаки; во Владимирѣ проживалъ великій баскакъ. Страшны были и послы ордынскіе, являвшіеся въ исключительныхъ случаяхъ. Черезъ 18 лѣтъ (въ 1275 г.) сдѣлана была новая перепись для увеличенія дани. Въ исторіи собиранія дани нужно различать три момента: 1) собираніе дани посредствомъ баскаковъ, 2) отдачу ея на откупъ восточнымъ купцамъ (бесерменамъ) и 3) собираніе ея самими князьями (московскими). Главная татарская дань, послѣ того какъ ее стали собирать сами князья, называлась *выходомъ*, который распредѣлялся между князьями въ извѣстной пропорціи. Съ волостей Дмитрія Донского шло выхода 1000 рублей — сумма, огромная для того времени. Сюда не входила чрезвычайная дань, которую князья брали со своихъ бояръ. Кромѣ того, нужно было давать татарамъ *ямъ*, т.-е. подводы татарскимъ чиновникамъ; нужно было содержать пословъ съ ихъ свитою, при поѣздкахъ въ Орду подносить подарки хану, женамъ его, вельможамъ и всѣмъ значительнымъ людямъ. Иногда приходилось одолжать деньги у бесерменскихъ купцовъ, проживавшихъ въ Ордѣ. Виды даней и работъ были многочисленны: царева пошлина (въ пользу хана), запросъ (добавочная дань въ пользу хана), ямъ (для почтовой гоньбы), кормы (содержаніе пословъ), поминки (принудительные подарки), подводы, поплужное (поземельная подать отъ плуга) и др. Сборщиками податей были даньщики. Чиновники, производившіе перепись, назывались численниками или писцами; сборщики мыта по дорогамъ и мостамъ назывались заставщиками. Затѣмъ извѣстны ловцы, сокольники, пардусники, лодейщики — ханскіе охотники, могшіе охотиться по всѣмъ лѣсамъ и рѣкамъ Русской земли, привлекать къ дѣлу и русскихъ охотниковъ, брать у нихъ орудія и даже иногда отнимать ловъ, выгонять на облаву цѣлыя русскія

селенія, которыя должны были давать кормъ и ханскимъ ловчимъ птицамъ. Дань обязаны были платить всѣ жители, кромѣ духовенства. Такимъ образомъ монголы-татары, несомнѣнно, повліяли на характеръ нашего финансоваго обложенія XIII—XV вв. Чрезвычайно печальныя экономическія послѣдствія для населенія имѣли также татарскія нашествія, отъ которыхъ не спасла Руси покорность ея князей.

Что касается вліянія татаръ въ сферѣ чисто бытовыхъ отношеній — домашняго быта, нравовъ и обычаевъ, то оно, по нашему мнѣнію, не могло быть велико: стоя на болѣе низкой ступени культурнаго развитія, они и не могли оказать прямого вліянія на нашъ бытъ. Если и было какое-нибудь вліяніе, то только косвенное; другими словами, татарское иго задержало на нѣкоторое время культурное развитіе русскаго народа. Татары не жили сами въ предѣлахъ Россіи, а только внѣ ея. Если и бывали браки между русскими и татарами, то только въ исключительныхъ случаяхъ. Нельзя даже приписать татарскому вліянію затворничество московскихъ женщинъ, хотя бы уже потому, что женщина у татаръ пользовалась сравнительной свободой: на ея рукахъ была вся матеріальная забота о семьѣ, она появлялась съ открытымъ лицомъ даже предъ иностранцами. Во время торжественныхъ пріемовъ ханша сидѣла рядомъ съ ханомъ. Косвенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное, вліяніе татаръ выразилось въ задержкѣ нашей образованности и просвѣщенія: литература удѣльнаго періода нашей исторіи вмѣсто того, чтобы двинуться по пути усовершенствованія сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, регрессируетъ. Важное косвенное вліяніе оказали татары на наши нравы. До насъ дошелъ разсказъ отъ этого времени (Воскресенской лѣт. о двухъ князьяхъ: рыльскомъ Олегѣ и липецкомъ Святославѣ)—и изъ него мы убѣждаемся, насколько огрубѣли нравы въ княжеской средѣ. На фонѣ общаго безправія пышно расцвѣтало самоуправство баскаковъ и на этой же почвѣ появлялись князья, строившіе свое благополучіе на угодничествѣ и искательствѣ передъ ханомъ. Сознаніе общности своихъ интересовъ съ другими князьями, съ землею отошло на второй планъ, стушевалось передъ низкими, эгоистическими стремленіями.

Внутреннія измѣненія въ Золотой Ордѣ. На огромномъ степномъ пространствѣ, истинномъ раздольѣ неприхотливаго кочевника, которому душно въ тѣсныхъ городахъ, расположились татары. Границы кочевого государства не поддаются такому точному опредѣленію, какъ осѣдлаго; извѣстенъ также обычай, свойственный кочевымъ народамъ, окружать свои поселенія со всѣхъ

сторонъ пустыми незаселенными мѣстами. Золотоордынская или Кипчакская держава заключала въ себѣ расположенныя по берегамъ рѣкъ Волги и Дона степи; татарскія орды кочевали и на Крымскомъ полуостровѣ. Административнымъ средоточіемъ Золотой Орды и ханской столицей былъ г. Сарай, находившійся на р. Ахтубѣ, рукавѣ нижней Волги. Населеніе въ Кипчакской державѣ отличалось подвижностью: оно не сидѣло на одномъ мѣстѣ, готовое каждую минуту сняться—какъ бы въ погонѣ за перемѣной впечатлѣній, за лучшей долей [1]. Но чистый кочевой бытъ съ теченіемъ времени сталъ разлагаться, постепенно терять свои характерныя черты,—словомъ, переходить въ осѣдлый. Въ изучаемый нами періодъ мы уже встрѣчаемъ этотъ процессъ, правда, еще на первыхъ стадіяхъ его развитія. Въ своихъ поселеніяхъ татары встрѣтили довольно много городовъ, славныхъ своею торговою дѣятельностью, и всѣ они были разрушены завоевателями. Но усложненіе государственной организаціи и административныя нужды заставили ихъ возродить городскую жизнь основаніемъ цѣлаго ряда городовъ. Назовемъ изъ нихъ слѣдующіе: Сарайчикъ при устьѣ Урала, Орна при устьѣ Дона, Бездежъ на рукавѣ Волги близъ теперешняго Енотаевска, Старый и Новый Крымъ близъ Кафы на Крымскомъ полуостровѣ и др. Города эти были построены, такъ сказать, наспѣхъ, носили на себѣ печать недодѣланности и бывали особенно многолюдны лишь зимою. Золотая Орда была расположена на пространствѣ, соединяющемъ Европу съ Азіей, гдѣ издревле проходилъ торговый путь, идущій изъ глубинъ Азіи къ берегамъ Волги. Торговля здѣсь процвѣтала задолго до появленія монголо-татаръ въ Кипчакскихъ степяхъ. Главнымъ торговымъ пунктомъ на Волгѣ былъ г. Булгаръ, столица бывшаго Булгарскаго царства. Татарское нашествіе на время пріостановило было торговую дѣятельность, но потомъ, когда военныя грозы смолкли, она возобновилась. На базары татарскихъ городовъ шли мѣха пушныхъ звѣрей изъ Руси, парча изъ Греціи, шелковыя ткани изъ Персіи, ковры, драгоцѣнные камни, — словомъ, произведенія восточной роскоши изъ Бухаріи, Кабула и даже Индіи. Татары получали выгоду отъ торговли благодаря сбору пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ; кромѣ того, они принимали непосредственное участіе въ торговлѣ: они поставляли на рынки въ огромномъ количествѣ скотъ и конскіе табуны, а также изъ предметовъ обраба-

---

1) Рубрукъ описываетъ подвижные обширные татарскіе дома, которые они ставили на повозки, влекомыя 22 быками и украшенныя матеріями и живописною росписью: у Батыя было 26 женъ и каждая имѣла такой домъ на колесахъ.

тывающей промышленности кожевенныя издѣлія. Несмотря на развитіе торговой дѣятельности и появленіе осѣдлости, пищею имъ служила баранина, но богатые получали просо и муку изъ своихъ помѣстьевъ, а бѣдные ихъ добывали въ обмѣнъ на барановъ и кожи. Богатые имѣли шелковыя съ золотомъ матеріи, хлопчатобумажныя ткани, изъ Руси мѣха для зимы, но все же татары оставались мало культурнымъ народомъ. Грамотность у нихъ почти совершенно отсутствовала. Грамотными по необходимости были чиновники, завѣдывавшіе письменными сношеніями съ другими народами. Грамотность поэтому носила чисто канцелярскій характеръ. Литературная дѣятельность совершенно отсутствовала даже въ то время, когда принятіе мусульманства сблизило ихъ съ ученостью Персіи и Аравіи, гдѣ кипѣла творческая работа человѣческой мысли. Сначала Кипчакская держава считалась удѣломъ безпредѣльной Великой Монголіи; ханъ Золотой Орды подчинялся верховнымъ распоряженіямъ великаго хана, жившаго въ Монголіи. Но съ теченіемъ времени эта зависимость ослабѣла. Зол. орду погубили смуты, вызванныя замѣщеніями ханскаго престола, и частыя междуцарствія. Главное зло заключалось въ томъ, что ханскій престолъ былъ избирательнымъ. Ханъ долженъ былъ происходить изъ владѣтельнаго рода Джучіева, хотя, въ особенности впослѣдствіи, бывали и отступленія отъ этого правила. Нерѣдко претенденты отдѣлывались отъ своихъ соперниковъ и даже законныхъ хановъ посредствомъ убійства. Во второй половинѣ XIV столѣтія въ Ордѣ начались страшныя междоусобія, наступилъ періодъ, называемый нашими лѣтописцами «великой замятней». Ханы по трупамъ своихъ предшественниковъ одни за другими вступали на престолъ. Знаменитѣйшими ханами Золотой Орды, которые твердо держали въ своихъ рукахъ бразды правленія, были — Батый, Узбекъ и Тохтамышъ. При нихъ въ Ордѣ царило внутреннее спокойствіе и престижъ татарской державы стоялъ высоко. При Узбекѣ Орда достигла высшей степени своего могущества. Ханъ крѣпко стоялъ на стражѣ интересовъ Золотой Орды и являлся грознымъ владыкой для подвластныхъ. Въ числѣ его женъ была дочь императора Андроника III. При немъ былъ принятъ исламъ. Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута, посѣтившій Орду около 1333 года, свидѣтельствуетъ о могуществѣ и славѣ хана и его державы. Узбекъ, по его словамъ, принадлежитъ къ числу семи великихъ царей свѣта. Ибнъ-Батута сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о ханѣ Узбекѣ и Золотой Ордѣ въ его время. Сарай былъ обширный и красивый городъ со множествомъ мечетей, въ которомъ

кромѣ монголовъ проживали ясы, черкесы, русскіе, византійцы: въ немъ было много купцовъ. Послѣднимъ великимъ ханомъ въ Ордѣ былъ Тохтамышъ: послѣ него на ханскомъ престолѣ не было ни одной замѣчательной личности, способной поднять падающее значеніе татарской державы. Ее не переставали раздирать внутреннія распри. Тохтамышъ возстановилъ единство Золотой Орды и поднялъ ея авторитетъ въ глазахъ сосѣдей. Но онъ возымѣлъ слишкомъ высокое мнѣніе о своемъ могуществѣ и, не соразмѣривъ своихъ силъ, вступилъ въ борьбу съ Тамерланомъ, величайшимъ истребителемъ человѣчества. Причиной войны послужило соперничество обоихъ хановъ, а поводомъ — захватъ Тамерланомъ Закаспійскихъ областей, принадлежавшихъ Кипчакскому царству. Въ два пріема сокрушилъ Желѣзный Хромецъ могущество Кипчакской державы: въ битвѣ въ приволжскихъ степяхъ въ 1392 году и спустя три года въ новой битвѣ на берегахъ р. Терека. Сарай былъ разграбленъ: въ руки побѣдителей досталась несмѣтная добыча. Самъ Тохтамышъ нашелъ себѣ убѣжище у литовскаго князя Витовта. Царствованія перечисленныхъ нами трехъ хановъ были своего рода оазисами среди постоянныхъ смутъ и междоусобій въ Ордѣ. Государственное начало падало. Наступила удобная пора для ловкихъ, беззастѣнчивыхъ личностей воспользоваться общимъ распадомъ и ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ Ордѣ выдвигаются временщики, которые безцеремонно распоряжаются ханскимъ престоломъ. Таковы были Мамай и хитрый мурза Эдигей, возвысившійся послѣ паденія Тохтамыша. Онъ по своему усмотрѣнію возводилъ на престолъ хановъ, а также и низводилъ ихъ. Всѣ эти явленія были грозными симптомами общественнаго разложенія и предвѣщали катастрофу. Послѣ Куликовской битвы, когда разсѣялась какъ дымъ слава непобѣдимости татаръ на военномъ полѣ, татары стали испытывать страхъ передъ могуществомъ сѣверовосточной Руси. Они предпочитаютъ теперь дѣлать внезапные набѣги, чтобы захватить врага врасплохъ. Отъ набѣговъ татарскихъ болѣе всего страдало Рязанское княжество, подверженное первымъ ударамъ вслѣдствіе своего географическаго положенія. Большинство этихъ набѣговъ предпринималось не по приказанію центральнаго правительства, а по инціативѣ авантюристовъ, татарскихъ князей, которые на свой рискъ и страхъ производили вторженія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти набѣги тяжело отражались на народномъ благосостояніи и являлись истиннымъ бичемъ для населенія. Намъ извѣстны два нашествія на Русь послѣ Куликовской битвы, которыя можно разсматривать какъ огромныя государственныя бѣдствія. Мы имѣемъ въ

виду нашествія Тохтамыша и Эдигея. Тохтамышъ, перейдя Оку, взялъ и сжегъ Серпуховъ и подошелъ въ 1381 г. къ Москвѣ, оставленной великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ; этотъ последній отправился собирать войско, но послѣ страшнаго напряженія силъ народа для Куликовской битвы сдѣлать это было нелегко. Въ столицѣ наступило смятеніе. Окрестное населеніе стекалось въ Москву подъ защиту ея Кремля, а богатые москвичи, наоборотъ, выѣжали изъ города, увозили семьи и все свое имущество. Татары сдѣлали нѣсколько приступовъ, которые, однако, были отбиты. Тогда они прибѣгли къ хитрости: заявили, что если жители пустятъ ихъ съ честью въ городъ, то они не сдѣлаютъ ему никакого вреда. Отворены были кремлевскія ворота, воевода и духовенство вынесли хану дары, а татары, по данному знаку, бросились на процессію и проникли въ беззащитный городъ и разграбили его. Татары разграбили тогда и пожгли Владимиръ, Звенигородъ, Можайскъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Боровскъ, Рузу и Переяславль Залѣсскій. Въ Москвѣ погребено было до 24000 человѣкъ, а многіе сгорѣли во время пожара или утонули. Вѣроятно, столько же было уведено въ плѣнъ.

Въ 1408 году Эдигей захотѣлъ повторить времена Тохтамыша и подошелъ къ Москвѣ, снова оставленной великимъ княземъ Василіемъ I. Отряды его разорили и разграбили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній и Городецъ. Плѣнныхъ брали тысячами, «такъ что, по словамъ русской лѣтописи, иногда одинъ татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ 40 плѣнныхъ, связанныхъ на свору, какъ псовъ». Москва, впрочемъ, на этотъ разъ не была взята. Эдигей взялъ съ нея только выкупъ и вернулся въ Орду, куда призвали его возникшіе въ ней безпорядки.

Распаденіе Золотой Орды—выдѣленіе Крымскаго и Казанскаго ханства. Смуты въ Золотой Ордѣ и паденіе государственной власти приводили къ распаденію ея на составныя части, каждая изъ которыхъ стремилась превратиться въ обособленное политическое тѣло. Еще въ XIII вѣкѣ татарская орда, кочевавшая между Дономъ и Волгой, отдѣлилась отъ Золотой во главѣ съ ханомъ Ногаемъ, почему и укоренилось за нею названіе Ногайской. Орда эта снова соединилась съ Золотою, но при всякомъ удобномъ случаѣ стремилась къ обособленію. Подобныя же стремленія обнаруживала и такъ называемая Синяя Орда, кочевавшая по Яику; средоточіемъ ея былъ г. Сарайчикъ. Около половины XV вѣка произошло обособленіе изъ состава Кипчакской державы Крымскаго и Казанскаго ханства. Крымъ сначала былъ простымъ улусомъ, т.-е. удѣломъ Золотой Орды, управляемымъ намѣстни-

ками золотоордынскаго хана. Крымскіе татары кочевали отдѣльными ордами, называвшимися по именамъ своихъ начальниковъ. Родоначальникомъ крымской династіи Гиреевъ былъ Ази-Гирей. Онъ происходилъ изъ рода Тохтамыша и жилъ въ Литвѣ. Съ помощью польско-литовскаго короля Казимира IV онъ въ 1446 году утвердился въ Крыму, сдѣлавшись первымъ ханомъ и основателемъ Крымскаго царства, независимаго отъ Золотой Орды. Данниками Крымскаго хана принуждены были себя признать и стѣсненныя имъ генуэзскія колоніи. Политическій строй Крымскаго ханства напоминалъ собою, конечно, золотоордынскій: здѣсь также ханская власть была ограничена родовой аристократіей. Крымскіе татары, какъ свидѣтельствуетъ венеціанецъ Барбаро (тридцатые годы XV столѣтія), занимались скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ (имѣли множество лошадей, барановъ, быковъ, верблюдовъ) и земледѣліемъ (сѣяли пшеницу и просо); ихъ станы напоминали города; важнѣйшею принадлежностью ихъ были базары: на свои арбы они ставили дома-палатки.

Основаніе Казанскаго царства относится къ 1445 году. Основателемъ его является Махмутекъ. Махмутекъ умертвилъ своего отца и брата, а затѣмъ появился въ древнемъ болгарскомъ городкѣ Казани на лѣвомъ берегу Волги. Энергичный ханъ собралъ вокругъ себя большую орду и расширилъ территорію. Образовалось Казанское царство, независимое отъ Золотой Орды, совпадающее съ предѣлами древняго Болгарскаго царства. Новое ханство съ самаго начала стало въ непріязненныя отношенія къ Москвѣ. Такимъ образомъ Золотая Орда, обезсиленная внутренними смутами и распавшаяся на отдѣльныя царства, лишилась прежняго могущества и перестала быть страшною для сосѣдей. Эти условія превратили татарское иго въ пустую фикцію и сдѣлали неизбѣжнымъ его паденіе.

Западные сосѣди. На Балтійскомъ побережьѣ обитали народцы литовскаго и чудскаго корня, исповѣдывавшіе языческую религію. Сюда явились нѣмецкіе проповѣдники, а вмѣстѣ съ ними и вооруженные рыцари — крестоносцы, чтобы силою обращать язычниковъ въ христіанство. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ Альбертъ Буксгевденъ основалъ знаменитый впослѣдствіи городъ Ригу и сдѣлалъ его своей резиденціей. Число вооруженныхъ рыцарей, стекавшихся подъ знамена епископа Альберта, все болѣе и болѣе увеличивалось, и вотъ Альбертъ рѣшился основать въ Балтійскомъ краѣ монашеско-рыцарскій орденъ по образцу тѣхъ, которые въ это время существовали въ Палестинѣ. Въ 1202 г. папа Иннокентій III утвердилъ статутъ этого новаго ордена, получившаго названіе меченосцевъ (gladiferi fratres militiae

Christi). Новые рыцари дали обѣтъ всю жизнь свою посвятить борьбѣ съ туземцами. Теперь назначенъ былъ и магистръ этого новаго Ливонскаго ордена, и завоеваніе Ливоніи, т.-е. Чудско-Литовскихъ народцевъ, здѣсь обитавшихъ, пошло еще успѣшнѣе, сопровождаясь насильственнымъ обращеніемъ ихъ въ католичество. Такое быстрое распространеніе нѣмецкаго владычества среди народцевъ, признававшихъ нѣкоторую зависимость отъ Руси, должно было повести, наконецъ, къ столкновеніямъ между рыцарями и русскими князьями, главнымъ образомъ, полоцкими. Но оно окончилось въ пользу нѣмцевъ. Во второй четверти XIII в. была покорена Эстонская Чудь, а вмѣстѣ съ нею Зимгола и Куроны, Ливонскій орденъ широко раскинулъ свои границы и дошелъ до владѣній уже сильныхъ своихъ сосѣдей—Руси и Литовцевъ. Въ это время новое государство должно было пережить кризисъ: противъ него со всѣхъ сторонъ ополчились разные враги. Вотъ въ виду всѣхъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ у магистра Ливонскаго ордена возникла мысль соединиться съ другимъ рыцарскимъ орденомъ — Тевтонскимъ владѣнія котораго находились на Балтійскомъ побережьѣ между Нѣманомъ и Вислой въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Польшей. Съ этимъ-то Тевтонскимъ орденомъ и соединился Ливонскій въ 1237 г., принявь и его уставъ. Благодаря этому соединенію могущество рыцарей еще болѣе возросло. Видное мѣсто въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Ливоніи, занялъ теперь городъ Рига, вскорѣ достигшій значительнаго торговаго развитія. Новое нѣмецкое государство стало играть потомъ видную роль въ судьбахъ Русской земли. Нѣмецкіе рыцари не ограничивали уже свою миссію покореніемъ язычниковъ, но мечтали о распространеніи своего владычества и въ русскихъ земляхъ. Въ 1224 году нѣмцы заняли Юрьевъ, послѣдній русскій городъ въ Чудской землѣ, и такимъ образомъ совершенно подчинили Эстонію своему вліянію. Новгородъ же лишился въ ней своего послѣдняго оплота. Въ княженіе Александра Невскаго произошло крупное столкновеніе германскаго и славянскаго міра. Послѣдній разрушилъ основанный нѣмцами г. Копорье, выгналъ ихъ изъ Пскова, а затѣмъ вступилъ въ Чудскую землю, желая встрѣтиться со врагомъ. Встрѣча произошла у Чудскаго озера, гдѣ въ 1242 году и имѣла мѣсто знаменитая битва, названная лѣтописцами Ледовымъ побоищемъ. Нѣмецкое и чудское войско потерпѣло страшное пораженіе. Вскорѣ былъ заключенъ миръ, по которому нѣмцы отказались отъ своихъ недавнихъ завоеваній. Кромѣ нѣмцевъ, Новгороду пришлось вступить въ столкновеніе и со шведами. Лѣтомъ 1240 года войско, состоявшее изъ шведовъ и финновъ,

подъ начальствомъ полководца Биргера, появилось на р. Невѣ, направляясь въ Новгородъ. Князь Александръ Ярославичъ немедленно выступилъ ему навстрѣчу. Здѣсь произошла кровопролитная битва, которая окончилась полнымъ пораженіемъ крестоноснаго войска (въ 1240 году). За свою славную побѣду Александръ получилъ названіе Невскаго. Тяжело было положеніе Руси въ политическомъ отношеніи въ удѣльную эпоху: ей приходилось вести борьбу на 2 фронта—и на западѣ, и на востокѣ—съ нѣмцами и татарами и быть въ подчиненіи у этихъ послѣднихъ.

Географическія свѣдѣнія о разныхъ народахъ. Завоеваніе Руси татарами отразилось и на географическихъ свѣдѣніяхъ ея въ отношеніи сосѣднихъ народовъ. Русскіе князья и народъ волей-неволей должны были познакомиться съ самыми отдаленными странами, составлявшими огромную имперію потомковъ Чингисовыхъ. Пляно Карпини видѣлъ въ Сибири за Байкаломъ въ Каракорумѣ русскаго князя Ярослава, русскихъ православныхъ священниковъ и русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Кузьму, сдѣлавшаго для хана тронъ изъ слоновой кости. Многіе русскіе князья въ томъ числѣ св. Александръ Невскій, а также епископы ѣздили въ Великую Монголію; пребывали тамъ и русскіе полки; въ 1269 г. была для православныхъ русскихъ учреждена въ Сараѣ сарайская епархія. Рубрукъ также видѣлъ много русскихъ у монголо-татаръ. Въ пограничныхъ съ татарами мѣстахъ находились въ XIV в. русскіе сторожа, хорошо знакомые съ топографіей степей. Грамота митрополита Алексѣя на Червленый яръ (1350 г.) свидѣтельствуетъ о русскихъ караулахъ по Хопру и Дону. Москва въ XIV столѣтіи хорошо знала сѣверныя земли до океана и Уральскихъ горъ. Замѣчательнымъ географическимъ памятникомъ этой эпохи является хожденіе митрополита Пимена въ Царьградъ (1389 г.), гдѣ описывается и путь въ предѣлахъ Россіи, и Константинополь, и даже Палестина. Интересно описаніе путешествія по р. Дону. «*Бысть же сіе путное шествіе печально и унылниво, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію жъ пусто жъ все и ненаселено; нигдѣ бо видѣти человѣка-точію пустыня велія и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы—орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая; и бяше вся пустыни великія*». Нѣсколько далѣе путниковъ встрѣтилъ Елецкій князь Юрій съ дружиною. За городищемъ Серклѣей путешественники впервые увидѣли татаръ и вступили въ татарскую землю—«*ихъ же множество оба пола Донъ*

рѣки аки песокъ»... стада жъ татарскія видѣхомъ толико множество, якоже умъ превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Здѣсь—яркая картина запустѣнія русской степной окраины въ связи съ монголо-татарскимъ владычествомъ. Отъ Азова путники плыли до Царьграда, гдѣ пришли къ нимъ на корабль проживавшіе тамъ русскіе люди. Описывается Константинополь и Софійскій храмъ. Почти одновременно съ Пименомъ были въ Царьградѣ дьякъ Александръ, явившійся туда по торговымъ дѣламъ и также сдѣлавшій описаніе его церквей. Новгородецъ Стефанъ путешествовалъ въ Святую землю въ 1350 году и оставилъ характерное описаніе Константинополя, гдѣ онъ встрѣтилъ своихъ земляковъ въ Студійскомъ монастырѣ, списывавшихъ книги. Глубокое изумленіе вызвали въ немъ статуя Юстиніана и другіе памятники искусства въ Царьградѣ: «*много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ, како бо толико лѣтъ камня того ничто не имѣть*». *Въ Царьградъ*, говоритъ онъ, *какъ въ дуброву войти и безъ добраго вождя невозможно ходить*». Отъ XV в. дошло до насъ описаніе путешествій Зосимы въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ (1420 г.). На возвратномъ пути онъ былъ на островѣ Родосѣ, гдѣ видѣлъ крестоносцевъ. Записки Суздальскаго монаха Симеона, сопровождавшаго митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ, рисуютъ намъ наивное удивленіе русскаго путника передъ западно-европейскою культурою. «*Городъ Любекъ*, пишетъ онъ, *очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, палаты чудныя съ позолочеными верхами, товара въ немъ много всякаго*». Въ Люнебургѣ Симеона поразили фонтаны въ видѣ статуй: «*истекаютъ отъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у иного изъ устъ, а у иного изъ уха, а у иного изъ ока, а у иного изъ ноздрiи и такимъ образомъ питается водою весь городъ*».

19-я глава. Государственное устройство и законодательство.

Общій характеръ княжеской власти. Духовныя завѣщанія князей. Взаимныя отношенія князей по договорнымъ грамотамъ. Характеръ княжескаго хозяйства. Княжеская власть. Боярская Дума. Центральное управленіе. Областное управленіе. Законодательство.

Литература вопроса. Источники: грамоты въ Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ, I, въ Актахъ Археогр. Экспед. I, въ изданіи Клочкова „Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Подъ ред. Бахрушина“; Новгородская и Псковская судныя грамоты въ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вып. I. Пособія: *Бахрушинъ.* Княжеское хозяйство въ XV и 1-й пол. XVI в. (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909 г.); *В. О. Ключевскій.* Боярская Дума въ древней Руси; *его же.* Курсъ русской исторіи, ч. 1-я; *Экземплярскій.* Великіе и удѣльные князья

сѣверной Руси въ татарскій періодъ, т. 1-й, 1889 г., т. 2-й, 1891 г.; *Дьяконовъ* Власть московскихъ государей. СПБ. 1889; *Ө. Устряловъ.* Изслѣдованіе Псковской судной грамоты 1467 г., СПБ., 1855 г.; *Энгельманъ* Систем. изл. гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ, СПБ. 1855 г.; *Н. Н. Загоскинъ.* Уставныя грамоты XIV—XVI в.в., 2 вып., Каз. 1875—1876 г.г.; *Дювернуа.* Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869 г.; *Мейчикъ.* Грамоты XIV и XV вв. Моск. Архива Мин. Юст. М. 1883 г.; *Бѣляевъ.* Лекціи по исторіи рус. законод. М 1879 г.; *Десницкій.* Древне-русскія междукняжескія отношенія по договорамъ (Историч. Обозр., IV, стр. 31—70); см. также указанныя въ библіографіи къ 16-й главѣ сочиненія *Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева,* а также 4-й томъ „Исторіи Россіи" послѣдняго, въ которомъ 3-я глава посвящена обзору внутренняго состоянія рус. общ. съ 1228 по 1462 годъ.

Общій характеръ княжеской власти. Сообразно перемѣнѣ общественнаго уклада измѣнился и характеръ князей. На сѣверо-востокѣ, въ удѣльный періодъ, мы не видимъ уже князя-кочевника, который смотритъ на свое княжество, какъ на временную остановку въ пути по направленію къ златому столу Кіевскому. Удѣльный князь всѣми мѣрами стремился увеличить, округлить свой удѣлъ, что-нибудь «примыслить» къ нему, чтобы передать княжество дѣтямъ въ большихъ размѣрахъ. Свой удѣлъ онъ по личной волѣ, по духовному завѣщанію передаетъ наслѣдникамъ. Но удѣлы, по мѣрѣ размноженія членовъ рода, постепенно мельчаютъ. Типичнымъ примѣромъ измельчанія удѣловъ можетъ служить Заозерское княжество на берегу Кубенскаго озера, состоявшее изъ княжескаго дворца, церкви и одного села. Благодаря дробленію удѣловъ, князья съ каждымъ поколѣніемъ теряли матеріальный достатокъ, а вмѣстѣ съ нимъ вѣсъ и значеніе въ обществѣ, погружаясь въ тину мелкихъ будничныхъ интересовъ. Прежнее молодечество князей, жажда военной славы исчезли. Въ княжеской средѣ царитъ взаимное отчужденіе. Забыты тѣ высшія государственныя и національныя цѣли, которыми, несмотря на усобицы, все же были проникнуты князья приднѣпровской Руси. Теперь единственной заботой князя является желаніе прожить безбѣдно въ своемъ маленькомъ уголкѣ вдали отъ шумнаго свѣта. На первый планъ выступаютъ хозяйственныя заботы, которымъ мало удѣляли вниманія князья областнаго періода.

Духовныя завѣщанія князей. Отъ удѣльнаго періода до насъ дошла полная серія духовныхъ завѣщаній князей московскихъ и нѣсколько завѣщаній удѣльныхъ князей; всѣ онѣ рисуютъ одинъ и тотъ же порядокъ наслѣдованія. Для иллюстраціи приведемъ содержаніе духовнаго завѣщанія Ивана Калиты, составленное имъ передъ отправленіемъ въ Орду въ 1328 г. Въ общее владѣніе

женѣ и дѣтямъ дается отчина Москва, всѣмъ сыновьямъ каждому въ отдѣльности и княгинѣ «съ меншими дѣтми» назначаются города съ волостями и селами. Земельныя распредѣленія перемѣшаны съ раздачею домашней рухляди: ожерелій, поясовъ, блюдъ и одежды. Старшему сыну своему Семеону отецъ поручаетъ *«братью молодшую и княгиню съ меньшими дѣтми»*. Государственные доходы распредѣляются между наслѣдниками: княгиня по этой грамотѣ получаетъ, напр., «осмничее» изъ городскихъ волостей, тамгу и мыта получаютъ сыновья. Въ духовной мы находимъ указаніе и на то, какъ поступать, если татары отнимутъ часть владѣній: нужно было снова дѣлиться. Духовная оканчивается подписями свидѣтелей и угрозой: *«А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ»*. Въ другой духовной Калита дѣлитъ между дѣтьми и купленныя имъ села. Князь Дмитрій Донской въ своей духовной, написанной въ 1389 г., сдѣлалъ такія распоряженія: отчину свою Москву онъ завѣщаетъ четыремъ своимъ сыновьямъ, но не всю, а только $^2/_3$ ея, такъ какъ $^1/_3$ принадлежитъ двоюродному брату Владиміру Андреевичу на основаніи духовнаго завѣщанія князя Ивана Ивановича. Въ сравненіи съ завѣщаніемъ Калиты тутъ мы видимъ отличіе: въ первомъ дѣлились между братьями доходы Москвы, во второмъ мы имѣемъ уже дѣйствительное владѣніе. Въ этомъ же завѣщаніи мы впервые видимъ ясно выраженной другую новеллу, сыгравшую существенную роль въ дѣлѣ созданія политической власти московскаго великаго князя. Мы разумѣемъ здѣсь прибавку *на старѣйшій путь*, т.-е. увеличеніе доли владѣнія старшаго сына въ сравненіи съ другими братьями. Уже въ первой духовной грамотѣ Калиты было замѣтно стремленіе выдѣлить положеніе старшаго сына предоставленіемъ ему большей части въ наслѣдствѣ. Въ духовной Дмитрія Донского старшій сынъ получилъ такую же часть Москвы, какъ всѣ его братья вмѣстѣ. На матеріальное преобладаніе старшаго сына указываетъ и то количество дани, которое онъ долженъ былъ платить со своего удѣла въ Орду: на каждую тысячу рублей старшій братъ платилъ 342 р., слѣдующій за нимъ—272 р. и т. д., а младшій даже 10 р. Само великое княженіе становится объектомъ личной воли завѣщателя. *«А се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною великимъ княженьемъ»*, читаемъ мы въ грамотѣ. Находимъ мы въ грамотѣ и обычныя нравоученія дѣтямъ о согласіи и послушаніи матери. Какъ и въ другихъ грамотахъ, здѣсь чередуются волости съ хозяйственными статьями и домашней рухлядью: тутъ мы встрѣчаемъ *«поясъ золотъ новый, чепь золота, два ковша золоты»* и т. д. Духовныя грамоты послѣ-

дующихъ великихъ князей московскихъ не представляютъ по своему содержанію отступленій отъ духовной Дмитрія Донского: надбавка на старѣйшій путь все возрастаетъ, и значеніе старшаго князя, великое княженіе является неотъемлемою принадлежностью старшаго наслѣдника. Главнымъ принципомъ, на основаніи котораго происходитъ наслѣдованіе движимаго и недвижимаго имущества, является личная воля завѣщателя. Но все же постепенно въ духовныхъ завѣщаніяхъ выработался рядъ обычныхъ правилъ, въ которыя выливалась его воля. Эти руководящія правила таковы: городъ Москва составляетъ общее владѣніе всѣхъ наслѣдниковъ, и каждый изъ нихъ получаетъ въ ней извѣстный участокъ; со времени Дмитрія Донского старшій сынъ получаетъ надбавку на старѣйшій путь. Наслѣдники получали свою долю, опредѣляемую волей завѣщателя, во всѣхъ разрядахъ, на которые князья дѣлили свои владѣнія: 1) въ городѣ Москвѣ, 2) въ дворцовыхъ селахъ — какъ въ подмосковныхъ, такъ и въ другихъ удѣлахъ, 3) въ старинныхъ московскихъ владѣніяхъ и 4) позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ. Размѣръ доли наслѣдниковъ въ каждомъ изъ указанныхъ разрядовъ всецѣло зависѣлъ отъ произвола завѣщателя. Забота завѣщателей предоставить владѣнія наслѣдникамъ во всѣхъ разрядахъ вела къ чрезвычайной черезполосицѣ ихъ. Характерной чертой порядка наслѣдованія, господствующаго на сѣверо-востокѣ, является еще участіе въ немъ княжескихъ женъ. Уже Калита далъ своей женѣ нѣсколько волостей въ пожизненное владѣніе. Семенъ Ивановичъ предоставилъ своей супругѣ удѣлъ на правахъ полной собственности. Иванъ Красный даетъ своей женѣ одни владѣнія въ пожизненное владѣніе, другія—въ полную собственность. Такой же порядокъ находимъ и въ духовной Дмитрія Донского. Земли, предоставленныя вдовѣ-княгинѣ въ полную собственность, въ духовной Василія Дмитріевича носятъ названіе опричины. Такимъ образомъ, владѣнія княгинь по завѣщанію дѣлятся на «прожитки»—пожизненныя и «опричины»—потомственныя. Въ духовныхъ грамотахъ частноправныя понятія не цѣликомъ поглотили государственныя; князья понимали разницу между землями, которыя принадлежали имъ на правахъ полной собственности, какъ хозяевамъ, и тѣми, которыми они владѣли по государственному праву, какъ представители верховной власти. Поэтому въ духовныхъ грамотахъ и проводится различіе между волостями и селами.

Взаимныя отношенія князей по договорнымъ грамотамъ. Важнымъ источникомъ для изученія взаимныхъ отношеній между князьями удѣльнаго періода служатъ договорныя грамоты. Договорныя

грамоты заключались между великими князьями, удѣльными и, наконецъ, великими и удѣльными. Собственно говоря, двѣ первыя рубрики можно свести въ одну, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ договаривающіяся стороны являются лицами равными между собою по своему достоинству. Знакомясь съ содержаніемъ договорныхъ грамотъ, мы отмѣчаемъ въ нихъ —а) общія черты, свойственныя всѣмъ грамотамъ, и б) индивидуальныя. Почти во всѣхъ договорныхъ грамотахъ отношенія между князьями обозначаются, какъ родственныя съ точнымъ опредѣленіемъ степени родства, при чемъ иногда эти степени соотвѣтствуютъ и реальному физическому родству договаривающихся сторонъ. Родные братья московскаго князя Семена Ивановича обязуются «*брата своего старѣйшаго имѣти и чтити во отцево мѣсто*». Въ договорѣ Дмитрія Донского съ его двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ читаемъ: «*имѣти ми брата своего старѣйшаго князя великаго Дмитрия въ отця мѣсто..., а мнѣ князю великому тобе брата своего держати въ братствѣ, безъ обиды во всемъ*». Если договоръ заключало нѣсколько лицъ, то отношенія другъ къ другу каждаго изъ нихъ опредѣлялись въ отдѣльности. Отношенія Владимира Андреевича съ дѣтьми къ Дмитрію Донскому съ дѣтьми опредѣляются такъ: «*быти ны за одинъ и имѣти ему* (Владимиру Андреевичу) *мене отцемъ, а сына моего князя Василія братомъ старѣйшимъ, а князя Юрья братомъ, а дѣти мои меньшии братьею молодшею*». Изъ того, что эти отношенія весьма точно опредѣлялись въ договорныхъ грамотахъ, видно, какое важное значеніе имъ придавали. Они зависѣли не только отъ родственнаго старшинства, но и фактическаго могущества того или иного князя. Выраженія, опредѣляющія степень родства, указываютъ не на постоянныя владѣльческія или государственныя отношенія въ смыслѣ подчиненія одной стороны другой, а лишь на извѣстное почетное мѣсто, занимаемое княземъ въ ряду другихъ князей. Въ договорахъ великихъ князей съ великими и удѣльныхъ съ удѣльными говорится только о братскихъ отношеніяхъ въ виду политической равноправности обѣихъ сторонъ, но великому князю московскому оказывается предпочтеніе: онъ называется вездѣ братомъ старѣйшимъ. Всѣ договорныя грамоты потверждаютъ, что каждый князь является независимымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ, его хозяйственно-государственныя права неприкосновенны. Этотъ принципъ выражается стереотипной фразой: «*тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина*». Князья обязуются «*не обидети, ни вступатися никоторою хитростью*» въ отчины другъ друга. «*А въ удѣлъ ти въ мой*,—чита-

емъ мы въ договорной грамотѣ Боровскаго князя Василія съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ,—*своихъ даньщиковъ не всылати, ни приставовъ своихъ не всылати, ни грамотъ ти не давати, ни закладней, ни оброчниковъ не держати: а селъ ти въ моемъ удѣлѣ не купити, ни твоей братьѣ, ни вашимъ бояромъ безъ моего вѣданья»*. Такою же самостоятельностью пользовались въ своихъ владѣніяхъ и княгини. Возникалъ вопросъ объ юридическомъ положеніи владѣній, находящихся въ одномъ удѣлѣ и въ то же время составляющихъ частную собственность другого удѣльнаго князя. Обычно вопросъ этотъ разрѣшался такимъ образомъ, что эти села должны были *«судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ»*, т.-е. они платили дань и были подсудны мѣстному территоріальному владѣльцу, а не своему собственнику. Впрочемъ, бывали и исключенія изъ этого правила въ пользу частнаго собственника: иногда только дань шла въ казну территоріальнаго владѣльца, а судъ принадлежалъ собственнику, иногда и финансовое управленіе и юрисдикція были въ рукахъ частнаго владѣльца. Разъ договорныя грамоты санкціонировали заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза, то обязательства носили взаимный характеръ, безразлично, идетъ ли рѣчь о договорахъ князей равныхъ по своему значенію или нѣтъ: *«тобѣ, господине князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ»*. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ, однимъ изъ наиболѣе зависимыхъ князей великаго князя московскаго, также сказано: *«а тобѣ брату моему молодшему безъ мене не доканчивати... такоже и мнѣ безъ тобе»*. Иногда великій князь обязываетъ удѣльнаго держать подъ нимъ *«княженіе великое честно и грозно»*. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ говорится: *«а тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по здорову, какъ будетъ мнѣ слично и тобѣ... а мнѣ тобе кормити по твоей службѣ»*. Однако это несомнѣнное подчиненіе не носило постояннаго характера, а лишь временный. Въ договорныхъ грамотахъ разработаны тщательно условія, когда князья должны помогать другъ другу. *«А гдѣ ми будетъ всѣсти на конь*,—говоритъ великій князь Семеонъ въ договорѣ съ родными братьями,—*всѣсти вы со мною; а гдѣ ми будетъ самому не всѣсти, а будетъ ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья»*. Въ договорѣ Боровского князя Василія съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ II находимъ такое условіе: *«А гдѣ, господине князь велики, самому тобѣ всѣсти на конь противу своего недруга, и мнѣ пойти съ тобою безъ ослушанья; а гдѣ пошлешь на свою службу своихъ воеводъ, и мнѣ по-*

слати съ твоими воеводами своего воеводу съ своими людми. Внесеніемъ такого условія въ договорную грамоту удѣльные князья стараются сохранить самостоятельность. Но во многихъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими стоитъ выраженіе: «*всѣсти на конь безъ ослушанья*». Отношенія между князьями въ конечномъ счетѣ зависѣли отъ реальнаго соотношенія силъ обѣихъ сторонъ; часто случалось, что съ каждымъ поколѣніемъ мѣнялись и взаимныя отношенія. Поддерживая съ Ордой дружественныя отношенія, стремясь заслужить у хановъ великія и богатыя милости, великіе князья старались сдѣлать своей монополіей право сноситься съ Ордою, прекратить удѣльнымъ князьямъ доступъ къ ханскому дворцу; поэтому въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными стоитъ фраза: «*а Орда знати тобѣ великому князю, а мнѣ Орды не знати*». Договорныя грамоты поставлены подъ охрану религіи; онѣ начинаются словами: «*Божьею милостью и пречистое его Богоматери*» или «*по благословенію отца нашего митрополита*»; оканчиваются они словами: «*а на семъ на всемъ целуй къ намъ крестъ по любви въ правду*». Но право, въ концѣ-концовъ, зависѣло отъ матеріальной силы, какъ это всегда наблюдается въ такомъ обществѣ, гдѣ правовое сознаніе находится въ зачаточномъ состояніи. Въ развитіи княжескихъ отношеній удѣльной Руси, безъ сомнѣнія, долженъ былъ наступить такой моментъ, когда правовыя нормы договорныхъ грамотъ перестали соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей, когда жизненная практика опередила и далеко оставила за собою нормы договоровъ. Грамоты, такимъ образомъ, могли говорить о равноправіи тогда, когда въ дѣйствительности существовали уже служебныя отношенія. Такой переворотъ въ отношеніяхъ между великими и удѣльными князьями наступилъ, конечно, не сразу, не одновременно на всемъ пространствѣ сѣверо-восточной Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что между независимостью и подчиненіемъ существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней. Но при всемъ томъ удѣльные князья, переходя въ разрядъ служебныхъ, теряя свою независимость, продолжали оставаться полными владѣльцами своего удѣла. Процессъ превращенія удѣльныхъ князей въ служебныхъ въ концѣ удѣльнаго періода протекалъ ускореннымъ темпомъ. Но служебный князь былъ по отношенію къ населенію своего удѣла государемъ-вотчинникомъ. Говоря о князьяхъ удѣльнаго періода, необходимо всегда строго отличать князей великихъ отъ удѣльныхъ. Настоящими князьями вотчинниками, замкнутыми въ своихъ мелкихъ хозяйственныхъ интересахъ, были именно удѣльные. Великіе князья въ силу своего положенія не могли довольствоваться рамками своего

княжества и одними хозяйственными заботами; они преслѣдовали болѣе широкія цѣли государственнаго характера, они стремились подчинить удѣльныхъ князей и объединить, такимъ образомъ, подъ своею властью всѣ мелкія княжества. Поэтому всѣ великіе князья—тверскіе, рязанскіе и московскіе—придерживались одинаковой агрессивной политики по отношенію къ удѣльнымъ.

Характеръ княжескаго хозяйства. Резиденція князя является не только административнымъ центромъ княжества, но и центромъ обширнаго княжескаго хозяйства. Княжескіе дворцы или дворы находились не только въ главныхъ городахъ, но и въ «уѣздахъ», состоявшихъ изъ села съ тянувшими къ нему деревнями, куда сходились нити хозяйственной и административной жизни. Князья занимались земледѣліемъ, которое играло первенствующую роль въ промышленности сѣверо-восточной Руси, въ меньшей степени — садоводствомъ, скотоводствомъ; отъ вниманія князей не ускользали и природныя богатства: они въ широкихъ размѣрахъ эксплуатировали пчелиныя борти, соляныя, охотничьи и рыбныя угодія. Хозяйство составляло обособленный экономическій организмъ. Добываемые продукты шли на содержаніе княжескаго двора или жертвовались монастырямъ и церквамъ, изрѣдка только поступали въ продажу. Княжескіе погреба и кладовыя были переполнены различными сельско-хозяйственными продуктами, а князья не имѣли денегъ для пріобрѣтенія предметовъ роскоши и оружія и принуждены были прибѣгать къ займамъ. Для княжескаго хозяйства создались, такимъ образомъ, тяжелыя условія, которыя въ концѣ XV в. разразились острымъ кризисомъ. Великій князь московскій, владѣя важнѣйшими торговыми путями и собирая Ордынскую дань, не боялся кризиса, такъ какъ онъ былъ не только крупнымъ землевладѣльцемъ, но и денежнымъ человѣкомъ. Другіе удѣльные князья, беря извѣстныя суммы взаймы у великаго князя московскаго, не только сами попадали отъ него въ экономическую зависимость, но тѣмъ самымъ давали ему возможность захватить въ свои руки и ихъ вотчины. Такимъ образомъ, перемѣны въ хозяйственномъ укладѣ сѣверо-востока послужили на пользу великому княжеству Московскому, ускоривъ его возвышеніе.

Княжеское управленіе. Кругъ дѣятельности князя, вѣдомство княжеской власти было такое же, какъ и въ областной періодъ. Но князь уже не ѣздитъ на полюдье и поручаетъ сборъ дани подчиненнымъ органамъ. Къ княжескому суду могъ обратиться всякій по своему усмотрѣнію даже въ первой инстанціи. Назначеніе должностныхъ лицъ, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ

также входитъ въ княжескую компетенцію; но эти вопросы онъ обсуждалъ иногда съ боярами. Особенностью политическаго строя удѣльной Руси является паденіе *вѣча*, которое, впрочемъ, сохранилось въ Новгородѣ и Псковѣ. Характерно также, что еще въ XV в. въ 1440 г. черные люди въ Смоленскѣ—кузнецы, кожемяки, мясники, котельники — вооружились, зазвонили въ вѣчевой колоколъ и изгнали литовскаго намѣстника. Но это была уже послѣдняя вспышка былой вольности. Изъ областного періода въ удѣльный въ цѣлости и сохранности перешелъ исконный органъ управленія — *боярская дума*.

Боярская дума. Не было такого князя, который не имѣлъ бы боярской думы. Дѣятельность князя и думы тѣсно слиты. Какъ ни возросла княжеская власть, благодаря паденію вѣча, все же она не могла обойтись безъ поддержки думы. Составъ думы и въ удѣльное время оставался прежнимъ: она состояла изъ бояръ. Несомнѣнно, что боярская дума не можетъ называться учрежденіемъ въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ она не имѣла постояннаго состава, quorum'а, опредѣленнаго вѣдомства и указанной закономъ компетенціи. Число членовъ ея колебалось въ предѣлахъ отъ 2-хъ до 8 въ зависимости отъ важности дѣлъ. Кромѣ бояръ, въ думѣ въ важныхъ случаяхъ по приглашенію князя принимало участіе и мѣстное высшее духовенство, какъ это имѣло мѣсто и въ областной періодъ. Когда въ дворцовомъ управленіи намѣтился рядъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, произошли перемѣны и въ думѣ. Теперь для рѣшенія дѣла, которое выходило за предѣлы компетенціи какого-либо центральнаго вѣдомства, назначалось засѣданіе боярской думы, состоявшее изъ представителей заинтересованнаго вѣдомства, а иногда и другихъ недолжностныхъ бояръ по усмотрѣнію князя. Въ великомъ княжествѣ Московскомъ боярская дума подверглась дальнѣйшему развитію: она стала болѣе замкнутымъ учрежденіемъ, въ которомъ большую роль играли областные правители, занимавшіе въ то же время должности и въ дворцовомъ управленіи. «Дума была тамъ, по словамъ ея авторитетнаго историка, высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ мѣстомъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю». Одно и то же дѣло князь могъ рѣшить самъ, или вмѣстѣ съ боярами, или, наконецъ, предоставить его на рѣшеніе одной боярской думы. Онъ имѣлъ право обходиться безъ содѣйствія думы въ дѣлахъ управленія. Но подъ вліяніемъ реальныхъ условій действительности, князья прибѣгали къ содѣйствію думы. Достаточно вспо-

мнить то высокое положеніе, которое занимали въ обществѣ удѣльной Руси бояре и зависимость отъ нихъ князей, въ особенности въ дѣлахъ войны и мира, чтобы понять прочность положенія боярской думы. Общественные слои, создавшіе думу, были еще сильны настолько, что княжеская власть не могла отъ нихъ совершенно эмансипироваться. Необходимость совѣщанія съ боярами ясно сознавалась князьями, какъ это ясно выражено въ завѣщаніи Дмитрія Донского.

Центральное управленіе. Центральное управленіе отличается неопредѣленностью и неорганизованностью; мы, собственно говоря, имѣемъ дѣло лишь съ зародышами учрежденій. Но все же въ области управленія былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ областнымъ періодомъ. Въ соотвѣтствіи съ 3 разрядами земель, мы находимъ въ удѣльный періодъ вѣдомство трехъ разрядовъ: дворцовое управленіе, администрацію намѣстниковъ и волостелей и привилегированныя вотчины частныхъ владѣльцевъ. Роль центральнаго управленія въ современномъ смыслѣ слова играло дворцовое. Оно вѣдало всѣмъ княжескимъ дворцовымъ хозяйствомъ и заботилось о повышеніи его доходности. Въ этомъ дворцовомъ вѣдомствѣ нужно различать два отдѣленія: дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, находившійся подъ управленіемъ дворецкаго, и вѣдомство дворцовыхъ путей. Слово «путь» въ древне-русскомъ языкѣ обозначаетъ выгоду, преимущество. Поэтому въ экономическомъ бытѣ подъ словомъ «путь» разумѣются различныя сельско-хозяйственныя угодья, приносящія доходъ. Волости были административными округами, а пути—учрежденіями, вѣдающими эксплуатаціею различныхъ сельско-хозяйственныхъ угодій. Уже во времена Ивана Калиты существовало три пути: сокольничій, конюшій и ловчій. Къ ловчему пути относились бобровники и псари, сокольничьему—сокольники и другіе служителя птичьей охоты, конюшему—лошади вмѣстѣ съ конюхами, а также и княжескіе луга. Кромѣ того, въ актахъ удѣльнаго времени встрѣчается указаніе еще на два пути: стольничій и чашничій. Къ первому относились дворцовые бортные лѣса, села и деревни, населенныя бортниками. Къ чашничему пути — дворцовыя рыбныя ловли, сады, огороды, люди, занятые на этихъ промыслахъ: рыболовы, садовники, огородники. Деревни и села, приписанныя къ «путямъ», не были расположены сплошной непрерывной полосою; наоборотъ, они были разбросаны въ различныхъ частяхъ удѣльной территоріи. Такимъ образомъ, въ удѣльномъ княжествѣ вперемѣшку слѣдовали села и деревни, находящіяся въ вѣдѣніи областного управленія, дворцоваго и приви-

легированныхъ владѣльцевъ—бояръ и слугъ вольныхъ монастырей. Пути переплетались не только съ областной администраціеи, но и другъ съ другомъ, что вносило еще большую запутанность въ сложное удѣльное управленіе. «Путное» вѣдомство вѣдало приписанныхъ къ нему жителей не только въ административномъ, но и въ судебномъ отношеніи. Но душегубство и разбой съ поличнымъ входили въ компетенцію уѣздной администраціи. «Путное» вѣдомство завѣдывало эксплуатаціей промысловыхъ угодій на дворцовыхъ земляхъ; но каждый путь сообразно своей спеціальности собиралъ налоги въ свою пользу и съ черныхъ крестьянскихъ и владѣльческихъ земель. Каждый «путь» въ отдѣльности былъ самостоятельнымъ вѣдомствомъ и не находился въ подчиненіи у дворецкаго. Дворецкій вѣдалъ дворцовыя земли съ жившими на нихъ крестьянами и несвободными людьми, которые занимались земледѣліемъ, а не разработкой промысловыхъ угодій. Помощниками дворецкихъ въ селахъ были такъ называемые посельскіе (villicus), большею частью лица несвободнаго состоянія, а имъ, въ свою очередь, подчинялись старосты, находившіеся въ непосредственной близости къ сельскому населенію.

Областное управленіе. Областное управленіе пріобрѣло большую опредѣленность и обособленность отъ центральнаго управленія по сравненію съ областнымъ періодомъ, сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей, въ завѣдываніи которыхъ были такъ называемыя черныя земли. Въ удѣльный періодъ мѣсто «княжескихъ мужей» занимаютъ слуги вольные, которые получаютъ кормленіе не въ силу товарищескихъ дружинныхъ отношеній къ князю, а на основаніи договора. Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточной Руси кормленіе получаетъ характеръ служебный. Намѣстники сидѣли въ уѣздахъ съ тянувшими къ нимъ подгородными станами. Волостели сидѣли въ волостяхъ—болѣе мелкихъ округахъ, чѣмъ уѣзды. Прямые налоги собирались особыми лицами, такъ называемыми даньщиками. «Органы мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели... были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника». Заботы о матеріальныхъ благахъ, интересы кормленія оттѣсняли у нихъ на задній планъ нужды населенія, на помощь которымъ и должна была бы быть направлена ихъ правительственная забота. Намѣстники и волостели получали за свою службу «прибытокъ», половину котораго обыкновенно отдавали князю. Прибытокъ этотъ составлялся изъ намѣстничьяго корма, размѣры котораго стали подвергаться нормированію съ конца XIV вѣка; сюда входили также пошлины: торго-

выя, судебныя и свадебныя. Гораздо обширнѣе финансовой была судебная компетенція намѣстниковъ и волостелей. Какъ намѣстники, такъ и волостели судили жителей своихъ округовъ по всѣмъ преступленіямъ — гражданскимъ и уголовнымъ. Докладъ дѣла князю зависѣлъ отъ усмотрѣнія намѣстника или волостеля; точно такъ же тяжущіяся стороны могли сразу начать дѣло передъ княземъ, минуя областную администрацію. Дворцовыя земли, путныя поселенія и привилегированныя вотчины были изъяты изъ ихъ вѣдѣнія, кромѣ дѣлъ губныхъ, т.-е. о душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ. Намѣстники, волостели и ихъ помощники были подсудны самому князю. Кромѣ судебныхъ и финансовыхъ правъ, намѣстники имѣли въ своихъ рукахъ полицейскія и разрядныя дѣла, т.-е. снаряженіе людей на военную службу, а также починку дорогъ и мостовъ и казенныхъ строеній. Въ качествѣ помощниковъ ихъ являлись по судебнымъ дѣламъ тіуны, производившіе судъ и получавшіе съ населенія кормъ и пошлины, доводчики, на обязанности которыхъ лежало доставить отвѣтчиковъ на судъ, и праветчики, которые слѣдили за соблюденіемъ порядка во время судебнаго разбирательства и приводили въ исполненіе судебныя рѣшенія. За отправленіе своихъ обязанностей они получали съ населенія поборы: «хоженое», если порученіе было въ городѣ, и «ѣздъ», если внѣ его. По финансовымъ дѣламъ помощниками намѣстниковъ и волостелей были пошлинники, собиравшіе пошлины въ ихъ пользу, и пятенщики, собиравшіе спеціальную пошлину при продажѣ лошадей. Земскіе люди и въ удѣльный періодъ не были устранены отъ управленія: такъ называемые сотскіе или старосты, вообще добрые люди раскладывали и собирали всякаго рода подати; они же участвовали и въ судѣ, творимомъ намѣстниками и волостелями, хотя и въ качествѣ безгласныхъ свидѣтелей, но все же хранителей справедливости. Правительство, запрещало областнымъ правителямъ имѣть помощниковъ болѣе опредѣленнаго числа и устанавливало сроки и порядокъ разъѣздовъ этихъ лицъ по округу; оно было вынуждено не поощрять, а умѣрять пылъ служебнаго усердія своихъ мѣстныхъ агентовъ. Далѣе, въ XV вѣкѣ, постепенно сокращается судебная компетенція намѣстниковъ и волостелей и возрастаетъ значеніе въ судебномъ процессѣ «добрыхъ людей».

Законодательство и судъ. Руководствомъ для судей и въ удѣльный періодъ служилъ юридическій памятникъ древней Руси, извѣстный подъ именемъ Русской Правды въ ея пространной редакціи, но по мѣрѣ надобности этотъ сводъ пополнялся новыми статьями, носящими мѣстный характеръ. Эти законода-

тельные акты, называемые уставными или судными грамотами, издавались или княжеской властью, или вѣчевыми общинами, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Образцомъ мѣстныхъ грамотъ можетъ служить уставная Двинская грамота, данная великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ Двинской землѣ въ 1398 году, когда Заволочье признало надъ собою власть Москвы. Она представляетъ собою, собственно говоря, наказы великаго князя своимъ намѣстникамъ на Двинѣ относительно судоустройства и управленія. Эта грамота является въ то же время и льготной, такъ какъ жители Двинской земли должны были судиться или передъ великимъ княземъ, или дома его намѣстниками, но не въ другихъ областяхъ. Памятниками законодательства вѣчевыхъ общинъ удѣльной Руси являются Новгородская и Псковская судныя грамоты. Новгородская судная грамота относится къ 1471 году, когда вольный городъ доживалъ послѣдніе годы своей самостоятельности; несмотря на это въ ней отразилась новгородская пошлина, нашли свое выраженіе порядки древняго судопроизводства. Она утверждена вѣчемъ великаго Новгорода. Характерной чертой новгородскаго судопроизводства является привлеченіе къ нему общественнаго элемента въ такъ называемыя коллегіи докладчиковъ, засѣдавшія во владычныхъ палатахъ. Всѣхъ докладчиковъ было 12: по боярину и житьему отъ каждаго конца и еще 2 пристава. На основаніи доклада этихъ присяжныхъ судьи и постановляли свое рѣшеніе. Всякое дѣло, за исключеніемъ земельныхъ тяжбъ, должно было тянуться не больше мѣсяца, «а далѣ того дѣла не волочить» — опредѣляла грамота. Новгородская грамота заключаетъ въ себѣ преимущественно элементы уголовнаго права. Для объясненія этого достаточно вспомнить, что появилась она въ эпоху упадка великаго Новгорода, когда въ немъ процвѣтало самоуправство. Псковская судная грамота, представляющая собою наиболѣе законченный памятникъ, утверждена была вѣчемъ въ 1467 году. Какъ и въ Новгородѣ, судъ во Псковѣ производился совмѣстно посадникомъ и княземъ или заступающими ихъ лицами: посадника замѣняли сотскіе, волостели и т. д., князя—намѣстники и тіуны. Послухъ долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою или полемъ. Какъ и въ Русской Правдѣ, въ качествѣ наказанія за проступки служили денежныя пени. Смертная казнь назначалась за такія преступленія: татьба въ псковскомъ Кремлѣ, конокрадство, поджогъ, перевѣтъ, т.-е. государственная измѣна, и кража въ посадѣ, совершенная въ третій разъ. Псковская грамота старается разными условіями стѣснить ростовщиковъ при денежныхъ сдѣлкахъ. Она достаточно полно опредѣляетъ

отношенія съемщиковъ или арендаторовъ земель и угодій къ своему хозяину, устанавливая одинъ срокъ въ году, около 14 ноября, когда арендаторъ можетъ покинуть своего хозяина. Всѣ свободныя женщины пользовались правомъ наслѣдованія даже при наслѣдникахъ мужского пола. Разсмотрѣнные нами памятники законодательства свидѣтельствуютъ, что въ удѣльной Руси господствовали въ судопроизводствѣ порядки, завѣщанные ей областною Русью. Судъ совершался устно и гласно въ присутствіи «добрыхъ людей», представителей мѣстнаго общества. Для доказательства своей правоты стороны приводятъ свидѣтелей и принимаютъ присягу. Кромѣ того, въ употребленіи было «поле», т.-е. поединокъ. Псковская грамота стремится, впрочемъ, ограничить примѣненіе этого института: онъ допускается ею при земельныхъ спорахъ и въ дѣлахъ о закладѣ. Обычными наказаніями являются денежные штрафы, смертная казнь назначается лишь въ немногихъ случаяхъ. Намѣстники и волостели видѣли въ судѣ прежде всего фискальный интересъ и въ представленіи населенія судебное разбирательство было неразрывно связано съ цѣлымъ рядомъ денежныхъ поборовъ. Если возникало дѣло между лицами, подсудными двумъ различнымъ судьямъ, то составлялся такъ называемый смѣстный судъ изъ двухъ заинтересованныхъ судей.

20-я глава. Соціальный строй.

Обособленіе классовъ. Бояре и вольные слуги. Служилое землевладѣніе. Зарожденіе мѣстничества. Городское населеніе. Сельское свободное и несвободное населеніе.

Литература вопроса. Источники: грамоты удѣльнаго періода въ Собраніи Гос. грамотъ и договоровъ т. I, въ Актахъ археогр. эксп., въ Актахъ истор. и т. п.; списокъ съ грамоты мѣстныя о мѣстничествѣ—1380 г. прил. № 18 въ XX т. «Исторіи Россіи» *С. М. Соловьева*. Пособія: *Д. Я. Самоквасовъ*. Крѣпостное право древней Россіи по новооткрытымъ документамъ (предисловіе къ книгѣ «Архивный матеріалъ, новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учрежденій Моск. Царства». Томъ 2-й. М. 1909); *А. С. Лаппо-Данилевскій*. Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи (Крестьянскій строй, т. I, 1905); *Б. Чичеринъ*. Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. (Опыты по ист. русск. права, М. 1858); *Н. П. Павловъ-Сильванскій*. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. 2-е изд. (Сочиненія, т. 1-й, СПБ. 1909 г.); *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси. М. 1879; *Н. С. Тумасовъ*. Ист. юрид. быта рус. крестьянства. Крестьянство до конца XVI в. К. 1872 г.; *Хлѣбниковъ*. О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ; *Н. П. Загоскинъ* Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси. К. 1875; *Блюменфельдъ*. Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи, Од. 1884; *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи. т. 4-й; *Градовскій*. Уѣздъ Московскаго гос.; *Неволинъ*. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ (Зап. Рус. Геогр. Общ., VIII, 1853); *Д. И. Иловайскій*. Исторія Россіи, т. 2-й. XIV и XV в. М. 1884.

Обособленіе классовъ. Соціальный строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ отличается большей устойчивостью и опредѣленностью, чѣмъ въ областной періодъ нашей исторіи: сословныя группы пріобрѣтаютъ яснѣе выраженныя характерныя черты, раздѣльныя грани углубляются; всѣ эти измѣненія постепенно нарастаютъ и накопляются, подготовляя, такимъ образомъ, соціальную диференціацію эпохи Московскаго государства. Теперь уже съ достаточной ясностью опредѣляется взаимное отношеніе классовъ и ихъ значеніе въ государственной жизни. Политическое значеніе ихъ сильно понизилось по сравненію съ областной эпохой.

Бояре и вольные слуги. Узелъ тѣхъ соціальныхъ отношеній, который пришлось развязывать Московскому государству, былъ завязанъ еще въ удѣльную эпоху. На верху соціальной лѣстницы въ изучаемый нами періодъ стоятъ бояре и слуги вольные. Этотъ классъ, играющій доминирующую роль въ удѣльной Руси, развился изъ стараго дружиннаго. Но товарищескія отношенія князя съ дружиной, представлявшія гармоническій союзъ этихъ двухъ силъ, сильная нравственная связь между ними исчезаютъ вмѣстѣ съ паденіемъ дружиннаго уклада. Исчезаютъ и прежнія названія отроковъ, дѣтскихъ, гриди; остаются только изъ прежнихъ названія дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ сѣверо-восточной Руси мы видимъ осѣданіе на мѣстахъ князей, а также и дружинниковъ, которые являются сообразно общему характеру эпохи въ видѣ вотчинниковъ; прежнее различіе между дружинными и земскими боярами теряетъ свою силу, и оба слоя сливаются въ одинъ господствующій классъ. Теперь князья имѣютъ дѣло не съ цѣлой дружиной, связанной общими товарищескими интересами, а съ отдѣльными лицами, въ службѣ которыхъ они нуждаются. Несмотря на паденіе дружиннаго строя, въ службѣ бояръ и слугъ вольныхъ осталась одна черта минувшаго времени,—вольный, свободный характеръ службы. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ вплоть до конца удѣльнаго порядка и даже позже встрѣчается условіе, устанавливающее свободу службы: «*А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля*». Указаніе на свободу службы, встрѣчающееся въ договорныхъ грамотахъ, дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ выставить положеніе о чрезвычайной подвижности боярскаго класса. Но это мнѣніе не можетъ быть принято во всей полнотѣ: бояре становятся осѣдлыми такъ же, какъ и князья, занятіе сельскимъ хозяйствомъ выдвигается и у нихъ на первый планъ. Пользуясь правомъ вольной службы, они старались обезпечить за собой и право обладанія своими вотчинами при переходахъ отъ одного князя къ другому. Кромѣ того,

нужно замѣтить, что переходъ этотъ не носилъ характера переселенія, такъ какъ бояринъ могъ жить въ своей вотчинѣ и лишь въ случаѣ надобности являться на княжескій зовъ. По обычному праву, дѣйствующему въ удѣльные вѣка, бояре сохраняли за собой при переходахъ свои вотчины. На это важное право указываютъ и договорныя грамоты. «*А кто бояръ и слугъ отъѣдетъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ... въ ты села намъ и тобѣ не вступатися*». Въ другихъ договорахъ князья обязываются «*нелюбья не держати*» на отъѣхавшихъ бояръ. Бояре и слуги вольные служили до тѣхъ поръ, пока имъ было угодно: въ случаѣ неудовольствія они считали своимъ законнымъ правомъ разорвать условія договора и перейти къ другому князю. При этомъ ихъ поступокъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было приравнять къ измѣнѣ. Бояринъ, оставляющій своего князя безъ достаточныхъ основаній, былъ осуждаемъ общественнымъ мнѣніемъ. «*Аще кто отъ своего князя отъидетъ, а достойну честь пріемля отъ него, то подобенъ Июдѣ*», говорится въ одномъ поученіи XIV в. Оставляя службу у князя, бояре формально заявляли ему свой отказъ: «*Господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы*». Въ чемъ же заключались обязанности бояръ? По требованію князя подчиненные ему бояре должны были выступать въ походъ: «*А коли ми будетъ самому всѣсти на конь, а тобѣ со мною, или тя куды пошлю, и твои бояре съ тобою*». Бояринъ могъ жить въ удѣлѣ одного князя, а служить другому: «*А кто другому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ѣхать, кому служитъ*». Служебный договоръ сопровождался и въ удѣльной Руси извѣстными формальностями, которыя, по мнѣнію Н. П. Павлова-Сильванскаго, сближаютъ его съ вассальнымъ договоромъ въ феодальной Европѣ. Вступленіе въ службу въ нашихъ источникахъ носитъ техническое названіе «приказа». Позднѣе во второй половинѣ удѣльнаго періода кромѣ челобитья бояре и слуги вольные закрѣпляли свой договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, обѣщая князю вѣрную службу. Но и крестное цѣлованіе не гарантировало князьямъ вѣрной службы ихъ бояръ. Сильные князья, у которыхъ боярамъ жилось хорошо, въ этомъ отношеніи были, конечно, поставлены въ лучшія условія по сравненію съ мелкими князьями. Къ могущественнымъ князьямъ отовсюду стекались на службу бояре и слуги вольные. Бояре на основаніи договоровъ должны были выступать въ походъ съ княземъ или его воеводой, куда онъ прикажетъ. «*А городная осада* — дѣлается обыкновенно оговорка — *гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти*». Князь съ своей стороны давалъ боярамъ и слугамъ

вольнымъ обѣщаніе защищать ихъ всѣми зависящими отъ него средствами, надѣлялъ ихъ всѣми милостями и льготами. Естественно, что сознаніе собственныхъ выгодъ заставляло князей отличать среди всего населенія бояръ и слугъ вольныхъ и дѣлить съ ними труды по управленію княжествомъ. Мы уже видѣли, что высшій слой боярства помогалъ князю совѣтомъ, составляя боярскую думу. Бояре были намѣстниками и волостелями, т.-е. кормленщиками, занимали должности по центральному управленію и были начальниками такъ называемыхъ путей. Такимъ образомъ, значеніе боярства, въ особенности высшаго, въ удѣльный періодъ было чрезвычайно велико. Важной роли боярства не замалчивали и сами князья. Бояре введенные были довѣренными помощниками и совѣтниками князя, исполнявшими его различныя порученія: они обычно участвовали въ боярской думѣ, но не исключительно, ихъ можно было встрѣтить чаще всего въ должности начальниковъ дворцовыхъ путей и въ качествѣ другихъ дворцовыхъ чиновниковъ и, наконецъ, сравнительно рѣдко они бывали и областными управителями. Это были вообще лица, введенныя, такъ сказать, во дворецъ, посвященныя въ дѣла управленія, своего рода чиновники особыхъ порученій. Что касается путныхъ бояръ, то подъ ними разумѣются начальники путей и управители кормленщики. Такимъ образомъ, понятіе—введенный шире понятія—путный по своему значенію. По количеству путные бояре значительно превышали введенныхъ. При дворахъ сильныхъ князей удѣльной Руси, гдѣ бьется главный жизненный пульсъ всего княжества, зарождаются придворные чины. Кромѣ дворецкаго, завѣдывающаго преобладающей отраслью дворцоваго хозяйства—земледѣліемъ, были при княжескихъ дворцахъ и другіе чины. Прежде всего упомянемъ объ окольничихъ. Терминъ этотъ впервые встрѣчается въ актахъ первой половины XIV вѣка. Это будетъ придворный чинъ, который давался боярамъ среднихъ родовъ: по своему достоинству, по своей чести они занимаютъ второе мѣсто послѣ бояръ. Они заботились обо всемъ необходимомъ для путешествія князей—о мѣстахъ остановки, исправномъ состояніи дорогъ и т. д. Къ разряду древнѣйшихъ чиновъ, существовавшихъ и въ удѣльное время, принадлежитъ чинъ казначея, вѣдавшаго княжескую казну — деньги и цѣнное имущество. Сначала эту должность отправляли лица несвободныя, рабы, потомъ она перешла въ руки бояръ. Должность конюшаго въ теченіе всего удѣльнаго періода поручалась лицамъ несвободнаго состоянія. При дворахъ удѣльныхъ князей существовали стольники и чашники, впервые встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ въ

началѣ XIII вѣка. Спеціальной обязанностью ихъ было служить за столомъ князя — подавать блюда и разливать напитки. Выше всѣхъ перечисленныхъ нами дворцовыхъ должностей въ удѣльное время стояла должность тысяцкаго. Подобно тому какъ и въ предшествующій періодъ, онъ былъ начальникомъ земскаго ополченія, состоявшаго изъ городского и сельскаго населенія. По роду своихъ обязанностей онъ имѣлъ близкое касательство къ населенію и пользовался поэтому большимъ авторитетомъ и значеніемъ. Естественно, для князей было непріятно существованіе рядомъ съ ними такой вліятельной должности, которая къ тому же нерѣдко переходила по наслѣдству, и они вступили въ борьбу съ тысяцкими: при Симеонѣ Гордомъ московскій тысяцкій Алексѣй Хвостъ былъ изгнанъ изъ княжества и лишенъ своихъ владѣній, но при Иванѣ Красномъ вслѣдствіе народнаго ропота онъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Послѣднимъ тысяцкимъ былъ бояринъ Василій Вельяминовъ при Дмитріи Донскомъ: послѣ его смерти этотъ санъ былъ отмѣненъ, такъ какъ преемникомъ умершему никто не былъ назначенъ.

Служилое землевладѣніе. Заслуживаютъ вниманія имущественныя права боярскаго класса, которыя неразрывно были связаны съ политическими. Главная масса земли въ удѣльный періодъ сосредоточивалась въ рукахъ бояръ и вольныхъ слугъ, епископовъ и монастырей и процессъ этотъ, извѣстный подъ именемъ окняженья или обояренія земли, продолжалъ развиваться ускореннымъ темпомъ. У насъ, какъ и на западѣ, привилегированные землевладѣльцы вмѣстѣ съ землею получали и государственныя права хотя и не въ одинаковомъ объемѣ: такимъ образомъ, и въ удѣльной Руси происходилъ характерный для феодальной Европы процессъ раздробленія верховной власти. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ боярское землевладѣніе, боярщина повсемѣстно торжествуетъ надъ общиной, суверенная власть изъ центра передается на мѣста. Съ крупнымъ землевладѣніемъ связаны были и государственныя права. Жалованныя грамоты монастырямъ, епископамъ и свѣтскимъ вотчинникамъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о существованіи въ нашей удѣльной Руси обширныхъ судебно-податныхъ привилегій, обезпеченныхъ за землевладѣльцами, — иммунитета, напоминающаго западноевропейскій. Жалованныхъ грамотъ, данныхъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, сохранилось несравненно меньше, чѣмъ монастырскихъ, и древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1419 году, но изъ этого обстоятельства отнюдь нельзя дѣлать заключенія о томъ, что жалованныя грамоты свѣтскимъ лицамъ давались рѣдко и что до 1419 года ихъ вовсе не было; не надо забы-

вать, что монастыри всегда тщательно заботились о храненіи актовъ. Владѣнія частнаго собственника объявляются недоступными для въѣзда княжескихъ властей. «*А волостели мои въ околицу его не въѣзжаютъ... А волостели мои и ихъ тіуны и ихъ доводчики въ тѣ деревни не въѣзжаютъ*»—вотъ обычныя выраженія на этотъ счетъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ, жалованныя грамоты освобождали владѣльцевъ отъ подчиненности мѣстнымъ органамъ правительства, ставя ихъ въ зависимость исключительно отъ княжеской власти. Кромѣ того, владѣльцы имѣли право суда надъ подчиненными имъ людьми. Въ случаѣ разбора дѣла между людьми вотчинника и волостными происходилъ такъ называемый «смѣсный» судъ, состоявшій изъ княжескихъ властей и вотчинныхъ, но привести въ исполненіе судебное рѣшеніе имѣлъ право лишь одинъ вотчинникъ. Судебная юрисдикція вотчинниковъ въ началѣ удѣльнаго періода была весьма обширна, а за тѣмъ съ XV в., а въ Московскомъ княжествѣ даже раньше — съ первой половины XIV в., стала подвергаться ограниченіямъ. Въ Тверскомъ и Рязанскомъ княжествахъ не только въ XIV, но и въ XV в. монастыри имѣли право судить своихъ людей по всѣмъ преступленіямъ гражданскаго и уголовнаго характера. Въ Московскомъ княжествѣ еще въ первой половинѣ XIV вѣка дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ не входили уже въ компетенцію монастырскихъ властей; въ XV в. подобный порядокъ сталъ возникать и въ другихъ княжествахъ удѣльной Руси. Такое же умаленіе въ своихъ судебныхъ правахъ понесли и свѣтскіе вотчинники. Монастырскіе люди или совсѣмъ освобождались отъ уплаты налоговъ, или платили опредѣленный денежный взносъ и чрезвычайные сборы въ экстренныхъ случаяхъ. При этомъ княжескіе даньщики лично не производили сбора налоговъ, такъ какъ привилегированная вотчина оставалась для нихъ запретной территоріей: эти функціи исполняли монастырскія власти и «привозили то серебро сами». Княжескіе чиновники въ монастырскихъ вотчинахъ, «*не ставилися, ни кормовъ, ни подводъ не имѣли*». Свѣтскіе вотчинники освобождались отъ уплаты всевозможныхъ налоговъ и пошлинъ или на неопредѣленное время, или на извѣстный промежутокъ отъ 3 до 20 лѣтъ. Большею частію такія льготы давались новымъ поселенцамъ. Дарованіе иммунитета разсматривалось какъ актъ милости со стороны княжеской власти. По смыслу грамотъ онъ долженъ былъ сохранять свою силу вѣчно, но благодаря непрочности юридическихъ отношеній въ удѣльный періодъ, онъ нуждался въ подтвержденіи новымъ княземъ. Благодаря иммунитету между населеніемъ вотчины и правительственной властью

становился вотчинникъ, являвшійся во многихъ отношеніяхъ для своихъ подвластныхъ государемъ. Мелкіе князья, подобно великимъ, выдавали жалованныя грамоты, иные даже пользовались правомъ чеканки монеты. Однимъ словомъ, по своимъ характернымъ чертамъ привилегированныя монастырскія и свѣтскія вотчины представляли своего рода государство въ государствѣ лишь съ различною долею суверенныхъ правъ. Въ удѣльной Руси, какъ и въ феодальной Европѣ, практиковалось пожалованіе князьями должностей въ кормленіе своимъ боярамъ. Такимъ образомъ, жаловалась должность намѣстниковъ и волостелей на извѣстныхъ условіяхъ, указанныхъ нами въ своемъ мѣстѣ. Древнѣйшая грамота пожалованія въ кормленіе относится ко 2-й пол. XIV в. Бояре и слуги вольные отправляли военную службу съ вотчинъ. Господствующимъ типомъ боярскаго землевладѣнія было, несомнѣнно, вотчинное. У насъ въ удѣльной Руси личное подчиненіе не всегда совпадало съ территоріальнымъ, но бывали случаи, когда бояре и слуги вольные, осуществляя права своей гражданской свободы, переходили на службу къ другому князю и вмѣстѣ съ тѣмъ переводили въ его подчиненіе свои вотчины. Въ источникахъ встрѣчаются неоднократныя указанія на отъѣзды бояръ съ вотчинами. Конечно, такія явленія разрывали территоріальное единство удѣловъ и потому шли въ разрѣзъ со стремленіями князей. Забота о неприкосновенности удѣловъ всегда стояла у князей на первомъ планѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ договорныя грамоты. Князья даютъ обѣщаніе въ чужихъ владѣніяхъ «*селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати*», «*въ чужой удѣлъ не вступатися никоторыми дѣлы... ни приставовъ не посылати, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель не купити, ни закладней не держати*». Но бывали примѣры, что князья посылали въ чужіе удѣлы своихъ приставомъ и даньщиковъ,— словомъ, позволяли себѣ распоряжаться, какъ будто у себя дома. Существовалъ, впрочемъ, особый многочисленный разрядъ слугъ, владѣвшихъ условно землею. Они находились подъ вѣдѣніемъ дворскаго и потому грамоты называютъ ихъ «слугами подъ дворскимъ». Надо полагать, что сначала ихъ лично гражданскія права ничѣмъ не отличались отъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ, но въ 1362 году князья впервые рѣшили ограничить ихъ права, не согласившись принимать «слугъ подъ дворскимъ» изъ одного удѣла въ другой. «*А который слуги потягли къ дворскому, тыхъ ны въ службу не приимати*» — читаемъ мы въ грамотѣ. Въ другихъ грамотахъ еще яснѣе подчеркивается особое положеніе, занимаемое слугами подъ дворскимъ въ томъ отношеніи, что условіе вольной службы на нихъ не распространяется.

«А боярамъ и слугамъ — кто будетъ не подъ дворьскимъ, вольнымъ воля». Они могутъ оставить службу у одного князя и перейти къ другому, подъ непремѣннымъ условіемъ — лишенія земли, владѣемой ими на условномъ правѣ. *А кто тѣхъ* (т.-е. дворскихъ слугъ) — *выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ»*. Земли, получаемыя слугами подъ дворскимъ, назывались еще въ удѣльное время «служними» землями. Въ составѣ слугъ подъ дворскимъ необходимо различать два слоя: военныхъ слугъ князя и дворцовыхъ, эксплоатировавшихъ различныя хозяйственныя статьи и отправлявшихъ такимъ образомъ службу съ пожалованныхъ имъ земель. Эти послѣдніе дворцовые слуги появляются съ XV в.; до этого же времени промысловыя угодья въ княжескомъ хозяйствѣ обрабатывались съ помощью холопскаго труда. Конюхи, бортники, бобровники, сотники, ловчіе, псари и др. княжескіе промышленники были мелкими землевладѣльцами, кромѣ спеціальной обязанности занимавшіеся еще сельскимъ хозяйствомъ. Бояре—это высшій слой военно-служилаго класса, слуги—низшій. Бояре были вольными слугами по отношенію къ князьямъ и въ то же время сами имѣли своихъ вольныхъ слугъ, находившихся въ зависимости отъ нихъ. Слуги боярскіе отправляли военную службу боярамъ съ собственной или пожалованной земли. Митрополиты и архіереи, подобно боярамъ, имѣли своихъ вольныхъ слугъ, исполнявшихъ военную службу. Терминъ — «дѣти боярскіе», какъ есть основаніе думать, и обозначалъ именно этихъ боярскихъ слугъ; вообще же подъ именемъ дѣтей боярскихъ извѣстенъ низшій слой военно-служилаго класса. — Дружины боярскія существовали въ теченіе всего удѣльнаго періода, но онѣ становились анахронизмомъ при торжествѣ государственнаго порядка надъ удѣльнымъ. Вольность боярской службы—основное право бояръ и слугъ вольныхъ—держалась въ теченіе всего удѣльнаго періода, хотя и стояла въ противорѣчіи съ прерогативами сильной великокняжеской власти, слагавшейся въ эту же историческую эпоху. Дѣло въ томъ, что отношеніе удѣльныхъ князей къ вольной службѣ было двойственное: съ одной стороны, они не препятствовали переходу къ нимъ на службу бояръ и слугъ вольныхъ, съ другой — относились отрицательно къ переходу *своихъ* слугъ. Могущественные князья, въ особенности московскіе, мало страдали отъ осуществленія боярами права отъѣзда: ихъ богатый дворъ привлекалъ къ себѣ на службу охотниковъ со всѣхъ концовъ удѣльной Руси, на мѣсто ушедшихъ сейчасъ же являлись новые кадры. Но была одна сторона дѣла, одинаково важная для всѣхъ безъ изъятія князей:

это судьба вотчинъ тѣхъ бояръ и слугъ вольныхъ, которые воспользовались своимъ правомъ перехода. Бояре считали своимъ законнымъ правомъ отъѣздъ съ вотчинами, хотя и не всегда имъ пользовались, но въ томъ случаѣ, когда они не переводили съ собою въ подчиненіе новому князю вотчины, выговаривали въ договорахъ неприкосновенность своихъ земельныхъ владѣній. Само собой разумѣется, что при слабости и неустойчивости юридическихъ нормъ въ удѣльный періодъ договорныя грамоты не могли гарантировать боярамъ точное соблюденіе князьями принятыхъ ими условій. Князья нерѣдко вопреки договорамъ вымещали свою злобу на вотчинахъ отъѣхавшихъ бояръ, подвергая эти вотчины разоренію. Василій Темный отнялъ села у боярина Ивана Всеволожскаго послѣ его бѣгства въ Тверь, не смотря на то, что послѣдній оказалъ въ свое время большую услугу вел. князю, но тѣ же князья, которые отрицали право отъѣзда за своими боярами, признавали его за чужими, когда тѣ являлись къ нимъ предлагать свою службу. Сами князья ясно сознавали, что борьба съ правомъ отъѣзда должна вестись планомѣрнымъ образомъ, если они хотятъ достигнуть надежныхъ результовъ, но осуществить эту задачу, при отсутствіи среди князей организаціи, не представлялось возможнымъ и вотъ устанавливается новое правило относительно боярскаго отъѣзда, которое съ этого времени становится общепринятымъ: бояре сохраняютъ свободу службы, но вотчины ихъ должны оставаться въ государственномъ подчиненіи мѣстному князю *«судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ... по удѣламъ, гдѣ кто живетъ»*. Далѣе: *„а кто иметъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ"*. Это правило, однако, повело не къ урегулированію отношеній между князьями и боярами, а къ вящшей ихъ запутанности: разъ устанавливался принципъ раздѣльности военной боярской службы и территоріальной зависимости, въ дѣйствительности могла получиться такая комбинація, когда бояринъ въ качествѣ военнаго слуги долженъ былъ воевать съ тѣмъ княземъ, суверенитету котораго онъ былъ подчиненъ, какъ вотчинникъ. Право отъѣзда, не отмѣненное законодательнымъ порядкомъ, постепенно сокращалось на практикѣ по мѣрѣ того, какъ возрастало могущество великихъ князей, а бояре теряли право безусловнаго распоряженія своими вотчинами. Въ духовныхъ поученіяхъ XIV и XV вв. сталъ проводиться тотъ взглядъ, что отъѣздъ равносиленъ измѣнѣ. Объ отъѣздѣ нижегородскаго боярина Румянца лѣтописецъ говоритъ: *«и отъиде Румянецъ, Іюдинъ образъ вземъ, помрачися злобою и другъ діаволу нарекся»*. Ограниченіе права отъѣзда служебныхъ

князей еще болѣе занимало великихъ князей удѣльнаго періода. Конечно, великіе князья больше боялись потерять вотчину, чѣмъ самого служебнаго князя. Превратившись въ слугъ Московскаго государя, княжата въ своихъ вотчинахъ по отношенію къ населенію продолжали еще оставаться государями и проявлять свои суверенныя права, пока окончательно не изсякли удѣльныя традиціи; точно такъ же и бояре нѣкоторое время еще послѣ уничтоженія вольной службы пользовались въ своихъ владѣніяхъ полусуверенными правами. Дворъ Московскаго князя, какъ мы уже указывали, былъ своего рода обѣтованной землей для наплыва бояръ и слугъ со всѣхъ концовъ сѣверо-восточной Руси. Съ конца XIII в. со всѣхъ сторонъ—изъ сѣверныхъ княжествъ и Днѣпровскаго юга—стекаются ко двору московскаго князя знатные выходцы.

Зарожденіе мѣстничества. Московское боярство имѣло разнородный характеръ по своему составу, что объясняется приливомъ на службу къ вел. кн. Московскому удѣльныхъ князей, потерявшихъ свои земли, выходцевъ бояръ, оттѣснявшихъ даже коренныхъ бояръ. Служебное положеніе стало опредѣляться знатностью происхожденія даннаго лица. Удѣльные князья не могли стать на одну линію съ обыкновенными боярами. Выработались извѣстныя правила касательно порядка размѣщенія бояръ старой и новой формаціи на московской іерархической лѣстницѣ: положеніе удѣльнаго князя на ней зависило отъ стола, который онъ занималъ, а положеніе боярина—отъ княжескаго двора, при которомъ онъ раньше служилъ. Служебное отношеніе между боярскими фамиліями, разъ установившееся, разсматривалось, какъ неизмѣненное условіе для послѣдующихъ поколѣній. Важны были не личныя заслуги даннаго лица, а его отечество, значеніе котораго не властенъ былъ уничтожить и самъ государь. Эта система отношеній, основанная на отечествѣ предковъ и занимаемомъ ими служебномъ положеніи, носитъ названіе мѣстничества. Зародыши его относятся къ удѣльному періоду. Уже отъ второй половины XIV вѣка сохранился списокъ бояръ по мѣстамъ: такъ называлась мѣстная грамота Нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича. Въ XV в. боярскія службы записывались въ такъ называемыя разрядныя книги. Вѣроятно, сначала разряды записывались въ лѣтописи, а потомъ уже въ особыя книги. Кромѣ офиціальныхъ разрядовъ частныя лица вели свои, куда вносили свѣдѣнія объ интересующихъ ихъ службахъ. Такія книги сохранились съ конца XIV вѣка. Нужно замѣтить, что разрядныя книги велись не только въ Московскомъ княжествѣ, но и въ другихъ княжествахъ удѣльной Руси, напр., въ Тверскомъ и Рязанскомъ. Первый случай мѣстничества въ

источникахъ упоминается въ началѣ XIV вѣка. Это—извѣстное столкновеніе при московскомъ дворѣ мѣстнаго боярина Акинѳа Гавриловича съ Родіономъ Нестеровичемъ, прибывшимъ на службу изъ Кіева въ 1332 г. съ большимъ дворомъ: Акинѳъ не стерпѣлъ обиды, не захотѣлъ быть на службѣ меньше пришлеца и со всѣмъ своимъ потомствомъ отъѣхалъ въ Тверь. Намъ извѣстны и другіе споры изъ-за мѣстъ конца XIV и первой половины XV в., но въ нихъ незамѣтно еще специфическихъ чертъ мѣстничества: нѣтъ упорства въ притязаніяхъ, сухого формализма и силы традиціи, безгранично господствующей надъ умами. Все это пришло въ свое время. Остальная масса населенія, не относившаяся къ боярско-служилому классу, была извѣстна подъ именемъ черныхъ людей. Въ составъ черныхъ людей входило какъ городское, такъ и сельское населеніе.

Городское населеніе. Городское населеніе не составляло обособленнаго сословія, глубокой пропастью отдѣлявшагося отъ остального населенія. Занятіе торговлей не было его исключительной монополіей: крестьяне также имѣли право торговать не только въ селахъ, но и въ городахъ, равно какъ и торговые люди могли заниматься своимъ промысломъ въ деревняхъ и на владѣльческихъ земляхъ, но лица, спеціально занимавшіяся торговой дѣятельностью, такъ называемые купцы и гости, въ удѣльный періодъ какъ и въ областной, все же выдѣлялись изъ массы, они-то и составляли высшій слой городского населенія. Нужно, однако, замѣтить, что этотъ слой въ сѣверо-восточной Руси, исключая, конечно, Новгорода и Пскова, не отличался многочисленностью. Подобно боярамъ и купцы могли пріобрѣтать недвижимость. Богатый гость Нижегородскій Тарасъ Петровъ въ 1371 г. купилъ у великаго князя вотчину, состоявшую изъ 6 селъ. Но иммунитетными правами они, кажется, не пользовались. Количество купеческихъ вотчинъ, надо думать, было очень ограниченное. Купцы и гости получали льготы отъ правительства, но опять-таки, какъ отдѣльныя лица, а не какъ торговый классъ. Однако эти привилегіи раздавались имъ удѣльными князьями далеко не въ такомъ количествѣ, какъ боярамъ и слугамъ вольнымъ. Все это показываетъ, что въ удѣльномъ обществѣ торговые люди не пользовались большимъ вѣсомъ и значеніемъ. Лѣтопись не сохранила указаній на то, что купцы принимаютъ участіе въ политическихъ дѣлахъ въ удѣльный періодъ. Торговые люди могли поступать на военную службу но это было довольно рѣдкимъ явленіемъ. Князья вступаютъ между собою въ соглашеніе — не принимать ихъ на службу. Къ концу удѣльнаго періода московскіе князья стали привлекать богатыхъ

гостей, такъ называемыхъ сурожанъ, ведущихъ торговлю съ Сурожемъ (иначе Судакомъ), и суконниковъ къ финансовой службѣ — сбору торговыхъ пошлинъ. У богатыхъ купцовъ князья дѣлаютъ займы и пользуются ихъ опытомъ и знаніемъ, какъ бывалыхъ и свѣдущихъ людей, для разныхъ порученій. Но такихъ гостей было очень мало и они не могли поднять значеніе торговыхъ людей въ удѣльномъ обществѣ.

Сельское свободное и несвободное населеніе. Сельское свободное земледѣльческое населеніе въ удѣльные вѣка вмѣстѣ съ городскимъ извѣстно было подъ общимъ названіемъ черныхъ людей; кромѣ того, они называются въ современныхъ памятникахъ людьми, сиротами, но чаще всего имъ присваивается укоренившееся за ними наименованіе крестьянъ. Впервые это названіе въ примѣненіи къ земледѣльческому населенію встрѣчается въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной имъ въ 1391 г. Константиновскому монастырю: *«и Кипріанъ митрополитъ такъ рекъ игумену и христіанамъ монастырскимъ—ходите вси по моей грамотѣ, игуменъ сироты держи и сироты игумена слушайте»*: здѣсь крестьяне (христіане) отождествляются съ сиротами. Все земледѣльческое населеніе въ удѣльный періодъ соотвѣтственно характеру земли, на которой оно сидѣло, дѣлилось на слѣдующіе разряды: черные крестьяне, жившіе на государственныхъ земляхъ, дворцовые—на княжескихъ земляхъ и, наконецъ, частновладѣльческіе, жившіе въ боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ. Наиболѣе выгодное положеніе занимали крестьяне, жившіе на государственныхъ земляхъ. Верховнымъ собственникомъ черныхъ земель считалось государство, но и крестьяне имѣли право распоряжаться ими, передавать по наслѣдству и даже продавать и отдавать въ закладъ,—однако только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ исправно отбывалъ всѣ общинныя повинности, падавшія на землю. Черныя земли должны были непремѣнно находиться въ вѣдѣніи общины, подъ ея наблюденіемъ. Если новый владѣлецъ не хотѣлъ тянуть общественныхъ повинностей, то лишался земли. *«А кто не восхочетъ тянути, инъ ся земль съступитъ, а земли чернымъ людемъ даромъ»*. На черныхъ земляхъ господствовало общинное самоуправленіе, пользовавшееся широкимъ просторомъ для исполненія своихъ функцій. Самой крупной административной единицей была волостная община, къ которой тянули мелкія—села и деревни. Во главѣ волости стоялъ староста—ея выборный представитель, который завѣдывалъ всѣми общинными дѣлами, какъ представитель исполнительной власти, подчиняясь волѣ міра. Мірская воля выражалась въ мірскомъ сходѣ. Въ рукахъ этихъ

властей—старосты и міра—находилась раскладка, иначе разметъ государственныхъ податей и сборъ ихъ для передачи правительственнымъ властямъ. Въ рукахъ общины былъ судъ по незначительнымъ повседневнымъ гражданскимъ дѣламъ. Правительственная администрація намѣстниковъ и волостелей возвышалась надъ общинной властью, не стѣсняя ея проявленій. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что община въ смыслѣ самоуправляющагося міра (а не формы землевладѣнія) представляетъ собою исконное явленіе русской жизни. Община жила даже въ боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, хотя и придавленная гнетомъ господской власти. Къ концу удѣльнаго періода боярщина съ помощью княжеской власти восторжествовала надъ общиной, общинные порядки замираютъ, но не исчезаютъ вполнѣ. Положеніе черныхъ крестьянъ было наиболѣе льготное, потому что они не имѣли дѣла съ вотчинной властью. Правомъ свободнаго перехода въ теоріи принадлежавшимъ всѣмъ крестьянамъ безъ различія разрядовъ они пользовались въ широкой степени. Крестьяне при поселеніи на черныхъ земляхъ заключали договоры съ волостью; въ случаѣ, если они садились на пустой участокъ, то получали на нѣсколько лѣтъ льготу; они обязывались платить вмѣстѣ съ другими тяглыми людьми государственныя подати. Уходя изъ волости, крестьянинъ долженъ былъ посадить на свой участокъ другого жильца или заплатить міру неустойку. Источники наши различаютъ въ составѣ крестьянъ двѣ различныхъ группы: крестьянъ тяглыхъ, иначе называвшихся даньскими, письменными и численными людьми, и вольныхъ крестьянъ, нетяглыхъ. Первые отбывали всѣ подати и повинности со своей земли. Послѣдніе составляли бѣднѣйшій классъ населенія въ удѣльной Руси, не имѣвшій собственнаго хозяйства, своего рода безземельный пролетаріатъ. Въ составъ ихъ входили такъ называемые зарубежники — бѣглецы изъ другихъ земель и задушные люди, т.-е. вольноотпущенные холопы. Кромѣ того, къ нетяглымъ вольнымъ людямъ принадлежали лица, не имѣвшія участка земли на свое имя, какъ, напр., сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ. Въ послѣднее время Д. Я. Самоквасовъ высказалъ рѣшительное мнѣніе, что въ удѣльный періодъ пользовались правомъ перехода лишь вольные люди, тяглые же крестьяне не имѣли этого права, какъ свидѣтельствуютъ указанія княжескихъ грамотъ о непріемѣ тяглыхъ людей. Для доказательства своей мысли онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ грамотахъ говорится: «христіаномъ вольнымъ—воля». Но вѣдь въ тѣхъ же грамотахъ постоянно употребляется выраженіе: «бояромъ и слугамъ

вольнымъ воля». Условія княжескихъ грамотъ о непріемѣ тяглыхъ людей были частными соглашеніями и не могли отмѣнить повсемѣстно крестьянскаго права перехода. Мы должны прійти къ тому заключенію, что въ удѣльной Руси всѣ разряды крестьянскаго населенія пользовались въ теоріи правомъ вольнаго перехода; но въ дѣйствительности переходъ этотъ стѣснялся экономическими условіями жизни крестьянства и правительственной властью. Прежде всего сама природа сельскаго хозяйства требовала установленія опредѣленнаго срока для выхода крестьянъ. Первое время въ удѣльный періодъ не было общаго срока для перехода; такими сроками являлись Николинъ день, осенній и весенній, Рождество Христово, Дмитровъ день и т. п. Лишь къ концу удѣльнаго періода устанавливается одинъ срокъ для выхода—Юрьевъ день осенній — 24 ноября (впервые о немъ упоминается въ Псковской судной грамотѣ). Непремѣннымъ условіемъ выхода былъ формальный отказъ крестьянина, знаменующій разрывъ его отношеній съ вотчинникомъ. Уходя изъ вотчины, крестьянинъ тѣмъ самымъ терялъ всякое право на свой земельный участокъ. Въ духовной грамотѣ 1410 года говорится о княжескихъ промышленникахъ: бортникахъ, бобровникахъ и т. п.: *«кто не всхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь»*. По Псковской судной грамотѣ крестьянинъ при выходѣ терялъ даже половину своего движимаго имущества. Существовалъ ли этотъ обычай и въ другихъ областяхъ сѣверо-восточной Руси, мы не знаемъ. При выходѣ крестьянинъ долженъ былъ разсчитаться со своимъ господиномъ на основаніи заключеннаго съ нимъ договора при поселеніи — такъ называемой порядной грамоты. Нужно различать два рода поселенія крестьянъ на вотчинной землѣ, послѣдствія которыхъ отражались на свободѣ крестьянскаго перехода. Крестьянинъ могъ садиться или на разработанный уже участокъ земли, снабженный постройками, или на пустой, который онъ долженъ былъ привести въ нужный видъ и застроить. Въ первомъ случаѣ при отказѣ крестьянинъ долженъ былъ сдать дворъ со всѣми постройками въ полной исправности. Во второмъ случаѣ крестьянинъ получалъ отъ землевладѣльца льготу на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты оброковъ и государственныхъ податей. Кромѣ того, онъ получалъ еще иногда подмогу или деньгами—отъ полтины до 2 руб. и больше и хлѣбомъ или скотомъ. Подмога не возвращалась землевладѣльцу: она погашалась обязательствомъ крестьянина привести въ порядокъ снятый земельный участокъ. Экономическая необезпеченность крестьянъ и необходимость затраты капитала на веденіе сельскаго хозяйства принуждала ихъ

прибѣгать къ займамъ у землевладѣльца. Памятники удѣльнаго періода различаютъ «заемное жито и серебро» и «ростовое серебро», какъ два вида крестьянскаго займа. Подъ «заемнымъ житомъ и серебромъ» разумѣется срочный безпроцентный заемъ, не скрѣпленный документомъ — такъ называемой заемной кабалой, а подъ «ростовымъ серебромъ» — процентный заемъ. Источники упоминаютъ еще объ «издѣльномъ серебрѣ», подъ которымъ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, слѣдуетъ разумѣть денежный оброкъ, не уплаченный въ срокъ. Уходя изъ вотчины, заявляя свой отказъ, крестьянинъ долженъ былъ разсчитаться съ землевладѣльцемъ, уплатить всѣ недоимки. Невозможность расплатиться лишала крестьянина права вольнаго перехода, заставляла его жить на землѣ вотчинника, превращала его такимъ образомъ фактически въ крѣпостного. Если еще къ этому добавить, что вотчинники часто прибѣгали къ явно незаконнымъ средствамъ, чтобы воспрепятствовать выходу, какъ то—побоямъ и грабежамъ, то мы поймемъ, насколько проблематична была крестьянская свобода и въ какомъ ограниченномъ смыслѣ нужно понимать, что крестьяне удѣльнаго періода пользовались правомъ перехода. Борьбу съ вольнымъ переходомъ князья и вотчинники не ограничивали только тѣмъ, что требовали отъ уходящихъ крестьянъ полной расплаты; они переносили ее и на законодательную почву. Въ междукняжескихъ договорахъ и жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются статьи, запрещающія пріемъ тяглыхъ, письменныхъ людей. Въ жалованныхъ грамотахъ князья запрещаютъ привилегированнымъ землевладѣльцамъ принимать къ себѣ ихъ тяглыхъ людей. Великій князь московскій Василій I въ жалованной грамотѣ митрополиту Фотію 1421 года предваряетъ: «*а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню не принимать* ... Въ грамотѣ Василія Темнаго 1456 года, данной Кириллову монастырю, читаемъ: «*а тяглыхъ людей имъ моихъ даньскихъ письменныхъ въ то ихъ село и деревни не пріимати*». Цѣль этихъ постановленій понятна: князья хотѣли ограничить область переходовъ для своихъ крестьянъ и такимъ образомъ охранить интересы казны. Зато существуютъ и такія грамоты, которыя позволяютъ принимать даже «тутошныхъ людей» только на меньшій льготный срокъ, чѣмъ пришельцевъ изъ другихъ княженій или даже совсѣмъ не проводится разница между своими, и чужими крестьянами. Въ удѣльный періодъ не могло быть опредѣленной правительственной политики по отношенію къ крестьянамъ, хотя все же замѣчается тенденція къ ограниченію свободнаго перехода. Но основной причиной, подготовлявшей будущее прикрѣпленіе, являлся не законодательный починъ пра-

вительства, а задолженность крестьянъ землевладѣльцу, заставлявшая его сидѣть на одномъ участкѣ, несмотря на право свободнаго перехода. Такимъ путемъ постепенно вырабатывалось понятіе о крестьянахъ *старожильцахъ*, какъ о необходимой принадлежности имѣнія. Повинности крестьянъ въ удѣльный періодъ въ пользу господина были чрезвычайно разнообразны, такъ какъ закономъ онѣ не были опредѣлены, а зависѣли всецѣло отъ соглашенія обѣихъ сторонъ — крестьянъ и вотчинника. Въ общемъ онѣ слагались изъ двухъ составныхъ частей: барщины и оброка. Оброкъ былъ денежный и натуральный; въ послѣднемъ случаѣ онъ вносился зерновымъ хлѣбомъ, скотомъ и съѣстными продуктами. Въ дворцовыхъ селахъ крестьяне исполняли работы по хозяйству—такъ называемое «издѣлье» и платили денежныя подати — «серебро». Къ сельско - хозяйственнымъ работамъ на княжескихъ земляхъ привлекались иногда и сосѣдніе черные крестьяне. Кромѣ издѣлья и серебра, дворцовые крестьяне вносили въ княжескую казну огромное количество «оброчнаго жита» или «хлѣба посопнаго». Кромѣ того, съ селъ собиралось много такъ называемыхъ «мелкихъ доходовъ», т.-е. сельско-хозяйственныхъ продуктовъ — масла, сыра, яицъ, сѣна и т. п. Обычнымъ оброкомъ былъ половинный: крестьяне снимали землю у землевладѣльцевъ исполу, т.-е. отдавали имъ половину урожая, иногда и треть. Барщинныя работы отличались большимъ разнообразіемъ. Зажиточные крестьяне одного изъ монастырей должны были «*церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игумновъ жеребей весь* (т.-е. всю игуменскую долю пашни) *орать взгономъ, и сѣяти, и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ ввести, ѣзъ бити и вешней, и зимней, сады оплетати, на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры осенинѣ ходити и истоки забивать*». Меньшіе люди, безлошадные, «пѣшеходцы изъ селъ» должны были на сѣмена рожь молотить, молоть и хлѣбъ печь, солодъ молоть, пиво варить, ленъ прясть и дѣлать неводы. На великъ день и на Петровъ день крестьяне по обычаю давали подарки игумену. Крестьяне какъ владѣльческіе, такъ и черные платили еще свадебныя пошлины. Если бракъ совершался въ одной волости или имѣніи, то взимался, такъ называемый, новоженный убрусъ, при выходѣ замужъ въ сторону бралась свадебная куница. Первоначально, какъ показываетъ само названіе, эти пошлины не были денежными, впослѣдствіи съ XV вѣка, а можетъ быть и раньше онѣ стали переводиться на деньги. Свадебныя пошлины не были замѣной, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, древняго jus primae noctis; онѣ возникли на почвѣ свадебныхъ обрядовъ. Въ

рукахъ владѣльцевъ онѣ служили орудіемъ для стѣсненія выхода женщинъ въ чужія владѣнія, компенсаціей за потерю рабочей силы. Въ пользу владѣльцевъ крестьяне платили также торговыя, таможенныя и судебныя пошлины въ силу жалованныхъ грамотъ. Кромѣ свободныхъ крестьянъ продолжали существовать и полусвободные закупни, и совсѣмъ безправные холопы. Холопы раздѣлялись въ это время на большихъ и меньшихъ; первые это приказные люди (ключники, старосты, тіуны, дьяки, казначеи, посельскіе); обыкновенные холопы были полные, купленные, приданные, кабальные; одни сидѣли на оброкѣ, другіе работали на господина (дѣловые люди); попадались и цѣлыя села, заселенныя холопами.

21-я глава. Матеріальная культура.

Добывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность. Искусство. Внутренняя торговля. Внѣшняя торговля. Обстоятельства, препятствовавшія торговлѣ. Монета. Стихійныя народныя бѣдствія.

Литература вопроса. Источники: лѣтописи, акты и грамоты (Хрестоматія проф. Владимірскаго-Буданова), особенно договорныя: Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣв.-Зап. Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, СПБ., 1857; Пособія: *Аристовъ.* Промышленность древней Руси. СПБ. 1866; Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзою до к. XV в. СПБ., 1879; *Н. Рожковъ.* Обзоръ русской исторіи съ соціол. точки зрѣнія, ч. 2-я, вып. 1-й, СПБ., 1905, вып. 2-й, М., 1905; *Никитскій.* Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, М., 1893; *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Исторія русскаго народнаго хозяйства I, К., 1911; *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. 4-й; *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи, т. 2-й; Н. П. Кондаковъ и И. И. Толстой. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 6-й; *Павлиновъ.* Исторія русск. архитектуры. М. 1894; *Н. П. Лихачевъ.* Манера письма А. Рублева (Пам. др. письм. CXXVI); *Симони.* Древнѣйшіе церковные оклады XII—XIV ст. (Пам. др. письм. CXXVII); *Г. Г. Павлуцкій.* Краткій очеркъ исторіи новгородской и московской архитектуры. К. 1912; *Грабарь.* Исторія русскаго искусства, т. 1-й, вып. 2-й и 3-й; *Д. В. Айналовъ.* Миньятюры сказанія святыхъ Бориса и Глѣба Сильвестровскаго сборника, СПБ. 1911; *Прозоровскій.* Монета и вѣсъ въ древней Россіи до к. XVIII в., СПБ. 1865.

Добывающая промышленность. Въ данный періодъ преобладающей отраслью промышленности, несомнѣнно, является сельское хозяйство, въ частности земледѣліе. Акты государственные и частные, житія святыхъ свидѣтельствуютъ о господствѣ земледѣлія въ сѣверо-восточной Руси, въ особенности въ центральной и южной ея части. Какъ въ княжескихъ имѣніяхъ, такъ въ свѣтскихъ и духовныхъ вотчинахъ мы находимъ характерную черту для нашего средневѣковья—соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Въ составѣ земель, принадлежащихъ вотчиннику, нужно строго различать обраба-

тываемую холопами — страдниками, и крестьянскую барщинную, обрабатываемую крестьянами, разбитую на рядъ мелкихъ участковъ. Крестьянскія земли въ нѣсколько разъ превосходили барскую запашку. Въ виду того, что въ сѣверо-восточной Руси большая часть территоріи была покрыта дѣвственными лѣсами, земледѣльцамъ приходилось покладать немало труда, прежде чѣмъ сдѣлать почву годной для земледѣлія: лѣсъ вырубливался и выжигался и такимъ образомъ получалась расчищенная земля, которую и обрабатывали. Изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлывались—рожь, овесъ, пшеница, просо, ячмень, а также ленъ, конопля, горохъ и чечевица. Въ княжескихъ селахъ, боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ были огромные запасы зернового хлѣба и муки. Огородничество и садоводство сравнительно съ земледѣліемъ играло очень скромную роль. Извѣстный путешественникъ Іоасафъ Барбаро писалъ: «плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшого количества яблокъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ». Этотъ отзывъ слѣдуетъ признать неточнымъ: садоводство и огородничество существовали, но главнымъ образомъ для цѣлей домашняго потребленія, промышленнаго характера эти занятія почти не имѣли. Въ княжескихъ имѣніяхъ, какъ свидѣтельствуютъ духовныя и договорныя грамоты, были особые садовники и огородники—первоначально холопы. Фрукты шли для приготовленія различныхъ медовъ и сластей. Княжескіе погреба и кладовые были полны овощей и фруктовъ. Скотоводство въ обширныхъ размѣрахъ существовало лишь въ имѣніяхъ княжескихъ, боярскихъ и духовныхъ, народная же масса вообще не была богата скотомъ. Князья имѣли огромные заливные луга, которые доставляли не только значительное количество сѣна, но и служили прекраснымъ пастбищемъ для скота. Въ княжескихъ кладовыхъ было большое изобиліе молочныхъ продуктовъ. У князей были какъ верховыя лошади, такъ и вообще конскія стада. Князья имѣли свои конскіе заводы. Существовала особая группа княжескихъ слугъ—конюховъ, на обязанности которыхъ лежала забота о княжескихъ стадахъ. Кони ставились на кормъ въ деревняхъ; первоначально княжескихъ коней должны были кормить—конокормы, такъ назывался особый разрядъ сельскаго населенія, позднѣе къ этой повинности были привлечены всѣ крестьяне. Конюхи за свой трудъ получали деревни, вели съ помощью крестьянскихъ рукъ сельское хозяйство и были такимъ образомъ мелкими помѣщиками. Бортничество было исконнымъ занятіемъ населенія, но въ широкихъ размѣрахъ оно опять-таки было организовано въ вотчинахъ привилегированныхъ владѣль-

цевъ — особенно княжескихъ. Бортями были богаты, главнымъ образомъ, Рязанское и Нижегородское княжество. Въ XIV ст князья эксплоатировали свои бортныя угодья съ помощью холоповъ. Въ XV в. мы встрѣчаемъ уже оброчныхъ бортниковъ: это — были свободные люди, пользовавшіеся правомъ перехода безъ сохраненія за собою земли. Оброчные бортники получали отъ князей земельные участки, за право пользованія которыми они были обязаны эксплоатировать борти и доставлять опредѣленное количество меда. Занимались они сельскимъ хозяйствомъ, рыболовствомъ и другими промыслами, бортничество было ихъ обязанностью, а не средствомъ пропитанія. Бортники селились въ пожалованныхъ имъ деревняхъ большею частію поодиночкѣ и, такимъ образомъ, бортничьи деревни обычно числились за отдѣльными семьями. Когда наступало время, они отправлялись на свой «земецкій» промыселъ: бродили по лѣсамъ, забирали медъ изъ извѣстныхъ имъ деревьевъ и отыскивали новыя, отмѣчая ихъ особыми знаками («знаменами»). При неопредѣленности границъ отдѣльныхъ владѣній, бортники нерѣдко проникали въ чужія области, гдѣ и занимались своимъ промысломъ. Для охраны своихъ правъ землевладѣльцы выхлопатывали у князей особыя грамоты. Несмотря на обширность бортныхъ угодій, медовый доходъ князей все же не былъ соотвѣтственно значительнымъ вслѣдствіе недостаточной интенсивности эксплоатаціи бортей. Медъ варился на мѣстахъ и затѣмъ доставлялся въ княжескій дворецъ, въ XV столѣтіи вслѣдствіе увеличенія бортнаго хозяйства медъ варили уже въ княжеской резиденціи. Варкой меда занимались сытники—первоначально холопы, впослѣдствіи свободные люди, получавшіе за свою работу земельное обезпеченіе. Въ изучаемый періодъ бортничество перестало уже играть роль одного изъ главныхъ промысловъ для широкихъ народныхъ массъ, такъ какъ появились особыя группы лицъ—бортники или древолазцы, которые спеціально посвятили себя этому занятію. Несравненно болѣе важную роль играла въ народной жизни, какъ и въ прежнее время, охота за звѣремъ и птицей. По мѣрѣ приближенія къ югу значеніе охоты, какъ промысла, падаетъ, хотя все же она нигдѣ не выходитъ изъ круга хозяйственнаго обихода. Источники указываютъ, какой дичью были богаты различныя области сѣверо-восточной Руси. Въ Югрѣ и Самояди въ изобиліи водились соболи, въ Бѣлозерской области медвѣди, въ Двинской землѣ бѣлки, бобры и соболи. Звѣроловство для нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверо-восточной Руси имѣло характеръ народной промышленности: объ этомъ свидѣтельствуетъ сборъ мѣхами въ пользу князя. Налогъ со звѣринаго и птичьяго

промысла носилъ названіе ловчаго: иногда налогъ этотъ обозначается спеціальнымъ терминомъ, смотря по роду промысла, напр., бобровое и т. п. Земли покупались и продавались со всѣми промысловыми угодіями, т.-е. бобровыми гонами, перевѣсищами, путиками и т. д. Ловля птицъ и звѣрей была одной изъ главныхъ отраслей княжескаго хозяйства. Княжескія грамоты свидѣтельствуютъ, какое важное значеніе придавали князья этимъ промысламъ. Симеонъ Гордый въ 1341 году обратился къ братьямъ съ требованіемъ объ отдачѣ ему на старѣйшинство ловчаго и сокольничьяго пути. Въ договорахъ съ великимъ Новгородомъ великіе князья выговариваютъ себѣ исключительное право на занятіе звѣроловствомъ въ Терской и Печерской сторонѣ. Для охоты на крупную дичь князья пользовались услугами особыхъ охотниковъ, такъ называемыхъ ловчихъ, и загонщиковъ «осочниковъ». При обширныхъ размѣрахъ княжеской охоты часто не хватало своихъ загонщиковъ и приходилось прибѣгать къ помощи крестьянъ. Участіе въ княжеской охотѣ было для крестьянъ обязательной повинностью и притомъ тяжелой: княжескіе охотники останавливались въ крестьянскихъ дворахъ, брали кормъ, подводы и проводниковъ. Въ разныхъ мѣстахъ княжества находились псарни, которыми завѣдывали псари. Какъ псари, такъ и другіе княжескіе слуги по охотѣ были мелкими помѣщиками и занимались также сельскимъ хозяйствомъ. Въ особенности процвѣтала въ удѣльный періодъ бобровая охота; въ изучаемое время почти всѣ рѣки сѣверо - восточной Руси были богаты бобровыми поселками. Въ этой охотѣ были заняты начало несвободные люди, холопы, а съ XV в. такъ назыв. бобровники, получавшіе отъ князя землю за свое занятіе. Бобровая ловля была своего рода служебной обязанностью этихъ охотниковъ; кромѣ спеціальной службы они занимались, какъ и другіе дворцовые слуги, сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ бобровыхъ деревняхъ. Бобровники, подобно другимъ княжескимъ промышленникамъ, имѣли право ставиться въ деревняхъ, брать кормъ и другіе поборы. Охота на бобровъ производилась преимущественно осенью небольшими группами охотниковъ или даже въ одиночку. Охотничьи пріемы были очень примитивны, преслѣдовались исключительно цѣли ожесточеннаго истребленія бобровъ, поэтому цѣнный звѣрь былъ обреченъ на исчезновеніе. Въ результатѣ въ княжескихъ кладовыхъ скоплялось громадное количестно мѣховъ въ то время, какъ постепенно исчезалъ источникъ добычи. Охота на птицъ играла менѣе важную роль въ княжескомъ хозяйствѣ. Была особая группа тетеревниковъ занятыхъ спеціально охотою на эту дичь. Соколиная охота зани-

мала важное мѣсто въ княжескомъ хозяйствѣ и была любимой забавой князей. Для соколиной охоты необходимы были охотничьи птицы: соколы, кречеты и ястребы. Поставка этихъ птицъ лежала на обязанности спеціальныхъ охотниковъ. Въ XIV в. сокольничій промыселъ былъ организованъ такимъ образомъ: для ловли соколовъ отправлялись охотничьи экспедиціи во главѣ съ «ватаманомъ» въ мѣстности, богатыя цѣнными соколами — на далекій сѣверъ, въ новгородскія владѣнія. Въ XV в. устанавливается новый порядокъ: сокольники живутъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ, на земляхъ, пожалованныхъ княземъ, занимаются сельскимъ хозяйствомъ и исполняютъ спеціальную службу, т.-е. ловятъ охотничьихъ птицъ и доставляютъ ежегодно опредѣленное количество оброчныхъ соколовъ, кречетовъ и ястребовъ въ княжескую резиденцію. Немудрено, что при обиліи рыбы въ рѣкахъ и озерахъ сѣверо-восточной Руси въ теченіе изучаемаго нами періода, рыболовство продолжало играть весьма важную роль. Рыболовнымъ промысломъ занимались не только князья, землевладѣльцы и монастыри, но и народныя массы. Особенно дорожили рыбными ловлями монастыри въ виду необходимости соблюдать посты. Духовенство старалось оградить рыбныя ловли отъ вмѣшательства постороннихъ лицъ. Особенно сильно былъ развитъ рыбный промыселъ на сѣверѣ — на берегу Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Конечно, и въ княжескомъ хозяйствѣ рыболовство должно было занять видное мѣсто. Князья владѣли прекрасными водными угодьями: нижегородскимъ князьямъ принадлежали, напр., рыбныя ловли по рѣкѣ Сурѣ, рязанскимъ — по р. Дону; московскіе князья пріобрѣли себѣ рыбныя угодья на р.р. Волгѣ и Шекснѣ, на Бѣломъ морѣ; кромѣ того, имъ принадлежали озера Переяславское и Галицкое, богатыя сельдями; князья устраивали искусственные пруды. Въ договорахъ съ великимъ Новгородомъ великіе князья выговариваютъ себѣ право посылать рыбныя ватаги на промыселъ. Княжеская рыбная экспедиція на помощь себѣ брала и сосѣднихъ крестьянъ. Во время княжеской ловли посторонніе лица, желавшіе ловить рыбу, платили съ каждаго невода пошлину рыбой. На ряду съ такими экспедиціями, существовали спеціальныя рыболовныя деревни, находившіяся въ вѣдомствѣ стольничьяго пути. Рыболовы, въ противоположность другимъ княжескимъ промышленникамъ, занимались исключительно рыбнымъ промысломъ. Въ пользу князя шла извѣстная часть улова и опредѣленный денежный оброкъ. Самымъ распространеннымъ способомъ ловли рыбы былъ «ѣзъ», когда рыбѣ преграждали путь въ рѣкѣ. такъ называемымъ за-

боромъ. Ѣзы бывали вешніе и зимніе. Рыбу ловили также неводами, бредниками и удочками. Оброчная рыба въ огромномъ количествѣ доставлялась на княжескій дворъ, гдѣ ее или хранили въ свѣжемъ видѣ на льду, или солили. Соль добывалась въ поморьѣ Ледовитаго океана, въ Старой Русѣ, въ Псковской области: у посада Сольца, московскимъ князьямъ принадлежала богатая солью область — Галичъ. Въ Галичѣ были и соляныя варницы, принадлежавшія Троице - Сергіеву монастырю. Кромѣ Галича, московскіе князья владѣли соляными промыслами на р. Волгѣ у Городца и Перехты, а также и въ Ростовѣ. Промыслами завѣдовали княжескіе соловары; въ работѣ имъ оказывали помощь окрестные крестьяне. Значительное количество соли поступало въ продажу, много ея хранилось и въ княжескихъ амбарахъ. Въ области Устюжны по среднему теченію рѣки Шексны занимались разработкой желѣзной руды, но эта промышленность была весьма слабо развита. Золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ сѣверо - восточная Русь не имѣла, поэтому благородные металлы она получала изъ другихъ странъ; впрочемъ, серебро добывалось въ новгородскихъ владѣніяхъ въ странѣ Югры.

Обрабатывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность имѣла второстепенное значеніе и довольно слабо развивалась. Въ сѣверо - восточной Руси, какъ въ странѣ лѣсной по преимуществу, плотничье ремесло должно было стоять на первомъ планѣ. Существовалъ промышленный классъ людей, спеціально занимавшійся плотничествомъ; въ источникахъ встрѣчаются названія: древодѣлы, мостники, городники, и т. п., которыя указываютъ, что плотники дѣлились на разряды по роду издѣлій. Мастеровыми людьми очень дорожили въ удѣльный періодъ, потому что ихъ было мало. Въ XIV ст. мастеровые люди были обязаны работать на татаръ, отъ этой повинности освобождались ханскими ярлыками мастеровые, принадлежавшіе духовенству; кромѣ работы на татаръ, мастеровые исполняли работы по княжескимъ заказамъ, повинность въ пользу государства. На ряду съ плотниками существовали бондари, столяры и колесники; нужно еще упомянуть о производствѣ лубяныхъ и мочальныхъ издѣлій. Каменныя постройки были своего рода роскошью для неприхотливаго и незатѣйливаго вкуса обитателей русскаго сѣверо-востока, — поэтому изъ камня сооружались не человѣческіе дома, а главнымъ образомъ — Божіи. На Руси существовали свои мастера каменнаго дѣла, такъ называемые «каменные здатели». Въ Псковѣ мастеръ нѣкій Кириллъ построилъ церковь имени своего святого, въ Твери по распоряже-

нію княгини Аксиньи перестроена была церковь, князь Михаилъ позлатилъ ее и *«сотвориша каменостьницы отъ плиты жженыя и убълиша»*. Постройка каменныхъ церквей производилась довольно быстро (въ Москвѣ, напр., въ 1334 г. церковь св. Михаила была построена «одиного лѣта»), но недостаточно прочно: многія церкви быстро разрушались. Изъ камня выдѣлывались также кресты и разныя изображенія: мы знаемъ о существованіи на Руси каменныхъ и мраморныхъ гробницъ. Кромѣ постройки церквей, съ XIV в. стали сооружать изъ камня укрѣпленія для защиты городовъ отъ враговъ; въ 1367 г. ставили каменный кремль въ Москвѣ, въ 1330 г. псковичи поставили Изборскъ каменный и т. д. Съ конца XIV ст. каменное мастерство стало завоевывать себѣ большой районъ распространенія: въ монастыряхъ, при архіерейскихъ домахъ, въ княжескихъ резиденціяхъ возводятся кирпичныя и каменныя постройки, предназначенныя не для религіозныхъ, а государственныхъ цѣлей. Нечего и говорить, что существовало гончарное ремесло, знакомое славянскому племени еще съ древнѣйшихъ временъ. Что касается стекляннаго производства, то таковаго до XV в. на Руси не было: стеклянныя издѣлія были привозныя. Кузнечное ремесло также принадлежитъ къ числу исконныхъ занятій русскаго населенія. Въ сѣверо-восточной Руси изъ желѣзной руды выдѣлывались вещи домашняго обихода, сельско-хозяйственныя орудія, плотничьи инструменты и оружіе. На Руси было въ употребленіи оружіе европейскаго и восточнаго производства, далеко превосходившее по своимъ качествамъ туземное, но оно было распространено среди высшаго класса населенія, народная же масса пробавлялась издѣліями мѣстнаго мастерства. Изъ другихъ металловъ для производства издѣлій на Руси употреблялись—мѣдь, олово и свинецъ. Мѣдное и литейное производство не могло идти въ сравненіе съ иностраннымъ мастерствомъ. Къ литейному производству относится отливка колоколовъ для церквей—довольно распространенное занятіе въ сѣверовосточной Руси. Изъ мѣди выливались церковныя двери, при чемъ лучшіе памятники этого рода принадлежатъ иностраннымъ мастерамъ. По монастырямъ занимались изготовленіемъ изъ мѣди паникадилъ, образовъ и т. п. предметовъ. Кромѣ церковныхъ предметовъ, изъ мѣди дѣлались вещи домашняго обихода, равно какъ изъ свинца и олова. Золотыя и серебряныя издѣлія, кромѣ монетъ, были совершенно неизвѣстны въ народной массѣ; районъ ихъ распространенія ограничивался церквами и палатами князей, высшихъ бояръ, да и тамъ эти вещи не были въ большомъ количествѣ. Предметы церковной утвари въ древности были

большею частью иностранной работы, но вскорѣ появились и мѣстные мастера. Духовныя завѣщанія князей знакомятъ насъ съ тѣмъ, какія золотыя и серебряныя вещи были въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Это были чаши, блюда, ковши, стаканы, наливки (разливныя ложки), печати и др. предметы: всѣ они передавались по наслѣдству и тщательно перечислялись въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Большая часть этихъ издѣлій приготовлялась русскими мастерами; въ Москвѣ уже въ 1410 г. взималась пошлина съ серебрянаго литья. Дороже цѣнились вещи, приготовленныя за границей, благодаря изяществу и тонкости своей отдѣлки. Въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей Ивана Калиты были блюдо ѣздниинкое и стаканъ цареградскій. Изъ льна и конопли жители сѣверо-восточной Руси выдѣлывали льняныя, полотняныя ткани. Занятіе это существовало еще въ древнѣйшія времена. Пряденье, тканье и шитье, главнымъ образомъ, лежало на обязанности женщинъ; это ручное ремесло въ особенности процвѣтало въ женскихъ монастыряхъ. Княгиня Василиса жила въ монастырѣ, «тружаясь рукодѣльемъ». Холстъ и полотно шли на приготовленіе бѣлья, шатровъ, парусовъ, знаменъ, покрывалъ, савановъ и др. издѣлій. Одежды приготовлялись изъ суконныхъ и шерстяныхъ матерій; изъ одеждъ въ нашихъ источникахъ упоминаются слѣдующія: кочь или котыга, имѣвшая видъ мантіи, терминъ, напоминавшій татарское полукафтанье, главнымъ образомъ, княжеская одежда, охабни и сарафаны—лѣтнія одежды, опашни (шубы), капелюхи, сермяги, понявы и др. Шляпы и шапки были суконныя; изъ шерсти приготовлялись еще попоны, войлоки и др. предметы. Приготовленіемъ одежды занимались у себя дома преимущественно женщины; были и спеціальные мастера по этой части. Портняжьимъ ремесломъ занимались монахи не только для собственнаго потребленія, но и продажи. Высшіе классы носили одежду, приготовленную изъ иностранныхъ суконъ. Мѣховой промыселъ, вслѣдствіе обилія пушныхъ звѣрей, игралъ важную роль въ экономической жизни населенія. Мѣха шли на шитье шубъ и украшеніе одеждъ. Среди богатаго населенія были въ употребленіи шубы: медвѣжьи, волчьи, куньи, собольи, горностаевыя, бобровыя и др. Простой народъ носилъ кожухи изъ простыхъ овчинъ. Обувь шили изъ кожи и сафьяну. Это производство носило какъ домашній, такъ и ремесленный характеръ. Препод. Сергій Радонежскій «обувь крояше и шьяше». Надо отмѣтить, что выдѣлялись лица, спеціально посвятившія себя занятію этимъ ремесломъ. Кромѣ приготовленія обуви, кожа шла на обивку щитовъ, на выдѣлку поясовъ, производство барабановъ, конской сбруи и другихъ

вещей. Въ высшемъ классѣ были въ употребленіи кожаныя издѣлія и иностранной выдѣлки. Одежда богатаго населенія— князей и бояръ—отличалась отъ одежды простолюдиновъ качествомъ матеріала и украшеніями. Князь Иванъ Калита завѣщалъ, напримѣръ, сыну своему «кожухъ желтая обирь» (это шелковая матерія, приготовляемая въ Италіи). Очень дорогой матеріей греческаго происхожденія былъ аксамитъ — золотая или серебряная ткань. Дорогимъ сукномъ было скарлатное. Тотъ же Калита завѣщалъ своему сыну портище скарлатное. Одежды украшались золотымъ и шелковымъ шитьемъ. Въ качествѣ украшенія служили золотыя и серебряныя гривны и цѣпи, носимыя на шеѣ, и пояса. Калита отказалъ своему сыну Ивану «*поясъ сердоличенъ золотомъ окованъ*». Мужчины и женщины носили, какъ и прежде: обручи, серьги, перстни и подвѣски. Одежда украшалась пуговицами, запонками и застежками. Любимымъ украшеніемъ одеждъ служилъ жемчугъ и драгоцѣнные камни: сердоликъ, лалъ и алмазъ. Предметы роскоши большею частью выдѣлывались за границей, но и у насъ стали появляться мастера, исполнявшіе подобныя работы.

Искусство. Монгольское иго, нанесшее тяжелой ударъ промышленности русскаго народа вообще, не могло не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на стоявшей въ тѣсной связи съ нею художественной промышленности и техникѣ. Изъ строя центровъ промышленности и торговли выбылъ цѣлый рядъ южно-русскихъ городовъ, стоявшихъ прежде высоко именно въ области художественной техники — Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Новгородъ-Сѣверскъ, Львовъ, Холмъ, Владиміръ-Волынскій и др. Особенно чувствительна была потеря Кіева, представлявшаго изъ себя русскій центръ византійскихъ и корсунскихъ греческихъ художественныхъ издѣлій. Монгольское иго пріостановило быстрый ростъ и развитіе новгородско-суздальскаго типа русскаго искусства. Вторая половина XIII и весь XIV вѣкъ были эпохою «угнетенія народной жизни, отчаянія ея вождей, оскудѣнія страны, упадка промысловъ и ремеслъ, исчезновенія многихъ техническихъ знаній». Но монгольское нашествіе почти не коснулось Новгорода; во всякомъ случаѣ онъ оправился отъ него ранѣе другихъ областей и вотъ въ соотвѣтствіи съ этимъ мы замѣчаемъ въ немъ распространеніе *церковнаго зодчества*. Въ XIV и первой половинѣ XV вѣка въ Новгородѣ, по записямъ, было построено 140 церквей (въ среднемъ по одному храму въ годъ), въ томъ числѣ много каменныхъ, въ одномъ 1417 году этихъ послѣднихъ было построено 6. Но въ художественномъ отношеніи и церковное

новгородское зодчество не двинулось впередъ по сравненію съ предшествующей эпохой. Въ удѣльный періодъ были построены въ Новгородѣ: Покровская церковь подлѣ Софіи, церковь Ѳеодора Стратилата и другія въ окрестностяхъ города. Въ Великомъ княжествѣ Московскомъ въ зодчествѣ господствуетъ старый суздальскій стиль, но уже «безъ его изящества и безъ тѣхъ роскошныхъ обронныхъ украшеній, которыми мы доселѣ любуемся, на соборахъ Дмитріевскомъ во Владимірѣ и Георгіевскомъ въ Юрьевѣ». Лучше всего сохранилъ стиль удѣльной эпохи Успенскій соборъ въ Звенигородѣ. Подобно суздальскимъ храмамъ, и онъ сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня, и имѣетъ тотъ же архитектурный планъ; на половинѣ своей высоты онъ опоясанъ въ видѣ каймы узорчатыми высѣченными въ камнѣ полосками. Къ этой же эпохѣ относится соборъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Важнѣйшею особенностью внутренняго устройства храмовъ является замѣна древняго низкаго иконостаса высокимъ, дѣлившимся на такъ называемыя «тябла», т.-е. ярусы. Въ самой Москвѣ въ удѣльный періодъ былъ построенъ вел. кн. Василіемъ I въ 1405 году Благовѣщенскій соборъ, а подлѣ него устроены «чудны вельми и съ луною» боевые часы. Вѣроятно, по образцу ихъ устроилъ и себѣ башенные часы новгородскій владыка Евѳимій. Въ XV в. Москва стала уже выдвигаться и въ области техники: изъ Москвы въ это время пришлось псковичамъ выписывать мастера, умѣвшаго отливать свинцовыя доски для покрытія соборной крыши и научившаго этому искусству мѣстнаго Псковскаго кровельщика. Великіе князья московскіе очень цѣнили предметы церковной утвари и въ ихъ духовныхъ завѣщаніяхъ не разъ упоминается объ окладахъ иконъ и крестахъ. Въ Московской патріаршей ризницѣ и нынѣ хранится замѣчательный въ художественномъ отношеніи церковный памятникъ — саккосъ митрополита Фотія. На немъ вышиты (по атласу золотомъ, серебромъ и шелкомъ) изображенія праздниковъ и святыхъ и, что еще важнѣе, портреты вел. кн. Василія I, его супруги Софьи Витовтовны, греч. имп. Іоанна Палеолога, его супруги Анны (дочери вел. кн. Василія) и, наконецъ, самого митрополита Фотія. Портреты вел. князя и его супруги имѣютъ славянскія подписи, а византійскаго императора, его супруги и митрополита — греческія. Вѣроятно, это греческая работа, сдѣланная для вел. кн. московскаго. «Василій Дмитріевичъ на этомъ портретѣ имѣетъ мужественное лицо съ черными усами и умѣренной бородой, раздвоившейся на концѣ. На немъ низко подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкіе зеленые порты, запрятанные въ высокіе

сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинутъ довольно короткій плащъ зеленаго цвѣта съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. На правой рукѣ золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, вверху съ крестами и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи съ красными клѣтками въ золотыхъ рамахъ; сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ съ такимъ же передникомъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка или длинный плащъ, золотой съ серебряными кругами и въ нихъ синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ». Самостоятельную и видную отрасль русскаго искусства, стоявшую въ тѣсной связи съ церковнымъ зодчествомъ, занимала *иконопись*. Здѣсь опять-таки дѣйствовала еще старинная византійская традиція. Первый московскій митрополитъ Петръ былъ родомъ изъ Галицкой области—изъ города Львова. Въ тамошнемъ монастырѣ онъ научился иконописному искусству. Затѣмъ онъ основалъ въ окрестностяхъ Львова собственный монастырь, въ которомъ написалъ много иконъ. Сдѣлавшись митрополитомъ московскимъ, онъ по преданію написалъ двѣ иконы, находящіяся нынѣ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Изъ другихъ иконописцевъ извѣстны: Гойтанъ, Захарія, Іосифъ, Николай, св. Стефанъ Пермскій, преп. Игнатій Златой, пр. Діонисій Глушицкій, наконецъ, знаменитый преп. Андрей Рублевъ. Діонисій положилъ основаніе Вологодскому иконописанію. Дѣятельность наиболѣе замѣчательнаго изъ этихъ иконописцевъ А. Рублева относится къ XV вѣку. Вмѣстѣ съ грекомъ Ѳеофаномъ и старцемъ Прохоромъ, онъ расписывалъ въ 1405 году старый Благовѣщенскій соборъ на великокняжескомъ дворѣ. Вмѣстѣ съ иконникомъ Даниломъ онъ расписывалъ соборный храмъ Богородицы во Владимирѣ. Ему же приписывается икона св. Троицы въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. «Это была глубокопоэтическая душа, страстно преданная искусству, со взглядомъ на иконопись, какъ на дѣло богоугодное, душеспасительное. Для Андрея высочайшимъ наслажденіемъ было созерцать произведенія искусства» (иконы). Онъ создалъ цѣлую школу подражателей: «для древнерусскаго иконописца въ одномъ имени Рублева сливалось все то лучшее, къ чему онъ стремился въ своемъ искусствѣ». Въ произведеніяхъ иконописцевъ мало личнаго, индивидуальнаго творчества: «изображая священныя событія и лица по традиціонному, вѣками сложившемуся представленію народному, иконникъ является выразителемъ народной мысли, а не личнаго, индивидуальнаго

настроенія». Но въ общемъ характерѣ своемъ, русская иконопись все же представляетъ самобытное явленіе въ исторіи искусства. Изъ памятниковъ церковной фресковой живописи отмѣтимъ Спасопреображенскую церковь въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, расписанную грекомъ Θеофаномъ въ XIV ст.; тамъ же церковь св. Θеодора Стратилата XIV ст., въ которой сохранились изображенія на хорахъ двухъ св. русскихъ князей; Спасопреображенскую церковь на Ковалевѣ XIV в., въ окрестностяхъ Новгорода, въ которой сохранилось три лика святыхъ въ одеждахъ русскихъ воиновъ, съ копьемъ, щитомъ, латами и шлемомъ, Успенскую церковь XIV в. въ упраздненномъ Волотовомъ монастырѣ. Новгородской области принадлежитъ и интересный памятникъ свѣтской, портретной живописи, стоящій въ связи съ иконописью; это—икона, находящаяся въ Новгородѣ, въ часовнѣ Варлаама Хутынскаго, съ изображеніемъ молящихся новгородцевъ. Надпись гласитъ: «молятся рабы Божіи—Григорій, Марья, Яковъ, Стефанъ, Евсей, Тимоθей, Онфимъ и чады Спасу и Пречистой Богородицѣ о грѣсѣхъ своихъ. Въ лѣто ҂ѕцоє, индикта 15, повелѣніемъ раба Божія Антипа Кузьмина, на поклоненіе православнымъ». Заказчикъ иконы А. Кузьминъ заказалъ иконописцу и портреты перечисленныхъ лицъ, которые были исполнены, вѣроятно, въ иконномъ стилѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ натуры; это результатъ западнаго вліянія, столь замѣтнаго въ Новгородѣ. Въ Суздальско-Владимирской области къ этой эпохѣ относятся: Успенскій соборъ во Владимирѣ съ фресками, писанными правдоподобно А. Рублевымъ, и Успенскій соборъ въ Звенигородѣ.

Особымъ видомъ живописи являлась миньятюра, т.-е. рисунки заглавныхъ буквъ и заставокъ на отдѣльныхъ вставочныхъ листахъ рукописей. Въ основѣ ея лежали византійскіе и югославянскіе образцы. Художники миньятюристы были болѣе свободны въ проявленіи своей индивидуальности, чѣмъ ихъ собратья по фресковой и мозаичной живописи, ибо произведенія ихъ предназначались не для храмовъ, а для частнаго употребленія. «Столѣтіе — съ пол. XIII до пол. XIV в. является въ области искусства глухою порою. Новые чужеземные образцы не приливаютъ... вторгается струя самодѣльщины... Но исходъ XIV и начало XV ст. ознаменовались въ русскомъ рукописномъ дѣлѣ почти что переворотомъ—наплывомъ южно-славянскаго вліянія въ области палеографіи»; это отразилось и на миньятюрахъ. «Наши миньятюры представляютъ постоянную борьбу неумѣлой техники и бѣдности воображенія съ высокимъ изяществомъ классическаго стиля византійскаго искусства... Красота въ нихъ относи-

тельная, какъ остатокъ художественныхъ оригиналовъ, неумѣло переданныхъ иногда въ грубой и искаженной формѣ». Изъ памятниковъ этого рода наиболѣе замѣчательнымъ нужно признать миньятюры «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», относящагося къ XIV вѣку. Быть-можетъ, иллюстраторъ пользовался и болѣе древнимъ иконографическимъ матеріаломъ. Здѣсь въ иллюстраціяхъ—все житіе Бориса и Глѣба съ изображеніями Владимира св., Святополка окаяннаго, братьевъ-мучениковъ, Изяслава—всѣхъ въ доспѣхахъ и одеждахъ, великокняжескихъ палатъ, шатра, воиновъ-всадниковъ, насадовъ (т.-е. лодокъ), погребенія Глѣба въ лѣсу между двумя колодами, перенесенія мощей св. Бориса на саняхъ лѣтомъ. Далѣе отмѣтимъ изъ другихъ памятниковъ миньятюры нѣсколькихъ псалтырей XIV в., въ томъ числѣ смоленской, рисунки коей были исполнены Смоляниномъ Лукою въ 1395 году; среди нихъ есть одинъ интереснаго патріотическо-аллегорическаго характера. Изображено четыре звѣря—левъ, барсъ, медвѣдь и чудовище, олицетворяющія тогдашнихъ грозныхъ сосѣдей доживавшаго послѣдніе дни самостоятельности Смоленскаго княжества—Литва, Тевтонскій орденъ, Москва и Монголо-татарская Орда, а среди нихъ въ видѣ зайца Смоленское княжество. Есть также нѣсколько лицевыхъ рукописей евангелій. Въ тѣсной связи съ рисунками находится орнаментъ миньятюръ. Орнаментъ этотъ отличается разнообразіемъ и богатствомъ колорита, гармоніею тоновъ. Формы этой орнаментики представляли повтореніе или развитіе византійскихъ, болгарскихъ и сербскихъ образцовъ съ примѣсью, однако, и національныхъ русскихъ началъ. Рельефнѣе всего выдвинулся въ орнаментикѣ заглавныхъ буквъ новгородскій стиль. Эта рукописная орнаментика близка къ народнымъ узорамъ и вышивкамъ на полотенцахъ, простыняхъ и кружевахъ, но по сравненію съ западнымъ орнаментомъ русскій—это скромное деревцо съ цвѣтами, которые отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть. На русскихъ монетахъ XIII—XV ст. мы находимъ много эмблематическихъ изображеній византійско-восточнаго происхожденія.

Внутренняя торговля. Народное хозяйство въ сѣверо-восточной Руси носило преимущественно натуральный характеръ. Производители расчитывали, главнымъ образомъ, не на сбытъ добываемыхъ продуктовъ, а на собственное потребленіе. Натуральное хозяйство, однако, постепенно переходило въ денежное и признаки, указывавшіе на появленіе новой фазы хозяйственныхъ отношеній, проявились въ торговомъ обмѣнѣ, денежномъ обращеніи, финансовой системѣ и спеціализаціи промысловъ и ремеслъ. Сбытъ продуктовъ добывающей и обрабатывающей про-

мышленности производился въ городахъ на торгахъ, кромѣ того, въ опредѣленное время года по волостямъ устраивались ярмарки; при церквахъ были лавочки для продажи воска и ладана. Въ большихъ городахъ, какъ, напр. въ Москвѣ, были гостинные ряды для различныхъ предметовъ торговли. Торговая предпріимчивость жителей зависѣла отъ почвенныхъ и климатическихъ условій мѣстности, отъ тѣхъ естественныхъ произведеній, которыми была богата данная мѣстность. Существовали торговыя сношенія и между областями сѣверо-восточной Руси; конечно, эти сношенія нельзя назвать оживленными, но все же нельзя ихъ и игнорировать. Несомнѣнны торговыя сношенія Новгорода великаго со Смоленской, Тверской и Суздальской областями, вообще со всѣмъ низомъ, откуда вольный городъ получалъ хлѣбъ, отправляя туда, въ свою очередь, ленъ, хмель и предметы заморскаго ввоза. Въ Торжкѣ—этомъ ключѣ хлѣбной низовой торговли—постоянно можно было встрѣтить тверскихъ и новгородскихъ купцовъ. Важное значеніе для развитія торговыхъ сношеній имѣли рѣки, какъ удобные пути для перевозки товаровъ. Благодаря Волгѣ и ея притокамъ волжскіе города находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ городами центра и окраинъ. Москва-рѣка связывала въ торговомъ отношеніи жителей Московскаго княжества съ Рязанскими и приволжскими городами. Тверскіе и Рязанскіе князья въ своихъ договорахъ съ Московскими великими князьями стараются оградить свои торговые интересы. Московская область вела торговлю съ Двинской землею, въ особенности эта торговля усилилась въ XIV в., когда Двинская земля поддалась Москвѣ. Приволжскія области получали соль изъ сѣвернаго края; экспортъ ея шелъ по рр. Сѣв. Двинѣ и Онегѣ на Волгу черезъ Устюгъ, Вологду и Кострому. Неудобный для земледѣльческой культуры сѣверъ получалъ хлѣбъ изъ волжскихъ краевъ черезъ Вологду. Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ картина внутреннихъ торговыхъ сношеній областей сѣверо-восточной Руси. Изъ предметовъ торговли наибольшимъ сбытомъ пользовались хлѣбъ, мѣха и воскъ.

Внѣшняя торговля. Монголо-татарское владычество оказало замѣтное вліяніе на измѣненіе торговыхъ путей. Сильно ослабѣло торговое движеніе по Днѣпру въ Византію, но зато выросло торговое движеніе по Волгѣ и Дону, на устьѣ котораго городъ Тана (Азовъ) сдѣлался главнымъ торговымъ центромъ. Русскіе купцы, ведшіе здѣсь торговлю, назывались сурожанами (отъ Сурожскаго—Азовскаго моря); они вывозили изъ Руси мѣха, а ввозили ткани итальянской и греческой работы. Въ XIV в. на Черноморскомъ и Азовскомъ побережьѣ процвѣтали генуэзскія и венеціанскія

колоніи, державшія въ своихъ рукахъ нити торговли. Въ Крыму важное торговое значеніе среди нихъ получила Каѳа (или Ѳеодосія). Что касается восточной торговли, то средоточіемъ ея теперь сдѣлалась Золотая Орда, замѣнившая Камскую Болгарію. Это оживило Волжскій рѣчной путь. Кромѣ рѣчного, здѣсь существовало и сухопутное движеніе. Въ торговлѣ принимала участіе Персія и Бухарія. Татарское нашествіе не сыграло для торговли сѣверо-востока такой гибельной роли, какъ для юго-запада; оно не отняло внѣшнихъ рынковъ и даже создало новые. Въ это время развивается Ганзейская торговля въ Новгородѣ. Въ XIV в. усиливается торговля съ Золотою ордою, Крымомъ. Важными торговыми путями дѣлаются рѣки Волга и Донъ; товары изъ одной рѣки въ другую перевозились волокомъ. Одновременно съ развитіемъ торговой дѣятельности по р. Волгѣ усилились разбойничьи набѣги ушкуйниковъ на города и торговыя суда. Гор. Болгары былъ важнымъ торговымъ центромъ на р. Волгѣ: въ немъ постоянно жило значительное количество русскихъ купцовъ. По Волгѣ плавали торговыя суда русскихъ и восточныхъ народовъ: армянъ, татаръ, болгаръ, объединяемыхъ лѣтописью общимъ именемъ бесерменъ. Кромѣ г. Болгаръ, русскіе купцы имѣли постоянное жительство въ ханской столицѣ—Сараѣ. Центромъ торговой дѣятельности въ Крыму былъ г. Сурожъ; пріѣзжавшіе оттуда въ Москву торговцы назывались сурожанами. Въ Русь пріѣзжали гости торговые люди изъ земли Кубанскихъ татаръ. Важнымъ передаточнымъ торговымъ пунктомъ былъ Азовъ: черезъ него шли русскіе товары, направляемые въ степь къ татарамъ и на Кубань. Русскіе купцы посѣщали Астрахань, переплывали Каспійское море и проникали даже въ глубь средней Азіи: ихъ встрѣчали въ Самаркандѣ. Ѣздили русскіе купцы и на Кавказъ; бывали они и въ Кафѣ. Есть извѣстіе, что въ концѣ XIV в. изъ Руси въ Генуюю и Венецію доставлялась рыба и воскъ: вѣроятно, русскіе товары попадали въ Италію при посредствѣ другихъ народовъ. На первомъ планѣ среди всѣхъ предметовъ вывоза слѣдуетъ поставить мѣха: собольи, бобровые, куньи и др., которые расходились при посредствѣ татаръ по всей Азіи; далѣе слѣдуетъ назвать рыбьи зубы, медъ, воскъ и льняныя одежды. Въ обмѣнъ въ Русь шли съ Востока пряности, плоды, различныя травы, дорогія шелковыя матеріи, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія, жемчугъ, бисеръ, оружіе и булатныя вещи, степные кони. Татарскіе купцы, въ свою очередь, посѣщали Русскую землю для торговыхъ цѣлей. *«Не право у тебя чинится въ городѣхъ*, писалъ въ 1409 году Эдигей великому князю Василію, *вы и жалобъ и гостей на смѣхъ подымаете... А прежъ*

сего гостей держали безъ истомы и безъ обиды». Торговля съ Западной Европой находилась преимущественно въ рукахъ великаго Новгорода, при посредствѣ котораго и расходились по Русской землѣ предметы западной промышленности. Г. Смоленскъ находился въ торговой связи съ г. Ригою. Торговыя сношенія существовали между Литвою и сѣверо-восточной Русью. Договоры Литвы съ Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ княжествами стараются оградить ея торговые интересы въ смыслѣ предоставленія льготъ купцамъ.

Обстоятельства, препятствовавшія торговлѣ. Большимъ препятствіемъ для нормальнаго развитія торговой дѣятельности въ удѣльной Руси служили многочисленныя торговыя пошлины. Правительство тщательно слѣдило за каждымъ шагомъ купца, за всякимъ его дѣйствіемъ, чтобы не упустить источника дохода; пошлины неотступно преслѣдовали купца съ момента отъѣзда его изъ дома до окончательной распродажи имъ товара. По ханскимъ ярлыкамъ и княжескимъ грамотамъ только духовенство было освобождено отъ уплаты всякаго рода торговыхъ пошлинъ. Такія же льготы иногда получали въ силу княжеской милости отдѣльныя лица, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ и цѣлыя области. Такъ, въ 1398 г. вел. кн. Василій I освободилъ жителей Двинской земли отъ уплаты заставныхъ и таможенныхъ пошлинъ по случаю перехода ея подъ власть великаго князя. Взиманіе многочисленныхъ торговыхъ пошлинъ составляло прибыльную статью дохода для княжеской казны, для торговыхъ же людей эта система была чрезвычайно убыточна. Отдѣльные виды пошлинъ сами по себѣ были не велики, но въ общей сложности онѣ составляли крупную сумму. Въ удѣльный періодъ вслѣдствіе раздробленія верховной власти право взимать пошлины присвоили себѣ и нѣкоторые вотчинники, не говоря уже о князьяхъ. Въ договорахъ великихъ князей постоянно встрѣчается условіе: *«а мыты намъ держати старые пошлые, а новыхъ мытовъ намъ не замышлять, ни пошлинъ»*. Богатствомъ денежныхъ капиталовъ въ сѣверо-восточной Руси обладали немногіе купцы, князья и монастыри. Въ силу указаннаго обстоятельства — недостатка свободныхъ капиталовъ — кредитъ былъ слабо развитъ, а проценты довольно высоки: для XIV и XV вв. нормальный размѣръ ихъ равнялся 20% на сто. Духовенство вооружалось противъ высокихъ процентовъ, «кроваваго рѣзоимства», но, конечно, оно было безсильно уничтожить это зло.

Пути сообщенія были не удовлетворительны: вездѣ были непроходимые лѣса и пустынныя дебри путешествія, по кото-

рымъ, въ особенности въ весеннюю и лѣтнюю распутицу, представляло непреодолимыя затрудненія. Зимою глубокіе снѣга и сильные морозы сильно давали себя чувствовать торговымъ людямъ. Передвиженіе по рѣкамъ было наиболѣе удобнымъ, но и тутъ приходилось считаться съ такими обстоятельствами, какъ отсутствіе сносныхъ переправъ и мостовъ: чтобы добраться отъ одной рѣки до другой, необходимо было тащить товары волокомъ: можно вообразить себѣ трудности подобнаго путешествія по болотамъ, трясинамъ и глубокой грязи. Кромѣ этихъ естественныхъ неблагопріятныхъ условій — климатическихъ и природныхъ, за которыя пенять было не на кого, русскій купецъ долженъ былъ во время путешествія быть всегда на чеку, въ ожиданіи разбойничьяго нападенія: при слабости, неорганизованности правительственной власти разбои были неистребимымъ зломъ. Какъ въ средневѣковой Европѣ, такъ и у насъ купецъ былъ по необходимости въ то же время и воиномъ. По Волгѣ торговыя суда часто страдали отъ новгородскихъ ушкуйниковъ и татарской вольницы. Тяжело отзывались на товарообмѣнѣ междоусобныя войны и столкновенія между вотчинниками,—столкновенія, во время которыхъ страдали не только купцы, но все вообще населеніе.

Денежная система. Въ удѣльный періодъ претерпѣла нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ областнымъ и монетная система. Главною денежною единицею является теперь серебряный *рубль*, образовавшійся изъ прежней гривны, *разрубленной* на двѣ части; онъ вѣсилъ, слѣдовательно, вначалѣ приблизительно $^1/_4$ фунта, будучи разрѣзанъ на 2 части, онъ образовалъ полтину. Мелкая монета стала называться татарскимъ терминомъ—деньга; въ рублѣ ихъ было 100 штукъ, но иногда число этихъ денежекъ доходило до 200; три деньги составляли алтынъ (это то же татарскій терминъ). Мѣдная монета называлась пулами. Раздробленность Руси на удѣлы отразилась и на отсутствіи единства монетной системы. Каждое самостоятельное княжество чеканило свою монету, отличавшуюся отъ монеты его сосѣдей. «Новгородскія деньги» («новгородки») были дороже московскихъ («московокъ»). Мелкая монета этого періода представляетъ изъ себя маленькія тоненькіе неправильные кружки съ надписями и изображеніями: обозначалось имя великаго князя московскаго, иногда съ прибавленіемъ «всея Руси». На многихъ серебряныхъ монетахъ мы находимъ иногда и арабскія надписи съ именемъ золотоордынскаго хана, съ изображеніемъ татарской тамги—и въ этой сферѣ отразилось татарское иго. На монетахъ рязанскихъ и тверскихъ князей также были изображенія и надписи съ именемъ мѣстныхъ князей. На московскихъ монетахъ и печатяхъ во времена

Василія Темнаго начинаетъ появляться изображеніе Георгія Побѣдоносца; это гербъ великаго княжества Московскаго: гербомъ Новгорода и Пскова являлся бѣгущій въ полѣ барсъ. Такъ и въ монетномъ дѣлѣ нашелъ себѣ выраженіе переходной характеръ удѣльнаго періода, съ его раздробленностью власти и татарскимъ владычествомъ. И въ монетной системѣ исчезали формы областного періода и появлялись новыя, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло и въ настоящее время.

Стихійныя народныя бѣдствія. Общественныя бѣдствія въ видѣ голода, эпидемическихъ болѣзней не разъ посѣщали удѣльную Русь, уносили съ собою множество жертвъ и разстраивали, глубоко потрясали промышленную жизнь. Это были стихійныя бѣдствія, борьба съ которыми была невозможна для тогдашняго общества. Въ теченіе XIV ст. неурожаи 7 разъ посѣщали Русскую землю. Въ первой половинѣ XV ст. слѣдуетъ отмѣтить голодъ 1422 года, продолжавшійся въ теченіе 3 лѣтъ: люди принуждены были питаться чѣмъ попало, многіе умирали отъ голодной смерти; въ одномъ Псковѣ трупами умершихъ было наполнено 4 скудельницы. XIV столѣтіе было обильно моровыми повѣтріями, унесшими съ собою тысячи жизней. Въ 1351—2 году черная смерть постигла весь сѣверо-восточный край. По словамъ лѣтописи, болѣзнь эта во Псковѣ имѣла такіе признаки: человѣкъ начиналъ харкать кровью, а на четвертый день уже умиралъ, Трупы умершихъ сваливали прямо на церковный дворъ и сразу отпѣвали. Казалось, что никто во Псковѣ не останется въ живыхъ; подъ вліяніемъ бѣдствія въ особенности усилилось стремленіе поступать въ монахи. Въ 1360 году во Псковѣ былъ опять моръ: на этотъ разъ характернымъ признакомъ его было опуханіе железъ, отчего и слѣдовала смерть въ 3 дня. Подобный моръ былъ и въ Новгородѣ въ 1390 году. Моръ, сопровождаемый кровохарканіемъ, свирѣпствовалъ въ 1363 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимирѣ и др. городахъ. Въ 1387 году моръ уничтожилъ почти все населеніе г. Смоленска и оставшіеся въ живыхъ 5 человѣкъ ушли изъ города, затворивъ за собою его ворота. Въ 1417 году моръ съ кровохарканіемъ и опухолью железъ пронесся по всему сѣверному краю: въ Новгородѣ, Ладогѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Твери и др. мѣстностяхъ. Лѣтописи такъ описываютъ теченіе этой болѣзни: прежде всего человѣка какъ будто рогаткой ударитъ за лопатку или противъ сердца, онъ разболится и начнетъ горѣть въ огнѣ и харкать кровью, потомъ выступитъ потъ, за нимъ дрожь начнетъ перебирать всѣ суставы; а железы появлялись въ разныхъ мѣстахъ: у кого на

шеѣ, у кого подъ пазухой; поболѣетъ человѣкъ, поболѣетъ и – умретъ. Этотъ грозный бичъ унесъ массу жертвъ. Въ 1425 году моръ посѣтилъ Москву и другія области. Лѣтописи отмѣчаютъ какъ его характерную черту появленіе новаго признака—прыща: при синемъ прыщѣ больной на третій день умиралъ, при красномъ выздоравливалъ. Въ ряду народныхъ бѣдствій необходимо отмѣтить пожары, которые истребляли чуть ли не цѣлые города, всѣ пожитки жителей, уносили немало и человѣческихъ жизней. Иногда разыгравшаяся огненная стихія принимала такой грозный характеръ, что жителямъ чудилась кончина міра, «огнь хождаше по водѣ» и даже Волховъ не былъ въ состояніи спасти погибающихъ отъ пламени.

22-я глава. Религіозное, нравственное и умственное состояніе общества.

Устройство церкви. Монастыри. Ересь стригольниковъ. Нравственное состояніе общества. Общій уровень умственной культуры. Виды литературныхъ произведеній.

Литература вопроса. Источники: лѣтописи Воскресенская, Никоновская (здѣсь житіе Сергія Радон.). Новгородскія. Временникъ моск. общ. исторіи и др., кн. XIV (Задонщина); Памятники древне-русскаго каноническаго права XI—XV вв. (Рус. историч. Библіотека, томъ шестой, СПБ., 1880). Пособія: *Григорьевъ.* О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами зол. орды рус. дух., М. 1842; *Березинъ.* Тарханные ярлыки, данные ханами Зол. Орды рус. дух., Каз., 1852; *Н. В. Калачевъ.* О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права. М. 1850; *Макарій.* Исторія русской церкви, т. IV, V; *Голубинскій.* Исторія русской церкви, т. 2-й, кн. 1-я; *Т. Барсовъ.* Констант. патріархъ и его власть надъ русскою церковію, СПБ., 1878; *В. О. Ключевскій.* Житія святыхъ какъ истор. источникъ, М., 1871; *Розенкампфъ.* Обозр. Кормчей книги. М. 1829; *А. Павловъ.* Первонач. слав. рус. номоканонъ. К., 1869; *Д. И. Багалѣй.* Св. Сергій Радонежскій и его значеніе въ русской исторіи (рѣчь); *Н. А. Лавровскій.* О древне-русскихъ училищахъ. Х. 1854; *Некрасовъ.* Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Од., 1870; *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. 4-й; *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи, т. 2-й, XIV—XV вв., М., 1884 (здѣсь и подробная библіографія).

Устройство церкви. Въ административномъ отношеніи русская церковь попрежнему зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха и во главѣ стоялъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Что касается памятниковъ церковнаго законодательства, то здѣсь было сильно вліяніе Византіи. Греческіе сборники церковнаго права — номоканоны — перешли къ намъ въ славянскомъ переводѣ вскорѣ по принятіи христіанства. Въ связи съ переводными греческими номоканонами возникли у насъ и самостоя-

тельныя редакціи *кормчихъ:* новгородская, относящаяся къ XIII в., съ русскими дополненіями, и рязанская. Изъ греческихъ номоканоновъ перешли въ наши кормчія и памятники *свѣтскаго* византійскаго права: 1) Эклога (VIII в.), 2) Прохиронъ (IX в.), 3) Законъ судный людямъ или Судебникъ царя Константина. Въ XII — XIII в. были переведены «Книги законныя», содержащія земледѣльческій уставъ Юстиніана, законъ о бракахъ, казняхъ и свидѣтеляхъ. Они оказали вліяніе на Русскую Правду. По политическимъ причинамъ митрополиты перенесли свою каѳедру сначала во Владиміръ, а затѣмъ съ 1328 года митрополичьей резиденціей сдѣлалась Москва. Въ 1458 году совершилось отдѣленіе въ церковномъ отношеніи юго-западной Руси отъ сѣверо-восточной. Въ теченіе удѣльнаго періода однѣ епархіи закрывались, взамѣнъ ихъ открывались новыя: такъ была учреждена Сарайская епархія для обслуживанія религіозныхъ нуждъ христіанскаго населенія, жившаго въ Ордѣ. Въ началѣ XV вѣка было 18 епархій; изъ нихъ 9 въ сѣверо-восточной Руси и 9 въ юго-западной. Титулъ архіепископа на сѣверо-востокѣ носило три архіерея: Новгородскій, Суздальскій и Ростовскій. Зависимость русской церкви отъ византійской выражалась въ поставленіи русскихъ митрополитовъ въ Константинополѣ съ согласія и соизволенія патріарха. Несмотря на принципіальное мнѣніе высшаго духовенства въ Византіи, что въ Руси митрополитомъ долженъ быть непремѣнно грекъ, все же пришлось сдѣлать уступку русской національной гордости и въ теченіе удѣльнаго періода митрополичью каѳедру занимали четверо русскихъ: св. Петръ, св. Алексѣй, Пименъ и Іона. Византійскій патріархатъ съ явной неохотой соглашался на это отступленіе отъ своихъ правилъ. Пока князья сѣверо-восточной Руси были слабы, зависимость русской церкви отъ византійской стояла прочно, съ возвышеніемъ же великихъ князей московскихъ и собраніемъ ими русскихъ земель, дѣло приняло другой оборотъ: объединенной Руси прилично было имѣть своего митрополита, независимаго отъ Константинопольскаго патріарха.

Исидоръ былъ послѣднимъ митрополитомъ, поставленнымъ въ Византіи; участіе его въ Флорентійскомъ соборѣ привело къ разрыву. Въ концѣ 1448 года соборомъ русскихъ епископовъ былъ поставленъ митрополитомъ Іона. Въ 1451 году великій князь въ особой оправдательной грамотѣ старался доказать лойяльность дѣйствій русской церкви и возобновить старыя отношенія съ Константинополемъ. Но это были безуспѣшныя попытки: въ русскомъ обществѣ все болѣе и болѣе распространялся взглядъ, что цареградская церковь отступила отъ право-

славія, сблизилась съ латинянами. Политическое паденіе Константинополя въ 1453 году разсматривалось, какъ Божіе наказаніе за грѣхи. Въ 1461 году послѣ смерти Іоны былъ поставленъ митрополитъ, безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ, по повелѣнію великаго князя. Такимъ образомъ, русская церковь сдѣлалась автокефальной. Но и до того митрополитъ самостоятельно управлялъ митрополіей; патріархъ могъ вмѣшиваться только въ случаяхъ крайней необходимости - безпорядковъ въ управленіи, явныхъ отступленій отъ каноническихъ правилъ; патріархъ принималъ жалобы на митрополита и апелляцію на его судъ. Митрополитъ предсѣдательствовалъ на соборахъ русскихъ епископовъ. Онъ обращался съ посланіями къ своей паствѣ отъ своего имени или отъ имени всего духовенства. Епископовъ по каноническому праву долженъ былъ выбирать соборъ епископовъ; до XIV же вѣка въ противность этому праву епископовъ назначалъ своею властью митрополитъ по соглашенію съ мѣстнымъ княземъ. Въ XIV в. при митрополитѣ Ѳеогностѣ былъ установленъ порядокъ, согласный съ каноническими правилами: соборъ выбиралъ трехъ кандидатовъ, а изъ нихъ одного — митрополитъ. Отношенія митрополита къ епископамъ напоминали въ теоріи отношенія патріарха къ митрополиту: епископъ не имѣлъ права ничего важнаго дѣлать безъ согласія митрополита, равно и митрополитъ безъ согласія собора епископовъ. Въ дѣйствительности же обѣ стороны пользовались гораздо большей самостоятельностью, въ особенности, митрополитъ. Епископъ подлежалъ митрополичьему суду, собственно говоря, суду епископовъ во главѣ съ митрополитомъ.

Представители духовенства—митрополиты, епископы занимали высокое и почетное положеніе въ русскомъ обществѣ. Князья называютъ митрополитовъ или епископовъ отцами, митрополиты въ своихъ грамотахъ называютъ князей сыновьями. Договорныя грамоты начинаются словами: «по благословенію отца нашего митрополита». Князья нерѣдко обращаются къ іерархамъ церкви и чернецамъ съ просьбою о наставленіи, о совѣтѣ, равно и высшіе представители церкви считали себя въ правѣ давать совѣты князьямъ даже тогда, когда ихъ объ этомъ не просили. Такъ какъ русская церковь находилась въ зависимости отъ византійской, то несомнѣнно, что и въ дѣлѣ выясненія своихъ отношеній къ свѣтской власти она руководствовалась идеями, выработанными византійской свѣтской и церковной публицистикой. Въ церковной византійской публицистикѣ высказывалась мысль о превосходствѣ священства надъ царствомъ. На практикѣ, однако, императоръ имѣлъ обширныя права въ церковныхъ

дѣлахъ и являлся какъ бы вторымъ патріархомъ. Ѳеократическія притязанія византійскаго духовенства не удались. Не имѣя почвы для проведенія въ жизнь идеи о господствѣ священства надъ царствомъ у себя на родинѣ, византійское духовенство не отказалось все же отъ мысли провести ее на Руси. Митрополитъ Фотій училъ, что священство отстоитъ отъ мірского сана, какъ небо отъ земли. Въ духовныхъ кругахъ распространялась мысль о предѣлахъ повиновенія княжеской власти; за духовенствомъ признавалась право наставлять князей на путь истины. Теоретическія построенія, разсѣянныя въ проповѣдяхъ и посланіяхъ духовенства, не имѣли, однако, практическихъ послѣдствій: проблема о взаимоотношеніи священства и царства рѣшена была въ пользу царства; практика русская совпала съ византійской. Духовенство въ удѣльный періодъ, несомнѣнно, находилось въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ княжеской власти. Эта зависимость все болѣе и болѣе возрастала по мѣрѣ возвышенія великаго княжества Московскаго. Высшее духовенство стало на сторону великихъ князей Московскихъ, вступило съ ними въ тѣсный союзъ и создало удобный для обѣихъ сторонъ modus vivendi. Высшая духовная власть пошла рука объ руку съ великокняжеской въ дѣлѣ достиженія послѣдней политическаго преобладанія, освящая своимъ авторитетомъ всѣ подчасъ даже темныя дѣянія свѣтской власти. Если духовная власть и являлась въ роли карающей Немезиды, если она на практикѣ старалась доказать превосходство духовнаго авторитета надъ свѣтскимъ, то только по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ — въ угоду московскимъ. Такъ дѣйствовалъ митр. Алексѣй и Ѳеогностъ. Духовенство оказало большую услугу княжеской власти тѣмъ, что способствовало ея возвышенію въ глазахъ народа и санкціонировало ея дѣйствія своимъ авторитетомъ. Еще съ самого принятія христіанства церковь сѣяла сѣмена ученія о богоустановленности власти, объ ея отвѣтственности за свои дѣйствія передъ Богомъ, и эти сѣмена за нѣсколько столѣтій принесли свои плоды. Первоначально это ученіе не имѣло успѣха и туго проникало въ общественное сознаніе, пока были живы старыя дружинныя традиціи, но въ удѣльный періодъ это ученіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати для московскихъ князей-собирателей. Такимъ образомъ на ряду съ процессомъ матеріальнаго созданія сильной свѣтской власти слагалась и соотвѣтствующая ей идеологія. Князь явился офиціальнымъ блюстителемъ правовѣрія церковнаго. Когда русская церковь оказалась автокефальной, то великій князь, согласно византійскимъ традиціямъ, сдѣлался главнымъ защитникомъ церкви; духовный автори-

тетъ окончательно смѣнился свѣтскимъ. Русская церковь въ удѣльный періодъ имѣла во главѣ своей въ качествѣ митрополитовъ мужей мудрыхъ, твердыхъ въ христіанскомъ вѣроученіи, «право правящихъ слово божественной истины». Они крѣпко держали въ своихъ рукахъ бразды церковнаго управленія, но не упускали изъ виду и свѣтскихъ дѣлъ, всѣми зависящими средствами способствуя возрастанію могущества московскихъ великихъ князей. Два изъ нихъ за свою добродѣтельную истинно-христіанскую жизнь причислены церковью къ лику святыхъ: это—св. Петръ и св. Алексѣй. Упомянутые святители, кромѣ христіанскихъ подвиговъ, извѣстны въ исторіи важными услугами, оказанными московскимъ князьямъ: они защищали интересы Московскаго княжества въ ордѣ передъ ханами, благоволеніемъ которыхъ пользовались, отвращали татарскія грозы, на родинѣ они обращали свое духовное оружіе противъ удѣльныхъ князей — политическихъ враговъ московскихъ князей-собирателей; такимъ образомъ въ грандіозное зданіе объединенной сѣверо-восточной Руси подъ главенствомъ Москвы ими положено немало камней. Особое исключительное положеніе среди московскихъ іерарховъ удѣльной Руси занимаетъ митрополитъ Исидоръ. Онъ вписалъ свое имя въ скрижали исторіи, благодаря своему участію въ знаменитомъ Флорентійскомъ соборѣ. Это былъ послѣдній митрополитъ изъ грековъ, присланный въ Русскую землю въ 1437 году, къ большому неудовольствію великаго князя Василія Васильевича. Не успѣвъ обжиться на новомъ мѣстѣ, митрополитъ Исидоръ задумалъ невиданное и неслыханное на Руси дѣло: онъ рѣшилъ ѣхать на церковный соборъ греческаго и латинскаго духовенства въ Италію. Съ большой неохотой и неудовольствіемъ отпустилъ великій князь Исидора въ чужую землю, взявъ предварительно съ него обѣщаніе въ чистотѣ сохранить древнее православіе. На соборѣ, засѣдавшемъ сначала въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи, Исидоръ принялъ сторону многочисленной партіи, стоявшей за унію. Въ 1439 года на Флорентійскомъ соборѣ торжественно была обнародована унія, на актѣ уніи подписался: митрополитъ Исидоръ и по-славянски — «смиренный епископъ Авраамій Суздальскій». Папа назначилъ Исидора своимъ легатомъ для Ливоніи, западной и восточной Руси. По пріѣздѣ въ Москву онъ сразу обнаружилъ своимъ поведеніемъ, что прельстился латинской вѣрою: передъ нимъ несли латинскій крыжъ и 3 серебряныя палицы, на литургіи въ Успенскомъ соборѣ онъ помянулъ папу прежде патріарховъ и, наконецъ, прочелъ грамоту объ уніи съ изложеніемъ догматовъ римской церкви. По распоря-

женію великаго князя Исидоръ былъ лишенъ митрополичьяго престола и заключенъ въ Чудовъ монастырь до суда. Не дожидаясь суда, Исидоръ бѣжалъ въ Литву, а оттуда въ Римъ, гдѣ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Высокое почетное положеніе церкви и духовенства въ удѣльномъ обществѣ стояло въ связи съ матеріальнымъ могуществомъ этого учрежденія. Даже татарское владычество не отразилось гибельнымъ образомъ на ея матеріальномъ благополучіи: причиной этого была вѣротерпимость татаръ. Ярлыки татарскихъ хановъ закрѣпили за церковью ея привилегированное положеніе. Всѣхъ ярлыковъ, данныхъ церкви, дошло до насъ 7. Первый изъ нихъ былъ данъ ханомъ Менгу-Темиромъ митрополиту Кириллу въ 1279 году. Онъ провозглашаетъ принципъ вѣротерпимости, ограждаетъ отъ всякихъ оскорбленій православную вѣру и ея представителей, освобождаетъ духовенство, церковныхъ людей и холоповъ отъ уплаты даней, пошлинъ и повинностей, церковныя земли объявляетъ неприкосновенными. Другіе ханскіе ярлыки предоставляли духовенству судебныя льготы, т.-е. право суда по всѣмъ безъ изъятія дѣламъ надъ церковными людьми. Льготныя жалованныя грамоты русскихъ князей преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и ханскіе ярлыки, т.-е. обезпеченіе привилегированнаго положенія духовенства, но, пожалуй, не идутъ такъ далеко, какъ ханскіе ярлыки. Къ концу удѣльнаго періода замѣчается со стороны свѣтской власти тенденція къ умаленію льготъ духовенства. Союзъ церкви съ государствомъ давалъ ей матеріальныя блага и въ то же время устанавливалъ ея подчиненное положеніе. Дворъ митрополитовъ и архіереевъ и вообще церковное управленіе были устроены по свѣтскому образцу. Митрополиты и епископы имѣли своихъ бояръ и слугъ вольныхъ, свои дворцовые чины: во время войны они выставляли свой полкъ. Главное завѣдываніе имуществами митрополичьей каѳедры сосредоточивалось въ рукахъ дворецкаго; подчиненными ему органами были волостели и посельскіе, сидѣвшіе по волостямъ и селамъ.

Монастыри. Удѣльный періодъ нашей исторіи, въ особенности вторая его половина, въ области церковной жизни характеризуется необыкновеннымъ распространеніемъ монастырей въ сѣверо-восточной Руси. Всѣхъ монастырей въ эту эпоху возникло болѣе 180. Религіозное усердіе широкой волной захватило различные слои русскаго общества и увлекло ихъ въ тишину уединенной жизни. Шли въ монастыри и пресытившіеся жизнью, испытавшіе всѣ ея блага люди, нагулявшіеся по міру, и горемычные, бездольные, придавленные тяжкой мачехой—судьбиной.

Люди, уходящіе отъ міра, давали въ общемъ два преобладающихъ типа: съ одной стороны, это были энергичные страстные характеры, съ широкими запросами; они шли въ глухія дебри искать покоя своему мятущемуся духу, предаться духовному дѣланію и подвигамъ умерщвленія плоти; съ другой стороны, сюда шли робкіе забитые люди, спасовавшіе передъ жизненными невзгодами; они шли въ монастыри искать тихаго пристанища. Одни изъ монастырей вмѣщали по нѣскольку сотъ иноковъ, другіе лишь по нѣскольку человѣкъ. Монастыри были двухъ разрядовъ; общежительные и необщежительные. Монастырей перваго разряда было больше: къ нимъ принадлежатъ почти всѣ большія обители. Въ общежительныхъ монастыряхъ монахи не должны были имѣть никакой частной собственности; пища и питье у нихъ общія, уставъ до мельчайшихъ подробностей регламентируетъ ихъ образъ жизни, начиная съ исполненія религіозныхъ обязанностей. Въ необщежительныхъ монастыряхъ каждый монахъ жилъ и спасался на свой ладъ, какъ онъ находилъ удобнымъ, не подчиняясь никакой регламентаціи; монастыри этого типа наиболѣе распространены въ Новгородской области и къ сѣверу отъ Волги, гдѣ находились обители «заволжскихъ старцевъ». Нужно замѣтить, что въ удѣльный періодъ, да и раньше, большинство монастырей лишь по имени называлось общежительными, въ самомъ же дѣлѣ они были, какъ разъясняетъ проф. Голубинскій, особножитыми, т.-е. монахи жили въ кельяхъ, имѣли свое имущество, содержали себя на свой счетъ, не участвовали въ монастырскихъ трудахъ,—словомъ, привычки мірской жизни они заносили въ монастырь и были монахами только по имени. Возстановителемъ истиннаго монашества на сѣверо-востокѣ явился великій подвижникъ русской церкви преподобный Сергій Радонежскій. Это былъ человѣкъ, всецѣло преданный идеѣ служенія Богу и ближнему, совершенно лишенный стяжательныхъ интересовъ, необыкновенно незлобивый и кроткій по натурѣ, находившій смыслъ жизни въ подвигахъ духовнаго дѣланія и созерцаніи. Духовные писатели отмѣчаютъ высоту нравственной личности преп. Сергія, сказывающуюся на всѣхъ поступкахъ обаятельнаго по своей простотѣ угодника Небольшая обитель во имя св. Троицы, основанная преп. Сергіемъ въ глухомъ бору, благодаря славѣ о святой жизни ея основателя, привлекла многихъ лицъ, искавшихъ спасенія изъ разныхъ мѣстъ сѣверо-восточной Руси, и превратилась въ знаменитый многолюдный монастырь. Преп. Сергій, являясь горячимъ сторонникомъ общежительнаго монашескаго строя, не ввелъ его сразу: сначала онъ установилъ особножитный строй, а потомъ

уже постепенно перевелъ его въ общежительный. Во многихъ другихъ монастыряхъ, благодаря примѣру, показанному Сергіемъ Радонежскимъ, особножитный строй сталъ замѣняться общежительнымъ. Ученики преподобнаго Сергія по примѣру своего учителя основывали монастыри: такъ, Савва основалъ монастырь Сторожевскій близъ Звенигорода и т. д. Другимъ замѣчательнымъ подвижникомъ того времени является св. Кириллъ Бѣлозерскій. Поступивъ инокомъ въ Симоновскій монастырь, онъ за свою строгую жизнь былъ избранъ архимандритомъ, но не принялъ этой должности, а вмѣстѣ съ своимъ другомъ удалился въ Бѣлозерскую область и основалъ Кирилловъ монастырь, который вскорѣ привлекъ многихъ иноковъ. Кириллъ установилъ строгій общежительный уставъ, и самъ служилъ примѣромъ его точнаго исполненія. Слава о Кириллѣ распространилась повсюду, и за совѣтами къ нему нерѣдко обращались князья и бояре, которымъ онъ оказывалъ помощь. Нужно замѣтить, что Кириллъ былъ образованнымъ человѣкомъ, ему даже были знакомы нѣкоторыя сочиненія древнихъ писателей о природѣ. Изъ другихъ замѣчательныхъ монастырей сѣверо-восточной Руси отмѣтимъ знаменитый Соловецкій монастырь, основанный въ 1429 году иноками Германомъ и Савватіемъ на одномъ изъ пустынныхъ Соловецкихъ острововъ; главнымъ устроителемъ его былъ инокъ Зосима. Церковно-административное положеніе монастырей было неодинаково: одни монастыри, главнымъ образомъ, мелкіе, подчинялись епархіальной власти, другіе—большіе непосредственно зависѣли отъ митрополита или даже отъ патріарха, наконецъ, князья распоряжались самостоятельно въ основанныхъ ими монастыряхъ, игнорируя церковную администрацію. Малые монастыри въ административномъ отношеніи иногда зависѣли отъ большихъ и потому назывались приписными. Встрѣчались, хотя и очень рѣдко, общіе монастыри, т.-е. мужскіе и женскіе вмѣстѣ, но противъ существованія такихъ монастырей возставали архипастыри. Не подлежитъ сомнѣнію важное значеніе монастырей въ исторіи сѣверо-восточной Руси. Монастыри являлись аванпостами и проводниками колонизаціоннаго движенія. Въ глухія дебри, непривѣтливыя мѣста проникали пустынники и ставили себѣ тамъ убогія жилища. Но они недолго оставались одинокими: слава объ ихъ подвигахъ привлекала къ нимъ другихъ охотниковъ изъ міра и вотъ образовывался монастырь. Какъ только начало заселенія края было положено, въ него приливали поселенцы въ поискахъ лучшей доли изъ разныхъ уголковъ сѣверо-востока. Монастыри являлись и разсадниками книжнаго просвѣщенія: почти каждый монастырь

обладалъ книгами, и нѣкоторые монастыри имѣли богатыя для того времени библіотеки. Нельзя отрицать и значительнаго нравственнаго вліянія монастырей на тогдашнее общество. Слава о пустынножителѣ—основателѣ монастыря, подвиги его послѣдователей, христіанская благотворительность братіи вносила лучъ свѣта и гуманности въ темную общественную среду. «Самая красота монастырскаго богослуженія и весь обиходъ жизни иноковъ дѣйствовали на воображеніе и чувства богомольца, на время отрывавшагося отъ своей будничной сѣрой обстановки и попадавшаго въ какой-то иной, какъ бы неземной міръ, о которомъ онъ уносилъ потомъ яркое воспоминаніе». Но нельзя обойти молчаніемъ и темныхъ сторонъ монастырской жизни. Пока монастыри оставались бѣдными общинами, пока они не увлекались погоней за мірскими благами, они высоко держали знамя своего нравственнаго служенія. Но вскорѣ положеніе измѣнилось: въ монастыри посыпались и денежныя, и земельныя пожертвованія со стороны сильныхъ міра — князей, бояръ и купцовъ; въ рукахъ многихъ монастырей скопились огромныя богатства. Монастыри сдѣлались владѣльцами земель и промысловъ, они стали принимать крупное участіе въ коммерческой жизни. Матеріальные интересы, хозяйственныя заботы, начали вытѣснять заботу о спасеніи души. Мірская суета проникла за монастырскія стѣны и свила себѣ тамъ прочное гнѣздо; монашескіе идеалы тускнѣли, сама цѣль иноческаго служенія была нарушена. Среди духовенства находились такія лица, которыя понимали, гдѣ кроется корень зла, и на него указывали, но это были единицы. Въ погонѣ за земельными пріобрѣтеніями монастыри оттягивали землю у сосѣднихъ крестьянскихъ общинъ; заводили съ ними судебныя тяжбы, въ веденіи которыхъ проявляли большое умѣнье и настойчивость. Конечно, отношенія между монастырями и окрестнымъ населеніемъ вслѣдствіе этого не всегда бывали гладки. Населеніе не безъ основанія стало усматривать даже въ поселеніи подвижника, въ этомъ намекѣ на будущій монастырь, для себя опасность. Иногда это недружелюбное отношеніе проявлялось въ активной формѣ. Такъ, Дмитрію Прилуцкому, поселившемуся въ Вологодскомъ краю, сосѣдніе крестьяне заявили: «отче! неугодно намъ твое здѣ пребываніе!»—и принудили его удалиться. Большинство высшихъ іерарховъ церкви и монашествующее духовенство считали вполнѣ совмѣстимымъ съ задачами своего служенія владѣніе землями и мірскія заботы; правительство стало съ неудовольствіемъ смотрѣть на земельныя богатства монастырей. Такимъ образомъ уже въ удѣльный періодъ были налицо условія для

грядущаго конфликта между свѣтской и духовной властью на этой почвѣ.

Ересь стригольниковъ. При характеристикѣ религіозно-нравственной жизни общества въ удѣльный періодъ нужно отмѣтить явленія, совершенно неизвѣстныя прежней эпохѣ. Мы разумѣемъ здѣсь религіозныя движенія, выразившіяся въ ересяхъ, появившихся въ Новгородѣ и Псковѣ. Появленію ересей здѣсь способствовали и мѣстныя условія: нравственное паденіе духовенства, широкое развитіе симоніи, близость Запада. Уже на Переяславскомъ церковномъ соборѣ 1311 г. была осуждена ересь какого-то новгородскаго протопопа, отрицавшаго монашество. Во второй половинѣ XIV в. появилась во Псковѣ ересь стригольниковъ. Главными ересіархами были: стригольникъ (цирюльникъ) Карпъ, діаконъ Никита и еще одно неизвѣстное по имени лицо. Стригольники отрицали монашество, всю іерархію, начиная съ низшей и кончая высшей, какъ поставленную на мздѣ и потому недостойную, они отрицали церковныя требы, какъ совершаемыя за плату и таинства—крещеніе, покаяніе, причащеніе; наконецъ, они отрицали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь. Такимъ образомъ, ученіе стригольниковъ носило ярко выраженный отрицательный характеръ. Оно предоставляло право каждому міранину толковать свободно священное писаніе, таинство покаянія совѣтывало замѣнять внутреннимъ раскаяніемъ. Стригольничество не лишено было и мистическаго характера: его послѣдователи въ религіозномъ экстазѣ бичевали себя. По приговору Новгородскаго вѣча три главныхъ вождя ереси, о которыхъ мы уже упоминали, были сброшены съ моста въ Волховъ: конечно, предварительно они были осуждены владыкой. Однако ересь не прекратилась, а продолжала распространяться. На борьбу съ ней выступило не только русское духовенство (ересь задѣвала одинаково всѣхъ его представителей), но и цареградскій патріархъ. Пастыри церкви боролись съ нею сначала духовнымъ оружіемъ, въ проповѣдяхъ и посланіяхъ разъясняя ея заблужденія, при чемъ даже строго-нравственный образъ жизни стригольниковъ представляли, какъ лицемѣріе. Когда же духовное оружіе не достигло своей цѣли, пастыри церкви благословили псковичей преслѣдовать еретиковъ, подвергать ихъ наказаніямъ «въ изможденіе плоти», избѣгая, однако, смертной казни. Подъ вліяніемъ преслѣдованій еретики разсѣялись изъ Пскова по разнымъ мѣстамъ: главнымъ образомъ, они укрылись въ Новгородѣ. Ересь, очевидно, не могла выдержать долгой борьбы, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ недостатковъ—отсутствія положительнаго элемента. Религіозная мысль продолжала, однако, работать, чтобы вылиться впослѣдствіи въ новое еретическое ученіе.

Религіозно-нравственное состояніе общества. Характеристика нравственнаго состоянія русскаго общества представляетъ немалыя затрудненія; здѣсь приходится на основаніи немногочисленныхъ конкретныхъ примѣровъ рисовать цѣлую картину, отъ нравственнаго уровня отдѣльныхъ членовъ заключать о нравственномъ уровнѣ всего общества. Татарское иго, упадокъ просвѣщенія и общенія съ образованными народами, господство эгоистическихъ стремленій въ обществѣ,—всѣ эти причины повели къ огрубѣнію народныхъ нравовъ. Въ княжеской средѣ мы наблюдаемъ еще большую чѣмъ прежде неразборчивость въ средствахъ борьбы съ противниками; матеріальная сила всюду торжествуетъ надъ нравственной. Отсутствіе личной и имущественной безопасности, разбои, кражи и убійства были повсемѣстнымъ явленіемъ. Состоятельные жители прятали свое имущество въ церквахъ и монастыряхъ, какъ въ наиболѣе безопасныхъ мѣстахъ, но во время пожаровъ и общественныхъ бѣдствій святость мѣста не спасала отъ разграбленія. Наказанія дѣлаются болѣе суровыми и жестокими. На основаніи судебныхъ приговоровъ вводятся смертная казнь, тѣлесныя наказанія, постигающія лицъ всѣхъ сословій, конечно, здѣсь оказало свое вліяніе татарское иго. Затворничество женщинъ явилось результатомъ желанія оградить чистоту семейной жизни, и не было слѣдствіемъ татарскаго ига. Само собою понятно, однако, что принудительное удаленіе женщины изъ общества способствовало еще большему огрубѣнію нравовъ. Пьянство, какъ и прежде, было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ пороковъ, одинаково захватывавшимъ какъ высшій, такъ и низшій классъ общества. На пирахъ, благодаря изобилію зеленаго вина, часто происходили ссоры, драки и даже убійства. Неизжитыя еще традиціи язычества, поверхностное усвоеніе христіанскихъ истинъ были причиною сильнаго развитія суевѣрія въ русскомъ обществѣ. Вѣра въ волшебство, различныя чары и ворожбу была распространена не только въ народной массѣ, но и въ высшемъ обществѣ. Народныя бѣдствія невѣжественная масса склонна была приписывать злому умыслу колдуновъ. Въ 1411 году во Псковѣ во время моровой язвы было сожжено двѣнадцать вѣдьмъ или «вѣщихъ женокъ». Противъ такихъ суевѣрныхъ представленій возставалъ всею силою пастырскаго слова еп. Серапіонъ во второй половинѣ XIII вѣка. Митр. Фотій въ первой половинѣ XV вѣка увѣщавалъ новгородцевъ не обращаться за помощью къ лихимъ бабамъ (ворожеямъ), не принимать отъ нихъ зелья, воздерживаться отъ пьянства, не жить съ женщинами безъ церковнаго благословенія,—словомъ, соблюдать чистоту христіанской жизни. Пастыри церкви боролись

съ церковной каѳедры съ народными празднествами и игрищами, унаслѣдованными отъ язычества. Кулачные и дрекольные бои гдѣ нерѣдко разыгравшіяся страсти приводили къ смертоубійству, настолько слились съ народными воззрѣніями, что нисколько не поддавались духовнымъ запрещеніямъ. У новгородцевъ былъ обычай во время праздничнаго пьянства и разгула бить бочки.

Общимъ для всѣхъ свѣточемъ являлась православная церковь, которая заботилась о насажденіи христіанскихъ началъ на русской почвѣ. Христіанство попрежнему пріобрѣтало себѣ послѣдователей и среди инородцевъ. Изъ тиши монастырей выходили люди, исполненные религіозной ревности, желавшіе нести свѣтъ Христова ученія въ среду язычниковъ. Въ Пермской землѣ въ странѣ зырянъ такимъ миссіонеромъ явился св. Стефанъ Пермскій. Самъ уроженецъ Великаго Устюга Стефанъ принялъ монашество въ монастырѣ Григорія Богослова въ Ростовѣ и предался тамъ книжнымъ занятіямъ. Готовясь къ апостольской дѣятельности, онъ изучилъ зырянскій языкъ, перевелъ на него необходимыя богослужебныя книги и составилъ для этого азбуку. Проповѣдь его среди зырянъ, произносимая на родномъ и понятномъ для нихъ языкѣ, пользовалась большимъ успѣхомъ, такъ что въ 1383 году возникла уже Пермская епархія, гдѣ первымъ епископомъ былъ св. Стефанъ. Преемникомъ и продолжателемъ его дѣла былъ епископъ Питиримъ: онъ проповѣдывалъ христіанство не только между зырянами, но и ихъ сосѣдями, дикими вогулами. Питиримъ погибъ мученической смертью во время исполненія своего долга. Но духовенство, въ особенности низшее, по своему умственному уровню мало чѣмъ возвышалось надъ народомъ, слѣдовательно, помочь ему разобраться въ дѣлахъ вѣры, растолковать истинный смыслъ христіанства оно было не въ силахъ. И вотъ сущность религіи стали видѣть въ обрядовой сторонѣ ея, какъ наиболѣе понятной. Широкія массы научились любить и цѣнить обрядъ, придавая ему таинственное символическое значеніе.

Общій уровень умственной культуры. Показателемъ духовной культуры русскаго общества являются успѣхи, достигнутые имъ въ области просвѣщенія: они свидѣтельствуютъ, что въ немъ жили не одни низменныя, матеріальныя побужденія, но и стремленія высшаго порядка. Какъ бы скромно мы ни оцѣнивали образованность и литературу въ кіевскій и областной періодъ, мы должны признать, что въ удѣльные вѣка замѣчается несомнѣнный упадокъ духовной культуры. Нельзя сказать, чтобы удѣльный періодъ былъ бѣднѣе предыдущаго литературными

произведеніями въ количественномъ отношеніи, но на всѣхъ литературныхъ памятникахъ изучаемаго времени лежитъ печать посредственности и обыденности; не видно живой творческой мысли, искренняго поэтическаго чувства, смѣлости въ замыслѣ и исполненіи. Всѣ эти качества, присущія истинному художественному произведенію, замѣняются шаблонностью, зачастую слѣпымъ подражаніемъ извѣстнымъ образцамъ и витіеватостью. Общественная обстановка, которую мы изображали въ своемъ мѣстѣ, была такова, что состояніе литературы и не могло быть цвѣтущимъ, литературная дѣятельность должна была принять именно такой характеръ. Въ обществѣ, гдѣ на первый планъ выступили мелкія эгоистическія побужденія, гдѣ замолкли рѣчи о благѣ Русской земли, не могли явиться истинные таланты, прокладыватели новыхъ путей: для ихъ дѣятельности не было соотвѣтствующей почвы и необходимаго простора. Какъ прежде, такъ и теперь развитіе литературной дѣятельности зависѣло отъ культурнаго уровня общественныхъ верховъ, отъ степени ихъ образованности, ибо книжную словесность поддерживали и питали именно верхніе слои общества. Но образовательный уровень именно этихъ верховъ значительно понизился. Народная словесность, пышно расцвѣтшая во времена Владимира Красное-Солнышко, теперь въ эти сѣрые будни не могла уже найти для себя соотвѣтственнаго героическаго матеріала. Наиболѣе образованными людьми были, конечно, епископы, но и то не всѣ изъ нихъ, а гл. обр. тѣ, которые пришли къ намъ съ Востока, гдѣ и получили образованіе. «Епископы русскіе—люди не книжные», такими словами характеризовалъ общій уровень развитія нашихъ архипастырей митрополитъ Исидоръ на Флорентійскомъ соборѣ. Говорить о просвѣщеніи и начитанности низшаго сельскаго духовенства совершенно не приходится; здѣсь большой заслугой являлось уже, когда священникъ могъ хотя съ трудомъ читать священныя книги. Очевидно, тѣ священнослужители, которые едва умѣли брести по книгѣ, нисколько не выдѣлялись изъ массы простого народа по своему развитію, мало уступали ему въ невѣжествѣ, суевѣріяхъ и были безсильны хотя немного разсѣять окружающую безпросвѣтную тьму. Мало была распространена грамотность и въ высшемъ кругу: нѣкоторые князья были совершенно не грамотны, какъ, напр., великій князь московскій Василій Темный. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, несмотря на низкій уровень просвѣщенія, еще не угасло въ обществѣ уваженіе къ книгѣ: во время Тохтамышевой осады въ Москвѣ было множество книгъ, свезенныхъ туда со всѣхъ сторонъ; книжныя сокровища хранились при монастыряхъ. При изученіи

литературы удѣльнаго періода не слѣдуетъ упускать изъ виду того отрицательнаго вліянія, которое оказало на наше культурное развитіе татарское иго. Разсматриваемое съ благочестивой точки зрѣнія, какъ Божіе наказаніе за грѣхи, иго направило мысли русскихъ людей преимущественно въ религіозную сторону и литература удѣльнаго времени прониклась еще въ большей степени, чѣмъ прежде, церковнымъ характерамъ.

Виды литературныхъ произведеній. Литературныя произведенія изучаемаго времени могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики: богословскія произведенія, житія святыхъ, историческія сказанія и повѣсти, путешествія, беллетристическія произведенія, апокрифы и лѣтописи. Оригинальная богословская литература состоитъ изъ словъ, поученій и посланій, носящихъ назидательный характеръ. Во второй половинѣ XIII вѣка нужно отмѣтить дѣятельность Серапіона, епископа Владимирскаго, скончавшагося въ 1275 году. Отъ него сохранилось 5 поученій, проникнутыхъ простотою, задушевностью и любовью къ паствѣ. Тема его проповѣдей—народные грѣхи и суевѣрія: въ наказаніе за грѣхи Русскую землю постигли тяжкія бѣдствія, связанныя съ татарскимъ завоеваніемъ; необходимо покаяться, внять Божьему призыву, обратиться къ Божьему милосердію. Въ исторіи книжнаго просвѣщенія XIV вѣка замѣчательны слѣдующіе дѣятели: митрополиты — св. Петръ, Алексѣй, Кипріанъ, а также пр. Кириллъ, игуменъ Бѣлозерскій. Цѣль ихъ произведеній, носящихъ характеръ духовныхъ посланій,—духовное возрожденіе паствы. Изъ посланій XIV в. слѣдуетъ упомянуть о знаменитомъ посланіи архіепископа Новгородскаго св. Василія, гдѣ онъ доказываетъ существованіе земного рая и ада, при чемъ свидѣтелями являются новгородцы, которые, по его словамъ, сами видѣли адъ и рай во время своихъ путешествій. Адъ находится на западѣ: «*на бушующемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная—Могръ*». Рай новгородцы видѣли на горѣ Денсусъ, написанный лазуремъ чуднымъ и свѣтъ былъ на мѣстѣ томъ самосіянный. Это посланіе доказываетъ, какъ сильно было суевѣріе даже въ средѣ высшаго духовенства. Изъ духовныхъ писателей первой половины XV в. слѣдуетъ отмѣтить московскаго митрополита Фотія родомъ грека. Изъ поученій его замѣчательны тѣ, которыя написаны по поводу народныхъ бѣдствій—бездождія, голода и черной смерти. Переводная богословская литература въ теченіе удѣльнаго періода пополнилась цѣлымъ рядомъ памятниковъ, принесенныхъ изъ Византіи черезъ посредство южно-славянскихъ странъ. Большое количество переводныхъ произведеній, заимствованныхъ отъ южныхъ славянъ,

нахлынуло въ нашу литературу въ XV в. подъ вліяніемъ оживленія религіозной мысли и сильно возросшаго интереса къ религіознымъ проблемамъ; въ это время появились такіе сборники поученій отцовъ церкви, какъ: Измарагдъ, Маргаритъ, Золотая цѣпь и др. Обширный отдѣлъ литературныхъ произведеній составляютъ попрежнему житія святыхъ—любимое чтеніе нашихъ предковъ. Для историка весьма цѣнны бытовыя черты прошлой угасшей жизни, разсѣянныя въ житіяхъ, равно и чудесные разсказы, разъ мотивы ихъ почерпнуты изъ народныхъ вѣрованій. Въ періодъ съ половины XIV до половины XV в. замѣчается сильное вліяніе южно-славянской письменности на нашу: въ это время и житія святыхъ теряютъ свои наивныя черты и становятся, хотя красивыми съ внѣшней стороны, зато по существу безжизненными, подражательными произведеніями. Пахомій сербъ сдѣлался какъ бы официальнымъ составителемъ житій: его литературные пріемы пользовались всеобщимъ признаніемъ, имъ старались всячески подражать; его сочиненія сдѣлались образцами въ русской агіобіографіи. Изъ русскихъ дѣятелей въ этой области прославился премудрый Епифаній, авторъ житій Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго. Теперь въ житіяхъ стала играть главную роль не достовѣрность, не фактическая сторона, а назидательныя и поучительныя цѣли; внѣшняя форма, «реторическое» доброcловіе и «плетеніе словесъ» преобладаютъ надъ внутреннимъ содержаніемъ. Поэтому въ нихъ историкъ не найдетъ для себя цѣннаго матеріала. Съ теченіемъ времени образовались цѣлые областные циклы житій мѣстныхъ святыхъ, какъ — Ростовскіе, Муромскіе, Новгородскіе, Московскіе, Тверскіе и Суздальско-Нижегородскіе. Въ составъ житій вошло много легендъ, посвященныхъ мѣстнымъ святынямъ. Такими легендами въ особенности была богата Новгородская письменность. Изъ нихъ укажемъ—легенду о видѣніи понамаря Тарасія и др. Важныя по своимъ послѣдствіямъ событія, оставившія неизгладимый слѣдъ въ народной памяти, вызвали цѣлый рядъ сказаній, отличающихся другъ отъ друга нѣкоторыми подробностями и риторическими украшеніями. До нашего времени дошли сказанія: «о житіи и храбрости Александра Невскаго, Рязанское сказаніе о Батыевѣ нашествіи, сказаніе объ убіеніи въ Ордѣ князя Михаила Черниговскаго и боярина его Θеодора. Всѣ они относятся къ эпохѣ борьбы съ татарами. Цѣлый циклъ сказаній посвященъ Куликовской битвѣ—событію, имѣющему огромное національное значеніе. Наконецъ мы имѣемъ и поэтическій памятникъ, посвященный Куликовской битвѣ. Это такъ называемая Задонщина или слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и братѣ его,

князѣ Владимирѣ Андреевичѣ». Произведенiе это, приписываемое рязанцу Софронiю, написано явно въ подражанiе Слову о полку Игоревѣ и, какъ всякое подражанiе, не можетъ идти ни въ какое сравненiе со славнымъ памятникомъ областной Руси: поэтическiе образы Задонщины отличаются искусственностью, видно, что они позаимствованы и кое какъ подогнаны къ данному событiю.

Къ свѣтской литературѣ относятся переводныя и полуоригинальныя повѣсти беллетристическаго характера: Александрiя, повѣсть о Троянской войнѣ, Девгенiево житiе, изображающее борьбу грековъ съ невѣрными сарацинами, повѣсть о Соломонѣ и Китоврасѣ, о Варлаамѣ и Iоасафѣ. Перечисленныя нами повѣсти принадлежатъ по своимъ сюжетамъ къ разряду странствующихъ, такъ какъ мы ихъ находимъ чуть ли не во всей всемiрной литературѣ. Переходную ступень, посредствующее звено между церковной литературой и повѣстями составляютъ такъ называемыя апокрифическiя или отреченныя сочиненiя. Имѣя въ своей основѣ народныя преданiя, апокрифы представляютъ изъ себя какъ бы религiозный эпосъ, опоэтизированную религiозную исторiю. Къ отдѣлу отреченной литературы принадлежатъ также суевѣрныя гадательныя книги такъ назыв. волховники» или «рафли». Нечего и говорить, что эта своеобразная литература пользовалась большимъ успѣхомъ въ тогдашнемъ суевѣрномъ обществѣ.

Подобно всей литературной дѣятельности изучаемаго перiода сѣверное лѣтописанiе носитъ въ себѣ черты современнаго общественно-культурнаго упадка и безвременья. Сѣверныя лѣтописи отличаются сухимъ однообразнымъ характеромъ: лѣтописецъ не возвышается здѣсь до степени яркаго бытописателя. Лѣтописныя замѣтки велись въ крупныхъ центрахъ сѣверо-восточной Руси; несомнѣнно существовали удѣльныя лѣтописи—Ростовскiя, Тверскiя, Нижегородскiя и др.; до насъ онѣ не дошли въ своемъ первоначальномъ видѣ, за исключенiемъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго», составленнаго еще въ началѣ XIII вѣка, но слѣды ихъ сохранились въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Эти лѣтописи сосредоточивали свое вниманiе исключительно на мѣстныхъ событiяхъ. Но была потребность и въ созданiи лѣтописныхъ сводовъ, лѣтописныхъ сборниковъ. Лѣтописные своды составляются въ крупныхъ центрахъ. Москва, ставшая во главѣ объединенной Руси, и великiй Новгородъ почувствовали потребность въ лѣтописномъ сводѣ, какъ собранiи доказательствъ въ пользу ихъ высокаго политическаго значенiя.

Объясненія къ картамъ и рисункамъ.

Ниже помѣщаются историческія карты, планъ древняго Кіева и снимки съ памятниковъ древностей и искусства. Всѣхъ составленныхъ мною картъ 5: 1) Карта Скиѳіи и греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго и Азовскаго моря: въ основу ея положена карта, изданная проф. Воеводскимъ къ Одесскому Археол. съѣзду въ 1884 г.; 2) Европейской Сарматіи по Птоломею: въ основу ея положена карта, приложенная къ соч. проф. Ю. А. Кулаковскаго, но изъ нея взяты названія только важнѣйшихъ народовъ: 3) географическаго распредѣленія русскихъ славянъ въ IX в.: въ основу ея положена соотвѣтственная карта изъ Атласа проф. Е. Е. Замысловскаго; 4) Карта русскихъ княжествъ въ областной періодъ: въ основу ея положена соотвѣтственная карта изъ Атласа проф. Е. Е. Замысловскаго: 5) Сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ: въ основу ея положена соотвѣтственная карта изъ Атласа проф. Е. Е. Замысловскаго. Планъ древняго Кіева взятъ изъ „Лѣт. и описаніе Кіева“ Закревскаго М. 1858, ч. 1-я. Вотъ объясненіе цыфръ, помѣщенныхъ на планѣ: 1—Дальнія пещеры Печ. м.; 2—Ближнія пещеры: 3—Церк. на Берестовѣ; 4—Княжій дворецъ на Берестовѣ; 5—Тугорканова мог. (1096 г.); 6—Угорьское (898 г.); 7—Аскольдова могила и Ольминъ дворъ (882); 8—Княжій дворецъ (1151 г.); 9—Кловъ; 10—Ручей Крещатикъ (988); 11—Золотыя ворота; 12—Церковь св. Ирины: 13—Церковь св. Георгія; 14—Соф. соборъ; 15—„Лядскія ворота“; 16—„Жидовскія ворота“; 17—Дворъ Брячислава (1068 г.); 18—Тюрьма (1147 г.); 19—Дворъ Глѣбовъ: 20—Новгородская Божница; 21—Михайл. мон.; 22—Мон. св. Димитрія; 23—Мостъ и Кіевскія ворота (1147 г.); 24—Мон. св. Ѳеодора: 25—Мон. св. Андрея (Янчинъ): 26—Дворецъ Ярослава Мудр. (1037 г.); 27—Церковь св. Василія (988); 28—Дворы Воротислава и Гордятина (945); 29—Бабинъ торжокъ; 30—Десятинная церковь; 31—Дворъ Деместиковъ (945); 32—Древнѣйшій каменный теремъ (945); 33—Церковь Воздвиженія; 34—Церковь Пирогоща; 35—Церковь Иліи (945); 36—Турова Божница; 37—Церк. Николая Добр.; 38—Церк. Успенія Бог.; 39—Церк. Николая Притиска; 40—Церк. Іоанна Бог.; 41—Церк. Симеона (обѣ въ Копыревомъ концѣ); 42—Церк. св. Власія.

Всѣхъ снимковъ съ памятниковъ старины и искусства болѣе двухъ сотъ, они распредѣлены по главамъ и заключаютъ только часть собраннаго мною иллюстраціоннаго матеріала. Большая часть клише исполнена по фотографіямъ, снятымъ съ памятниковъ, хранящихся въ музеяхъ или находящихся на мѣстахъ, напримѣръ, въ церквахъ. Наиболѣе важными для насъ были памятники, хранящіеся въ Импе-

раторскомъ Эрмитажѣ и Императорской Археологической Коммисіи (временно) въ Петербургѣ, въ музеѣ древностей и искусствъ въ Кіевѣ, въ музеѣ древностей и искусствъ Императорскаго Харьковскаго университета. Значительная часть снимковъ является въ печати впервые. Вотъ какъ читаются приведенные мною на стр. 506 и 513 тексты палеографическихъ снимковъ: 1) Въ лѣто 6576 (1068) индикта 6-го Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмуторокання до Кърчева 14.000 саженъ (10 тыс. и 4 тыс.); 2) Въ врѣмя оно явися Ісусъ ученикомъ; 3) Отъ лѣствица. Струни обаваеми не спѣють прѣди на... 5) Се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ держа русьску землю въ свое княженіе повелѣлъ е(смь); 6) (Яросла)въ о боголюбивы княже вторыи Всеволодь злыя облича до(брыя); 7) Что ся въ которое вѣремя начнеть дѣяти, то утвьржають грамотою а бышася не забыли познайте на память де: 8) Се азъ князь Олександръ и сынъ мой (?)Дмитрій съ посадникомъ Михаиломъ; 9) Вь царство Костянтина и Ирины матери его въ 55 лѣто: 10) Великій, Коломна съ волостми и съ селы и зъ бортью, Можаескъ съ волостми и съ селы и зъ бортью, Заячковъ, что мя благословила тетка; 11) Игуменъ Силивестръ свята Михаила написахъ книги си; 12) Емлетъ ту дань собѣ а сынъ мой князь Василей не вступается, а волостели свои и тіуны и доводщики судитъ сама а сыну моему князю Васи(лью).

Приношу глубокую благодарность предсѣдателю Имп. Археологической Комиссіи гр. А. А. Бобринскому, членамъ ея Б. В. Фармаковскому и Н. И. Веселовскому; проф. М. И. Ростовцеву, проф. Д. В. Айналову, проф. Г. Г. Павлуцкому, В. В. Хвойко, О. К. Волкову, хранителямъ отдѣленій Эрмитажа—Я. И. Смирнову и Е. М. Придику, В. Е. Данилевичу и Н. Е. Макаренко за предоставленныя мнѣ любезно фотографіи и цѣнныя объясненія; Е. М. Иванову за содѣйствіе въ подыскиваніи рисунковъ. Что касается текста книги, то здѣсь чувствую себя особенно обязаннымъ акад. Н. П. Кондакову, который окончательно укрѣпилъ меня въ мысли ввести въ настоящую книгу отдѣлы, посвященные русскимъ древностямъ и искусству, сочиненія и устныя бесѣды котораго служили мнѣ основнымъ пособіемъ для ихъ составленія. Приношу благодарность своему ученику стипендіату для приготовленія къ профессорскому званію В. А. Барвинскому, который немало потрудился для перваго студенческаго изданія моего курса, особенно въ главахъ, посвященныхъ удѣльному періоду и, такимъ образомъ, облегчилъ мою работу въ настоящемъ изданіи, ибо въ него вошло немало изъ прежняго.

ДОПОЛНЕНІЯ.

На 31-й страницѣ, 11-я строчка сверху словами „къ переходной эпохѣ“ заканчивается отдѣлъ переходной эпохи и здѣсь пропущенъ заголовокъ „*Неолитическая эпоха*“, ошибочно поставленный въ 3-й строчкѣ снизу на той же страницѣ и, благодаря этой ошибкѣ, находки А. И. Иностранцева отнесены неправильно къ переходной эпохѣ, когда они относятся къ неолитической.

На 46-й страницѣ литературу вопроса о греческихъ колоніяхъ слѣдуетъ пополнить слѣдующими новыми трудами: 1) Замѣчательнѣйшимъ и по содержанію, и по атласу рисунковъ сочиненіемъ признаннаго не только у насъ, но и въ Европѣ специалиста въ этой области проф. *М. И. Ростовцева*. „Античная декоративная живопись на Югѣ Россіи“ (изд. Имп. Арх. Ком., 1914, 537 стр. и Атласъ со CXII табл., 1913 г.); 2) *его же* Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ (Изв. Им. Арх. Ком., вып. 49 стр. 1—62); *Вс. Ѳео. Миллера*. Къ Иранскому элементу въ припонтійскихъ греческихъ надписяхъ (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 47).

На 81-й страницѣ литературу вопроса о скиѳахъ и ихъ преемникахъ слѣдуетъ пополнить вновь вышедшими работами: 1) *Minns'a*. Scytians and greeck's Cambridge 1913, XL, 720, съ картами и массою снимковъ. Книга большой важности какъ для Скиѳіи, такъ и для греческихъ колоній (рец. на нее проф. Жебелева въ Гермесѣ, 1913, № 15) и 2) Гр. *А. А. Бобринскаго* о раскопанномъ проф. Н. И. Веселовскимъ курганѣ Солохѣ, давшемъ замѣчательнѣйшіе по своему значенію предметы (Изв. таврич. уч. Арх. Ком. 1913, № 50 и Изв. Имп. Арх. Ком. приб. къ вып. 50-му); изображенія двухъ изъ нихъ — золотаго гребня и пластинки горита помѣщены мною на обложкѣ, и среди рисунковъ на заглавномъ листѣ; 3) ст. проф. *Бенешевича и М. В. Фармаковскаго* о Перещепинскомъ кладѣ (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 49-й).

112-я страница, 13-я строка св. пропущена фраза: О важномъ значеніи коня въ погребальномъ ритуалѣ татаръ свидѣтельствуетъ Пляно Карпини.

116-я страница, 5 стр. св. пропущена въ библіографіи ст. *Д. А. Корсакова* „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ“. К. 1890.

151-я страница, въ библіографіи пропущены слѣдующія работы: *С. К. Кузнецовъ*. Русская историческая географія, вып. I, М. 1910; *К. Тіандеръ*. Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море, Спб., 1906; *Европеусъ*. Объ угорскомъ народѣ. Спб., 1874 (его же карты мѣстожительства древнихъ финско-венгерскихъ народовъ и Бѣлозерскаго края).

193-я страница; библіографію слѣдуетъ пополнить статьей проф. *Ѳ. И. Шмита* „Кіевскій Софійскій соборъ“, М. 1914.

249-я страница, конецъ 13-й строчки сверху пропущена слѣдующая фраза: Объ этомъ свидѣтельствуетъ Рубрукъ. „Команы, говоритъ онъ, насыпаютъ большой холмъ надъ усопшимъ и воздвигаютъ ему статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую у себя въ рукѣ передъ пупкомъ чашу“.

279-я стр. Сочиненіе *Гетца* слѣдуетъ пополнить 3 и 4 частью его труда Dritter Band, 1912, Vierter Band, 1913, а также пропущенной статьей *Н. П. Голубовской*. Геогр. данныя въ Рус. Правдѣ. К. 1913 г.

320-я страница библіографію слѣдуетъ пополнить курсами по исторіи древней рус. лит. проф. *Сперанскаго* и акад. *Перетца*.

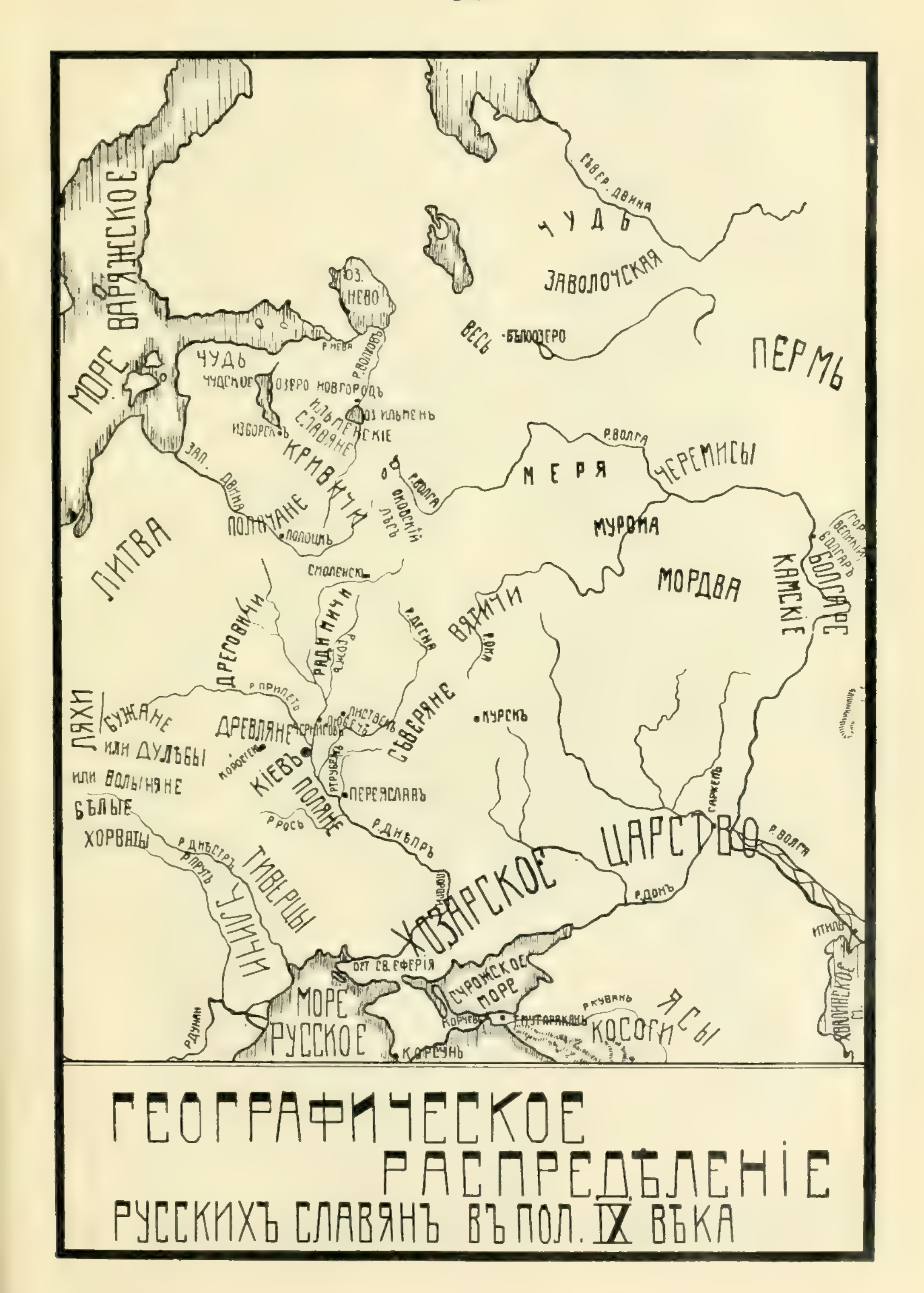
400-я страница библіографію слѣдуетъ пополнить трудами *В. О. Ключевскаго* (Курсъ, I), акад. *М. Дьяконова* (Очерки), *В. И. Сергѣевича* (Рус. юр. др.).

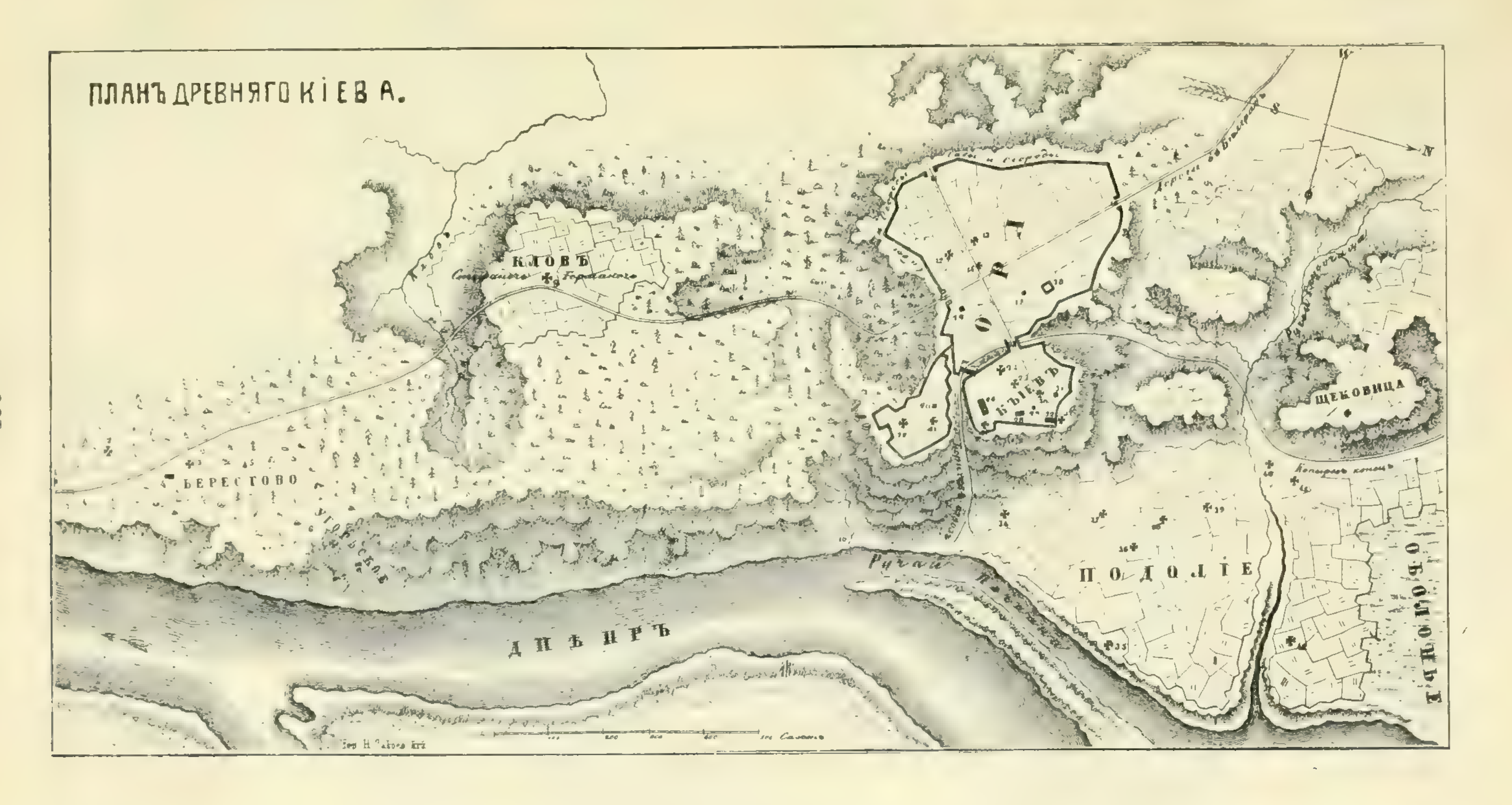

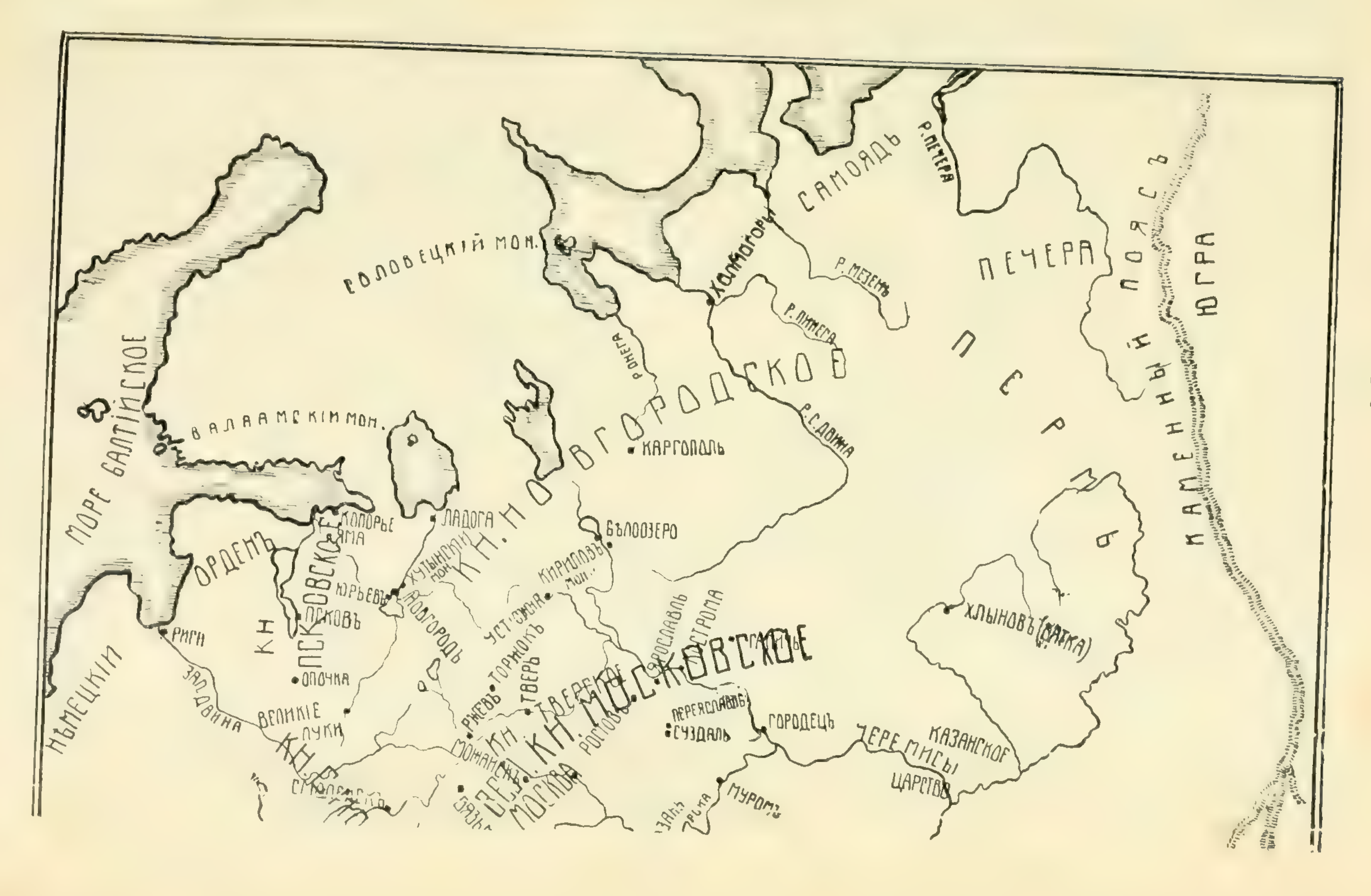
КАРТА СКИФІИ И ГРЕЧЕСКИХЪ КОЛОНІЙ.

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТІИ (ПО ПТОЛОМЕЮ)

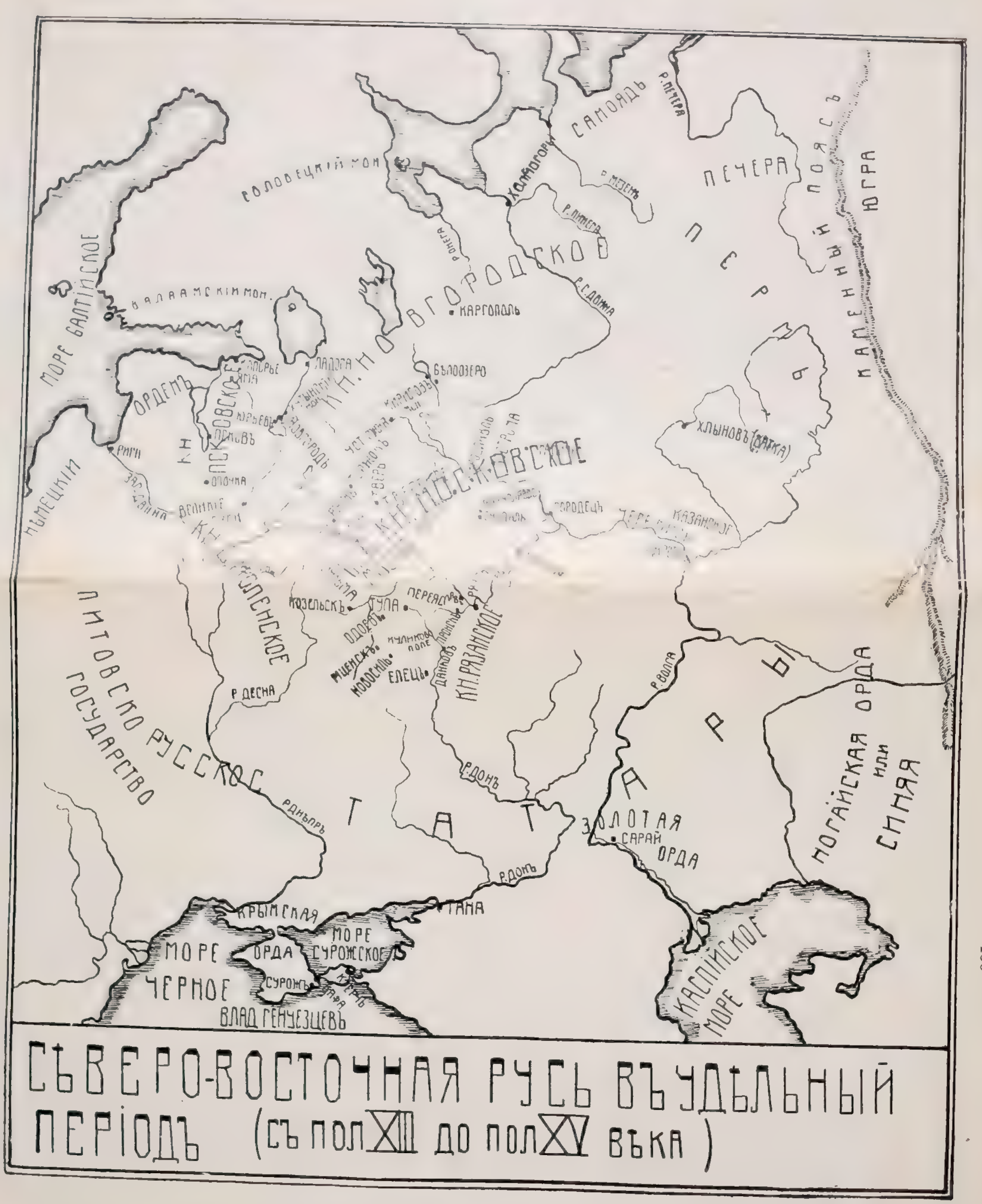

МОРЕ ВАРЯЖСКОЕ
ЧУДЬ
ЗАВОЛОЧСКАЯ
СѢВЕР. ДВИНА
ОЗ. НЕВО
ВЕСЬ
БѢЛООЗЕРО
ПЕРМЬ
Р. НЕВА
Р. ВОЛХОВЪ
ЧУДЬ
ЧУДСКОЕ ОЗЕРО
НОВГОРОДЪ
ОЗ. ИЛЬМЕНЬ
ИЛЬМЕНСКІЕ СЛАВЯНЕ
ИЗБОРСКЪ
КРИВИЧИ
ЗАП. ДВИНА
Р. ВОЛГА
ЧЕРЕМИСЫ
МЕРЯ
ПОЛОЧАНЕ
ПОЛОЦКЪ
ОКОВСКІЙ ЛѢСЪ
МУРОМА
ЛИТВА
СМОЛЕНСКЪ
МОРДВА
ГОР. ВЕЛИКІЙ БОЛГАРЪ
БОЛГАРЕ КАМСКІЕ
ДРЕГОВИЧИ
РАДИМИЧИ
Р. ДЕСНА
ВЯТИЧИ
ОКА
Р. ПРИПЕТЬ
ЛЯХИ
БУЖАНЕ ИЛИ ДУЛѢБЫ ИЛИ ВОЛЫНЯНЕ
ДРЕВЛЯНЕ
ЛЮБЕЧЪ
ЧЕРНИГОВЪ
ЛИСТВЕНЪ
СѢВЕРЯНЕ
КУРСКЪ
КОРОСТЕНЪ
КІЕВЪ
ПОЛЯНЕ
ПЕРЕЯСЛАВЪ
САРКЕЛЪ
БѢЛЫЕ ХОРВАТЫ
Р. РОСЬ
Р. ДНѢПРЪ
Р. ВОЛГА
Р. ДНѢСТРЪ
Р. ПРУТЪ
ТИВЕРЦЫ
УЛИЧИ
ХОЗАРСКОЕ ЦАРСТВО
Р. ДОНЪ
ИТИЛЬ
ОСТ. СВ. ЕФЕРІЯ
СУРОЖСКОЕ МОРЕ
ХВАЛЫНСКОЕ
Р. КУБАНЬ
ЯСЫ
МОРЕ РУССКОЕ
КОРЧЕВЪ
ТМУТОРАКАНЬ
КОСОГИ
Р. ДУНАЙ
КОРСУНЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ ВЪ ПОЛ. IX ВѢКА

ПЛАНЪ ДРЕВНЯГО КІЕВА.
КЛОВЪ
БЕРЕСТОВО
ГОРА
КІЕВЪ
ЩЕКОВИЦА
ДНѢПРЪ
ПОДОЛІЕ
ОБОЛОНЬЕ

МОРЕ БАЛТІЙСКОЕ
НѢМЕЦКІИ
ОРДЕНЪ
РИГИ
ЗАП. ДВИНА
СОЛОВЕЦКІЙ МОН.
ВАЛААМСКІЙ МОН.
САМОЯДЬ
Р. ПЕЧЕРА
ХОЛМОГОРЫ
Р. МЕЗЕНЬ
Р. ПИНЕГА
ПЕЧЕРА
КАМЕННЫЙ ПОЯСЪ
ЮГРА
ПЕРМЬ
КН. НОВГОРОДСКОЕ
Р. ОНЕГА
Р. С. ДВИНА
КАРГОПОЛЬ
ЛАДОГА
КОПОРЬЕ
ЯМА
БѢЛООЗЕРО
КИРИЛЛОВЪ МОН.
ХУТЫНСКІЙ МОН.
ЮРЬЕВЪ
ПСКОВЪ
КН. ПСКОВСКОЕ
НОВГОРОДЪ
ОПОЧКА
ВЕЛИКІЕ ЛУКИ
ТОРЖОКЪ
ТВЕРЬ
РЖЕВЪ
КН. ТВЕРСКОЕ
КН. МОСКОВСКОЕ
МОСКВА
МОЖАЙСКЪ
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
РОСТОВЪ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
СУЗДАЛЬ
ГОРОДЕЦЪ
МУРОМЪ
ЧЕРЕМИСЫ
КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО
ХЛЫНОВЪ (ВЯТКА)

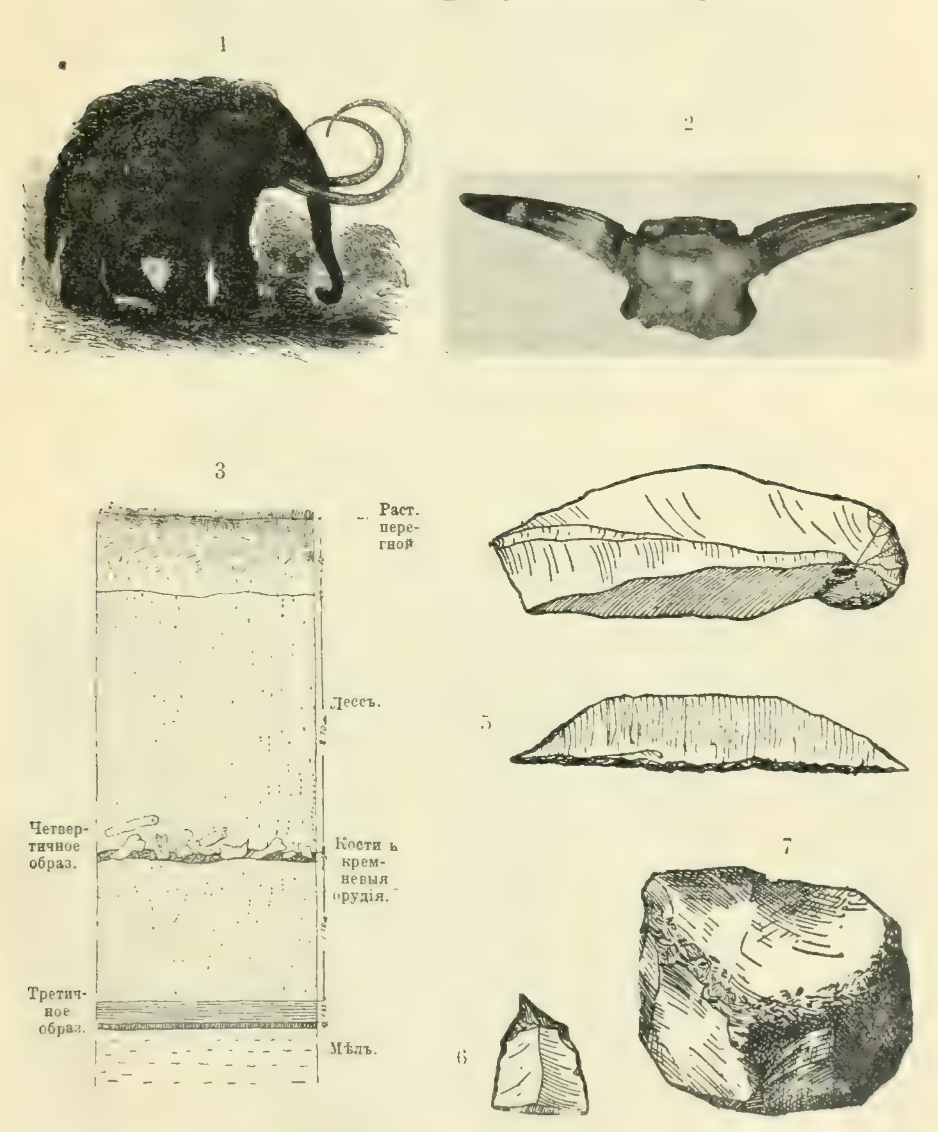

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ВЪ ОБЛАСТНОЙ ПЕРІОДЪ (СЪ ПОЛ. XI ДО ПОЛ. XIII ВѢКА)
МОРЕ ВАРЯЖСКОЕ
ОСТ. ГОТЛАНДЪ
ВИСБИ
ЛИВОНСКІЙ ОРДЕНЪ
ТЕВТОНСКІЙ ОРДЕНЪ
ЛИТВА
РИГА
Р. ДВИНА
ПСКОВЪ
ИЗБОРСКЪ
Р. НЕВА
ЛАДОГА
БѢЛООЗЕРО
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ХУТЫНСКІЙ
ТОРЖОКЪ
Р. ВОЛГА
ЗЕМЛЯ ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКАЯ
РОСТОВЪ
ОЗ. НЕРО
ПЕРЕЯСЛАВЪ
ЮРЬЕВЪ
СУЗДАЛЬ
ВЛАДИМІРЪ
ГОРОДЕЦЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
Р. ВОЛГА
Р. ВЯТКА
ХЛЫНОВЪ
БОЛГАРЕ КАМСКІЕ
МУРОМЪ
МУРОМО РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ
РЯЗАНЬ
Р. ПРОНЯ
ПРОНСКЪ
ПОЛОЦКЪ
ВИТЕБСКЪ
ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ
СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
СМОЛЕНСКЪ
МИНСКЪ
ВОРОТИНЕСКЪ
КОЗЕЛЬСКЪ
ЧЕРНИГОВО-СѢВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
НОВОСИЛЬ
ЕЛЕЦЪ
Р. ОКА
ПОЛЬША
ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ
БЕРЕСТЬЕ
ПИНСКЪ
Р. ПРИПЕТЬ
ТУРОВЪ
ХОЛМЪ
ВЛАДИМІРЪ
ЧЕРВЕНЪ
ОВРУЧЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КУРСКЪ
КІЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВЫШГОРОДЪ
КІЕВЪ
БѢЛГОРОДЪ
ВАСИЛЬЕВЪ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ПИРЯТИНЪ
ЛУБНЫ
КАНЕВЪ
ТОРЧЕСКЪ
ЖЕЛНЫ
ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ
ЛЬВОВЪ
ДУБНО
ГАЛИЧЪ
ЗВЕНИГОРОДЪ
КОЛОМЕЯ
БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ТЕРЕБОВЛЬ
МЕЖИБОЖЬЕ
ВАКОТА
Р. ПРУТЪ
Р. СЕРЕТЪ
Р. ДНѢСТРЪ
СТЕПЬ
ПОЛОВЕЦКАЯ
ДОНЕЦЪ
Р. ДОНЕЦЪ
Р. ДОНЪ
Р. ДНѢПРЪ
ОЛЕШЬЕ
Р. ВОЛГА

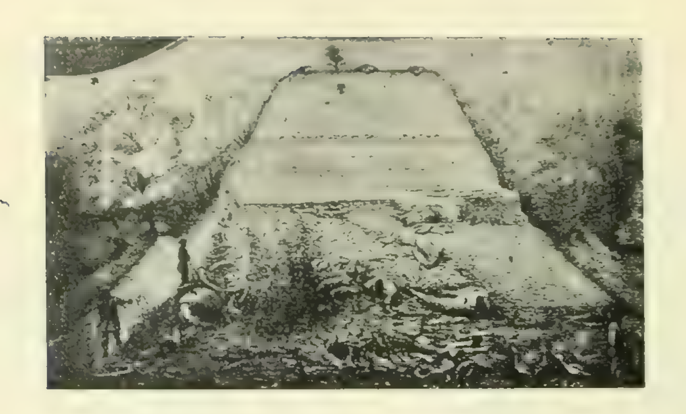
МОРЕ БАЛТІЙСКОЕ
ВАЛААМСКІЙ МОН.
СОЛОВЕЦКІЙ МОН.
САМОЯДЬ
Р. ПЕЧЕРА
ХОЛМОГОРЫ
Р. МЕЗЕНЬ
Р. ПИНЕГА
ПЕЧЕРА
КАМЕННЫЙ ПОЯСЪ
ЮГРА
ПЕРМЬ
Р. ОНЕГА
КН. НОВГОРОДСКОЕ
Р. С. ДВИНА
КАРГОПОЛЬ
БЪЛООЗЕРО
ЛАДОГА
ОРДЕНЪ
ПСКОВСКОЕ
КН.
ЮРЬЕВЪ
ПСКОВЪ
РИГА
ОПОЧКА
НЪМЕЦКІИ
ВЕЛИКІЕ
ХЛЫНОВЪ (ВЯТКА)
КН. МОСКОВСКОЕ
ТВЕРЬ
ГОРОДЕЦЪ
КАЗАНСКОЕ
КОЗЕЛЬСКЪ
ТУЛА
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ОДОЕВЪ
МЦЕНСКЪ
НОВОСИЛЬ
КУЛИКОВО ПОЛЕ
ЕЛЕЦЪ
ДАНКОВЪ
КН. РЯЗАНСКОЕ
СМОЛЕНСКОЕ
Р. ДЕСНА
ЛИТОВСКО РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
Р. ДНЪПРЪ
Р. ВОЛГА
Р. ДОНЪ
ТАТАРЫ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
САРАЙ
НОГАЙСКАЯ ОРДА или СИНЯЯ
ТАНА
КРЫМСКАЯ ОРДА
МОРЕ СУРОЖСКОЕ
МОРЕ ЧЕРНОЕ
СУРОЖЪ
КАФА
КЕРЧЬ
ВЛАД. ГЕНУЕЗЦЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ (СЪ ПОЛ. XIII ДО ПОЛ. XV ВѢКА)

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ
ГОСУДАРСТВО
КОЗЕЛЬСКЪ
ТУЛА
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ОДОЕВЪ
МЦЕНСКЪ
НОВОСИЛЬ
ЕЛЕЦЪ
КН. РЯЗАНСКОЕ
Р. ДЕСНА
Р. ДНѢПРЪ
Р. ДОНЪ
Р. ДОНЪ
Р. ВОЛГА
Т А Т А Р Ы
ЗОЛОТАЯ
САРАЙ
ОРДА
НОГАЙСКАЯ ОРДА
ИЛИ
СИНЯЯ
ТАНА
КРЫМСКАЯ
ОРДА
МОРЕ
СУРОЖСКОЕ
СУРОЖЪ
КАФА
КЕРЧЬ
МОРЕ
ЧЕРНОЕ
ВЛАД. ГЕНУЕЗЦЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ
МОРЕ
СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ
ПЕРІОДЪ (СЪ ПОЛ. XIII ДО ПОЛ. XV ВѢКА)

Рисунки ко 2-й главѣ (первобытныя древности).

1. Мамонтъ (Нидерле. Человѣчество въ доистор. времена). 2. Bos primigenius (рогъ). Фот. съ нат. Музей древн. и иск. Харьк. у-та. 3. Геолог. разрѣзъ палеол. стоянки въ Мезинѣ (ст. П. П. Ефименко). 4. Предметы Мезинской палеолитической стоянки (ст. П. П. Ефименко). 5. Предметы Мезинской палеолит. стоянки (ст. П. П. Ефименко). 6. Предметы Мезинской палеолит. стоянки (ст. П. П. Ефименко). 7. Предметы Мезинской палеолитической стоянки (ст. П. П. Ефименко).

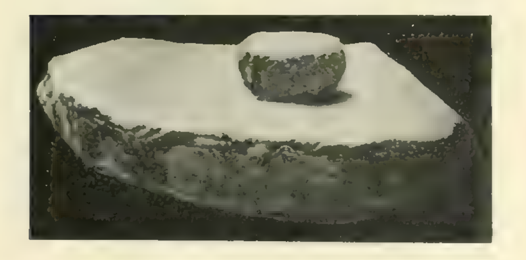

9 10 11

8. Кирилловская стоянка въ Кіевѣ (видъ раскопокъ В. В. Хвойко). 9, 10 и 11. Рѣзьба на бивнѣ мамонта въ Кирилловской стоянкѣ. (Кіевск. муз. древ. и иск.) Фот. съ пам.

12

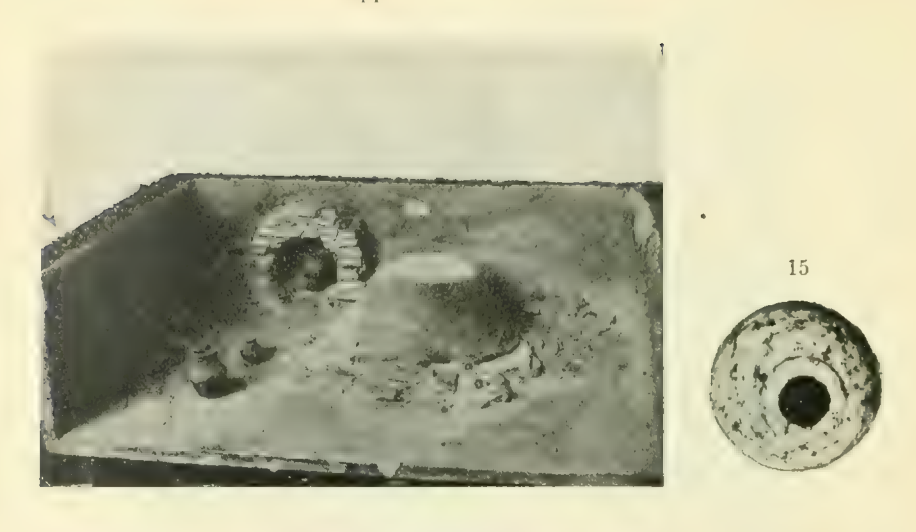
13

12. Предметы Трипольской культуры изъ раскопокъ В. В. Хвойко. Фот. съ пам. Кіевскій музей древн. и искусствъ. 13. Зернотерка Трипольской культуры; фот. съ пам. Кіевскій музей.

14

15

16

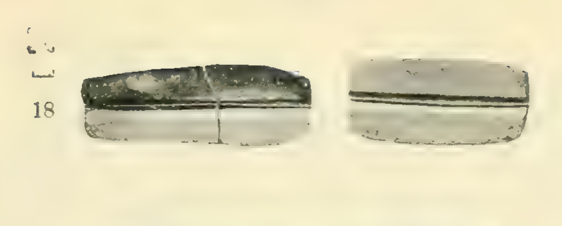

17

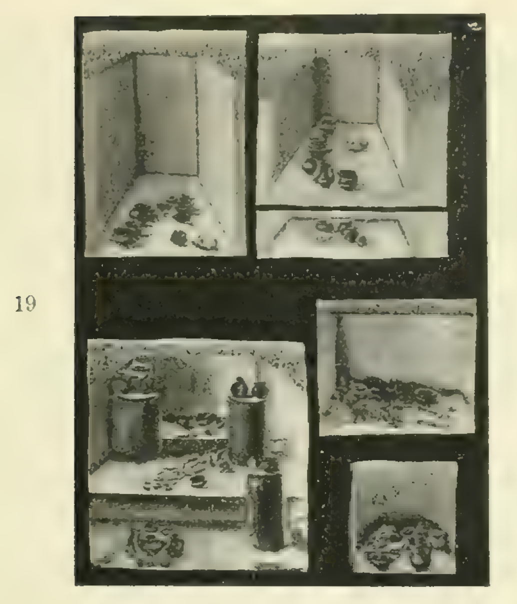

14. Часть погребальнаго сооруженія у сел. Жуковцовъ. Фот. съ нат. Кіевскій музей. 15. Мраморная въ формѣ шара булава. Музей древн. и искусствъ Харьков. у-та. 16. Вырѣзанное В. Е. Данилевичемъ изъ земли скорченное погребеніе съ окрашеннымъ костякомъ. Фот. съ пам. Муз. древн. и искусствъ Харьк. у-та. 17. Орудія Райгородской стоянки, добытыя свящ. Спѣсивцевымъ. Муз. древн. и искусствъ Харьк. у-та.

18

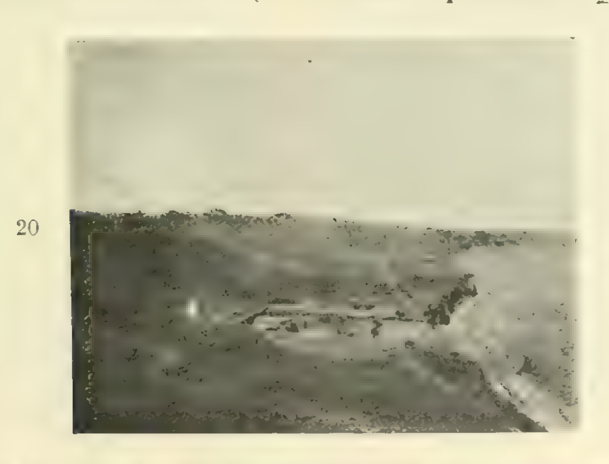

19

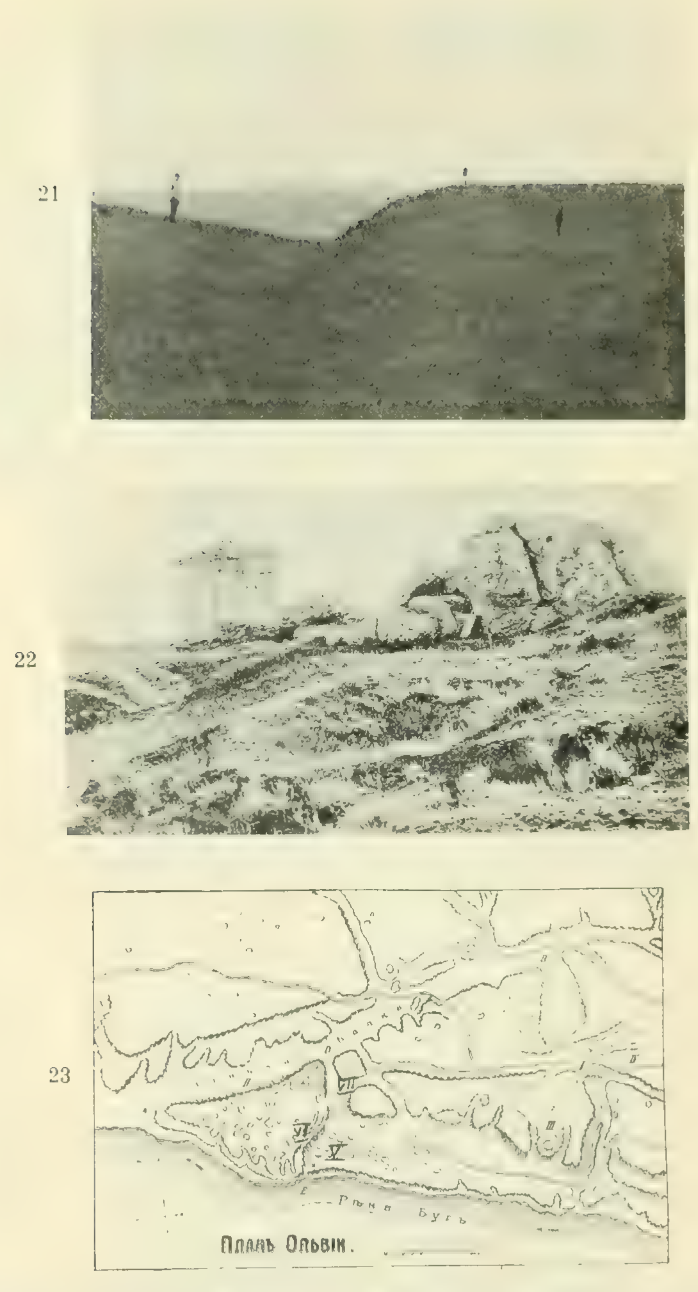

Рисунки къ 3-й главѣ (памятники греческихъ колоній).

20

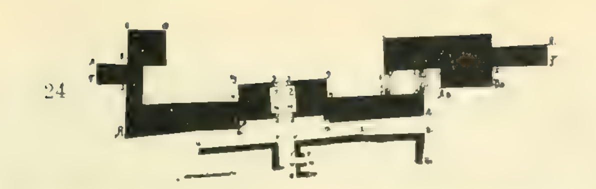

18. Формочки для отливки мѣдныхъ издѣлій. Фот. съ пам. Музей древн. и искусствъ Харьк. у-та. 19. Урны полей погребенія. Рис. В. В. Хвойко. Кіевскій музей древн. и иск. 20. Мѣстность раскопокъ Ольвіи. Фот. съ нат.

21. Видъ Асандрова вала въ окрестностяхъ Керчи (римской эпохи). Фот. съ нат. 22. Гора Митридатъ въ Керчи. Фот. съ нат. 23. Планъ Ольвіи. I—Мѣсто греческихъ укрѣпленій. II — Мѣсто греческихъ и римскихъ укрѣпленій. III — Курганъ и домъ, раскопанные въ 1902—1903 г. IV—Склепъ Еврисивія и Ареты. V—Мѣсто раскопокъ съ 1909 г. VI — Римскія стѣны, открытыя въ 1905 — 1906 г. VII — Мѣсто раскопокъ 1908 г. (Имп. Археол. ком.).

24

25

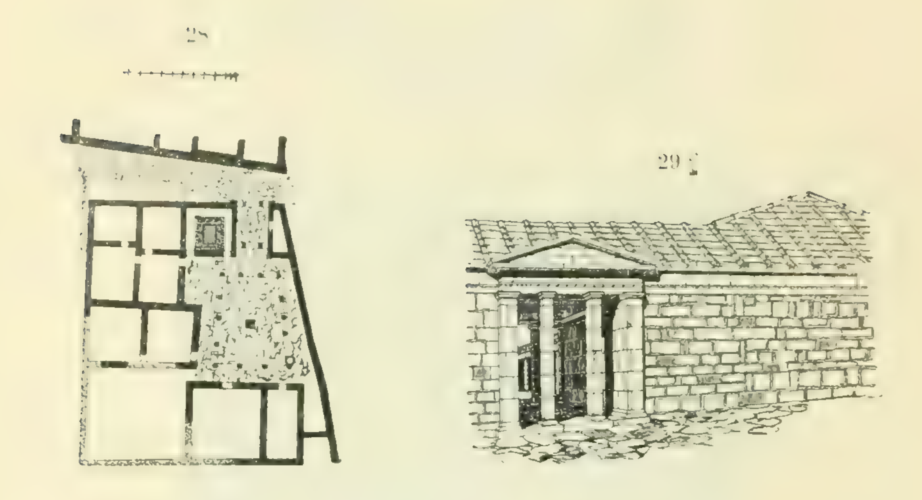
27

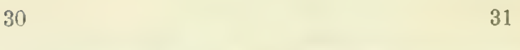
26

24. Реконструкція Ольвійскихъ укрѣпленій. (Имп. Археол. ком.). 25. Стѣны Херсонеса. Фот. съ нат. 26. Стѣны Херсонеса. Фот. съ нат. 27. Реконструкція Ольвійскаго домика. Изв. Имп. Археол. ком.

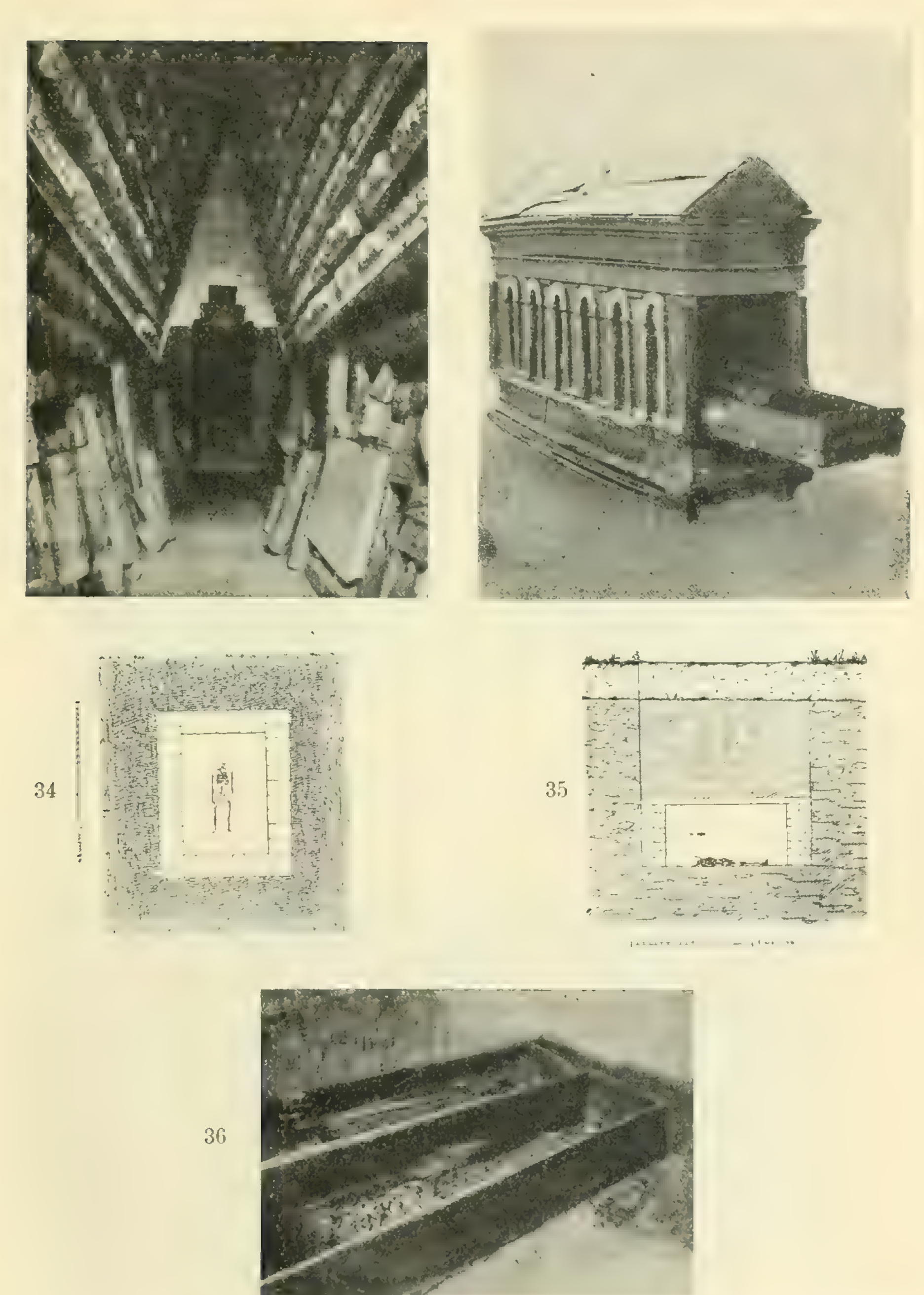

28. Планъ Ольвійскаго домика. (Имп. Археол. ком.). 29. Реконструированный фасадъ домика въ Ольвіи. (Имп. Археол. ком.). 30. Внутренность склепа Царскаго кургана. Фот. съ нат. 31. Склепъ кургана Юзъ Оба. Фот. съ нат.

32. Входъ въ склепъ Царскаго кургана близъ г. Керчи. Фот. съ нат. 33. Саркофагъ, найденный въ 1910 г. въ Керчи. Имп. Эрмитажъ. Фот. съ пам. 34. Планъ Ольвійской могилы. (Имп. Археол. ком.). 35. Ольвійская могила (разрѣзъ). (Имп. Археол. ком.). 36. Могила съ деревяннымъ гробомъ изъ Ольвіи. Фот. съ нат.

38

37

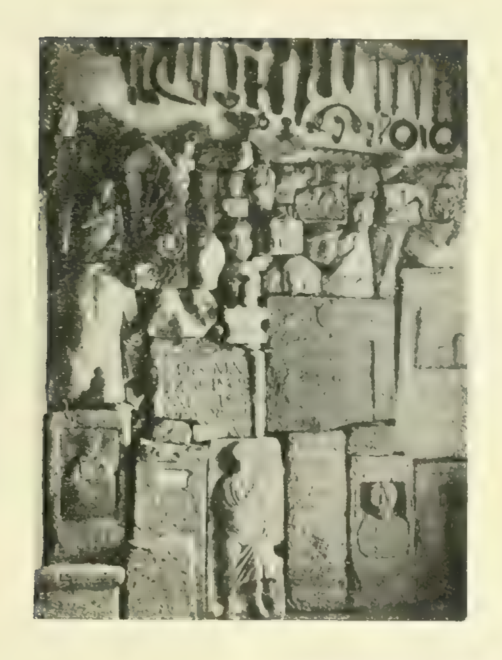

39

37. Погребальная стелла изъ Керчи. Фот. съ пам. 38. Надгробіе Аполлонія изъ Керчи. Фот. съ нат. 39. Зайцевская катакомба въ Керчи. Фот. съ нат.

40

41

42

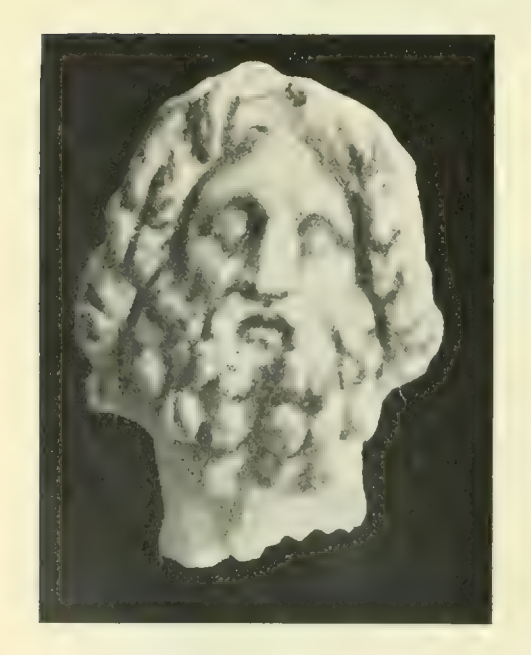

40. Херсонесскій музей. Фот. съ нат. 41. Пантикапейскій царь. Фот. съ нат. Имп. Эрмитажъ. 42. Пантикапейскій царь. Фот. Имп. Археол. ком. Аѳинскій націон. музей.

43

44

45

43. Остатки греческихъ изваяній въ Керчи. Фот. съ пам. 44. Голова Асклепія Александрійской школы изъ Ольвіи (III в. до Р. Х.). (Имп. Археол. ком.). 45. Мраморная фонтанная фигура изъ Ольвіи II—III в. по Р. Х. (провинціальный римскій стиль). Фот. съ пам.

46 Голова богини эллинистической эпохи (александр. школы) изъ Ольвіи. Фот. съ пам. 47. Блюдо изъ Ольвіи (VII—VI в. до Р. Х.). Фот. съ пам. 48. Алевастровая ваза изъ Ольвіи греч. работы (VI в. до Р. Х.). Фот. съ пам. 49. Расписной ликиѳъ изъ Ольвіи VI в. до Р. Х. Фот. съ пам. 50. Самосскій расписной сосудъ изъ Ольвіи (2-й п. VI в. до Р. Х.). Фот. съ пам. 51. Алевастровая ваза греч. работы изъ Ольвіи (VI в. до Р. Х). Фот. съ пам.

52

53

54

52. Стеклянный флаконъ VI в. до Р. X. изъ Ольвіи. Фот. съ пам. 53. Керченскій сосудъ. Фот. съ пам. 54. Сфинксъ изъ Керчи. Фот. съ пам.

55

56

57 58

55. Амфоры, найденныя при раскопкахъ въ Ольвіи. Фот. съ нат. 56. Аттич. чернофигурная ваза съ изображеніемъ Аполлона, Артемиды и Латоны. Фот. съ пам. 57. Краснофигурная аттич. ваза изъ Ольвіи нач. III в. до Р. Х. Фот. съ пам. 58. Ваза эллинистической эпохи изъ Ольвіи III в. до Р. Х. Фот. съ пам.

59. Сатиръ на чашѣ эллинистической эпохи изъ Ольвіи. Фот. съ пам. 60. Ваза эллинистической эпохи II в. до Р. Х. Фот. съ пам. 61. Глазированная ваза начала Римской Имп. съ изображеніемъ танцующихъ скелетовъ. Фот. съ пам. 62 и 63. Бальзамаріи римской эпохи изъ Керчи. Фот. съ пам. 64. Стеклянный сосудъ изъ Керчи римской эпохи Фот. съ пам.

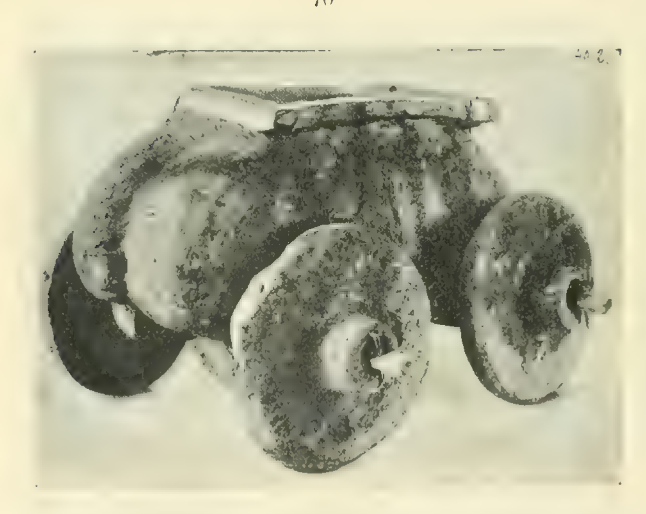

65. Дѣт. зол. серьги изъ Ольвійской гробницы VI в. до Р. Х. Фот. съ пам. 66. Бронзовый наконечникъ ременнаго пояса изъ Ольвіи VI в. до Р. Х. Фот. съ пам. 67. Бронзовое зеркало VI в. изъ Ольвіи. Фот. съ пам. 68. Зол. укр. изъ Херсонеса. Фот. съ пам.

69

70

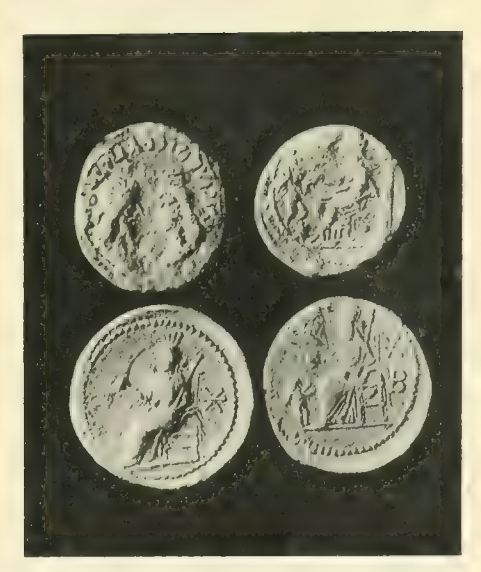
71

69. Зол. ожерелье изъ Ольвіи (III в. до Р. Х.). Фот. съ пам. 70. Греческая колесница изъ Керчи. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 71. Цилиндръ изъ Пантикапеи (Кондаковъ и Толстой, Рус. древности, I).

72

73

74

75

72. Босфорскія монеты (съ изображеніемъ воротъ Пантикапеи). Фот. со слѣпковъ. Имп. Эрмитажъ. 73. Босфорскія монеты (съ изображеніемъ Босфорскихъ царей). Фот. со слѣпковъ. Имп. Эрмитажъ. 74. Видъ христіан. базилики, открытой гр. А. С. Уваровымъ (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн. вып. IV). 75. Алтарная часть и мозаика пола крестообразнаго храма (Д. В. Айналовъ. Памят. христ. Херсонеса, вып. I).

Рисунки къ 4-й главѣ (памятники скиѳовъ и ихъ преемниковъ въ южно-русскихъ степяхъ).

76

77

78

79

76. Кульобская ваза — Скиѳскій царь и лазутчикъ. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.
77. Кульобская ваза — ощупываніе больного зуба. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.
78. Кульобская ваза — перевязка больной ноги. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.
79. Кульобская ваза — натягиваніе тетива на лукъ. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.

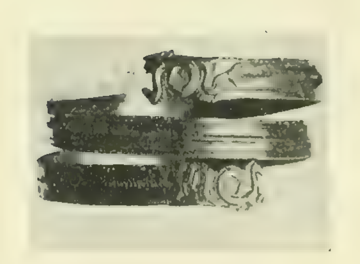
80. Фризъ Чертомлыцкой вазы (Древн. Геродотовой Скиѳіи. Атласъ). 81. Побратимство скиѳовъ (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн., II). 82. Сцена дружбы на бляшкѣ изъ кургана «Солоха» разрытаго проф. Н. И. Веселовскимъ. Фот. съ пам. 83. Рабъ-педагогъ—терракота изъ Керчи (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн., I). 84. Золотой гребень изъ Скиѳскаго кургана «Солоха», разрытаго проф. Н. И. Веселовскимъ лѣтомъ 1913 г. Фот. съ пам.

85

86

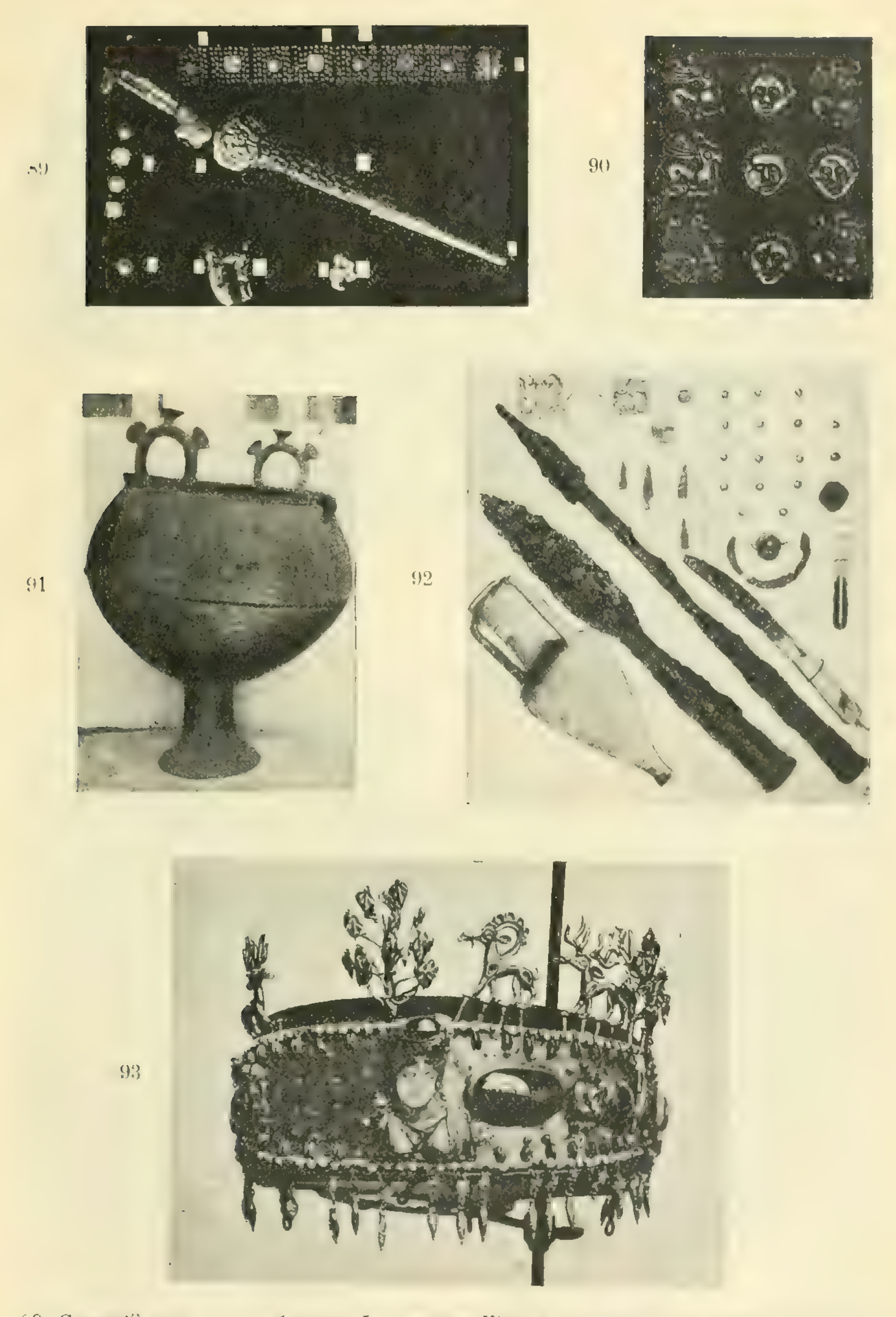
87

88

85. Зол. ожерелье изъ кург. Карагодеуашхъ. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 86. Зол. пластинка изъ кургана Карагодеуашхъ, съ изображеніями. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 87. Зол. украшеніе изъ кург. Карагодеуашхъ. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 88. Браслетъ, найденный въ Кульобскомъ курганѣ въ 1831 г. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.

89. Скиѳскій мечъ и зол. бляшки. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и искусствъ. 90. Золотыя бляшки съ изображеніями. Фот. съ пам. Кіев. муз. 91. Бронзовый литой Скиѳскій котелъ. Муз. древн. и иск. Харьк. у-та. 92. Предметы скиѳо-сарматской культуры изъ раскопокъ Д. И. Багалѣя въ Харьк. губ.: амфора съ греч. клеймомъ, 2 копья, ножикъ, золотыя бляшки, кольца. Фот. съ пам. Музей древн. и искусствъ Харьк. у-та.
93. Корона Новочеркасскаго клада. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.

94

95

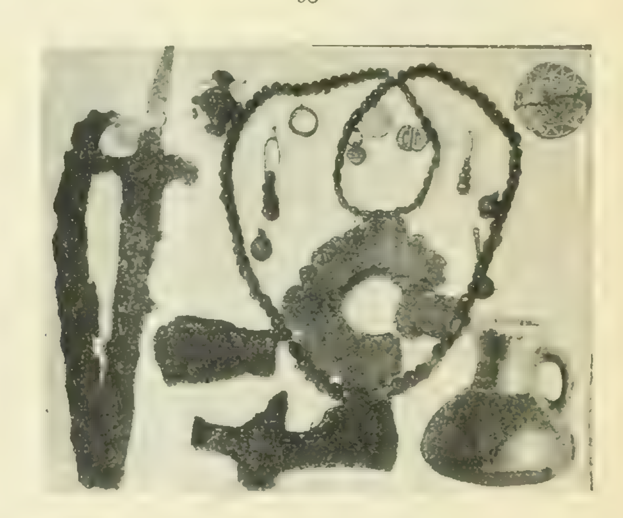
96

97

98

94. Изображеніе Сасанидскаго царя на охотѣ на блюдѣ Перещепинскаго клада. Фот. съ пам. Имп. Эрм. 95. Сер. блюдо еп. Патерна изъ Перещепинскаго клада. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 96. Сер. кувшинъ изъ Перещепинскаго клада. Фот. съ пам. Имп. Эрм. 97. Зол. сосудъ изъ Перещепинскаго клада. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ 98. Предметы Салтовскаго могильника: изогнутая сабля, жел. топоры, ожерелье изъ бусъ, зол. серьги, серебряный налобникъ лошади, сосудъ. Изъ раскопокъ А. М. Покровскаго, Д. И. Багалѣя, Е. П. Трифильева. Фот. съ пам. Муз. древн. и искусствъ Харьк. у-та.

Рисунки къ 6-й главѣ (памятники славяно-русской эпохи).

99

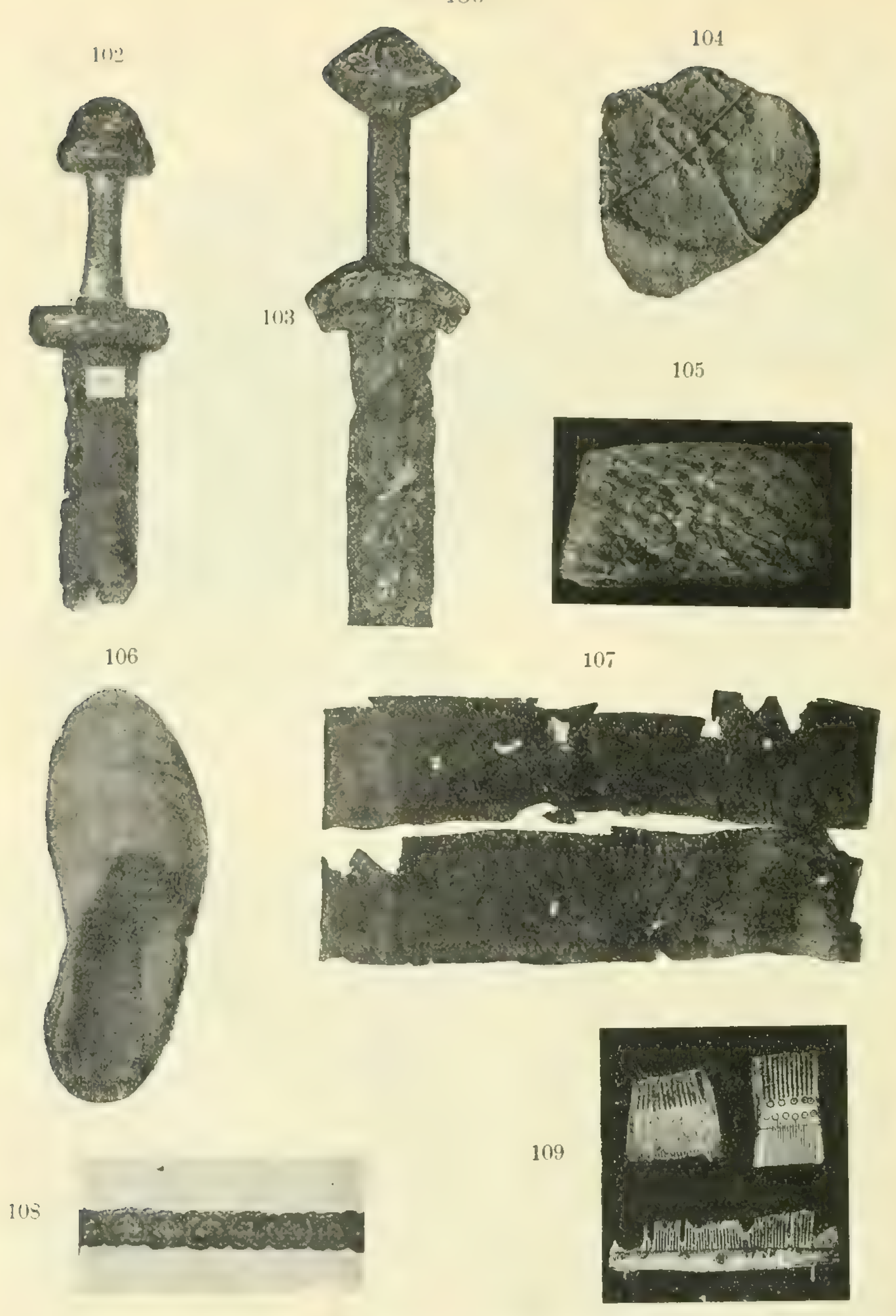
100

101

99. Погребеніе въ лодкѣ воина, вырѣзанное В. А. Городцовымъ. Фот. съ пам. Муз. древн. и искусствъ Харьк. у-та. 100. Доспѣхи древне-русскаго воина. (Кіевскій муз. древн. и искусствъ). Фот. съ пам. 101. Предметы славяно-русскаго погребенія изъ раскопокъ Д. И. Багалѣя (сер. вѣнчикъ головной, височныя кольца, браслеты, привѣски изъ лунницъ, бусы. Фот. съ пам. Музей древн. и искусствъ Харьк. у-та.

102. Мечъ. Фот. съ пам. Муз. древн. и искусствъ Харьк. у-та. 103. Мечъ. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и иск. 104. Днище славяно-русскаго сосуда съ клеймомъ. Фот. съ пам. Муз. древн. и иск. Харьк. у-та. 105. Парчевая шапочка русскихъ славянъ. Фот. съ пам. Кіев. музей. 106. Славяно-рус. кожаная обувь. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и иск. 107. Шелковый славяно-русскій поясъ. Фот. съ пам. Кіев. музей. 108. Славяно-русскій поясъ. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и искусствъ. 109. Костяныя гребенки изъ славяно-рус. кургановъ. Фот. съ пам. Кіев. муз.

110

111

Рисунки къ 9-й главѣ (памятники Кіевскаго періода).

112

113

110. Донецкое городище. Фот. съ натуры, хранящаяся въ Харьков. музеѣ древн. 111. Каменная баба. Фот. съ пам., принадлежащаго музею Харьк. у-та. 112. Турій рогъ изъ кургана «Черная Могила . Прохоровъ. Мат. по исторіи рус. одеждъ, СПБ, 1881 г., 1-й вып. 113. Золотыя ворота въ Кіевѣ по рис. 1651 г. (Закревскій. Атласъ къ описанію Кіева).

114

116

114. Софійскій соборъ въ Кіевѣ. Фот. съ нат. 115. Мозаичное изображеніе Богоматери «Нерушимая стѣна» въ Кіево-Соф. соб. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 116. Фресковое изображеніе Ярослава Мудр. съ семействомъ, бывшее въ Кіево-Соф. соборѣ въ 1651 г. (Ст. Я. И. Смирнова).

117

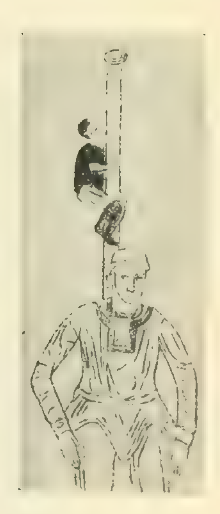
118

119

120

121

117. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора—Византійскій Имп. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 118. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора—колядники Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 119. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора—сцена съ козой. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 120. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора—сцена въ циркѣ на шестѣ. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 121. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора—охота на барса. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ.

122 123

124

Рисунки къ 14-й гл. (памятники искусства областн. періода).

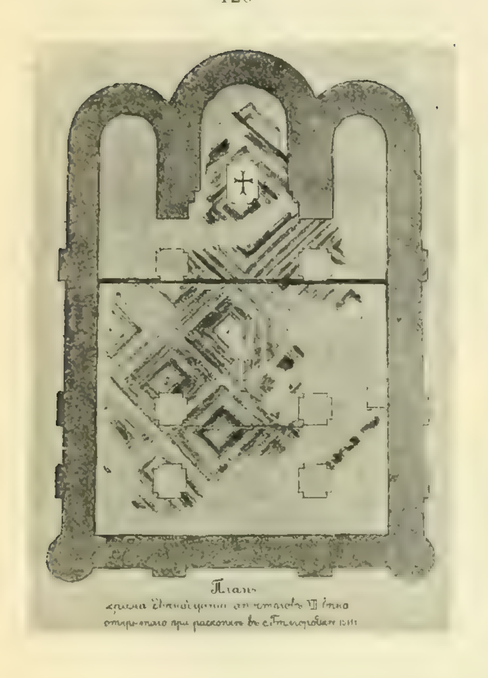
125

122. Фрески лѣстницы Кіево-Соф. собора — ряженые. Древн. Рос. Гос. Кіево-Соф. соборъ. 123. Сребреникъ Владиміра святого. Златникъ Владиміра святого. Ярослава серебро. Монета Святополка. (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн. вып. IV.) 124. Свинцовая визант. печать XI — XII в. съ именемъ рус. княгини или княжны Ѳеофаніи (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн. вып. IV.) 125. Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ. Фот. съ нат.

126

128

126. Планъ Бѣлгородскаго храма по раскопкамъ В. В. Хвойко; фот. съ его чертежа. 127. Юрьева Божница въ древнемъ Острѣ. Фот. съ нат. 128. Церковь Спаса Нередицы. Фот. съ нат.

129

130

131

126. Монастырь Антонія Римлянина. Фот. съ нат. 127. Монастырь Варлаамія Хутынскаго. Фот. съ нат. 128. Соборъ св. Георгія въ Юрьевскомъ мон. Фот. съ нат.

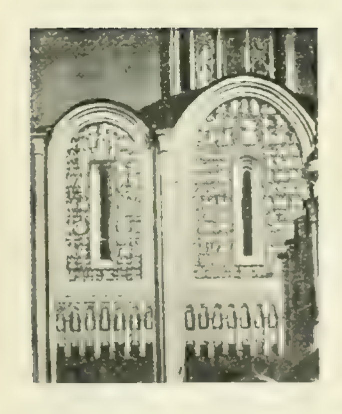
132

133

134

135

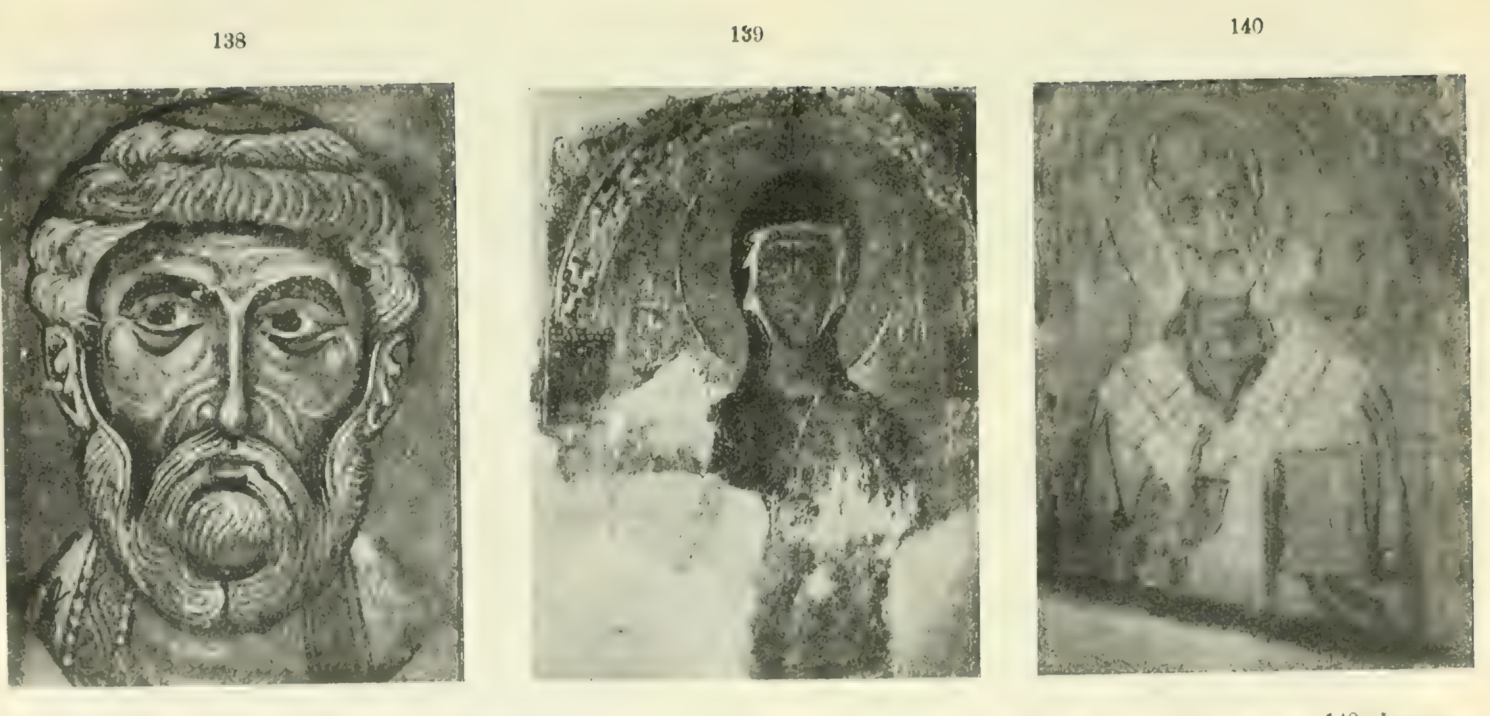

132. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. (Кондаковъ и Толстой, вып. VI). 133. Часть палатъ Андрея Богол. въ с. Боголюбовѣ (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн. вып. VI). 134. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Южная сторона. (Кондаковъ и Толстой. Рус. древн. вып. VI.) 135. Мозаичный образъ Христа въ куполѣ Соф. соб. въ Новгородѣ. Фот. съ пам.

136

137

136. Фреска Спаса Нередицы—Кн. Ярославъ Владимировичъ, подносящій модель сооруженнаго имъ храма Христу. Фот. съ пам. 137. Фреска — Крещеніе въ Спасѣ Нередицѣ. Фот. съ пам.

138. Фреска Спаса Нередицы—Петръ Александрійскій. Фот. съ пам. 139. Фреска Богоматери изъ Старой Ладоги. Фот. съ пам. 140. Фреска—св. Николай—изъ Старой Ладоги. Фот. съ пам.

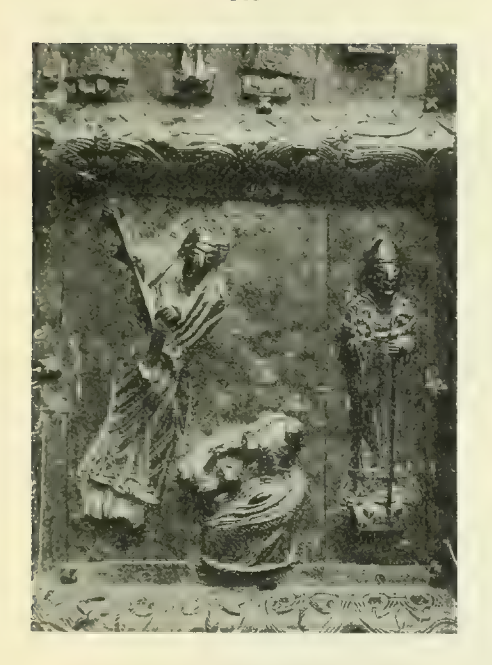
141

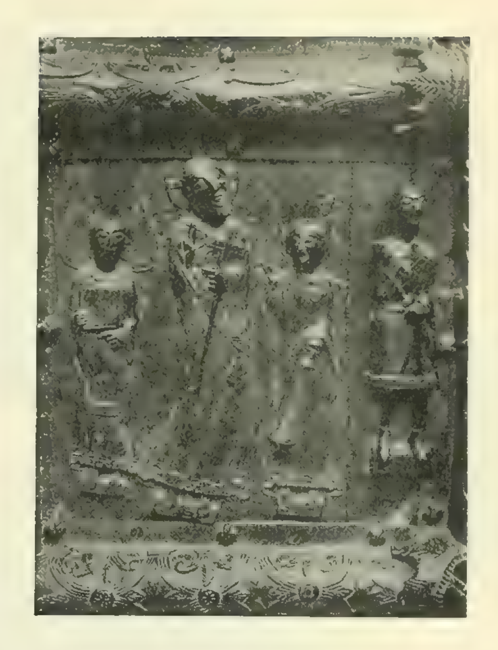
142

141. Фреска — Спаса-Нередица. Три святителя — изъ композиціи Страшнаго суда. Фот. съ пам. 142. Сигтунскія врата Софійскаго собора въ Новгородѣ. Фот. съ пам.

143

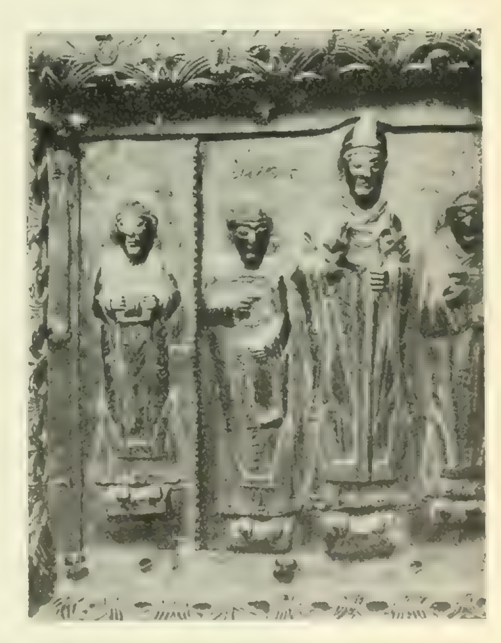
144

145

146

143. Деталь Корсунскихъ вратъ — Сошествіе въ адъ. Вихманъ, еп. Магдебургскій. Фот. съ пам. 144. Деталь Корсунскихъ вратъ. Фот. съ пам. 145. Деталь Корсунскихъ вратъ—Бичеваніе Христа. Фот. съ пам. 146. Деталь Корсунскихъ вратъ — еп. Александръ. Фот. съ пам.

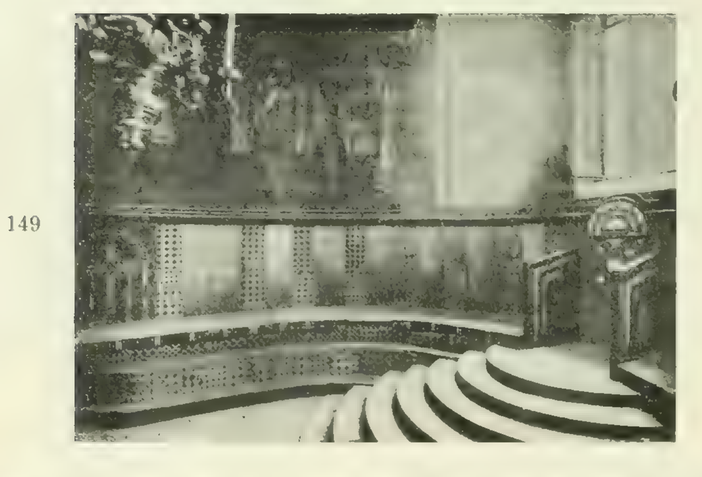
147

148

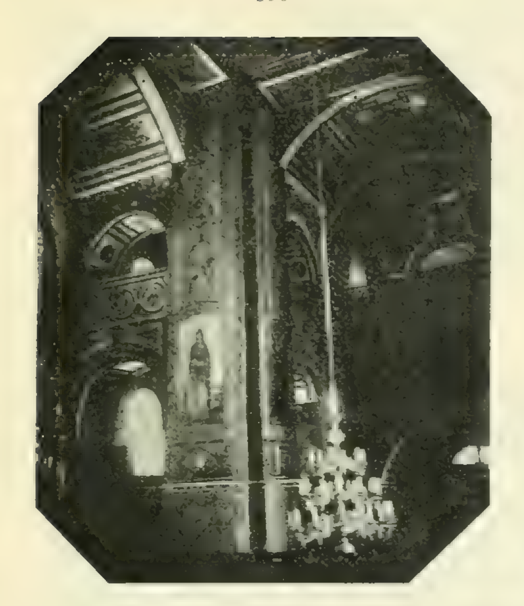

149

147. Гробница Ярослава въ Соф. соборѣ въ Кіевѣ. Фот. съ пам. 148. Саркофагъ Десятинной церкви въ Кіевѣ. Фот. съ пам. 149. Митрополичье мѣсто въ К. Соф. соборѣ. Фот. съ нат.

150

152]

151

153

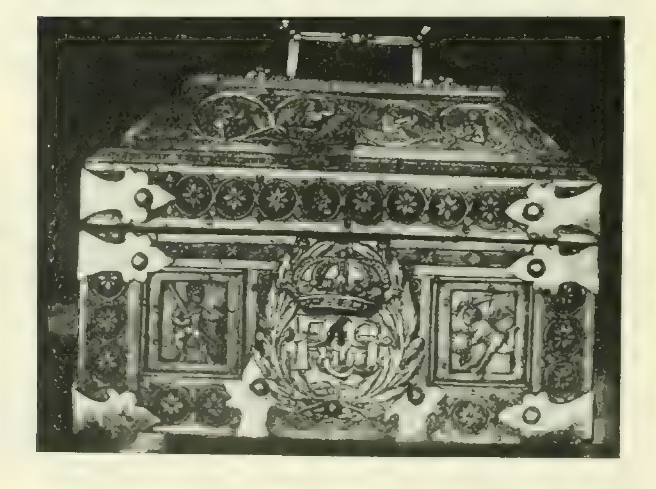
150. Внутренность Борисо-Глѣбскаго собора въ Черниговѣ. Фот. съ нат. 151. Барельефъ Кіево-Печ. лавры. съ изображенемъ Діониса, ѣдущаго въ колесницѣ, запряженной львомъ. Фот. съ пам. 152. Капитель романскаго стиля Борисо-Глѣбскаго собора въ Черниговѣ. Фот. съ пам. 153. Рельефъ изъ церкви св. Петра въ Кіевѣ, вдѣланный въ стѣну Десятинной церкви. Фот. съ пам.

154

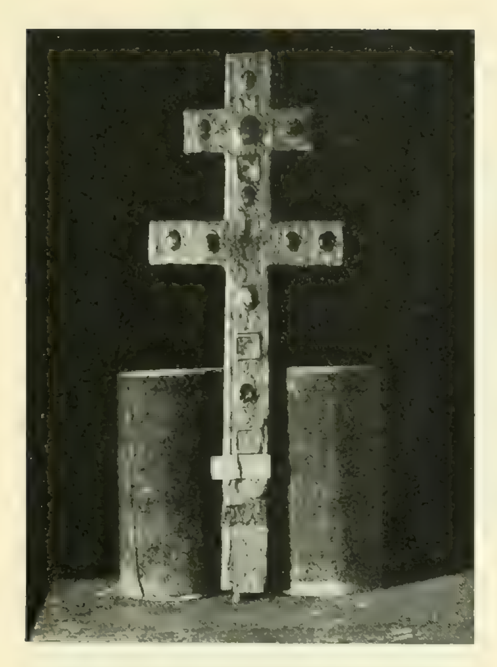
155

156

154. Рельефъ южнаго портала въ соборѣ Юрьева-Польскаго (Кондаковъ и Толстой, вып. VI). 155. Плитки изъ древняго Бѣлгородскаго храма. 156. Аворій (ларецъ) X-го вѣка Цареградскаго издѣлія изъ слоновой кости съ инкрустаціей и изображеніями изъ ризницы Новгородскаго Софійскаго собора. Фот. съ пам.

157

158

159

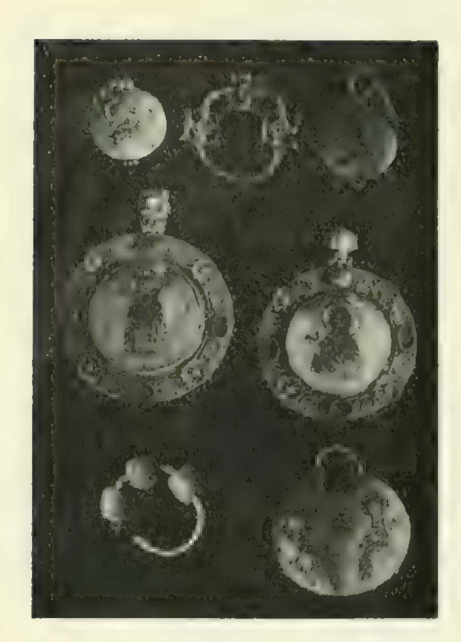

160

157. Запрестольный крестъ XII—XIII в. въ ризницѣ Соф. соб. въ Новгородѣ. Фот. съ пам. 158. Колоколъ, найд. въ Кіевѣ. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и иск. 159. Кіевскій крестъ XIII вѣка. Фот. съ пам. Кіев. муз. древн. и иск. 160. Змѣевики. Фот. съ пам. Имп. Эрм.

161

162

163

164

165

161. Предметы Кіевскаго клада, найд. въ 1880 г. на Б. Житомирской ул. Фот. съ нат. Имп. Эрмитажъ. 162. Бронзовый водолей XII в. Фот. съ пам. Муз. древн. и иск. Харьк. у-та. 163. Чара Владимира Давидовича Черниговскаго. Древности Рос. Гос. 164. Шапка Мономахова. 165. Золотая діадема Кіевскаго клада. Н. П. Кондаковъ Русскіе клады. СПБ. 1896.

166

168

167

169

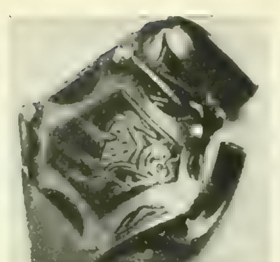

166. Матерія XII в. изъ одежды Андрея Богол. Прохоровъ «Мат. для исторіи рус. одеждъ», СПБ. вып. 1-й. 1881. 167. Формочки для отливки крестовъ и др. предметовъ. Фот. съ пам. Кіев. музей древн. и искусствъ. 168. Глиняный тигликъ для плавленія эмали. Фот. съ пам. Кіев. муз. древ. и иск. 169. Формочки для отливки крестовъ и украшеній. Фот. съ пам. Кіев. музей древн. и иск.

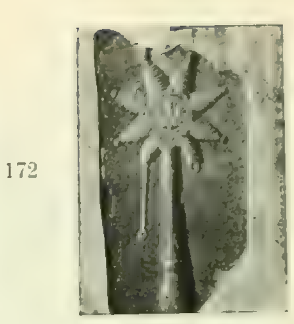
171

170

172

175

173

ПЛАНЪ

V

I

Н.

III

V.

b

a

IV.

170. Формочка для отливки украшеній. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 171. Формочка для отливки украшеній. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 172. Формочка для отливки украшеній. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 173. Формочка для отливки украшеній. Кіев. музей древн. и иск. 174. Анна, дочь Ярослава Мудр., жена фран. короля Генриха I. Портретъ ея на стѣнѣ церкви близъ Парижа. Кіев. стар. 1884 г. 7-я кн. 175. Планъ **мѣста раскопокъ Десятинной церкви въ Кіевѣ. В. В. Хвойко.**

176

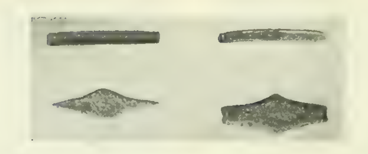
177

178

176. Святославово семейство. Выходная миньятюра Изборника Святослава 1073 г. 177. Князь Ярополкъ и его семья передъ ап. Петромъ (Кондаковъ. Изображенія рус. княж. семьи въ миніатюрахъ XI в. СПБ. 1906). 178. Развалины древняго храма св. Василія (XII в.) въ г. Овругѣ Волынской губ. реставрированнаго въ 1908 г. А. В. Щусевымъ.

179

Рисунки къ 15-й главѣ

(Палеографическіе снимки съ рукописей до пол. XIII в.).

180

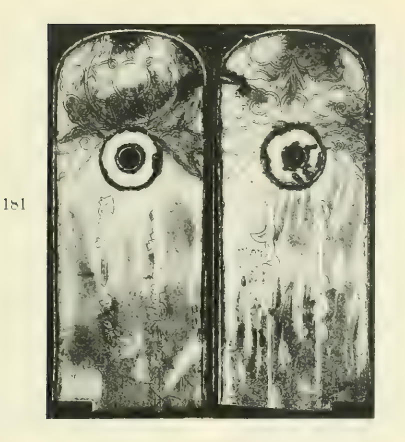

179. Серебряныя гривны областнаго періода – двѣ Новгородскія, Черниговская и Кіевская. 180. Палеографическіе снимки съ рукописей: 1. Тмутараканскій камень съ надписью 1063 г. (фот. съ натуры—Эрмитажъ). 2. Остромирово Евангеліе 1056—7 г. Изд. А. Востокова. СПБ. 1843, 3. Сборникъ Святослава 1073 г., л. 51 (проф. Карскій, Очеркъ славянск. Кириллов. палеографіи. Варшава 1901). 5. Мстиславова грамота Юрьевскому монастырю 1130 г. (И. И. Срезневскій. Древн. памят. рус. письма и яз. СПБ. 1863). 6. Надпись въ Нередицкой церкви близъ Новгорода, до 1200 г. (тамъ же). 7. Договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г. (Палеограф. снимки съ рус. грамотъ, подъ ред. А. И. Соболевскаго и С. А. Пташицкаго. СПБ. 1903).

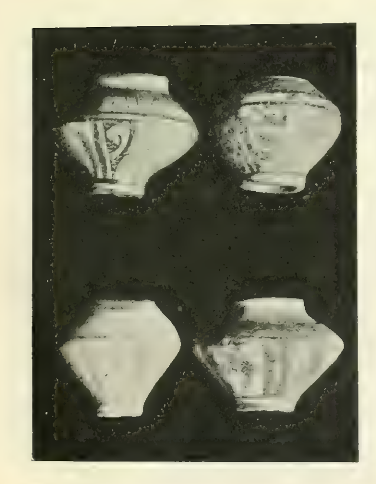
Рисунки къ 18-й главѣ

(памятники татарскіе).

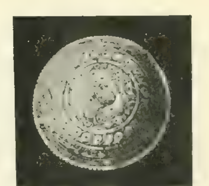
181

182

183

184

181. Паидзе — знаки власти татарскихъ чиновниковъ. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 182. Татарскіе сосуды изъ развалинъ Сарая. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 183. Татарскій сосудъ изъ развалинъ Сарая. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ. 184. Татарскій кувшинъ изъ развалинъ Сарая. Фот. съ пам. Имп. Эрмитажъ.

185

186

Рисунки къ 21-й главѣ

(памятники удѣльной Руси).

187

185. Мечеть Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ, построенная Тамерланомъ въ честь его жены-благотворительницы. 186. Гуръ-Эмиръ—мавзолей Тамерлана въ Самаркандѣ. 187. Церковь Өеодора Стратилата въ Новгородѣ. Фот. съ нат.

188

189

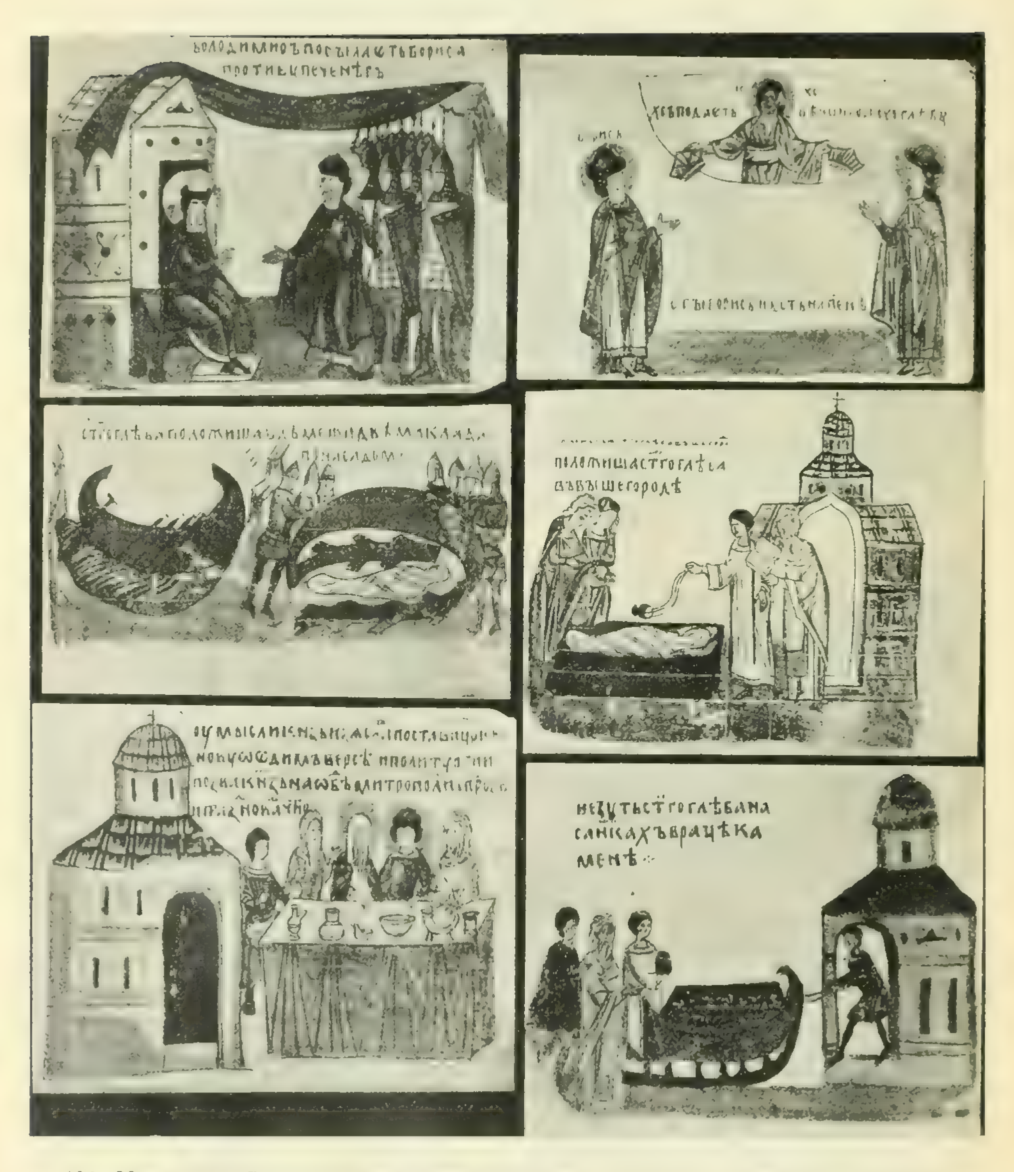

190

188. Звонница Новгородскаго Софійскаго собора. Фот. съ нат. 189. Волотово. Фреска — Алексій, архіеп. Новгородскій. Фот. съ пам. 190. Волотово. Фреска - Моисей, архіеп. Новгородскій. Фот. съ пам.

191

191. Миньятюры Сильвестровскаго житія Бориса и Глѣба: 1) Владимиръ посылаетъ Бориса на Печенѣговъ, 2) изображеніе Бориса и Глѣба; 3) похороны Глѣба между двумя колодами; 4) положеніе тѣла св. Глѣба въ Вышгородѣ; 5) Обѣдъ кн. Изяслава съ митрополитомъ; 6) везутъ тѣло св. Глѣба на санкахъ къ каменной ракѣ. (Д. В. Айналовъ. Миньятюры сказанія, СПБ. 1911.)

192

193

194

192. Шлемъ св. Александра Невскаго. Древн. Рос. Гос. 193. Рогатина кн. Бориса Александровича Тверскаго. Прохоровъ. Матер. по исторіи рус. одеждъ. СПБ., 1883 г., 2-й вып. 194. Крестъ на стѣнкѣ въ крѣп. Изборскѣ. Фот. съ нат.

195

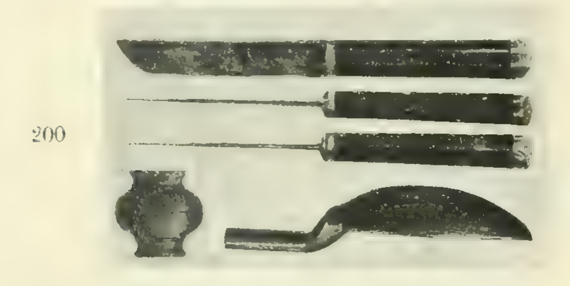
196 197

198 199

Рисунки къ 22-й главѣ

(памятники монастырской жизни и палеографическіе снимки удѣльнаго періода).

200

195. Молящіеся Новгородцы на иконѣ. Новицкій. Исторія рус. иск. Т. І-й. М. 1903. 196. Деньга Димитрія Донского. 197. Московская деньга Василія І-го. 198. Ростовская деньга XIV в., 199. Тверской пулъ XV в. (Кондаковъ и Толстой. Русскія древности). VI. 200. Предметы домашней обстановки св. Сергія Радонежскаго. Древн. Рос. Гос.

8.

9. Въ цр҇тво Костантина · ни
201 дни мтрнего · въ · не · лѣ

10.

11. Игуменъ силивестръ ст҇аmи
хаила · написа книгы си

12.

202

201. Палеографическіе снимки съ рукописей: 8. Грамота вел. кн. Александра Невскаго и сына его Дмитрія о мирѣ между Новгородомъ и Нѣмцами, 1262—3 г. (Палеограф. снимки съ рус. грамотъ, под. ред. А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго. СПБ. 1903 г.). 9. Рязанская кормчая 1284 г., л. 6. (Проф. Карскій. Очеркъ слав. Кирил. палеографіи, Варшава 1901 г.) 10. Духовная вел. кн. Симеона Гордаго, 1353 г. (Палеогр. снимки съ рус. грам.). 11. Лаврентьевскій списокъ лѣтописи 1377 г. (Проф. Карскій. Очеркъ слав. Кир. палеогр.). 12. Духовная (третья) вел. кн. Василія Дмитріевича, около 1424 г. (Палеограф. снимки съ рус. грамотъ). 202. Изображеніе вел. князя Московскаго Василія I-го и его супруги Софьи Витовтовны на Саккосѣ митрополита Фотія. Снигеревъ. Памятники Моск. древности. М. 1842—1845.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 12 13 03 017 4